

Е. Н. НОСОВ, В. М. ГОРЮНОВА, А. В. ПЛОХОВ

ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ И ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИИЛЬМЕНЬЯ

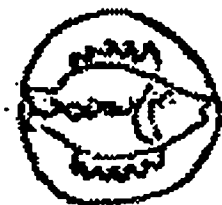
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТРУДЫ. ТОМ XVIII

Е. Н. НОСОВ, В. М. ГОРЮНОВА, А. В. ПЛОХОВ

ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ И ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИИЛЬМЕНЬЯ

(Новые материалы и исследования)

ДБ

Санкт-Петербург
2005

Рюриково городище в отечественной историографии XIX–XX вв. всегда выступало как выдающийся памятник в истории России. Оно известно, прежде всего, как древнейший военно-административный и торгово-ремесленный центр Приильменья кануна образования Древнерусского государства, а затем – как резиденция новгородских князей. Монография посвящена полной публикации материалов раскопок Рюрикова городища 1984–1989 гг. На базе всестороннего изучения и систематизации материала предложен анализ строений древнерусского времени, входивших в комплекс построек княжеского двора. В книге рассматривается лепная и раннегончарная керамика из раскопок разных лет как наиболее массовая категория археологических источников. Приведено ее сравнение с керамикой Новгорода, Пскова и Старой Ладogi, привлечены аналогии западнославянской посуды. Анализу общего процесса становления городов на Руси посвящена первая глава книги. Публикуемые материалы поселений Ильменского Поозерья и верховьев Волхова позволяют представить процесс становления Новгорода в единстве с развитием поселений его округи.

Издание рассчитано на археологов и историков.

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проекты № 98–01–00314а, № 01–01–00–380а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 04–01–16173д*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Носов Е. Н.</i>	5
Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья. <i>Носов Е. Н.</i>	8
Исследования центральной части Городища в 1984–1989 гг. <i>Носов Е. Н., Плохов А. В.</i>	33
Керамический материал из заполнения комплексов «больших построек» (раскопы 1985–1988 гг.). <i>Горюнова В. М.</i> ...	67
Лепная керамика Рюрикова городища. <i>Плохов А. В.</i>	74
Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI вв. <i>Горюнова В. М.</i>	82
Новые раскопки поселений в Северном Приильменье. <i>Носов Е. Н., Плохов А. В.</i>	122
Литература	155
Список сокращений	170
Таблицы	171

ПРИЛОЖЕНИЯ

Печь из раскопок 1988 г. на Городище в контексте производства извести в Византии, Западной Европе и Древней Руси. <i>Липатов А. А.</i>	358
Пластина с изображением святых воинов из раскопок на Рюриковом городище. <i>Пескова А. А.</i>	394
Результаты количественного спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов и керамической глазури Рюрикова городища. <i>Анализ В. А. Галибина, комментарий А. Н. Егорькова</i>	400

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новгородское Городище, или Рюриково городище в отечественной историографии XIX–XX вв. всегда выступало как выдающийся памятник в истории России (рис. 1, табл. I). Прежде всего, оно известно как резиденция новгородских князей, с которой связаны имена многих политических деятелей Древней Руси, многие важные события национальной истории. Десятилетия продолжались споры о соотношении Городища с собственно Новгородом в период начального формирования столицы Северной Руси, высказывались различные предположения и гипотезы, ибо сами топонимы Городище и Новгород сразу наталкивали историков и краеведов на признание несомненной связи и одновременно на противопоставление этих мест в новгородской истории и городской топографии. Однако лаконичные свидетельства письменных источников и различные поздние легенды не могли дать четкого ответа на вопрос, как же все было на самом деле.

В 1901 г. на Городище были проведены первые археологические работы, имевшие целью, прежде всего, поиски вислых свинцовых печатей. Эпизодически исследования велись на поселении и в дальнейшем, но только в 1975 г. Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН (ранее ЛОИА АН СССР) началось планомерное исследование памятника (Носов 1990: 7–20). В этом году исполняется 30 лет систематическому изучению Городища. За последние десятилетия был накоплен огромный фактический материал о стратиграфии, планиграфии, хронологии и материальной культуре поселения. Удалось установить дендрохронологические даты начальных этапов существования памятника в истоке Волхова, выявить характер его оборонительных конструкций. В 2003 г. на Городище была обнаружена первая берестяная грамота, относящаяся к началу XII в.

В 1990 г. мной была издана монография, подводящая итоги исследования Рюрикова городища за 1975–1983 гг. и за предшествующий период. В предлагаемой книге опубликованы материалы раскопок Рюрикова городища в 1984–1989 гг. Это как бы завершает издание центрального раскопа поселения, то есть раскопа на самой вершине городищенского холма, наиболее близко расположенного к княжескому храму Благовещения и окружающему его древнему и современному кладбищам.

Во второй половине 1980-х гг. раскоп «подошел» к центру Городища, к самой вершине холма, которую можно было исследовать, исходя из современных возможностей (действующее кладбище). Как и следовало ожидать, здесь, к югу от княжеского храма, были

обнаружены углубленные основания крупных строений древнерусского времени, входившие в комплекс построек княжеского двора. Очень любопытным оказалось открытие печи для обжига известняка, датируемой временем сооружения храма Благовещения.

В книге представлены материалы не только раскопок указанных лет, но и дается анализ конкретных материалов, прежде всего, лепной и раннегончарной керамики как наиболее массовой категории источников. Проведено ее сравнение с керамикой Новгорода, Пскова и Старой Ладogi, привлечены аналоги западнославянской посуды. Возникновение и формирование Городища как одного из наиболее ранних военно-административных и торгово-ремесленных центров Северной Руси не могло быть осмыслено без анализа общего процесса становления городов на Руси на фоне дискуссий, существовавших и существующих в отечественной историографии. Этому анализу посвящена первая глава книги.

Начиная с середины 1970-х гг., наряду с постоянными исследованиями Рюрикова городища, экспедиция вела целенаправленные поиски и раскопки археологических памятников в Ильменском Поозерье и в верховьях Волхова (рис. 2). Основная их цель заключалась в том, чтобы представить процесс становления Новгорода в единстве с развитием поселений его округа конца I тыс. н. э., выявить облик древностей предшествующего времени и поселений, эпохи расцвета Новгорода. К настоящему времени в этом районе открыто около тридцати поселений, относящихся к периоду становления городского центра в истоке Волхова, а также выявлено 19 пунктов с синхронными им погребальными памятниками–сопками (Носов 1991: 5–37). Значительные раскопки были предприняты на четырех поселениях: трех в Поозерье – Васильевское 1, Георгий, Прость и одном в верховьях Волхова – Холопий городок. Кроме того, на селище Горошково проведена разведочная шурфовка. Эти материалы также публикуются в данной книге.

За большую помощь в работе в экспедиционных условиях хочу выразить особую благодарность Т. С. Дорофеевой, руководившей камеральной обработкой материала, и М. Ю. Данкову. Постоянную поддержку при проведении раскопок на Городище оказывали сотрудники Новгородской экспедиции МГУ и Института археологии РАН (начальник академик В. Л. Янин), Новгородского центра по организации археологических исследований (руководитель проф. А. С. Хорошев) и Новгородского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (директор Н. Н. Гринев).

Рис. 1. Городище с высоты птичьего полета. Вид с юго-запада (фото П. Г. Гайдукова)

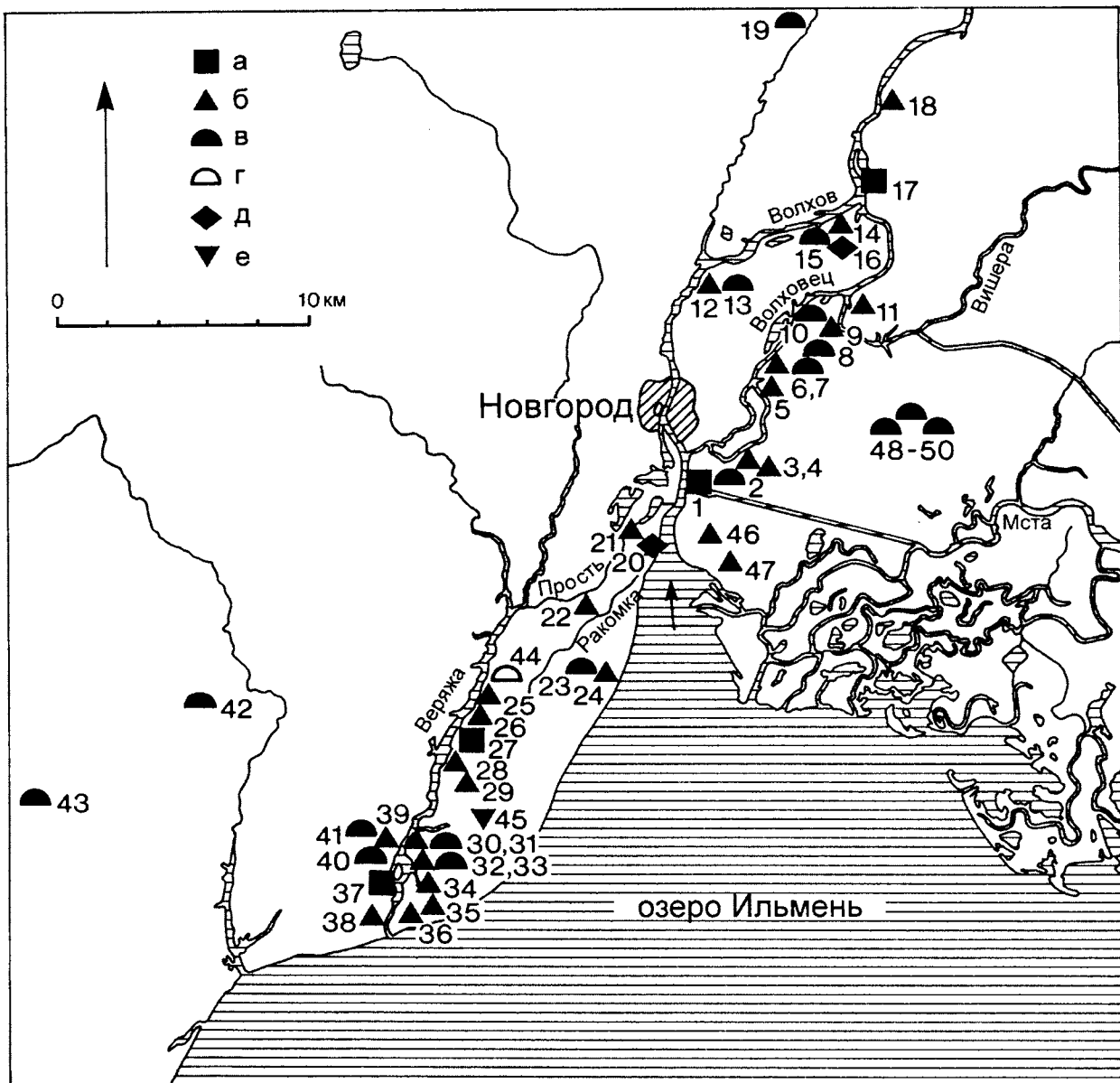

Рис. 2. Археологические памятники Ильменского Поозерья и истока Волхова конца I тыс. н. э.:

а – городища; б – селища; в – сопки; г – предполагаемые места расположения сопки; д – языческое святилище; е – культовый камень.

1 – Рюриково городище; 2 – Нередица; 3, 4 – Ситка; 5 – Слутка I; 6, 7 – Волотово; 8 – Ушерска; 9, 10 – Родионово; 11 – мыза Сперанского; 12, 13 – Деревяницы; 14–16 – Хутынь; 17 – Холопий городок; 18 – Слутка II; 19 – Водское; 20 – Перынь; 21 – Прость; 22 – Ракомо; 23, 24 – Береговые Морины; 25–27 – Георгий; 28, 29 – Васильевское; 30, 31 – Любоежа; 32, 33 – Горощково; 34 – Заболотье; 35, 36 – Еруново; 37, 38 – Сергово; 39–41 – Завал; 42 – Окатово; 43 – Базловка; 44 – Моисеевичи; 45 – Гвоздец; 46, 47 – Шиловка; 48–50 – Мшашка

НОВГОРОДСКОЕ ГОРОДИЩЕ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ПОВОЛХОВЬЯ

Вопросы происхождения, экономической сущности и социальной типологии древнерусских городов имеют принципиальное значение для понимания многих общих вопросов истории Древней Руси. Ее территория принадлежит к тем районам Европы, где не были известны ранние формы урбанизации, восходящие к античности, и где появление городов было обусловлено социально-экономическим развитием в среде местных племен в период становления раннефеодальных отношений и государственности. Рассмотрение указанных проблем основывается на анализе двух главных категорий источников: письменных и археологических. Первые достаточно хорошо известны, лаконичны, практически не пополняются, и их та или иная интерпретация во многом зависит от основной концепции исследователя, от его принадлежности определенной исторической школе, наконец, от эпохи, когда пишется сочинение, с ее общепринятыми установками и взглядами на мир. Вторые, то есть археологические источники, с постоянным накоплением новых данных приобретают все большее значение, хотя их информативные возможности часто объективно ограничены при переходе от наблюдений над материальной культурой к историческим обобщениям.

Ладога и Новгород – два городских центра в устье и в истоке одной реки, Волхова, важнейшей магистрали, соединявшей Балтику через Неву и Ладожское озеро с внутренними районами Восточной Европы, – находились всего лишь в 200 км друг от друга и были объединены и своим географическим расположением, и общими историческими судьбами, но при этом отражали разные стадии и характер формирования городских поселений Древней Руси. В какой-то степени оказалась общей и история их археологического изучения. Первые раскопки ладожского поселения на достаточно серьезной основе и в значительных масштабах были предприняты Н. И. Репниковым еще в 1909–1913 гг., то есть гораздо раньше, чем они начались в Новгороде (если, конечно, не считать практически не документированных шурфовок Н. Г. Богословского, В. С. Передольского, Н. К. Рериха и Н. Е. Макаренко в XIX – начале XX вв.). Но как основа для общих исторических заключений археологические материалы Ладоги и Новгорода по существу стали

входить в советскую историческую литературу практически параллельно в 1930–40-е гг., после раскопок в Новгороде А. В. Арциховского и сотрудников местного музея, а в Ладоге – В. И. Равдоникаса (материалы полевых исследований Н. И. Репникова были изданы лишь в 1948 г., через 8 лет после его смерти и через 35 лет после окончания самих работ). Однако нельзя всерьез заниматься вопросами сравнения городов Поволховья, не определив общие подходы к решению вопросов становления городов как всей Северной Руси, так и городов на обширных пространствах Древнерусского государства. Нынешние дискуссии в отечественной историко-археологической литературе о путях возникновения древнерусского города и его социально-экономического облика берут свое начало в работах отечественных историков конца 1920–1930-х гг. Это был период активного внедрения в советскую историческую науку идей марксизма, предполагавших примат социально-экономической обусловленности всей эволюции общественных структур, введения всепоглощающих понятий классовой борьбы и общественно-экономических формаций как обязательных «стадий» развития общества. Экономический детерминизм и национальное своеобразие были положены во главу угла исторических концепций. «Смена ориентиров», проводившаяся порой весьма прямолинейно, шла при резком отрицании наследия предшествующей историографии, в первую очередь в лице В. О. Ключевского.

В трудах последнего воплотились лучшие достижения отечественной исторической мысли последней четверти XIX – начала XX вв., основанные на идеях либеральной историографии. «Ключевский наложил отпечаток на всю новейшую историографию, – писал М. Н. Покровский, ученик историка, в дальнейшем решительно с ним порвавший в связи с полным переходом на позиции марксизма, – вы везде встретите осколки этого влияния. Имея ключ к шифру Ключевского, вы имеете ключ ко всей русской историографии...» (Покровский 1967: 343). В 1925 г. С. В. Юшков подчеркивал, что «русской исторической науке невозможно отойти от схем, выработанных В. О. Ключевским» (Юшков 1925: 6, 9). В рамках своей концепции русской истории В. О. Ключевский создал целостную картину становления го-

рода (Ключевский 1956: 127, 128, 148–150; 1994: 20–38). Как отмечали некоторые исследователи, город в построениях историка приобрел «системосозидающее значение» (Фроянов, Дворниченко 1988: 10). В. О. Ключевский тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривал их генезис, как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего, восточную, имея в виду выходы славян к черноморскому, азовскому и каспийскому рынкам. Большое значение историк вслед за С. М. Соловьевым придавал природно-географической обусловленности славянского расселения, в том числе роли речных систем (Носов 1999: 157–170).

Историю Руси исследователь начинал с VI в., когда о славянских племенных союзах в районе Карпат можно уже говорить достаточно определенно. Аварское нашествие вызвало передвижение славян в восточном и северо-восточном направлении, и в VII–VIII вв. мы застаем славянское общество на стадии разложения племенных и родовых союзов. На новых местах, занятых в процессе колонизации, славяне селятся отдельными дворами, прежние связи распадаются, родство заменяется соседством, начинает формироваться «новое сцепление», обусловленное уже экономическим интересом, движущей силой которого была внешняя торговля с Востоком. Торговля стягивала одиночные дворы в сельские торговые средоточия (погосты), потом в большие торговые города с тянущимися к ним областями. Эти города возникали в VIII в. как сборные места торговли, пункты склада и отправления русского вывоза, они были посредниками между городскими округами и приморскими рынками. В IX в. города окружаются укреплениями, в них сосредотачивается военная сила общества, одной из основных целей которой была охрана торговых путей, спланиваются тянущиеся к городам территории. «Вооруженный торговый город, – полагал В. О. Ключевский, – стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства» (Ключевский 1994: 23). В одно время с превращением уже существующих городов в политические центры, а прилегающих к ним областей – в государственные территории, на торговых путях Восточной Европы появились норманны. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем приток заморских выходцев усиливается. Варяги активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси, которые В. О. Ключевский называл «военно-торговой аристократией». Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тянущей к нему областью получал характер варяжского владения.

Нельзя не признать за построениями В. О. Ключевского четкости и последовательности. Однако, как верно заметил А. Е. Пресняков, сделав ряд критических оценок взглядов В. О. Ключевского, последний предложил «только схему» и «очевидно, и сам придавал своему построению значение не исторической, а логической схемы», не пытаясь согласовать свои заключения с целым рядом конкретных исторических фактов, противоречащих ей и порой весьма серьезных (Пресняков 1993: 307, 308). Тем не менее появление сформулированных взглядов В. О. Ключевского на историю города, получивших в литературе определение «торговой теории», – момент этапный в развитии русской историографии происхождения городов. То или иное отношение к построениям В. О. Ключевского в немалой степени определило в 1930-е гг. подход к дальнейшей разработке истории русского города.

В 1920 – начале 1930-х гг. Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, положившие начало в марксистской исторической литературе изучению истории древнерусских городов, главным образом, в рамках хозяйственной интерпретации общественных явлений, продолжали считать основной функцией города как социально-экономического образования торговую, наследуя этим концепцию В. О. Ключевского (Обзор взглядов см.: Ширина 1970: 276). Затем, однако, как антитеза подхода В. О. Ключевского к вопросу о становлении городов в советской науке возобладали точка зрения о городе как составной части феодализма, как центре феодального производства и феодальных производственных отношений, порожденном потребностями сельского хозяйства и феодального землевладения. Все стало объясняться развитием аграрных общин, накоплением прибавочного продукта, возникновением городов как центров сельских округ, пунктов концентрации дани и размещения феодалов и т. д. Места дальней торговли, торгово-военным путям, иноземным влияниям как существенным факторам развития общества и первых городов при таких построениях не оставалось. Дежурные оговорки сути дела не меняли. В этой ситуации вполне естественно и роль варягов выводилась за скобки какого-либо их серьезного участия в формировании социально-экономической базы Древней Руси (Nosov 1998: 61–66; Носов 1999б: 151–163). Равным образом и значение географического фактора в истории страны, а он занимал немалое место в концепциях многих маститых отечественных исследователей последней трети XIX – первой четверти XX в., также замалчивалось (Барсов 1873; Любавский 1909; Кузнецов 1910; Середонин 1916; Спицын 1917). Обусловленность многих явлений особенностями природной среды уступила место социологическим объяснениям (Носов 1999а: 157–170).

Основные положения нового подхода были сформулированы С. В. Юшковым и развиты М. Н. Тихомировым. В близком направлении, но с некоторыми отличиями шло формирование взглядов Б. Д. Грекова. С. В. Юшков тесно увязывал становление городов с формированием их округ и развитием земледельческого хозяйства. Исследователь ввел понятие «племенного города», где концентрировались племенные власти, князь и его дружина, а поскольку такой город был центром всей территории, занятой племенем, то в нем как в наиболее населенном и лучше защищенном оседали скорее, чем где-либо, ремесленники и торговцы. По С. В. Юшкову, город – это, в первую очередь, феодальный центр, организующий примыкающие к нему волости, и только затем центр ремесленный и торговый (Юшков 1939: 23, 46, 47, 131–137, 172).

М. Н. Тихомиров в своей книге «Древнерусские города», вышедшей первым изданием в 1946 г., вторым – в 1956 г., продолжал разрабатывать эту же точку зрения (Тихомиров 1946; 1956; Tikhomirov 1959). Полемицируя с В. О. Ключевским, он полагал, что не наличие водных путей и торговли вызвало появление первых городов, эти факторы лишь способствовали выделению среди них наиболее крупных и богатых, а города возникали в наиболее густонаселенных сельскохозяйственных районах с развитым земледелием. Существование городов обуславливалось внутренними потребностями хозяйства Древней Руси, для которого было необходимо выделение ремесла, обслуживавшего ближайшую округу. Эта потребность и была важнейшей движущей силой становления городов. По мнению М. Н. Тихомирова, ядрами формирующихся городов были укрепленные княжеские детинцы, выраставшие из славянских городков, которые являлись центрами округов и племенных образований, а при этом торгово-ремесленные функции городов, обусловленные потребностями сельского хозяйства, были вторичны.

Б. Д. Греков, так же как С. В. Юшков и М. Н. Тихомиров, рассматривал города, как неотъемлемую часть феодального строя, однако его позиция имеет определенные отличия (Греков 1949: 92–106). Б. Д. Греков решительно не согласился с С. В. Юшковым в вопросе о существовании на Руси «племенных городов». «Если в племени появились города, – писал он, – то это значит, что племена как такового уже не существует. Стало быть, и “племенных городов” как особого типа городов как будто быть не может». («Родоплеменной строй не знает городов в точном значении термина. Появление города обозначает разрушение родоплеменного строя»). Город, по мнению Б. Д. Грекова, «есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от зем-

леделия», а «возникновение древнейших городов на Руси находит свое объяснение, прежде всего, в развитии ремесла, сбыта ремесленной продукции и, конечно, международной торговли, которую отрицать у нас нет никаких оснований». Поселения, перераставшие в города, были разнообразны – это могли быть усадьба-замок, укрепленное убежище, крестьянское поселение, лежавшее на удобных путях и ставшее торжищем, крепость, но город «в смысле средоточия ремесел и торговли, какого бы происхождения он ни был» – «всегда есть результат общественного разделения труда и является поселением с преобладающим населением ремесленного и торгового характера». Итак, согласно Б. Д. Грекову, древнейшие русские города образовались не однолинейно в результате того, что феодальные центры притягивали под свои стены торгово-ремесленное население, а более сложным, многовариантным путем перерастания разнотипных поселений, где сосредотачивались торговцы и ремесленники, в опорные пункты феодального властвования.

К концу 1940-х гг. в советской историографии сформировалось два основных подхода к объяснению становления русского города, сформулированные, с одной стороны, С. В. Юшковым и М. Н. Тихомировым, а с другой – Б. Д. Грековым. На десятилетия стало каноническим общее заключение М. Н. Тихомирова, постоянно цитировавшееся в работах по истории Киевской Руси: «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма – в области общественных отношений» (Тихомиров 1956: 64). Взгляды В. О. Ключевского воспринимались критически. Его упрекали в недооценке экономического развития Древней Руси, прежде всего, развития земледелия и ремесла и придании чрезмерного и все определяющего значения внешней торговле, что способствовало преувеличению роли варягов в русской истории. В рецензии 1958 г. М. Н. Тихомирова на выход первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского, которую М. В. Нечкина назвала самой «резкой» в отечественной историографии оценкой творчества историка (Нечкина 1974: 47), утверждалось, что ученики В. О. Ключевского «... в своей практической работе давно уже порвали с основными положениями, выдвинутыми в его трудах» (Тихомиров 1958: 154). П. П. Толочко в монографии о городах 1989 г. заключил, что «рассматривать торговлю в отрыве от сельского хозяйства и ремесла, к тому же отдавать ей приоритет в становлении древнерусского города, значит сознательно предавать забвению достижения в этой области марксистской мысли» (Толочко 1989а: 12).

Иной оказалась судьба построений В. О. Ключевского в трудах западных исследователей Древней

Руси и русских историков-эмигрантов. В их лице выводы В. О. Ключевского нашли многочисленных и последовательных сторонников (библиографию вопроса и критику построений В. О. Ключевского см.: Хорошкевич 1962: 116 и др.; Шушарин 1962: 141–160). Это произошло, как писал М. Карпович в 1943 г., «в значительной степени благодаря экономической интерпретации, благодаря подчеркиванию важности торговли и городских центров для Киевской Руси, благодаря указанию на важность колонизации для более позднего времени...» (Karпович 1943: 33).

Однако западные исследователи отнюдь не слепо повторяли построения В. О. Ключевского, которые с течением десятилетий все дальше уходили в прошлое, а стремились вычленив в них наиболее сильные положения. Г. В. Вернадский в монографии, впервые опубликованной в 1948 г., писал, что в русской экономической жизни не менее значимым фактором, чем сельское хозяйство, была торговля, и в особенности внешняя, и «в этом отношении многие из блестящих обобщений Ключевского все еще твердо выдерживают недавно обрушивающуюся на них критику» (Вернадский 2000). Он, констатируя существование двух концепций в понимании развития Киевской Руси, – «традиционной» В. О. Ключевского и «революционной» Б. Д. Грекова, – решительно не согласился с В. О. Ключевским в оценке уровня развития сельского хозяйства, но вслед за ним не сомневался в огромной роли внешней торговли в экономике страны. «В противоположность Западу, – писал Г. В. Вернадский, – не феодальная усадьба, а город был доминирующим фактором в экономическом развитии...». По его мнению, развитого феодализма в западном понимании в Киевской Руси вообще не было, а был торговый капитализм, частично основанный на рабстве, а в политической организации общества наблюдалась комбинация города-государства и княжеской административной системы (Verнадsky 1976: 8, 9, 99–102, 165–172, 196–202, 209–213).

Однако простая констатация факта признания на Западе построений В. О. Ключевского, в том числе его подхода к образованию первых городов, и непризнания их в СССР была бы несомненным упрощением. Отсутствие прямых сносок на общие взгляды нашего известного историка отнюдь не означает, что они не оказывали длительного и постоянного влияния на отечественную историографию советского времени. Далеко не все, о чем говорилось и думалось в научных кругах, обрело свое выражение в прямом виде в «печатном варианте». Остановившись на этом, можно обратить внимание на общий подход к оценке древнерусского периода отечественной истории нашего крупного археолога и историка М. И. Артамонова, долгие годы занимавшего ведущие админист-

ративные посты в исторической науке Ленинграда. Его взгляды с достаточной полнотой впервые были изложены в работе 1935 г., но в своей основе он принес их через всю жизнь вплоть до начала 1980-х гг. (Носов 1998: 43–50). Тогда М. И. Артамонов прямо отмечал, что города являлись центрами торгового обращения и ремесленного производства. «Проблема торговли в Древней Руси, – писал он, – в результате реакции против прежней переоценки ее роли стала недооцениваться. Некоторые ударились в противоположную крайность...». «Влияние торговли на темпы и охват процессов феодализации было весьма значительным. Торговое значение древних городов несомненно. Именно в городах обосновались торгово-военные дружины, вооруженной рукой собиравшие местное сырье и осуществлявшие доставку его на иноземные рынки взамен серебра, оружия, украшений, тканей и других предметов роскоши». «Значение внешней торговли хорошо представлено предметами и монетами иноземного происхождения...» (Артамонов 1935: 275, 283).

Особую роль при этом М. И. Артамонов отдавал торгово-военным дружинам. В составе дружин были и «норманны», особенно в северо-западной части Восточной Европы. Но наряду с норманнскими были и туземные и смешанные дружины. Они возникли вокруг богатых и знатных вождей. Новый слой общества «сформировался вместе с городом – средоточием военно-торговой, рабовладельческой прослойки, постепенно превратившей даннические отношения окружающего земледельческого населения в феодальную, основанную на землевладении и отработочной ренте зависимость» (Артамонов 1935: 275, 283).

Во всех этих рассуждениях М. И. Артамонова о древнерусском городе, о внешней торговле, о торгово-военных славянских и скандинавских дружинах явно проступают черты «вооруженного-торгового города» В. О. Ключевского, города, становящегося средоточием «военно-торговой аристократии», среди которой активную роль играли норманны, а местами, где пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, города, получавшего с тянущейся к нему областью характер варяжского владения.

Все последующие исследования советских историков средневекового периода, обращавшиеся к вопросам становления древнерусских городов и государства – С. В. Юшкова, Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, как и многочисленных их последователей, не поколебали основу взглядов М. И. Артамонова, о чем мы можем судить по его работе, законченной в самом начале 1970-х гг. В этой статье общий взгляд автора на проблему образования древнерусского государства выкристаллизовывается еще более отчетливо.

В нарисованной М. И. Артамоновым картине славянского расселения – завоеваний, грабежей и торговли, взаимодействия и столкновения славянских и варяжских дружин, формирования разнородной по составу Руси как «военно-торгового сословия» в представлениях арабов и византийцев, появления торгово-военных центров, предшествовавших Смоленску, Чернигову, Ярославлю, – нет места для возникновения городов как племенных славянских образований, вырвавшихся на базе развивающихся и крепнувших сельскохозяйственных округ, что преимущественно утверждалось в советской историографии (Артамонов 1990: 282–286). Здесь видна Русь «Днепровская, городская, торговая» построений В. О. Ключевского и выделенного им первого периода русской истории (Ключевский 1956: 33).

Идеи, выдвинутые С. В. Юшковым, М. Н. Тихомировым и Б. Д. Грековым, о происхождении русских городов продолжали определять основные направления изучения этой проблемы долгие годы после публикации их основных трудов. В 1980-е гг. в целом ряде работ к рассмотрению вопросов становления городов обратился А. В. Куза. Сочтя удачным определение города, данное О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном на одной из научных конференций для средневековых городов Ближнего Востока («населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта»), он дал следующее определение древнерусского города – «постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта». По мнению А. В. Кузы, «у истоков возникновения городов стояли феодалы», но поскольку «завершить этот процесс без купцов и ремесленников они не могли», то поэтому «одновременно с феодалами или вскоре вслед за ними в зарождающихся городах появляются купцы и ремесленники» (Куза 1984: 9, 10 и др; 1983: 4–36; 1989: 142–162). А. В. Куза намечал четыре основных варианта образования древнерусских городов: 1) из племенных или межплеменных центров; 2) из укрепленного стана, погоста или центра волости; 3) из порубежной крепости; 4) единовременное строительство города. При этом он считал, что торговые и ремесленные поселения не играли никакой роли в становлении городов в ранний период (Куза 1989: 16). Построения А. В. Кузы полностью в своей основе повторяют путь решения вопроса о происхождении древнерусских городов, предложенный С. В. Юшковым и М. Н. Тихомировым.

Эту же линию историографии продолжает П. П. Толочко, настойчиво проводя мысль, что древнейший русский город был «в основе своей аграр-

ным, рождением и развитием целиком обязанным сельскохозяйственной округе». Автор подчеркивает «естественную связь» между возникновением города и развитием земледелия, соглашается с С. В. Юшковым в определении города, прежде всего как феодального центра для волости или совокупности волостей, сборного пункта для военных сил данной округи, административно-финансового центра и настаивает на «незыблемости» известного определения М. Н. Тихомировым древнерусских городов (Толочко 1989а: 12, 39 и др.).

По мнению П. П. Толочко, древнейшие восточнославянские города формируются преимущественно на базе «племенных градов» третьей четверти I тыс. н. э. («эмбрионов города», по определению П. Н. Третьякова). Появление последних «относится не к первобытнообщинной эпохе», а уже «к переходному этапу», характеризовавшемуся «рождением сословно-классовых отношений». Сложение древнейших восточнославянских городов происходит одновременно с формированием государственности в конце VIII–IX вв. Этот этап определялся «феодальной формационной системой». Такие города «не были, по преимуществу, центрами ремесла и торговли; их экономическое развитие основывалось на сельскохозяйственном производстве округи. Отсюда осуществлялось ее феодальное освоение...». Ведущие функции древнейших городов – политическая и военная, а концентрация здесь феодализирующей знати обусловила превращение городов в административные центры. К числу изначальных функций городов относится и культовая. Главной организующей силой в начальный период являлась политическая власть. Феодализирующаяся элита начала строить «крепости-замки», которые становились детинцами городов, под стенами которых «концентрировалось» ремесло и торговля, а за стенами складывалась военная дружина (Толочко 1989а: 8, 9, 33–34, 38, 47–48). В одной из последних работ по данной теме П. П. Толочко, рассматривая пути становления древнерусских городов, настойчиво подчеркивает их роль как центров феодального властвования и форпостов в феодальном освоении страны (Толочко 1997: 11 и сл.).

Идеи Б. Д. Грекова, которые, как я попытался показать, несколько отличались от подхода С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова, наследуют те исследователи, которые допускают многообразие путей становления городов и превращения их в центры феодального властвования при эволюции из поселений различных типов (в том числе торгово-ремесленных поселков). Среди ученых, придерживающихся подобных взглядов, можно назвать Н. Н. Воронина, В. В. Карлова, Д. А. Авдусина, Б. А. Рыбакова (Воронин 1951: 9–11; Карлов 1976: 37 и др.; Авдусин 1980: 24–42; Рыбаков 1982: 94).

Своеобразную концепцию становления русского города предложил В. В. Седов (Седов 1987: 12–31). Он считает доказанным по археологическим материалам положение о том, что единого пути образования городов на Руси не было. Автор наметил несколько периодов в общем процессе градообразования. По его мнению, в VII–VIII вв. во многих областях восточнославянского мира среди массы земледельческих поселков появились селения, где работали ремесленники-профессионалы. Со временем такие поселения становились также торговыми центрами, и их лучше всего именовать протогородами.

Следующий период в истории русского градообразования, по В. В. Седову – появление раннефеодальных городов в IX в. Далеко не все протогородские центры, согласно автору, перерастали в города, а лишь те из них, которые наряду с ремесленно-торговыми функциями имели также административные (политические, военные, культовые). Под административными центрами В. В. Седов понимал центры племенные. Он допускал, что «какую-то роль в эволюции протогородских поселений в городах играла международная торговля», но не считал ее влияние решающим на процесс градообразования.

В 1989 г. В. В. Седов попытался взглянуть на происхождение русского города в контексте общеевропейского процесса становления городов (Седов 1989: 6–55). Он отмечал, что в VII–VIII вв. к востоку и к северу от границ Римской империи, на землях германцев, славян, балтов появились «неаграрные» торгово-ремесленные поселения (в литературе их называют по-разному: протогорода, эмбрионы городов или нуклеи, вики, прибрежные торговые фактории). Эти поселения возникали, прежде всего, в регионах концентрации сельского населения, а среди их жителей главенствующую роль играли ремесленники-профессионалы и купцы. В. В. Седов указывал, что «начало некоторых протогородских поселений обусловлено развитием широких торговых связей».

В. В. Седов показал, что градообразование за границами территории Римской империи – процесс общий для огромных регионов Европы, подчиняющийся единым историческим закономерностям. Однако автор почти не обратил внимания на вопросы дифференциации «неаграрных» поселений, а поэтому характеристика процесса становления городов смазывается. Далеко не схожи были протогорода («неаграрные поселения»), даже если брать только восточнославянские земли (к примеру, Изборск, Гнездово или Ладогу). Кроме того, вопрос о том, что понимается на Руси под «племенным центром» (термин, которым В. В. Седов широко оперирует), а что – под «неаграрным» поселением с административными функциями, остался нечетко определенным.

В книге 1999 г. В. В. Седов изменил некоторые детали своих построений. По его мнению, начало процесса градообразования на Восточно-Европейской равнине определяется IX–X вв. Первые торгово-ремесленные поселения, то есть протогорода, появились в VIII в. Они стали центрами кристаллизации военно-дружинного и торгового сословий и пунктами становления ремесленного производства. Автор подчеркивает, что с момента основания города оказывались пестрыми в этническом отношении, но основу их населения составляли представители того племени, в ареале которого они возникли. При этом В. В. Седов не употреблял термины «племенные центры», феодализм и не акцентировал внимание на сельскохозяйственном окружении городов (Седов 1999).

В статье 2003 г. особенно очевидно проявилась заметная эклектика подхода В. В. Седова к вопросу о происхождении первых городов, вызванная приверженностью несколько модернизированным традиционным взглядам советской историографии, восходящим, прежде всего, к идеям Б. Д. Грекова, и попыткой совместить с ними новые конкретные археологические факты. С одной стороны, исследователь признает ремесло и торговлю как основу социально-экономического развития первых неаграрных поселений, существование которых было вызвано потребностями сельского округ, и необходимость наличия административно-политической власти в тех центрах, которые превращались в собственно города, возвращаясь к термину «племенной центр». С другой стороны, он прямо пишет, что «вообще не стоит ставить в зависимость становление первых городов Северной Руси от развития международной торговли и транзитных путей, связывавших Северную Европу с мусульманским Востоком и Византией. Торговые поселения, возникшие на Волго-Балтийской и Днепровской водной магистралях и обеспечивавшие при участии варяжских купцов международную торговлю – Тимерево, Гнездово, Шестовицы и др., – не стали городами» (Седов 2003:23–34).

Своеобразное понимание процесса возникновения городов на Руси было предложено в работах И. Я. Фроянова и его соавторов (Мавродин, Фроянов 1970: 7–15; Фроянов 1980: 216 и сл.; Фроянов, Дворниченко 1988: 22–40). Суть их позиции заключается в том, что образование первых городов на Руси связывается ими не с периодом становления феодализма и классового общества, а с поздним этапом родового строя. Именно тогда «организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной», в «насыщенной социальными связями среде происходит кристаллизация городов, являющихся сгустками этих связей». Этот момент фиксируется образованием крупных племен-

ных и межплеменных объединений – летописных полян, древлян, северян, словен, кривичей, полочан и др. Их существование обеспечивали племенные центры, то есть города. Они выступали, прежде всего, как военно-политические, административные и культурные (культовые) средоточия, в то время как их ремесленные и торговые функции не являлись определяющими и в литературе сильно преувеличены. Хронологически города – племенные центры – появились в IX–X вв. Они возникли на общинной основе и были порождены сельской стихией. Города не противостояли селу, а являлись ступенью в развитии сельских институтов и имели аграрный характер. Превращаясь в племенной центр, то есть в город, община принимала государственную форму, становясь городом-государством. И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко подчеркивали, что все социальные институты общества находились в единстве – там, где был князь, там собиралось и вече, там располагался сакральный центр и кладбище, туда стекалась дань; и только такой пункт и был племенным центром, то есть городом (Фроянов, Дворниченко 1988: 29). Многообразие типов раннегородских поселений, по мнению И. Я. Фроянова, выглядит искусственным, а рассуждения о «протогородах» и «иных предтечах городов» – надуманными (Фроянов 1992: 23; Фроянов, Михайлова 1999: 228–236). Исходя из подобной позиции, И. Я. Фроянов, обращаясь к конкретному материалу, на одном лишь Волхове насчитал, по крайней мере, четыре племенных центра словен, то есть, по логике рассуждения автора, четыре города – Новгород, Ладогу, городище Новые Дубовики и Холпий городок (Фроянов 1992: 38, 45 и др.).

Я воздержусь пока от оценки материалов по отдельным поселениям, а лишь подчеркну, что если сопоставить построения И. Я. Фроянова в отношении становления городов, с одной стороны, и построения П. П. Толочко как одного из современных продолжателей традиционной концепции – с другой, то, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, по важнейшим конкретным позициям они очень близки. И П. П. Толочко и И. Я. Фроянов признают связь (или тождество) племенного центра и города; оба принимают «монистический» путь образования древнейших городов; оба отстаивают их аграрный характер и равным образом утверждают, что главными функциями городов были функции управления (военно-политические, административные, культовые) при незначительной и вторичной роли ремесла и торговли. Соответственно, все сложение древнерусской государственности и П. П. Толочко, и И. Я. Фроянов объясняют, исходя из оценки внутреннего социально-экономического развития аграрного восточнославянского общества и марксистского учения о формациях. Корень разногласий, хотя авторы одно-

значно опираются на классиков марксизма, заключается в различном понимании времени формирования феодального общества на Руси. В преломлении к конкретной рассматриваемой проблеме они лишь по-разному смотрят на вопрос: являлся ли племенной центр – древнейший город – ячейкой феодального, классового общества или ячейкой позднеродового общества и общинного устройства?

Из всего этого следует, что, не коснувшись подходов к пониманию сути феодального общества, а соответственно, и всей социально-политической структуры Древней Руси в советской и современной отечественной исторической науке, невозможно в полной мере понять и все хитросплетения в разработке проблемы становления ранних восточнославянских городов, поскольку последняя не отделима от концептуальных построений. Так, П. П. Толочко прямо пишет, что «одной из важнейших движущих сил генезиса древнерусских городов являлся феодализм» (Толочко 1997: 11), но ведь есть и иные подходы. Наряду с этим в большинстве работ, специально посвященных разработке вопросов возникновения первых городов, понятие «феодализм» используется весьма широко, но без разъяснения того, что в него вкладывает тот или иной автор, и в данном случае это отнюдь не второстепенный вопрос.

Достаточно четко постепенное формирование различных позиций по проблеме о феодализме было показано И. Я. Фрояновым в его очерках отечественной историографии Киевской Руси (Фроянов 1990; 2001: 19–330). Огромный многоплановый фактический материал собран М. Б. Свердловым (Свердлов 1996). Из исследований более раннего периода, несомненно, следует выделить рассмотрение историографии вопроса о генезисе феодализма, сделанное Л. В. Черепниным (Черепнин 1972: 131–146). Все это позволяет мне сейчас лишь отметить некоторые ключевые моменты дискуссии и не касаться многих деталей в подходах десятков исследователей, как и аргументов сторонников становления феодализма в Киевской Руси на базе рабовладельческих отношений.

Главное «направление» в сложении феодализма на Руси в своей основе было сформулировано Б. Д. Грековым к концу 1930-х гг., хотя в его разработке участвовали многие исследователи. Его стержневая линия заключается в том, что генезис феодализма рассматривался в плане формирования крупной частной земельной собственности и зависимого от вотчинника крестьянства, то есть в стремлении трактовать вотчинный режим как феодальный, а главное – считать его основным признаком феодализма. Естественно, все это предполагало признание достаточно высокого уровня развития сельского хозяйства в Древней Руси. Как тонко было подмечено

Н. Е. Носовым, «если оставить в стороне общетеоретические опосредствования проблемы происхождения феодализма в России – они были в своей основе результатом коллективной мысли многих участников дискуссии (здесь следует назвать в первую очередь С. В. Юшкова, Н. Л. Рубинштейна, С. В. Вознесенского), а попытаться взглянуть на становление, так сказать, “грековской концепции” русского феодализма, то нетрудно увидеть, что Греков как бы переносит уже сложившиеся у него в 20-х гг. представления о вотчинном хозяйстве XV–XVII вв. как хозяйстве сеньориального типа (следовательно, феодальном), широко использующем крепостной или полукрепостной крестьянский труд, на более ранний период, как бы проецирует его на Киевскую Русь» (Носов 1983: 11, 12). В конечном итоге, по Б. Д. Грекову, генезис феодализма, понятый ретроспективно, глядя из русского позднего средневековья, уже завершился к рубежу VIII–IX вв. В силу занимаемого Б. Д. Грековым высокого административного положения в советской исторической науке его концепция получила официальный статус, и отход от нее воспринимался, чуть ли не как отход от марксизма.

Однако безоговорочно принять выводы Б. Д. Грекова при предложенной хронологии событий оказалось не так просто. Дело в том, что в конкретном историческом материале следы крупного вотчинного землевладения (княжеского, боярского, церковного) проступают реально лишь со второй половины XI–XII вв. Об этом постепенно сформировалось на редкость единодушное мнение большинства исследователей Киевской Руси. По существу возникла дилемма: либо признать, что если нет крупного землевладения (вотчин) в столь ранний период, а соответственно, нет и полностью зависимого от земледельческого собственника крестьянства, то нет и феодализма, и тем самым признать ошибочность позиции Б. Д. Грекова (во всяком случае, предложенных им хронологических рамок возникновения феодализма), либо искать какие-то дополнительные аргументы и объяснения.

Коренным образом скорректировать ставшую официальной точку зрения на социально-экономический характер Киевской Руси было почти невыполнимо в атмосфере конца 1940–1950-х гг., да и в реальной жизни научного сообщества в такой постановке данный вопрос и не возникал. Однако необходимость неких новых решений становилась все более актуальной. Они стали формулироваться Л. В. Черепниним в начале 1950-х гг., когда он, один из крупнейших советских исследователей истории средневековой России, стал склоняться к мысли, что если в источниках вплоть до второй половины XI–XII вв. нет свидетельств существования крупных вотчин на Руси, а без них нет и феодализма, то, значит, был «государственный феодализм». В таком случае князь высту-

пал как верховный собственник на землю, а вся территория государства являлась его вотчиной. Все собираемые поборы и дани, согласно данной концепции, есть ни что иное, как форма феодальной ренты. Пожалуй, первой работой, где мы встречаем более или менее определенно сформулированный такой подход Л. В. Черепнина, была его статья 1953 г. (Черепнин 1953: 38–64). В дальнейшем автор не раз четко излагал свою позицию (Черепнин 1972: 249–251; 1985: 327 и сл.). Концепция Б. Д. Грекова при подобном подходе получала все права на существование.

Представление о государственном феодализме стало господствующим в отечественной науке и во многом остается таковым и сейчас, несмотря на то, что целым рядом историков русского и западноевропейского средневековья указывались и слабые стороны приводимых доказательств. Аргументированной критике эту точку зрения, основываясь на обширном европейском материале, подверг А. Р. Корсунский в итоговой главе трехтомной «Истории крестьянства в Европе». «Те же положения, которые приводят в пользу своей точки зрения сторонники тезиса о верховной собственности государства на землю, не дают оснований говорить об исключительности древнерусского аграрного развития. Взгляд суверена на государство как на собственную вотчину, его раздел между сыновьями, передача отдельных территорий в кормление – явление, характерное и для стран Западной Европы, в частности для Франкского королевства, где... отсутствовала верховная собственность государства на землю. Вряд ли может служить доказательством существование таковой в Киевской Руси и практика дарений земли (вместе с обрабатывающими ее свободными общинниками) церквям. Такого рода пожалования имели место и в донорманнской Англии, и во Франкской империи, хотя верховная собственность государства на землю там отсутствовала. Эти пожалования генетически связаны с наличием у глав варварских политических образований возможности распоряжаться земельными пространствами, принадлежащими всему данному народу». А. Р. Корсунский, в частности, подчеркивал, что «формирующееся государство способствовало созданию предпосылок для феодализации, но еще не осуществляло феодальную эксплуатацию, хотя и в первоначальной форме. Неправоммерно утверждать, что феодальная эксплуатация крестьян государством предшествовала их эксплуатации частными феодальными собственниками, так же как неверно было бы доказывать, что происходило обратное». Исследователь подчеркивал, что взимание даней и податей с населения не имеет ничего общего с правом собственности на землю (Корсунский 1985: 435–436). Если следовать этим мыслям А. Р. Корсунского, основанным на широком европейском материале и помеща-

ющим наблюдения по Древней Руси в общеевропейский контекст, то ясно, что подход Л. В. Черепнина не устраняет основное противоречие построений Б. Д. Грекова в отношении раннего возникновения феодализма на Руси в том виде, как его рисует грековская школа. Древняя Русь не была чем-то особенным на европейском «континенте феодализма».

И. Я. Фроянов и его сторонники и соавторы, исследования которых стали появляться после хрущевской либерализации общественных наук, не найдя в древнерусских материалах крупных вотчин раннего времени, пошли по иному пути, нежели Л. В. Черепнин. По их мнению, феодализма на Руси в VIII–X вв. еще и не было, а поэтому этот период жизни страны следует рассматривать как поздний этап родового строя.

И здесь бы я хотел обратить специальное внимание на принципиальный момент сходства позиций И. В. Черепнина и И. Я. Фроянова, представляющих две доминирующие в отечественной науке в настоящее время позиции в понимании социально-экономической структуры древнерусского государства. В фундаменте обеих концепций лежит одна основа – принятие марксистского деления общества на формации и понимание феодализма, вслед за Б. Д. Грековым, в первую очередь, как экономической категории, а его формирования как результата развития аграрных обществ, их дифференциации, появления крупной земельной собственности (по Л. В. Черепнину в лице государства), появления зависимого от вотчинника крестьянства и образования городов как узлов новых общественно-экономических отношений. В наши дни, когда уже прошло время после организованной уничижительной критики построений И. Я. Фроянова, как откровение для оппонентов исследователя могут звучать его слова, что «принимаемый тезис о вотчинном землевладении как экономическом фундаменте, на котором возводилось феодальное здание, мы иначе определяем время образования феодализма в Киевской Руси, т. е. разделяем в теоретическом аспекте мнение Б. Д. Грекова, расходясь с ним в конкретной истории древнерусского общества» (Фроянов 2001: 327). Принципиальный момент – единство теоретического аспекта.

Эта общая основа в понимании феодализма и всего хода социально-экономического процесса развития общества и объясняет сходство в конкретных характеристиках древнерусских городов, которые видят в них и П. П. Толочко, и И. Я. Фроянов, выводящие города непосредственно из деревни. Различия в концепциях возникают тогда, когда сделанные фактические наблюдения помещаются в более общие рамки, в одном случае – феодальной формации и классового общества, в другом – первобытнообщинного строя, поскольку становление государственности

на Руси и формирование первых городов неразрывно увязаны с решением этих более крупных проблем.

Однако уже в 1960-е гг. в исторической литературе стали пробиваться совсем иные мысли и идеи. В конечном счете, они сводились к тому, что жесткая формационность в том виде, в котором она была внедрена в советскую историческую науку и в рамках которой строилась вся отечественная историография на протяжении десятилетий (а порой, к сожалению, и источниковедение), не соответствовали ни уровню исторической европейской науки, ни источниковедческим изысканиям. Это касалось отнюдь не только изучения русского феодализма, но и отечественного антиковедения, византиноведения и др. (Фролов 2000: 7–29; Медведев 2000: 30–47).

Свежим ветром повеяло от трудов А. Я. Гуревича. В его книге, изданной в форме учебного пособия в 1970 г. и посвященной памяти крупнейшего отечественного специалиста по средневековой истории Европы А. И. Неусыхина, допускалось изложение некоторых общих теоретических мыслей и было четко определено, что «феодализация заключалась, прежде всего, в смене одной системы социальных связей другой», и ее рассмотрение лежит не на традиционных путях, проторенных советской историографией, где «становление феодализма рассматривалось в первую очередь в аспекте вскрытия сдвигов в производительных силах, в отношении собственности и социально-экономическом положении непосредственных производителей» (Гуревич А. 1970: 5 и сл.). Становилось ясно, что феодализм не укладывается в строгие рамки марксистской формационности, как ее внедрили в отечественную историческую науку, даже если это делали «классики» отечественного источниковедения, такие как Б. Д. Греков или Л. В. Черепнин. Показательно, что «идеологами», если так можно сказать, новых взглядов оказались советские историки западноевропейского, а не отечественного феодального общества. Они невольно вращались в совсем ином кругу общих представлений и возможных решений.

А вот как трактовка вопросов феодализации на Руси и в неразрывной связи с ней становления государственности представляется в недавнем исследовании (1995) известного знатока скандинавских древностей Е. А. Мельниковой. Автор выступает против прямой и жесткой зависимости между такими явлениями, как формация, классовое общество, государство. Она задается вопросом, а «так ли необходимо обязательное отнесение ранних форм государства к определенной социально-экономической формации?». Опираясь на многочисленную западную литературу, Е. А. Мельникова обсуждает понятие «стратифицированное общество». «Выраженная социальная стратификация общества, однако, не носит еще

классового характера, она основывается по-прежнему на отношении к прибавочному продукту, а не к средствам производства». Представители экономической антропологии существенно изменили и расширили представления о месте торговли, особенно внешней, в экономическом и социальном развитии ранних обществ, переживающих переход от первобытнообщинного строя к государственному, «обмен и торговля в ранних обществах в первую очередь стимулирует их социальное, а не экономическое развитие, прежде всего социальную стратификацию». Итак, первостепенное значение социальной стратификации, внешней торговли, военных дружин – вот черты, которые Е. А. Мельникова отмечает для древнерусского общества. По ее мнению «переход от первобытного (эгалитарного) общества к стратифицированному, на позднем этапе – с государственным политическим устройством является длительным процессом и состоит из ряда этапов, социально-экономическая сущность которых неопределима в терминах формационной схемы» (Мельникова 1995: 16–31). Из всего этого следует, что формационность в том виде, как она обычно преломлялась в советской историографии отечественной истории, не является фактором столь обязательным, а это значит, что и многие явления древнерусского социально-экономического уклада могут трактоваться гораздо более широко и свободно. Суть не в том, феодальными или первобытнообщинными были структуры общества по своему терминологическому определению, а какими они были в реальной жизни. Прямым образом это касается и формирования древнейших городских поселений на Руси.

Тема влияния наследия В. О. Ключевского на развитие русской исторической и общественной мысли огромна и неисчерпаема. Ее историография насчитывает сотни серьезных исследований (Нечкина 1974). В то же время актуальность концептуальных взглядов В. О. Ключевского на историю России достаточно убедительно подтверждается уже самим фактом многократных современных переизданий его трудов и работ историков близких ему либеральных взглядов. Моей целью не является оценка наследия В. О. Ключевского в целом, я лишь хочу обратить внимание на некоторые из аспектов его исторических построений, связанных с пониманием природы древнейших русских городов, что позволяют сделать материалы современной археологии.

При разработке своей общей концепции истории Древней Руси В. О. Ключевский опирался на данные письменных источников. «Цеховая университетская наука, – как справедливо отметил М. И. Артамонов, – недоверчиво относилась к возможности расширения круга исторических источников путем привлечения вещественных остатков прошлого, так как

археология, оставаясь сферой деятельности дилетантов, еще находилась на стадии первоначального накопления материала и не могла внести реального вклада в конкретную историю русского народа» (Артамонов 1967: 29–30).

Коренной поворот к использованию данных археологии для исторических заключений, прежде всего, для оценки хозяйственной деятельности в Древней Руси, произошел лишь в 1930-е гг. и связан в первую очередь с именем Б. Д. Грекова. Столь пристальное внимание Б. Д. Грекова к данному вопросу, как я уже отмечал, было связано с разрабатываемой им концепцией феодализации Древней Руси и «необходимостью» найти в ней столь развитые формы аграрного развития, которые помогли бы отстаивать тезис о раннем зарождении вотчинного хозяйства, зависимого крестьянства и т. д.

Полноценные раскопки древнерусских городов во времена В. О. Ключевского вообще не проводились. Однако, начиная с 1930-х гг., особенно в послевоенное время, широкие исследования затронули многие древнейшие города Руси, поселения и погребальные памятники их округ. Трактовка накапливаемых археологических материалов шла в русле в первую очередь построений М. Н. Тихомирова в его выдержавшей два русских издания книги «Древнерусские города», где первопричиной возникновения городов называлось земледелие и формирование густонаселенных сельскохозяйственных районов. Это прекрасно видно при объяснении В. И. Равдоникасом, Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым и другими исследователями материалов раскопок Ладоги – древнейшего городского центра на севере Руси. А. Н. Кирпичников, на мой взгляд, удачно назвал подобный подход «теорией о крестьянской Ладоге VIII–IX вв.» (Кирпичников 1985: 5).

Однако привлечение данных археологии для подтверждения ряда общих исторических выводов оказывалось не столь простым. Постепенное накопление археологических материалов, с одной стороны, доказывало, что действительно именно земледелие и связанное с ним скотоводство были, несомненно, основными занятиями славян. С другой стороны, становилось ясно, что древнейшие города на территории Древней Руси отнюдь не обязательно вырастают исключительно как центры сельскохозяйственных округ и феодального властвования, истоки их процветания не обязательно определяются высоким уровнем местного экономического развития. Города в разных частях страны возникали на отличающейся основе, огромную роль играла внешняя торговля, и, наконец, образование некоторых городских центров происходило до сложения плотных сельскохозяйственных округ. Город формировал такую округу «для себя» и вокруг себя. Подобный путь не являлся

чем-то исключительным для Руси, а был характерен для возникновения городских поселений в регионе Балтики на скандинавских и западнославянских землях. Подобная «перестройка» в понимании основы древнейших городов основывалась на все пополняющихся новых археологических материалах и шла в русле переоценки понимания раннего феодализма и обязательной формационности отечественными историками. Естественно, новые идеи не без труда находили свое постепенное признание в историографии и не сразу выкристаллизовывались.

Начало новой линии в интерпретации археологического материала было положено небольшой статьей 1974 г. В. А. Булкина и Г. С. Лебедева «Гнездово и Бирка» (Булкин, Лебедев 1974: 11–17). Отмечая, что становление города представляет собой одно из проявлений процесса классообразования, завершающегося созданием государства, и что развитие этих взаимосвязанных явлений определяли как внутренние, так и внешние факторы, авторы подчеркнули, что среди последних важную роль играла международная торговля Руси IX–XI вв. Ее расцвет был обусловлен прогрессом производительных сил и распадом родовых отношений на громадной территории Восточной и Северной Европы, и вследствие этого Русь и Скандинавия включились в единую систему международной торговли. «В VIII–IX вв. на магистральных путях Северной и Восточной Европы, – писали В. А. Булкин и Г. С. Лебедев, – возникли поселения нового типа, служившие для реализации новых общественных функций».

Авторы перечислили ряд особенностей, отличающих торговые центры от средневековых городов: 1) колеблющийся состав населения; 2) временные формы социальной связи; 3) отсутствие укреплений, по крайней мере, на ранних этапах; 4) большие могильники у поселений с разнообразными вариантами обряда; 5) ограниченный период бытования: IX – начало XI вв. (во второй «половине X в. начинается упадок, а к середине XI в. торговые центры исчезают).

Некоторая непоследовательность и неточность ряда заключений, определенная декларативность выдвинутых тезисов не снижают значимости отстаиваемых в статье В. А. Булкина и Г. С. Лебедева взглядов. Во-первых, в ней впервые в советской историографии за многие годы было четко заявлено о значительной (а иногда даже определяющей) роли международной торговли в процессе становления первых городов, во-вторых, выделен на территории Восточной Европы особый тип торгово-ремесленных предгородских поселений, аналогичных по типу североевропейским викам, и, в-третьих, процесс становления городов на Руси, по крайней мере, располагавшихся на крупнейших международных пу-

тях, сопоставлен и увязан с аналогичным процессом в Скандинавии.

Эти же авторы вместе с И. В. Дубовым в 1978 г. более четко определили концепцию становления городов на Руси (Булкин, Лебедев, Дубов 1978: 138–140). Древнейшей формой предгородских поселений, по их мнению, были племенные центры VIII–IX вв., которые в IX–X вв. обрастали торгово-ремесленными посадами. Иным типом являлись возникавшие в VIII в. и, главным образом, в IX в. открытые торгово-ремесленные поселения, где сосредотачивалось многочисленное население, разноэтничное, связанное с дальней торговлей, военными походами, ремеслом. Такие поселения приобретали надплеменное значение и международный облик, и значительную роль в них играли дружины варягов. Интеграция прото- и раннегородских поселений завершилась к исходу X – началу XI вв., когда сформировалась единообразная структура города, состоявшая из княжеского детинца и ремесленно-торгового посада.

Постановка вопроса о том, что на Руси в VIII–X вв., как и в некоторых странах Балтики, существовал особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, контролю над важнейшими торговыми путями, развитому ремеслу, обслуживавшему новый социальный (военно-дружинный) слой общества, вполне естественно привлекла внимание в отечественной историографии. Закономерно встали вопросы о том, какое место занимают такие поселения в общем процессе градообразования на Руси, как совместить эти новые факты со ставшим уже традиционным пониманием генезиса городов как феодальных центров, вырвавшихся в результате роста земледельческих округ.

Признание пути становления города через торговые средоточия означало также частичную «реабилитацию» взглядов В. О. Ключевского, ведь «вооруженный торговый город» в построениях этого маститого русского историка – это ни что иное, как поселение типа вика, не связанное напрямую с племенными структурами и на новой основе стягивающее близлежащие территории. Однако современные археологические материалы находятся в русле основной концепции знаменитого историка относительно возникновения первых русских городов, характера колонизации лесной зоны Восточной Европы славянами и роли скандинавов в истории Руси. Конечно, следует говорить не о буквальном соответствии, а о преемственности главной мысли. Надо подчеркнуть, что речь ни в коей мере не идет и об искусственном притягивании построений В. О. Ключевского к объяснению археологического материала. Торгово-ремесленные центры, давшие основу городскому развитию, были открыты не только на территории Руси, но и в регио-

не Балтики, где археологи, писавшие о них и обсуждавшие их характер, уж никак не связывали свои наблюдения с именем русского историка начала века. В. А. Булкин и Г. С. Лебедев, впервые упомянувшие о торгово-ремесленном пути развития Гнездова, предшественника Смоленска, как одном из путей возникновения русского города, похоже, и не задумывались, куда ведут их выводы. Во всяком случае, упоминаний о В. О. Ключевском ни в данной работе, ни в их последующих исследованиях нет. Однако решительный критик подобных взглядов Д. А. Авдусин сразу заметил, что «рассуждения» о виках и открытых торгово-ремесленных поселениях – это не «исследование исторической закономерности возникновения древнерусских городов», а «приспособление к русским условиям построений западных археологов и почти неприкрытый норманизм». Эти построения «перекликаются с давно разбитой теорией “торговых городов”» В. О. Ключевского (Авдусин 1980: 37–42). Подчеркнув указанное сходство, Д. А. Авдусин, несомненно, был прав. В целом же его позиция и в отношении к взглядам В. О. Ключевского, и в отношении оценки новых археологических открытий находилась в «полном соответствии» с официальной исторической наукой своего времени.

Большинство авторов, однако, признали убедительным выделение торгово-ремесленных центров, как и необходимость сопоставления однопорядковых центров Балтийского региона и Восточной Европы, игравших значительную роль в международной торговле (Куза, Леонтьев, Пушкина 1982: 287; Алексеев 1977: 89 и др.; Алексеев 1980: 142–143; Кирпичников 1979: 98, 99 и др.). Очевидна связь предложенной В. А. Булкиным и Г. С. Лебедевым интерпретации материала с достижениями западноевропейских историков и археологов, доказавших возникновение в конце I тыс. н. э. в регионе Балтики особого типа поселений городского облика, важнейшей функцией которых было участие в международной торговле и обслуживании водных путей. Было бы упрощением трактовать данный подход, как простой перенос идей западноевропейских исследователей на русскую почву. Дело в том, что сама «почва» давала к тому серьезные основания – во время раскопок были накоплены интересные новые материалы по Ладоге, Гнездову, Шестовицам, Рюрикову городищу, Тимереву, соответствующие предлагаемой интерпретации. На первый план теперь вышел вопрос о том, какое место занимает становление восточнославянского города через поселения на международных торговых путях в общем процессе градообразования и почему эти центры потеряли, как правило, свое значение в конце X–первой половине XI вв., уступив место находящимся поблизости городам, хорошо известным по летописным источникам.

Предметом дискуссии вновь стал еще один вопрос – о так называемых «парных» центрах. Дело в том, что, по крайней мере, в начале века было замечено, что возле целого ряда русских городов находились значительные, в тенденции более древние поселения, и эта проблема рассматривалась в литературе во многом с акцентом на соотношение Гнездова и Смоленска, хотя назывались и другие пункты. Эта «парность» трактовалась, прежде всего, с точки зрения прямой преемственности центров, образующих отдельные пары, то есть как перемещение города с одного места на другое, как «перенос» города, причем возможные причины этого назывались самые разные (библиографию вопроса см.: Дубов 1983: 70–71). Однако подобные многовариантные объяснения оставались лишь в виде общих суждений и не подкрепленные конкретно-историческим анализом едва ли могли удовлетворить исследователей, не определяя той общей причины существования «парных» центров и постепенного затухания одного из них при возвышении другого, которая, несомненно, должна была существовать. Использование термина «перенос города» вряд ли правильно, и следует полностью согласиться с П. П. Толочко, что это значительно упрощает суть всей проблемы (Толочко 1997: 13). Наконец, следует упомянуть, что Б. А. Рыбаков предложил рассматривать крупные поселения близ древнерусских центров как особые лагеря варяжских отрядов, где «могли быть купцы и нанятые варяжские воины» (Рыбаков 1962: 37).

В новой историографической ситуации 1970–80-х гг. оказалось, что «парные» центры включают поселения торгово-ремесленного плана, теперь сопоставляемые с аналогичными западно- и североевропейскими протогородами, и города, упоминаемые в летописях и обычно трактуемые как племенные центры. Это Гнездово и Смоленск, Тимерево и Ярославль, Шестовицы и Чернигов, Сарское городище и Ростов, Рюриково городище и Новгород. Стало ясно, что эти два типа поселений на Руси не только сосуществуют, а их история пересекается, и они взаимосвязаны.

По-новому попытались подойти к трактовке соотношения «парных» центров В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина (Петрухин, Пушкина 1979: 100–112). Они несколько сместили ракурс рассмотрения вопроса, анализируя «парные» центры не столько под углом зрения их генетической преемственности, сколько с точки зрения их частичного сосуществования, различного характера и сопереживания. Существование на Руси подобных центров исследователи объяснили тем, что в X в. «силы великого князя и местного боярства, видимо, оказались уравновешенными», возникло своеобразное «двоевластие», и «рядом с племенными центрами, где сильна была местная

знать, на жизненно важных для Древнерусского государства международных путях, привлекающих разноплеменных воинов, торговцев и ремесленников, появляются новые центры, ориентированные на обслуживание внешних связей Руси, феодализирующей дружины, на сбор дани и т. д. Эти новые центры – Гнездово, Шестовицы, Рюриково городище, Тимерево и др. – В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина оценили как великокняжеские дружинные погосты. По их мнению, «интенсивная феодализация определила и кратковременность процветания центров, ориентированных на внешние связи и оторванных от местной округи».

В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина отмечали, что предгородскими образованиями, аналогичными Гнездову, Сарскому городищу, Шестовицам, были скандинавские вики Бирка, Хедебю, Ширингсаль, упадок которых к концу X – первой половине XI вв. привел к их смене иными центрами: место Бирки заняла Сигтуна, Хедебю – Шлезвик, Павикена – Висбю, Ширингсаль – Тенсберг. «Из параллельно развивающихся центров, – писали авторы, – жизнеспособными оказались те, которые больше были связаны с местной экономической средой, а не внешней экспансией. Конец эпохи викингов стал концом вики, как и распад раннефеодального Русского государства означал упадок связанных с ним центров-погостов». Торговые города, близкие по функциям скандинавским викам, существовали и в империи Каролингов, и в землях западных славян.

Итак, в статье авторы продолжали ту линию сопоставления торгово-ремесленных поселений на восточнославянских территориях с западноевропейскими центрами, которая была намечена в работе В. А. Булкина и Г. С. Лебедева. Они еще раз показали, что возникновение нового типа поселений в среде восточных славян является отнюдь не скандинавским привнесением, а результатом проявления общей исторической закономерности в становлении города. Было подчеркнуто расположение в X–XI вв. не только на востоке, но и на севере и западе Европы ряда значительных городских центров поблизости друг от друга («парами») и смена торгово-ремесленных поселений на рубеже X–XI вв. городами, в большей степени базировавшимися на местной экономической основе, чем на внешних связях. Однако с конкретными заключениями В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной о характере городских поселений внутри «пар» на территории Древней Руси и о динамике их взаимоотношений согласиться нельзя. Постановка вопроса авторами предполагает, что «племенные центры» (Смоленск, Новгород, Ярославль и др.) древнее «княжеских погостов» (Гнездово, Рюриково городище, Тимерево и др.), которые, по их мнению, вырастали в основном в X в. рядом с центрами племен. В дей-

ствительности, судя по археологическим материалам, все было наоборот – древнее центры «вторичные», по В. Я. Петрухину и Т. А. Пушкиной. Если это так, то и все дальнейшие построения исследователей оказываются искусственными (кстати, и в Северной Европе древнейшие городские центры типологически сопоставимы именно с Гнездовом, Рюриковым городищем, Тимеревым и др.). Неотчетливость позиции В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной в вопросе о месте торгово-ремесленных поселений X в. при становлении городов на Руси проявилась и в том, что они избежали в своей статье определения места Ладоги в этом процессе, которая никак не укладывается в представленную ими схему, хотя неоднократно сопоставлялась различными исследователями с европейскими виками.

Высказывая различные суждения о соотношении типов раннегородских поселений, многие исследователи не смогли прийти к однозначному ответу. Так, И. В. Дубов в статье 1983 г. отошел от своих прежних трактовок Гнездова и ему подобных центров. В их новой характеристике – «племенные торгово-ремесленные комплексы» – исследователь попросту перемешал все существовавшие понятия и типы ранних городских центров VIII–IX вв., которые он сам раньше выделял в совместной работе с И. Я. Фрояновым и других публикациях, то есть ранние города, возникшие на племенной основе и многоэтнические протогорода, появившиеся независимо от племенных объединений на международных торговых путях. В результате какая-либо логика в его построениях исчезла (Дубов 1983: 79–81; Фроянов, Дубов 1977: 69–71). Стремясь «не размывать» своей концепции становления городов, А. В. Куза также оставил открытым вопрос о роли и месте торгово-ремесленных поселений в этом процессе, сославшись на необходимость специальных исследований (Куза 1989: 148–151). Дело тут, конечно, не в недостатке фактов, а в том, что появление в IX в. торгово-ремесленных поселений никак не вяжется с общими построениями А. В. Кузы о путях становления городов, у истоков которых «стояли феодалы».

И. Я. Фроянов отказался от высказанных им ранее взглядов. Не найдя подходящего места торгово-ремесленным поселениям на международных торговых путях («протогорода» статьи 1977 г.) в своей схеме становления городов на Руси (Фроянов, Дубов 1977: 69–71), он предпочел в последующем в обобщающих исследованиях вообще не акцентировать внимания на подобных центрах (Фроянов 1980: 216 и сл.; Фроянов, Дворниченко 1988: 22–40) или же высказываться резко против их существования и распространенной оценки значимости и характера (Фроянов 1992: 31 и сл.). В частности, это наглядно проявилось в отношении трактовки начальной истории Старой Ладо-

ги. Односторонность подходов в изложении представлений о Ладоге А. Н. Кирпичникова, В. А. Булкина, И. В. Дубова, Г. С. Лебедева, как, не скрывая иронии, заключает И. Я. Фроянов, для него «очевидна» и правильной оценке мешает «слишком сильное впечатление, производимое на наших исследователей оживленным торговым движением по Волхову, звонком куфических монет и мечей...». Автор считает, что Ладога возникла и существовала длительное время как племенной центр словен. «Своим происхождением она обязана окрестному населению, организованному в родовые общины». Экономика ладожан базировалась на земледелии и скотоводстве. Важное значение для них имело ремесло (домашнее и профессиональное), дополнявшееся промыслами. Внешняя торговля «скользила по поверхности ладожского общества, увлекая своим потоком отдельных его представителей, но при этом не размывая основ родоплеменного строя...». Внешняя торговля превалировала над внутренней торговлей, если последняя вообще практиковалась (Фроянов 1992: 36–37). В целом позиция И. Я. Фроянова, ничего новаторского не имеет. Это весьма традиционные взгляды советской марксистской науки на рождение города в развивающейся аграрной среде, из которых изъято понятие «феодализм» и которые помещены в несколько иные общие рамки, что я уже отмечал.

Я также уже писал, что П. П. Толочко придерживается взглядов на происхождение русского города, восходящих к построениям С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова. Однако, в отличие от И. Я. Фроянова, в монографии, посвященной изучению древнерусских городов (Толочко 1989а: 50–59), и в ряде статей (Толочко 1989б: 159–167; 1997: 12–15) он признает существование на Руси особого рода торгово-ремесленных поселений, которые играли свою роль в городском развитии страны, поскольку как специалист-археолог в полной мере понимает совершенно особый характер представленных на них остатков материальной культуры. Автор отмечает их приуроченность к торговым путям, соглашается с наличием «парных» центров. Однако П. П. Толочко решительно выступил против того, чтобы считать торгово-ремесленные поселения определенной стадией в истории древнерусского города, против стремления установить преемственность торгово-ремесленных поселков и некоторых городов, против теории «переноса» городов, упрощающей, как подчеркивает автор, «собственно проблему существования торгово-ремесленных центров, которые будто бы и не исчезали, а лишь сменили местоположение».

П. П. Толочко считает, что для правильного понимания социальной сущности торгово-ремесленных поселений IX–X вв. и их места в становлении городских форм жизни на Руси их следует рассматривать

в контексте общеевропейского исторического развития. На Балтике близкими по сути восточнославянским являлись торговые города, такие как Бирка, Висби, Хедебю, Любек, Менцлин, Волин, Щецин, были известны и пары городов: Хедебю и Шлезвиг, Бирка и Сигтуна и др. Указанные торговые города входили в единую экономическую систему, которая не укладывалась в рамки этнических границ. Начало их существования в IX–X вв. было обусловлено необычайно бурным развитием трансевропейских торговых связей. Главными занятиями жителей этих поселений являлась дальняя торговля, а также связанные с ней ремесло и военное дело. Существование подобных поселений было относительно кратковременным. Их почти повсеместное затухание сопровождалось возвышением новых центров, к которым иногда переходили и старые названия. «Причины пресечения традиции торгово-ремесленных городов, – считает П. П. Толочко, – следует искать в изменившихся условиях социально-экономического развития европейских стран (в том числе и Киевской Руси) в последние десятилетия X в. В это время происходит стабилизация их государственных структур, определение границ, что неизбежно вело к нарушению прежних связей и формированию новых экономических районов». Прежняя межрегиональная экономическая структура, основанная, преимущественно, на частном предпринимательстве, не могла более существовать. Не являясь органическим порождением внутреннего социально-экономического развития восточнославянского общества, торгово-ремесленные поселения не смогли стать естественным средоточием сельскохозяйственной округи и не имели перспектив для развития. Административно-политических функций, полагал П. П. Толочко, они не имели.

Из сказанного, с чем в большинстве случаев следует согласиться, П. П. Толочко делает неожиданные и противоречивые выводы. «Эволюция городских форм жизни, при которой первой стадией была бы торгово-ремесленная, в условиях раннефеодальных производственных отношений на Руси просто невероятна», – утверждает исследователь. Следующая через несколько строчек фраза имеет уже иной смысл: «Значение торгово-ремесленных поселений для эволюции городских форм на Руси не было всеобъемлющим. И не следует его преувеличивать. Это не стадия в жизни восточнославянского города, а лишь один из путей его образования». Получается, что путь образования города через торгово-ремесленные поселения на Руси все же был. Далее, однако, такой путь П. П. Толочко называет «тупиковым», поскольку он был обусловлен преимущественно факторами внешнего социально-экономического развития. «Торговля, которую вели эти центры, – пишет автор, – была необходима, прежде всего, им самим, но не тем регио-

нам, в которых они возникали» (Толочко 1989а: 57). Следуя логике рассуждений П. П. Толочко, торгово-ремесленные центры были инородными телами на территории Руси, никак не отвечали потребностям экономики местного общества, а отсюда были всецело обзаны своими возникновением и развитием благотворному иноземному влиянию.

Использование П. П. Толочко одновременно определений «торгово-ремесленный путь развития городов» и «тупиновый путь» при характеристике одного и того же явления, на мой взгляд, крайне неудачно. Любое развитие общества, какими бы факторами оно ни было обусловлено, есть его изменение. Само появление торгово-ремесленных поселений и их существование на протяжении, как минимум, двух столетий, активное участие в дальней торговле и обмене оказывало плодотворное влияние на экономическое, социальное и культурное развитие обширных регионов и просто не могло закончиться «тупиком», что и не произошло, как показывает ход русской истории.

Однако, подводя к изложенному общему заключению о торгово-ремесленном развитии древнерусских поселений, П. П. Толочко вынужден был сделать массу оговорок. Вопреки собственному утверждению, что торгово-ремесленные поселки не являлись «органическим порождением внутреннего социально-экономического развития восточнославянского общества», он решительно отвергает «неправильные выводы о шведском приоритете в основании этих торговых факторий» и выступает против «старых стереотипов» о формировании трансевропейских экономических связей исключительно норманнами. По его мнению, славяне (и восточные славяне) играли активную роль в торговой жизни. На торгово-ремесленных поселениях при всей их многоэтничности преобладало местное население (Толочко 1989а: 55–56). Это, несомненно, правильно. Таким образом, П. П. Толочко, в конечном счете, вынужден признать, что возникновение торгово-ремесленных поселений все же отвечало интересам восточнославянского общества и имело определенные корни в славянской среде для своего появления и развития. Надо сказать, что в статье 2003 г. В. В. Седов в заключительной части своих рассуждений об урбанизации Северной Руси, по сути дела, пересказал выводы П. П. Толочко о «сути торгово-ремесленных центров» на путях дальней торговли и принизил их роль в развитии городской жизни на Руси (Седов 2003: 33, 34). Отсюда все замечания о размышлениях П. П. Толочко по данному вопросу в полной мере относятся и к мыслям В. В. Седова.

Да, торгово-ремесленные поселения, в основе, прекратили свое существование на рубеже X и XI вв., но рядом с Гнездовом появился Смоленск, Рюриково городище переросло в Новгород, поблизости от Сар-

ского городища возник Ростов, от Тимерева – Ярославль, Городок на р. Ловати уступил свое место Великим Лукам и т. д., именно с торгово-ремесленного поселка началось и не прерывалось развитие Ладоги. Торгово-ремесленные поселения возникали в ключевых местах водных путей, однако были образованы там, где имелась и соответствующая местная среда для успешного осуществления торгово-ремесленной деятельности и необходимость в охране и контроле торговых путей. Подобные поселения активно способствовали формированию, если так можно выразиться, «значимости» районов, созданию экономических структур и социальной среды, в которых возникали «новые» города. В этом плане Гнездово, несомненно, хронологический и исторический прямой предшественник Смоленска, Рюриково городище – Новгорода, Сарское городище – Ростова, Городок на Ловати – Великих Лук и т. д. Само существование «парных» центров убедительное подтверждение непрерывности и преемственности городского развития в той или иной местности Восточной Европы. Можно сколько угодно дискутировать о причинах появления пар и характере взаимоотношения образующих их поселений, но сам факт взаимосвязи последних нет никаких оснований ставить под сомнение.

Торгово-ремесленные поселения на международных путях сыграли значительную роль в становлении городов на Руси, хотя они и не являлись «обязательной стадией» в развитии городов и существовали не повсеместно. Их появление и участие в формировании городских форм жизни на Руси не укладывается в прокрустово ложе построений С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, И. Я. Фроянова, А. В. Кузы, П. П. Толочко или В. В. Седова (последние, как я стремился показать, совершенно справедливо оценивая конкретные факты о наличии торгово-ремесленных поселений и их значимости, не смогли вывести общие заключения за пределы традиционных схем). С другой стороны, существование подобных поселений на Руси в IX–X вв. согласуется с элементами «торговой» теории В. О. Ключевского. Конечно, следует говорить не о буквальном соответствии, а о преемственности основной мысли знаменитого историка относительно возникновения первых русских городов, характера колонизации лесной зоны Восточной Европы славянами и роли скандинавов в истории Руси

Появление древнейших городских поселений обычно рассматривается под углом зрения поиска общих закономерностей для всей территории Руси и в то же время гораздо меньше внимания уделяется выявлению особенностей этого процесса в отдельных частях огромной страны. Вместе с тем сложные государственной территории на юге и на севере Руси, а также становление городов как опорных цен-

тров новых общественных и экономических отношений и связей, несомненно, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославянского общества, но, с другой стороны, имели немало специфических черт, что нельзя недооценивать. Отнюдь не случайно развитие государственности на берегах Волхова привело к образованию феодальной боярской республики, в то время как в Южной Руси сложились более авторитарные формы правления.

Возникновению первых городов в Среднем Поднепровье – центре Южной Руси – предшествовал определенный период стабильности в развитии славянского общества, последовавший за переселением славянских племен из более западных и юго-западных районов Европы. Этот период начался, по крайней мере, в середине I тыс. н. э., а по мнению ряда исследователей, и гораздо ранее. В славянском обществе шел интенсивный процесс социальной дифференциации, кристаллизации новых общественных связей и структур, развивались ремесло и торговля. Уже для VI–VII вв. можно говорить о появлении славянских «градов» как, прежде всего, административно-политических центров племен (Толочко 1989а: 19 и сл.). Часть этих «градов» в дальнейшем переросла в города. Однако широкий процесс образования городов как нового типа поселений, противостоявших сельской стихии, начался позже – в VIII–X вв. Города вырастали в плотно освоенных сельскохозяйственным населением районах, в местах концентрации сельских поселений как центры обширных округ, приобретая шаг за шагом административное, ремесленное и торговое значение.

На севере Руси наблюдается отчасти иная картина, чем на юге. Географическое размещение этой области на окраине славянского мира, откуда открывались выходы к торговым центрам Балтики и на богатые пушниной просторы Севера и Северо-Востока, ключевое расположение на перекрестке важнейших международных торговых путей Восточной Европы, невысокое, в сравнении с Южной Русью, плодородие почв при густой залесенности и широкой заболоченности местности определили характер сельского расселения и особенности формирования городов. Время становления последних оказывается здесь чрезвычайно близким началу самого славянского расселения, и даже порой города основывались непосредственно в процессе освоения новых территорий. Тем самым они рождались преимущественно не постепенно, как главные поселения сельских районов, а вместе с ними, формируя прилегающие к ним округа.

Сами суровые природно-климатические условия лесной зоны вполне позволяли заниматься сельским хозяйством, сочетая его с занятиями различными

промыслами, но никакой базы для интенсивного экономического роста, в отличие от южных районов, естественно, не создавали и создать не могли. Тем не менее никто не ставит под сомнение, что Приильменье стало вторым, после Среднего Поднепровья, важнейшим очагом формирования русской государственности, что городские центры как скрепляющие административно-экономические узлы здесь появились. Чем же был обусловлен этот рост, безусловно, опиравшийся на социальную стратификацию общества и его экономические успехи?

Одним из важнейших факторов, повлиявших на характер размещения населения в Приильменье и на сопредельных территориях, на социально-экономическое развитие отдельных районов, формирование раннегородских центров и установление границ тяготевших к Новгороду земель, являлось прохождение крупных торговых и военных путей средневековья – балтийско-волжского пути и пути «из варяг в греки». Первый из них сыграл особо значимую роль.

В конце I тыс. н. э. торговля со странами исламского Востока была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу. Часть его оседала здесь, другая же по водным путям попадала в страны Балтийского региона. Началу торговли восточным серебром способствовал целый ряд обстоятельств. На территориях Восточной Европы, занятых в VIII–IX вв. славянскими племенами, совершенно отсутствовали месторождения цветных металлов, необходимых для ювелирного производства. Основным регионом, откуда они могли поступать, были юго-восточные земли в широком их понимании (Кавказ, Средняя Азия и другие районы). В середине VIII в. в ходе своего расселения славяне вплотную столкнулись с населением, входившим в состав Хазарского каганата, занимавшего районы к северу от Азовского и Каспийского морей, по нижней Волге и Дону. Именно тогда началось проникновение к славянам серебра в виде монет, что подтверждают находки на поселениях (Ляпушкин 1968: 150–151). Однако если основываться на анализе монетных кладов, то следует признать, что это произошло несколько позже – в 70–80-е гг. VIII в. (Янин 1956: 84). Начало торговли восточным серебром совпадает с первым столетием господства династии Аббасидов (вторая половина VIII–IX вв.), когда завершается становление Багдадского халифата как феодального государства. В период правления первых пяти халифов (750–809 гг.) чрезвычайно активно развивалась его экономика, шла интенсивная чеканка монеты, возникли благоприятные условия для ее вывоза. В поисках рынков сбыта и источников сырья мусульманские купцы устремляются в неведомые земли славян, откуда одним из важнейших предметов вывоза стали меха и рабы, получаемые в обмен на серебро. Восточная торговля

славян стала возможной и ввиду благоприятной политической ситуации, сложившейся после установления около 760 г. мирных отношений между Хазарским каганатом и арабами. Эта совокупность экономических и политических факторов и обусловила то, что в конце VIII в. поток серебряных арабских монет хлынул в Восточную Европу (Noonan 1998: 340 ets).

По рекам Волго-Окского междуречья восточное серебро попадало на Верхнюю Волгу. Исследователи единодушны в том, что территория складывающейся Новгородской земли в силу своего выгодного географического положения – в районе, где сходились обширные водные системы озер Ильменя и Ладоги, – оказалась втянутой в балтийско-волжскую торговлю с самого начала ее становления. «Край сам по себе бедный, – отмечал известный русский археолог начала века А. А. Спицын, – но он лежит между востоком и западом и потому при усилении востока приобрел большое значение как неизбежный посредник в торговле» (Спицын 1917: 8). В работах по исторической географии на основании привлечения сведений разновременных письменных источников и изучения карт было определено несколько наиболее вероятных переходов водными путями из бассейна Верхней Волги в бассейн р. Невы (Носов 1976а: 96–99). Однако только анализ распространения на территории Новгородской земли арабского серебра периода его массового ввоза из стран Востока (IX – 70-е гг. X вв.) дал возможность более конкретно решить этот вопрос. Он же позволил выяснить, насколько было вовлечено население Приильменя в разнообразную экономическую деятельность, связанную с транспортировкой, обменом, распространением монетного серебра, и где находились важнейшие центры такой деятельности.

Имеющиеся материалы показывают, что основной поток серебряной монеты, особенно в VIII–IX вв., направлялся с Верхней Волги к Ладожскому озеру не по рекам Юго-Восточного Приладожья или по р. Свири и Онежскому озеру, как до сих пор часто считают в литературе, а по рекам бассейна озера Ильмень: по р. Мсте или по рр. Явони и Поле (упоминаемый в летописях «*Селигерский путь*»). Серебро широко использовалось населением Приильменя о чем свидетельствуют находки монет почти на всех поселениях, где предпринимаются широкие раскопки. Часть серебра уходила на Балтику. Основной магистралью этого движения была р. Волхов (Носов 1976а: 99–103). Еще в 1892 г. А. И. Черепнин сделал весьма интересное наблюдение относительно того, что на территории Древней Руси клады с куфическими монетами в большинстве случаев довольно определенно обозначают места древнейших поселков и своим числом отчасти указывают на сравнитель-

ную густоту древних поселений, существовавших в разных областях страны (Черепнин 1892: 39). Ситуация на р. Волхове это подтверждает. Его низовья и верховья явно выделяются по концентрации серебра среди всей территории Северной Руси. Эти два скопления совершенно однозначно маркируют расположение двух главных городских центров Новгородской земли – Ладоги и Новгорода. В районе Ладоги зафиксировано 4 клада восточных дирхемов VIII–IX вв. (предположительно их могло быть 5), в верховьях Волхова – 5 кладов IX в., 7 – X в., а датировка еще одного не ясна. В Ладоге в 1892 г. был найден самый ранний из известных сейчас в Восточной Европе кладов арабских монет, с младшей монетой 786 г. (древнейший подобный клад в Западной Европе относится к 783 г.). В культурном слое ладожского поселения дирхем был обнаружен уже в первом ярусе построек самого раннего горизонта, и время его поступления определяется 50–60-ми гг. VIII в. на основе данных дендрохронологии, подтверждая достаточно раннее начало восточной торговли (Носов 1976а: 99–102; дополнение к сводке см.: Носов 1990: 187, 188, 202, прим. 83).

Количество серебра, попавшее на Русь и прошедшее через лесную зону Восточной Европы, в основном в IX–X вв., было поистине огромно. Представить это помогают работы американского нумизмата Т. Нунана, взявшего на себя сложнейший труд составления полной современной топографии кладов Европы с куфическими монетами. Он учел более 1000 отдельных кладов, насчитывающих более 228 000 арабских монет. Принимая во внимание, что значительная часть монетного серебра была еще в древности переплавлена в Восточной и Северной Европе, часть информации о находках не стала достоянием исследователей, а часть кладов все еще находится в земле, то первоначальное количество монет было намного больше. Т. Нунан допускает, что общее число дирхемов достигало 5–8 млн. Около 50% монет «прошли» в регион Балтики, а остальные остались на Руси (Noonan 1997: 145, 152; 1998). Весь этот поток транзитного серебра, направлявшегося в страны Балтийского моря – на земли, занятые скандинавскими и западнославянскими народами, то есть миллионы монет, обладавших огромной ценностью, «пропустил», в основном, Волхов с его ключевыми центрами – Ладогой в низовьях реки и Рюриковым городищем, являвшимся предшественником Новгорода и находившимся в самом истоке Волхова из Ильменя.

Балтийско-волжский путь оказал огромное мультирующее воздействие на социально-экономическое развитие примыкавших к нему районов Восточной Европы. У наиболее сложных участков водных путей, в первую очередь, связанных с восточной торговлей, у порогов, близ волоков, в местах раздвоения

рек на рукава создавались укрепленные поселения, контролировавшие пути и обеспечивавшие их безопасностью, как, например, это очень отчетливо можно наблюдать вдоль Волхова. В ключевых местах речных дорог возникали торгово-ремесленные поселки, некоторые из которых перерастали в города. Водные пути с «узелками» укрепленных поселений на ключевых участках и «узлами» зарождающихся городов составили каркас Новгородской земли X в. Это были те кровеносные сосуды, которые поддерживали ритм жизни Приильменя, стягивали в единое целое обширные лесные территории (Носов 1992: 12–14, 33–35; Nosov 1993: 252–254; 1994a: 185–196). Маршруты торговых путей четко высвечивают отдельные клады и их скопления. Как только поток серебряной монеты хлынул в Восточную Европу, скандинавы, стремясь овладеть им, стали проникать вглубь территории по основным водным магистралям. Эта активность на торговых путях, желание поставить их и связанные с ними рынки сбыта серебра и пушнины под свой контроль явились основным побудительным мотивом скандинавской деятельности на Востоке на начальной стадии их появления здесь. Не скандинавы стояли у истоков восточной торговли, импульс которой был дан экономическими потребностями населения Восточной Европы и мусульманского мира на закате VIII в., но они активно подключились к ней, как только серебряная монета стала появляться на северных территориях. Основным районом Скандинавии, откуда викинги отправлялись на восток, были области центральной Швеции, прежде всего, примыкающие к озеру Меларен (Носов 1996: 7–17).

Скандинавские устремления на Западе и на Востоке Европы значительно различались. На Востоке среди лесов и болот грабить было почти нечего; для того чтобы разбогатеть, надо было принимать участие в посреднической, торговой и контрольной деятельности, а для того чтобы это увенчалось успехом, следовало интегрироваться в состав местного общества и его социальные верхи. Важнейшим товаром, шедшим в обмен на серебро, была пушнина. На поволжские и хазарские рынки ее отнюдь не обязательно было везти из Скандинавии, гораздо рациональнее было получать шкурки в лесах Восточной Европы, участвуя в различного рода посреднических операциях и сборе даней. По материалам археологии мы знаем, что в бассейне Верхней Волги появились поселения, специализировавшиеся на добыче пушнины. Яркий пример этого дает расположенное в бассейне р. Шексны поселение Крутик, относящееся к IX–X вв., жители которого принадлежали финскому племени *веси*. На поселении кости диких животных по отношению к костям домашних составляли 66,3 %, а среди них 78 % принадлежало костям бобра. Это однозначно свидетельствует о специали-

зации населения на пушной охоте, ведь кроме бобра обнаружены кости куниц, белок, лисиц, зайцев. Значительное преобладание костей бобра среди пушных зверей связано еще и с тем, что мясо бобров шло и в пищу, в то время как с мелкими зверьков, к примеру, с белок шкурки снимались непосредственно в местах охоты, часто вдали от постоянных поселений. Жители поселения Крутик были активно вовлечены в торговлю, что подтверждают найденные восточные монеты, весы и гирьки. Открытие при раскопках целого ряда предметов скандинавских типов однозначно указывает на посещение этих достаточно глухих мест варягами (Голубева, Кочкуркина 1991; Захаров 2004: 108–122). С. Д. Захаров подчеркивает, что Крутик не являлся единственным подобным поселением в Белозерье, а к числу аналогичных памятников можно отнести, к примеру, поселение Васютино, находившееся в северо-западной части региона на небольшой речке Мегре в 16 км от ее впадения в Белое озеро (Захаров 2004: 111).

В Восточной Европе скандинавы столкнулись со славянским колонизационным потоком. Здесь славяне и скандинавы вступили в многообразные формы экономических и социальных отношений на фоне обширного финского мира. В этом, если так можно выразиться, интернациональном котле и завязалась русская государственность, возникли первые города, сложилась основа Северной Руси. Итак, два основных фактора определяли историю лесной зоны Восточной Европы – славянская колонизация и функционирование балтийско-волжского (восточного) пути, по которому с севера стали проникать отряды скандинавов.

Первые славяне появились в Северном Приильменье и в Поволховье вряд ли ранее третьей четверти I тыс. н. э., как показывают проведенные нами раскопки на поселении Прость близ славянского языческого капища в урочище Перынь. Видимо, в VIII в. в Приильменье стали складываться контуры и механизм обменной торговли серебром и мехами, началось функционирование торговой артерии между Балтикой, Приильменьем, Волжским и Днепровским бассейнами, которая оказала существенное влияние на социально-экономическое развитие этой части Восточной Европы. В середине VIII в. на Волхове появились и скандинавы, основная цель которых первоначально заключалась в продвижении и закреплении вдоль основных водных артерий, ведущих к источникам серебра и местным рынкам; в середине VIII в. в низовьях Волхова была основана Ладога, древнейший город Северной Руси. Таким образом, славянское расселение, возникновение Ладоги, формирование торгового пути, первое появление скандинавов принадлежат исторически к одному периоду, а хронологически – к достаточно корот-

кому отрезку времени и, очевидно, достаточно тесно взаимосвязаны.

На территории Северной Руси целый ряд торгово-ремесленных, городских поселений, благосостояние которых во многом зависело от внешней торговли, изначально росли в ключевых местах основных путей международной торговли как ее центры, а также как административные и военные пункты. Показательно и не случайно, что на территории Приильменя и Поволховья П. П. Толочко не назвал ни одного «славянского града», на базе которого здесь могли формироваться городские центры, что он без труда сделал для Южной Руси. Именно участие в дальней торговле было определяющим для подобного города, в то время как расположение поблизости от него массы сельских поселений первоначально не являлось обязательным для его возникновения (классический пример: Ладога), хотя в дальнейшем наличие или отсутствие сельскохозяйственной округи оказывало сильное воздействие на характер развития городского центра. Города, возникшие на торговых путях, в сравнении с городами-центрами сельских округ в большей степени являлись полиэтничными по составу населения и характеру материальной культуры.

Эти замечания согласуются с общими выводами Е. А. Мельниковой, учитывающими данные современной экономической антропологии и, в первую очередь, работы К. Поляного, что мы отмечаем ранее. В полном соответствии с нашими археологическими наблюдениями Е. А. Мельникова заключает, что «незвизирая на скудость природных ресурсов, северо-западный регион действительно переживает быстрое развитие, начиная с середины – конца VIII в. Важнейшей его приметой является возникновение с середины VIII в. ряда предгородских поселений, причем таких крупных, как Старая Ладога. Более того, согласно общему мнению, здесь ко второй половине IX в. формируется и предгосударственная (или раннегосударственная) структура, охватывающая огромную территорию, населенную рядом этнически разнородных племен». «Единственным крупномасштабным явлением в регионе, синхронным этим процессам, – завершает Е. А. Мельникова, – является формирование торгового пути, соединившего Балтику со странами Поволжья, Булгарией и Хазарией и Арабским халифатом, через Неву, Ладогу и Волгу» (Мельникова 1995: 25–26).

Нельзя не согласиться и с общими выводами Е. А. Мельниковой, что значение торговых путей «далеко выходило за область торговли». «Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекал округу в сферу своего функционирования, то есть играл консолидирующую роль» (Мельникова 1995: 27).

Подобные процессы охватили огромные территории вокруг Балтийского моря, и частичное их проявление на восточнославянских землях не является чем-то исключительным. Возникновение торгово-ремесленных и военных центров в VIII–X вв. в регионе Балтики было обусловлено распадом прежних родоплеменных связей, формированием новых структур стратифицированного варварского общества и сложением в этой среде трансевропейских торговых путей для Руси, прежде всего, восточного пути. Это привело к образованию обширной экономической системы с торгово-ремесленными центрами и полиэтничным населением, втянувшей в свою орбиту разные страны и народы. В конце X – первой половине XI вв. на Руси и в Скандинавии происходила стабилизация государственных структур, активно распространялось христианство, шло формирование новых экономических районов, основанных на прогрессе внутренней экономики государств, внешние связи уходили на второй план. Эти процессы сопровождалась созданием новой системы поселений: «новых» городов (Andren 1989: 173–177; Callmer 1994: 50–90).

Древнейшим городом Северной Руси является Ладога, основанная в середине VIII в. Для нее с момента возникновения была характерна ориентация на внешние связи, развитая ремесленная деятельность, отсутствие значимой сельской округи, полиэтничный состав населения. Ладога являлась «мостом» между Балтикой и внутренними районами Восточной Европы. Она олицетворяет один из путей формирования древнерусского города и сопоставима с аналогичными ранними торгово-ремесленными поселениями Балтики, такими как Хедобю, Риббе, Бирка и др.

У наиболее сложных участков водных путей, если обращаться в первую очередь к территории Руси, связанных с восточной торговлей, у порогов, близ волоков, в местах раздвоения рек на рукава возникали укрепленные поселения, контролировавшие пути и обеспечивавшие их безопасность (Носов 1981: 18–24). В ключевых местах путей росли города. Так начиналась история Ладоги, Новгорода, Нового Торга, Волока Ламского, Городка на Ловати (Великих Лук) (Носов 1992). И опять же в этом нет ничего исключительного для территории Восточной Европы. Известный польский историк Л. Лециевич, подчеркивая многообразие путей формирования западнославянских городов и значительную роль на начальных этапах их образования торгового обмена, прямо отмечает, что для некоторых центров торговли стала основным фактором в их становлении. К такому он относит, к примеру, Волин. «Волинское поселение, – как подчеркивает исследователь, – возникло при переправе через Дивну – главное русло устья Одера на Балтийском море, и выбор места был

однозначно предопределен требованиями торгового обмена. В свете сообщений Адама Бременского, основное значение внешнеторговых связей в развитии города не вызывает каких-либо сомнений». Принципиально важно, что «в окрестностях Волина лишь формирование в IX в. города привело к сложению поселенческой структуры в ближайшей округе», то есть город стягивал и «образовывал» округу (Лециевич 1997: 11).

Подведем краткий итог. Современная археология не подтверждает тезиса об обязательном возникновении ранних городов как центров сельских округ на базе интенсивного роста сельскохозяйственного производства. Она предполагает (и тому есть археологические аргументы, как в материалах поселений Восточной Европы, так и в материалах различных поселений западных славян и скандинавов в регионе Балтики), что многие ранние торгово-ремесленные и военно-административные центры возникали в результате активного влияния внешней торговли на местное общество, которая стимулировала его интенсивное социальное расслоение и возникновение государственности. В этом плане наследие В. О. Ключевского предается неоправданному забвению и критике. Для объяснения социально-экономического строя Древней Руси отнюдь нет необходимости обязательно придерживаться ее формационного объяснения, на чем воспитывались поколения студентов-историков. Социально-экономический строй Древней Руси – это отнюдь не первобытнообщинный строй, как настаивают сторонники И. Я. Фроянова, но отнюдь и не тот «упрощенный» феодализм, который видят в нем последователи Б. Д. Грекова или Л. В. Черепнина. Это стратифицированное варварское общество, характерное для Северной Европы и для Руси. Ближе всего к полной оценке данного феномена подошел в своих исследованиях А. Я. Гуревич, со многим можно соглашаться и в упомянутой не раз выше статье Е. А. Мельниковой.

Некоторые из изложенных мыслей о возникновении самых первых городов на Руси и определяющей роли внешней торговли в разной форме публиковались мной и ранее (Носов 1993: 59–78). Казалось, что данная схема – город без сельскохозяйственной округи – «работает» лишь для самой ранней стадии возникновения городских поселений, а потом все «уходит» в традиционные рамки. Однако исследование, проведенное в самое последнее время Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым по изучению средневекового расселения на Белом озере, показало, что это не совсем так. Авторы убедительно доказали, что древнейшее городское поселение на Белом озере возникло в середине X в. вне связи с аграрной округой. Оно было основано в неосвоенном районе, ближайшие памятники с культурным слоем X в. находятся на рас-

стоянии 17–25 км от Старого Города, а к несколько более позднему времени в десятикилометровом радиусе относятся лишь 5 селищ и два местонахождения (Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 83, 175). «Белоозеро на первом этапе своего существования могло функционировать лишь как самодостаточный организм, как поселение, жители которого обеспечивали себя всем необходимым», причем даже во второй половине XII – XIII вв. «сеть сельских поселений вокруг города пребывала в зачаточном состоянии» (Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 84, 178). Возникновение городского поселения у истока Шексны определялось географической значимостью места его расположения в системе расселения и хозяйства древнерусского времени. Город запирает единственный вход в Белое озеро из речной системы Волги, отсюда водными путями можно было легко попасть во «внутренние» районы Белозерья, здесь же открывался удобный доступ к трем важнейшим волокам – Славенскому, Ухтомскому и Бадожскому, которые вели соответственно на Северную Двину, Онегу и Онежское озеро. При значительной ориентированности экономики древнерусского населения в Белозерье на промыслы, то расположение городского центра, которое мы имеем, вполне логично (Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 79).

К началу XIII в. Белоозеро, несмотря на свое особенное положение по отношению к скоплениям земледельческого населения региона, превратилось в огромное поселение, раскинувшееся более чем на 50 га. Со второй половины столетия, однако, наступает его постепенный упадок, и оно уступает место новому центру края на южном берегу озера – городу Белозерску. Эта смена, по мнению авторов, была обусловлена кризисом прежней структуры экономики – истощением промысловых угодий и недостатком сельскохозяйственных земель в окрестностях города. Белозерск вырос в совершенно ином районе, районе интенсивного земледелия XIV–XV вв., где высокая концентрация людских и материальных ресурсов сложилась уже в предшествующее время. Белоозеро – наглядный пример того, что город мог возникнуть и процветать без развитой аграрной округи не только на начальной стадии своего возникновения, но и в XI–XII вв., опираясь на развитое промысловое хозяйство. Я вполне согласен с итоговым заключением Н. А. Макарова, что «возникновение городских центров за пределами плотно освоенных сельских территорий и опережающее развитие их по сравнению с сельской округой не являются аномалией на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси», а «возникновение крупных городских центров на слабозаселенных территориях может рассматриваться как одна из продуктивных моделей градообразования» (Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 226; детальный

анализ материалов о древнерусском городе Белоозере недавно предпринят в монографии С. Д. Захарова 2004 г.).

Рассмотрев общее состояние проблемы изученности древнейших русских городов, вернемся к соотношению городских центров Поволжья – Ладоги, Рюрикова городища и Новгорода, как они выступают на современном уровне наших знаний.

Первые же публикации археологических раскопок Ладоги показали, что это поселение более древнее, чем Новгород, ее материальная культура выглядела гораздо архаичнее и сопоставлялась не столько с развитыми средневековыми городами Руси, сколько с ее сельскими поселениями. Эта разница раннего центра и развитого средневекового города, по мнению многих историков и археологов, отражала общую эволюцию древнерусской культуры и общества, разные ступени развития восточнославянского города. Соответственно и места, отводимые Ладоге и Новгороду в социальной структуре древнерусского общества, были различными. Ладога традиционно воспринималась как дофеодальное, общинное славянское поселение с большесемейными домами, а Новгород – уже как феодальный город с княжеским детинцем-кремлем и примыкающим ремесленным и торговым посадом. Обычным было и понимание Ладоги как непосредственного предшественника Новгорода, который, не исключено, и получил свое название в сравнении с ней (В. И. Равдоникас, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, А. В. Арциховский и др.).

Гораздо позднее, уже в 1970-е гг., по мере систематизации материалов раскопок Ладоги, прихода в науку нового поколения исследователей, не отягощенного бременем наследия идеологической борьбы с норманнизмом 1930–1950-х гг., и закреплении в историографии положения о том, что становление городов на Руси имеет определенные параллели в процессе их образования в Балтийском регионе, Ладога стала сопоставляться с так называемыми торгово-ремесленными центрами («протогородами», виками) Скандинавии, такими как Бирка, Рибе или Хедобю, и западнославянских земель (Кирпичников 1995: 28–53; Носов 1993: 59–78). Появились работы авторов, которые пытались найти даже буквальное топографическое соответствие Ладоги и, к примеру, Хедобю (Кирпичников 1979: 99–100).

Однако воспринималась ли Ладога сугубо славянской «крестьянской» и «родоплеменной» или торгово-ремесленной и полиэтничной, она всегда рассматривалась как первая ступень в формировании города в сравнении с Новгородом. «Археологическое открытие» Рюрикова городища (или точнее «Городища», как оно значится в летописях, начиная с 1103 г.), реально состоявшееся в конце 1970-х гг., сразу осложнило привычные представления о развитии го-

родской жизни в центре Северной Руси (Носов 1990). Между Ладогой и Новгородом как бы вклинился третий центр протогородского типа, и сразу стало ясно, что без определения соотношения Городища с каждым из них обойтись нельзя.

По мере накопления данных о материальной культуре из древнейших слоев Рюрикова городища все более явственной становилось ее отличие от культуры, фиксируемой на самых ранних из исследованных участков собственно Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы), прежде всего, по числу находок общепалтийских и скандинавских типов (Носов 1990: 147–169; Янссон 1999: 18–38; Хвоцинская 1999: 39–50). Последние встречаются на территории города, но в несопоставимо меньшем количестве, чем на Городище, хотя их число в результате новых работ медленно пополняется (Седова 1979: 179–181; 1981; Гайдуков 1988: 61; Покровская 1999: 51–64). Ни о какой «северной вуали» в культуре горожан говорить не приходится. Комментируя очевидные различия Рюрикова городища и Новгорода в рассматриваемом отношении, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти они связаны с хронологией. Если на Рюриковом городище зафиксированы слои второй половины IX–X вв. и можно предполагать наличие и более ранних, то на территории собственно Новгорода слои X в., когда скандинавское влияние на Руси наиболее ярко проявлялось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причем относятся они преимущественно ко второй половине – концу X в. Во-вторых, в городе норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определенных кварталах и дворах, а поэтому в будущем картина, наблюдаемая сейчас, может быть справедлива не для всех его частей (Мельникова 1984: 190; Носов 1990: 163).

Однако, даже учитывая это, различия Рюрикова городища и Новгорода по числу скандинавских находок слишком велики. Они, несомненно, объясняются, в первую очередь, разным социально-экономическим характером поселений, сменивших друг друга. Если Рюриково городище – это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с многоэтничным населением, во многом связанный с дальней торговлей, то поселения вокруг христианского комплекса – Софийского храма и епископского двора – это уже кварталы столицы северной части Древнерусского государства, существовавшей за счет эксплуатации земледельческого населения Приильменя. Если на Рюриковом городище скандинавы – княжеские дружинники, торговцы, ремесленники, частично жившие семьями, – составляли значительную часть постоянного населения, то в Новгороде, судя по находкам, присутствие скандинавов улавливается не столь отчетливо, а письменные источники

упоминают о них только как о торговцах, наемниках и опальных знатных изгнанниках при дворах князей, то есть как о людях, для которых город был только временным пристанищем в поисках удачи, богатств или княжеской защиты.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что по имеющимся археологическим материалам Рюриково городище предшествовало Новгороду, и городок в истоке Волхова в сравнении с поселками на его обоих берегах ниже по течению реки, где находился торг, епископский центр и первые христианские храмы, типологически отражают явления разных исторических эпох. Убеждение в ведущей роли Городища в районе истока Волхова в IX–X вв. опирается на выгоды его топографического расположения (первый холм на острове при входе в Волхов из Ильменя при раздвоении реки на рукава, то есть «запирающий» исток реки), хронологию слоев, облик материальной культуры и то значимое место, которое занимало Городище в политической жизни Новгорода уже в собственно древнерусское время, оставаясь княжеской резиденцией. Это подкрепляется открытием в последние годы на поселении мощных дерево-земляных укреплений, возведенных в IX в., их близостью по своему характеру древнейшим укреплениям киевского детинца. Для сооружения подобного оборонительного укрепления требовалась значительная концентрация усилий и средств местного общества. Возведенная конструкция из-за не совсем удачного инженерного решения, в котором не были учтены результаты высоких ежегодных паводков на Ильмене, стала подмываться и разрушаться уже на рубеже IX–X вв.

Иногда приходится слышать, что на территории новгородских концов, прежде всего, на Славне, возможно, еще будут найдены следы поселений более ранних, чем середина X в., и это изменит понимание общей ситуации в истоке Волхова. Действительно, общая картина заселенности Поозерья и Верхнего Поволховья по археологическим данным показывает, что практически на каждом не затопляемом весенними паводками всхолмлении среди поймы открываются следы поселений IX–X вв. Было бы наивно думать, что те холмы, которые «накрыл» культурный слой города, оставались пустыми пятнами. Конечно, остатки сельских поселков там могут быть, или наверняка будут найдены, но их наличие не уменьшит значимости и первоначального лидерства Рюрикова городища во всей поселенческой зоне (или просто Городища, если точно следовать прямой летописной традиции – Носов 1997: 272–285).

Возникновение Рюрикова городища, если теперь обратиться к Ладоге, несомненно, хронологически позднее возникновения последней приблизительно на столетие, при учете имеющихся сейчас археологических материалов. Жизнь обоих центров опреде-

лялась расположением на значительной водной магистрали, торговлей, ремеслом и военным делом. Население также занималось сельским хозяйством, рыболовством, охотой, различными промыслами, которые составляли естественный «фон» почти каждого раннесредневекового поселения.

Именно сходство Городища и Ладоги, при отличии от собственно средневекового Новгорода, бурно разросшегося в конце X в. в стороне от Городища, сразу привлекло наибольшее внимание исследователей. По существу, на карте Восточной Европы проявился ранее «не известный» центр городского типа, как бы параллельный Ладоге, но несколько более поздний. Рюриково городище стало постоянно рассматриваться в отечественной литературе в одном контексте с Ладогой, Гнездовым, Тимеревым и другими ранними поселениями Восточной Европы при обсуждении «норманнской» проблемы, вопросов появления первых городов на Руси и их сравнении с городами Балтийского региона. Впервые памятник, практически до начала 1990-х гг. оставшийся вообще неизвестным западным историкам и археологам, вошел в число поселений, постоянно упоминаемых при анализе общих вопросов славяно-варяжских контактов, а его археологические материалы попали в европейские каталоги скандинавских древностей (Catalogue 1992: N 280–289; Vikingernes Rusland... 1993: 29–38).

Однако сейчас, после тридцати лет систематических раскопок Городища, когда накоплен значительный и разнообразный материал, становятся все более очевидными не только сходство, но и отличия Ладоги и Городища, как сходство и отличие Городища и собственно Новгорода, что в несколько ином ракурсе позволяет рассматривать эволюцию городской жизни в Поволховье.

По своему географическому положению Ладога открывала путь в глубину Восточно-Европейского континента, но была лишена земледельческой округи. Известные памятники образуют не сельскохозяйственную зону, примыкающую к Ладоге как к ее центру, а приречную агломерацию, приуроченную к крупной водной артерии и ее опаснейшим участкам. Городище, напротив, располагалось в стужке именно сельских славянских поселений, прежде всего, ильменского Поозерья – ядра будущей Новгородской земли, где находилось и главное языческое святилище ильменских славян – Перынь и куда сходились административные нити управления Приильменьем. Сходство ранних городищенских укреплений с укреплениями Киева однозначно указывает приоритеты в этнической составляющей этих ранних государственных славянских центров.

Ладога была основана на сравнительно низком месте правого берега Волхова и была лишена в ран-

ний период своей истории вообще каких-либо укреплений. В этом плане ее можно сопоставлять с синхронными скандинавскими и западнославянскими центрами балтийского региона, постоянная жизнь на многих из которых не замирала, но для нее были характерны сезонные пики активности и периоды относительного затишья. Топографическая структура Рюрикова городища сугубо восточноевропейская и отличная от скандинавской модели (Jansson 1997: 36). Поселение имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части, которая располагалась как по гребню возвышенности, так и на самом низменном мысу.

Скандинавские и общеполтийские элементы в материальной культуре Ладоги присутствуют с ее древнейших слоев, то есть с середины VIII в. Они представлены многочисленными предметами быта (гребни фризского типа, кожаная обувь северного облика, ножи скандинавского типа, деревянные игрушечные мечи и др.), свидетельствами работы ремесленников (ремесленные мастерские с наборами различных инструментов и т. д.). При этом обращает на себя внимание единичность находок бронзовых украшений и предметов вооружения. Все эти северные элементы присутствуют наряду с изделиями, поступившими с востока, с вещами славяно-балтского и финского облика (Давидан 1971: 134–144; 1986: 99–105; 1995: 156–166). Исследователи иногда замечают преобладание тех или иных черт в разных слоях, однако в целом Ладога VIII–X вв. дает пример комплексного торгово-ремесленного поселения при важнейшей водной артерии. Ладога выполняла роль промежуточного посреднического центра между регионом Балтики и внутренними районами Восточной Европы, где кончались традиции морского судоходства и начинался многотрудный путь по рекам через пороги и волоки. Такое расположение на водной артерии, замерзавшей на долгие месяцы, естественно, предполагает сезонные всплески активности в жизни поселения.

В отношении Рюрикова городища наблюдается иная картина. Многие элементы его культуры аналогичны ладожским (лепная керамика, глиняные диски, гребни разных типов, бусы, весовые гири, кожаная обувь и проч.), есть следы дальней торговли и ремесленного производства. Однако гораздо ярче, чем в Ладоге, выступает комплекс скандинавской культуры, причем выраженной в многочисленных находках бронзовых украшений (различные типы фибул, подвесок, ладьевидные браслеты, шила с окончаниями в виде головок мужчин, детали конской сбруи и пр.) и предметов культа (молоточки Тора, железные гривны, кресаловидные подвески, плоские кольца с надежными маленькими колечками, амулеты и пр.), оружия

(ланцетовидные наконечники стрел, наконечники ножен мечей, а судя по старым данным, вероятно, и сам меч). Подобных изделий сейчас уже насчитывается более ста (Носов 1990: 147–169; Янссон 1999: 18–38; Хвоцинская 1999: 39–50). По числу находок скандинавского круга древностей в культурных слоях поселений Рюриково городище и Гнездово на Днепре являются самыми представительными на территории Восточной Европы и непосредственно следуют за такими центрами самой Скандинавии, как Бирка и Хедебю. Очень рельефно выражен на Рюриковом городище комплекс находок, относящихся к мужскому костюму, – кольцевидные булавки с длинной иглой (Носов, Хвоцинская 2004: 227–233), подковообразные фибулы IX–X вв. (Хвоцинская 1999: 39–50) и другие детали металлических украшений. В целом, материальная культура Городища, судя по ее яркому северному компоненту, носит гораздо более выраженный воинский, «дружинный» характер, чем культура Ладоги. Нельзя не отметить и определенную изысканность находок: к примеру, более половины всех обнаруженных кольцевидных булавок украшена звериным или плетеным орнаментом, в то время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы.

Археологические материалы и топографическое расположение подчеркивают различную социально-экономическую ориентированность Ладоги и Рюрикова городища. Для Ладоги VIII в. как поселения, открывавшего, с одной стороны, путь в глубь континента, а с другой стороны – выход к морю, на первом месте были торгово-ремесленная деятельность и непосредственное обслуживание плавания (ремонт судов, их оснащение, перегрузка товаров и т. д.), то есть, прежде всего, обеспечение стабильного функционирования балтийско-волжского пути. Именно поэтому ладожское поселение было устроено по принципу балтийских викинг – низко у воды, при удобной бухте, которую образовывала р. Ладожка, без укреплений на начальном этапе, в отличие от поволжских городков, выполнявших главным образом функции обеспечения безопасности плавания и располагавшихся на высоких речных террасах у наиболее важных участков пути (городище Любша – сторожевой форпост на подходе к ладожскому поселению; городище Новые Дубовики – перед волховскими порогами; городище Городище – перед пчевскими порогами). Ладожский поселок отличался своими топографическими условиями и от всех поселений нижнего Поволжья конца I тыс. н. э., занимавших высокие террасы, что лишним раз подчеркивает специфичность его функций в микрорегионе (Петренко, Шитова 1985: 190).

Для Рюрикова городища середины IX в. на первый план вышли функции военно-административные, связанные с его ростом, как центра формирую-

шейся новой территориальной общности, собственно «земли». Ремесло и торговля, несомненно, и здесь играли большое значение – они, а не сельское хозяйство, определяли облик поселка. Но главное заключалось в том, что в нем был сосредоточен значительный воинский контингент, очевидно, включавший немало варягов, важнейшей задачей которого являлось не только обеспечение безопасности торгового пути, но и административный контроль обширных территорий Приильменя. Из тех погостов, которые княгиня Ольга устанавливала по Мсте и Луге, включая в единое государственное устройство обширные территории, дани стекались к истоку Волхова, на Городище. Кстати, по своей топографии Рюриково городище напоминало не Ладогу, а те уже упомянутые поволховские городки на высоких террасах, приуроченные к сложным участкам водной магистрали.

По мере стабилизации государственной структуры, сложении новой экономической системы, опиравшейся на внутренние ресурсы общества, а не на внешние связи, при распространении христианства в конце X в. Городище уступило место собственно Новгороду как центру уже иного порядка, в котором, однако, административные функции управления землей являлись ведущими, что и определяло его рост как столицы Новгородской земли, то есть по существу всей северной части Древнерусского государства.

К рубежу X–XI вв. в истоке Волхова вблизи древнего городка на Городище сформировался новый центр, где располагались христианский комплекс (владычный двор, общегородской храм), торг, княжий двор и где вскоре были возведены мощные укрепления. Существование «парных» центров, подобных Городищу и Новгороду, один из которых более древний, ориентированный на внешние связи и торговую-ремесленную деятельность, а другой опирается на местную экономическую основу и является центром тянувшихся к нему сельских территорий, центром, где сосредоточены новые органы административного и церковного управления, не есть нечто единичное для Руси и стран Балтики. Подобные «пары» известны: Гнездово и Смоленск, Шестовицы и Чернигов, Сарское городище и Ростов, Тимерево и Ярославль, Городок на Ловати и Великие Луки, возможно, городище на р. Дорогоще и Новый Торг и другие. Аналогичная картина наблюдается и в Скандинавии: Бирка и Сигтуна, Хедебу и Шлезвик, Павикен и Висбю, Ширингсаль и Тенсберг. Во всех этих случаях появление новых городов и упадок прежних центров происходили на рубеже X – первой половины XI вв., в чем нельзя не видеть проявление общей исторической закономерности, единого ритма социально-политических и экономических перемен, происходив-

ших в обществах, находившихся за границами прямого влияния традиций, восходящих к античности.

Название княжеской резиденции Городищем само по себе символично. В русском языке суффикс «-ище» обозначает «заброшенное место», «место, где было...», а соответственно, и термин «городище» употребляется в первую очередь в отношении тех мест, на которых ранее находились укрепленные поселения. В данном случае несомненна древность появления топонима, поскольку в летописи он упомянут под 1103 г. Наименование «Городище», видимо, возникло в середине XI в., когда княжеская резиденция уже была перенесена на Торговую сторону, интенсивность жизни на ее прежнем месте упала, и уже полностью исчезли внешние следы крепости в истоке Волхова, а вокруг Владычного двора, наоборот, были возведены мощные валы нового детинца.

Логично было бы предполагать, имея в виду противопоставленную связку «Городище» (старый город – крепость) – «Новгород» (новый город – крепость), что оба наименования взаимосвязаны, тем более что археологические материалы говорят о их преемственности. Именно так я полагал в своей монографии 1990 г. (Носов 1990: 194). Однако предпочтительнее сейчас кажутся иные решения вопроса. Уже в летописных сводах XI в., лежащих в основе Начального свода 1093–1095 гг., название «Новгород» («новгородцы») широко соотносится с событиями более ранними и подразумевает весь город, а не только его крепость. Невозможно допустить, что на все летописные известия о деяниях времен Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся в середине XI в. Одним словом, наименование «Новгород» существовало до возведения детинца 1044 г., видимо, до появления топонима «Городища», но позже возникновения названия «Hólmgarðr». Учитывая, что на территории новгородского детинца нет слоев ранее третьей четверти X в., а весь комплекс на его месте приобрел особое значение в городской структуре только с утверждением в конце X в. христианства, строительством Софийского собора и Владычного двора, я полагаю, что летописцы, говоря о «Новгороде» при описании событий IX–X вв., имели в виду поселение на Городище. Городище – это и есть древнейший летописный Новгород (Носов 1995: 5–17).

Согласно вариантам Повести временных лет по Радзивилловской и Ипатьевской летописям, легендарный Рюрик – а Сказание о призвании варягов не лишено исторической подосновы – перешел из Ладоги через два года к истоку Волхова: «...и пришед ко Илмерю, и сруби город(о)къ над Волховом, и прозва Новъгород, и сяде ту кн(я)жа раздаа волости». В истоке Волхова во второй половине IX в. резиденция Рюрика могла быть только на Городище.

«Легенда о построении города Рюриком, – отмечал М. Н. Тихомиров, – может относиться к Городищу, тем более, что летопись говорит о построении Рюриком города над озером Ильменем, а это мало подходит к топографии Новгородца и более соответствует местоположению Городища» (Тихомиров 1956: 22). Симптоматично, что город над Волховом получил славянское название, появление Рюрика в верховьях Волхова и строительство Нового города не означает, однако, обязательного основания им первого поселения здесь. Надо думать, что военно-административный поселок мог существовать и до него. Ведь сам факт перехода Рюрика из Ладоги – даже, если это только легенда, – важное свидетельство все большего значения, придававшегося поселенческому ядру Северного Приильменья уже в середине IX в., наглядный показатель его ключевой роли в Ильменском бассейне.

Возникновение наименования «Hólmgardr» следует отнести к концу VIII – началу IX вв., когда скандинавы начали подниматься вверх по Волхову из Ладоги. Возможно, появление топонима было обусловлено характером местности в истоке Волхова, где на холмах среди низменной поймы располагалось множество отдельных славянских поселков, но не исключено, что главное из них назывался «Хьльмгород» (Носов 1995: 16–17).

Если коротко повторить схему становления городской жизни в Поволховье, какой она вырисовывается сейчас на основании анализа, главным образом, археологического материала, то она следующая. Ладога возникает как торгово-ремесленное поселение на балтийско-волжском пути, в месте, где сходились пути морского судоходства и движения по рекам Восточной Европы. По типу поселения она близка викам региона Балтики. Вдоль Волхова формируются городки у наиболее опасных, с точки зрения плавания, и важных, с точки зрения контроля, участков пути. Один из подобных городков располагался в истоке Волхова – Рюриково городище. Его роль в Приильменье многократно усиливалась тем, что поселение оказалось в сгустке славянских земледельческих поселков, образывавших ядро будущей Новгородской земли, и стало их центром. На Рюриковом городище концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношерстный контингент варягов (воины, ремесленники, торговцы). Всех их привлекало экономическое значение района и размещение здесь административных властей. Городище стало княжеской резиденцией. Именно поэтому торгово-ремесленные функции поселения, в отличие от Ладоги, изначально не были доминирующими, а сопутствовали функциям военно-административным. Последние, по мере становления государственности, сложения еди-

ной территории Новгородской земли, стали определяющими для нового центра, постепенно сложившегося к рубежу X–XI вв. в 2 км ниже по течению от Городища вокруг общегородского храма и епископского двора. Строительством детинца и каменного Софийского собора в середине XI в. завершился этот процесс.

На Руси рассмотренный путь становления городов не являлся всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего, в северной части страны он очевиден. Государство выступает как форма социальной организации общества, которая возникает на определенной стадии его развития. Оно предполагает появление централизованной формы правления, сложение территориальной общности, объединенной экономическими связями и единым административным управлением, появлением особых институтов, осуществляющих административные, судебные, военные и культовые функции (именно поэтому я даже не обсуждаю вдруг ставшей популярной тему о Ладоге как столице Северной Руси, поскольку столичность предполагает развитое государственное устройство и сформировавшуюся административно тяготеющую к ней территорию, чем Ладога, являясь и торговым и ремесленным центром в середине VIII в., явно не обладала – иные взгляды см. Мачинский 2002: 5–35; Кирпичников 2003: 17–22 и другие работы ряда авторов).

Общую роль в этой новой системе отношений и связей играли города как центры государственной власти, то есть места размещения ее важнейших институтов. Универсального определения города, приложимого ко всем эпохам и народам, если не учитывать его самые общие абстрактные характеристики, нет, поскольку формирование новых ячеек общества происходило в разных конкретных исторических условиях. Общие социологические определения обычно остаются обязательной фразой, предваряющей исторические исследования и не имеющей большого значения при анализе конкретных вопросов. К примеру, предложенное сравнительно недавно абстрактное определение города как «центра перераспределения прибавочного сельскохозяйственного продукта» хотя было признано некоторыми учеными весьма удачным (Куза 1983, 1984, 1989; Белецкий 1996: 7), на мой взгляд, как раз совершенно не удачно и даже неверно. Город при таком определении превращается в сельскохозяйственный придаток и ставится в зависимость от сельскохозяйственного производства. В то же время город – это особый феномен в жизни общества. Выйдя раз из недр сельского окружения, он живет и развивается по своим законам, создает свои собственные институты, не будучи жестко увязан во всем своем существовании с сельской стихией.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА В 1984–1989 ГГ.

В 1984–1989 гг. экспедиция продолжила начатое в 1980 г. изучение центральной, самой возвышенной части Рюрикова городища под Новгородом (табл. 1; II: 1). Раскоп общей площадью 460 квадратных метров примыкал с севера и востока к раскопам предыдущих лет и почти вплотную подходил к кладбищу при церкви Благовещения. Исследованный участок имел довольно ровную поверхность. Наблюдалось ее понижение северо-западного угла к юго-восточному на восток, которое на расстоянии 36 м достигло почти полутора метров. Толщина культурных наслоений в этой части памятника составляла от 0,7 до 1,5 м. Они оказались перемешанными вплоть до материка в результате многовековой строительной и хозяйственной деятельности. В северо-западной части раскопа были встречены прослойки угля, коричневой глины, песка и строительного мусора (цемянка, развалы кирпича, обломки плинфы, мелкие фрагменты фресок) – видимо, относящиеся ко времени разборки древнейшей и строительства новой церкви Благовещения в 1342–1343 гг.

Постройки и ямы. Впервые за все годы исследований Городища на раскопанном в эти сезоны участке были изучены углубленные в материк основания трех крупных построек древнерусского времени (табл. 2). Две из них составляли единый комплекс.

Первая постройка занимала всю северную часть раскопа 1984–1985 гг. При зачистке раскопа на уровне материка выявился четырехугольник с четко выраженными северо-западным, северо-восточным и юго-западными углами, образованный сплошным слоем угля (рис. 3; табл. 3). Его размеры 4,4 × 4,5 м. Внутри четырехугольника зафиксированы включения угля, светло-серого гумуса и песка, в то время как основную часть заполнения составлял черный гумус. По периметру, с запада, севера и востока он был окружен слоем черного гумуса шириной 0,4–0,8 м. Это большое пятно было «вписано» в центральную часть еще более значительного пятна светлого гумуса. Разборка комплекса показала, что открыто основание погибшей во время пожара постройки. Она имела размеры – 7,2 × 7,4 м. Ее котлован был впущен в материк на 1,1 м. От верхней, сгоревшей и рухнувшей вниз, части постройки были зафиксированы только слои угля в заполнении котлована (рис. 4; табл. 5). Нижняя углубленная часть сооружения имела верти-

кальные стенки и плоский пол (табл. 4). В полу, ближе к северной стенке котлована, был обнаружен небольшой ледник – прямоугольная в плане яма размерами 0,65 × 0,95 м, глубиной 0,4 м. По стенкам ямы зафиксированы остатки обугленных досок, то есть или стенки были выложены досками, или же в яму был впущен деревянный ящик. В заполнении расчищена обгорелая доска от настила, закрывавшего ледник. В полу подклета была выявлена система столбов, поддерживавших несущие поперечные балки первого этажа дома. Ямки от столбов диаметром от 16 см до 30 см шли двумя рядами, с отступом на 0,6–1,4 м от стен. Ближе к углам находились четыре пары столбов. В северо-западной части комплекса в слое угля был расчищен мощный развал перегоревших валунов и глины – остатки печи, рухнувшей вниз во время пожара (рис. 5). Вскрытый котлован являлся подпольной частью значительного деревянного срубного строения, имевшего, вероятно, два этажа. С юго-востока к сооружению примыкала менее углубленная часть (глубина 40 см) шириной 2,2 м с плоским полом. В полу, у краев выемки, зафиксированы две канавки от лаг. Ширина канавок 0,3 м, глубина 0,1 м. В торцах этих лаг расчищены две ямки от массивных столбов.

Уникальным предметом, встреченным в заполнении комплекса, является золотая серьга (табл. 6: 1; III: 1). Она представляет собой стержень круглого сечения, на который надеты три ажурные, овальные в поперечном сечении, бусины, выполненные из скани, разделенные проволокой, спирально накрученной вокруг стержня и закрепляющей бусины. Диаметр изделия составляет 1,7 см. Трехбусинные височные кольца и серьги считаются типично городским украшением Древней Руси XII – середины XIII вв. В литературе за этими ювелирными изделиями закрепился термин серьги «киевского типа». находки различаются по материалу, декору, технике исполнения. Наиболее изысканные из серег, выполненные из золота и серебра, известны, в основном, по древнерусскимкладам домонгольского времени. В городских слоях и курганах гораздо чаще встречаются подражания им, сделанные в менее трудоемкой технике и из недорогих материалов (Левашева 1967а: 18–23, 41–42; Археология 1997: 65; Рябцева 2005: 210–213). В Новгороде трехбусинные височные кольца обнаружены в слоях от

Рис. 3. Городище. Раскоп 1985 г. Гумусированные пятна на местах ям и основания постройки I в северо-западной части раскопа. Вид с юга

рубежа X–XI вв. до второй половины XIV в. (Седова 1981: 13–14; Лесман 1990: 70). Пара серег, аналогичных найденному в постройке украшению, известна из случайных находок с Рюрикова городища (Гормина 1993: 9). Изделия, близкие по внешнему виду и технике исполнения встреченным на Городище, имеются в собрании Боткина и Стариковском кладе (Жилина 1998: рис. 28г; Гуцин 1936: 67. Табл. XIII: 4). Этот клад отнесен Г. Ф. Корзухиной к группе зарытых между 70-ми гг. XII в. и 1240 г. (Корзухина 1954: 141). По предположению Н. В. Жилиной, рассмотревшей развитие трехбусинных древнерусских украшений, «ажурная конструкция бус сложилась и устоялась непосредственно в предмонгольское время, в первой трети XIII в.» (Жилина 1998: 308).

Интересной находкой является заготовка вислой свинцовой печати диаметром 17–19 мм. По определению В. Л. Янина, заготовка может быть отнесена к периоду не раньше 30-х гг. XII в., но не позднее 20-х гг. XIII в.

Среди прочих индивидуальных находок из бронзы отметим: части накладок (табл. 6: 13, 16), обломок пластинчатого широкосрединного перстня с незамк-

нутыми концами (табл. 6: 11), обломок трехволочного витого браслета (?) (табл. 6: 15) и часть пластинчатого загнутоконечного браслета средней ширины (табл. 6: 12). Браслеты с загнутыми концами в Новгороде датируются концом XI – 60-ми гг. XIV вв., но наибольшее их распространение приходится на конец XII – конец XIII вв. (Седова 1981: 113, 114; Лесман 1990: 37).

Любопытным предметом является найденное в комплексе орудие для клеймения (табл. 8: 5). Подобные находки очень редко встречаются на территории Руси. Нам известно только одно клеймо, обнаруженное при раскопках городища середины XII – середины XIII вв. у д. Городище Шепетовского района Хмельницкой области Украины (Пескова 1988: 130, 131. Рис. 93).

Интересную находку представляет собой писало (табл. 7: 18). Оно относится к типу 3-го варианта «в», по Б. Б. Овчинниковой. Такие изделия датируются второй половиной XI – второй половиной XII вв. (Овчинникова 2000: 49, 71).

При разборке постройки было обнаружено два обломка лезвий топоров и два целых экземпляра

Рис. 4. Городище. Стратиграфия заполнения постройки I

(табл. 8: 4, 10, 11). Один из топоров, найденный в верхней части заполнения комплекса, имеет массивное симметричное лезвие, уплощенную тыльную сторону обуха, треугольную в сечении втулку и щекавицы с нижней стороны. Другой топор, происходящий из сооружения, в отличие от первого имеет две пары боковых щекавиц и овальную в сечении втулку. Оба топора можно отнести к орудиям второй переходной формы, по Б. А. Колчину, которые встречаются в отложениях второй половины XII – первой половины XIII вв. древнего Новгорода (Колчин 1959: 25–26. Рис. 10; 12; Колчин 1982: 161. Рис. 4).

Наконечники стрел представлены двумя экземплярами. Один из них относится к лавролиственным наконечникам с круглым черешком и упором для древка (тип 63, по А. Ф. Медведеву) (табл. 7: 9). Такие наконечники появились в IX в. и были распространены до позднего средневековья (Медведев 1966а: 74–75). Другой экземпляр принадлежит к типу шиловидных наконечников квадратного сечения без упора (тип 93, по А. Ф. Медведеву) (табл. 7: 11). Они представлены в древностях Восточной Европы с X по XIV вв. включительно. В Новгороде этот тип на-

конечников встречен в слоях второй половины XI–XIII вв. (Медведев 1966а: 84).

В комплексе найдена дужка от цилиндрического навесного и два ключа от внутренних замков. Один из ключей, обнаруженный в нижней части заполнения комплекса, принадлежит цельнодеревянному замку с «желудями» (табл. 7: 15). В Новгороде такие замки исчезают из употребления в начале XII в., но иногда ими пользовались до конца этого столетия (Колчин 1959: 86; Колчин 1982: 161. Рис. 3; Колчин, Хорошев, Янин 1981: 84–85). Внутряной цельнометаллический замок, зафиксированный в верхней части заполнения, представлен только обломком ключа (табл. 7: 14). Подобные замки появляются в конце XIII в. (Колчин 1959: 91. Рис. 74: 14–17; Археология СССР 1985: 16. Табл. 7: 33–36).

В постройке также встречена железная дужка от котла (табл. 7: 10). В Новгороде медные котлы с такими ушками имели наибольшее распространение в XIII–XV вв. (Колчин 1959: 104–105; Гайдуков 1992: 94. Рис. 62: 1–5).

В коллекции имеется восемь ножей (табл. 7: 1–8). Три изделия имеют небольшой дол вдоль спинки.

Рис. 5. Городище. Остатки печи-каменки в северо-западной части постройки I. Вид с востока

Один из них имеет также насечки на обушке. У одного ножа сохранилась костяная рукоять.

Среди других предметов из железа в заполнении сооружения отмечены: вток (табл. 7: 16), крючок, гвоздодер (табл. 8: 1), пробойник (табл. 7: 17), блесна или поясной крючок (табл. 7: 13), два ледоходных шипа (табл. 7: 12), а также несколько предметов неизвестного назначения и их обломки.

Особо следует упомянуть встреченные в заполнении постройки фрагменты стеклянных сосудов, которых найдено более шести десятков¹. Среди посуды есть осколки изделий древнерусского происхождения, а также фрагменты импортных сосудов. К древнерусским изделиям относятся кусочки венчиков (7 экз.) (табл. 6: 2), донцев (11 экз.: типы 1-й, 2-й, 3-й и 4-й, по Ю. Л. Щаповой), стенок сосудов (6 экз.) из прозрачного желтоватого (22 экз.), зеленоватого (1 экз.) и бирюзового (2 экз.) стекла². Один обломок венчика (табл. VI: 18) и три стенки украшены накладными бесцветными нитями (табл. 6: 5). Из-за фрагментар-

ности имеющегося материала сложно судить о формах найденной стеклянной посуды. Пять донцев с гладкими и рифлеными стенками из прозрачного желтоватого (4 экз.) и зеленоватого (1 экз.) стекла принадлежат лампам (остродонным кубкам) (табл. 6: 8, 9; VI: 23, 27). Этот тип сосудов наиболее распространен в Новгороде, но представлен в слоях XI–XII вв. и других древнерусских городов (Щапова 1972: 55. Рис. 11: 1–3; Археология 1997: 31. Табл. 22: 1, 3–5; 23: 1–3). В Новгороде такие донца найдены в слоях второй четверти XI – первой четверти XIII вв. Основная масса находок датируется второй и третьей четвертью XII в. (Щапова 1963: 122; Щапова 1972: 42, 46, 55). Три донца прозрачного желтоватого стекла принадлежали сосудам с поддонами. Донца имеют диаметр 2,5; 2,7 и 6 см (табл. 6: 3, 4, 6). Кубки с поддонами стали изготавливаться на Руси в 30-е гг. XII в. Это самая характерная для южнорусских городов форма посуды (Щапова 1972: 58). В Новгороде такие сосуды редки. Они встречены здесь в отложениях

¹ Большая коллекция осколков стеклянной посуды, найденной при изучении заполнений и разборке культурных напластований, безусловно, требует специального исследования.

² №№ 601–21, 27–29, 37, 41, 54; 602–17, 20, 27, 29, 30, 33–38. Здесь и далее номера лабораторных шифров образцов стеклянных сосудов и керамической глазури с Рюрика городища, подвергнутых количественному и спектральному анализу, выполненному В. А. Галибиным. Результаты анализов и комментарий А. Н. Егорькова см. в приложении 3.

второй половины XII – начала 80-х гг. XIII вв. (Щапова 1972: 42, 47). Два обломка прозрачного, чуть желтоватого стекла являются частями устойчивых слабоогнутых донцев диаметром чуть больше 3 см (табл. 6:7). Одно из этих донцев имеет рифление и украшено красноватыми полосами (табл. VI: 21). Еще одно слабоогнутое донце диаметром около 3,5 см, выполненное из бирюзового стекла, имеет слабое вертикальное рифление (табл. VI: 25). Эти днища, видимо, принадлежали сосудам «стакано-видной» формы с расширяющимися кверху стенками. Обломки посуды этого типа происходят из слоев древнерусских городов последней четверти XI – первой половины XIII вв. Ранние сосуды имеют сильно вогнутое, конусовидное дно. Во второй половине XII в. донца становятся менее рельефными (Щапова 1972: 32, 33, 36, 42, 46, 48, 52, 58. Рис. 2: 2, 16; 3: 9; 8:3, 4; 9:1; 10:2; Полубояринова 1963б: 233, 234. Рис. 1:1; Полубояринова 1987: 165, 167). Именно такие экземпляры найдены на Городище.

К изделиям, изготовленным в византийских мастерских, можно отнести встреченные в черном углестом слое два фрагмента красно-фиолетового стекла (табл. IV: 13, 14). Они украшены геометрическим орнаментом, выполненным золотом. Возможно, эти обломки принадлежат флакону. К византийскому сосуду (или сосудам) относятся и небольшие обломки стенок молочно-белого непрозрачного стекла с росписью золотом и красной эмалью (27 экз.) (табл. IV: 3–10)³. В разных частях постройки найдено более двух десятков фрагментов одного или нескольких одинаковых расписных стеклянных сосудов молочно-белого стекла, что свидетельствует об одновременности основной части заполнения комплекса.

Сирийское происхождение, видимо, имеют осколки венчиков и стенок прозрачного бесцветного или чуть желтоватого стекла (9 экз.)⁴, происходящих из верхнего песчанистого и черного углестого слоев (табл. IV: 18–20, 26; V: 15, 21, 22). На части из них

сохранилась роспись синей, красной и зеленой эмалью и/или золотом. Судя по профилировке венчиков, эти обломки принадлежали сосудам, имеющим форму расширяющегося кверху стакана, аналогии которым найдены в ряде древнерусских городов (Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968: 12–14. Таб. VIII, IX, XI: 4; Щапова 1974: 83. Рис. 1: 2; Стоярова 1997: 104; Асташова 1998: 163. Рис. 3: 1). Целый сосуд такой формы был встречен на Городище в 1981 г. при исследовании культурного слоя в приблизительно в 12 м западнее рассматриваемой постройки (рис. 6). Его высота 85–87 мм, диаметр по венчику 70 мм, а по дну – 35 мм. По своей форме бокал можно отнести к типу В по С. Кенессону, который датируется исследователем 1225–1250 гг., но городищенский сосуд имеет меньшие размеры (Wolf 2004: 514. Abb. 4:4)⁵.

Наибольший интерес представляет обломок сирийского сосуда, происходящий из верхней части заполнения, образовавшейся после разрушения сооружения (табл. IV: 23). Он составляет единое целое с двумя другими фрагментами, встреченными при разборке культурного слоя. Один из них найден над комплексом в том же квадрате при разборке культурного слоя, а другой – примерно над комплексом на девять метров восточнее⁶. Центральное место в композиции росписи сосуда занимает человеческая фигура в верхней одежде красного цвета с прямым осевым разрезом. В руках человека находится что-то изображенное белой эмалью, возможно, овца. Лицо и руки выполнены золотом с последующей графической прорисовкой деталей. У человека большой нос, миндалевидные глаза под дугообразными бровями, небольшой рот, округлый подбородок. Волосы, выполненные коричневой эмалью, доходят до плеч. На голове имеется конический головной убор светлосинего цвета. Вокруг головы – нимб, исполненный золотой краской. Левее этой фигуры видны следы изображения, выполненные белой эмалью, – вероятно, головы животного (?). Свободное пространство

³ №№ 601–19, 22–26, 30, 31, 34, 36. Стекло этой посуды, сваренное на золе пустынных растений, получило распространение в византийском ремесле в XI–XII вв. Оно по своему химическому составу неслитично в настоящее время от изделий других восточно-средиземноморских центров (Щапова 1998: 91, 92). К византийской группе стеклянных изделий следует отнести фрагмент молочно-белого стекла, найденный при разборке культурного слоя на раскопе в верхней части городищенского холма в 1980 г. (табл. IV: 1). На нем с большим искусством золотом с последующей гравировкой изображен хищный зверь (лев), догоняющий зайца (№230–31).

⁴ №№ 601–16; 602–13, 23, 24, 50. Отдельные осколки сирийских стекол находили и в ранше. Так в 1981 г. был встречен обломок сосуда из прозрачного бесцветного стекла с изображением рыбы, выполненной золотом с красным контуром (табл. IV: 17). Золотые рыбки украшают ближневосточные средневековые стеклянные изделия, произведенные в разных центрах, начиная с середины XIII в., и относятся к одному из самых распространенных изображений животных (Wolf 2004: 531). Особенно много их на сосудах выделенной К. И. Ламмом дамасской группы (Lamm 1929: Taf. 95: 15, 19, 20; 113: 10, 12, 16, 22, 23; 138: 1, 7; 142: 5, 7, 15, 16; 143: 14, 15, 17–24; 144: 1–4, 9, 16–20; 148: 17–21; 149: 10, 14–17; 151: 14, 16, 17; 153: 1–10; 157: 1–8, 1–13, 18; 164: 1, 2, 6; 166: 7, 8; 167: 1, 4, 7; Lamm 1930: 245, 253, 254, 273, 300, 301, 343, 344, 349–351, 358, 359, 361, 362, 367, 378, 379, 381, 382). В Новгороде фрагмент стенки сосуда с рисунком рыбы найден на уровне II яруса (Щапова 1962: 234).

⁵ Анализа состава стекла этого изделия, к сожалению, сделано не было. Если этот стакан действительно принадлежит к изделиям сирийских мастеров, тогда это уникальная для средневековых памятников Восточной Европы находка. Целые стеклянные сосуды ближневосточного производства на территории России нам известны только из раскопок на Северном Кавказе (Бусятская 1972: 86; Отчет 1898: 19–20, 27, 30. Рис. 98, 98б, 144, 154).

⁶ № 451–54.

Рис. 6. Городище. Стекланный кубок

над ней заполнено растительным орнаментом, который исполнен золотой краской. Ей же оконтурены все детали росписи, нанесенные цветными эмалями. Над фигурой, отделенный двойной линией, располагается фриз, содержащий арабскую надпись из тонких букв почерком «насах», выполненных золотом. Видимо, этому сосуду принадлежит еще один небольшой обломок, найденный в верхнем песчанистом слое⁷. На нем имеется изображение части головы человека (табл. IV: 21). Лицо исполнено золотой краской, по которой прорисован нос, глаз под изогнутой бровью, рот и подбородок. Коричневой эмалью переданы волнистые волосы.

Изображение людей появились уже на сирийских изделиях, которые авторитетный знаток восточного стекла К. И. Ламм отнес к «Раккской группе», но в большем числе фигуры представлены на сосудах, изготовленных в Алеппо и Дамаске (Lamm 1930: 245, 254; Lamm 1941: 59, 63, 68). Фризы с надписями, выполненными золотыми неоконтурными буквами почерком «насах», характерны для «Раккских» изделий (Lamm 1930: 245; Lamm 1941: 59; Гуревич, Жанполадян, Малевская 1968: 12). Конические головные уборы, похожие на тот, который показан на голове у человека с городищенского кубка, представлены на стеклах из г. Ракка и ранних экземплярах «группы Алеппо», датируемых К. И. Ламмом второй четвертью XIII в. (Lamm 1929: Taf. 96: 6; 112; 115: 2, 5, 6; Lamm 1930: 275, 297, 298, 303, 304; Lamm

1941: 65) Позднее в качестве мужского головного убора, в основном, стал изображаться тюрбан (Lamm 1929: Taf. 120: 1, 6; 121: 1, 6, 7; 126: 5; 127: 3, 4, 5; 163: 1, 3, 9; Lamm 1930: 313–315, 325, 329, 330, 376; Lamm 1941: 65). В Новгороде осколки сосуда с человеческими фигурами найдены в 10–11 ярусах Черевского раскопа, относящихся к 1299–1340 гг. (Щапова 1962: 234). В Смоленске фрагменты с изображением человека обнаружены в слое середины XIII в. (Асташова 1998: 163).

К редким находкам относится фрагмент круглого оконного стекла зеленоватого цвета (табл. 6: 10; VII: 12). Оно изготовлено из поташно-свинцово-кремнеземного стекла⁸. В Древней Руси такие оконницы применялись с XI в. по первую половину XIII в. (Щапова 1972: 65–72).

Среди находок представлены десять обломков стеклянных браслетов, а также обломок гладкого плоско-выпуклого перстня из стекла ярко-зеленого цвета.

Среди пяти стеклянных бусин комплекса представлены: желтая лимоновидная (табл. VIII: 22), которые в Новгороде доживают до 30-х гг. XII в. (Щапова 1956: 173, 174; Лесман 1984: 140); шаровидная желтоватого стекла (табл. VIII: 53), аналогии которой в Новгороде датируются концом XI – 60-ми гг. XIV вв. (Лесман 1984: 138); темно-синяя зонно-цилиндрическая (бочонковидная) (табл. VIII: 42), такие бусы в Новгороде бытуют до 70-х гг. XII в. (Лесман 1984: 139); сине-зеленая зонная классическая (табл. VIII: 37), которые в Новгороде встречаются с конца XI в. до 70-х гг. XIV в.; большая сине-зеленая битрапециодная бусина с пропорцией 1:1, относящаяся по новгородской шкале к первой четверти XII – 80-м гг. XIII вв. (Колчин 1982: 167, 168; Лесман 1984: 139).

Имеются в комплексе и три бусины из горного хрусталя (круглая и две четырнадцатигранные) (табл. VI: 1, 5, 6). Хрустальные шарообразные бусы в Новгороде датируются X – 70-ми гг. XIII вв., а четырнадцатигранные – второй половиной X – серединой XI вв. и второй половиной XIII – началом XIV вв. (Полубояринова 1994: 77).

Из костяных предметов в комплексе представлены: обломок проколки (табл. 6: 19), фрагмент костяной накладки, по-видимому, – от двустороннего наборного гребня (табл. 6:18) и часть костяного предмета (табл. 6:14).

В постройке зафиксированы четыре сланцевых оселка (табл. 8: 6–9), два из которых имеют отверстие для подвешивания, а еще на одном оно намечено, часть глиняного грузила овально-цилиндрической

⁷ № 601–40.

⁸ № 601–39.

формы от рыболовной сети (табл. 8: 2), а также обломок керамической плитки с зеленой поливой.

Отметим также часть каменного сверленного топора, найденного в верхнем песчанистом слое заполнения котлована (табл. 8: 3). Изделия неолита и раннего металла, особенно фрагменты орнаментированной лепной керамики, не относятся к редким находкам на Рюриковом городище, где находились поселения этих эпох (Гроздилов 1940; Плохов 1987). Предметы предшествующих веков часто встречаются при археологических исследованиях древнерусских памятников. Этим артефактам, подбираемым на местах древних стоянок, в средневековье нередко придавали магическое значение.

В заполнении исследованной постройки найдено свыше 18 тысяч обломков средневековой керамики, а также около 1400 фрагментов амфор⁹. На стенке одной из амфор отмечен процарапанный знак.

В комплексе были найдены три обломка от сосуда (кувшина или вазы), изготовленного из твердого белого кашина (табл. V: 25, 26). Внутренняя его поверхность покрыта синей прозрачной поливой, а на внешней, покрытой белой непрозрачной поливой, фиксируется роспись желто-коричневым люстром¹⁰. Люстровые фаянсы с белой непрозрачной поливой характерны для изделий иранского производства последней четверти XII – первой четверти XIII вв. В Новгороде встречен только один фрагмент люстровой керамики иранского производства (Коваль 1998: 163). Иранские люстровые фаянсы на территории средневековой Руси известны в ограниченном числе мест: Старой Рязани, Ярославле, Твери, Новгородке, Владимире, Волковыске, а также отмечены в Казани и Болгаре (Даркевич, Стародуб 1983; Гуревич 1981: 41, 47, 57, 67, 74, 82, 110. Рис. 29: 1, 4, 5; 37: 4; 48: 1, 2; 53: 2, 5, 10, 13, 16, 17; 59: 24; 66: 25, 26; 84: 4; Гуревич 1968: 35. Рис. 1; Коваль 1996: 237, 238; Коваль 2003б: 362, 363)¹¹. Как показали исследования, керамика Ближнего и Среднего Востока является редкой находкой при раскопках древнего Новгорода. Она отмечена только на усадьбах наиболее богатых новгородцев (Медведев 1963: 270, 271).

У западной стенки комплекса была встречена часть роговой накладки с бронзовыми штырьками от одностороннего наборного гребня, украшенная резным геометрическим орнаментом, выполненным двойными линиями (табл. 6: 17). Она, по классификации О. И. Давидан, принадлежит второй группе гребенок Старой Ладogi, которая встречается в памятниках Западной и Восточной Европы в IX–XI вв. (Давидан 1962: 100–101; Колчин 1982: 164. Рис. 5).

В этой же части постройки найден целый массивный ладьевидный браслет (табл. 29:8). Он украшен продольным валиком и пятью группами поперечных валиков, две из которых находятся на самых концах браслета. Обломок еще одного такого браслета зафиксирован в восточной части комплекса (табл. 29: 7). Ладьевидные браслеты характерны для древностей Скандинавии, Финляндии и иногда встречаются на памятниках в других регионах Балтики и северной части Восточной Европы в IX–X вв. (Petersen 1928: 154; Kivikoski 1937: 238–241; Korkeakoski–Väisänen 1981: 75–76, 83–84; Левашева 1967б: 243; Носов, Плохов 1994б: 150. Рис. 3:3; Носов, Плохов 1997: 141, 143. Рис. 12:4). Каменная формочка для отливки таких браслетов была найдена в горизонте Д Старой Ладogi (Давидан 1980: 59, 60. Табл. 2:18). Не исключено, что эти находки происходят из заполнения сооружения конца I тыс. н. э., перерезанного юго-западной стенкой постройки. С этим комплексом, видимо, связаны также две бусины. Это бочонкообразная бусина печеночно-красного стекла, от которой сохранилась только часть (табл. VIII: 30), и крупная кольцеобразная бусина, украшенная белой и печеночно-красной нитями (сильно патинизированная) (табл. VIII: 57). Бочонкообразные прессованные бусы в Ладoge найдены во всех древнейших горизонтах и имеют многочисленные аналогии на памятниках Скандинавии и севере Восточной Европы последней четверти I тыс. н. э. (Львова 1968: 72, 73). Аналогии крупной кольцеобразной бусине в Старой Ладoge и в Скандинавии относятся к IX–X вв. (Львова 1968: 78).

Вторая постройка отстояла на 1 м к востоку от первой и имела с ней одинаковую ориентировку (табл. 2; 9). После зачистки на уровне материка комплекс представлял собой четырехугольное пятно серого гумуса размером 4,5 × 4,5 м, в центре которого имелось округлое пятно черного гумуса размерами 2 × 2,4 м. По периметру (кроме юго-западного угла) четырехугольник был окружен слоем более светлого гумуса шириной 0,6–1 м. При этом и это большое пятно размерами 5,8 × 6 м сохраняло форму четко-прямоугольника. В свою очередь, оно было «вписано» в еще более значительное пятно светло-серого песчанистого гумуса. Размеры этого пятна около 7,6 × 7,6 м. В своей южной части оно сливалось с заполнением третьей постройки. Ее изучение показало, что это еще одно впущенное в материк крупное срубное сооружение. Основание постройки представляло собой углубление четырехугольной формы размерами 7,4 × 7,6 м. Оно было врезано в материк

⁹ Описание керамического комплекса из «больших» построек см. главу 3.

¹⁰ № 602–21, 22.

¹¹ Благодарим В. Ю. Коваль за полученную консультацию.

на 25–45 см. Внутри комплекса, приблизительно на 1 м от его краев, выявлены остатки сруба – канавки от мощных бревен окладного венца. Ширина канавок 30–35 см, глубина 10 см. Лучше всего и на всю длину сохранилось углубление от бревна юго-западной стены сруба. Канавка от бревна юго-восточной стены прослежена на длину 2,7 м, а от северо-западной стены – на 1 м. Юго-западная канавка была на 6–10 см глубже других. Это говорит о том, что северо-западное и юго-восточное бревна врубались в юго-западное. Размеры сруба 6 × 6 м. Внутри него выявлена меньшая по размерам деревянная конструкция четырехугольной в плане формы, больше углубленная в материк, чем сам сруб – на 0,6–0,8 м от уровня древней дневной поверхности. Размеры конструкции 3,6 × 3,7 м. Она имела столбовой каркас. Зафиксированы три ямы от мощных столбов, находившихся по углам сооружения. Диаметр ям 0,5–0,8 м, глубина 0,25–0,4 м. На полу конструкции в ее западной половине и у юго-восточного угла сохранились остатки досок пола в виде полос древесного тлена длиной до 1 м. По центру в полу подклета были зафиксированы три ямки диаметром 0,25–0,35 м и глубиной 0,15–0,2 м, расположенных в линию. Они остались, видимо, от столбов, поддерживавших поперечные несущие балки сруба. В полу имелась также яма диаметром 0,8 м и глубиной 0,33 м, возможно, хозяйственного назначения. Заполнение комплекса представляло, в основном, слои серого песчанистого гумуса различных оттенков (табл. 10), причем между стенками котлована и срубом оно было более светлым, чем во внутренней части сооружения.

В целом, раскопанную постройку можно представить в виде клетки 6 × 6 м с квадратной столбовой конструкцией в подклете и легкими внешними пристройками. При разборке комплекса совершенно не было встречено камней, что свидетельствует об отсутствии в срубe печи, то есть это было холодное помещение.

Наиболее интересной находкой из второго сооружения является костяная печать для оттисков по воско-мастичной массе (табл. 11: 1). Она имеет форму многоярусной шахматной фигуры сложного профиля, выточенной на токарном станке. Высота печати составляет 2,3 см. Диаметр основания 1,4 см. В нижней части фигуры просверлен сквозной горизонтальный канал. С ним соединен другой вертикальный канал, опущенный с вершины фигурки. Они, очевидно, предназначались для шнура, необходимого для ношения печати. Верхний шар фигуры украшен врезным орнаментом. На круглой плоскости основания можно видеть схематичное изображение птицы с поднятой лапкой, как бы идущей по кругу. Одно крыло птицы поднято вверх. Клюв направлен вперед. Хвост изображен тремя штрихами – длинными перьями.

В средневековых материалах костяные прикладные печати встречаются не часто. В. Д. Белецкий выделил среди них две хронологические группы, различающиеся между собой, прежде всего по форме. В раннюю группу, датируемую XIII–XIV вв., он объединил печати, напоминающие шахматные пешки (Белецкий 1975: 24). Близкие по форме шахматной фигуре прикладные костяные печати встречены на целом ряде памятников Восточной Европы. В Новгороде они найдены в слоях XIII–XIV вв. (Арциховский 1958: 232. Рис. 4; Колчин, Рыбина 1982: 211. Рис. 23; Гайдуков 1992: 84. Рис. 42: 5). В Белоозере из четырех печатей две обнаружены в слоях середины второй половины XIII в., а еще две получены в ходе сборов подъемного материала (Голубева 1973: 173. Рис. 37: 1, 3; Захаров 2004: 223, 224. Рис. 247). Известны печати в Серенске и на городище Дуна, где они относятся ко времени домонгольского нашествия (Полубояринова 1971; Гендуне 1903: 20). Печать из Старой Рязани найдена в постройке усадьбы второй половины XII в. – 1237 гг., которую исследователи считают принадлежащей «выходцам из боярской среды, представителям княжеской администрации» (Даркевич, Борисевич 1995: 168–170). Еще одна печать встречена при исследовании богатой усадьбы конца XIII – начала XIV вв. в Твери (Лапшин 1997: 400). Два экземпляра костяных печатей обнаружены в Болгаре, где они датируются второй половиной XIV – первой четвертью XV вв. (Полубояринова 1983).

Изображения птиц зафиксированы на костяных средневековых печатях из Белоозера, Серенска, Новгорода (в слое рубежа XV–XVI вв.), Болгары (Голубева 1973: 173. Рис. 37: 3; Полубояринова 1971: Рис. 33; Янин 1959: 304. Рис. 1: 9; Полубояринова 1983: Рис. 2). Печати с Рюрикова городища по манере показа животного ближе всего изделия Болгара.

На древнерусских свинцовых печатях изображения птиц появляются в середине XV в. Среди них есть экземпляры, имеющие определенное сходство с птицей на городищенской находке (Янин 1970: №№ 591, 727, 728). Некоторую близость в отдельных деталях можно найти и между фигурой на костяной печати и птицами на русских монетах XV–XVI вв. (Орешников 1896: табл. IV: 24, VI: 232, XI: 491; Гайдуков 1993: 193, 203).

Наиболее многочисленны в постройке предметы из железа. Среди них есть одиннадцать ножей и их обломков (табл. 13: 1–11). На одном ноже отмечены остатки костяной рукоятки. Другой экземпляр имеет пластинчатый черешок с заклепками и остатками деревянной рукоятки. В Новгороде такие ножи появляются не ранее рубежа XIII–XIV вв., а основное время их распространения XV–XVI вв. (Гайдуков 1992: 91, 125. Рис. 54: 12, 13, 15).

От железной оправы для ножен в коллекции имеется узкий стержень, полукруглый в сечении (табл. 12: 6). Верхний его конец изогнут петлей, в которую вставлена прямоугольная рамка. В Новгороде такие оправы встречены в слоях XIV–XV вв. (Варфоломеева 1994: 173, 174. Табл. II: 9, 10).

В комплексе обнаружены три наконечника стрел. Один экземпляр наиболее близок втульчатый лавролистным наконечникам арбалетных стрел ромбического сечения с наибольшим расширением боевой головки ближе к острию (2 вариант 8-го типа, по А. Ф. Медведеву) (табл. 11: 12). А. Ф. Медведев считал, что такие наконечники характерны для XIV–XV вв. (Медведев 1966а: 94, 95). В Орешке аналогичные городищенскому по форме, но более массивные наконечники наиболее типичны для слоев конца XIV–XV вв. (Кильдюшевский 1999: 66. Рис. 1: 5, 6). Два других наконечника принадлежали стрелам для лука. Один экземпляр относится к треугольным срезам (Тип 54, по А. Ф. Медведеву) (табл. 11: 14). Этот тип был распространен с IX по XIV вв. включительно (Медведев 1966а: 70, 71). Другой наконечник принадлежит к группе двурогих срезней с упором (Тип 60, по А. Ф. Медведеву) (Медведев 1966а: 72, 73) (табл. 11: 13). Кроме этих наконечников в заполнении найдено черешковое одношипное орудие длиной около 13 см, – видимо, часть остроги.

Из конского снаряжения при разборке постройки встречена половина кольчатых удил (табл. 13: 19), две подпирные пряжки (табл. 12: 8, 11) и три ледоходных шипа (табл. 12: 5). Удила относятся к IV типу, по А. Н. Кирпичникову. Этот тип был самым распространенным на территории Древней Руси (Кирпичников 1973: 16–17; Археология СССР 1985: 317–318. Табл. 145: 7). Пряжки имеют прямоугольную форму с двумя слегка скругленными углами и состоят из дужки и вставного стержня. Такие изделия употреблялись на Руси с XI по XVII вв. (Кирпичников 1973: 77. Рис. 43: 10; Никитин 1971: 42. Табл. 6: 15, 16).

В сооружении встречены три дужки от навесных замков (табл. 12: 1–3), а также ключ от съемного замка типа Д или Е (табл. 12: 7). Эти типы использовались в XIV–XVI вв. (Колчин 1982: 160, 162; Археология 1997: 15, 16).

Из других бытовых железных предметов найдены: копоушка (табл. 11: 15), лезвие пружинных ножниц (табл. 13: 22) и, возможно, кольцо от шарнирных ножниц (табл. 13: 21). Сплошные сварные кольца у ножниц в Новгороде появились только в XIV в. (Колчин 1959: 60). Обнаружены три ременные пряжки (табл. 11: 5, 7, 8), из которых одна имеет прямоугольную форму, а вторая двухчастная, а также две ленточ-

ные ластильные скобы (1 тип, по Г. Е. Дубровину) (табл. 13: 16, 17). Скобы этого типа преимущественно бытовали в XIII–XIV вв. (Дубровин 2000/1: 94, 85). Из железа сделаны также части двух цепей (табл. 13: 29, 30), дужка от ведра или другой крупной емкости (табл. 13: 15), обломок дужки от котелка (?) (табл. 15: 18), светец (?) (табл. 13: 12), накладка, обломок квадратного в сечении прута с граненым набалдашником, возможно, часть стержня безмена (табл. 13: 23), обломок зубила (?) (табл. 13: 28), пробой (?) (табл. 13: 25), несколько гвоздей, на одном из которых сохранился кусок дерева (табл. 13: 24), а также ряд неопределимых предметов (табл. 13: 13, 14, 27).

В числе прочих находок в комплексе встречена круглая роговая шайба диаметром 2,5 см с двумя отверстиями (табл. 11: 10). На одной ее стороне нанесена слабая небрежная перпендикулярная насечка. Здесь также обнаружен ряд изделий из сплавов на основе меди: треугольная накладка с тремя штырьками (табл. 11: 2), цепочка (табл. 11: 11), шаровидный бубенчик с линейной прорезью (табл. 11: 4), две чашечки от складных весов диаметром 7,2 и 7,6 см (табл. 12: 9, 10), а также два обломка неопределимых предметов (табл. 11: 3; 12: 4). Шаровидные бубенчики этого типа появились в Новгороде в XI в. и изготовлялись до первой трети XV в. (Седова 1981: 156; Лесман 1984: 137). Детали от весов в слоях Новгорода встречаются повсеместно и их бытование не ограничено твердыми хронологическими рамками.

В постройке отмечено шесть фрагментов стекла. Венчик и две стенки из прозрачного бесцветного стекла, расписанного золотом и цветными эмалями (красной, розовой, белой)¹², очевидно, принадлежат сосудам, сделанным в сирийских мастерских (табл. V: 12, 13, 19). Два фрагмента, судя по венчику (диаметр – 11 см), принадлежат открытому кубку усеченно-конической формы. Среди обломков есть стенка прозрачного бесцветного сосуда, украшенного накладной нитью синего стекла и накладной волной из бесцветного стекла¹³ западноевропейского происхождения. Фрагменты аналогичных изделий были найдены при раскопках в г. Турку (Финляндия) в слоях, датированных 1360–1410 гг., и определены как обломки кубков. Такие сосуды встречены и на других памятниках балтийского региона (Haggren 2003: 226. Kuva 4; taulu 2: 2). Первые западноевропейские стеклянные сосуды в Новгороде отмечены в слоях, отложившихся вскоре после монгольского нашествия. Находки относительно посуды других центров производства немногочисленны и связаны почти всегда с богатými усадьбами новгородских бояр (Рыбина 2001: 245). Близкий городищенскому по цвету и технике осколок

¹² №№602–39, 44; 603–22.

¹³ № 602–41, 42.

западноевропейского сосуда был найден при исследовании 5/6 ярусов Неревского раскопа в Новгороде, датированных 1396–1422 гг. (Щапова 1963: 117, 129. Рис. 4: 5). Два обломка плоского прозрачного коричневого стекла (сильно патинизированные) имеют подчетырехугольную и треугольную формы (табл. VII: 8, 11). Некоторые края фрагментов покрыты мелкой ретушью. Треугольный обломок украшен линиями и точками, нанесенными белой эмалью. Куски коричневого цвета, видимо, являются частью витражных стекол. Такие находки очень редки на территории Руси. Во Владимире и Суздале обнаружены похожие фрагменты витражных стекол (Родина 1991; Родина 2004: 128–130. Рис. 80). Во Владимире несколько осколков встречено в домонгольских слоях. По мнению М. Е. Родиной, они украшали окна хором Всеволода Большое Гнездо или кого-то из его приближенных (Родина 1996; Родина 1997: 151, 152. Рис. 3). В Суздале одно из стекол происходит из заполнения жилища, датированного рубежом XIV–XV вв. (Родина 1991: 115; Родина 2004: 129).

Среди других изделий из стекла отмечены: два обломка стеклянных браслетов, кусочек черного стекла и половинка гладкой черной эллипсоидной стеклянной бусины со спирально-волнистым орнаментом (табл. VIII: 49). Такие бусы в Новгороде бытуют с последней четверти XI в. до конца XIII в. (Лесман 1984: 140).

В заполнении комплекса обнаружено шиферное пряслице (табл. 11: 20), часть грузила из известняка (табл. 13: 26) и два оселка: из сланца и из песчаника (табл. 13: 20). Найден также ряд предметов из глины: два пряслица (табл. 11: 18, 19), два шарика диаметром 1,4–1,7 см (табл. 11: 16, 17), встречающихся в Новгороде в слоях XIV в. (Гайдуков 1992: 109), обломок тигля, а также закрытая ложковидная льячка (табл. 11: 21). Подобные льячки встречены в Новгороде в слоях второй половины XII – XIV вв. (Рындина 1963: 214. Рис. 7: 6; Колчин, Хорошев, Янин 1981: 120. Рис. 60; Колчин, Рыбина 1982: 220. Рис. 34: 5).

В заполнении сооружения зафиксировано большое количество древнерусской гончарной керамики XIII–XIV вв., в том числе белоглиняной, и фрагменты амфор.

Третья постройка своей северо-западной стеной практически вплотную примыкала к юго-восточной стене описанного выше сооружения (табл. 9). Очевидно, обе они представляли собой единый обширный комплекс. После зачистки на уровне материка было зафиксировано четырехугольное пятно черного гумуса (в северной части – темно-серого) с включениями битого кирпича. Его размеры – 4 × 4 м. По периметру с трех сторон (кроме юго-восточной) этот квадрат был окружен слоем более светлого серого гумуса шириной 0,4–0,8 м, причем сохранялась

подчетырехугольная форма пятна. В свою очередь, оно находилось в центре еще более значительного пятна светло серого песчанистого гумуса размерами 7,6 × 8,5 м. Изучение остатков южного строения показало, что это было крупное срубное сооружение с внутренним срубным углубленным подвалом (рис. 7). При разборке были выявлены канавки от бревен сруба, лежавших в основании его северо-западной, юго-западной и юго-восточной стен. Длина углубления от бревна северо-западной стены 6 м, ширина 0,4–0,5 м, глубина 0,12–0,2 м. Длина канавки от бревна юго-западной стены 7,2 м, ширина 0,2–0,4 м, глубина 0,05–0,1 м. Длина углубления от бревна юго-восточной стены 4,8 м, ширина 0,32–0,36 м, глубина 0,05 м. Следов от бревна северо-восточной стены не прослежено. Интересно, что бревна не состыковывались между собой ни в северо-западном, ни в юго-западном углах комплекса. Это свидетельствует о том, что они не врубались одно в другое, а являлись подкладками под стены. В юго-западном углу сруба была зафиксирована двойная столбовая ямка, состоящая из более глубокой ямки (диаметр 0,3 м, глубина 0,32 м) и примыкавшей к ней более мелкой (диаметр 0,4 м, глубина 0,11 м). Стоявший здесь столб, несомненно, был связан с конструкцией постройки. Сруб в плане имел квадратную форму и размеры 7,4 × 7,6 м. Углами сруб был ориентирован так же, как и две другие постройки.

Внутри сруба выявлен подвал. Он представлял собой четырехугольный котлован размерами 4,4–4,8 × 4,6–4,9 м и глубиной 0,8–1 м. В котлован был впущен сруб. На дне котлована у стенок прослежены канавки от бревен его нижнего венца. Углубление у северо-западной стены имело длину 3,8 м, ширину 0,4 м, глубину 0,05–0,11 м. Канавка у юго-западной стены зафиксирована на длину 2,4 м. Ее ширина 0,25 м, глубина 0,07 м. Частично, на 2 м, прослежено углубление и от бревна юго-восточной стены. Ее ширина 0,3 м, глубина 0,07 м. У северо-западной стены была отмечена яма глубиной 0,2 м и размерами 1 × 1,6 м. Сруб, впущенный в котлован, был меньше последнего, и его внутренние размеры составляли приблизительно 3 × 3 м. В юго-западном углу пола котлована была расчищена округлая в плане яма диаметром 1,1 м и глубиной до 0,18 м. Назначение срубного подвала было аналогично назначению столбовой деревянной внутренней конструкции второй постройки.

Заполнение подвала представляло собой чередование слоев черного и серого гумуса различной интенсивности (табл. 10). Слои прогибались от краев котлована к его центру. Большая их часть образовалась в процессе заплывания сооружения. При разборке южной части комплекса, исследованного по слоям, была зафиксирована следующая картина. В центральной части комплекса был разобран чер-

Рис. 7. Городище. Постройка III. Вид с севера

ный гумусированный слой (слой I), достигавший мощности 0,64 м. Слой оказался насыщенным колотым камнем, кирпичом и кусками известкового раствора. В нем встречены угли, рыба чешуя. При разборке слоя зафиксировано 2125 обломков развитой средневековой гончарной керамики, шесть фрагментов раннегончарных сосудов, три лепных, а также пять обломков амфор. Кроме того, найдены предметы из железа: два наконечника стрел, два ножа (табл. 15: 4), вертлюг (табл. 14: 9), ледоходный шип (табл. 16: 11), кольцо (табл. 16: 10), ручка от ларца (?) (табл. 16: 1) и втульчатый бородчатый ключ (табл. 15: 16). Один из наконечников стрел относится ко второй разновидности ланцетовидных ромбического сечения (Тип 78, по А. Ф. Медведеву) (табл. 14: 17). Они были распространены в XI–XIV вв. (Медведев 1966а: 79, 80). Второй наконечник можно определить как пирамидальный трехгранный (Тип 76 вариант 2, по А. Ф. Медведеву) (табл. 14: 19). Такие изделия датируются X–XII вв. (Медведев 1966а: 79). Здесь же встречены: бронзовый шарообразный тисненный бубенчик со щелевидной прорезью (табл. 14: 10), обломок стеклянного браслета, маленький

обломок стенки сосуда из прозрачного фиолетового стекла и донце сосуда с кольцевидным поддоном (диаметр около 8 см), изготовленное из прозрачного, чуть зеленоватого стекла (табл. 14: 2). По нижней границе черного слоя местами зафиксированы прослойки древесного тлена, которые отделяли этот слой от находящегося под ним более светлого серого песчанистого гумуса (слой II).

Толщина серого слоя 0,12–0,16 м. В нем встречено гораздо меньше колотого камня и кирпича, чем в черном слое. Редко попадались кости животных. Здесь найдено 1042 обломка позднесредневековой гончарной керамики, один фрагмент сосуда с зеленой поливой, два обломка амфор, один обломок раннегончарного горшка и один – лепного. Среди прочих находок представлены предметы из железа: наконечник стрелы (табл. 14: 13), нож, части двух удил (табл. 16: 13, 15), а также половинка глиняного грузила (табл. 16: 18), пять очень мелких обломков стеклянных сосудов бесцветного прозрачного стекла, два куса оконного стекла прозрачного оливкового цвета (один фрагмент покрыт патиной и радужной побелостью) (табл. VII: 9). Наконечник стрелы можно отнес-

ти к типу остролистных с длинной шейкой (61 тип, по А. Ф. Медведеву). В Новгороде такие изделия найдены в слоях второй половины X–XIII вв. (Медведев 1959:165). Часть одного экземпляра удил принадлежит типу IV этого вида изделий. Вторые удила, по-видимому, имели три подвижные звена, среднее из которых имело восьмеркообразную форму, а боковое – приотсренное, обращенное к кольцу окончание (V тип, по А. Н. Кирпичникову) (Кирпичников 1973: 16, 17). В Новгороде А. Ф. Медведев отмечал две находки таких удил в слоях XI и XIV вв. (Медведев 1959: 185). Удила этого типа, с аналогичными городищенскому экземпляру боковыми звеньями, найдены в Новгороде на Рагатицком раскопе (Хорошев 1978: 192. Рис. 12: 1).

Ниже залегал слабогумусированный слой серого цвета толщиной от 0,2 до 0,7 м (слой III). При его разборке зафиксировано небольшое количество колотого камня, рыба чешуя, 1390 фрагментов позднесредневековой гончарной керамики, один обломок сосуда с поливой, три обломка амфор, девять – раннегончарной керамики, шесть – лепной. Среди других находок представлены предметы из железа: обломок личины дверного замка (табл. 16: 4), обломок пластины, ленточная ластильная скоба (табл. 16: 5), а также часть свинцового предмета, известняковое грузило (табл. 16: 20) и половинка глиняного грузила (табл. 16: 18), вторая часть которого происходила из вышележащего слоя. Этот факт, как и сходство основной массы керамики из слоев, говорит о близком времени образования данных отложений.

Глубже цвет заполнения комплекса стал более темным (слой IV). Он залегал непосредственно на полу срубного подвала дома, а в юго-западном углу комплекса непосредственно выходил на уровень древней дневной поверхности. Толщина данного слоя от 0,3 до 0,6 м. В нем нет колотого камня, кирпичей и костей животных. Найдено 2097 фрагментов средневековой керамики, шесть обломков сосудов с поливой, 16 фрагментов амфор, 33 обломка лепных горшков. Кроме того, из слоя происходят дужка от съемного замка и два целых экземпляра навесных замков. Один из них принадлежит типу V или VI, по Б. А. Колчину (табл. 15: 21). Такие замки появились во второй половине XII в. и вышли из употребления в первой половине XV в. (Колчин 1982: 160, 162; Археология 1997: 15, 16). Другой замок является индивидуальным типом, имеющим корпус, близкий к овалу, и две проушины, в которые впаян соединительный цилиндр (табл. 15: 19). Близкие по форме замки найдены при раскопках слоев конца XIV – первой четверти XV вв. Пскова, а также при исследовании Настасьинского поселения первой половины XIII – середины XV вв. (Королева, Харлашов 1994: 86. Рис. 13: 3; Двуреченский 2004: 42. Рис. 77: 15). Из трех наконечников

стрел два принадлежат срезням в виде узкой вытянутой лопаточки с тупоугольным острием (первая разновидность типа 67, по А. Ф. Медведеву) (табл. 14: 15, 16). Такие наконечники появились в Восточной Европе вместе с ордами Батия и были распространены здесь в XIII–XV вв. А. Ф. Медведев считает их типичными монгольскими наконечниками. На севере Руси подобные срезни встречаются редко (Медведев 1966а: 75, 76). В Новгороде найдено два таких наконечника в слоях второй половины XIII – первой половины XIV вв. (Медведев 1959: 167). В Орешке срезень этого типа встречен при расчистке комплекса XV в. (Кильдюшевский 1999: 69. Рис. 1: 10) По мнению А. Ф. Медведева, в Новгород наконечники рассматриваемого типа попали после нашествия монголов в результате политических и торгово-экономических связей: Новгород посещали золотоордынские чиновники и сборщики налогов, а новгородцы бывали в Орде (Медведев 1966а: 76; Медведев 1966б: 55, 56). Третий наконечник принадлежит ланцетовидным ромбического сечения (Тип 78 вторая разновидность, по А. Ф. Медведеву) (табл. 14: 18). Судя по его массивности, этот наконечник был предназначен для арбалетной стрелы. Подобные изделия использовались в XII–XV вв. (Медведев 1966: 79, 80). В этом же слое были встречены предметы из железа: два ледоходных шипа, обломок зубила (табл. 16: 12), два ножа (табл. 15: 9), ленточная (табл. 16: 18) и эллиптическая лодочные (ластильные) скобы, пластина, кольцо с пробоем (табл. 16: 9), а также два сланцевых оселка (табл. 16: 19), глиняное пряслице (табл. 14: 5), испорченная заготовка наконечника кремневого дротика, три обломка стеклянных браслетов, больше тридцати обломков стеклянных сосудиков. Среди фрагментов посуды есть кусочки венчика (табл. VI: 19) и стенки сосудов из прозрачного слабожелтоватого стекла, обломки венчика и стенок (3 экз.) бесцветного прозрачного стекла (два фрагмента украшены росписью золотом, красной и синей эмалями; один декорирован бесцветной накладной нитью) (табл. V: 9), еще один является очень мелким обломком стенки молочного непрозрачного стекла. Большая часть осколков принадлежит кубку из слабо-желтоватого стекла на кольцевидном поддоне из фиолетового стекла (табл. 14: 1). Фиолетовыми накладными, параллельными друг другу, нитями украшено и тулово сосуда. Здесь же найден мелкий фрагмент оконного стекла слабо-зеленоватого цвета. Из этого слоя происходит также бронзовый предмет, состоящий из двух полых конусов, направленных вершинами друг к другу (от верхнего сохранилось только основание) (табл. 14: 4). Место соединения обмотано в два оборота проволокой. Нижний конус декорирован углубленным геометризированным растительным орна-

ментом и пояском из зигзага, сверху и снизу которого поля покрыты штриховкой. На середине высоты припаян ободок из рубчатой проволоки. Вдоль нижнего края конуса пробито 6 отверстий. По декору этот предмет (подвеска?) можно датировать последней четвертью XII – третьей четвертью XIV вв. (Лесман 1989: 84)¹⁴.

Между слоями III и IV в верхней половине южной части заполнения комплекса был отмечен тонкий слой черного гумуса (слой V) толщиной до 0,1 м. В нем зафиксирован колотый камень, кирпич, включения угля, а местами его сплошной тонкий слой толщиной 3–5 см. Этот слой, очевидно, маркирует остатки верхних конструкций, рухнувших в подвал во время пожара. Здесь найдено 139 обломков позднесредневековой гончарной керамики, очень мелкий фрагмент стеклянного сосудика бесцветного прозрачного стекла, украшенного накладной нитью из такого же стекла, и предметы из железа: фрагмент цепи из двух восьмеркообразных цельносварных звеньев, заканчивающейся с одной стороны пробоем (табл. 16: 7), ленточная ластильная скоба и шарнирные ножницы (табл. 15: 14).

Заполнение верхней части комплекса в пространстве между краем котлована для большого наземного сруба и внутренним подвалом представляет собой слабогумусированный серый песчанистый слой толщиной до 0,5 м (слой VI). В нем встречены редкие осколки камня, 588 обломков средневековой гончарной керамики, 28 раннегончарной, 22 лепной, четыре фрагмента амфор. Кроме того, здесь найдены: нож (табл. 15: 3), железное кольцо с пробоем (табл. 16: 14), два сланцевых оселка (табл. 16: 17), два мелких обломка стеклянных сосудиков желтоватого, сильно патинизированного и бесцветного прозрачного стекла, маленький кусочек оплавленного стекла, а также две стеклянные бусины (псевдозолоченая бусина (табл. VIII: 33) и желтая лимоновидная двухчастная (табл. VIII: 20)). Псевдозолоченая бусина датируется серединой XI – серединой XIII вв. (Щапова 1972: 87), а желтые лимоновидные бытовали в Новгороде до 30-х гг. XII в. (Лесман 1984: 140). Во всех слоях встречались железные гвозди длиной от 5 до 13 см и фрагменты железных предметов неясного назначения (табл. 16: 2). Кроме того, в заполнении столбовой ямки у юго-западного угла сооружения было найдено железное писало с лопаточкой в виде треугольника с прямым лезвием (тип 12 вариант В, по Б. Б. Овчинниковой) (табл. 15: 12), которое датируется концом XII – серединой XIV вв. (Овчинникова 2000: 57, 76. Рис. 10).

Кроме уже упомянутых находок, в заполнении комплекса встречены многочисленные железные

изделия. Среди них девять ножей и их обломков (табл. 15: 1, 2, 6, 7, 10, 11), в том числе нож с пластинчатым черенком и отверстиями на нем для заклепок (табл. 15: 8). Как уже отмечалось, в Новгороде такие ножи появляются не ранее рубежа XIII–XIV вв. (Гайдуков 1992: 91, 125. Рис. 54: 12, 13, 15). Еще одно изделие, также имеющее пластинчатый черешок, – остатки деревянной рукоятки, представляет собой, вероятно, не нож, а бритву (табл. 15: 5). На левой стороне ее лезвия имеется клеймо. Ножи с клеймами встречаются в слоях XIV–XVII вв. ряда российских городов. Их появление на русском рынке связывают с ввозом из стран Западной Европы (Беленькая, Розанова 1988).

В заполнении встречен корпус от навесного замка типа Е, по Б. А. Колчину (табл. 15: 20). Такие замки в Новгороде найдены в слоях XV–XVI вв. (Колчин 1959: 84. Рис. 70; Колчин 1982: 160, 161; Археология 1997: 15). Из трех ключей один предназначался для открывания съемных замков типа В, по Б. А. Колчину (табл. 15: 18). В Новгороде этот вид ключей появился во второй половине XII в. и бытовал до начала XV в. (Колчин 1982: 160, 162; Археология 1997: 15, 16). От другого навесного пружинного замка с торцевым поворотным ключом найден бородчатый ключ (табл. 15: 17). Ключи такого типа в отложениях Новгорода встречаются с конца XIV в. (Археология 1997: 15, 16). Последний втульчатый ключ запирает металлические замки с деревянным засовом первого типа, по Б. А. Колчину (табл. 15: 15). Такие замки применялись с конца X до первой половины XIII вв. (Колчин 1982: 161, 162; Археология 1997: 16).

Из двух наконечников стрел от лука один относится к уже упомянутому срезням в виде узкой вытянутой лопаточки с тупоугольным острием (табл. 14: 14), второй – к пирамидальным с массивной короткой боевой головкой ромбического сечения с перехватом у короткого черешка (Тип 91, по А. Ф. Медведеву) (табл. 14: 12). Этот тип широко распространен по всей Руси в X–XIV вв. (Медведев 1966: 83).

Железные предметы представлены также: ледоходным шипом, втулкой от тесла (?) с остатками дерева (табл. 16: 16), шилом с квадратным загнутым острием и тордированным лезвием у плоского черенка (табл. 15: 13), кольцом (табл. 14: 11), брусом, обломком дужки (?) (табл. 16: 6) и эллиптической ластильной скобой (табл. 16: 8). Этот тип скоб преимущественно бытовал в XIII–XIV вв. (Дубровин 2000/1: 95, 96). Есть также часть предмета неясного назначения (табл. 16: 21).

Среди изделий из стекла отмечены шестнадцать фрагментов стеклянных древнерусских сосудиков, в том числе маленький обломок венчика бесцветного

¹⁴ Благодарим за консультацию Ю. М. Лесмана.

прозрачного стекла¹⁵, мелкий фрагмент стенки сосуда желтоватого прозрачного стекла с фиолетовой полосой¹⁶, две стенки от лампы желтоватого прозрачного стекла¹⁷, остродонное дноще (тип 2, по Ю. Л. Шаповой) зеленоватого стекла¹⁸ (табл. VI: 28), часть вогнутого донца сосуда желтоватого прозрачного стекла¹⁹. Стенка сосуда красно-фиолетового стекла²⁰, возможно, изготовлена в Византии, а восемь стенок прозрачного бесцветного стекла, расписанного золотом и цветными эмалями (красной, зеленой, синей), принадлежат посуде, произведенной в сирийских мастерских²¹ (табл. IV: 25; V: 1–3, 5, 6, 17, 18). Один осколок имеет арабскую надпись, выполненную золотом. На трех мелких обломках текст, нанесенный золотом, оконтурен красной краской.

Кроме посудного стекла найдено: семь обломков стеклянных браслетов, часть эллипсоидной (?) бусины сине-зеленого стекла (табл. VIII: 47), фрагмент бесцветного патинизированного оконного стекла²², кусочек желтой смальты (табл. VII: 2), а также прямоугольный фрагмент прозрачного стекла коричневого цвета (патинизированный), три края которого покрыты мелкой ретушью.

Найден разделитель, выполненный из янтаря – квадратный в сечении брусочек с тремя поперечными каналами (табл. 14: 3). В Новгороде такие разделители, но только с двумя отверстиями встречены в слоях 40-х гг. XIV – второй четверти XV вв. (Розенфельдт 1978: 203. Рис. 1: 25; Шаповалов 2000: 163).

В комплексе встречены также: сланцевый оселок; предметы из бронзы: шаровидный бубенчик из двух тисненых половинок с линейной прорезью и рельефным валиком, которые изготавливались в Новгороде с 30-х гг. XIII в. по 20-е гг. XV в. (Лесман 1984: 137), обломок браслета или фибулы (табл. 14: 7), узкопластинчатый перстень с разомкнутыми концами (табл. 14: 8), которые в Новгороде встречены с конца X до конца XIII в. (Седова 1981: 131), и свернутая в трубочку пластинка – заготовка заклепки (табл. 14: 6).

При разборке культурного слоя над этим комплексом была найдена уникальная находка – половинка литейной формы из розового песчаника для отливки заготовок вислых свинцовых печатей диаметром 22–24 мм (табл. 32: 16). В древности она треснула, и ее угол был скреплен бронзовой заклепкой. Формы

для отливки заготовок актов печатей чрезвычайно редки. Одна случайная находка происходит с Рюрикова городища²³. Две такие формы встречены на Псковщине: при раскопках Пскова и городища Воронич (Белецкий 2001: рис. 9; Белецкий 2001–2002: 132, 133. Рис. 36: 1; Белецкий 2004: 23. Рис. 37; 38: 1). Обнаружение форм для отливки заготовок свинцовых печатей является дополнительным важнейшим материальным свидетельством функционирования на резиденции новгородских князей государственного института по удостоверению официальных документов.

Большие размеры строений, расположение их вблизи княжеской церкви Благовещения – в 21 м к югу от храма позволяют думать, что они входили в комплекс построек княжеского двора, находившегося на Городище в древнерусское время. Об этом же говорит и богатый материал из их заполнения. Дорогие импортные товары (стеклянная и керамическая посуда, престижные пищевые продукты, перевозимые в амфорах, украшения) были доступны лишь верхам древнерусского общества. В Новгороде они были встречены только на боярских усадьбах, но в гораздо меньшем числе.

Количество обломков амфор, найденных в заполнении первой большой постройки, а также и на остальной площади, занимаемой строениями, не является типичным для территории Древней Руси (ср. Коваль 2003а: 353–360). В Новгороде с Неревского раскопа происходит около 447 фрагментов амфор, а с Троицкого раскопа (до 1990 г.) около 1800 фрагментов (Волков 1996: 91). Это скопление говорит не только о богатстве, но и об очень тесных связях владельцев раскопанного объекта с южными регионами. Поскольку одним из главных импортеров и потребителей содержимого амфор (вина, оливкового масла) являлись князья (Коваль 2003а: 345, 346), можно предположить, что в нижней части этой постройки находился княжеский погреб – вместилище для хранения привезенных и местных продовольственных продуктов. Если принять данные о том, что амфоры разбиваются в среднем на сто обломков (Археология 1997: 36), можно по самым скромным подсчетам предполагать, что в исследованном сооружении обнаружены фрагменты около полутора десятков таких сосудов.

¹⁵ № 603–23.

¹⁶ № 602–53.

¹⁷ № 602–40, 48.

¹⁸ № 603–13.

¹⁹ № 603–12.

²⁰ № 602–43.

²¹ №№ 602–46, 47, 49, 51, 52, 54; 603–15, 24.

²² № 603–14.

²³ Форма изготовлена из известняка и предназначена для отливки заготовок диаметром 23 мм. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник: кп 35043: 465.

О неординарности исследованных построек свидетельствует найденная при разборке первого комплекса заготовка свинцовой печати, костяная печать в заполнении второй постройки, а также литейная формочка из песчаника для отливки заготовок свинцовых печатей, встреченная при исследовании слоя над котлованом третьего сооружения. Подобные находки свидетельствуют о принадлежности построек лицам, которые занимали высокие административные должности и имели право скреплять государственные документы своими печатями.

В целом, по совокупности находок и керамическому материалу, время существования первой большой постройки может быть отнесено ко второй половине XII – первой половине XIII вв. Существенным хронологическим индикатором для ее датировки, кроме заготовки печати, является наличие большого количества обломков амфор в заполнении. Фрагменты амфор появились в Новгороде в отложениях конца X в. Ввоз этой импортной тары достигает максимума в XII в., а в слоях, сформировавшихся после монгольского нашествия, ее обломки практически отсутствуют (Рыбина 2001: 69, 70. Рис. 3; 4). Также распределяется в Новгородском культурном слое стекло киевских и византийских мастерских (Рыбина 2001: 79, 80). Единственный предмет, появившийся в обиходе в последней четверти – конце XIII в., – ключ от внутреннего цельнометаллического замка, встречен в верхней части заполнения, сформировавшейся после гибели постройки. Нельзя исключать вероятности, что это сооружение было уничтожено пожаром, отмеченным летописью под 1194 г. (НПЛ 2000: 41; 234).

Сооружения II и III, судя по вещевому и керамическому материалу, функционировали в конце XIII–XV вв. Три радиоуглеродные датировки по остаткам двух бревен и углю на дне комплекса относят начальный этап существования построек II и III ко второй половине XIII в. Результаты еще шести датировок позволяют считать, что эти постройки погибли во время пожара «в интервале около середины – третьей четверти XV в.» (Попов, Зайцева 1994: 172, 180).

Кроме описанных древнерусских сооружений на площади раскопа было исследовано несколько более древних комплексов.

Комплекс №54²⁴. Южная часть данного комплекса находилась в пределах раскопа 1983 г. и была тогда же расчищена. Общие размеры сооружения – 2,4–2,8 × 7 м. Оно вытянуто по линии север-юг, углублено в материк на 0,85 м в южной части и на 0,35–0,65 м – в северной. Уже при зачистке большое гумусированное пятно выглядело неоднородным. Черный гумус, особенно в южной части, отчетливо

выделялся на фоне светло-серого песчанистого слоя. Эти наблюдения в дальнейшем подтвердились. Нижняя часть заполнения, а также заполнение у западной и северной стенок – серый гумус с песчанистыми включениями. Здесь найдено 14 обломков лепной керамики, украшенной ямками и отпечатками штампа. Керамика может быть отнесена ко второй половине II – первой половине I тыс. до н. э. Верхняя часть данного сооружения оказалась нарушенной во время Великой Отечественной войны. В черном гумусе встречены многочисленные осколки, аморфные куски – железа, и оплавленного стекла, ледоходный шип (табл. 17: 2), а также перемешанный керамический материал: 12 фрагментов позднесредневековых сосудов, 5 – раннегончарных, 20 – лепных конца I тыс. н. э.

Комплекс №56. В северо-западной части раскопа была расчищена часть сооружения конца I тыс. н. э., частично исследованного в 1982 г. и перерезанного с восточной стороны «большой постройкой» древнерусского времени. Общая длина сооружения, вытянутого с юго-востока на северо-запад, – 5,65 м, наибольшая ширина сохранившейся части 1,5 м, глубина до 0,7 м. Стенки достаточно крутые, пол понижается к центру сооружения. Заполнение: темно-серый гумус с включениями песка, в котором четко прослеживался в 0,1 м от пола слой угля мощностью до 0,12 м – следы сгоревших во время пожара и рухнувших перекрытий. При разборке заполнения найдено 267 обломка лепной керамики конца I тыс. н. э. (31 венчик), 40 – раннегончарной (6 венчиков) и один обломок сосуда эпохи раннего металла. Из индивидуальных находок в комплексе встречены: дирхем (Аббасиды, город (?), 220 г. х. – 835 г. н. э.), бронзовый прямоугольный в сечении стержень (табл. 17: 3), железный наконечник стрелы, желтая и синяя стеклянные бисерины (табл. VIII: 3, 13). Здесь же была найдена часть рогового одностороннего наборного гребня с широкой накладкой, украшенной плетенкой (табл. 17: 6). Эту расческу, видимо, можно отнести к гребням первой группы 2 типа вариантов гребней Старой Ладogi. Подобная расческа найдена в верхнем ярусе построек горизонта Д данного памятника (Давидан 1968: 57. Рис. 1: 5; Давидан 1999: 171. Рис. 2: 7). О. И. Давидан связывала происхождение гребней первой группы с фризо-скандинавскими древностями и датировала расчески 2 типа IX–XI вв. (Давидан 1968: 57, 60–61; Давидан 1999: 172–174).

Комплекс №57. Яма округлой в плане формы диаметром 1,7–2 м, углубленная в материк на 0,4–0,56 м с плоским дном и крутыми стенками. На дне, у северо-западной стенки ямы имеется овальное углубление размерами 0,5 × 0,8 м, глубиной 0,12–0,2 м

²⁴ Нумерация комплексов продолжает нумерацию, начатую в книге Е. Н. Носова 1990 г.

по отношению ко дну. Заполнение ямы: интенсивно черный гумус. С юга к яме примыкает узкое длинное углубление, которое все более сужается к югу (длина 3,7 м, ширина от 0,9 до 0,3 м). В южном и в северном его концах имеются ямки от столбов диаметром 0,5 и 0,4 м соответственно и глубиной 0,36 и 0,27 м. Оба столба, очевидно, входили в конструкцию перекрытий сооружения. Заполнение углубления: черный гумус с включением угля. Видимо, яма и примыкающее к ней с юга вытянутое углубление образовывали единый комплекс, который можно рассматривать как погреб с примыкающим входом. В заполнении обеих частей комплекса найдена исключительно лепная керамика: 77 фрагментов сосудов конца I тыс. н. э. (11 обломков венчиков, 65 – стенок, 1 – донца) и 3 фрагмента горшков эпохи раннего металла. В верхней части комплекса была встречена четырнадцатигранная сердоликовая бусина (табл. VI: 12). В Старой Ладогге и Новгороде такие бусы в основном датируются X–XI вв. (Давидан 1998: 123,124; Полубояринова 1994: 75). Кроме того, в яме обнаружен язычок железной пряжки (табл. 17: 5) и часть роговой срединной пластины наборного одностороннего гребня первой группы Старой Ладогги (ширина накладки 2,6 см) (табл. 17: 7). Расчески этой группы О. И. Давидан датировала VIII–XI вв. (Давидан 1968: 57–61). В углублении найдено также железное кольцо диаметром 32 мм (табл. 17: 1).

В 0,6 м к северу от данного комплекса расчищена столбовая ямка глубиной 0,14 м и диаметром 0,4 м. Вдоль южной части западной стенки раскопа разобраны заполнения небольших частей четырех сооружений, исследованных в основном на площади раскопа 1982 г. (Носов 1990: 99–101. Рис. 36). Их заполнение – черный углистый гумус, в котором встречено несколько обломков лепной керамики конца I тыс. н. э. Приведем размеры вскрытых частей этих четырех сооружений, начиная с более южного: часть первого сооружения имела размеры 0,5 × 0,84 м, глубина 0,22 м; часть второго (№ 18) – 0,5–0,9 × 1 м, глубина 0,28 м; часть третьего (№ 17) – 0,4 × 1 м, глубина 0,21 м; часть четвертого (№ 16) – 0,7 × 1 м, глубина 0,14 м.

Комплекс №58. Яма в плане близкая к овалу, размерами 1,8 × 2,4 м, углубленная в материк на 1–1,1 м, с крутыми стенками и уплощенным дном (размеры ямы по дну – 1,36 × 1,6 м). Ее заполнение очень однородно: светло-серый гумус, местами с включениями песка, аналогично заполнению ямы № 54. Похожими штампа и ямками, которые могут быть датированы в пределах второй половины II – первой половины I тыс. до н. э., и несколько костей животных.

Комплекс №59. Сооружение, состоящее из двух частей: овальной в плане центральной части, вы-

тянутой с северо-запада на юго-восток и примыкающей к ней с юго-запада мелкой полукруглой части. Комплекс с севера нарушен котлованом большой средневековой постройки. Центральная часть сооружения имеет ширину 1,48 м, длину 2,4 м (была больше), глубину 0,5–0,58 м, крутые стенки и уплощенное дно. Ее заполнение представляет собой слабогумусированный слой серого цвета с включениями темно-серого гумуса. При разборке встречено несколько камней, кости животных и керамика. На западной стенке комплекса зафиксирована столбовая ямка диаметром 0,4 м, глубиной 0,5 м, заполненная серым гумусом, в которой найдены обломки лепной посуды и кости животных. Меньшая часть сооружения имела размеры 0,8 × 1,5 м, глубину 0,1 м и плоский пол. Ее заполнение: темно-серый гумус с включением угля, большого количества камней, некоторые из которых лежали непосредственно на материке (часть камней носит следы пребывания в огне), костей животных и рыб, а также керамики. Видимо, здесь в углублении располагался очажок или небольшая печь, использовавшаяся для хозяйственных целей. Всего в заполнении комплекса найдено 340 обломков измельченной лепной керамики конца I тыс. н. э. и два фрагмента раннегончарных сосудов. Здесь же встречена желтая стеклянная бисерина (табл. VIII: 1), кремневый наконечник стрелы, железное кольцо (табл. 17: 4) и железный предмет неясного назначения. Среди костей животных были определены останки коровы, бобра, свињи, козы или овцы.

Комплекс №60. С востока к описанному сооружению примыкала вытянутая с юго-запада на северо-восток яма размерами 0,48 × 1,50 м, глубиной 0,32–0,55 м, с крутыми стенками и вогнутым дном. Ее заполнение представляло собой слабогумусированный песчаный слой светло-серого цвета, в котором найдено два фрагмента лепной керамики эпохи раннего металла.

Древний ров. Уже в процессе работ 1987 г. при исследовании построек древнерусского времени было зафиксировано резкое падение дневной поверхности городищенского всхолмления в восточном направлении, которое в дальнейшем было сnivelировано мощной песчаной засыпью. Для выяснения ее характера в 1989 г. была заложена траншея до 5 м шириной и длиной 16 м на восток от исследованных остатков древнерусских построек II и III (рис. 8; табл. 18).

Засыпь состояла из чередующихся слоев и линз чистого светлого материкового песка, слабогумусированного песчаного слоя серо-желтого и серого цвета, мешаного песка и слоев других оттенков. Материковый склон холма на исследованном участке интенсивно падал в восточном направлении, причем

Рис. 8. Городище. Прорезка рва. Вид с запада

это падение было не плавным, а уступами. В одном месте крутизна склона достигает 45° . Из-за неожиданной значительной мощности засыпи пришлось все время сужать траншею для обеспечения безопасности работ. Удалось проследить падение склона до глубины $-6,68$ м от репера или на глубину до $4,5$ м от древней дневной поверхности. На разных уровнях в песчаных слоях засыпи встречались кости животных, скопления (кв. 194, гл. $-3,2-3,4$; кв. 187, 188, гл. $-2,37$) и отдельные фрагменты лепной профилированной керамики конца I тыс. н. э. (кв. 238, 241, гл. $-3,46$; кв. 238, гл. $-3,49$; кв. 237, 238, 240, 241, гл. $-3,6-3,8$; кв. 241, гл. $-4,1$; кв. 233, 240, гл. $-5,44$; кв. 238, 241, гл. $-6,2$), а также несколько обломков посуды раннего металла и раннегончарных горшков (кв. 238, гл. $-3,49$; кв. 237, гл. $-4,2-4,6$). Среди единичных находок предметов, обнаруженных в песчаных слоях насыпи, представлены: сланцевый оселок (кв. 238, гл. $-3,04$), роговая срединная пластина от одностороннего наборного гребня первой группы Старой Ладogi (кв. 238, гл. $-3,46$) (табл. 33: 4), ледоходный шип (кв. 237, гл. $-3,75$) (табл. 23: 7), часть лезвия топора (кв. 237, гл. $-3,75$), обломок глиняного грузила от вертикального ткацкого станка (кв. 238, гл. $-3,9$) и кусок шлака (кв. 238, гл. $-6,5$).

В результате наблюдений сделанных в 1987–1989 гг., можно сделать вывод, что нами выявлен западный склон древнего рва, окружавший возвышенную часть городищенского холма площадью около $1-1,2$ га. От места расположения траншеи 1989 г. ров шел к северо-западу к церкви Благовещения. В этом направлении он был зафиксирован в раскопе 1988 и шурфе 1996 г. Судя по рельефу местности и установленному направлению рва, последний к югу, очевидно, переходил в древний овраг-ров, открытый в районе раскопа 1977–1979 г. и наличие которого было подтверждено исследованиями самых последних лет. Кстати, нельзя не отметить, что наличие древнего рва в непосредственной близости от храма Благовещения имеет непосредственное отношение к объяснению того, что этот древнейший после Софийского собора каменный храм Новгорода в XIV в. был разобран и на его месте возвели новую церковь. Очевидно, что строители собора начала XII в. не учли наличие древнего рва, подходящего к фундаментам храма, и тот попросту «поплыл» на нетвердом грунте.

Итак, в заполнении рва найдена лепная и раннегончарная керамика конца I тыс. н. э., часть глиняного диска-грузика от вертикального ткацкого

станка, которые были распространены в IX–X вв. (Седых 1995: 58–60), а также роговая срединная пластина от одностороннего наборного гребня первой группы гребней Старой Ладogi, датируемой VIII–XI вв. (Давидан 1968: 60–61). Радиоуглеродный анализ, произведенный по углю из прослоек заполнения рва, определил время его функционирования как конец VIII–X вв., причем датировки двух образцов говорят о том, что ров мог быть сооружен еще в начале VIII в. (Попов, Зайцева 1994: 171, 179). Из всего этого следует, что заплывание рва шло уже в конце IX – первой половине X вв., когда на поселении еще широко бытовала лепная керамика, а сооружен он был в более ранний период жизни поселка. Одновременно со рвом должен был существовать и вал, насыпанный грунтом, вынутым из рва, и снивелированный при перепланировке княжеской резиденции в XI в. Судя по расположению комплексов конца I тыс. н. э. на раскопанном участке городищенского холма и распространению

обломков лепной посуды, вал был небольшим, не более трех метров шириной (табл. 19).

Таким образом, средневековое поселение на начальном этапе своей истории имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части. Площадь мысовой части возвышенности, окруженной валом и рвом, составляла приблизительно 1–1,2 га. Неукрепленная часть поселения располагалась как по гребню возвышенности к северу и северо-востоку от городка, так и на самом низменном мысу.

Печь для обжига известняка. Одним из интереснейших объектов, открытых раскопками этих лет, является печь, сложенная из плинфы и предназначенная для обжига известняка (рис. 9, 10; табл. 20, 21). Конструкция находилась в 25 м к юго-востоку от возведенного в 1103 г. на вершине городищенского холма Благовещенского собора. Печь была сооружена на месте засыпанного к тому времени рва.

Рис. 9. Городище. Печь для обжига известняка. Вид с юга

Рис. 10. Городище. Печь для обжига известняка. Вид с севера

Основание печи было сложено в котловане, имевшем глубину 1,2 м со стороны центра возвышенности.

Внутренние размеры печи следующие: 3,2 м (по линии север–юг) и 3,2–3,6 м (по линии запад–восток). Печь имела форму ромба. Эта форма, как и конструкция стенок, были обусловлены характером участка, где стояла печь. Котлован печи был помещен в слое слабогумусированного песка, представляющего собой засыпь древнего оборонительного сооружения городища. Наиболее укреплены были стенки сооружения с северной и западной стороны, а восточная стенка значительно уступала им по мощности. С юга находились два устья печи, разделенные прямоугольной кладкой. Торцы западной и восточной стенок и прямоугольная кладка между ними, разделявшая устья, несколько выдавались вперед печи, образуя своеобразные пилястры.

Основание западной стенки печи имело толщину 1 м и было двухчастным /разрез II–II'/. С внутренней стороны его образовывали 11 вертикальных рядов

плинфы, уложенной в перевязку, а с внешней стороны между этой кладкой и краем котлована была забутована плотная коричневая глина. Глина не только являлась частью основания стенки, но и была прекрасной гидроизоляцией печи со стороны склона рва. Внутренняя лицевая линия основания стенки была вертикальной. Наземная часть стенки имела толщину 0,8 м и была сложена из плинфы, опиравшейся на всю ширину кирпично-глиняного основания. У стенки четкая лицевая и внутренняя поверхность. С внешней стороны наземная кладка сохранилась на 13 рядов кирпича. На западной стенке зафиксирована часть свода. Свод шел от внутренней поверхности южных пилястр до северной стенки на всю длину печи. Он сохранился на 8 рядов кирпича от пяты основания свода /разрез II–II'/.

Северная стенка печи по конструкции аналогична западной. Ее основание толщиной 1 м было двухчастным – ряды плинфы изнутри и глиняная забутовка снаружи. На это основание опиралась наземная кирпичная часть стенки. Изнутри лицевая вертикаль-

ная кладка из целой плинфы сохранилась на 20 рядов /разрез III–III'./

Восточная стенка имела толщину 0,4–0,45 м. Снаружи она сохранилась на два ряда кирпича, а изнутри прослеживалось 12 рядов. Плинфа верхнего ряда (целая) лежала вперевязку. Никакой дополнительной забутовки глиной с внешней стороны основания этой стенки не было.

Печь имела два устья (ширина восточного – 0,65 м, западного – 0,66 м), разделенных прямоугольной кладкой размерами 0,64 × 0,92 м, сохранившейся на семь рядов кирпича, положенных на подсыпку из коричневой глины мощностью до 0,3 м. Основания каждого устья составляли массивные плиты известняка. Прямоугольная кладка между устьями несомненно служила дополнительной опорой для свода печи.

Кладка стен велась на глине без известкового раствора. Следует подчеркнуть, что для строительства были взяты преимущественно целые кирпичи, а не материал вторичного использования. Использовалась плинфа, в основном длиной 34–35 см, шириной 19–21 см, толщиной 4 – 4,5 см. Абсолютные ее размеры следующие:

<i>Параметры / №№</i>	<i>Длина</i>	<i>Ширина</i>	<i>Толщина</i>
1	34	–	4
2	34	20	4,5
3	34	21	4
4	34	19	4,5
5	37	21,5	4
6	25	18,5	4,5
7	35	21	4
8	34	20	4
9	35	20	4
10	34	20	4,5
11	34	20	4,5
12	35	18	4
13	–	21	4
14	–	19	4
15	–	20	4
16	–	19	4

На самих кирпичах много разных следов и полос, отпечатки травы. По своим размерам плинфа аналогична плинфе Благовещенского храма на Городище 1103 г. По данным, приведенным Г. М. Штендером, кирпичи этого собора имели длину 33,5–38 см, ширину 21–23 см, толщину 4,5–5,5 см (Штендер 1977: 443). Кирпичи в кладке печи в основном растрескались, многие со стороны пода выкрошились. Плинфа, выходящая сторонами в топочную камеру, обожжена на глубину до 15 см, то есть на половину длины. Особенно сильно обожжена плинфа, входившая в состав свода. Заполнение печи–

сплошная крошка плинфы, куски плинфы и известняка. Сохранился и монолит упавшей части свода из 12 рядов кирпича.

В основании печи было ровным. Здесь открыт слой извести толщиной 4–5 см, под ним зафиксирована прокаленная глина мощностью 0,1 м, ниже шли слой обожженного песка толщиной 0,1 м и снова прокаленная глина. При разборке культурных отложений вокруг печи повсеместно встречались включения извести. Печь несомненно служила для получения извести, необходимой при строительстве храма. Найденные перед печью и внутри нее бесформенные плиты и куски белого известняка являлись материалом для обжига.

Печь относится ко времени возведения на Городище церкви Благовещения в 1103 г. Об этом говорят как размеры плинфы, аналогичной плинфе собора, так и встреченные у внешней стороны стен печи обломки гончарной керамики конца XI–XII вв. При расчистке глины с внешней стороны печи близ ее устья была найдена бронзовая цепочка из s-овидных звеньев с ромбовидной подвеской (табл. 30: 28). Это уникальная для памятников Приильменья находка. Такие подвески известны у латгалов, в погребениях культуры смоленских длинных курганов, в Гнездове, в Городке на Ловати, в материалах селища Хачево, расположенного на Двинско-Ловатском водоразделе (Люцинский могильник 1893: табл. V: 3; Нукшинский могильник 1957: табл. III: 12; Енуков 1990: 60; Вешнякова, Булкин 2001: 47; Ениосова 2001: 214. Рис. 2: 4, 5; Горюнова 1974: 80. Рис. 25: 2; Еремеев 2001: рис. 1: 16, 17). В Гнездове и Городке на Ловати были встречены и незавершенные изделия этого типа (Вешнякова, Булкин 2001: 45. Рис. 9: 1, 2, 9; Ениосова 2001: 214, 215. Рис. 2: 6–8; Горюнова 1978: 143. Рис. 2: 12).

Таким образом, в результате проведенных исследований была открыта часть строительной площадки, развернутой у основания возвышенности, где возводилась княжеская церковь. Видимо, где-то поблизости стояли и другие печи – для обжига известняка и плинфы.

Находки из культурных отложений. При исследовании культурных напластований была собрана богатая коллекция вещевого материала, относящегося к концу I тысячелетия н. э., древнерусскому времени и позднему средневековью. Глубина залегания находок в тенденции отражает их некоторую хронологическую последовательность. Это, в частности, подтверждается увеличением количества ранней гончарной и лепной керамики в нижних горизонтах по сравнению с верхними. Так, в раскопе 1984–1985 гг. на глубине от 0 до 0,2 м от репера было найдено 5505 фрагментов средневековой гончарной посуды, 488 обломков раннегончарной и 50 лепной,

а на глубине 1,0–1,16/1,35 м это соотношение следующее: 1997, 271 и 242. Таким образом, хотя по мере углубления раскопа древняя керамика встречалась все чаще, позднесредневековая посуда на данном участке значительно преобладала вплоть до предмагистериковых отложений. Восточнее, на участке, исследованном в 1985–1987 гг., керамическая статистика наглядно показала насыщенность средневековой гончарной посудой культурного слоя вплоть до материка. Обращает внимание небольшое количество более древней посуды (раннегончарной, лепной) по сравнению с другими участками, раскопанными в предшествующие годы на Городище.

Нумизматические и сфрагистические находки.

В слое найден дирхем рубежа VIII–IX вв., деньга Великого Новгорода (1447–1478 гг.), «деньга московская» Великого кн. Василия Ивановича (1505–1533 гг.) (Орешников 1896: 126. №672), новгородское пуло (конец XV – начало XVI вв.) (Гайдуков 1993: 121. №69. С. 209. №438), тверское пуло кн. Василия Ивановича (1490–1491 гг.) (Гайдуков 1993: 121. №72. С. 192. №352), западноевропейский (Германия) счетный жетон XVI в.²⁵

Сфрагистические материалы представлены двумя вислыми свинцовыми печатями: 1) смоленского князя Мстислава Давидовича 1228–1230 гг. (Янин, Гайдуков 1998: 143), 2) наместника великого князя Василия Дмитриевича 1389–1425 гг. (Янин, Гайдуков 1998: 175), а также заготовкой печати диаметром 21–22 мм, датированной, по мнению В. Л. Янина, концом XI – первой половиной XII вв.

Изделия из черного металла. Предметы вооружения и предметы снаряжения всадника и коня. Наиболее массовыми находками на Городище из предметов вооружения, как и в прежние годы, являются железные наконечники стрел (табл. 22). Всего из слоя происходят 23 наконечника, а также, возможно, заготовка еще одного четырехгранного наконечника стрелы (табл. 22: 17). С учетом находок из комплексов общее число железных наконечников стрел составляет 37 экземпляров. Из 23 экземпляров наконечников стрел два принадлежат к втульчатым, а 21 – к черешковым. Среди них имеются изделия, относимые к различным типам, причем два черешковых наконечника в силу своей сохранности не поддаются определению (табл. 22: 23, 24). Типологическое определение произведено на основе разработок А. Ф. Медведева (Медведев 1966а).

1. Втульчатый двушипный наконечник представлен одним экземпляром (тип 2, по А. Ф. Медведеву) (табл. 22: 1). В материалах раскопок прежних лет этот тип являлся наиболее массовым на Городище. (Носов 1990: 115). По мнению А. Ф. Медведева,

такие наконечники бытовали с VIII в. до середины XIII в. вдоль западных границ Древней Руси, а в центральных областях встречаются единицами (Медведев 1966а: 56).

2. Второй втульчатый наконечник имеет короткое массивное острие трехгранного сечения (табл. 22: 2). В сводке А. Ф. Медведева аналогий подобному наконечнику найти не удалось.

3. Четырехлопастные в виде маленького треугольника с небольшой шейкой (тип 24, по А. Ф. Медведеву) представлены в материалах поселения одним образцом (табл. 22: 3). Подобные наконечники найдены в Смоленске в слое XIII–XIV вв. На Руси этот вид изделий появился во время монголо-татарского нашествия (Медведев 1966а: 61; Археология СССР 1985: 352. Таб. 140: 16).

4. Одношипные черешковые наконечники (тип 28, по А. Ф. Медведеву) представлены одним экземпляром (табл. 22: 4). Подобные изделия встречены в Пскове, Белоозере и некоторых других поселениях Восточной Европы. А. Ф. Медведев определяет время их распространения XI – первой половиной XIII вв. (Медведев 1966: 62; Салмина 1994: 153. Рис. 1: 7; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: рис. 56: 31; Захаров 1996: 207, 211. Рис. 1: 1).

5. Килевидные наконечники, вытянутые с наибольшим расширением в средней трети длины пера (тип 33, по А. Ф. Медведеву), представлены в материалах единственным изделием (табл. 22: 5). Этот тип наконечников был широко распространен на Руси в XII – первой половине XIII вв. (Медведев 1966: 63).

6. Один экземпляр наконечников, видимо, можно отнести к типу треугольных (тип 37, по А. Ф. Медведеву) (табл. 22: 11), которые встречались с VIII до XIV вв. на широкой территории (Медведев 1966: 63–64).

7. Ромбовидные наконечники с упором и расширением в нижней трети длины пера (тип 40, по А. Ф. Медведеву) представлены в коллекции одним экземпляром (табл. 22: 6). Они были распространены с X по XIV вв. (Медведев 1966: 64, 65).

8. Ромбовидный наконечник с расширением в середине длины пера и пропорциями пера 1:2 (тип 42, по А. Ф. Медведеву) представлен на Городище одним образцом (табл. 22: 7). Подобные изделия были широко распространены по всей Восточной Европе в IX–X вв., а также на территории Венгрии. После начала XI в. этот тип наконечников встречается исключительно редко (Медведев 1966а: 66).

9. Один наконечник близок к ромбовидным наконечникам новгородского типа (тип 46, по А. Ф. Медведеву), но имеет несколько меньшие размеры (табл. 22: 8). По данным А. Ф. Медведева, такие наконечники

²⁵ Благодарим П. Г. Гайдукова за помощь в определении нумизматического материала.

широко применялись в северной полосе Восточной Европы с рубежа нашей эры до конца XIII в. В Новгороде в слоях X–XIII вв. найдено более двух десятков подобных изделий (Медведев 1966а: 67–68).

10. Двурогие срезни с упором (тип 60, по А. Ф. Медведеву) представлены в коллекции в трех экземплярах. Два из них, имеющих выпуклые боковые и вогнутые режущие стороны, следует отнести к третьему варианту этого типа (табл. 22: 9, 10). А. Ф. Медведев датирует этот вариант серединой XI–XIV вв. В Новгороде такие наконечники встречены в слоях второй половины XI – середины XIII вв. (Медведев 1966: 72). Третий срезень принадлежит к варианту полулунных двурогих изделий (табл. 22: 12). В Новгороде подобные наконечники встречены в слое самого конца XIII или начала XIV в. А. Ф. Медведев считал, что они характерны для XIV в. и относил их к изделиям, занесенным в Восточную Европу во время монголо-татарского нашествия (Медведев 1966а: 72; Археология СССР 1985: 352. Табл. 140: 8, 9).

11. Одним экземпляром представлен ланцетовидный наконечник квадратного сечения (тип 77 вид 1, по А. Ф. Медведеву) (табл. 22: 13). Подобные изделия употреблялись в X в. и, возможно, в начале XI в. (Медведев 1966: 79; Каинов 1999: 51, 54).

12. Бронебойные наконечники с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой (тип 83, по А. Ф. Медведеву) представлены в культурном слое памятника двумя экземплярами (табл. 22: 14, 15). По мнению А. Ф. Медведева, этот тип характерен для XI в. (Медведев 1966: 81).

13. Бронебойный наконечник с короткой пирамидальной головкой ромбического сечения и длинной шейкой (тип 84 вид 2 по А. Ф. Медведеву) присутствует в коллекции в одном экземпляре (табл. 22: 19). А. Ф. Медведев датирует этот тип XII–XIII вв. (Медведев 1966а: 82).

14. К пирамидальным наконечникам квадратного сечения с круглой шейкой без упора (тип 85, по А. Ф. Медведеву) можно отнести один экземпляр (табл. 22: 16). Вторая разновидность этого типа изделий относится к XII – первой четверти XIII вв. (Медведев 1966а: 82).

15. Один наконечник принадлежит к типу шиловидных наконечников квадратного сечения без упора (тип 93, по А. Ф. Медведеву) (табл. 22: 18). Они встречены в материалах Восточной Европы с X по XIV вв. включительно. В Новгороде этот вид наконечников найден в слоях второй половины XI–XIII вв. (Медведев 1966а: 84).

16. Тремя экземплярами представлены бронебойные наконечники в виде кинжалчика ромбического сечения с перехватом (тип 97, по А. Ф. Медведеву) (табл. 22: 20–22). Такие наконечники были широко

распространены по всей Восточной Европе с IX по XIV вв. (Медведев 1966а: 85).

Специальный втульчатый наконечник для нижнего конца древка копья или сулицы – вток встречен в культурных отложениях раскопанного участка в одном экземпляре (табл. 23: 12). Его длина чуть больше 7 см, а диаметр – около 2 см.

Среди железных предметов имеется прямоугольная пластина размерами 20 × 60 мм с пятью сохранившимися небольшими отверстиями (табл. 23: 10). Возможно, она является частью пластинчатого доспеха.

В материалах имеются обломки двух шпор. Одна имеет изогнутую дужку и шип, направленный вниз (тип II, по А. Н. Кирпичникову) (табл. 23: 9). Такие шпоры на Руси в основном датируются XII – первой половиной XIII вв. (Кирпичников 1973: 65. Табл. XVIII: 4–6; Археология СССР 1985: 318–319. Табл. 147). От второй шпоры сохранилась только дужка с точечной медной инкрустацией и петлей 3-го типа, по А. Н. Кирпичникову (табл. 23: 15).

Найденные в слое целые удила состоят из двух колец и двух звеньев, сделанных из стержней круглого сечения (табл. 23: 18). Этот вид кольчатых удил (IV тип, по А. Н. Кирпичникову) является общеевропейским и самым распространенным в Древней Руси (Кирпичников 1973: 16–17; Археология СССР 1985: 317–318. Табл. 145: 7). В Новгороде такие удила составляют наиболее представительную группу в материалах X–XV вв. (Медведев 1959: 185. Рис. 22: 5; 23: 3; Гайдуков 1992: 92. Рис. 57: 1–3). Изделия только этого типа встречены при раскопках напластований XIV–XVI вв. Орешка (Кильдюшевский 1999: 77. Рис. 4: 9, 15). К этому виду кольчатых удил можно отнести части еще двух экземпляров (табл. 23: 13, 14). Единственный псалий, найденный в раскопе, имеет прямой стержень с шишковидными окончаниями и боковой щиток с двумя отверстиями (табл. 23: 19). Такие псалии были характерны для второй половины X – начала XI вв. (Кирпичников 1973: 14).

К конскому снаряжению относятся также: ледоходные шипы (25 экз.) (табл. 23: 8), подковные гвозди (табл. 23: 16, 17) и подпружная пряжка (табл. 23: 11). Среди конских подколок есть как ранние, так и поздние образцы, выделенные в работе А. Н. Кирпичникова (Кирпичников 1973: 81, 82). Встреченная крупная пряжка имеет прямоугольную форму с двумя слегка скругленными углами и состоит из двух частей – дужки и стержня. Подобные принадлежности конской сбруи стали употребляться на Руси в XI–XIII вв. и использовались до XVII в. (Кирпичников 1973: 77. Рис. 43: 10; Никитин 1971: 42. Табл. 6: 15, 16; Кильдюшевский 1999: рис. 5: 11).

Кроме рассмотренных предметов вооружения в культурном слое раскопа найдено значительное число других изделий из железа.

Универсальный инструментарий. К числу самых многочисленных находок относятся ножи (табл. 26). Всего найдено 98 ножей и их обломков. Среди ножей встречено несколько изделий с остатками деревянных рукояток на черешке. Подавляющее большинство изделий относится к типу универсальных хозяйственных инструментов. В коллекции представлены ранние ножи с толстой прямой спинкой клинка, иногда – слегка приспущенным концом, длинным черешком, маленьким, но четким уступом при переходе лезвия к черенку (IV тип, по Р. С. Минасяну) (Минасян 1980а: 72–74). В значительно большем числе встречены поздние ножи с более широким и тонким клинком и черенком меньшей длины. Отдельную группу составляют позднесредневековые ножи с пластничатым черенком и отверстиями для заклепок. В Новгороде такие ножи появляются не ранее рубежа XIII–XIV вв. (Гайдуков 1992: 91, 125.). Один экземпляр можно отнести к специализированным рабочим ножам (табл. 26: 23).

Частями четырех экземпляров представлены в коллекции пружинные ножницы (табл. 25: 7, 8, 10, 12). В одном случае стержень изделия у перехода в лезвие украшен бронзовой накладкой. Пружинные ножницы на Руси применялись как в повседневном быту, так и в ремесленном производстве. Имеющиеся материалы не позволяют выделить у этих изделий твердые хронологические признаки (Колчин 1959: 58–60; Археология 1997: 18).

Шарнирные ножницы представлены обломками двух экземпляров (табл. 25: 11). Этот тип ножниц был хорошо известен в Древней Руси с X в. В Новгороде они встречены во всех слоях начиная с XI в. (Колчин 1959: 58–63).

Помимо ножей и ножниц в группу универсальных инструментов можно включить найденные в слое обломки иглы и четыре шила (табл. 24: 14–17).

Инструменты, сельскохозяйственные и промысловые орудия. К инструментам, предназначенным для механической обработки металлов, относится пробойник.

Среди деревообрабатывающих инструментов в коллекции представлен один целый топор (табл. 25: 1), а от еще одного экземпляра сохранился только обломок лезвия. Найденный топор имеет широкое опущенное лезвие, выемку у шейки и проушной обух. Он относится к типу, наиболее распространенному на Руси с X до начала XIII в. (Археология СССР 1985: 255. Табл. 97: 6). В Новгороде подобные топоры найдены в слоях X–XII вв. (Колчин 1982: 164. Рис. 4).

Для изготовления долбленой и резной посуды служило втульчатое тесло (табл. 25: 9). Оно относится

ко второму типу тесел по классификации Б. А. Колчина (Археология СССР 1985: 256).

Из сельскохозяйственных орудий в раскопе встречены обломки косы (?) (табл. 25: 3) и серпа (табл. 25: 4). Последний имеет отогнутый наружу черенок и изогнутый, близкий к параболе, клинок (варианта Б VI группы, по Р. С. Минасяну). Только такие серпы находят при раскопках древнерусских городов и курганов X–XIII вв. (Минасян 1978а: 82–84; Археология СССР 1985: 224–225. Табл. 87).

К орудиям, относящимся к рыболовному промыслу, можно отнести пешню (табл. 25: 6). Такие изделия, использовавшиеся для пробивания лунок во льду, встречены в слоях XII–XV вв. Старой Ладogi и Пскова (Гроздилов 1962: рис. 50: 1; Тарасов 2001: 72. Рис. 3а).

Хозяйственный и домашний инвентарь. При исследовании культурного слоя поселения было встречено значительное количество замков разных систем, замочных приспособлений, ключей, как в целом, так и во фрагментированном виде.

Основная масса найденных артефактов относится к съемным замкам и их обломкам (дужки, части механизмов и корпуса замков) – 16 экземпляров (табл. 27). Среди навесных замков по форме корпуса, системе ключа и ключевого отверстия можно выделить изделия нескольких типов. Большая часть ключей и их фрагментов (20 экз.) также относится к съемным замкам.

Четыре ключа принадлежат навесным замкам с продольной ключевой щелью типа А, по Б. А. Колчину, которые бытовали на Руси с IX в. до середины XIII в. (Колчин 1982: 160, 162; Археология 1997: 14–16). Три экземпляра имеют круглую лопатообразную лопасть, один – прямоугольную (табл. 28: 1–4). Возможно, от еще одного экземпляра ключа типа А сохранилась только петлеобразная рукоятка (табл. 28: 5).

Корпус одного из замков имеет поперечную ключевую прорезь, расположенную в нижней части корпуса (табл. 27: 9). Он принадлежит типу Б, по Б. А. Колчину. Такие замки появились на Руси в начале XII в. и бытовали до середины XIV в. (Колчин 1959: 80, 82. Рис. 65: 2; 70; Колчин 1982: 160. Рис. 3; Археология 1997: 14–15. Табл. 5). В коллекции имеются также два коленчатых ключа от замков этого типа (табл. 28: 6, 7).

Два плоских коленчатых ключа от замков относятся к типу В, по Б. А. Колчину (табл. 28: 8, 9). В Новгороде этот вид ключей появился во второй половине XII в. Несколько позже, в конце этого столетия, начинается производство замков типа VI, имеющих более сложную конструкцию. При раскопках найден один ключ от такого изделия (табл. 28: 10). В первой половине XV в. замки типа В выходят

из употребления (Колчин 1959: 82, 86. Рис. 67: 4–6; 70; Колчин 1982: 160. Рис. 3; Археология 1997: 15. Табл. 6).

От замков типа Г, по Б. А. Колчину, в слое встречено семь коленчатых ключей (табл. 28: 11–16, 19). Замки этого типа появились в середине XIII в. и употреблялись до первой половины–середины XV в. (Колчин 1982: 160. Рис. 3; Археология 1997: 15. Табл. 6).

Три П-образные дужки принадлежат замкам типа Е, по Б. А. Колчину (табл. 27: 6, 7). Экземпляры этого вида в Новгороде встречены в слоях XV–XVI вв. (Колчин 1959: 84. Рис. 70; Колчин 1982: 160, 161; Археология 1997: 15). В древностях русского государства замки с горизонтально поставленным механизмом были распространены в XVI–XVII вв. (Никитин 1971: 43. Табл. 8: 1–6). В культурном слое городища найдено также два ключа, принадлежащих замкам типа Д или Е (табл. 28: 18).

От навесного замка типа Ж или более поздних модификаций происходит бородчатый ключ (табл. 28: 21).

В коллекции представлен корпус замка (табл. 27: 11) и ключ индивидуальной конструкции (табл. 28: 17). Ключ имеет винтообразно расположенные лопасти. Подобные изделия в Новгороде встречены в слоях XIII в. (Колчин 1959: 84, 86; Археология 1997: 15. Табл. 6: 26).

Один из навесных замков с шарнирной дужкой и боковым ключевым отверстием по форме не имеет аналогий в новгородских древностях X–XV вв. и, очевидно, относится более позднему времени (табл. 27: 10). Аналогичные изделия имеются в коллекции вещевых находок, собранных на территории Белоозера (Захаров 2004: 207. Рис. 186: 29–31).

На площади раскопа найден обломок ключа от внутреннего цельнодеревянного замка с «желудями» (табл. 28: 22). Такие замки использовались в древнерусских городах в X–XI вв. и вышли из употребления в начале XII в. (Колчин 1982: 161. Рис. 3; Археология 1997: 16. Табл. 7). Один ключ принадлежал цельнометаллическому замку для сундуков и ларцов (третий тип внутренних замков, по Б. А. Колчину) (табл. 28: 20). Такие замки бытовали в XII – начале XIV вв. (Колчин 1982: 161, 162; Археология 1997: 16. Таб. 7: 25–32).

Четырнадцать целыми и фрагментированными экземплярами представлены в раскопе овалынные кресала (табл. 24: 1–4). Два целых экземпляра относятся к типу овалынных коротких, по Б. А. Колчину, которые появились в Новгороде с начала XIII в. и использовались в нем до первой половины XV в. (Колчин 1982: рис. 4). Одно изделие относится к типу овалынных заостренных. Подобные кресала бытовали в Новгороде со второй четверти XII в. до первой половины XIV в. (Колчин 1982: рис. 4). Последний экземпляр,

видимо, принадлежит овалынным длинным кресалам. Этот тип кресал встречается в новгородских материалах, начиная со второй половины XIII в. (Колчин 1982: рис. 4).

На раскопе найдено пять экземпляров ременных пряжек (табл. 23: 1, 2, 4–6). Три из них имеют прямоугольную форму (первый тип, по Б. А. Колчину). В Новгороде такие изделия зафиксированы в слоях конца XII в. – третьей четверти XIV вв. (Колчин 1959: 107. Рис. 96: 4–7; Лесман 1984: 137), но они продолжали бытовать на Руси и позже (Никитин 1971: 42. Табл. 6: 12). Четвертая пряжка имеет полуовалынные очертания (второй тип, по Б. А. Колчину). Такие изделия встречены в отложениях Новгорода XII–XIV вв. (Колчин 1959: 108. Рис. 96: 8–11). Пятая пряжка имеет подпрямоугольную рамку со скругленной передней частью. В коллекции имеется также язычок от пряжки (табл. 23: 3).

В раскопе найдено несколько колец диаметром 2,5–5 см (табл. 24: 7–9). Одни из них могли относиться к деталям ременной гарнитуры, пряжкам, другие, особенно, наиболее массивные могли быть ручками дверей. На двух кольцах сохранились остатки язычков или пробоев.

Для предотвращения перекручивания ремней и цепей использовались вертлюги – шарнирные приспособления, которые позволяют им вертеться вокруг своей продольной оси. В коллекции имеется железный вертлюг, представляющий собой круглое кольцо, одна сторона которого расплющена и в нем сделано отверстие для стержня со шляпкой на одном конце и петлей на другом (табл. 24: 11). Подобные крепления встречены во многих средневековых памятниках (Колчин 1959: 114; Никитин 1971: 42. Табл. 5: 20, 21; Гайдуков 1992: 95. Рис. 64: 18, 20; Захаров 2004: 209. Рис. 192: 1, 2). Скобочка с отверстием в овалынной шайбе, видимо, также является частью вертлюга (табл. 24: 12).

В слое отмечены две ладейные заклепки и лодочные скобы, предназначенные для ластового уплотнения швов. Найдены оба типа скоб, выделенных на новгородских материалах: ленточные и эллиптические (1-й и 2-й тип, по Г. Е. Дубровину). Оба типа скоб преимущественно бытовали в XIII–XIV вв., хотя применялись и в более позднее время (Дубровин 2000/1: 94–96; 2000/2: рис. 162).

Одним экземпляром в коллекции представлена игла (булавка) с подвижной кольцевой головкой (табл. 24: 13). В Новгороде такие изделия встречены в слоях последней четверти XI – середины XIV вв. (Колчин 1959: 106. Рис. 94: 9–15; Гайдуков 1992: 95; Лесман 1996: 64). Л. А. Голубева сделала сводку железных игл с кольцами, найденных на территории Восточной Европы (Голубева 1971). Вслед за польским исследователем Я. Жаком она считает, что эти подел-

ки использовались «в качестве своеобразных вилок» (Голубева 1971: 125).

Среди прочих находок из железа в культурном слое раскопанной части памятника встречены: накладка треугольной формы с отверстием и тремя штифтами (табл. 24: 6), часть дужки от ведра или иной большой емкости (табл. 25: 5), крючок (?) (табл. 24: 5), обувная подковка, а также ряд других предметов и их обломки (табл. 24: 10, 18; 25: 2).

Изделия из цветных металлов. Как и в предыдущие годы, при исследовании культурного слоя Городища было встречено несколько предметов скандинавского происхождения.

Среди этих находок имеются две бронзовые кресаловидные подвески, встреченные в 1984–1985 гг. (табл. 29: 2, 3). Подобные изделия находились на поселении и в прежние годы (Носов 1990: 74, 85). Они являются скандинавскими амулетами эпохи викингов (Янссон 1999: 34). По мнению Г. Л. Новиковой, систематизировавшей подобные подвески, «будучи предметами культа, амулеты сохраняли свое значение только для носителей этого культа и не могли выступать в качестве постоянных составных частей торговых сделок между представителями различных религиозных верований, а ареал их находок объясняется пребыванием на этой территории их владельцев» (Новикова 1988: 37–38).

В раскопе 1989 г. обнаружена бронзовая булава длиной 7,5 см, украшенная скульптурным изображением человеческой головы (табл. 29: 1) и относящаяся к типу E-31, по классификации Ю. Валлер, выполненной по материалам Бирки (Waller 1984: 184–187. Abb. 20: 31). На лице четко выделены глаза, нос, рот. На головной убор нанесен циркульный орнамент.

К северным древностям принадлежит и встреченная в 1985 г. бронзовая литая бляшка длиной 2,9 см в виде стилизованной звериной маски с тремя ушками для крепления, украшенной в стиле Борре (табл. 29: 6). Подобные предметы были встречены в погребении № 906 Бирки. Положение бляшек-крючков в погребении позволило определить назначение этих изделий. Они служили для прикрепления подколенной одежды из толстой шерстяной материи, к которой они пришивались, к холщовым штанам (Arbman 1943: 353. Abb. 304: 6. Arbman 1940: Taf. 96: 6). Изделия, полностью аналогичные встреченным в Бирке, найдены при раскопках Ладоги²⁶ (Старая Ладога 2003: 78, 79. № 149) и Гнездова (Сизов 1902: 38, 40, 130. Табл. II: 12). Только у гнездовской находки не три, а два ушка для крепления, и сделана она из серебра. Отличающиеся по виду от находок из Бирки, но аналогичные по назначению бляшки-крючки встречены в слоях X в. викингского Йорка в Англии

(подтреугольная и круглая) (Hall 1986: 104. Fig. 121) и погребении № 383 Тимеревского могильника на Верхней Волге (парные бляшки в виде птиц) (Фехнер 1963: 17, 123. Рис. 7: 3).

Существенным отличием бляшки с Рюрикова городища от всех остальных является отсутствие крючка. Без этой детали городищенская бляшка полностью утратила свой первоначальный смысл как предмета для определенного типа одежды. Этому факту может быть два объяснения: либо крючок не получился при отливке (ремесленный брак), либо мастер не понял функционального назначения вещи и отлил самую эффектную часть – звериную маску. И. Янссон, изучив это изделие, пришел к выводу, что бляшка ремонтировалась (Янссон 1999: 29). В 1989 г. в мысовой части поселения была найдена еще одна бляшка-крючок в виде звериной маски. Она также не представляет годное к использованию изделие, поскольку в этом случае в ушках не имеется отверстий (Носов 1990: 162. Рис. 64: 2). Обе бляшки были отлиты в разных формах, поскольку они несколько различаются обликом и размерами, кроме того, если первая плоская, то вторая – объемная, выпуклая.

Из раскопа 1985 г. происходит бронзовое кольцо диаметром 2,4 см с четырьмя утолщениями, на которых нанесена кратность (табл. 29: 4). Целый ряд подобных колец известен из захоронений в Бирке, где они имеют по 3–4 утолщения, и в одном случае на кольце сохранился обломок железной иглы (Arbman 1943: 12. Abb. 11: 3; Arbman 1940: Taf. 112: 9–13). Аналогичное кольцо встречено в Шестовицком могильнике и на Сарском городище (Блифельд 1977: 132, 196. Табл. VII:1; Леонтьев 1996: 172. Рис. 74: 15).

С кругом древностей, характерных для территории Скандинавии и всего балтийского региона, связана встреченная в 1984 г. кованая игла (дл. 12 см) от кольцевидной булавки (табл. 29: 10) (Носов, Хвоцинская 2004), а также часть массивного ладьевого браслета, украшенного плетеным орнаментом, из раскопа 1985 г. (табл. 29: 5). Аналогии браслету имеются в древностях Норвегии, Швеции, Финляндии и относятся там к IX в. (Petersen 1928: 154; Kivikoski 1937: 238–241; Korkeakoski–Väisänen 1981: 75–76, 83–84).

К уникальным изделиям можно отнести бронзовую позолоченную пластину с изображением святых Бориса и Глеба (табл. III: 3). Она была найдена в нижней части культурного слоя между постройками II и III. Несколько ниже в том же квадрате встречена вислая свинцовая печать смоленского князя Мстислава Давидовича. Находка этой пластины с изображением почитаемых в княжеской среде святых явля-

²⁶ Бляшка найдена в 1948 г. в траншее 2 при исследовании грунтового могильника.

ется дополнительным косвенным аргументом для интерпретации исследованных сооружений как остатков построек резиденции новгородских князей.

К предметам христианского культа, встреченных при исследовании культурного слоя, относятся также семь бронзовых крестов. Два из них имеют трехлепестковые кривовидные концы с простым и ромбическим средокрестием (табл. 30: 19, 20). В Новгороде подобные изделия найдены в отложениях с начала XIV по начало XV вв. (Седова 1981: 54). Одним экземпляром представлено изделие с трехлопастными концами и простым средокрестием, украшенное с обеих сторон выемчатой эмалью желтого цвета (табл. 30: 18). Кресты с эмалью бытовали на Руси в XI–XIII вв. В Новгороде такой крест найден в слое начала XII в. (Мальм 1968; Седова 1981: 52; Мусин 2002: 180). В коллекции представлен также крест-мошевик, у которого не сохранилась нижняя часть (табл. III: 2). На лицевой стороне креста имеется многофигурная композиция с изображением распятия с предстоящими в окружении ангельских сил. На оборотной стороне можно рассмотреть фигуры двух святых, вписанные в контуры храма. Аналогичный экземпляр имелся в собрании Б. Н. и В. Н. Ханенко (Ханенко 1899: табл. 48, 49). В музее г. Муром хранится крест, отлитый с оборотной створы такого же мошевика (Сухова 1993: 114)²⁷. Еще одна находка несет на себе изображение голгофского креста с медальонами на лопастях и оборотной стороне (табл. 30: 21). Подобная иконография и эпиграфика начинает активно бытовать с первой половины XVI в., но она воспроизводится вплоть до нового времени²⁸. К изделиям позднесредневекового или нового времени относятся еще два креста.

Пластинчатую зооморфную подвеску, встреченную в культурном слое и представляющую собой стилизованное животное, можно отнести к 1-му варианту XIV типа, по Е. А. Рябинину (табл. 30: 15). По мнению этого исследователя, такие изделия наиболее характерны для XI – первой половины XII вв., но встречаются иногда и в XIII в. (Рябинин 1981: 29, 30).

В коллекции представлено четыре бубенчика. Один из них имеет шаровидное тулово, с линейной прорезью, орнаментированное пояском из трех концентрических линий (табл. 30: 14). Подобные бубенчики были широко распространены по территории Древней Руси. В. А. Мальм и М. В. Фехнер относят время их бытования к концу XI – XIII вв. (Мальм, Фехнер 1967: 136–137. Рис. 20: 3). В Новгороде подобные изделия встречались с последней четверти XI в. до второй половины XIII в. (Седова 1981: 156. Рис. 62: 6–8; Лесман 1990: 60–61). Два других шаро-

видных бубенчика с линейной прорезью имеют рельефный поясок в средней части тулова (табл. 30: 12, 16). Такие изделия характерны для древностей XII–XV вв. на северо-западе Руси (Мальм, Фехнер 1967: 137. Рис. 20: 5). Аналогичные бубенчики появились в Новгороде с середины XIII в. (Седова 1981: 156. Рис. 62: 12–14; Лесман 1990: 61). Последний экземпляр таких изделий относится к шаровидным бубенчикам с линейной прорезью (табл. 30: 10). В Новгороде они встречаются с XI в. и изготовлялись до первой трети XV в. или даже позже (Седова 1981: 156; Лесман 1984: 137; Лесман 1990: 61, 62).

В раскопе найдены части нескольких бронзовых браслетов. Один экземпляр принадлежит узкому пластинчатому орнаментированному браслету с сужающимися округлыми концами (табл. 31: 11). Такие украшения в Новгороде бытуют с начала XI в. до 60-х гг. XIII в. (Лесман 1990: 37, 38). Щитковоконечные узкие пластинчатые браслеты представлены в коллекции одним фрагментом, украшенным выпуклым растительным орнаментом, причем, возможно, что это часть неиспользованной отливки (табл. 31: 10). Этот тип браслетов датируется по материалам Новгорода 1134–1334 гг. (Лесман 1990: 37). В работе М. В. Седовой приведены два аналогичных по форме и орнаменту браслета, которые найдены в слоях 1134–1238 гг. (19/18 и 15 ярусы Неревского раскопа) (Седова 1981: рис. 42: 7, 8). Еще один обломок принадлежит пластинчатому широкому браслету (табл. 31: 13). Такие изделия Ю. М. Лесман датирует 1177–1396 гг. (Лесман 1990: 38). В коллекции имеется также часть трехпроволочного витого браслета или гривны (табл. 31: 16).

В слое встречено три перстня. Один сделан из пластинчатого разомкнутого средней ширины браслета, украшенного орнаментом в виде плетенки (табл. 30: 29). Подобные браслеты в Новгороде встречены в слоях X – третьей четверти XIV вв. (Седова 1981: 103, 110; Лесман 1990: 38). Второй экземпляр представляет узкопластинчатый бронзовый перстень с замкнутыми концами, с продольными закраинами и выступающей средней частью, украшенный поперечными рифлеными черточками (табл. 30: 25). В Новгороде такие перстни составляют особую в хронологическом отношении группу, датируемую серединой XIV–XV вв. (Седова 1981: 131, 132. Рис. 47: 24–26). Аналогии последнему перстню с овальным щитком в Новгороде начинают встречаться в слоях, датированных четвертой четвертью XII в. (Седова 1981: 135; Лесман 1984: 135) (табл. 30: 26).

Детали ремennого набора в раскопе не многочисленны. Бронзовых пряжек найдено четыре экземпля-

²⁷ Благодарим А. А. Пскову за информацию.

²⁸ Благодарим А. Е. Мусина за консультацию.

ра. Среди них одна относится к одночастным лировидным пряжкам (табл. 31: 1). В Новгороде такие изделия датируются первой четвертью XI – 70–90-ми гг. XII в. (Седова 1981: 144; Лесман 1990: 79). Вторая пряжка имеет двучастную рамку с овальной передней частью и прямоугольным приемником для ремня (табл. 31: 2). Такие пряжки встречаются в Новгороде в слоях второй четверти XII – начала XIV вв. (Седова 1981: 144). Третий экземпляр – одночастная полукруглая пряжка с приемником для язычка, оформленным выступами (табл. 31: 3). Простые одночастные пряжки в Новгороде найдены в отложениях последней четверти XII – XIV вв. (Лесман 1990: 78). Последний экземпляр относится к двучастным пряжкам и имеет угловатую переднюю часть (табл. 31: 6).

В слое встречено два ремennых кольца. Одно кольцо диаметром 2,5 см имеет овальное сечение (табл. 31: 4). Такие кольца датируются второй четвертью XI – 60-ми гг. XIV вв. (Лесман 1990: 79). Второе кольцо диаметром 3,3 см имело круглое сечение и обойму, под которой сохранились остатки кожи (табл. 31: 5).

Поясные бляшки представлены единственным экземпляром – литая выпуклая сердцевидной формы, украшенная растительным узором (стилизованные полупальметты) (табл. 30: 23). Подобные изделия встречены в древностях X–XI вв. Пермского Приуралья, Прикамья и Прииртышья (Белавин 2000: 106. Рис. 47: 27, 28; Савельева 1971: 56. Табл. 17: 2, 6, 8; Мурашева 2000: 55. Рис. 82: 1).

Среди находок имеется восемь шаровидных пуговиц с круглым ушком (табл. 30: 1–7, 11). Одни из них отлиты (три экз.), в то время как другие изготовлены из двух тисненых половинок с проволочным ушком (пять экз.). В Новгороде пуговицы отмечаются с рубежа XI–XII вв. (Седова 1981: 155. Рис. 61: 3–7; Лесман 1990: 60). Одна из тисненых пуговиц имеет крестообразную прорезь. В коллекции имеется также позолоченная пуговица в форме цветка, относящаяся к позднему времени (табл. 30: 8).

Свидетельством торговой деятельности на Городище является найденная в раскопе часть коромысла бронзовых складных весов (табл. 31: 14), а также свинцовая десятигранная гирька (табл. 31: 7).

Найденная бронзовая пластина со следами вырубания пуансоном-секачем небольших круглых шайб (табл. 31: 20) свидетельствует о наличии на поселении ювелирного производства.

В числе прочих находок отметим ряд предметов, выполненных из сплавов на основе меди: позолочен-

ная круглая ремennая накладка с ушком и тремя штырьками (табл. 30: 17), две части тисненых бусин (?), одна из которых позолоченная (табл. 30: 13), часть рукояти ножа (?) (табл. 31: 18), навершие (рукоятка?) со следами от вставленных в нее двух железных стержней (табл. 31: 19), обоймица (табл. 30: 27), булавка (табл. 31: 9), рыболовный крючок (табл. 31: 15), фрагмент венчика (табл. 31: 17) и часть ушка сосудов (табл. 31: 12). Встречен в культурном слое раскопа также ряд предметов из цветных металлов и обломков неизвестного назначения (табл. 30: 9, 22, 24; 31: 8).

Изделия из стекла, полудрагоценных камней и янтаря. Своеобразный колорит комплексу находок придают обломки стеклянной посуды, как древнерусского, так и импортного происхождения. Всего в культурном слое их встречено около четырех десятков. К древнерусским изделиям можно отнести фрагмент венчика²⁹ и три стенки слабо-желтоватого прозрачного стекла, осколки стенок прозрачного стекла, украшенного сине-зелеными полосками³⁰ (табл. VI: 17), зелеными и фиолетовой накладными нитями (табл. VI: 20), обломок стенки бесцветного полупрозрачного стекла, два мелких фрагмента стенок бирюзового прозрачного стекла, осколок стенки зеленоватого прозрачного стекла, кусочек нити прозрачного бесцветного стекла, а также семь донцев. Два донца желтого прозрачного стекла, имеющие диаметр около 3,5 см, украшены декоративными полосами фиолетового цвета³¹ (табл. 32: 4, 5; VI: 30, 31). Они принадлежат сосудам с поддонами. Кубки с поддонами появились на Руси в 30-е гг. XII в. По мнению Ю. Л. Щаповой, «эта форма определяла весь облик древнерусской посуды домонгольского времени» (Щапова 1972: 58). В Новгороде обломков таких сосудов не очень много. Они найдены здесь в слоях второй половины XII – первой половины XIII вв. (Щапова 1972: 42, 47). Аналогичное по форме и декору донце было встречено при раскопках Старой Рязани (Щапова 1974: 88. Табл. 9). Другое днище из прозрачного желтоватого стекла, украшенного фиолетовой росписью, принадлежит сосуду на полом поддоне³² (табл. VI: 22). Изделия с такими поддонами встречаются в материалах домонгольского времени Новогрудка и Турова (Щапова 1972: 50, 60. Рис. 8: 11, 12). Туровский экземпляр также имеет «в толще дна» фиолетовую полосу (Полубояринова 1963а: 234. Рис. 1: 3; 2: 11). Три донца из прозрачного зеленоватого, бирюзового и желтоватого стекла относятся типу 2 и 3, по Ю. Л. Щаповой³³ (Щапова 1963: 118) (табл. 32:

²⁹ № 602–14.

³⁰ № 601–52.

³¹ № 602–25.

³² № 602–28.

³³ № 601–48.

2, 3; VI: 26, 29). Эти днища принадлежали открытым воронкообразным сосудам – лампам (остродонным кубкам), типу сосудов, широко представленному в Новгороде в слоях второй четверти XI – первой четверти XIII вв. (Щапова 1963: 122; Щапова 1972: 42, 46, 55). Остродонные лампы найдены во многих древнерусских городах. В отечественной литературе традиционно считалось, что эти изделия использовались как сосуды для питья, но в последние десятилетия исследователи пришли к заключению об использовании их в качестве ламп, вставляемых в хорос (Щапова 1963: 123, 136; Археология 1997: 31; Столярова 1997: 102; Столярова 2004: 344, 345). Последнее донце принадлежит сосуду из бесцветного прозрачного стекла на кольцевидном поддоне из фиолетового стекла³⁴ (табл. VI: 24).

К осколкам изделий византийского производства, видимо, относятся два обломка синего прозрачного стекла (один расписан золотом, а другой – золотом, желтой и белой эмалью)³⁵ (табл. IV: 15, 16), маленький фрагмент молочно-белого непрозрачного стекла³⁶, обломок стенки синего прозрачного стекла, осколок кольцевидного поддона синего прозрачного стекла, два кусочка красно-фиолетового прозрачного стекла, один из которых украшен золотом и белой эмалью (табл. IV: 2).

Из мастерских Сирии, очевидно, происходят сосуды, от которых найдены один венчик и 14 фрагментов стенок бесцветного прозрачного стекла, украшенного росписью золотом (табл. IV: 24, 27) и разноцветными эмалями – красной, коричневой, синей, зеленой и белой³⁷. Обломок венчика сосуда имеет двухстороннюю роспись, кроме узора с внешней стороны золотом и красной краской, этой же краской покрыта и внутренняя поверхность. Изделия, покрытые изнутри цветными эмалями, отнесены К. И. Ламмом к группе Алеппо (Lamm 1930: 251) (табл. V: 14). На одном небольшом обломке стенки сохранилась часть изображения зооморфного существа в зеленых одеждах (табл. 32: 1; IV: 22). Голова выполнена золотом, по которому гравировкой нанесен раскосый глаз под изогнутой бровью. Видно, что передняя часть головы существа вытянута вперед. Большое стоячее ухо исполнено коричневой эмалью. У плеча видна часть лапы, нарисованной золотом. Им же оконтурены части, декорированные цветными эмалями. По-видимому, на данном фрагменте сосуда мы имеем изображение какого-то фантастического персонажа. Несколько осколков принадлежат сосуду(ам), основная часть которого была украшена шес-

тилепестковыми розетками и кружочками, выше которого располагается фриз с надписью, а ниже идет растительный узор³⁸ (табл. V: 4, 7, 8, 10, 11). Надпись и растительный орнамент выполнены золотой краской с красной окантовкой. Все части декора разделены поясами из пяти линий, выполненных золотом и белыми выпуклыми точками. Бордюры из белых точек отмечены на обломках сирийских стеклянных сосудов, найденных при раскопках в Турове и городище Слободка. Находки относятся исследователями к XII–XIII вв. (Полубояринова 1963б: 235, 238. Рис. 2: 1, 8; Полубояринова 1987: 165). Аналогии элементам декора этого кубка можно найти среди изделий мастеров из сирийского города Ракка, датируемых К. И. Ламмом второй четвертью XIII в. (Lamm 1929: Taf. 91: 13, 15, 16; 92: 11; 93: 20; Lamm 1930: 268, 269, 271). К ракским стеклам можно отнести следующий обломок, имеющий плохо сохранившийся декор (табл. V: 20) (см. Lamm 1929: Taf. 90: 1; 93: 24; Lamm 1930: 265, 271). На нем видна часть розетки, выполненной белыми точками и красной эмалью, дополнительно оконтуренной золотом. Внутреннее поле цветка заполнено выпуклыми синими точками. Ниже располагался растительный узор, исполненный красной эмалью с золотой обводкой. Близкую орнаментацию имеет кубок из Новогрудка, найденный в постройке верхнего горизонта поселения, датируемого XII–70-ми гг. XIII вв. (Гуревич 1981: 71, 116. Рис. 55: 13; Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968: 12. Табл. VIII, IX). Похожий сосуд найден также в Маастрихте (Нидерланды) в отложениях под слоем пожара, датированного по письменным источникам 1268 г. (Wolf 2004: 528, 575, 576. №19). К еще одному, но более позднему сосуду ракской группы, возможно, относится осколок, от которого уцелела часть фриза из арабских букв (табл. V: 16) (Lamm 1930: 245; Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968: 13). Они выполнены золотом с красной обводкой на синем фоне (эмаль). Фриз ограничен линией из красной эмали. Ниже располагается зона, украшенная растительным узором, исполненный золотой краской.

Два обломка синего прозрачного стекла, декорированных «перистым» узором, выполненным белой эмалью, принадлежат сосуду (ам), который, видимо, также был изготовлен в мастерских восточного Средиземноморья (табл. 32: 15; IV: 11). Подобный орнамент встречен как на византийской, так и на сирийско-египетской посуде (Щапова 1998: рис. 45: 1, 2, 5; Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968: 11; Джанполадян, Калантарян 1988: 13, 22. Табл. XXXIII; Полу-

³⁴ №603–18, 19.

³⁵ №601–13, 14.

³⁶ №603–21.

³⁷ №№601–17, 20, 32, 33, 50, 51; 602–11, 15, 603–16.

³⁸ Шесть фрагментов от этого сосуда встречены при разборке третьей постройки.

бояринова 1988: 211. Рис. 94: 1, 2; Jenkins 1986: 45). Судя по профилировке более крупного фрагмента, он, возможно, является частью крышки.

Видимо, импортному (западноевропейскому?) сосуду принадлежал обломок³⁹ высокой тонкой ручки из прозрачного голубовато-зеленоватого стекла овального сечения (табл. 32: 14; V: 24).

Следует отметить, что такая большая концентрация стеклянной посуды не встречалась в других участках Городища. Такой состав материала связан с тем, что раскоп располагался непосредственно в зоне собственно княжеских построек Рюрикова городища.

К редким находкам на памятниках Древней Руси относятся обломки оконных стекол, поскольку остеклялись окна только богатых жилых и административных построек. На Городище встречены два фрагмента круглых плоских стекол зеленоватого оттенка⁴⁰, вставляемых в отверстия деревянных рам. Эти стекла изготовлены из поташно-свинцово-кремнеземного стекла. Такие оконницы в древнерусских городах употреблялись с XI в. по первую половину XIII в. В XV–XVII вв. стеклянные диски изготавливались и на территории Украины, но они имели другой химический состав (Щапова 1972: 65–72). К более позднему времени относятся осколки оконных стекол с прямыми краями листов. В слое было отмечено три фрагмента такого стекла зеленоватого цвета с патиной и радужной побелкой на поверхности (табл. VII: 6, 13). В Новгороде эти стекла встречаются с XV в. (Щапова 1963: 143, 144). К развитому средневековью относятся, видимо, обломок очень сильно патинизированного коричневого витражного стекла (табл. VII: 10), похожий на те, что найдены во второй постройке, а также прямоугольная пластина синего прозрачного стекла (края покрыты мелкой ретушью) с протравленным узором, представляющим собой два четырехлепестковых цветка⁴¹ (табл. VII: 4). Похожее стекло, определенное как деталь витража, было встречено в Новгороде в слое середины XIV в. (Арциховский 1958: 231. Рис. 2: 2)⁴².

Кроме этого, в слое были найдены: кусочек непрозрачного сине-зеленого и коричневого стекла (табл. VII: 5), квадратный фрагмент желтого и зеленого непрозрачного стекла (табл. VII: 7), а также кубик желтой смальты (табл. VII: 3). В Новгороде кусочки смальты встречены в слоях середины XI – середины XIII вв. (Щапова 1963: 138, 140). Из прозрачного бесцветного стекла выполнена овальная эллипсоидно усеченная вставка (табл. 32: 6; VI: 16). Другая овальная плоско-выпуклая вставка от перстня выпол-

нена из сердолика (табл. VI: 15). В Новгороде единственная такая вставка отмечена в слое второй половины X в. (Полубояринова 1994: 79).

Одной из самых массовых категорий находок являются стеклянные браслеты. В слое описываемого раскопа их найдено 84 экземпляра. Браслеты разных цветов и различного в сечении стержня пользовались огромной популярностью у жительниц Новгорода и других древнерусских городов (Полубояринова 1963а; Археология 1997: 86–89). Подавляющее большинство стеклянных браслетов, найденных в Новгороде, относится к 30-м гг. XII – второй половине XIV вв., причем пик их распространения относится к середине XIII в. (Полубояринова 1963а: 170; Колчин 1982: рис. 2).

Стеклянные перстни представлены обломками двух гладких плоско-выпуклых экземпляров желтого и зеленого цвета.

В культурном слое обнаружено 57 бусин, из которых одиннадцать каменных, а остальные стеклянные. Из каменных бус, найденных в основном на площади раскопа 1984 г., отмечено четыре сердоликовых (круглая, битрапецидная и две четырнадцатигранных) (табл. VI: 11, 13, 14) и семь из горного хрусталя (шесть круглых и одна битрапецидная) (табл. VI: 2–4, 7–10). В Новгороде наибольшее число каменных бус встречено в слоях X–XII вв. (Рыбина 2001: 87–88). Сердоликовые шарообразные бусы на Севере-Западе Руси представлены в слоях середины VIII – первой половины XII вв. и второй половины XIV – рубежа XIV–XV вв., четырнадцатигранные в основном датируются X–XI вв., а битрапецидные встречаются в отложениях X–XIII вв. (Давидан 1998: 123, 124; Полубояринова 1994: 75). Хрустальные шарообразные бусы в Новгороде датируются концом X – 70-ми гг. XIII вв. (Лесман 1984: 140; Полубояринова 1994: 77).

Среди 46 стеклянных бус, найденных в культурном слое памятника, можно выделить две хронологические группы. К первой можно отнести экземпляры, относящиеся к распространенным типам, в основном, на памятниках конца I тыс. н. э. В эту группу входят две бусины из заглушенного печеночно-красного стекла бочонкообразной формы (одна оплавленная) (табл. VIII: 31, 32). Подобные бусы обнаружены в горизонтах E₃-D Старой Ладogi и имеют многочисленные аналогии в памятниках VIII–X вв. Северной Европы (Львова 1968: 72, 73). Сюда же относятся три лимонovidные сербробстеклянные (пятичастная и две одночастные) (табл. VIII: 17–19) и золотостеклянная одночастная бусины (табл. VIII: 23). Эти бусы в Старой Ладoge встречены во всех древнейших слоях

³⁹ Еще одна часть ручки была найдена при раскопках культурного слоя в 1983 г. Их общая высота 6 см.

⁴⁰ №601–15.

⁴¹ №601–49.

⁴² Круглое прозрачное стекло синего цвета с ретушью по краю было найдено также при раскопках 1981 г. (табл. VII: 1).

Земляного городища, датируемых VIII–X вв. (Львова 1968: 83, 84). В Новгороде серебростеклянные и золотостеклянные бусы распространены в X – первой трети XII вв. (Щапова 1956: 174; Лесман 1984: 140). К первой группе относятся шесть лимонovidных: желтая (табл. VIII: 21), синие (пятчастная, двухчастная и три одночастные) (табл. VIII: 24–28) и одна бесцветного прозрачного стекла (табл. VIII: 29). Одноцветные лимонки встречены во всех нижних горизонтах Старой Ладоги (Львова 1968: 88). В Новгороде желтые лимонки бытуют до первой трети XII в. (Щапова 1956: 174; Лесман 1984: 140). Цветные лимонovidные бусы присутствуют в Новгороде в слоях X – третьей четверти XI вв. (Щапова 1956: 174, 175; Лесман 1984: 140). В эту же группу входит рубленный бисер синего (5 экз.) (табл. VIII: 11–15) и желтого (5 экз.) цвета (табл. VIII: 2, 4–7). В Ладоге он составляет большую часть стеклянных бус в слоях IX–X вв. (Львова 1968: 87). В Новгороде основная масса рубленого бисера обнаружена в слоях X – первой половины XI вв., хотя отдельные экземпляры встречаются до 60-х гг. XII в. (Щапова 1956: 173; Лесман 1984: 139). Выделяется крупная бусина черного стекла с выпуклыми реснитчатыми глазками и петельками (табл. VIII: 58). В Ладоге такие бусы найдены на уровне построек горизонта Д (X в.) и выше (Львова 1968: 77). В Новгороде подобные бусы датируются X – серединой XI вв. (Щапова 1956: 178; Колчин 1982: 167). Ю. М. Лесман считает, что такие бусы доживают до начала 60-х гг. XII в. (Лесман 1984: 140). К ранней группе относится крупная 14-гранная темно-синяя бусина (табл. VIII: 54) (Розенфельдт 1982: 62, 63), а также бочонковидная темно-синяя бусина с симметричным декором из красных и белых линий (тип B411T по Ю. Кальмеру) (табл. VIII: 56). Аналогичные последней бусине экземпляры в Скандинавии бытовали с начала эпохи викингов и стали редкими во второй половине X в. (Callmer 1977: 84, 85).

Во вторую группу входят бусы, изготовлявшиеся в древнерусское время. К ним относится бусинный бисер белого (2 экз.) (табл. VIII: 8, 9), ярко синего (1 экз.) и зеленого стекла (1 экз.) (табл. VIII: 16). В Новгороде он встречался с начала XII в. до начала XIV в. (Колчин 1982: 167, 169). Шарообразная бусина желтоватого стекла (табл. VIII: 52), по новгородским находкам датируется концом XI–XIII вв. (Щапова 1956: 165, 166; Колчин 1982: 167, 169). Время бытования эллипсоидной черного стекла спирально-волнистой гладкой бусины (табл. VIII: 51) в Новгороде определяется концом XI–XIII вв. (Щапова 1956: 177; Колчин 1982: 167, 169), а аналогичные черной эллипсоидной со сплошной одноцветной (белой) инкрустацией (табл. VIII: 50) встречены в слоях конца XI – 30-х гг. XIII вв. (Щапова 1956: 177; Лесман 1984: 140). Существование ребристой цилиндрической

из прозрачного голубоватого стекла бусины (табл. VIII: 44), судя по новгородским находкам, ограничивается второй половиной XI – 30-ми гг. XIII вв. (Щапова 1956: 175; Лесман 1984: 140). Черная зонная бусина (табл. VIII: 41) датируется по новгородским материалам второй половиной XI – 80-ми гг. XIII вв. (Лесман 1984: 139). Три прозрачные зеленоватые зонные бусины (табл. VIII: 38–40) относятся к концу XI–XIII вв. (Лесман 1984: 139), а зонные желтоватые (табл. VIII: 36), которых встречено два экземпляра, датируются концом XI – 20-ми гг. XV вв. (Лесман 1984: 139). Ко второй хронологической группе относятся также фиолетовая эллипсоидная бусина (табл. VIII: 55), битрапецидная бусина бесцветного прозрачного стекла (табл. VIII: 34), обломок синей рыбovidной бусины (табл. VIII: 35), черная пятнистая бусина с декором из белых и красных крошек (табл. VIII: 48) и черная бочонковидная бусины (табл. VIII: 43). Шарообразная ярко-голубая непрозрачная бусина (табл. VIII: 45) и зонно-шарообразная зеленоватая с белой непрозрачной сердцевинкой (табл. VIII: 46), по-видимому, относятся к развитому средневековью или еще более позднему времени.

Обращает внимание, что на вскрытой в 1984–1989 гг. площади найдено почти вдвое меньше стеклянных бус, чем на соседнем участке, причем большая часть стеклянных и почти все каменные бусины встречены на участке раскопа 1984 г. Следует также отметить, что в гораздо большем количестве в собранной коллекции представлены изделия, относящиеся к древнерусскому времени (ср. Носов 1990: 127, 128). Исследование Новгорода показало, что наибольшее число бус встречено в культурном слое X в., а в напластованиях города как XI в., так и двух последующих столетий их количество вдвое меньше. В послемонгольское время количество стеклянных бус резко уменьшается, что объясняется не только прекращением их поступления из прежних источников, но и, по-видимому, изменением моды (Рыбина 2001: 78–79. Рис. 6). Эти факты позволяют говорить о том, что исследованная в 1984–1989 гг. территория имеет в тенденции более поздние отложения.

В слое встречены три янтарных креста тельника (два целый экз. и один обломок) с прямоугольными концами с плоскопараллельными и выпуклыми по форме продольного сечения сторонами (тип Б, подтипы Б1 и Б3, по Р. Г. Шаповалову) (Табл. 32: 7–9) и кусочек янтаря. Кресты с прямоугольными концами являются самыми распространенными в древностях Новгорода, где встречены в слоях начала 70-х гг. XI – середины XV вв. Наибольшее количество изделий варианта Б1 отмечено в 40-е гг. XIV – середины XV вв., а кресты варианта Б3 датируются началом 10-х гг. XIV – первой четвертью XV вв. (Шаповалов 2000: 156–159, 165. Рис. 3).

Изделия из кости и рога. В числе находок имелось небольшое число изделий из кости и рога. В первую очередь к ним относятся роговые гребни. Среди них выделяются изделия, различные по форме, конструкции и характеру орнаментации. Шесть частично сохранившихся экземпляров относятся к односторонним наборным гребням. Один из них имеет концы, оформленные в виде стилизованных звериных голов, с орнаментом в виде плетенки в центре накладки во всю ее ширину и железными штифтами (табл. 33: 2). Этот гребень можно отнести к варианту 2б первой группы этих изделий Старой Ладogi (Давидан 1968: 57. Рис. 1: 4). Кальцинированный обломок широкой выпуклой накладки с железным штифтом, которая была украшена плетенкой, оконтуренной по краям двойной бороздкой (табл. 33: 1), принадлежит, по классификации О. И. Давидан, к первой группе гребней Старой Ладogi, возможно, варианту 2а (Давидан 1968: 57). Расчески типа 2 О. И. Давидан на основании собранных ей материалов по происхождению отнесла к фризско-скандинавским изделиям и датировала их IX–XI вв. (Давидан 1968: 60–61; Давидан 1999: 172–174). Гребню первой группы принадлежит, по-видимому, также роговая пластина (табл. 33: 5).

Часть еще одного наборного гребня с железными штифтами имеет боковую накладку, снабженную верхним выступом и украшенную циркульным орнаментом и нарезками (табл. 33: 7). Накладка этого изделия несет геометрический резной рисунок, выполненный двойными линиями. Этот гребень относится к типу 2-й второй группы этих изделий Старой Ладogi (Давидан 1974: 6). К этому же типу гребенок принадлежит боковая роговая пластина с верхним выступом и бронзовым штифтом (табл. 33: 6). Обломок накладки, украшенной циркульным орнаментом в сочетании с врезанными линиями, также относится к расческам второй группы (табл. 33: 3). В Старой Ладoge гребни этой группы найдены в горизонте Д (Давидан 1962: 100–101). В Новгороде подобные наборные односторонние расчески употреблялись до середины XI в. (Колчин 1982: 164. Рис. 5).

В коллекции имеются части пяти двусторонних цельных гребней с частым и редким зубом (табл. 33: 8–12). Все гребни имеют линзовидное сечение. Три экземпляра украшены линейным орнаментом, а на двух обломках присутствует циркульный узор. Б. А. Колчин все такие гребни в зависимости от формы пропорций и орнаментации разделил на шесть типов (Колчин 1958: 102. Рис. 6)⁴³. Исходя из этой типологии, три наиболее сохранившихся экземпляра

можно отнести к типам Д и Л. Такие гребни в Новгороде появились в самом конце X в. и выходят из употребления в конце XII – начале XIII вв. (Колчин 1982: 164, 166). Изделия с циркульным орнаментом существуют со второй половины XII в. до конца XIII в. (Смирнова 1996: 75). Группа двусторонних наборных гребней представлена двумя центральными пластинами от одного изделия с сохранившимися бронзовыми штифтами (табл. 33: 13). Гребни этой группы в основном бытуют в XII–XIII вв., но один тип употребляется и в XIV в. (Колчин 1982: 165, 166).

В коллекции есть также зубчатое орудие с полукруглым верхом и прямоугольным отверстием в центре (табл. 34: 7). Возможно, оно служило для орнаментации керамических изделий.

В культурном слое Городища на участке раскопа 1984 г. представлена проколка, изготовленная из трубчатой кости животного (табл. 34: 16). Подобные изделия были встречены при исследованиях прошлых лет, в том числе и в отложениях, датированных X в. (Носов 1990: 40, 41, 45, 73, 107, 128. Рис. 11: 5, 6; 12: 5; 28: 8, 9; 37: 11). Недавно эта категория находок была рассмотрена Л. И. Смирновой (Смирнова 1999). Ее исследования показали, что наибольшее количество проколов происходит из древнейших слоев Новгорода. На протяжении XI в. их число уменьшается, а с первой половины XII в. фиксируются лишь единичные изделия этого типа. Преимущественно в слоях IX–XI вв. аналогичные проколки представлены на других памятниках Древней Руси (Давидан 1966: 103, 104; Смирнова 1999: 151, 152. Рис. 5). Анализ имеющихся данных позволил Л. И. Смирновой присоединиться к мнению ряда исследователей о функциональном назначении этих предметов. Она определяет подобные орудия как инструмент, используемый при работе на вертикальном ткацком станке (Смирнова 1999: 152–160).

Среди прочих находок отметим половинку шахматной фигурки – «пешки» (табл. 34: 2) (Линдер 1975: 78, 79; Рыбина 1991: 94. Рис. 4; Археология 1997: 113. Табл. 79: 45, 58). Она представляет собой усеченный конус с несколько вогнутыми боками и закругленным верхом, украшенный внизу орнаментом из двух параллельных линий. «Пешкой», возможно, является также конусообразный предмет с несколько вогнутыми стенками и срезанным верхом (табл. 34: 10) (Линдер 1975: 112; Колчин, Рыбина 1982: рис. 45: 8). Исследовав археологические находки шахматных фигур на территории Древней Руси, Е. А. Рыбина пришла к выводу о неправомерности распространенного в литературе вывода о широком

⁴³ Л. И. Смирнова, проанализировав более многочисленный материал, пришла к выводу, что деление на типы, предложенное Б. А. Колчиным, искусственное и излишне формальное. Форма и пропорции изделий зависят от параметров заготовок, из которых вырезался гребень (Смирнова 1996: 74, 75).

бытовании шахмат в XI–XII вв. По ее мнению, имеющиеся данные дают основания говорить о распространении шахматной игры на Руси не ранее XIII в. (Рыбина 1987: 218; Рыбина 1991: 100; Археология 1997: 114). В Новгороде «пешки», близкие городищенским, встречены в отложениях второй половины XIII–XV вв. (Рыбина 1991: 94).

В коллекции имеется ряд находок из кости и рога: втульчатый пулевидный конический наконечник стрелы (табл. 34: 8), обломок кольца (табл. 34: 1), фрагмент точеного предмета, возможно, булавки (табл. 34: 5), часть булавки с циркульным орнаментом (табл. 34: 13), круглая плоская пуговица с тремя отверстиями (табл. 34: 6), обломок полуовальной в сечении накладки от составной рукояти для ножа (табл. 34: 11), полусферическая пуговица (табл. 34: 4), небольшая трубчатая кость животного с отверстием – брунчалка (табл. 34: 14), трактуемая как часть духового инструмента (Поветкин 1994: 68. Рис. 2: 15), а также копоушка (табл. 34: 15). Последний предмет туалета представляет собой стержень, один конец которого завершается миниатюрной ложечкой, а другой заострен.

Две пластины и куски рога со следами обработки (табл. 34: 12), обрезки рогов (табл. 34: 3), в том числе со следами пиления, найденные при исследовании культурного слоя, свидетельствуют о косторезном производстве на Городище.

Было встречено также несколько предметов и их фрагментов неясного назначения.

Изделия из камня. Среди изделий из камня наиболее многочисленную группу составляют разнообразные по форме оселки и их обломки, в основном сланцевые (табл. 35). Всего в слое их встречено 51 штука. У некоторых точильных камней есть отверстия для подвешивания или отметка для его просверливания.

В значительном числе в культурном слое памятника были встречены пряслица из розового шифера биконической и бочонковидной формы – 26 экземпляров. Шиферные пряслица, изготавливаемые на Волыни, бытовали длительное время. В Новгороде они появились вместе с первыми поселенцами. Максимум в распространении этих изделий приходится на середину XII в. К началу XIII в. количество шиферных грузиков резко уменьшается. После монгольского нашествия, в связи с разрушением овручских мастерских, их ввоз в Новгород прекратился. К концу этого столетия этот вид пряслиц фактически выходит из употребления (Колчин 1982: 174. Рис. 9; Рыбина 2001: 65–68. Рис. 3). Следует отметить, что на площади раскопа 1984–1989 гг. количество найденных шиферных грузиков значительно больше, чем на участке, исследованном в 1980–1983 гг. (Носов 1990: 128). Это, видимо, свидетельствует

о большей интенсивности жизни в древнерусское время на раскопанной в эти годы части поселения. Окружность одного из пряслиц украшена зигзагом (табл. 32: 11), а другого покрыта знаками, похожими на арабские буквы (табл. 32: 12). На поверхности одного грузика процарапаны буквы «В» и «N» (табл. 32: 10), а еще одного экземпляра – «Л» (табл. 32: 13).

Среди материалов имеется испорченная заготовка пряслица из розового песчаника с просверленным отверстием около одного диаметром 1 см (табл. 32: 17), что, по-видимому, свидетельствует о производстве каменных пряслиц на поселении.

Несколькими целыми экземплярами и обломками представлены каменные грузила от рыбацкой сети, представляющие овальную плитку с отверстием.

Ряд найденных предметов относится к изделиям эпохи неолита – раннего металла. Это кремневые отщепы и изделия (скребки, испорченная заготовка наконечника дротика и наконечник стрелы, а также сланцевое тесло (рис. 11)).

Изделия из глины. В культурном слое встречено 12 целых глиняных пряслиц и их фрагментов (табл. 36: 1–3, 7, 10). Большая часть пряслиц имеет бочонковидную форму. Одно целое биконическое пряслице украшено врезанными параллельными полосками.

В коллекции есть четыре линзовидные поделки, две из которых покрыты прозрачной бесцветной поливой (табл. 36: 4, 5). В Белоозере такие изделия найдены в отложениях второй половины XII–XIII вв. Одни исследователи называют такие находки косточками от счет, тогда как другие включают их в число пряслиц. Не исключается их использование в качестве пуговиц (Голубева 1973: 186; Захаров 2004: 229. Рис. 347: 8–10).

Из глины сделаны восемь грузил от рыбацких сетей. Одно из них было изготовлено из обломка амфоры (табл. 36: 15). Другие грузила имели овальную, шаровидную или биконическую форму (табл. 36: 9, 11–14). Такие изделия предназначены для малых волоковых сетей. Они зафиксированы в слоях различных поселений Восточной Европы XI–XVIII вв. (Салмина 1994: 155, 157, 158. Рис. 3: 1, 2; Тарасов 2001: 72. Рис. 3: f, h; Грибов, Цепкин 2004: 77–82. Рис. 1).

Интересна находка половинки литейной формочки для отливки круглых прорезных подвесок с ажурным звериным орнаментом в стиле Борре (табл. 29: 9). Ю. Кальмер относит такие подвески к группе В, типу Riddarholmen. Они встречаются в Восточной Скандинавии и в Восточной Европе. Датируются эти изделия X в. (Callmer 1989: 24, 29. Abb. 3:25; Гушин 1936: 53–57. Табл. III: 8, 10, 11; Старая Ладога 2003:

1

Табл. I. 1 – Городище. Вид с востока (фото П. Г. Гайдукова); 2 – Рассвет на Городище.

2

1

Табл. II. 1 – Вид на раскоп 1988 г. с п. Благовещения; 2 – Поселение Прость. Вид с востока.

2

1

3

2

4

Табл. III. 1 – золотая серьга.; 2 – крест-мошевик; 3 – пластина с изображением воинов-мучеников; 4 – икона “Борис и Глеб” из Савво-Вишерского монастыря.

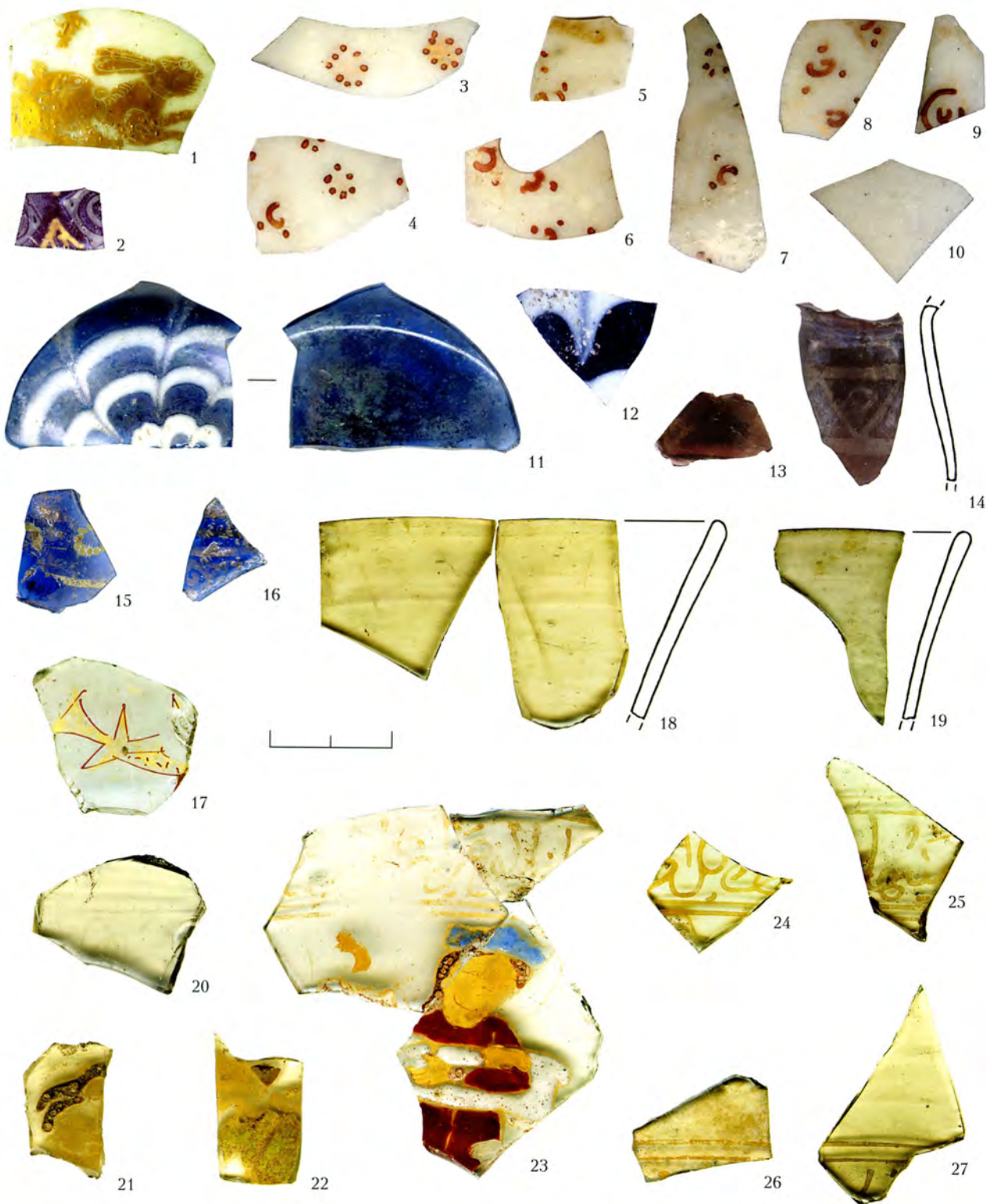

Табл. IV. Городище. Импортное стекло.

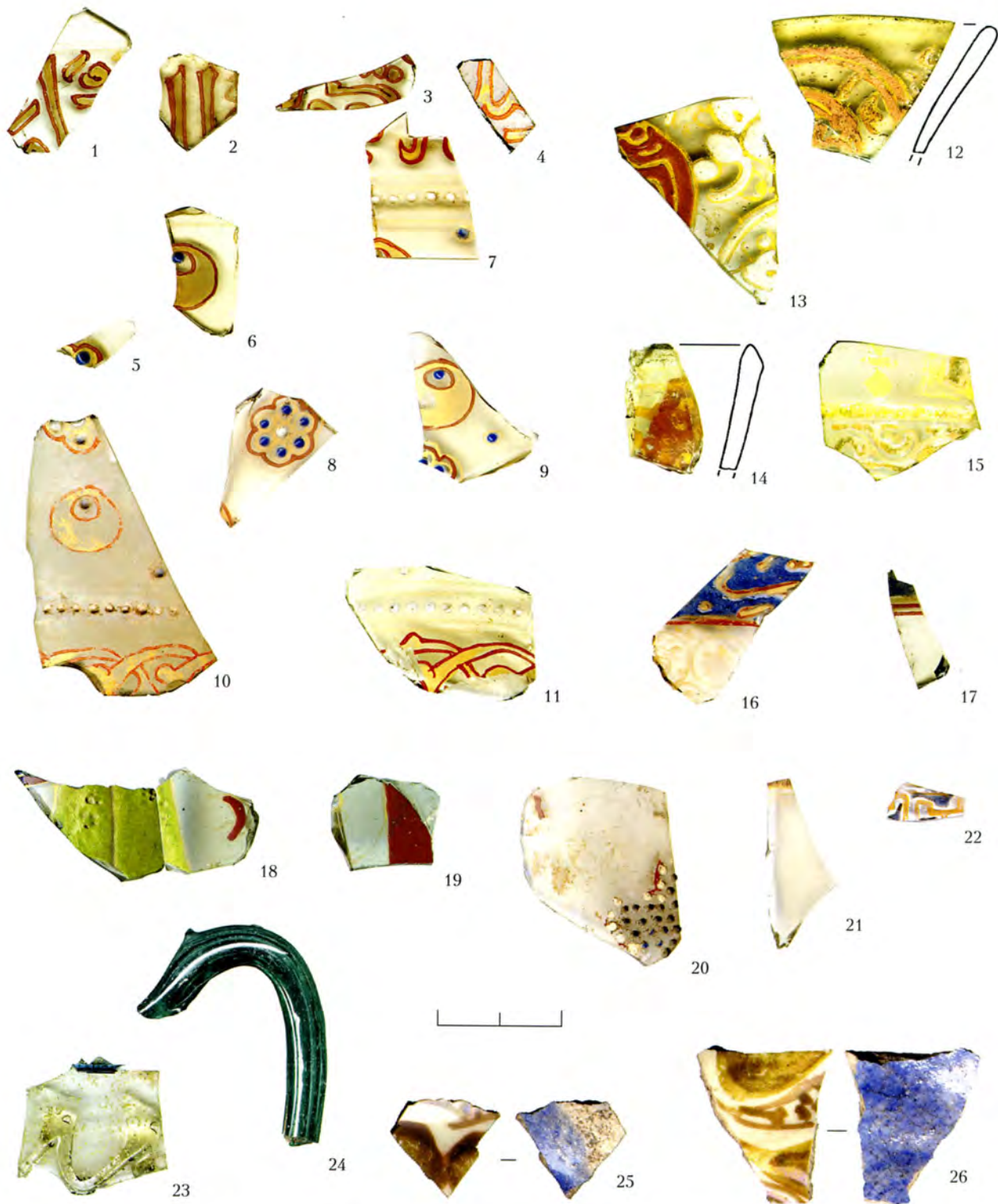

Табл.V. Городище. Импортное стекло и керамика.

Табл. VI. Городище. Изделия из камня и стекла.

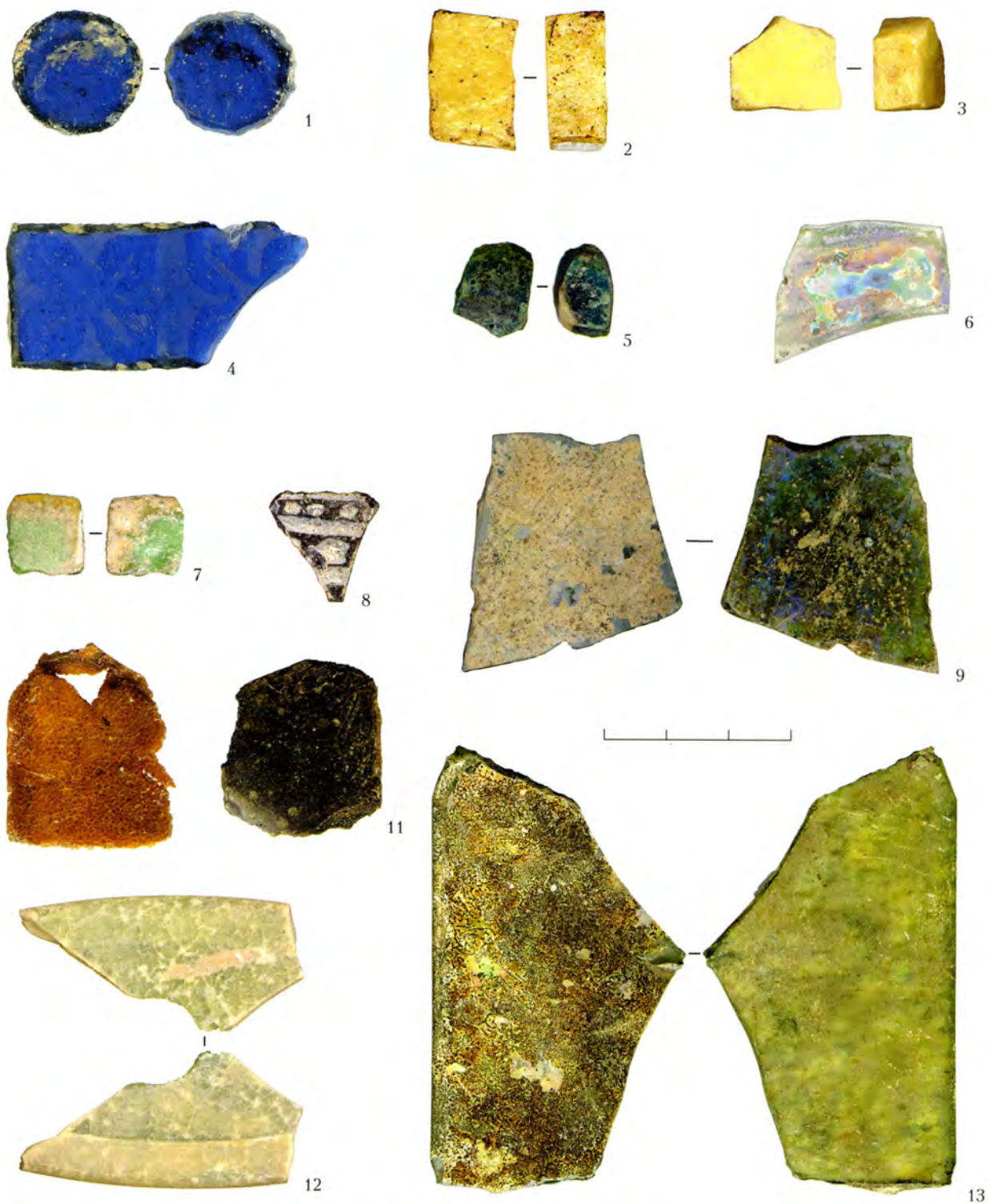

Табл.VII. Городище. Изделия из стекла.

Табл. VIII. Городище. Стекланные бусы.

Рис. 11. Городище. Сланцевое тесло

78, 79). О том, что в верховьях Волхова отливались подвески типа Ridrarholmen, свидетельствует три некачественные отливки этих украшений, поступившие в последние годы в Новгородский государственный объединенный музей-заповедник⁴⁴.

Свидетельством бронзолитейного производства на Городище являются также массивная втульчатая ручка от ложковидной льячки (табл. 36: 16) и 56 обломков тиглей. Последние найдены в основном в верхних отложениях культурного слоя.

Шестью обломками представлены глиняные диски – грузила от вертикальных ткацких станков. Они имели широкое распространение в Скандинавии и в лесной зоне Восточной Европы в IX–X вв. (Седых 1995: 58–60). В описываемые сезоны диски были встречены только в юго-западной части раскопа. Если посмотреть на распространение грузил на всей исследованной в 1980-е гг. территории (табл. 37), то видно, что они образуют единую группу. Их концентрация на ограниченной площади, говорит о существовании здесь постройки с местом, отведенным для изготовления тканей.

В культурном слое были встречены: кусок керамической плитки, обломок фигурного кирпича, фрагмент изразца с цветной поливой, а также три небольших глиняных шарика диаметром 1,7–2 см, аналогичные найденным во второй большой постройке (табл. 36: 6, 8). Один из шариков имеет конусообразное углубление. Кроме Новгорода подобные изделия известны в Пскове, Старой Рязани, Белоозере, Городце на Волге. Назначение их непонятно. Одни исследователи относят их к детским игрушкам, другие считают их снарядами для пращи (Медведев 1968: 33, 39. Рис. 7: 18–20; Гайдуков 1992: 109; Захаров 2004: 232; Археология 1997: 118–119).

Керамика. Обломки глиняных сосудов являются самой массовой категорией находок на Городище. Ими насыщены культурные отложения памятника. Небольшая группа фрагментов, встреченных на поселении, относится к эпохе раннего металла⁴⁵. Кроме того, на исследованной площади обнаружена лепная посуда конца I тыс. н. э., огромное количество гончарных сосудов, начиная с древнерусского времени вплоть до современных, а также значительное число обломков амфорной тарной керамики. Среди фрагментов есть кусочек от сосуда, изготовленного из твердого белого кашина, аналогичный найденным в первой постройке⁴⁶, и верхняя часть глиняного зооморфного сосуда-вододея (рис. 12).

Таким образом, в результате раскопок 1984–1989 гг. были получены принципиально новые сведения о Рюриковом городище. Исследования этих лет опровергли пессимистическую оценку возможностей получить материалы по топографии этого средневекового поселения путем археологических изысканий. Открытие на памятнике углубленных в материк оснований крупных построек XII–XV вв. показало перспективность реконструкции облика Го-

⁴⁴ Благодарим за информацию С. Е. Торопова.

⁴⁵ О том, что поселение существовало в эпоху раннего металла, свидетельствует также одна датировка по углю (1158 ...915 BC) из предматериковой части культурного слоя (в кв. 201) (Попов, Зайцева 1994: 171, 179).

⁴⁶ №603–17.

Рис. 12. Городище. Часть сосуда-водоля

родища, когда здесь располагалась резиденция новгородских князей. Впервые в эти годы в центральной части поселения был сначала отмечен, а затем и достоверно зафиксирован древний ров, окружавший

часть городищенского холма. Важной находкой для изучения древнерусской архитектуры являются обнаруженные экспедицией остатки сложной из плинфы печи для обжига известняка.

КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ЗАПОЛНЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ «БОЛЬШИХ ПОСТРОЕК» (РАСКОПЫ 1985–1988 ГГ.)

Керамическая коллекция, происхождение которой связано с заполнением так называемых «Больших построек», состоит из более чем 1300 фрагментов гончарной посуды, отбор которой велся в поле. Подавляющее большинство фрагментов принадлежит венчикам сосудов, изредка – придонной их части. В коллекцию включена амфорная тара, которая в этой части Рюрикова городища представляет собой массовый материал (в поле зафиксировано более 1500 фрагментов), а также учтены несколько обломков поливной посуды. При обработке материала учитывалась в основном форма верхней части сосуда, в частности, профилировка плеча, шейки, а самое главное – профиль венчиков. При этом были приняты во внимание состав теста, примеси, иногда степень обжига, орнаментация.

Подавляющая форма глиняной посуды «Больших построек» принадлежит кухонным горшкам. Остальные категории посуды представлены единичными фрагментами. Это кувшины, миниатюрные мисочки, кубышки, чарки (кубки).

КУХОННЫЕ ГОРШКИ

Кухонная посуда по составу теста и степени обжига разделяется на две количественно неравнозначные группы. 98,3 % принадлежит горшкам, вылепленным из глины с примесью крупного и мелкого песка, иногда мелкой дресвы. Встречаются черепки, прокаленные до коричнево-охристого цвета, но большая часть посуды обожжена до коричнево-серого цвета, изредка черепок в изломе имеет трехслойную структуру. Единичные фрагменты обожжены до сизо-серого цвета с белыми пятнами на внешней поверхности. Остальные горшки сформованы из пластичной белоглинящей глины с примесью железистых или марганцевокислых отощителей, не исключено, что для этих целей была использована железная руда¹.

Тип I объединяет группу сосудов s-овидной плавной профилировки с венчиком, край которого имеет либо косой срез, либо легкое закругле-

ние с едва намеченным желобком по краю венчика (табл. 38: 5–11). Подавляющее число сосудов этого типа принадлежит довольно крупным высоким горшкам с плавно формованными плечиками и выпуклым туловом. Большая часть горшков орнаментирована линейным орнаментом, который расположен на плечиках.

Внутри типа выделяется в качестве варианта группа сосудов, венчик которых имеет усложненную профилировку за счет наличия в той или иной степени выраженного желобка и вертикальной оттяжки на верхнем (внешнем) срезе венчика (табл. 41: 1–11, 14–17). Иногда край венчика имеет утолщенный и закругленный край в сочетании с вертикальной оттяжкой и закругленным внешним краем (табл. 41: 11).

Тип II характеризуется выпуклым, раздутым туловом, выпуклыми плечиками, резко отогнутым под прямым углом широким венчиком с широким углублением по внутренней части (табл. 39; 40: 1–6, 8, 9, 10–14). В эту ложбинку помещался край крышки, которые стали достаточно часто применяться начиная с XIII в. В качестве вариантов выделены две группы сосудов. Одна – с простым краем венчика, слегка закругленным или слегка приостренным, либо имеющем прямой срез (табл. 39). Вторая имеет закругленный край венчика с вертикальной оттяжкой, разной степенью выраженности (табл. 40: 1–6, 8, 9, 10–14). В этой группе наблюдается разная степень профилированности плеча – от округлой до резкой, подчеркнутой изломом на внешней поверхности сосуда.

Орнаментация типа II более разнообразна, чем типа I. Она включает линии, многорядную волну, разного рода комбинации линейного орнамента и насечек, тычков и отпечатков штампа. Орнаментация нанесена в основном на плечики горшков, но встречаются полосы волнистого орнамента по внешней стороне венчика (табл. 39: 6).

Тип III объединяет сосуды приземистые с укороченным, плавно отогнутым наружу венчиком, край

¹ В слоях с достаточно большим количеством белоглиняной керамики, в раскопах 1993–1994 гг., на южном берегу Сиверсова канала, помимо ям с углистым заполнением и персженными камнями присутствует значительное число отходов железодельного производства (куски ричного железа, шлаки, прокаленный песок).

Рис. 13. Городище. Белоглиняная гончарная миска из постройки III

которого закруглен, загнут внутрь горшка, и образует канавку. В качестве варианта выделены сосуды, у которых край венчика закруглен и отогнут наружу, при этом канавка проходит под отогнутым закруглением. Шейка у обоих вариантов, наряду с мягко изогнутой формой и плавным переходом в плечики сосуда, гораздо чаще имеет более резкую профилировку (излом). При этом наблюдается разная степень профилированности плеча – от округлой до резкой, подчеркнутой изломом на внешней поверхности сосуда (табл. 44; 45). На изломе плеча нередко присутствует тычковый (ромбовидный) орнамент или штамп в виде треугольников, нанесенных в два ряда (табл. 43: 11; 44: 2, 6, 7).

Тип IV включает сосуды, имеющие резко отогнутый венчик, край которого оформлен либо простым архаичным срезом под прямым углом, либо имеет слегка намеченные оттяжки и желобки (табл. 43: 1, 3–5, 8).

БЕЛОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА

Данная группа посуды помимо уже отмеченного выше отличного состава формовочной массы и примесей к ней отличается сильно укороченным и утолщенным венчиком, обычно вертикальным или слегка загнутым внутрь, а также подчеркнутой резкой профилировкой плеча. На вертикальных и сильно утолщенных венчиках иногда наблюдаются легкие оттяжки наружу или закругленные наплывы внутрь сосуда. В качестве основных типов выделяются: горшки-зер-

новики с диаметром венчика до 40 см (табл. 46: 8), горшки малых размеров – с диаметром венчика около 20 см и миски двух вариантов: с s-овидной профилировкой (табл. 46: 2) и с вертикальным венчиком, резко выделенным изломом в области плеча и поддоном (табл. 46: 1; рис. 13). Орнаментирована примерно только половина посуды: на плечико горшков довольно небрежно нанесены одна – две линии, прочерченные палочкой. Посуда этой группы обнаружена только в заполнении построек II и III. Более того, фрагмент миски (табл. 46: 2) встречен в канавке от бревна обкладного сруба в подполье, а фрагмент горшка (табл. 46: 3) – в столбовой яме из системы входа.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕДКИЕ ФОРМЫ

В коллекции керамики из «Больших построек» встречено незначительное число единичных экземпляров редких форм. Большая их часть располагалась в различных по структуре слоях заполнения построек II и III, но несколько фрагментов встречены в заполнении сгоревшего в пожаре сооружения I.

Кувшины. Данная форма принадлежит разряду классических кувшинов так называемого Новгородского типа: с раздутым рифленным горлом и венчиком, слегка загнутым внутрь, и с косо оттянутым наружу краем (табл. 47: 2). По составу теста ничем не отличаются от основной группы кухонной посуды, но имеют несколько лучший обжиг и более тщательно

сформованы на круге. У них отсутствует небрежность в заглаживании поверхности. Данный тип кувшинов появляется в XIV–XV вв.² Другой, несколько более ранний вариант кувшинов, имеет цилиндрическое горло и орнаментацию в виде комбинации валика, волны и тычков, нанесенных на валики рифления (табл. 47: 7). Эти два фрагмента найдены в заполнении построек II и III.

Самый ранний вариант представлен экземпляром с более массивными стенками, с несколько большим диаметром венчика. Горло этого кувшина цилиндрическое, слегка рифленое, а главное, он выполнен из глиняной массы, резко отличной от всей остальной керамики (табл. 41: 13). Тесто этого экземпляра – очень пластичное с небольшой примесью мелкого песка, черепок – слегка мажущийся, имеет светло-бежевой цвет. Аналогии этому варианту горшков нам неизвестны. Вероятно, такие кувшины были привозными. Структура теста и обжиг, возможно, свидетельствуют о его южно-причерноморском или даже византийском происхождении. Фрагмент нашего кувшина найден в заполнении постройки I.

Горшки с рифленным вертикальным горлом. Форма представлена единственным фрагментом, происходящим из заполнения постройки I (табл. 41: 12). Горшок имеет вертикальную горловину, повторяющую своей профилировкой и рифлением горло предположительно привозного кувшина (табл. 41: 13). Плечи выпуклые, круто поднимающиеся вверх с намеченным изломом. По излому нанесены узкие параллельные насечки, орнаментальный прием широко распространенный, начиная с XIII в. Возможно, данная форма возникла не без влияния вышеозначенного кувшина с цилиндрическим рифленным горлом. Горшок входит также в коллекцию керамики сооружения I.

Блюдца. Этот вид посуды представлен всего двумя экземплярами миниатюрных неглубоких мисочек со слегка загнутыми внутрь, невыделенными венчиками. Тесто мисочек ничем не отличается от основного массива керамики. Одна из них сделана тщательно, сформована на гончарном круге, поверхность слегка заглажена (табл. 43: 6), найдена в заполнении построек II–III. Вторая из постройки I вылеплена от руки (табл. 40: 7). Такого рода посуда присутствует в слоях XII–XIII вв. Пскова, Новгорода и памятников Новгородской земли. Изредка встречается в отложениях первой половины XIV в. (Смирнова 1956:

233, 243. Рис. 6: 4; Кильдюшевский 2002: 15, 16, 19. Рис. 7: 13).

АМФОРЫ

Амфорный материал насчитывает свыше 1500 фрагментов, их распределение в заполнении различных частей комплекса неравномерно. Так, если в северо-восточной (сооружение II) и южной (сооружение III) частях, вместе взятых, число фрагментов не превышает нескольких десятков, то в северо-западной (сооружение I) оно составило свыше 1400. Более или менее крупные и легко типологически атрибутируемые фрагменты найдены, как правило, в заполнении постройки I и в культурном слое, перекрывающем его. При анализе амфор принимались во внимание, прежде всего, разработки А. Л. Якобсона (Якобсон 1951: 340–342; Якобсон 1979: 123) и М. В. Малевской (Малевская 1969а: 185–191)³. К сожалению, подавляющая часть амфорного материала Рюрикова городища принадлежит стенкам и другим частям, которые с трудом поддаются классификационному анализу. К тому же в нашем распоряжении не было целых форм, графические реконструкции также отсутствуют⁴. Из всех возможных признаков мы могли использовать форму горла и ручек, место их крепления и способ обработки поверхности (тип рифления, наличие или отсутствие ангоба). Ниже мы приводим характеристику материала по выше перечисленным частям амфор.

Ручки. Если ориентироваться на более сохранившиеся части горла и ручек, происходящие из культурного слоя над заполнением постройки I (табл. 42: 4), то можно считать, что фрагменты толстых массивных ручек овального сечения (табл. 42: 1) принадлежат амфорам с узким дном, высоким горлом, с резко изогнутыми и высоко поднятыми над горлом ручками. По классификации М. В. Малевской – это амфоры I типа (Малевская 1969а: 186. Рис. 1: I). Необходимо отметить, что ручки, которые крепились к тулову после полной обработки амфоры на гончарном круге, имели довольно грубый («лепной») вид и в тесте, в отличие от тулова, имели большое количество органической (растительной) примеси, отпечатки которой хорошо просматриваются на поверхности ручек.

Фрагменты ручек, имеющие менее вытянутое овальное сечение и прикрепленные к пологому плечу амфоры (табл. 42: 3), можно отнести к амфорам II типа (Малевская 1969а: 186. Рис. 1: II). Они имеют

² Типологическое определение и датровка В. И. Кильдюшевского. Приношу глубокую благодарность Кильдюшевскому В. И. за консультации и возможность ознакомиться с неопубликованными результатами многолетней работы над керамическими комплексами XIII–XVI вв. Пскова, Орешка, Новгорода.

³ Я глубоко благодарна М. В. Малевской за постоянную помощь и консультации в работе с амфорным материалом.

⁴ Статистические подсчеты по типам амфор не проводились, так как материал, полученный в поле, сохранен выборочно. По этой же причине невозможно установить, какому количеству сосудов соответствует фрагментированный материал.

сильно раздутое тулово грушевидной формы, округлое дно, низкое горло и поднятые над ним дуговидные ручки. Поверхность таких сосудов обработана слабовыраженным рифлением в виде широких, неглубоких горизонтальных линий и нередко ангобирована. Следы ангоба на стенке данного фрагмента, а также наличие в заполнении построек фрагментов стенок со слабовыраженным рифлением, которое сочетается с ангобом, подтверждает наш вывод о присутствии в комплексе амфор данного типа. К этому следует добавить наличие процарапанных по обожженной глине знаков. М. В. Малевская отмечает, что на амфорах II типа весьма часто встречаются граффити. В основании ручки, фрагмент которой встречен в заполнении северо-западной части (сооружение I) комплекса, почерчена буква «К» и рядом крест (табл. 42: 3, 6).

Горловина амфоры имеет короткий загнутый внутрь венчик. Изнутри он выделен глубокой складкой, снаружи оформлен косым срезом и ребром (табл. 42: 2). Черепок прокален до ярко-красного цвета. Тесто амфоры без видимых примесей.

Вровень с краем венчика к горловине были прилеплены горизонтальные ручки, от которых сохранились лишь бесформенные остатки, и поэтому судить о форме сечения ручек сложно. Обычно ручки, прикрепленные вровень с верхним краем горла, были короткими и плоскими в своем сечении и принадлежали довольно редкому типу амфор XII–XIII вв. (Малевская 1969а: 186. Рис. 1: III, IV). Возможно, данный экземпляр горловины принадлежит амфоре подобного типа.

Стенки амфор. Фрагменты стенок амфор составляют подавляющую часть амфорной коллекции, связанной с заполнением постройки I. Всю совокупность этих фрагментов можно разделить на четыре части. *Первая* принадлежит стенкам, покрытым частыми, глубокими и узкими бороздками. Такая обработка поверхности амфор характерна для тары XI–XII вв. Фрагменты такого рода единичны и встречаются только в слое, непосредственно перекрывающем заполнение постройки I. *Вторая* группа связана со стенками, которые покрыты достаточно глубокими врезными линиями с четкими границами. Часть фрагментов имеет светло-желтый, белесый ангоб. Такие фрагменты принадлежат амфорам I типа по классификации М. В. Малевской. *Третья* часть фрагментов имеет более широкие врезные линии с желобчатым ложем, и многие из них покрыты тонким слоем светлого ангоба (тип II, по М. В. Малевской). *Вторая* и *третья* группа стенок принадлежит амфорам XII–XIII вв. И, наконец, *четвертая* группа фрагментов

имеет слабо выраженное рифление, придающее поверхности амфоры волнистый характер. Определить типологическую принадлежность таких фрагментов затруднительно, так как такого рода рифление очень часто располагалось в нижней придонной части амфор разных типов (табл. 42: 5).

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА

В коллекции из комплекса «Больших построек» известно всего восемь фрагментов поливной керамики, которые принадлежат пяти сосудам (табл. 47: 1, 3–6). Они встречены только в заполнениях построек II и III. Из сооружения II происходят две формы – кубышка и дно миски или мисковидного сосуда, из сооружения III – чарка (кубок) и кувшины (два фрагмента от части горловины в месте перехода ее в плечо и два фрагмента от плеча, украшенного каннелюром).

Кубышка, миниатюрный сосудик бомбовидной (шаровидной) формы, с загнутым внутрь венчиком и маленьким круглым входным отверстием (табл. 47: 5). Черепок тонкий, красно-желтого цвета, слегка песчаный на ощупь из-за примеси песка в тесте. Полива покрывает сосуд снаружи и изнутри. Она представляет собой стекловидную полупрозрачную массу ярко-желтого (лимонного) цвета с небольшими локальными слабовыраженными пятнами светло-зеленого цвета. Придонная часть сосуда не сохранилась, судя по направлению стенок, дно незначительно превышало диаметр входного отверстия. Аналогичные формы есть в Новогрудке (Малевская 1969б: 196. Рис. 1: 15, 16 – полива коричневая) и в Слободке (Маркова 1963: 135. Рис. 10: 8 – полива желтая).

Подобные сосуды первоначально использовались в качестве столовой посуды для хранения пряностей и, возможно, соли. В более позднее время, в XVI–XVII вв., в таких, несколько изменивших форму сосудах (они стали немного выше, а дно – шире и массивнее), хранили деньги. О происхождении данной формы мало что известно. В. И. Кильдюшевский предполагает, что первоначально из болгарских или золотоордынских городов Поволжья ввозились стеклянные или металлические сосуды такой формы. Появление их в древнерусском городе, скорее всего, было связано с закупками и привозом пряностей. Затем, в XV–XVI вв., когда наблюдается наибольшее их распространение в городах Северной Руси, видимо, было налажено местное производство, а заодно найдено и новое применение⁵.

До сих пор в литературе неизвестны ранние привозные экземпляры подобной формы керамики. Все сосудики на Руси делались из местных глин, дававших при обжиге довольно грубый массивный чере-

⁵ Устная консультация В. И. Кильдюшевского.

пок, который мало отличался от массовой кухонной посуды. Поскольку экземпляр с Рюрикова городища имеет довольно тонкие стенки, он сделан из достаточно пластичного теста, выдерживавшего высокую температуру обжига, не применяемую древнерусскими гончарами, то в качестве предположения можно считать его привозным. Безусловно, последнее слово остается за спектральным анализом поливы и петрографией теста черепка. В этой связи небезынтересна другая форма поливной посуды, реконструируемая из фрагментов, найденных в заполнении постройки III.

Кувшин (табл. 47: 1), покрытый яркожелтой поливой, вылеплен из другого, чем у кубышки, несколько более жирного теста: в нем визуальными прослеживаются добавки, и оно менее жестко на ощупь. Обжиг, по-видимому, был примерно той же температуры, что применялась при изготовлении кубышки, так как черепок имеет такой же светлый красновато-бежевый оттенок. Поверхность горловины имеет орнаментацию: тонкий валик и прочерченная по мокрой глине комбинация каннелюр, волны и вдавлений. Полной аналогии нам найти не удалось, но не исключено, что данный экземпляр близок так называемой «полумайолике с орнаментом “сграффито”», изготовлявшейся в XIII–XV вв. в Византии и Причерноморье (Коваль 1997: 155). В Новгороде привозные сосуды, принадлежащие к данной разновидности византийской керамики, бытовали весьма краткий период, не более четверти века, в самом конце XIII в. (Коваль 1997: 154–155). Вероятно, от такого же кувшина (?), но уже без орнаментации, мы имеем фрагмент плеча с каннелюром, несколько напоминающий фрагмент сосуда из Ильинского раскопа из слоя последней четверти XIII в. (сравни табл. 47: 4 и Коваль 1997: 156. Рис. 1: 3)⁶.

Если при дальнейшем исследовании (с применением спектрального анализа) наше предположение об импортном происхождении рассматриваемых сосудов подтвердится, эта форма может претендовать на роль хронологического индикатора. Правда, стратиграфические условия нахождения обломков в комплексах (сооружения II и III) не соответствуют XIII в. Не исключено, что бытование этих кувшинов в Новгородской земле было несколько более протяженным во времени и соответствовало интервалу их производства в Причерноморье, т. е. весь XIV в., вплоть до начала XV в.

Чарка (кубок). Из трех фрагментов собрана верхняя часть миниатюрного сосуда, который имеет широко раскрытое устье, вертикальные стенки, полового скругленные ко дну (табл. 47: 3). Тесто хорошо

вымешано, без видимых примесей. Черепок прокален до красного цвета. Стенки тонкие, толщиной не более 0,4 см. Полива светлая, лимонно-желтого цвета с белесым оттенком, без пятен и сгущений. Такого рода сосудики – продукт местного производства древнерусских гончаров, на Руси они были известны еще в XII–XIII вв. (Малевская 1969б: 194–202; Павлова 2001: 210, 211. Рис. 2: 1). Единственно, что сильно отличает экземпляр из «Больших построек» от стандартной продукции, так это довольно тонкие стенки и сравнительно качественное покрытие поливой (равномерный тонкий слой, без сгущений и каверн). В литературе по поливной посуде Смоленска отмечалось, что блестящая двусторонняя полупрозрачная полива характерна для XII–XIII вв. Желтый цвет присущ более качественной и очень редкой в применении поливе (Сергина 1981: 236, 238, 243).

Миска. Придонная часть мисковидного сосуда покрыта зеленой, с коричневой подложкой, поливой (табл. 47: 6). На дне полива стерта до коричневой подложки. Тесто хорошо вымешано, с примесью песка. Черепок прокален до коричнево-красного цвета. По всем признакам – характер поливы (определяется, видимо, включениями марганца, а возможно, и железистыми окислами) и сравнительно низкая степень прокаленности черепка (коричневатый оттенок) – этот экземпляр поливной посуды следует также отнести к продукции местных гончаров. Подобная столовая посуда появляется на городских рынках с XII–XIII вв. (Макарова 1967: 25; Малевская 1969б: 198).

Подводя итог характеристике поливной керамики из «Больших построек», следует отметить, что данный разряд столовой посуды связан лишь с сооружениями II и III. Мы предполагаем, что, помимо продукции местного производства (миска и кубок), обитатели «Больших построек» пользовались предположительно привозной посудой (кувшины и кубышка). Временные рамки поливной посуды, по-видимому, за пределы XIV–XV вв. не выходят. Возможности для определения более узких временных границ, вероятно, появятся после проведения спектрального и петрографического анализов.

Керамический материал, подвергнутый анализу в данной работе, четко разделяется на два комплекса, которые относятся к разным хронологическим периодам.

Первый комплекс связан с функционированием постройки I. Для него характерны формы посуды, наиболее распространенные в XIII в. Это, прежде всего, сосуды II типа с плавно отогнутым высоким

⁶ При личной консультации В. Ю. Коваль склонен был считать, что все фрагменты поливной посуды из «Больших построек» принадлежат продукции местных мастеров.

воротникообразным венчиком с оттяжкой по краю и разной степени выраженности желобком вдоль этой оттяжки (табл. 39; 40: 1–6, 8, 9, 10–14). Значительная по объему группа керамики принадлежит выпуклобоким приземистым горшкам с резко отогнутым наружу широким венчиком, с ложбиной по внутренней стороне венчика, в которую помещался край крышки (табл. 39: 5–7; 40: 1, 2, 6, 8, 9, 14). Широкое распространение крышек начинается именно с XIII в.

Существование в комплексе архаичной группы сосудов I типа s-овидной профилировки с венчиком, край которого имеет либо косой срез, либо легкое закругление с едва намеченным желобком по краю венчика (табл. 38: 5–11), либо определенно намеченный желобок по внутреннему краю венчика в сочетании с вертикальной оттяжкой и закругленным внешним краем (табл. 40: 3–5), в какой-то мере говорит о продлении традиций XI–XII вв. Присутствие амфор XI–XII вв. в слое, перекрывающем заполнение сооружений I и непосредственно окружающем постройку, косвенно свидетельствует о том, что время возникновения этого сооружения можно отнести, по крайней мере, к концу XII в. С этого же времени получают широкое распространение миниатюрные мисочки (блюдца) без выделенного венчика, со слегка загнутым внутрь краем, достигая края своего распространения в XIII в. (табл. 40: 7). Весьма примечательно наличие в этом комплексе фрагмента керамики, выполненной из особого теста: черепок прокален насквозь, внутри он белый, снаружи поверхность сизо-серого цвета с белыми пятнами (табл. 40: 2). Постройка I по времени не соотносится с остальными двумя большими сооружениями.

Второй комплекс керамических форм характеризует заполнение построек II и III. Причем он объединяет эти два сооружения в единую структуру. Распределение материала второго комплекса в заполнении свидетельствует, *во-первых*, об одновременности возникновения данных объектов: в столбовых ямах и в обкладке бревен подпола встречаются однотипные фрагменты сосудов, например, белоглиняная керамика (табл. 46: 5, 6), сосуды XIV века III типа с закругленным и загнутым внутрь краем венчика (табл. 44: 13; 45: 9, 10), с укороченным резко отогнутым венчиком, угловато изогнутой шейкой и подчеркнутым резко поднятым плечом (табл. 45: 5) из этой же группы сосудов. *Во-вторых*, их сосуществование подтверждается неоднократными случаями нахождения разных фрагментов от одних и тех же сосудов в разных слоях и разных частях постройки. И, *в-третьих*, период их бытования был не слишком длительным. Об этом говорит довольно ограниченный набор посуды.

В заполнении сооружения II и III мы выделили всего две типологических группы керамики: тип с закругленным венчиком, у которого край отогнут наружу или загнут внутрь и подчеркнут желобком (табл. 44; 45) и тип с резко отогнутым венчиком, край которого оформлен простым архаичным срезом под прямым углом или имеет слегка намеченные оттяжки или желобки (табл. 43: 1, 3–5, 8). Несколько редких единичных форм, как-то: кувшины с раздутым рифленным горлом новгородского типа (табл. 47: 2) и кувшины с горлом, украшенным валиками и волной с тычками (табл. 47: 7), дополняют этот довольно бедный набор. Основные типы горшков из заполнения сооружений II и III характерны для XIV–XV вв. (Кильдюшевский 1981: 113; Кильдюшевский 1986: 13–15). Возможно, комплекс относится только к первой половине XV в. (см. табл. 45). Об этом свидетельствуют вышеозначенные горшки новгородского типа, появляющиеся в XIV–XV вв., наличие белоглиняной керамики, а также посуды с зеленой поливой. Но, с другой стороны, присутствие некоторых архаичных форм горшков с воротникообразным венчиком и вертикальной оттяжкой, сочетающейся с желобком (табл. 43: 13, 15–17)⁷, а также частое применение архаичных приемов орнаментации (разного рода отпечатки штампов, насечки и тычки в комбинации с линиями и волной) говорит о продолжении традиций XIII в., что наиболее характерно для XIV в. и уже не наблюдается в XV в.

Для более четкого определения времени строительства построек II и III решающее значение имеет хронология белоглиняной керамики. В литературе начальная дата ее существования разными авторами определяется по-разному (сравни: Кильдюшевский 1981: 115; Малыгин 1991: 198–208). Главная проблема заключается в выделении закрытых комплексов с белоглиняной посудой. В многослойных отложениях городов, как правило, слои с этой керамикой часто имеют нарушенную структуру. Она попадала в перекопы, которые чаще всего не прослеживались, и время ее всегда определялось суммарно. Однако за последние 15 лет появился целый ряд работ, в которых на основе дендрохронологии или достаточно «чистых», короткое время существовавших комплексов, утверждается довольно поздняя дата появления белоглиняной посуды. Так, для Москвы и ее окружи время появления такой керамики датируется не ранее, чем вторая половина – конец XV в. (Бойцов 1991: 39; Чернов 1991: 50, 58. Рис. 2; Коваль 2001: 100). Для Пскова, некоторых малых городов-крепостей – Ивангорода, Орешка, Корели – нижний рубеж ее существования определен самым концом XV – началом XVI вв. (Петренко, Кильдю-

⁷ Не исключено, что это просто переотложенный материал XIII в.

шевский 1968: 13–15; Кильдюшевский 2002: 7, 14, 16, 30)⁸. Для «глухих» мест новгородской земли утверждается еще более поздняя дата – только XVI в. (Королькова 1999: 297)⁹.

Коллекции белоглиняной посуды самого Новгорода пока не стали объектом специального исследования. В работе Г. П. Смирновой только для отдельных типов керамики отмечается употребление белых каолиновых глин (например, известны белоглиняные кувшины в слоях XV в. Смирнова 1956: 233, 244). Вопросы ее хронологии, топологии, генезиса и пр. исследовательницей не затрагиваются. Для решения наших проблем с датировкой сооружений II и III весьма важное значение приобретает работа Малыгина П. Д., посвященная хронологической разработке керамической коллекции Торжка – города по сути своей бывшего своеобразным пригородом Новгорода. Он по керамическому материалу является полным аналогом своей «метрополии». Вся работа проведена с учетом данных дендрохронологии, что также существенно повышает значение полученных выводов (Малыгин 1991: 198–216).

К сожалению, автор в своей публикации почему-то объединил в одну группу «беложгущейся керамики» наряду с белоглиняной, сделанной из каолиновых

глин, также серую и темно-серую посуду¹⁰. Если ориентироваться на типологию посуды и особенности формовки венчика, то полную аналогию белоглиняной керамике Рюрикова городища по этим признакам составляет тип III, который имеет четкую нижнюю дендродату – вторая треть XIV в. (Малыгин 1991: 202. Рис. 3; 10А). Кроме этого типа, в Торжке, безусловно, из каолиновых глин изготавливались также корчаги – тип XII и горшки XI типа, начало употребления которых связано с последней четвертью XIV в. (Малыгин 1991: 202, рис. 8; 10А).

Среди белоглиняной керамики сооружений II и III обращает на себя внимание миска на поддоне с вертикальным венчиком (табл. 46: 1; рис. 13). Миски на поддоне из обычной глины в новгородских слоях встречаются на протяжении XIII–XIV вв. (Смирнова 1965: 242, 243. Рис. 6: 11; 7: 10). В Пскове они не переходят рубежа середины XIV в. Эти факты, может быть, и позволили бы нам ограничить время бытования рассматриваемого нами комплекса только XIV в., но отсутствие специальных разработок по белоглиняной керамике самого Новгорода не позволяет быть столь категоричным. Вероятность существования данного комплекса, по крайней мере, в первой половине XV в. остается весьма высокой.

⁸ В. И. Кильдюшевский склонен эту дату переносить и на материалы самого Новгорода (Кильдюшевский, 2002: 16).

⁹ Хотя закрытый комплекс сгоревшей постройки, о которой идет речь в статье, содержит белоглиняную керамику и датируется второй половиной XV в. (Королькова 1999: 292, 298. Рис. 3: 2–8)

¹⁰ Последняя, продолжая традиции более древних приемов формовки и профилирования горшков, в своем генезисе совершенно не связана с белоглиняной керамикой. Да и для ее лепки употреблялись, возможно, совершенно иные глины, а цвет черепка – светло-серый или даже сизый определялся, видимо, новым режимом обжига, более высокой температурой и т. п. Какая-то связь между сизой (светло-серой) и белоглиняной (из каолина) посудой существовала, но эта проблема еще ждет своего специального исследования. И, кстати, материалы Торжка представляют собой прекрасный полигон для разработки данной проблемы.

Керамика как одна из категорий археологического материала является источником разнообразной информации о прошлом, в том числе и об этнокультурных контактах древнего населения. Особенно важные данные для изучения последних представляет лепная посуда. Наблюдения этнографов показывают, что у народов Восточной Европы лепная керамика являлась продуктом домашнего или ремесленного на заказ производства и использовалась преимущественно в пределах поселка, в котором изготавливалась. Обычно между гончарами и потребителями их продукции существовали родственные связи или они относились к одной и той же этнической группе (Бобринский 1978: 26–34).

Среди поселений Северного Приильмения, имеющих отложения конца I тыс. н. э., Рюриково городище располагает самой крупной коллекцией лепной посуды. Обломки сделанных без помощи гончарного круга сосудов происходят из десятков углубленных в материк комплексов центральной высокой части этого памятника. В заполнении значительного числа из них, датируемых второй половиной IX – началом X вв., найдена исключительно лепная посуда. Только такая керамика встречена и в древнейших отложениях мысовой части городища относящихся к последним десятилетиям IX в. (Носов 1990: 149). Судя по материалам, полученным при раскопках Старой Ладogi и Рюрикова городища, первое появление гончарной посуды на памятниках Северной Руси относится к первой трети X в., причем ранние ее типы встречены только в древностях этих крупных торговых-ремесленных центров. На рядовых поселениях круговая посуда появляется позже. Данные, полученные при исследовании Рюрикова городища свидетельствуют о том, что во второй половине X в. с развитием гончарного производства круговая керамика на этом поселении практически полностью вытесняет лепную.

В Новгороде сделанная от руки посуда встречена до настоящего времени только при раскопках древнейших частей Неревского и Людиного концов города. Исследования показали, что круговая посуда господствует уже в самых ранних напластованиях этого поселения, относимых исследователями к середине X в. К концу этого столетия лепная посуда, в небольшом количестве используемая жителями Новгорода, окончательно выходит из обихода (Смирнова 1976: 9, 10. Табл. 2; Гайдуков, Малыгин 1990: 65).

Вдали от ремесленных центров и крупных торговых путей лепная посуда перестает использоваться несколько позднее. В некоторых частях Новгородской земли сделанные от руки горшки нередко встречаются в погребениях XI–XII вв. (Тухтина 1993: 140–142; Торопов 2003: 101).

К сожалению, до настоящего времени почти не проводилось специальных работ, направленных на изучение техники и технологии производства как лепной, так и гончарной посуды северо-запада России. Практически единственным исследованием формовочных масс с помощью методов петрографической микроскопии, широко применяемых в изучении археологической керамики различных времен и регионов, является статья Т. Брорссона (Brorsson 2001). В ней были рассмотрены результаты анализа шлифов двадцати одного фрагмента керамики Рюрикова городища, проведенного в Лаборатории керамических исследований Лундского университета (Швеция). В качестве сравнительного материала Т. Брорссон использовал обломки грузил ткацкого станка и образцы местной сырой глины. Как визуальное изучение обломков лепных сосудов Рюрикова городища, так и анализ шлифов показывает, что посуда была изготовлена, в основном, из различных сортов ожелезненной глины с добавлением в формовочную массу значительного количества искусственно дробленого камня, так называемой дресвы. В качестве источника последней, по-видимому, использовались пережженные валуны из разобранных печей-каменок – основного отопительного устройства в домах средневекового населения Приильмения. Сосуды лепились кольцевым способом из нескольких полос глины шириной 4–5 см. Венчики уплощены, реже округлы, иногда наблюдается небольшое их утолщение с внешней стороны. Толщина стенок в большинстве случаев – 0,7–1 см. Днища плоские, поверхность их, в основном, ровная. Часто на дне наблюдается подсыпка мелкой дресвы или песка. Толщина днищ 0,8–1,5 см, причем у многих из них она больше в центре, чем у стенок. На поверхности посуды видны следы заглаживания, обычно горизонтальные по шейке и плечу и вертикальные по нижней части тулова. Несмотря на эту обработку, поверхность большинства сосудов шероховатая, а иногда бугристая от выпирающих зерен отощителя. Цвет керамики темно-серый или коричневый. На многих фрагментах внутри и снаружи отмечаются копоть и нагар.

Орнаментация не характерна для лепной керамики поселений верхнего Поволжья, в том числе и на Рюриковом городище, где декорировано около 6,5% сосудов. Это меньше, чем встречено такой посуды в коллекциях из раскопок Старой Ладogi (около 10%) (Сениченкова 1998а: 19), а также на памятниках районов, расположенных восточнее Поволжья, таких как регион Белого озера (Белоозеро – 53,9%, Крутик – 49,6%) и Мстинско-Моложское междуречье (13–34%) (Макаров 1985: 95; Исланова А-1988: 127; Исланова 1997: 67), но больше, чем в древностях Пскова, Изборска, Камно, Городка на Ловати, где отмечены единичные экземпляры орнаментированной керамики.

Керамика Рюрикова городища, как и других памятников Приильменя, украшена только рельефным орнаментом. Прослежены следующие элементы в украшении сосудов: отпечатки веревочки, намотанной на палочку (табл. 56: 3, 7, 18), пальцевые (табл. 56: 1, 6, 9, 10, 16, 20) и ногтевые вдавления (табл. 56: 5, 21; 57: 2), горизонтальный желобок (каннелюр) (табл. 56: 11), валик (табл. 58: 8–10), насечки (табл. 51: 1; 56: 19, 20, 21; 57: 7), отпечатки гребенчатого (табл. 56: 14) и фигурного штампов (табл. 56: 8), вдавления округлой палочкой (табл. 56: 17), вдавления с плоским дном (табл. 56: 15), а также прочерченный орнамент (табл. 52: 2; 58: 6–10). Основная масса узоров состоит из отдельных отпечатков, оставленных штампами. В качестве последних гончары использовали или специально подготовленный инструмент, или пользовались любыми подручными средствами. Существенно меньше представлены орнаменты, исполненные в технике резьбы или прочерчивания, которые наносились на поверхность сосуда ножом, острой палочкой либо зубчатым штампом.

Наиболее часто в орнаментальном наборе Рюрикова городища встречаются пальцевые (32,1%) и ногтевые (13,9%) вдавления, а также отпечатки веревочки, намотанной на палочку (24,8%). Довольно существенная часть керамики памятника украшена прочерченным орнаментом (8,0%), короткими насечками (6,6%) и каннелюрами (6,6%). Доля остальных элементов невелика. Так, отпечатки гребенчатого штампа представлены только на фрагментах двух сосудов из культурного слоя центральной части Рюрикова городища, хотя подобный элемент орнамента украшает многие раннегончарные сосуды этого памятника.

Подавляющая часть встреченных на Рюриковом городище элементов орнамента очень просты и были довольно широко распространены в конце I тыс. н. э. на просторах Восточной Европы, хотя на разных памятниках и в разных регионах они представлены в различных соотношениях.

Существенные отличия бросаются в глаза при сравнении процентных соотношений различных элементов в орнаментальных наборах Рюрикова городища и Старой Ладogi (Сениченкова 2002а: 96), что, по всей видимости, можно объяснить некоторым различием в направлении внешних связей населения Верхнего и Нижнего Поволжья. Керамика Ладogi имеет определенную близость в орнаментальном наборе посуде Белозерья (Макаров 1985: 84, 85), в то время как орнаментации посуды Рюрикова городища значительно ближе декор керамики бассейна Верхней и Средней Мологи и верховьев Мсты. В этом регионе господствующим элементом орнамента являются пальцевые вдавления. Широко распространены здесь и отпечатки веревочки, намотанной на палочку (Исланова А-1988: 127, 128. Табл. 8).

Практически все узоры, украшающие посуду Городища, имеют четкое ярусное строение. Различные элементы образуют орнаментальные пояса, занимающие определенные части поверхности сосудов. На керамике Рюрикова городища выделяются две основные орнаментальные зоны: венчик и область наибольшего расширения сосуда, включающая плечико и верх придонной части. Основной орнаментальной зоной является район наибольшего расширения тулова. Около двух третей образцов орнаментированной керамики имеют узор только в этой части сосуда. Значительно меньше имеется сосудов, декорированных только по венчику (6,4%). Почти четверть керамики имеет орнамент, как по тулову, так и по венчику.

Картина, наблюдаемая в расположении орнамента на сосудах Рюрикова городища, имеет значительное сходство с ситуацией в керамическом комплексе Ладogi и Белозерья, в отличие от соотношений в материалах более южных территорий Восточной Европы (Сениченкова 2002а: 99–105; Макаров 1985: 95; Винников 1978: 57).

Как правило, на одном сосуде употребляется один элемент орнамента, составляющий орнаментальную композицию в виде одноярусных поясков. Большинство узоров, встреченных на посуде Рюрикова городища, являются очень простыми, и, может быть, поэтому некоторые из них имеют очень широкое распространение в древностях конца I тыс. н. э. Восточной Европы. Однако на разных памятниках в различных регионах для их построения использовались различные элементы, что позволяет использовать такие композиции для изучения культурных связей различных территорий.

Так, например, наиболее частым у лепной керамики Рюрикова городища является орнамент, образованный простым повторением элементов или мотивов, расположенных в один ярус на уровне наибольшего расширения сосуда. Аналогии этому узору можно найти на многих памятниках лесной зоны

Восточной Европы. Однако ряды пальцевых вдавлений, составляющие основную долю среди орнаментов этого вида Рюрика городского (табл. 56: 1, 6, 9, 10, 16, 20), не отмечены на сосудах из Старой Ладogi и памятников Белозерья (Сениченкова 2002а: 103; Макаров 1985: 87. Рис. 3). В то же время ряд из пальцевых вдавлений в месте наибольшего расширения тулова является самым распространенным орнаментом на памятниках конца I – начала II тыс. н. э. в бассейне Мологи и верховьев Мсты (Исланова 1981: рис. 3: 5; Исланова 1986: рис. 3: 7; Исланова А-1988: 127, 128; Исланова 1991: 50. Рис. 1: 7; 3: 1, 4; Голубева 1973: рис. 8: 5; Тухтина 1990: рис. IV: 1, 2).

Наряду с орнаментами, имеющими широкое распространение, в керамике Рюрика городского имеется немногочисленный ряд образцов, аналогичных находкам из Белозерского и Камско-Вычегодского краев.

Таким образом, анализ элементов орнамента, использования орнаментальных зон, орнаментальных композиций на лепной керамике Рюрика городского с достаточной определенностью указывает на существование тесных контактов его жителей с территориями, лежащими к востоку от центрального Приильменья, которые были в то время заселены финно-угорскими племенами. В первую очередь, керамический декор свидетельствует о тесных связях населения Верхнего Поволжья с обитателями бассейна Мологи и верхней Мсты. Данный факт в значительной мере объясняется нахождением этого региона на одном из маршрутов Волжского торгового пути, соединяющего страны севера Европы с государствами исламского мира, а также включением Мстинско-Моложского междуречья в культурно-исторические процессы, центром которых являлось Верхнее Поволжье, закончившиеся сложением Новгородской земли.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что больше половины черепков, украшенных пальцевыми вдавлениями, было встречено на мысовой части поселения на южном берегу Сиверсова канала. Концентрация керамики с определенными способом орнаментации на отдельном участке памятника отражает какие-то локальные особенности и традиции в лепке посуды отдельными гончарами. Любопытным фактом является находка в этой части поселения двух зооморфных односторонних гребней с резной спинкой, традиционно относящихся к финно-угорским древностям.

Особенностью керамического набора Рюрика городского, как и других поселений Приильменья, является то, что ведущую роль в нем играют грубые кухонные горшки, в то время как остальные формы сосудов немногочисленны (мискообразные (табл. 57: 1–4, 6) и миниатюрные сосуды (табл. 57: 5, 7)) или

представлены единичными экземплярами (миски (табл. 58: 6–10) и сковородки (табл. 58: 1, 2)). Сложение такого комплекта керамических изделий, прежде всего, обусловлено использованием населением Северной Руси для приготовления и хранения пищи, подачи ее на стол, для различных хозяйственных надобностей, большого количества разнообразной посуды, сделанной из дерева (Колчин 1968: 24–50), а также спецификой приготовления пищи в печах. Следует отметить, что по структуре керамического комплекса памятники Приильменья несколько отличаются от синхронных им материалов Скандинавии, Финляндии и Эстонии, но близки славянским древностям.

Основная масса горшков, найденных на памятниках Северной Руси конца I тыс. н. э., представляет собой профилированные сосуды с наибольшим расширением тулова в верхней половине своей высоты. Друг от друга они отличаются пропорциями и особенностями профилировки отдельных частей, а также наличием и характером орнаментации. Каждый регион имеет определенное своеобразие в наборе форм горшков, хотя часто близкие по внешнему виду сосуды изготавливались населением различных территорий.

Большинство горшков Рюрика городского имеет средние размеры: диаметр по венчику – 12–24 см, диаметр днищ – 8–14 см. По характеру профилировки верхней части их можно разделить на несколько видов. Преобладает среди сосудов этого поселения группа, которая объединяет посуду с четко выраженным изломом, часто ребром, расположенным на месте перехода от плечика к конически сужающейся нижней части тулова. Наибольшее расширение сосуда приходится на верхнюю треть или четверть высоты. Верхняя часть горшков имеет, в основном, высоту 4–5 см и обычно несколько меньшую, чем стенки сосудов, толщину. Отдельные экземпляры, различаясь некоторыми элементами, сохраняют общие объединяющие признаки (табл. 48–53).

В российской археологической литературе, начиная с 1970-х годов, за сосудами с резким переломом профиля закрепилось понятие «керамика ладожского типа». Основанием для его появления явились работы Я. В. Станкевич, в которых наиболее распространенной в нижнем горизонте Старой Ладogi называлась «биконическая форма сосудов с резким переломом профиля» (Станкевич 1950: 189, 191, 195, 198, 202; 1951: 224, 225, 227, 233).

«Ребристые» сосуды изготавливались с момента возникновения староладожского поселения, то есть с середины VIII в. По мнению О. И. Давидан, такая посуда составляет около половины всей керамики древнейшего пласта культурного слоя Ладожского городского (Давидан 1994: 165).

Горшки «ладожского типа» встречены от Швеции до Ярославского Поволжья, однако они не одинаково представлены в древностях различных регионов.

Керамика этой группы составляет большую часть керамического набора (от 40 до 50%) поселений Верхнего Поволжья и Поозерья – Холопий городок (Носов, Плохов 1997: 137, 138), Прость (Орлов 1972: рис. 3; 5), Георгий (Орлов, Аксенов 1961: 163), Васильевское), в том числе и посуды древнейших слоев Новгорода (54%)¹ (Смирнова 1976: 4–7, 9. Рис. 2, 3. Тип II и III; Смирнова 1978: 165, 167. Рис. 1). Именно ее наличие определяет своеобразие коллекции сосудов этих памятников.

Кроме Старой Ладogi «ребристые» сосуды широко представлены на ряде других поселений Нижнего Поволжья – Новые Дубовики (Носов 1976б: 77. Рис. 1: 2–4, 6, 7), Горчаковщина (Петренко, Шитова 1985: рис. 3), а также ряде памятников бассейнов рек р. Мсты – Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: 128), Нестеровичи (Конечкий 1991: 102. Рис. 7) и р. Шелони – Городок². В целом, наличие подобной посуды является отличительной чертой для района Поволжья и Северного Приильмения, а также нескольких поселений на реках, с запада и востока впадающих в озеро Ильмень.

Совсем другая картина наблюдается при обращении к материалам соседних территорий. На исследованных памятниках Южного Приильмения – Городок на Ловати³, Губинская Лука (Конечкий 1992: 19), Сельцо⁴, Княжая Гора⁵ – сосуды «ладожского типа» отсутствуют или немногочисленны. В небольшом числе «ребристая» посуда встречена в коллекциях памятников конца I тыс. н. э. бассейнов р. Луги – Курская Гора⁶ и р. Плюсы – Которск (Михайлова 1994: 52). Редко находят горшки с «ребром» в древнейших слоях Пскова⁷ и ряде поселений в его окрестностях. Немногочисленны сосуды с «ребристыми очертаниями плечиков» в курганных могильниках, которые расположены на реках, впадающих с юго-востока в Ладожское озеро. А. М. Спиридонов отмечает только четыре таких сосуда (тип II, вид А) среди 54 пригодных для типологической обработки (Спиридонов 1986: 25, 26. Рис. 1: 12, 13). Среди лепной керамики памятников Восточного Прионежья Н. А. Макаров выделяет тип III, объединяющий горшки «стройных пропорций» с резким перегибом профиля, «иногда

оформленным в виде ребра». Составляющий 6,82% от состава керамической коллекции региона (Макаров 1989: 84, 85, 88–90). Несколькое большее количество «ребристых» горшков встречено на некоторых поселениях конца I тыс. н. э. Мстинско-Моложского междуречья – до 17–25% (Иловец 2, Бежицы, Бережок), тогда как на других (Узьмень, Курово 2, Иловец 1) они единичны (Исланова 1991: 47, 49, 50. Рис. 1: 6–9). На поселениях Верхней Волги фрагменты горшков с «ребром» редки⁸. Немногочисленны подобные сосуды и в материалах Ярославского Поволжья (Седых 1982: 194. Рис. 49: 15). Единичные «реберчатые» сосуды найдены на памятниках Верхнего Поднепровья – Гнездово, курган около Вяазевеньки под Смоленском (Каменецкая 1998: 128, 129. Рис. 3: 1; 4: 3; Ляўданскі А. Н. 1930: 300. Табл. VII: 5, 9; Нефедов 1997: 232. Рис. 2).

В археологической литературе неоднократно отмечались близкие «ладожским» горшкам формы среди керамических материалов Скандинавии (Давидан 1994: 165; Петренко, Шитова 1985: 1988; Носов 1990: 137). В основном, представление отечественных исследователей о керамике Швеции эпохи викингов и раннего средневековья базируется на фундаментальном труде Д. Селлинг, в котором собран и проанализирован весь имеющийся к началу 1950-х гг. материал (Selling 1955). В ее работе представлены фотографии целого ряда горшков, подобных таковым из памятников Приильмения и Поволжья (Selling 1955: taf. 45: 4–8; 55: 3, 6). Все эти сосуды были отнесены Д. Селлинг к группе AIV, состоящей из посуды, которая, по ее мнению, являлась продуктом местного производства.

Непосредственное знакомство с керамическими материалами в фондах Национального музея древностей в Стокгольме показало, что из погребальных сооружений Средней Швеции происходит некоторое количество сосудов, которые по профилировке, формовочной массе, фактуре можно сопоставить с посудой Поволжья (Плохов 2002б). Это одиннадцать горшков и один мискообразный сосуд. Наибольшее число таких изделий – одиннадцать – было найдено в огромном некрополе Бирки, который расположен на острове Бьёрко, оз. Меларен. Эти горшки, имеющие разную степень сохранности, происходят из десяти погребений: 2, 11а и с, 103, 123, 131, 381, 533,

¹ Подсчитано по табл. 1 в работе Г. П. Смирновой. (Смирнова 1976: 9).

² Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Раскопки С. Н. Орлова.

³ В Городке на Ловати «реберчатые формы», по подсчетам В. М. Горюновой, составляют не более 3% от общего числа лепной посуды (Горюнова 1991: 43).

⁴ Фонды Института истории материальной культуры РАН. Раскопки Е. Н. Носова.

⁵ Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Раскопки С. Н. Орлова.

⁶ Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Раскопки О. В. Клубовой.

⁷ В древнейших слоях Псковского городища горшки с «ребром» составляют только около 3% лепной посуды памятника. Подсчитано по таблицам в статье С. В. Белецкого (Белецкий 1983: 52, 62–64. Рис. 7: 3, 5).

⁸ Например, на поселении Благовещение, раскопки О. М. Олейникова (фонды Тверского государственного объединенного музея).

779 и 894с⁹. Один «ребристый» горшок найден в кургане №6 могильника *Stora Dalby* на соседнем с Биркой острове Адельсё (*Rudh 1936: 45. Fig. 92*)¹⁰. Два сосуда близкие сосудам «ладожского типа» были обнаружены при раскопках могильников 116 (*Sander 1997: 29, 31, 74. Fig. 2: 28*)¹¹ и 118¹² на острове Хельгё, который расположен в 10 км к востоку от Бирки. Обломки еще двух, известных нам, «ребристых» сосудов происходят из могильника *Tarv* прихода *Knivsta*¹³. Почти все, отмеченные нами, погребения представляют трупосожжения (урновые и без урновые) раннего и среднего этапов эпохи викингов (вторая половина VIII-конец X вв.). Фрагменты пяти горшков¹⁴, близких керамике «ладожского типа» происходят из раскопок поселения Бирки, так называемой «Черной земли» – мощного культурного слоя внутри городского вала.

Три сосуда близкие посуде Северного Приильмения и Поволжья имеются в древностях эпохи викингов Аландских островов. Они происходят из могильников *Johannisberg*, *Knösbuskarna* и *Västergårds Söderåker*, которые расположены в разных частях о. Аланд¹⁵. Еще один горшок¹⁶, происходящий из могильника *Långängsbacken*, близок по профилировке верхней части к рассматриваемым нами сосудам, но несколько отличается от «ладожских» по своим пропорциям. Все погребения представляют собой трупосожжения и могут быть по инвентарю отнесены к IX–X вв.

Необходимо отметить, что «ребристые» сосуды не являются характерным типом посуды Скандинавии и, по имеющимся данным, появляются здесь значительно позднее, чем в Старой Ладоге. Важным представляется и то, что сосуды, имеющие аналогии в материалах Поволжья, найдены исключительно в Бирке, старейшем и крупнейшем торговом и ремесленном центре Швеции эпохи викингов, и его ближайшей округе, а также на Аландах, являющихся промежуточным пунктом морского пути, связывающего Северную Европу и Русь. Рассматривая вопрос о том, какая область Скандинавии наиболее тесно связана с Восточной Европой, ученые на основании многочисленных археологических материалов полагают, что таким местом, особенно для раннего и среднего периода эпохи викингов, являются Средняя Швеция и Аландские острова. Наличие в этих регио-

нах Скандинавии сосудов, характерных для древностей Поволжья, является еще одним проявлением интенсивных контактов викингов с населением Восточной Европы, в том числе с Новгородской землей. Следует упомянуть, что в кургане могильника *Västergårds Söderåker* кроме горшка «ладожского типа», заклепок, гребня, бубенчика и глиняной лапы была также найдена костяная копоушка – предмет характерный для древностей поволжских и прикамских финнов. Конечно, примитивная кухонная посуда не была предметом торговли, а из-за не очень большой прочности не могла перевозиться на большое расстояние. Поэтому, хотя и нельзя полностью отрицать возможность таких перевозок, скорее всего, эта посуда была изготовлена на месте людьми, приехавшими из Руси.

Таким образом, «ребристые» сосуды составляют значительную часть керамического набора памятников Поволжья и северной части Приильмения, что отличает их от древностей последней четверти I тыс. н. э. других территорий, где появление подобной посуды исследователи обычно объясняют тесными контактами с центром Новгородской земли или притоком нового населения (*Спиридонов 1986: 26; Исланова 1991: 54; Нефедов 1997: 232*). За значительным количественным отличием в представленности «ребристых» горшков на разных памятниках стоит, очевидно, качественное отличие в керамических традициях регионов. Появившись в середине VIII в. в Северном Поволжье, традиция изготовления сосудов с резким перегибом тулова к концу X – началу XI вв. охватила значительную территорию Северной Руси, прекратив существование с распространением гончарного круга.

Следует отметить взаимосвязь «керамики ладожского типа» с высокими погребальными насыпями – сопками, которые являются самым распространенным в Поволжье и Приильмении типом погребальных сооружений, хотя подобная посуда встречена и в могильниках иных типов у Старой Ладоги – в урочище Плакун (*Назаренко 1985: рис. 7: 4, 6*) и у Успенского монастыря (*Орлов 1956: 97. Рис. 30: 1, 4*). Наряду с посудой других форм, «ребристые» горшки представлены в погребениях в целом ряде высоких насыпей близ Старой Ладоги (*Петренко 1994: 71. Рис. 29: 3, 4; Кузьмин 1994: рис. 1: 17–19*), у пос. Деревеницы и деревни Нередица под Новгородом¹⁷ (Конечный

⁹ Фонды Национального музея древностей, Стокгольм: SHM Bj 2, Bj 11с, f, Bj 103, Bj 123с, Bj 131, Bj 381, Bj 533, Bj 779, Bj 894с.

¹⁰ Фонды Национального музея древностей, Стокгольм: SHM 15729: 6.

¹¹ Фонды Национального музея древностей, Стокгольм: SHM 26969: 30B: 3, 18, 22

¹² Фонды Национального музея древностей, Стокгольм: SHM 30710: 42: 6.

¹³ Фонды Национального музея древностей, Стокгольм: SHM 28797: 102: 3 и 13.

¹⁴ Фонды Национального музея древностей, Стокгольм: SHM 5208: 2372с, d.

¹⁵ Фонды Аландского музея: ÅM 459в: 13, 45: 61, 405: 11.

¹⁶ Фонды Аландского музея: ÅM 397: 194.

¹⁷ Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Раскопки В. Я. Конечного.

2000: 25. Рис. 4: 4), у деревни Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: 128. Рис. 2: 7, 8), деревни Заручевье¹⁸, а также в ряде сопок бассейна Мологи (Исланова 1986. Рис. 3: 1, 4, 6, 7, 9, 10). Следует отметить, что горшки с выраженным «ребром» составляют значительную часть погребальных урн из памятников в окрестностях пос. Любытино в бассейне р. Мсты (Конечский, Носов 1995: 48. Рис. 4). Некоторое различие, прослеживаемое в распространении сосудов «ладожского типа» и сопок, вполне объясняется разницей функционирования в культуре керамических традиций, связанных с женской субкультурой, и таких сложных сакрально-погребальных памятников, как сопки.

Северное Приильменья является наиболее древней территорией размещения словен новгородских, откуда происходило их дальнейшее расселение. Поэтому горшки «ладожского типа», являющиеся основной формой керамики на памятниках этого региона, многие исследователи считают характерной для словен посуды.

Для понимания культурно-исторических процессов на Северо-Западе России в последней четверти I тыс. н. э. важным является решение проблемы происхождения «ребристой» посуды в Поволховье. В настоящее время среди исследователей имеются разные взгляды на генезис керамики «ладожского типа». Некоторые ученые склонны видеть истоки такой посуды в древностях Восточной Европы предшествующего периода (Исланова 1997: 63; Lang 1991: 57). Другие исследователи отмечают сходство между керамикой центра Новгородской земли и сосудами второй половины I тыс. н. э. из западно-славянских земель южного побережья Балтийского моря и северной части бассейнов рек Эльбы и Одера (Смирнова 1978: 167; Седов 1970: 24, 26; Седов 1982: 64; Носов 1990: 164). Сходство одновременных керамических комплексов данных регионов несомненно, хотя имеются различия как в способе формовки (в Поволховье «ребристая» керамика является лепной, а в западнославянских древностях сосуды частично обточены на гончарном круге), так и орнаментации горшков (Łosiński, Rogosz 1986: 32, 33. Рис. 4; Schuldt 1956: 9–16), что требует объяснений. Известный российский археолог В. В. Седов предположил, что керамика ильменских словен и глиняная посуда балтийских славян имела одну основу, и не исключено, что эти отдаленные территориальные группировки раннесредневековых славян вышли из одного древнего региона славянства (Седов 1982: 64). Это мнение не было в дальнейшем им обосновано. Не все ученые согласны с таким решением проблемы происхождения сосудов «ладожского типа». Безусловно,

что она нуждается в дальнейших исследованиях, в том числе и полевых. Важные для изучения древней культуры населения Новгородской земли материалы были получены в результате раскопок нашей экспедицией поселения Прость, которое расположено у истока р. Волхов из озера Ильмень. В частности, они показали, что «ребристые» сосуды не характерны для древностей третьей четверти I тыс. н. э. центрального Приильменья.

Кроме горшков «ладожского типа» в керамической коллекции Рюрикова городища представлены различные профилированные сосуды с наибольшим расширением в верхней части тулова и немногочисленные баночные сосуды (табл. 54, 55). Среди этой посуды можно выделить небольшое количество фрагментов от горшков с хорошо выраженным плечиком и небольшой прямой или отогнутой наружу шейкой (табл. 56: 2–4, 7). Некоторые из них украшены отпечатками веревочки. Подобные сосуды имеют многочисленные аналогии в керамических материалах поселений и погребальных сооружений верховьев р. Волги, р. Западной Двины и р. Днепра (Енуков 1990: 221, 223, 231; Пушкина 1973: 89, 90). Наличие обломков таких сосудов на Рюриковом городище свидетельствует о связях Верхнего Поволховья с этим регионом, что находит подтверждение и в других материалах.

О связях Городища с более южными территориями говорят и найденные на нем части двух глиняных сковородок (табл. 58: 1, 2). Они представляют собой плоские диски диаметром около 20 см с небольшими немного отогнутыми наружу бортиками. Сковородки на синхронных памятниках Северо-Запада России являются очень редкой находкой. В коллекциях находок из Старой Ладogi встречено лишь три обломка глиняных дисков (Сениченкова 1998а: 15). В Приильменья они отмечены только при раскопках селища в урочище Губинская Лука на р. Ловать (Плохов 1992: 122). Немногочисленны глиняные сковородки и на некоторых памятниках VIII–X вв. Белоруссии и юга Псковской области (Полоцк, Витебск, Лукомль, поселение на р. Менке, Городок на Ловати, селищах Борисоглеб и Хачево), а также на Гнездовском поселении (Штыхов 1978: 67, 109. Рис. 26: 1, 2; Александров 1988: 22; Пушкина 1973: 91; Еремеев 2001: 25. Рис. 1: 6). В то же время сковородки хорошо известны на славянских памятниках второй половины I тыс. н. э. лесостепной зоны Восточной Европы (Винников 1982: 171, 172. Рис. 6: 21–28; Русанова 1973: 12, 14; Славяне 1990: 232, 286; Тельнов 2001–2002: 232, 233. Рис. 36, 37).

Рассматривая керамический комплекс поселений Северного Приильменья, отметим следующее обсто-

¹⁸ Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Раскопки В. Я. Конечского.

ятельство. При исследовании материальной культуры Рюрикова городища было обнаружено сильное северо-европейское влияние, которое проявляется в присутствии большого числа вещей скандинавского происхождения, а также вещей, хотя и сделанных в Приильменье, но сохраняющих северные традиции в стиле и орнаментике. Однако на Рюриковом городище почти не обнаружено керамики, характерной для древностей викингов. Исключение составляют найденные на памятнике фрагменты нескольких сосудов с прямыми или загнутыми внутрь венчиками (табл. 58: 3–5). По свидетельству Д. Селлинг, подобная посуда характерна для памятников раннего средневековья Швеции (подгруппы А IV:3a1 и А IV:4a), причем истоки этих форм прослежены в материалах предшествующих эпох (Selling 1955: 167–174; 196–201. Taf. 47–49; 63: 1, 2, 8). Сосуды этих типов иногда встречаются на памятниках Древней Руси (Седых 1998; Седых 2001). Однако безоговорочно признать встреченные на Городище сосуды скандинавскими мешает распространенность горшков подобных форм у поволжских финно-угров (Смирнова 1987: 95; Сениченкова 1998б: 51). Отсутствие значительно числа северо-европейской посуды характерно не только для Рюрикова городища, но и для других памятников Северной Руси, на которых имеются свидетельства присутствия викингов. Этот факт можно объяснить целым рядом причин, главными из которых являются, по-видимому, приготовление скандинавскими пицци в металлических котлах и использование ими изделий местных гончаров. Последнее находит подтверждение в материалах могильника в урочище Плакун, расположенного близ Старой Ладogi. Курганы этого некрополя IX–X вв., по особенностям погребального обряда, а именно: сожжению в ладьях, погребению в камере, порче и особому расположению оружия, исследователи относят к памятникам, оставленным выходцами из Скандинавии. Однако предположить «северное» происхождение можно только для одного из пяти сохранившихся лепных сосудов (Назаренко 1985: рис. 7: 2).

Среди обломков лепных сосудов Рюрикова городища, главным образом от грубых неорнаментированных плоскодонных кухонных горшков, выделяются фрагменты пяти лощеных мисок (табл. 58: 6–10), найденных при раскопках различных частей памятника.

Миски имеют вогнутый внутрь бортик и уплощенный венчик. Переход от бортика к нижней части тулова выражен ребром. Толщина стенок в верхней части миски больше, чем в нижней. Диаметр венчика от 12 до 16 см. Высота единственной целой миски 8,5 см. Дно округлое. В середине днища имеется уг-

лубление диаметром около 3 см. В составе глиняного теста содержится мелкая дресва. Структура черепка плотная. Поверхность подлощенная или лощеная. Цвет посуды темно-серый или черный. Все сосуды украшены прочерченными прямыми или образующими углы линиями (зигзаг) по бортику. Три миски имеют также небольшой горизонтальный валик, образованный при формовке изделий.

Обломки мисок, встреченные в разных частях Городища, очень схожи друг с другом, и можно уверенно говорить об их едином происхождении и датировке. Фрагменты двух лощеных сосудов были найдены в черном гумусированном слое мысовой части памятника. Это позволяет отнести время их бытования к X в., причем, скорее, к первой его половине.

Лощеные миски не являются традиционной формой лепной посуды населения Северной Руси в конце I тыс. н. э. Аналогии этому виду столовой посуды на памятниках Приильменья не известны. В многотысячной керамической коллекции Старой Ладogi имеются фрагменты больше двух десятков разнообразных лощеных сосудов. При раскопках на Земляном городище в 2002 г. в слоях второй половины X в. были найдены четыре обломка от миски, идентичной по профилировке и декору посуде с Рюрикова городища¹⁹.

За пределами Новгородской земли округлодонные миски широко представлены в древностях центральной Швеции, юго-западной Финляндии и Эстонии.

При изучении средневековой керамики Швеции Д. Селлинг выделила округлодонные миски в подтип АIII:1a (Selling 1955: 141). Ряд сосудов этого подтипа близок по профилировке и орнаментации посуде Рюрикова городища (Selling 1955: Taf. 36: 2, 4, 5; 37: 3–5, 8; 38: 1, 4). Однако для Швеции подобная керамика является чужеродной. Д. Селлинг объясняет появление округлодонных мисок, как и других сосудов группы АIII, контактами Швеции с областями восточной Балтики (Selling 1955: 150–155).

На памятниках эпохи викингов юго-западной Финляндии встречены разнообразные округлодонные сосуды. Среди них имеются и миски, аналогичные по форме отмеченным на Рюриковом городище (Lehtosalo-Hilander 1982: fig. 22: 1). Однако, судя по материалам ряда могильников эпохи викингов этого региона, наиболее характерным для местной посуды является шнуровой орнамент. Его имеют от 60 до 71% сосудов, тогда как волнистыми линиями (включая как собственную волну, так и зигзаг) украшены 17–25% (Lehtosalo-Hilander 1982: 84). Практически не представлены в могильниках Финляндии и сосуды, украшенные валиком.

¹⁹ Благодарю А. Н. Кирпичникова за возможность ознакомиться с материалом раскопок.

Подлощенные миски и чашеобразные сосуды имеются в керамических коллекциях, происходящих с памятников юго-восточной Эстонии (Аун 1992: 48, 49) и некоторых поселений нижнего течения р. Великой – Псковское городище, Камно (Белецкий 1977: 92; Белецкий 1983: 52; Седов 1978: 66). Подавляющее большинство сосудов этого региона не имеет орнамента. Лишь немногие из них украшены в верхней части, причем самым распространенным видом орнамента является ямочный. Сосудов с волнистым и линейным орнаментами найдено гораздо меньше, только некоторые изделия декорированы валиком (Аун 1992: 49–51).

Наиболее близкие аналоги мискам Рюрикова городища по орнаменту дают памятники северной Эстонии. Так, на поселении Иру, где лощеная и подлощенная керамика составляет более половины всех обломков посуды, горизонтальные линии и зигзаг составляют от 68,2% до 85,6% орнаментации (Lang 1985: 196–206. Tab. 2, 5). Там же широко представлены сосуды, украшенные валиком. Его наличие явилось основным признаком для выделения третьего типа, самого многочисленного среди лощеной и подлощенной керамики Городища и селища Иру (Lang 1985: 196, 201–205. Tab. 3, 4). Сосуды подобной орнаментацией встречены также на городище Асва (Lõugas 1967: joon. 5: 1, 3, 4, 6), поселения Пада (Тамла 1983: 304. Табл. XIII), Линнусе (Янитс 1979: 380. Табл. IX: 1–4), Олуствере (Лави, Соколовский В., Соколовски М. 1983: 31. Табл. XXV: 3), среди находок из каменного могильника в Тоила (Schmiedehelm 1973: Abb. 4). В то же время, как считает эстонский исследователь В. Ланг, ребристая форма сосудов не характерна для керамики эпохи викингов северной Эстонии, где она встречена лишь в единичных случаях (Ланг 1992: 82).

Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что на Рюриковом городище имеются фрагменты мисок, несомненно связанных с древностями прибал-

тийских финнов. Более точно определить в настоящее время происхождение данных сосудов, по-видимому, невозможно. По орнаментации наиболее близкие материалы имеются в северной Эстонии, тогда как по форме миски более характерны для памятников юго-западной Финляндии. Вполне возможно и изготовление этих сосудов на Городище при-езжим гончаром. В пользу такого заключения говорит результат исследования состава глиняного теста (Borsson 2001: 56, 57).

Итак, исследование лепной керамики Рюрикова городища показало, что основой керамического набора этого поселения, как и других памятников Северного Приильменя конца I тыс. н. э., являются грубые кухонные горшки, а остальные формы посуды немногочисленны. Эта особенность, свойственная синхронным древностям других славянских регионов, обусловлена широким распространением посуды из органических материалов и спецификой приготовления пищи в печах.

Своеобразный облик керамическому комплексу этого района придает присутствие значительного числа сосудов с четко выраженным изломом, часто ребром, при переходе от плечика к нижней части тулова, так называемых горшков «ладожского типа». Происхождение этого типа посуды остается дискуссионным. «Ребристые» сосуды, появившись в VIII в. в Нижнем Поволжье, в дальнейшем становятся характерными для поселений Северного, отчасти Западного и Восточного Приильменя. Эта территория представляет собой древнейшую и центральную часть Новгородской земли, и следует признать, что для конца I тыс. н. э. такой тип посуды присущ приильменским славянам.

Керамические находки позволяют проследить не только связи населения Верхнего Поволжья с соседними территориями, вошедшими в дальнейшем в состав Древнерусского государства, но и его контакты с народами Балтийского региона.

РАННЕГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА РЮРИКОВА ГОРОДИЩА И ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РАННЕГОНЧАРНОГО КОМПЛЕКСА ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ X – НАЧАЛА XI ВВ.

Работ, посвященных целиком и полностью изучению керамических коллекций, которые получены в ходе многолетних полевых исследований древних городских центров Северной Руси, в историографии древнерусской археологии можно припомнить не так уж и много. Традиционно в нашей исследовательской литературе керамике уделялось мало внимания. Такие редкие работы, как Я. В. Станкевич по Старой Ладоге (Станкевич 1950; 1951) или Г. П. Смирновой по новгородской керамике (Смирнова 1956) скорее представляли собой исключения, которые подчеркивали существующую практику. Больше, чем типологическое членение массового керамического материала отдельных памятников многие исследователи и не предлагали. А чаще все сводилось к чисто иллюстративным таблицам, в которых публиковались в лучшем случае отдельные комплексы и даже просто случайные выборки различных форм. Нежелание заниматься материалом, который является весьма информативным в плане не столько этнических, сколько социально-экономических связей, прояснение которых столь важно особенно в эпоху становления и развития раннегородских, раннегосударственных структур, объясняется и огромной трудоемкостью материала, и его, на первый взгляд, кажущейся малой информативностью. Не последнюю роль играет плохая сохранность материала, разрозненность коллекций, утраты документации и т. д. Все это требует серьезной предварительной источниковедческой проработки материала.

Но постепенно приходило осознание необходимости широкого привлечения керамики не только для формальной характеристики тех или иных комплексов, того или иного пласта культурных отложений, но прежде всего для создания хронологических классификационных схем. В конце 70-х – начале 80-х гг. появляется серия работ С. В. Белецкого по керамике Пскова, в которых исследователь стал широко использовать керамику в качестве неперменного источника для культурно-хронологических построений (Белецкий 1978: 57–63; 1979; 1980: 3–18; 1981: 40–62; 1983: 46–80). Скрупулезное и планомерное исследование керамических материалов Пскова

и его округа с точки зрения культурно-хронологической стратификации стало приоритетным для этого археолога.

Отражением перелома в отношении к столь массовому материалу древнерусских памятников стало проведение первого симпозиума, посвященного керамическим «штудиям» древнерусских памятников домонгольского периода. Правда, в вышедшем сборнике этого научного собрания большая часть работ посвящена первичной обработке материала. Лишь отдельные статьи предлагают классификационно-хронологические схемы (Лапшин 1992: 90–102; Олейников, Смирнова 1992: 73–89). Заключает сборник методологическая статья Щаповой Ю. Л. с предложениями общих принципов и приемов, унифицирующих классификацию керамики разных памятников и регионов.

На данном этапе изучения материальной культуры раннегородских образований Северной Руси первоочередной задачей является создание единой классификационно-хронологической системы, применимой не только для опорных памятников. Такая система должна стать гибким инструментом при определении хронологических рамок существования всей поселенческой округи. Опыт работы С. В. Белецкого для Псковской земли и В. А. Лапшина для Суздаля в этом плане нам кажется удачным.

Наиболее перспективна в этом плане работа с раннегончарными формами керамики X в., так как изменчивость и богатство форм в период становления и развития новой технологии достигают самых высоких показателей. Наличие нескольких шкал дендрохронологии в Новгороде, Старой Ладогге и Рюриковом городище давало перспективу точности в определении абсолютных хронологических рамок существования тех или иных форм. Привязка к дендродатам, в свою очередь, позволяет выявить дополнительный ряд хроноиндикаторов, который можно будет получить на раннегончарном керамическом материале.

На Рюриковом городище в течение последних десятилетий собрана одна из самых значительных коллекций раннегончарной керамики, представляющая

собой первоклассный источник с полноценной документацией, по своим объемам вполне сопоставимая с классическими новгородскими материалами. По вышеозначенным причинам, а также учитывая настоятельную необходимость разработки классификационных схем именно для X в., мы считали своей первоочередной задачей введение в научный оборот коллекций именно Рюрикова городища. Приоритетное ее значение определяется еще и тем обстоятельством, что древнейшая часть дендрохронологической шкалы Новгорода не опускается ниже 930–950 гг. Ближайшая новгородская округа – древнейшее ядро Новгородской земли во главе с Рюриковым городищем – сформировалось в значительно более ранний период.

В работе использованы материалы раскопок Е. Н. Носова 1975–2000 гг. на Рюриковом городище (фонды Новгородского государственного объединенного музея заповедника; фонды ИИМК РАН). При изучении материалов Новгорода с целью проведения синхронизации полученных результатов проработана коллекция Троицкого X раскопа (с 15-го по предматериковый пласты включительно), а также привлечены для сравнительного анализа отдельные наборы форм раннегончарной керамики Неревского, Троицкого VII, VIII и XI раскопов.

В основу сравнительного анализа раннегончарных керамических комплексов Рюрикова городища и Старой Ладogi положены коллекции Земляного городища, сформированные в процессе раскопок Г. И. Равдоникаса, Е. А. Рябилина, раскопа В. П. Петренко на Варяжской улице (фонды Государственного Эрмитажа и личный архив Т. Б. Сениченковой).

При сопоставлении полученной шкалы развития наиболее ранней гончарной посуды Рюрикова городища с результатами классификационных схем С. В. Белецкого по Пскову использованы опубликованные данные и материалы раскопа 1956 г. Г. П. Гроздилова (фонды Государственного Эрмитажа), введенные в научный оборот материалы раскопок С. В. Белецкого на посаде, а также привлечены материалы могильника, известные по публикациям и в зарисовках В. И. Кильдошевича.

Задачи работы и характер использованных первоисточников определили структуру и объем различных ее разделов. Первый раздел, посвященный керамике Рюрикова городища, самый объемный и содержит подробную характеристику керамических форм,

разработку стратификационной схемы их развития с привязкой к дендродатам и выделения основных периодов этого развития с четким определением некоторой группы хроноиндикаторов для X в.

Второй раздел связан с анализом керамики нижних предматериковых напластований Новгорода на примере Троицкого X раскопа (разработана типологическая схема и ее привязка к дендрохронологии раскопа). В заключении раздела проведено сопоставление двух классификационно-хронологических схем: Рюрикова городища и Новгорода.

Третий раздел освещает результаты опыта синхронизации развития керамических форм Рюрикова городища и Старой Ладogi. В четвертом разделе анализируются хронологические аспекты развития раннегончарных форм Пскова на материалах городища, посада и могильника, и проводится сопоставление основных этапов развития раннегончарных форм этого памятника Рюрикова городища и Новгорода. В заключение построена общая схема развития раннегончарной посуды на северо-западе Древней Руси в X в. и отмечены особенности для каждого из основных ее городских центров.

Ряд моментов, высказанных в работе, имеет предварительный характер и выражает лишь одну из возможных оценок той или иной проблемы. Но такая неоднозначность и спорность вполне понятны при работе над коллекциями, состоящими в основном из фрагментированного материала, который находился в сложном стратиграфическом контексте. Нередко керамические коллекции составлялись несколькими поколениями исследователей, применявших самую различную полевую методику, что затрудняло и без того сложную систему учета условий сопоставления классификационных хронологических схем различных памятников.

Введение в научный оборот новых археологических источников предполагает неизбежную в таком случае корректировку полученных выводов. Но автор надеется, что основные положения предлагаемой работы останутся на какое-то время в силе и будут способствовать возрастанию научного интереса к поднятой теме: превращения керамического материала в полноценный источник для классификационно-хронологических «штудий», этнических и социально-экономических изысканий на почве исследования материальной культуры раннегородских центров Древней Руси¹.

¹ Автор благодарен коллективам Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН, Новгородской археологической экспедиции МГУ и Центра Археологических исследований Новгорода, Новгородского государственного объединенного музея заповедника, сотрудники которых всячески содействовали процессу овладения материалом, послужившим основой для этого исследования. Особенно благодарю Е. Н. Носова, инициатора и вдохновителя данного труда, В. Л. Янина, Е. А., Рыбину, Т. И. Вsrхорубову, А. С. Хорошсва, П. Г. Гайдукова, П. Д. Малыгина, Г. Н. Кожину, Т. С. Варфоломееву за помощь и поддержку, щедрость и гостеприимство, неоднократно оказывавшие мне за долгие годы работы. Я очень признательна моим шведским коллегам И. Янссону, А. Вексель, М. Русланду

РАННЕГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА РЮРИКОВА ГОРОДИЩА X В.

Типология

Вся совокупность раннегончарного материала Городища распадается на две группы, неравные как в количественном, так и в качественном отношении.

Первая группа представлена единичными фрагментами. На табл. 59 учтены все графически реконструируемые фрагменты этой группы керамики. В технологическом плане она представляет собой переход от лепной к раннегончарной посуде: только венчик и верхняя наружная часть посуды заглажены с помощью круга. Вращение при этом было медленным и неравномерным, поэтому и орнамент, нанесенный гребенкой, нерегулярен, волны находят друг на друга, переплетаются. Эти признаки соответствуют второй стадии развития функций гончарного круга, по А. А. Бобринскому (РФК-2; Бобринский, 1978: 37–51). Все формы первой группы раннегончарной керамики Рюрикова городища: горшок с вертикальным, коротким венчиком (табл. 59: 4, 6–9), сосуд без выделенного венчика с биконическим изломом в верхней трети (табл. 59: 2) и слабопрофилированная форма со слегка отогнутым наружу венчиком (табл. 59: 1) – повторяют формы местных лепных сосудов. И хотя прототипы их можно найти в лепной посуде не только самого Рюрикова городища, но и других памятников Северо-Запада: Изборска, Камно, Старой Ладogi (Горюнова 1982: 40. Рис. 1: 9; 1994: 68, 69. Рис. 3: 8, 9), – число аналогий сосудам с легкой правкой и путаной волной на памятниках Древней Руси весьма ограничено. Близкий набор подобных форм есть только в Старой Ладoge (фонды Государственного Эрмитажа, раскопки В. И. Равдоникаса, горизонт Д, жилища 2,3; табл. 127; 128: 2, 4). Намного больше аналогий описываемым формам можно найти в северной Польше и на севере Германии среди менкендорфской посуды IX–X вв. (Горюнова 1994: 68, 76. Рис. 3: 2, 3; Dymaczewska 1970: гус. 10: 8; 13: 18; 20: 14; Schuldt 1981: Taf. 15-d; 45-b; 47-a, k, v, c; 51-b, d, 55-n, q и др.; Łosiński 1972: гус. 19-b; 23-a; 29-a; 25-c, e).

Следует особо остановиться на одной уникальной форме, включенной мною в эту группу по своим технологическим признакам: по первичной правке венчика. Сосуды данной формы отличаются от вышеописанных тщательностью отделки и некоторыми деталями профилировки: более шарообразной формой

тулова в сочетании с резко отогнутым коротким венчиком, край которого имеет прямой срез (табл. 65: 1, 4, 5). По всем признакам их можно отнести к фельдбергской посуде, по немецкой терминологии, или типу Кенджино по классификации польских археологов. По Е. Шульдту – это первый ряд Фельдберга (Schuldt 1956: 17), по В. Лосиньскому – разновидность первого типа Кенджино, или в более поздних разработках – тип С-IaIIa (Łosiński 1972: гус. 5-d, q, h; Łosiński, Rogosz 1986: гус. 2-C-Ia, IIa).

Фельдбергская посуда начиная с середины VIII в. распространяется на территории восточного Мекленбурга и по всему побережью польского и германского Поморья. Она особенно характерна для поселений и городищ IX в., таких как Мекленбург, Ольденбург, Босау, Фельдберг, Менцлин (поселение и могильник), Волин, Щецин, Кенджино, Колобжег, Швилюбе (Herrmann 1968: 41; Łosiński 1972: 30–89; Kempke 1984: 61. Taf. 5: 1, 2, 4; 9: 6; 15: 1; 36: 1, 3; 57; Donat 1987: 244–245. Abb. 3; 10; Brather 1996: 150–166. Abb. 112–115). Аналогии фельдбергским формам Рюрикова городища мы можем найти среди группы сосудов, выделенных Е. Шульдтом в 1-й ряд Фельдберга (Schuldt 1956: Abb. 16–19; 20: 2–3), по В. Лосиньскому – среди разновидностей группы II типа Кенджино или в более поздних разработках – тип С-Ia, IIa (Łosiński 1972: 40. Рус. 5-d, q, h; Łosiński, Rogosz 1986: 9–50, 28. Рус. 2: Ia, IIa; Cnotlywu и др. 1986: 62–117. Rys. 2: 11; 3: 7, 8, 11, 15, 16).

Вторая группа раннегончарной керамики Городища технологически соответствует переходу от второй к третьей (РФК-2/РФК-3) и третьей стадиям развития функций гончарного круга (РФК-3), по А. А. Бобринскому, то есть сосуд заглажен с помощью круга снаружи на всю высоту, изнутри – только в верхней части (РФК-2/РФК-3). Венчик имеет срез, а иногда частично профилирован с помощью круга (РФК-3). По формам группа распадается на три типа с вариантами.

I тип. S-овидной профилировки горшки довольно приземистых пропорций (наибольший диаметр сосуда равен или немного меньше его высоты).

I-A вариант объединяет слабопрофилированные формы с пологим плечом и наибольшим диаметром тулова в верхней трети или чуть выше середины высоты сосуда. Они имеют широко раскрытое устье (диаметр венчика равен диаметру плеча или тулова) и край венчика, оформленный прямым или слегка косым срезом. Почти вся поверхность сосудов покрыта зонами линейного орнамента, орнамент на-

за дружеский прием и неоценимые консультации при изучении мною керамических коллекций в фондах музеев Стокгольма, Лунда и Упсалы. Самые теплые слова благодарности мне хочется высказать моим друзьям и коллегам по институту М. В. Малевской, Н. В. Хвоцинской, В. А. Лапшину, А. В. Плохову, В. И. Кильдюшевскому, С. В. Белецкому за благожелательное сотрудничество, неоднократные беседы и консультации по темам моих исследовательских интересов.

несен палочкой. РФК-2/РФК-3 (табл. 60: 1, 2, 8). Особую категорию (*подвариант I-A-1*) составляет серия сосудов, у которых пропорции, по сравнению с основным вариантом, несколько иные: диаметр дна более чем в половину меньше диаметра венчика, хотя при этом сохраняются низкая посадка плеча, удлиненный венчик, слабая профилировка и приземистость, свойственные варианту I-A. Край венчика у этой серии горшков не имеет среза, он закруглен, а линейный или волнистый орнамент дополнен не совсем обычным элементом: вертикальными короткими полосами-расчесами, нанесенными гребенкой по плечу или шейке сосуда (табл. 70: 10; 78: 1, 2, 4; 110: 6). Данный элемент является составной частью так называемого городчатого орнамента западнославянской керамики. Надо отметить, что на некоторых фрагментах стенок раннегончарных и лепных сосудов наблюдаются еще более типичные западнославянские комбинации узоров: перекрещивающиеся многорядные полосы и отпечатки штампов в виде крестовидных розеток (табл. 69: 1-6).

I-B – у сосудов этого варианта, в отличие от предыдущего, край венчика огранен. Некоторые сосуды сохраняют пропорции и профилировку, близкую типу I-A, но большая часть имеет хорошо выраженную профилировку: значительно более, чем у варианта I-A, выпуклое высокое плечо и укороченный резко отогнутый наружу венчик. Орнамент состоит из комбинации линий и волн, проведенных палочкой или гребенкой. Изредка встречаются отпечатки гребенки. РФК-2/РФК-3 иногда РФК-3 (табл. 60: 3-7, 9-11).

I-B – отличительные черты этого варианта связаны с применением гончарного круга для заглаживания внутренней поверхности и профилирования верхней части сосуда: тулово приобретает большую округлобкость и даже некоторую вздутость в верхней своей половине, преобладают резко укороченные и резко отогнутые венчики, на внешнем крае которых начинают формироваться оттяжки и желобки. РФК-3 (табл. 61: 3, 5, 11).

I-Г – формы варианта отражают процесс дальнейшего усложнения профилировки s-овидных сосудов. Шейка горшков четко выделена, слегка сужена, стала довольно высокой, плечо обозначено крутым изгибом. Край венчика оформлен желобком с оттяжками. Плечо и тулово сосудов орнаментировано волнами, нанесенными либо палочкой, либо гребнем. РФК-3 (табл. 61: 1, 2, 4, 6, 7).

В рамках типа I следует выделить группу мисковидных сосудов, у которых профилировка верхней части и венчика аналогична вариантам I-A (табл. 61: 8, 9) и I-B (табл. 61: 10; 92: 5; 104: 3). Фрагменты от таких форм встречаются крайне редко.

Посуда первого типа составляет основу коллекции раннегончарной керамики Рюрикова городища, что типично для всех древнерусских памятников. Это не только наиболее распространенная, но чаще всего единственная форма, которую знали в X в. гончары Древней Руси.

II тип. Горшки и мисковидные сосуды ребристых форм.

II-A – горшки вытянутых пропорций, с длинной, почти вертикальной шейкой и коротким резко отогнутым наружу венчиком, край которого оформлен срезом. Переход к плечу у таких сосудов обозначен резким изломом. Орнаментированы они линейным, сплошным или зональным орнаментом, нанесенным палочкой. РФК-2/РФК-3 (табл. 62: 7; 90: 4, 3 (?); 102: 10; 110: 1).

II-B – приземистых пропорций горшки, у которых ребро более выражено, чем у горшков варианта II-A. Шейка плавно вогнута внутрь, вдоль ребра нанесена многорядная волна, но чаще они не орнаментированы. РФК-2/РФК-3 (табл. 62: 2; 79: 3, 2 (?); 86: 5; 108: 3).

II-B – сосуды этого варианта по своим пропорциям распадаются на два подварианта: II-B-1 и II-B-2. *Подвариант II-B-1* составляют горшки приземистых пропорций с закрытой верхней частью, венчик которых меньше наибольшего диаметра сосуда и равен его высоте. Резкий излом тулова, подчеркнутый снаружи ребром, располагается, как правило, ближе к середине высоты сосуда. Шейка длинная и плавно вогнута внутрь емкости. Венчик короткий, резко отогнут наружу и часто имеет легкий желобок по срезу. Нередко поверхность сосуда очень тщательно заглажена, почти заполирована. В верхней части нанесен линейный орнамент в сочетании с косыми отпечатками очень частой, мелкозубчатой гребенки (табл. 62: 1). *Подварианту II-B-2* принадлежат мисковидные сосуды, у которых диаметр венчика равен наибольшему диаметру сосуда и меньше его высоты, ребро обозначено в верхней трети. Профилировка шейки и венчика, а также разделка поверхности и орнаментация у части экземпляров данного подварианта идентична подварианту II-B-1, но у некоторой части – венчик плавно отогнут, слегка утончен, с прямым срезом, орнаментация чаще ограничена только косыми оттисками гребенчатого штампа (табл. 62: 8, 9; 107: 5). Среди сосудов, как первого, так и второго подвариантов можно отметить наличие экземпляров утративших тщательно заглаженную поверхность и украшенных отпечатками более грубого гребенчатого штампа (табл. 86: 7; 87: 4; 88: 4). РФК-2/РФК-3.

II-Г – мисковидные, широко раскрытые сосуды, с изломом в верхней трети тулова, имеют либо плавно, либо резко отогнутый наружу венчик. Верхняя треть покрыта линейной орнаментацией, иногда

оттисками гребенчатого штампа, дополненного волной. РФК–2/РФК–3 (табл. 62: 3)².

Прямых аналогов ребристой посуде Рюрикова городища в материалах раннегородских центров Северо-Западной Руси мы не имеем, за исключением *варианта II-Б*. В Городке на Ловати (Древние Луки) есть серия таких же сосудов, только с еще более резким ребром (Gorjunova 2001: 333. Abb. 7: 1). В керамической коллекции этого памятника можно подыскать также профили, близкие *варианту II-Г* (Горюнова 1994: рис. I–III-Б; Gorjunova 2001: 334–335, Abb. 8: 9; 9: 1). Оба варианта ребристой посуды при анализе материалов Городка на Ловати были сопоставлены с торновской и торновско-фрезендорфской группами западнославянской посуды, по терминологии Й. Херрманна (Hertmann 1966: 71. Abb. 25d; Hertmann 1968: 55. Abb. 8; 56).

Если бы не крайняя малочисленность мисковидных сосудов варианта II-Г, то можно было бы выделить подварианты по степени отгиба венчика и выраженности ребра (например: табл. 62: 3 и 62: 5, 6 или табл. 62: 4). В некоторых случаях реконструкция сосуда не обладает достаточной степенью достоверности, и тогда трудно определить, к какому ряряду относить ту или иную форму: к варианту II-Г или к группе мисковидных сосудов с профилировкой типа I (табл. 61: 9 и 80: 2).

Э. Шульдт сосуды, близкие к варианту II-Г, со сглаженным ребром и резко отогнутым наружу венчиком с линейной орнаментацией (табл. 62: 3) относит к вольдегкской группе (Schuldt 1981: 40, 148. Taf. 68-g, h, 1). А польские археологи подобные формы считают менкендорфскими (Dymaczewska 1978: рис. 16: 1; 21: 1; Snotliwy и др. 1986: рис. 7: 13; 11: 6). Другая часть сосудов варианта II-Г, имеющая более выраженный излом в верхней трети и плавную профилировку (табл. 62: 5, 6), однозначно может быть определена в качестве менкендорфского типа. Удлиненная верхняя треть, плавный длинный, слегка отклоненный наружу венчик, – все эти признаки характерны для поздних модификаций данной группы западнославянской керамики и особенно распространены на посуде польского Поморья (Snotliwy и др. 1983: рис. 26: 11; 31: 1, 4; 87: 4; Snotliwy 1986: 163. Рис. 3: XXIX; Snotliwy и др. 1986: 91. Рис. 7: 10; Łosiński, Roqosz 1986: 33. Рис. 4: XXVII, XXX).

Ребристые сосуды *варианта II-В* Рюрикова городища уникальны. В керамических коллекциях других раннегородских центров Северо-Западной Руси ничего подобного не встречено³. Для Рюрикова же городища ребристые сосуды данного варианта – явление устойчивое. Фрагменты такой посуды встречены на всех раскопках площадках памятника – в «центральном» раскопе, в раскопе 1975 г. на южном берегу Сиверсова канала, в «стратиграфическом раскопе» 1977–2000 гг.

Значительная фрагментированность раннегончарных материалов, разнотипностью в типологических определениях, наличие переходных форм от ребристых к эсвидным – все это затрудняет определение генезиса тех или иных видов реберчатости, вынуждает быть осторожным в подборе аналогий. В силу означенных обстоятельств приходилось долгое время воздерживаться от определения происхождения группы реберчатых сосудов варианта II-В, а генезис более грубых, небрежно орнаментированных экземпляров я была склонна связывать скорее с лепной посудой «ладожского типа» (Горюнова 1982: 41; 1994: 73). Позднее, изучая новые материалы, я пришла к выводу, что отдельные экземпляры *подварианта II-В–2* (табл. 62: 8; 107: 5) представляют полную копию *менкендорфского типа* с эсвидным профилем (Łosiński 1983: 209. Рис. 178: XXI, XXVIII, XXX), а поскольку родство их с горшками *подварианта II-В–1* было несомненным, то и наличие связи последних с кругом *Менкендорфа* не отрицалось (Gorjunova 2001: 332).

В этой цепочке рассуждений оставалось несколько неувязок: традиция лощения (тщательная заглаженность поверхности сосудов, которую можно иногда определять как некачественное лощение) и сравнительно низко посаженное ребро для менкендорфской посуды не характерны. Данные противоречия заставили меня обратиться к формам *гросс-раденского типа*, причем именно к тем вариантам, которые проявляют реликтовые черты: низко посаженное ребро, слегка прогнутая верхняя и выпуклая нижняя части сосуда, тщательная заглаженность (до легкой залощенности) поверхности, штампованный орнамент (табл. 67: 4, 5, 7, 8 – по Schuldt, 1981: 39, 40, Taf. 59-i; 63-e; Gabriel, Kempke 1991: 138. Abb. 21: 6, 7). Эти элементы напрямую связаны с германским этническим компонентом, включенным

² Строго говоря, некоторые из вариантов второго типа выделены не очень корректно. Последние два варианта могли бы составить самостоятельные типы, но, в силу ограниченности и значительной фрагментарности материала, мне пришлось все реберчатые или близкие к ним формы объединить в один тип. Накопление материала со временем, возможно, внесет свои коррективы в типологическое членение данной группы керамики

³ В связи с данным вариантом следует обратить внимание на фрагмент мисковидного сосуда из ямы №126 поселения Гнездилово–2 под Суздальем (Горюнова, Лапшин 2004: 59. Рис. 3: 2). Он имеет короткий отогнутый венчик с прямым срезом, длинную и плавно вогнутую внутрь смкности шейку. В отличие от экземпляров Рюрикова городища гнездиловский экземпляр украшен широким фризом мелкозубчатой волны. Резкий излом тулова можно предполагать, исходя из достаточно выраженной вогнутости шейки. Графическая реконструкция данного сосуда была сделана с ориентировкой на огрубленные варианты мисковидных сосудов II-В Рюрикова городища.

в славянскую среду южного побережья Балтики, вероятно, с эпохи заселения данных территорий славянскими первопоселенцами. Некоторые формы лощеной («полированной», по немецкой терминологии) и нелощеной посуды германского облика спорадически встречаются в нижних слоях славянских городищ Северо-Восточной Германии вплоть до рубежа IX/X вв. Генетически, по мнению Т. Кемпке, гросс-раденский тип восходит к формам лощеной керамики (Schuldt 1981: 40, 108. Taf. 28-c; 32-a; 62-a, g, h, n; 65; Kempke 1984: 45–47. Abb. 18; 20; Gabriel, Kempke 1991: 131, 134. Abb. 18).

Поскольку отмеченные выше реликтовые элементы являются для значительной части сосудов типа II-B формообразующими, то не исключено, что подвариант II-B-1 раннегончарной керамики Рюрикова городища несет отчетливые следы влияния именно той группы гросс-раденской керамики, которая имеет определенные германские черты⁴.

Вероятность этого предположения хорошо дополняется тем, что на Рюриковом городище присутствуют единичные фрагменты собственно гросс-раденской керамики. Это три фрагмента горшков черного или темно-серого цвета, не включенных в типологическую схему. Они имеют более мягкое ребро, подчеркнутое псевдоваликовой орнаментацией. Валик сформован двумя желобками и сопровождается простыми наколами или оттисками гребенчатого штампа и многорядной волной, нанесенной мелкозубчатой гребенкой выше валика по шейке сосуда, прямо под венчиком (табл. 68: 6–8). Поверхность таких сосудов была хорошо заглажена.

При первичной атрибуции этих фрагментов я обратила особое внимание на необходимость четкого отделения более поздних групп сосудов, украшенных псевдоваликовой орнаментацией, как с вертикальным горлом (табл. 114, 115), так и эовидной профилировки (табл. 116), которые получили распространение на северо-западе Древней Руси лишь в самом конце X – первой половине XI вв.⁵ Наиболее выразительные и точные аналогии данной реберчатой форме Рюрикова городища представлены в северной Германии среди форм гросс-раденского типа (рис. 6: 1–3 по Schuldt 1981: Taf. 38-h; 39-b; 61-i; см. также Gabriel, Kempke 1991: 138. Abb. 21: 5), но, с другой стороны, отдельные соответствия присутствуют также в менкендорфской посуде на памятниках северной Польши, например, в Кенджино, Зантоке, Колобжеге-Будзистово (рис. 6: 4 по Łosiński

1972: гус. 6-m; 25-q) и Щецине (рис. 6: 5 по Lesiejewicz и колл. 1972: Р. IXa, 30–31).

Противоречивость данного заключения легко объяснима. На основе дендротат комплексов в Босау, Шаршторфе и Гросс Радене уточнено, что керамика гросс-раденского типа при своем появлении и распространении сопровождается менкендорфскую посуду (Gabriel, Kempke 1991: 137), и поэтому, на наш взгляд, не исключено возникновение гибридных форм: на менкендорфской посуде с эовидным профилем начинает применяться псевдоваликовая орнаментация в сочетании с отпечатками гребенчатого штампа.

В немецкой археологической литературе подобные реберчатые сосуды ранее включались частью – в менкендорфскую группу (ряд 5 и 6 по Schuldt 1956: Abb. 12 a-c; 13 b, d; Schuldt 1981: 39), частью в вольдегкскую (ряд 1 по Schuldt 1956: Abb. 26 a, b, c; 27 e, i; 32 a, b). В 1981 г. Е. Шульдтом при публикации керамики поселения Гросс Раден IX – начало XI вв. был выделен новый тип западнославянской посуды, который получил свое обозначение по этому памятнику. Посуда данного типа, по мнению автора, употреблялась в рамках X в. и составляла 4,5 % всей керамической коллекции памятника (Schuldt 1981: 39, 40). В 1984 г. Т. Кемпке при характеристике ольденбургского керамического комплекса выделил особую группу R. В дальнейшем она также получила наименование – типа Гросс Раден. В самом Ольденбурге она составила 1–3% в каждом из выделенных там горизонтов, и представлена в слоях с конца IX–X вв. с небольшим выходом в начало XI в. (Gabriel, Kempke 1991: 137). Хотя реберчатые сосуды этого типа имеют широкое распространение, процент их в составе западнославянской керамики, по-видимому, всегда был невелик. Т. Кемпке пытался косвенно его определить по подсчетам типа Вольдегк, который составлял на некоторых поселениях от 9% до 13%, но фактическая часть выделяемого им гросс-раденского типа является совершенно незначительной в силу того, что только 1-й ряд вольдегкского типа точно соответствует этим сосудам (Kempke 1984: 47, 71–74, 135). Аналогично обстоят дела с определением доли типа Гросс Раден в польских памятниках. Там они включены в классификационные схемы в качестве варианта типа Щецин (Менкендорф – по немецкой терминологии), который обычно максимума распространенности (около 36%) достигает в слоях X в. Судя же по иллюстративным материалам, данная ре-

⁴ Надо признать, что и торновские, заглаженные до легкой залощенности, горшки из Городка на Ловати имеют право на такую же роль более или менее близких аналогов рассматриваемого типа посуды (ср. табл. 67: 1–3 и 6). Но не надо забывать, что торновский тип генетически также связан с влиянием германских биконических форм эпохи переселения народов.

⁵ Не исключено, что происхождение более поздних сосудов s-овидной профилировки, украшенных псевдоваликовой орнаментацией, напрямую связано с рассматриваемой формой раннегончарных сосудов Рюрикова городища. Об этом см. также в разделе, посвященном анализу керамики Новгорода (группа V) и Пскова (стиль 1).

берчатая форма с псевдоваликами представлена единичными фрагментами (Łosiński 1972: 42. Рyc. 6-m; 66–86, tab, III, рyc. 16–29; Łosiński 1983: 209. Рyc. 178:XXVIII).

Констатируя присутствие в раннегончарном комплексе X в. Рюрикова городища ряда сосудов близких *типу Гросс Раден*, или тем формам, которые входят в орбиту его влияния, следует учитывать его исключительную редкость. Атрибутирование фрагментов керамики с псевдоваликовой орнаментацией и реберчатым изломом корпуса как *гросс-раденский, менкендорфский или вольдегский тип*, зависит от степени сохранности исходного материала, качества его графической реконструкции и того, в какой части тулова будет определено место ребра⁶.

III тип. Выпуклобокие горшки с вертикальным или слегка наклонным внутрь венчиком, с наибольшим диаметром в верхней трети сосуда, который, как правило, хотя и не всегда, значительно превышает высоту сосуда.

III-A вариант отличается слабой профилированностью, округлый излом тулова расположен ближе к середине высоты. Самый край венчика слегка отогнут, по его срезу наблюдается легкий желобок. Линейно-волнистый орнамент нанесен палочкой. РФК–2/РФК–3 (?) (табл. 63: 2, 3).

III-B – сосуды с вздутым в верхней трети туловом, невыделенным, слегка наклонным внутрь венчиком, косой срез которого направлен внутрь сосуда, по внешнему краю намечена оттяжка. Псевдовалик идет ниже венчика и сопровождается комбинацией одиночных волн и бороздок. РФК–3 (табл. 63: 1).

III-B – широко раскрытый приземистый горшок с вертикальной верхней частью. Венчик отделен от тулова псевдоваликом. Край венчика имеет архаичный горизонтальный срез либо слегка закруглен. Линейная орнаментация нанесена палочкой. Прimitивной, грубой выделки. РФК–2/РФК–3 (табл. 63: 6). **Подвариант III-B-1** включает мисковидные сосуды с вертикальной или слегка наклоненной внутрь верхней частью и хорошо выраженным изгибом при переходе в тулово. Венчик не выделен, имеет горизонтальный или косой срез. Верхняя треть покрыта группами глубоких горизонтальных канелюров. РФК–3 (?) (табл. 64).

III-Г вариант имеет слегка наклоненный внутрь венчик с косым срезом и выпуклое плечо. Это широко раскрытый мисковидный сосуд с изгибом тулова в верхней трети. Линейный орнамент и оттиски гре-

бенчатого штампа в виде елочки покрывают почти всю поверхность сосуда. РФК–3 (?) (табл. 63: 5).

В коллекции раннегончарной керамики Рюрикова городища третьему типу принадлежат единичные фрагменты, число аналогий которым среди материалов Северо-Запада Руси весьма ограничено. **Вариант III-A** помимо Рюрикова городища встречен только в материалах Городка на Ловати (единичные фрагменты, не вошедшие в классификационную схему), но зато он имеет широкий круг аналогий в *менкендорфской группе* северной Польши (табл. 66). Особенно близкий набор форм происходит с памятников Занток (Dymaczewska 1970: рyc. 10: 8; 11: 3; 12: 6; 22: 4; 10: 18), Щецин (Cnotliwy и др. 1983: 102. Рyc. 88: 9), Лозино, Патенгово (Olczak, Siuchninski 1985: рyc. 33-b). Причем эта форма в менкендорфской группе существует длительное время, начиная с VIII в. (неукрашенные сосуды) и кончая началом XI в. (с линейно-волнистым орнаментом и более выраженным изломом в верхней трети).

Вариант III-B представляет собой полный аналог привозным *фрезендорфским* сосудам, фрагменты которых присутствуют в нижних слоях Неревского раскопа Новгорода (табл. 117: 3, 5. Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника: раскопы 1958–1959 гг. – XXI, XXVIII, яруса 27–28).

Вариант III-B можно интерпретировать как местную, примитивную *модификацию привозных фельдбергско-менкендорфских гибридов* с признаками влияния Фрезендорфа. В восточнославянской среде такие формы в дальнейшем трансформировались в сосуды с высоким вертикальным венчиком и богатой орнаментацией первой половины XI в. (табл. 114). Этот процесс хорошо прослеживается на серии сосудов Новгорода (Смирнова 1974: 21. Рис. 6; Троицкий VII раскоп, пласт 21, 22; Троицкий X раскоп, пласт 19; см. в разделе по Новгородской керамике, табл. 115). **Подвариант III-B-1** имеет прямые аналогии в коллекции Новгорода (см. раздел по Новгороду, типологическая группа VI, вторая гибридная подгруппа). Аналогичные формы достаточно распространены в городах польского Поморья, в Щецине и Волине они составляют заметный процент в керамических коллекциях (Biatecka 1961: tabl. II: 2; V: 5; XXII: 2, 7; Cnotliwy и др. 1983: рyc. 22: 13; 79: 3; 88: 16; Cnotliwy и др. 1986: 87. Рyc. 3: 17). Польские археологи не выделяют их в самостоятельный разряд посуды, а рассматривают в контексте типологических

⁶ Не последнюю роль при этом будет играть степень разработанности типологических схем западнославянской керамики. Как показывают последние работы германских коллег, проблема четкости в определении границ между типологическими группами еще достаточно актуальна. Отсутствует унификация в типологическом членении польских и германских материалов. Тип Гросс Раден описан и четко выделен только на материалах Гросс Радена и Ольденбурга. Данное типовое определение в немецкой литературе до сих пор признано не окончательно. Оно также совершенно не употребляется польскими археологами.

групп Волин (Фрезендорф) или Бобцинер (Snotliwy и др. 1983: гус. 182: 1a, 16; 195: III, 1, 2a; Łosiński 1972: гус. 8: f; 20: d, e, g). Возможно, такие формы являются менкендорфскими только более технологично исполненными (ср. Schuldt 1981: 134. Taf. 54: k). Следует отметить, что на Рюриковом городище они встречены, как правило, в нарушенных и перееотложенных слоях

Вариант III-Г замечателен тем, что представляет собой до сих пор малоизвестную в нашей литературе форму раннегончарной посуды. Аналогии этим сосудам можно обнаружить среди поздних вариантов *менкендорфского типа* (сравни: Schuldt 1981: 136. Taf. 56: d; Snotliwy и др. 1983: гус. 79: 2; 95: 6; Snotliwy и др. 1986: гус. 17: 3; 18: 3; 22: 1; 24: 6; 25: 6), а также в группе *менкендорфско-фрезендорфских гибридов*, которые известны в материалах Городка на Ловати, раннего Новгорода (Троицкий VII раскоп, пласт 21; Троицкий X раскоп, пластины 16–18) и его округа – могильников Боково и Деревяницы. Графическая реконструкция варианта *III-Г*, несмотря на короткий фрагмент, послуживший основой для нее, достаточно надежна, так как фрагмент довольно полно идентифицируется с целыми сосудами из Бокова, Деревяниц (табл. 118: 1; 119: 2, 3). Аналогии, на основе которых была сделана реконструкция этого варианта, убедительно говорят о достаточно заметном положении данной формы в керамическом комплексе Северной Руси конца X – начала XI вв.

Итак, третий тип объединяет как типичные западнославянские формы, такие как менкендорфские (вариант III-A) и фрезендорфские (вариант III-B), так и местные подражания им в форме гибридов, которые сочетают черты разных групп западнославянской керамики (варианты III-B, III-Г). К этой группе, можно было бы присоединить единственный экземпляр позднего фрезендорфского сосуда (табл. 63: 4), который происходит из переотложенной части культурного слоя «Центрального» раскопа. Но поскольку данный экземпляр не имеет четкого стратиграфического положения, а точные аналогии ему известны в материалах лишь второй четверти XI в. Лунда (Швеция) (Wahlöö 1976: kat. 23, 24), то, вероятно, он относится к комплексам времени возобновления княжеской резиденции на Рюриковом городище во второй половине XI в.

Дендрохронология и стратификация типов

В основу разработки хронологической шкалы развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища были положены материалы серии раскопов

1977–1979, 1997–2000 гг., связанных друг с другом и расположенных на северном берегу Сиверсова канала (в дальнейшем – «стратиграфический» раскоп). Культурный слой этих раскопов имел естественный ритм накопления, в его основании сохранились деревянные сооружения, а в верхней его части при перепланировке Городища образовалась достаточно мощная прослойка песка (табл. 77: 3, 8).

Таким образом, древнейшие напластования с органическими остатками, самые значительные из всех исследованных на городище (в раскопах 1977–1979 гг. достигают 2,69 м), были изолированы песком от поздних нарушений (Носов 1990: 47–58, 61, 83–85. Рис. 13: 5). Кроме того, именно на этих раскопах была получена серия дендродат от 889 г. до 944–947, 979 и 1092 гг., которая была разработана Н. Б. Черных и О. В. Тарабардиной на основе синхронизации с дендрохронологией Троицкого раскопа в Новгороде и Земляного городища в Старой Ладого.

Поверх песка отложился культурный слой с керамикой и вещами конца XI в. (единичны), а в основном XII – начала XIII вв. Эти хронологические рамки подтверждаются находками наверхия плети со знаком новгородского князя Глеба Святославича (1067–1078 гг.) и печати Владимира Ярославича, правившего в Новгороде в конце XII в., а также дендродатой 1092 г.⁷

Ниже песчаной засыпи материал фиксировался по квадратам и формальным пластам (толщиной 20–25 см), начиная с 1-го по 13-й на раскопах 1977–1979 гг. (табл. 76). В раскопах 1997–2000 гг. учет материала велся не только по естественным пластам, маркируемых нивелировочными отметками, но и по естественным, визуальным прослеживаемым слоям и прослойкам, которые имели различную структуру: сразу под песком шел слой гумуса черного цвета (нивелировочные отметки от 0 до –0,20 м, на отдельных квадратах он поднимался по склону оврага до отметок 0 – +0,20 и +0,20 – +0,40 м и опускался в центральной части оврага до отметки –0,20–0,40 м; табл. 77), ниже он подстилался коричневым слоем, насыщенным остатками органики (нивелировочные отметки от –0,20–0,40 до –1,20–1,40 м, на западной части он поднимался по склону ложбины до отметок +0,20 м).

Учитывая, что естественные отложения культурного слоя на данном участке Городища залежали не строго горизонтально, не следует исключать возможность объединения материала нескольких пластов в один комплекс, тем более, что Е. Н. Носов отмечает именно на этом участке, особенно в нижних пластах, довольно быстрый рост культурного слоя.

⁷ Порубочная дата одиночного бревна из нижней части культурного слоя над песчаной засыпью (нивелировочные отметки – +0,41 – +0,27 м).

Например, 13–11 пласты, по его мнению, отложились всего за 20–30 лет (Носов 1990: 61). Этому наблюдению не противоречит дендрохронология. Так, на 10–8 пласты приходится пять дендродат и все они по времени компактны: 10-й пласт – 889, 896, 897 гг., 9-й пласт – 905 г., 8-й пласт – конец второго десятилетия X в. Итого около 18–20 лет на три пласта. Скорость накопления культурного слоя примерно такая же, как и в 13-м–11-м пластах, но, видимо, уже после 7-го пласта до наших дней рост отложений резко меняется, так как 5-й пласт дает дендродаты 931, 944, 944–947 гг. Полученная в 1998 г. дендродата 979 г. по предварительным данным может быть привязана к 3-му пласту раскопов 1977–1979 гг.⁸

При определении верхней границы существования второго и первого пластов, которые отложились после 979 г. и затем были перекрыты песчаной насыпью, приходится исходить из учета существенно снижения темпов накопления культурного слоя и ориентироваться на датировки вещевых материалов (Носов 1990: 61, 70–83).

Стратификация типов и привязка к дендродатам из раскопов 1977–1979 гг. (табл. 70–76)

С *тринадцатого по четвертый* пласт включительно на раскопе преобладает лепная керамика: на 175 фрагментов лепной приходится всего горсть фрагментов раннегончарных сосудов, которая составила 4% от общего числа керамики (Носов 1990: 62). Первые единичные фрагменты раннегончарной посуды появились с *десятого пласта по восьмой*. В основном это стенки с линейно-волнистым орнаментом, в том числе от *подварианта I-A-1*, и один венчик *типа I-A* (табл. 70: 2, 3, 6, 10, 11).

Седьмой пласт дает три формы: слегка подправленные на круге сосуды *первой группы* с небрежной волной и горшки *типа I-A, III-A* (табл. 70: 1, 5, 7, 9).

В *шестом пласте* один фрагмент сосуда *типа III-A* и фрагмент *первой группы* (табл. 70: 1, 4). Вот и весь набор форм, существовавших с рубежа IX–X вв. до середины X в. (дендродаты – после 897 г., после 905 г., после второго десятилетия X в.).

В *пятом пласте* с порубочными датами 931, 944, 944–947 гг. присутствует форма *III-A* и фрагмент стенки сосуда *первой группы* с путанной многоряд-

ной волной, который подклеился к сосуду, составленному из фрагментов шестого и седьмого пластов (табл. 70: 1; 71: 3, 4).

В *четвертом пласте*, по наблюдениям Носова Е. Н., в первые десятилетия после середины X в. была возведена печь (Носов 1990: 58). В нем присутствовала одна форма *типа I-A*, представленная единственным фрагментом (табл. 71: 1).

В *третьем пласте*, помимо *типа I-A*, появляются в техническом плане несколько более совершенный *вариант I-B* и новая форма *типа II-B-1* (табл. 71: 2, 4–8). Здесь также присутствует придонная часть гончарного сосуда, покрытого пролощенными вертикальными полосками. О форме его сказать что-либо трудно, но это определено привозной сосуд, связанный либо с Поволжьем, либо с Северным Кавказом (табл. 71: 5). Третий пласт соответствует периоду запустения на этом участке поселения: в нем располагались развалы глинобитных печей сооруженных в предшествующих пластах. Верхняя граница пласта по материалам «стратиграфического» раскопа 1997–2000 гг. маркирована дендродатой 979 г.

Совокупность раннегончарных форм *второго пласта*, помимо *вариантов А и Б типа I*, пополнилась *вариантами А, Б и Г типа II* (табл. 72: 1, 5, 6) и *III-Г* (менкендорфско-фрезендорфский гибрид) (табл. 73: 1, 2).

В *первом пласте* появляются варианты I-B, I-Г (табл. 73: 7; 74: 1, 9; 75: 1), безраздельно господствует *форма I-B* (табл. 74, 75): среди значительного числа фрагментов (около 50 шт.) всего три принадлежат *типу I-A* и один – первой группе с путаной волной (табл. 73: 5, 4; 74: 8; 75: 11). На уровне первого пласта, частично – второго, были прослежены в виде тлена остатки жилой постройки, что существенно повлияло на степень насыщенности культурного слоя находками как керамических, так и других категорий.

Накопление культурных остатков в *первом пласте* было завершено в конце X – начале XI вв. Е. Н. Носов датировал сооружение дома в первом пласте последней четвертью X в., а время появления песчаной насыпи, перекрывшей древнейшие слои с органикой на северном берегу Сиверсова канала, определял или началом XI в., или просто XI в. (Носов 1990: 61, 70–83, 152–154).

⁸ Спил был взят с мощного столба, обгорелый верхний конец которого был расчищен на верхнем уровне черного слоя (нивелировочные отметки –0,01 м), что соответствует пласту 1 из раскопов 1977–1979 гг. В этом и частью во втором пласте были расчищены остатки постройки, углистое заполнение которой и ошлакованные фрагменты керамики из близлежащего слоя свидетельствуют о следах пожара, в котором, по-видимому, сгорел и столб. Это позволяет объединить постройку и столб в единый хозяйственно-жилой комплекс. Вкопан он был с уровня границы черного и коричневого слоев (нивелировочная отметка –0,40 м). Рядом со столбом на этом уровне прослежена линза материковой супеси, которую можно трактовать в качестве выброса из ямы, в которую вкапывался столб. Таким образом, порубочная дата этого столба маркирует нижний хронологический рубеж для второго и первого пластов, накопления культурных остатков которых началось после установки столба и, видимо, сооружения постройки.

Стратификация типов и привязка к дендродатам из раскопов 1997–2000 гг. (табл. 76–88)

Раннегончарная керамика в слоях, расположенных ниже песчаной засыпки, сопровождалась всегда лепной. Динамика ее накопления в культурных слоях в сравнении с лепными формами отражена в таблице А.

В самом нижнем, предматериковым *седьмом пласте*⁹ раннегончарная керамика отсутствует. Начиная с *шестого пласта* появляются первые фрагменты раннегончарных сосудов. Это фрагмент придонной части сосуда *первой группы*, переходной от лепной к раннегончарной, украшенный путаной волной, и фрагменты стенок от аналогичных горшков, а также фрагменты венчиков от сосудов второй группы *подварианта I-A-1* (табл. 78: 2, 5). В *пятом пласте* помимо вышеописанного набора появляются две новых формы: слабопрофилированный эсовидной профилировки горшок *типа I-A* (развал целого сосуда, фрагменты которого были найдены также и на уровне вышележащего пласта) и реберчатый *подварианта II-B-1* (табл. 78: 7). В *четвертом пласте* кроме фрагментов от сосуда *I-A* из 5-го пласта новых форм не появилось. На уровне *третьего пласта*, в верхней части которого был вбит столб с порубочной датой 979 г., присутствуют s-овидные формы только *вариантов I-A и I-B* (табл. 79: 1, 5).

Во *втором пласте*, который сформировался после 979 г., наблюдается самое большое разнообра-

зие s-овидных форм раннегончарной посуды. Помимо *варианта I-A*, появляются в значительном количестве *варианты I-B и I-B* и первые фрагменты *варианта I-Г*. Причем стабильности в их формообразовании не наблюдается, небольшие вариации в степени отгиба венчика, длины шейки, выпуклости плеча и оформления края срезом и намечающимися желобками или оттяжками достаточно разнообразны (табл. 80: 1, 4, 5; 81; 82: 1, 2; 84). Фрагменты посуды последних двух вариантов по численности превосходят вариант *I-A* в два раза. Здесь присутствуют также фрагменты от сосудов *варианта II-B* (табл. 79: 2, 3) и *II-Г* (табл. 80: 3, 6). На этом уровне найдены первые фрагменты сосудов *III типа*. Один вполне определенно принадлежит *фрезендорфскому типу III-B*, второй – *типу III-B*, грубой модификации *фельдбергско-менкендорфских гибридов* с признаками влияния Фрезендорфа (табл. 82: 3, 5).

В *первом пласте*¹⁰ типологический набор форм идентичен набору второго пласта. Подавляющую часть этого набора составляют s-овидные сосуды *вариантов I-A, I-B, I-B, I-Г* (табл. 83: 1–3; 85: 1–4, 6–8; 86: 2, 5, 6; 87: 5, 6; 88: 1, 2, 6). Три последних варианта с более поздними чертами развития по количеству превышают первый архаичный вариант в три раза. На уровне нивелировочных отметок +0,20 – –0,0 обнаружен мискообразный сосуд. Профилировка его верхней части повторяет форму эсовидных сосудов с граненым венчиком *типа I-B* (табл. 87: 1). Миско-

Таблица А. Городище. «Стратиграфический» раскоп 1998–1999 гг.

Соотношение раннегончарных и лепных форм по пластам в слое черного гумуса и раннесредневековом слое коричневого гумуса

№№ пластов по Р.77–79 гг.	Нивелировочные отметки	Слой черного гумуса		Раннесредневековый слой коричневого гумуса	
		раннегончарная	лепная	раннегончарная	лепная
1	+0,2 – 0,0 м*	77%	23%	–	–
1	0,0 – –0,2 м	84%	16%	+	+
2	–0,2 – –0,4м	75%	25%	55%	45%
3	–0,4 – –0,6м	–	–	37%	63%
4	–0,6 – –0,8м	–	–	25,5%	74,5%
5	–0,8 – –1,0м	–	–	22,5%	77,5%
6	–1,0 – –1,2м	–	–	8,2%	91,8%
7	–1,2 – –1,4м	–	–	0	100%
Итого:		78,6%	21,4%	29,6%	70,4%

* На уровне нивелировочных отметок +0,4 – +0,2 м в черном слое и на уровне 0,0 – –0,2 м в коричневом гумусе керамический материал представлен единичными фрагментами на отдельных квадратах, что обусловлено спецификой стратиграфии.

⁹ Для удобства в тексте пласты пронумерованы так же, как и в раскопах 1977–1979 гг. Нумерация идет сверху вниз. Соответствие нивелировочных отметок раскопов 1997–2000 гг. нумерации пластов раскопов 1977–1979 гг. см. в таблице А.

¹⁰ Первому пласту раскопов 1977–1979 гг. в раскопах 1997–2000 гг. соответствуют, кроме пласта с нивелировочными отметками 0,0 – –0,20 м, еще выклинивающиеся части черного и коричневого слоев, которые прослежены на некоторых квадратах раскопов в верхней части склонов древней ложбины. Они имеют нивелировочные отметки +0,2 – 0,0 и +0,20 – +0,40 м.

видные сосуды появляются во втором пласте (табл. 80: 2), в первом они представлены несколько шире (табл. 86: 1; 87: 2). Из сосудов III типа вполне достоверно определяются сосуды варианта III-B (табл. 83: 5; 88: 5). Некоторые фрагменты сосудов из первого пласта можно лишь предположительно связывать с *подвариантом III-B-1* (мисковидные сосуды без выделенного венчика с канелированной верхней третью). Размеры их слишком малы для безупречной реконструкции. Фрагмент же, который поддается графической реконструкции, найден в переотложенном состоянии – в слоях, перекрывших черный слой (табл. 64: 5; 88: 3). Единственным экземпляром представлен вариант II-Г (табл. 83: 4). Следует отметить наличие экземпляров подвариантов II-B-1 и II-B-2, утративших тщательно заглаженную поверхность и украшенных отпечатками более грубого гребенчатого штампа (табл. 86: 7; 87: 4; 88: 4).

Некоторые формы, найденные на стратиграфическом раскопе 1997–2000 гг., по своим параметрам не вписывались в выделенные типы. Это стройный сосуд с пологими плечиками и длинным вертикальным венчиком. Вся поверхность сосуда от шейки до нижней трети покрыта одиночными волнами, нанесенными палочкой. Реконструированы два экземпляра, фрагменты которых обнаружены в *первом пласте* на нивелировочных отметках от +0,20 до –0,40 м (табл. 86: 4; 87: 3). В этом же пласте найден фрагмент от амфороподобного сосуда (?): плечо полого переходящее в горловину, сплошь покрытое неглубокими канелюрами. На внутренней части фрагмента следов правки не наблюдается. Видна ленточная техника налепа. Цвет черепка желтовато-охристый (табл. 86: 3).

Другая форма (из *второго пласта*) принадлежит слабопрофилированным сосудам с резко отогнутым венчиком, край которого имеет прямой срез. Они не имеют выделенной шейки. Вертикальные стенки верхней трети подразумевают либо тюльпановидную, либо стаканообразную форму тулова сосуда. Такие сосуды изредка встречаются в менкендорфской группе керамики (Kempke 1984: Taf. 8: 7; Snotliwy и др. 1983: 42. Рис. 31: 10; Schuldt 1981: 107. Taf. 27: a) (табл. 79: 4). Кроме того во *втором пласте* присутствует ряд фрагментов форм, не поддающихся определенной реконструкции, но все же по их виду можно сказать, что мы имеем дело с не совсем обычной керамикой. Это фрагменты ножек с плитчатым основанием (табл. 69: 7, 9). Сделаны они из обычного по составу глиняного теста, применяемого на Рюриковом городище для всей остальной раннегончарной посуды. Найлены они в *первом и втором пластах*. К ранее неизвестной категории относится фрагмент лощеного сосуда (стенка или венчик?) с круглым ямочным вдавлением (или двумя) из *второго пласта*.

та. Тесто его плотное без видимых примесей. Техника формовки иная, чем была принята на Рюриковом городище (табл. 69: 9).

В пятом пласте сосредоточены фрагменты стенок сосудов с характерными для менкендорфской посуды штампами – косая сетка и круглая розетка с крестовидным орнаментом внутри (табл. 69: 2, 6). Правда, дать точное определение технологии изготовления сосудов по этим фрагментам трудно. Это либо лепные, либо слабоправленные сосуды, которые мы включали в *первую группу* раннегончарной керамики Рюрикова городища. Фрагмент с крестовидным штампом в розетке, четко определяемый в качестве раннегончарного, найден в переотложенном состоянии в песчаной насыпи, перекрывающей ложбину (табл. 69: 3). В *шестом пласте* обнаружен фрагмент стенки раннегончарного сосуда с орнаментом в виде треугольников, разделанных косой штриховкой и заключенных между двумя узкими канелюрами (табл. 69: 5). Близкая по технике орнаментация (нанесенные гребенкой пересекающиеся полосы образуют ромбы и треугольники) характерна не только для *менкендорфской* керамики, но и для особой формы *фельдбергской* посуды: с утолщенным краем венчика и богато украшенной. В Ольденбурге IX в. поверхность подобных сосудов заполирована с применением графита (Kempke 1984: Taf. 31: 3, 5). Такие же элементы орнаментации изредка, но встречаются на богато украшенных сосудах эсовидной профилировки в Мекленбурге (Brather 1996: Taf. 16: 5). Примечательно то, что все фрагменты сосудов с элементами западнославянского орнамента найдены на тех же уровнях, что и *менкендорфские* сосуды из «стратиграфического» раскопа 1977–1979 гг. – в пятом и шестом пластах.

Полученная стратифицированная колонка раннегончарной керамики с дендродатами далеко не так полна, как хотелось бы. Она не содержит всего набора форм, бытовавших на Городище в X в. Чтобы иметь полное представление о типологических и структурных изменениях раннегончарного комплекса, необходимо было расширить базу источников: провести дополнительный анализ распределения и встречаемости типов керамики по закрытым и условно закрытым комплексам других раскопов, а также попытаться привлечь материал из тех частей культурного слоя, которые не были нарушены перекопами.

На центральном раскопе 1980–1982 гг. только три ямы, впущенные в материк, имели в своем заполнении более или менее чистый раннегончарный комплекс. Это яма № 1, яма № 2, яма № 3. Этому же условию отвечали ямы в кв. 3 и 4 на раскопе IV 1980 г., расположенном к востоку от ц. Благовещения. Также не нарушен поздними перекопами черный слой раскопа 1975 г. на южном берегу Сиверсова канала.

В западной части раскопа этот слой перекрыт прослойками глины. Коллекция раннегончарной керамики из этого слоя отличается целостностью. Каждый из привлеченных комплексов по составу форм керамики повторяет отдельные отрезки нашей колонки и, таким образом, мы получили возможность расширить набор посуды, включенный в стратифицированную колонку.

Раскоп 1975 г. на южном берегу Сиверсова канала (табл. 89, 90, 91). Наиболее близкие соответствия ранней части колонки на этом раскопе мы имеем из нижних отложений черного гумуса. Отсюда происходит сравнительно большое число эсвидных сосудов типа I-A архаичной технологии. В этих же пластах и в жилой постройке были найдены фрагменты сосудов типа II-B (табл. 89, 90) и стенки керамики первой группы с небрежной перепутанной волной, таким образом, реберчатый сосуд типа II-B может быть включен в раннюю часть стратиграфической колонки, начиная по крайней мере с пятого пласта (середина X в.). Присутствие на раскопе типов II-A (табл. 90: 4), II-G (табл. 89: 6) хотя и создают картину соответствия второму пласту, но поскольку данные формы на раскопе 1975 г. сопровождаются типом Гросс Раден (табл. 89: 1) и типом II-B (табл. 89: 2, 3, 5), то хронологическая позиция появления этих форм с полным основанием может быть определена также дендродатой третьего пласта (не позже 979 г.).

В верхней части слоя раскопа 1975 г. встречаются в основном сосуды вариантов I-B, I-V и I-G (табл. 91), что позволяет констатировать соответствие второму и первому пластам «стратиграфического» раскопа. Динамика соотношения раннегончарной и лепной посуды имеет ту же тенденцию, что и на стратиграфическом раскопе: в предматериковой части слоя (коричневом со щепой) присутствует только лепная посуда, в двух нижних пластах черного слоя она существенно преобладает, а в верхнем пласте, где сосредоточены сосуды варианта I-B, I-V и I-G, лепная керамика почти наполовину теряет свое преимущество (Носов 1990: 41). И завершающий штрих: на южном берегу Сиверсова канала, где расположен раскоп 1975 г. для верхней части коричневого слоя, подстилающего черный, есть дендродата – 900 г. (Носов 1990: 47).

В яме № 1 «Центрального раскопа» (табл. 92) присутствуют формы в сочетании, характерном для середины X в.: фрагмент венчика с небрежной многорядной волной, реберчатые тщательно заглаженные до лоска сосуды типа II-B (табл. 92: 6, 7, 9). Есть также типы керамики, соответственные типам из 1–3-го пластов «стратиграфического» раскопа – I-B, II-A, мисковидному сосуду с s-овидной профилировкой и граненым венчиком, а также сосуду

особой формы с вертикальным венчиком, украшенным одиночной волной (табл. 92: 1–5, 8). К сожалению, в описи не отмечена глубина залегания керамики в заполнении ямы, но мы можем констатировать, что структура раннегончарного комплекса этой ямы по пяти параметрам повторяет структуру раннегончарной посуды «стратиграфического» раскопа в его верхней части (с 5-го по 1-й пласты).

Комплекс ямы № 3 «Центрального раскопа» (табл. 93: 7, 8; 94) следует соотносить с набором керамики двух верхних пластов «стратиграфического» раскопа, так как основу его составляют эсвидные формы вариантов I-B, I-V, I-G. Наличие фрагмента от сосуда типа III-G (фрезендорфско-менкендорфского гибрида) (табл. 94: 5) подтверждает эту синхронность. Присутствие в яме реберчатых сосудов подварианта II-B-1 с оттисками мелкозубчатого штампа предполагает существование данного комплекса не только на протяжении последней четверти X в., но, возможно, и несколько в более ранний период (табл. 93: 7, 8; 94: 1).

Комплексы ямы № 2 «Центрального раскопа» (табл. 93: 1–6, 9) и ям в кв. 3 и 4 из раскопа к востоку от ц. Благовещения (табл. 99; 100: 6–11) я полностью соотношу с *первым пластом* «стратиграфического» раскопа, т. к. эти комплексы почти полностью состоят из сосудов *типа I-B, I-V*. Этому не противоречит присутствие фрагментов особого сосуда с вертикальным венчиком (ср. табл. 99: 1 и табл. 87: 3, 86: 4) и от типа I-G (табл. 93: 4), появление которого хотя и зафиксировано на уровне второго пласта, но все же, видимо, было более характерно для последующего времени.

Раскопы 1994–1996 гг. на северном и южном берегу Сиверсова канала (табл. 109, 110) имели стратиграфию подобную прослеженной в раскопе 1975 г. В раскопах 1994 и 1995 гг. на южном берегу Сиверсова канала верхний черный слой подстилался коричневым с остатками органики и деревянных конструкций. К сожалению, полной сохранности черного верхнего слоя в этих раскопах мы не наблюдали, но керамический комплекс по своей морфологии ничем не отличался от вышеописанных условно закрытых комплексов. Отложения коричневого слоя с органикой содержали фрагменты только лепной посуды, за исключением одного фрагмента венчика. Он принадлежал сосуду из *первой группы*, орнаментированному «путаной» волной с коротким вертикальным венчиком, имеющим горизонтальный срез (табл. 59: 7). Раннегончарные формы *второй группы* все были найдены в черном верхнем слое раскопов 1995–1996 гг. (табл. 109, 110). Набор типов не отличается разнообразием: *варианты I-A и I-B*, причем сосуды последнего варианта превышают количество первого в три раза. Присутствие фрагмента сосуда

варианта II-A (табл. 110: 1) позволяет считать данный комплекс керамики синхронным набору посуды **из второго пласта** «стратиграфического» раскопа 1977–2000 гг. Но наличие в предметнике раскопа 1996 г. фрагмента сосуда подварианта I-A-1 (табл. 110: 6) в сочетании с вариантом I-A позволяет предполагать, что начало формирования черного слоя с раннегончарной керамикой на этих раскопах можно отнести ко времени пятого пласта «стратиграфических» раскопов. Керамические формы, представленные на табл. 97–108, происходят из культурного слоя со значительными нарушениями. Они часто сопровождаются почти до самого материка поздними материалами XII–XV вв. Но и этот материал дает определенную информацию по распределению и концентрации тех или иных типов в районе тех или иных сооружений.

Прделанная работа по распределению различных типов керамики Рюрикова городища с 10-го по 1-й пласты «стратиграфического» раскопа 1977–1979, 1997–2000 гг., полученная серия дендродат и дополнительный анализ керамических форм из закрытых и условно закрытых комплексов – все это позволило выявить в пределах X в. три этапа развития раннегончарной посуды Рюрикова городища. Хронологические границы каждого этапа определены с помощью дендродат (табл. 76 и 144).

Первый этап длился с рубежа IX–X вв. или с начала X до середины X вв. включительно (10-й–5-й пласты «стратиграфического раскопа» с порубочными датами 889, 896, 897, 902, 904, 905, 906, 907, 910, 911, 931, 944, 944–947 гг.)¹¹. Он характеризуется наличием керамики переходной от лепной к гончарной, с небрежной многорядной волной (*первая группа*; табл. 59). В это же время обязательно присутствие горшков s-овидного архаичного профиля *типа I-A* (табл. 60: 1, 2, 8), особой группы архаичных s-овидных сосудов *подварианта I-A-1* с элементами «городчатого» орнамента (табл. 78: 1, 2, 4) и менкендорфского облика, *типа III-A* (табл. 63: 2, 3). Присутствует так же серия фрагментов стенок сосудов с элементами западнославянской орнаментики: отпечатки штампов в виде розетки с крестовидным орнаментом, пересекающиеся отрезки штрихованных полос, нанесенные гребнем (табл. 69: 1–6). Не исключено, что на исходе этого этапа появляется форма сосудов варианта II-B, о чем как будто свидетельствует фрагмент, зафиксированный в пятом пласте «стратиграфического» раскопа 1999 г. (табл. 78: 7). Но данное свидетельство не совсем бесспорно, так как реконструкция на основе этого фрагмента достаточно условна.

Фрагменты, определенные в качестве *фельдбергской* посуды (табл. 65: 1, 4, 5), мы ранее не могли жестко соотнести с какими-то конкретными пластами «стратиграфического» раскопа, поскольку они были найдены в культурном слое, который имел аморфную структуру и содержал разновременные находки из-за многочисленных поздних нарушений. Поэтому в более ранней публикации раннегончарных материалов Рюрикова городища (Горюнова 1997: 155–157, 173) при определении времени бытования фельдбергской керамики на Рюриковом городище пришлось ориентироваться на технологию изготовления (первичная правка верхней трети сосуда) и на общие рамки бытования фельдбергской посуды на западнославянских памятниках.

Дата верхней границы проявлений фельдбергских типологических черт в керамических комплексах западнославянских поселений является принципиально важной для идентификации и хронологии рассматриваемых нами фрагментов посуды Рюрикова городища.

Значительный материал длительно существовавших памятников позволяет германским и польским археологам строить стратифицированные колонки распределения фельдбергского типа в культурном слое, проследить динамику его взаимоотношения с лепными неорнаментированными формами, менкендорфскими и другими типами посуды, со временем сменяющими его. Для отдельных памятников (Старигард/Ольденбург, Мекленбург, Колобжег-Будзистово, Щецин, Волин и др.) такие колонки разработаны. Общие хронологические рамки бытования данной формы (середина VIII–IX вв.) установлены как на основе обычных археологических методик, так и с помощью радиоуглеродного анализа и дендродат (Łosiński 1972: 74–75. Tab. III; Donat 1984; Gabriel, Kempke 1991: 128–147, 130. Abb. 15; Brather 1986: 143–151. Abb. 111).

К настоящему времени в западноевропейской археологической литературе считается вполне доказанным, что фельдбергский тип посуды не переживает рубежа IX–X вв., более того, производство такой керамики прекращается к началу последней четверти IX в. (Brather 1996: 145–151, 149. Abb. 111; Stanislawski 2001: 151). Но среди материалов, которые С. Братер считал сомнительными либо в типологическом отношении, либо в стратиграфическом (Brather 1996: 143–145, 149, 150), на наш взгляд, существуют факты, неоспоримо свидетельствующие об использовании этого типа керамики позже рубежа IX–X вв. Во-первых, в Бирке камерное погребение

¹¹ В этих пластах преобладает лепная керамика, раннегончарные фрагменты составили всего около 4% от общего числа керамики (Носов 1990: 62). Первые единичные фрагменты раннегончарной посуды появились в 10-м–8-м пластах. В основном это стенки с линийно-волнистым орнаментом и один венчик типа I-A (табл. 70: 2, 3, 6, 10).

1081 (начало X – середина X вв. – личная консультация И. Янссона, см. также Jansson 1985: 177–186) содержит сосуд по технологии и стилистике изготовления очень близкий фельдбергским горшкам. И хотя С. Братер высказывает сомнения в его соответствии классической фельдбергской посуде (Brather 1996: 147), большинство археологов определяли его в качестве таковой¹².

Во-вторых, некоторые материалы с дендрода-тами также говорят о возможности выхода фельдбергских форм на рубеж IX–X вв. и в начале X в. В Шаршторфе порубочные даты – 875/885 гг., в Пене – 890/ 900 гг. В Ольденбурге в 3-м горизонте фельдбергские материалы (маркированы монетными находками 4-го горизонта (конец X –XI вв.), а накопление культурного слоя 2-го горизонта с порубочной датой 866 г. происходило на протяжении всей второй половины IX в. Фельдбергская посуда составляет до 10% керамического материала нижней половины горизонта 3 (Gabriel, Kempke 1991: 130. Abb. 15; 135–142; 145, 146; Brather 1996: 144, 145).

Почему-то С. Братер обходит молчанием наличие фельдбергской посуды (от 23,5 до 14,5%) в VII слое Колобжега-Будзистово (Польша) (Łosiński 1972: 73–75. Tab. III). Т. Кемпке, ссылаясь на разработки В.-Д. Темпля по гребням, датирует этот слой первой половиной X в. (Kempke 1984: 61). Недавно опубликованы новые данные стратиграфического распределения различных групп западнославянской керамики Волина (раскоп 8-Порт), подтвержденные дендрохронологией: в слоях с порубочными датами от 900 г. до 915 г. доля фельдбергских сосудов в керамической коллекции раскопа колеблется от 25% до 10% (Stanisławski 2001: 144. Tab. 4).

И, наконец, материалы Гнездилова-2, поселения X–XI вв. под Суздаlem, ярко свидетельствуют о существовании керамики фельдбергского типа позже рубежа IX–X вв. Нижняя часть заполнения ямы № 25 содержит фрагменты керамики только фельдбергского типа (Горюнова, Лапшин 2004: 56, 57. Рис. 1). Эта часть ямы перекрыта угольной прослойкой, в которой была найдена круглая поясная бляшка с узкой датировкой – 30-е гг. X в.

Все вышеперечисленное позволяет увязывать существование *фельдбергской* посуды на Рюриковом городище с периодом не позже первой половины X в. (10-й–5-й пласты «стратиграфического» раскопа). Не исключено, что это вообще самая первая раннегончарная форма, которая появилась среди исключительно лепной керамики и дала толчок созданию целой серии слегка правленных, украшенных небрежной многорядной волной сосудов *первой группы*.

Второй этап наступает после середины X в., длится всю его третью четверть и завершается где-то около 979 г. (4-й–3-й пласты «стратиграфического» раскопа; верхняя граница этапа определяется порубочной датой 979 г.). Ко времени второго этапа развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища *первая группа* слегка правленной керамики, подвариант I-A-1 и *менкендорфские формы варианта III-A* исчезают. В группе сосудов s-овидного профиля помимо архаичных *вариантов I-A* возникают новые модификации (I-B), у которых укорачивают и более резко отгибают венчик, на срез последнего наносят легкий желобок либо несколько граней (табл. 60: 3–7, 9–11). Плечо некоторой части новых вариантов эсвидных сосудов становится более выпуклым (табл. 60: 3–5; 71: 8, 7). Со вторым этапом следует связывать широкое распространение ребристых форм с заглаженной почти до лоска поверхностью, украшенных мелкозубчатым штампом – *вариант II-B* (табл. 62: 1, 8, 9), а также сосудов из группы Гросс Раден (табл. 68: 6–8).

Третий этап начинается вскоре после 979 г. (2-й–3-й пласты «стратиграфического» раскопа). Архаичная форма варианта I-A для данного периода не характерна. Она, как и отдельные фрагменты сосудов первой группы с путаной волной, попадает в слои этого периода в результате древних перекопов, не прослеженных в поле. Продолжается изготовление *вариантов I-B*. Появляется ряд новых вариантов типа I. Для эсвидных форм данного этапа присущи изменения, которые происходят в результате применения гончарного круга для профилирования не только края венчика, но всей верхней части сосуда (тип I-Г), а также для заглаживания основной части емкости не только с внешней, но и с внутренней стороны сосуда (*тип I-B*). Возникают вздутость плеча и большая округлобокость тулова, прослеживаются четкие изломы на месте переходов от плеча к шейке и от шейки к венчику, преобладают укороченные и резко отогнутые венчики, на внешнем обресе венчика различного рода оттяжки и желобки приобретают более четкое выражение (табл. 61: 1–6, 11).

Ребристые мисковидные сосуды *варианта II-B* огрубляются, они теряют заглаженность, отпечатки зубчатого штампа становятся грубыми, так как мелкозубчатая гребенка заменяется гребнем с крупными зубьями (табл. 86: 7; 88: 4). Вероятно, на основе сосудов варианта II-B появляются высокие горшки *варианта II-A*, верхняя треть которых повторяет профилировку грубых мисковидных сосудов. Технология изготовления горшков этого варианта (РФК-2/РФК-3) определяет их архаичный облик: прямой срез по краю венчика, неравномерность и грубость

¹² С. Братер не отрицает, что поздняя датировка ряда погребений Бирки создаст проблему в определении верхнего рубежа существования фельдбергского типа, но сам он все же склонен верхний рубеж Фельдберга не выносить за пределы IX в.

примитивной линейной орнаментации (табл. 72: 6). Набор ребристых сосудов в этот период помимо варианта II-B дополняется вариантами II-B, II-Г (табл. 62: 2–6). Не исключено, что момент появления реберчатых форм II-A и II-Г (а возможно, и II-B) связан все же со вторым этапом, так как влияние вариантов II-B на их генезис, нам кажется, был вполне реален. Кроме того взаимовстречаемость вариантов А, В, Г типа II зафиксирована на раскопе 1975 г. (табл. 89 и 90).

В это же время на уровне пласта 2 «стратиграфического» раскопа зафиксировано внедрение в раннегончарный керамический комплекс Рюрикова городища привозных *фрезендорфских* сосудов (*тип III-B*) (табл. 63: 1; 82: 3) и менкендорфско-фрезендорфских гибридов (*тип III-Г*) (табл. 63: 5). Западнославянский импорт вызывает появление местных гибридных форм-подражаний (*III-B, III-B-1*) (табл. 63: 6; 64). Следует отметить, что почти все, за редким исключением, экземпляры посуды типа *III-B-1* из коллекции Рюрикова городища чрезвычайно фрагментированы, а для тех фрагментов, форму которых можно было восстановить более обоснованно, стратиграфическое положение было неопределенным. Складывается впечатление, что появилась такая посуда в самом конце третьего этапа и не получила достаточно широкого применения в быту¹³.

На материалах Рюрикова городища время завершения третьего этапа развития раннегончарного комплекса можно определить пока только по косвенным данным. Точность определения этой даты во многом зависит от даты времени появления на «стратиграфическом раскопе» песчаной насыпи, а время ее появления, как уже отмечалось, нуждается в уточнении.

Для определения времени появления песчаной насыпи, отделяющей древние напластования IX–X вв. от вышележащих XII–XV вв., мы так и не получили достаточно полных данных. По результатам «стратиграфического» раскопа 1977–1979 гг. считалось, что нивелировочные работы на месте ложбины были проведены на рубеже X–XI вв. или в XI в. (Носов 1990: 61, 70–83, 152–154). Подразумевалось, что появление песчаной насыпи было одномоментным. Результаты полевых исследований 1997–2000 гг. не позволяют столь однозначно судить о ее характере и времени появления. По стратиграфическим наблюдениям можно считать, что западная ее часть появилась раньше восточной. В песке найдено незначительное число маловыразительных фрагментов керамики, но единичные из них вполне определимы.

Часть венчиков принадлежит сосудам X в., а часть – керамическим формам второй половины XI–XII вв.

Для определения времени завершения докняжеского периода жизни на Рюриковом городище следует иметь в виду следующие наблюдения. В верхних пластах культурного слоя «стратиграфических» раскопов присутствует незначительное число фрагментов сосудов, форма и технология которых позволяет отнести их не к концу X в., а скорее к началу XI в. Часть посуды варианта I-Г имеет предельно развитую профилировку плеча, шейки и венчика, который помимо огранки и оттяжек на внешнем крае получает хорошо выраженный желобок и вертикальную оттяжку (табл. 61: 6, 7; 81: 3, 6; 88: 1, 2). Все эти черты свидетельствуют о новых приемах профилирования верхней трети сосудов с помощью гончарного круга. Такого рода приемы хорошо известны на примере посуды Новгорода (см. ниже в следующем разделе: группа II подгруппа 2, табл. 113 и табл. Б), которая составляет основу керамической коллекции этого памятника. Появившись в самом конце X в., она уже составляла значительную долю в керамике 18-го пласта Троицкого X раскопа (15,05%). А к середине XI в. она заняла господствующее положение (75% в 17-м пласте). Спорадически фрагменты таких сосудов встречены в культурном слое других раскопов Городища (табл. 98: 7; 104: 8).

В комплект с вышеописанной формой мы можем включить некоторые формы керамики, вполне сопоставимые еще с одной группой новгородской посуды – группа II подгруппа 1. Они также малочисленны, как и рассмотренная нами поздняя группа варианта I-Г. Встречены они в культурном слое «стратиграфических» раскопов не ранее второго пласта (табл. 81: 4; 82: 1; 87: 5)¹⁴.

Существует единственный закрытый комплекс, связанный с заключительным этапом жизни на Городище в докняжеский период. Это яма №9 (табл. 95), которая помимо вышеописанных двух форм (табл. 95: 2, 5, 8, 9, 14) содержит керамику вариантов: I-B (табл. 95: 1, 10, 12), I-B (табл. 95: 11), III-Г (табл. 95: 13), – сочетание форм, характерное для первого пласта «стратиграфического» раскопа (табл. 76). Но кроме этого в ней были найдены два фрагмента горшков с вертикальным венчиком и валикообразной орнаментацией (табл. 95: 3, 6), аналогичной группе III Новгорода, получившей распространение с 17-го пласта Троицкого X раскопа (не ранее начала XI в.). Данная форма – своеобразный хронологиче-

¹³ По-видимому, фрагментарность большинства вышеуказанных типов и переотложенность некоторых из них определялась стратиграфическими нарушениями, которым подвергалась самая верхняя часть культурных отложений, связанных с финалом ранней истории Рюрикова городища.

¹⁴ Данная форма посуды ошибочно может быть принята за вариант I-B с укороченным венчиком и выраженным плечом, но край венчика на таких горшках, в отличие от варианта I-B, не имеет прямого среза или огранки, а скруглен ножом при профилировании на гончарном круге.

ский индикатор первой половины XI в. (см. ниже в следующем разделе).

Учитывая вышеизложенный материал, следует, видимо, признать, что песчаная засыпь над слоями X в. в районе «стратиграфических» раскопов 1977–1979 гг. и 1997–2000 гг. появилась после начала XI в., когда отдельные фрагменты посуды первой половины XI в. уже попали в культурный слой. Но при этом не следует забывать, что все формы, представленные в яме № 9, были не характерны для раннегончарного комплекса Городища, они весьма малочисленны и представлены единственным объектом за всю историю исследования этого памятника. Ввиду этого необходимо констатировать, что завершение третьего этапа развития раннегончарного комплекса на Рюриковом городище с той или иной степенью вероятности можно связывать с самым концом X в.

РАННЕГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА НОВГОРОДА

В данном разделе представлены итоги анализа керамического материала, собранного в нижней части культурных отложений (15-й–21-й пласты, 26-й–31-й ярус построек) Троицкого X раскопа. Необходимость такого исследования продиктована потребностью в выявлении общих этапов развития раннегончарных форм керамики Новгорода и Рюрикова городища и в последующей синхронизации полученных стратифицированных типологических схем этих двух центров.

В археологической литературе уже опубликованы типологические разработки новгородской керамики по Неревскому (Смирнова 1956: 228–248; 1974: 17–22; 1978: 165–176), Троицкому VIII (Гайдуков, Малыгин, 1990: 64–66) и Троицкому XI раскопам (Малыгин, Гайдуков, Степанов 2001: 82–97). При обработке материалов Троицкого X раскопа результаты этих работ были приняты во внимание.

Учет процентного распределения отдельных групп сосудов, особых форм по фиксированным в поле искусственным пластам культурного слоя, а затем перевод полученных данных в систему ярусов на материалах Троицкого X раскопа весьма затруднен, так как на его месте наклон материка к востоку составил 62–80 см, с юга на север – 15–30 см. Ясно, что пластография в этом раскопе не отражает естественной стратиграфии: пласты по уровню не всегда соответствуют ярусам и чем ближе к матерiku, тем больше расхождений между двумя системами. Так, например, в 17-м пласте располагались часть конструкций 27-го и 29-го, почти всего 28-го яруса. Та же ситуация и с 18-м пластом. В нем предполагаются конструкции 28-го–30-го ярусов. Паде-

ние древнего рельефа внутри пластов составляло от 15–20 см (на уровне 25-го яруса) до 30–40 см (на уровне 28-го яруса). Из-за того, что учет керамических материалов в поле велся только по пластам, а не по квадратам, и к тому же без привязки к конкретным постройкам, при анализе керамического материала Троицкого X раскопа пришлось ограничиться только данными пластографии.

При переводе полученных в системе пластографии данных в систему строительных ярусов становится ясно, что хронологические рамки пластов более протяженны, чем если бы древняя дневная поверхность больше соответствовала уровню искусственных пластов. В реальности временные отрезки разных пластов в какой-то своей части дублируют друг друга. На данном раскопе в нижних пластах наблюдается определенная компактность в наборе порубочных дат. Поэтому при определении начала процесса отложения культурных остатков того или иного пласта приходилось ориентироваться на самые древние дендродаты. Так, например, пласт 20-й с его порубочными датами 954, 957 гг. стал формироваться после конца пятидесятих годов X в., а условная верхняя его граница прошла в середине шестидесятих годов X в., так как культурные остатки следующего пласта с его порубочными датами 959, 960, 962, 964 гг. начали отлагаться не ранее этого времени.

Дендродаты получены не для всей совокупности пластов, отсутствует дендрохронология для 15-го–17-го пластов. 24-й ярус Ярышевой улицы, расположенный в 14-м пласте, имеет несколько порубочных дат 1018 г. и одну 1068 г. Хронологические реперы, которыми мы располагаем в вещевой коллекции, следующие: в 14-м пласте (ярус 25) найден клад монет (сруб 124), самые младшие монеты которого датируются второй половиной правления Генриха III – 1039–1042 гг. (Janin, Gajdukow 1998: 345–347), в пласте 15-м (ярус 26/27) найдена печать Ярослава Мудрого, датированная не ранее 1019 г. XI в. (Янин 1998: 209).

Типология

Весь керамический материал (свыше четырех тысяч фрагментов) по технологическим признакам в соответствии с методикой А. А. Бобринского делится на следующие группы: сосуды, занимающие промежуточное положение между РФК–2 и РФК–3; группа керамики, связанная с РФК–3, и, наконец, горшки, обработанные на уровне РФК–4. Тесто раннегончарной посуды, за редким исключением, рыхловато и содержит значительную примесь дресвы.

На основе небольшой по объему и, в какой-то мере, случайной выборки удалось выявить признаки, свидетельствующие о применении новгородскими гончарами двух программ конструирования начинов. Однозначно преобладают монолитные данные начи-

ны, когда из комка глины на твердой основе выдавливается лепешка, служившая дном, а потом на ее основе лепятся стенки (табл. 121: 1–3, 6–8; ср. Бобринский 1978: 131, 132. Рис. 43). И вторая программа связана с моноклитным емкостным началом, когда дно (лепешка) и нижняя часть стенок сосуда изготавливались отдельно и потом соединялись с помощью внутреннего жгута (табл. 121: 4 (?), 5 (?), 9; ср. Бобринский 1978: 131, 134, 135. Рис. 45)¹⁵.

Керамический материал предматериковых отложений Троицкого X раскопа был нами разделен предварительно на группы по особенностям профилировки верхней трети сосуда, без особого учета изменений общих пропорций посуды, так как реконструкция нижней части сосуда не всегда возможна из-за фрагментированности материала. При этом мы руководствовались тем, что временным изменениям у древнерусской посуды подвергается, прежде всего, профилировка венчика, шейки и плеча. Не исключаем, что при дальнейшей работе эта система станет более строгой с точки зрения общих требований, предъявляемых к типологическим построениям.

I группа объединяет сосуды s-овидной профилировки с архаичными признаками, обусловленными тем, что профилировка венчика почти не связана с обработкой на круге. Венчик плавно отогнут наружу. С внутренней стороны на шейке, как правило, имеется утолщение – след соединения краев лент. Край венчика имеет прямой срез ножом.

Подгруппа первая отличается сравнительно длинным венчиком, плавным профилированием шейки и плеча. Степень выпуклости плеча несколько варьирует от почти невыделенного до хорошо выраженного (табл. 111: 2, 3, 8).

Подгруппа вторая – с более укороченным венчиком. При сохранившейся плавности в общей профилировке сосуда венчик бывает более отогнутым наружу, но сохраняет архаическое утолщение изнутри на шейке и прямой срез по краю. Иногда на срезе появляется оттяжка вниз (табл. 111: 4, 5).

Подгруппа третья имеет венчик с несколькими срезами ножом по краю, в результате чего он приобретает ограненную форму (табл. 111: 6, 7).

Подгруппа четыре отличается формой шейки. При обработке на круге шейка сосуда формируется широким желобчатым выемом. Край венчика при этом сохраняет архаичный признак – прямой срез ножом, сделанный под косым углом (табл. 111: 1).

Сосуды **I группы** орнаментированы либо волнистыми, либо линейным орнаментом, нанесенным гребенкой. Иногда линейный орнамент наносился довольно небрежно, палочкой.

II группе принадлежат сосуды также s-овидной профилировки, но у этих сосудов венчик, а чаще всего и вся верхняя треть, профилированы за счет обработки на гончарном круге. Такая обработка как раз и обуславливает особенности профилировки венчика. Он у этой группы сосудов сравнительно короток и, за редкими исключениями, которые можно наблюдать на экземплярах, занимающих промежуточное положение между I и II группами (табл. 112: 3, 8), резко отогнут наружу, утончен. Внутренняя часть плеча большей части сосудов сформована с помощью бочарки (табл. 113: 1, 3). Эта группа распадается на две большие подгруппы. **Первая подгруппа** содержит сосуды, венчики у которых имеют закругленный различными способами край (табл. 112). **Вторая подгруппа** – сосуды с венчиками, имеющими в разной степени выраженные оттяжки вверх и желобок или округлую впадину на внутренней стороне его края (табл. 113). На посуду этой группы нанесен линейный или линейно-волнистый орнамент палочкой или гребенкой. Есть особые комбинации этого вида орнаментации (например: табл. 112: 8).

III группа представлена горшками с коническим туловом, выпуклыми плечами и цилиндрическим горлом с вертикально поставленным венчиком, который часто имеет оттяжки и желобки по срезу, направленному косо внутрь (табл. 114). Отдельные экземпляры сохраняют архаичную черту – прямой срез верхнего края венчика (табл. 114: 1). Орнамент этой группы составлен из псевдоваликов, многорядных линий и волн, различного рода наколов. Все мотивы нанесены гребенчатым штампом, изредка – палочкой. Иногда орнамент отличается особой пышностью (табл. 114: 7), а на внутренней стороне венчика появляется многорядная волна (табл. 114: 6, 7).

Выделенные выше три группы сосудов в типологическом плане ничего особенного не представляют. Такие формы присутствуют во всех до настоящего времени известных публикациях, посвященных типологии новгородской посуды. Широкое распространение подобной профилировки венчиков на северо-западе Древней Руси подчеркивалось в литературе неоднократно и только. Ниже у нас пойдет речь об особых группах новгородской посуды, своим происхождением либо напрямую, либо опосредованно связанных с западнославянским миром.

В материалах предматериковой части культурных отложений Новгорода можно выделить достаточно значительное число керамики с западнославянскими чертами. В свое время Г. П. Смирнова посвятила западнославянским формам новгородской керамики специальную статью. Ею были выделены три группы

¹⁵ Мы ограничились краткой характеристикой технологии изготовления новгородской раннегончарной керамики, т. к. эта тема заслуживает отдельного исследования с применением ряда специальных анализов и методик.

сосудов, аналогии которым она приводила из Волина, Щецина, Гданьска, а также из Германии и Швеции. Атрибутировала она их в качестве позднего Фрезендорфа и Тетерова (Смирнова 1974: 17–22).

На наш взгляд, из всех трех групп, проанализированных Г. П. Смирновой, лишь вариант I первой группы в какой-то мере соответствует приведенным аналогиям, т. е. мы можем связывать его с фрезендорфской группой западнославянской керамики¹⁶. Задачи атрибутирования сложны еще из-за того, что не всегда можно быть категоричным в определении границ того или иного типа, а картина взаимодействия древних локальных групп западнославянской керамики в Германии и Польше представляется намного более усложненной, чем это считалось раньше. Установлено взаимодействие менкендорфской посуды с торновской, дискутируются возможности влияния Фрезендорфа на Менкендорф. Не исключено, что фельдбергский тип также принял участие в изменении профилей ранних менкендорфских сосудов, отсюда появление среди них округлобочных горшков с вздутиями в верхней трети.

Особенно данное явление характерно для территории польского Поморья, памятники которого чаще всего дают наиболее полные соответствия керамическому материалу Новгорода, причем соответствия комплексного. Первостепенное значение в этом отношении имеют материалы Волина. Подавляющую часть керамики Волина польские исследователи относят к фрезендорфскому типу, который в польской литературе обозначен волинским типом. Значительный процент керамических материалов Волина принадлежит также и менкендорфскому и другим типам, соответствующим терминологической системе, принятой в немецкой литературе. Наряду с этими группами сосудов часть керамики Волина, на наш взгляд, имеет синкретический набор признаков, что говорит о незаконченном процессе выработки новых форм (например: Snotliwy и др. 1986: 92. Рис. 8: 5; 110. Рис. 33: 3, 8). Подобное явление можно наблюдать и на ряде сосудов Новгорода. Здесь мы в гораздо большем числе случаев имеем дело с формами, которые возникли в местной среде под опосредованным влиянием западнославянских гибридных форм, подобных отмеченным выше в коллекции Волина. Такова IV группа посуды, выделенная нами в коллекции Троицкого X раскопа.

IV группа состоит из приземистых ширококрытых непрофилированных или слабопрофилированных горшков с вертикальным венчиком (табл. 115). Венчик часто отделен от тулова одним валиком. Край венчика имеет архаичную форму, с прямым срезом.

Г. П. Смирнова выделила в материалах Неревского раскопа восемь вариантов сосудов, подобных экземпляру на табл. 115: 3–8, и вполне справедливо считала их исходной формой для горшков с вертикальным горлом из нашей группы III (Смирнова 1974: 21. Рис. 6). Но сама исходная форма, на наш взгляд, возникла под влиянием не чисто фрезендорфских типов, истоки ее скорее связаны с теми формами Менкендорфа, которые еще в начале своего существования (в IX в.) подверглись воздействию фельдбергского или позднее – фрезендорфского типов и поэтому приобрели более раздутую верхнюю часть, валик и накольчатый орнамент (Łosiński, Rogosz 1986: 32. Рис. 4: VI; Snotliwy и др. 1986: 104. Рис. 25: 6). Уже в восточнославянской среде на новгородской почве они трансформировались в сосуды с вертикальным венчиком IV группы. Этапы этой трансформации прослеживаются на примере сосудов, представленных на табл. 115. В дальнейшем своем развитии они дают типичнейшую новгородскую форму сосудов с коническим туловом, выпуклым плечом, цилиндрическим горлом и валиковой орнаментацией группы III. Отдельные экземпляры как из IV группы, так и из III при достаточно большом числе можно было бы выделить в промежуточную подгруппу (ср. табл. 114: 1 и табл. 115: 3). Это тот редкий случай, когда, получив импульс с запада, керамическая форма продолжает активно развиваться на новгородской почве.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на происхождение еще одной формы новгородской посуды, объединенной нами в группу V.

V группа представлена по сути одним из нетипичных видов эсовидных сосудов, отличающихся псевдоваликовой орнаментацией и обилием различного рода наколов в сочетании с обычной линейно-волнистой орнаментацией (табл. 116). В этой группе можно выделить подгруппу с упрощенной эсовидной профилировкой (первая) (табл. 116: 1, 5) и с усложненной (вторая), в которой венчики имеют оттяжки и желобки, а изнутри на шейке сосудов присутствует уступ, либо плечо приобретает резкую, угловатую профилировку (табл. 116: 2–4, 6).

Не будет слишком большой натяжкой наше предположение, что исходной формой для них послужил гросс-раденский тип, присутствовавший во второй половине X в. на Рюриковом городище. Конечно, в коллекции Новгорода отсутствуют промежуточные формы между сосудом из Рюрикова городища и новгородскими экземплярами. Но такое связующее звено мы можем наблюдать в материалах псковского могильника (табл. 140: 4). И эта контаминация будет тем более правомерной, что в Пскове, в свою

¹⁶ Наше замечание не касается тех форм, которые Г. П. Смирновой сопоставляются с группой Тетеров. Их скорее следует интерпретировать как результат опосредованного влияния или вторичного заимствования.

очередь, существует набор подобной «многоваликовой» посуды, в какой-то мере повторяющей профилировку новгородских сосудов, например таких, как на табл. 116: 2, 3 (ср. Белецкий 1983: 59. Рис. 12, 13, 17; 1996: 66. Рис. 54: 1, 2)¹⁷.

Некоторые формы из второй подгруппы (табл. 116: 4, 6) можно сопоставить с отдельными экземплярами вольдегкской группы (Schuldt 1956: Abb. 28 a-d; 29 d) и группы Тетеров (Schuldt 1956: Abb. 57 b, e) северо-германского региона. Данное наблюдение позволяет говорить о некотором параллелизме в эволюционных процессах, происходивших в среде гончарного производства Северной Руси и западнославянских центров. Тем более, что родство групп Вольдегк и Тетеров несомненно (Schuldt 1956: 24). Степень воздействия Гросс Радена на группу Вольдегк еще предстоит выяснить, но то, что формирование последней не обошлось без участия гроссраденских традиций, это уже ясно и на данном этапе изучения особенностей формирования западнославянского керамического комплекса XI–XII вв.

Только что рассмотренные последние два примера (группы IV и V) с самобытной трансформацией инновационных элементов культуры единственные имели более или менее длительную историю существования в Новгородской земле. Все остальные западнославянские явления, которые мы рассмотрим ниже, хотя и вызывали какую-то ответную реакцию в среде местных гончарных форм в виде создания гибридов или подражаний им, дальнейшего самостоятельного развития не получили.

VI группа объединяет редкие, но типичные чисто западнославянские формы, подражания им и гибриды, возникшие на их основе (табл. 117–120). Здесь прежде всего следует вспомнить сосуды первого варианта первой группы Г. П. Смирновой, которые, как уже отмечалось выше, на наш взгляд, верно атрибутированы ею в качестве фрезендорфской посуды. На табл. 117 типично *фрезендорфская* керамика представлена экземплярами из предматериковых пластов Троицкого VII и Неревского раскопов.

Они имеют классическую форму: шарообразно вздутую верхнюю часть, невыделенный венчик, имеющий косо срезанный внутрь край и легкую оттяжку с внешнего края, немного ниже венчика помещен псевдовалик, украшенный наколами или оттисками гребенки. Аналогии этим экземплярам широко представлены в материалах северо-восточной Германии (Schuldt 1956: Abb. 38e; 40 e) и северной Польши (Cnotliwy и др. 1983: 32. Рис. 22: 8; Cnotliwy и др.

1986: 99. Рис. 17: 2; 18: 2). В материалах Троицкого X раскопа есть единственный фрагмент типичного Фрезендорфа несколько иной модификации, чем у Г. П. Смирновой. Он принадлежит горшку, который, в отличие от вышеописанных, имеет округлый излом в верхней трети и несколько псевдоваликов на плече, один из которых украшен гребенчатыми наколами (табл. 119: 1). Целый экземпляр подобного сосуда происходит из кургана № 1 могильника Боково (табл. 119: 2), он позволил сделать более или менее верную реконструкцию сильно фрагментированного сосуда Новгорода. В таблицу с фрезендорфскими сосудами помещен широкооткрытый горшок, в отличие от типичного Фрезендорфа не имеющий на венчике косо срезанного внутреннего среза и внешней краевой оттяжки (табл. 117: 4). Данная форма занимает промежуточное положение между Фрезендорфом и некоторыми экземплярами IV группы (ср. табл. 115: 5). Наличие таких пограничных форм очень характерно для северной Польши (Cnotliwy и др. 1986: гус. 4: 4; 8: 3).

В материалах Новгорода известна керамика типично *менкендорфской* профилировки (табл. 118: 2, 3). И если один из этих сосудов, найденный на Троицком VI раскопе, имеет не совсем типичную орнаментацию (линейно-волнистый орнамент нанесен палочкой), то другой (раскоп Троицкий X) – украшен типично менкендорфскими приемами: щепкой нанесен городчатый орнамент, составленный из крестнакрест пересекающихся линий (аналоги см.: Cnotliwy и др. 1986: 93. Рис. 9: 6; Losiński, Rogosz 1986: 33. Рис. 4: XXVII, XXX). Возможно, этот экземпляр вообще является импортным, так как в тесте его довольно много крупнозернистого песка – отощитель, малохарактерный для новгородской керамики.

Кроме этих весьма немногочисленных, но вполне определенно атрибутируемых в качестве западнославянских (возможно, привозных) экземпляров, на Троицком X раскопе мы имеем дело с *гибридными формами*. *Первая гибридная подгруппа* возникла явно не без влияния фрезендорфского типа и в незначительной степени – менкендорфского¹⁸. Это сосуды со слегка прогнутой верхней третью, несущей следы округлого излома, подобные представленным на табл. 119: 3–6. Композиция орнаментальных мотивов с включением оттисков штампа напоминает валиковую орнаментацию сосуда из кург. № 1 могильника Боково (табл. 119: 2), но венчик, в отличие от последнего, принимает вертикальное положение, сосуд становится более раскрытым. Некоторые экземпляры очень хорошо заглажены, до легкой залощенности. Возмож-

¹⁷ См. в разделе по псковской керамике.

¹⁸ Прототипами для данной группы могла послужить серия сосудов из коллекции Щецина и Волина. Типологические черты этой посуды имеют синкретический, менкендорфско-фрезендорфский характер (Cnotliwy и др. 1986: гус. 34: 5; Cnotliwy и др. 1983: гус. 22: 5; 79: 2; 81: 6; 83: 1).

но, близки таким сосудам и некоторые фрагменты, встречающиеся в предматериковой части культурного слоя Новгорода, но они, как правило, очень редко поддаются вразумительной реконструкции (табл. 118: 4), гораздо более определенно этот тип выступает в раннегончарных комплексах Рюрикова городища на третьем этапе его развития (табл. 63: 5). Присутствуют такие сосуды и в Городке на Ловати (Gorjunova 2001: 342. Abb. 14: 4). Целые горшки подобной гибридной формы (табл. 118: 1; 119: 3) происходят из могильников Боково (кург. 20, погр. 1) и Деревяницы (тризна). Отдельные экземпляры данной подгруппы (табл. 119: 6) доказывают определенную близость некоторым сосудам группы IV (табл. 115: 4), отличаясь от последних большей профилированностью и наличием излома в верхней трети.

Вторую гибридную подгруппу составляют мисковидные сосуды (табл. 120), широко раскрытые, с вертикальной, изредка слегка наклоненной внутрь верхней частью и округлым изломом на месте перехода в тулово. Они имеют горизонтальный или слегка скошенный наружу срез венчика. Верхняя треть, а иногда и все тулово покрыто группами линий, часто переходящих в глубокие канелюры (табл. 120: 1, 4), создающими псевдоваликовую орнаментацию. Фрагменты подобных сосудов присутствуют в коллекции Рюрикова городища (подвариант III-B-1). Аналогичные формы также известны в материалах польского Поморья (Białecka 1961: tabl. II: 2; XXII: 2, 7; Snotliwy и др. 1986: 93. Рис. 9, 11), об этом уже говорилось в разделе по керамике Рюрикова городища.

И в заключение раздела, посвященного типологии керамических форм, считаю необходимым остановиться на статье П. Д. Малыгина, П. Г. Гайдукова и А. М. Степанова, в которой опубликованы типология и хронология керамики X–XV вв. Троицкого XI раскопа (Малыгин и колл. 2001: 82–97). Для решения задач данной работы, в плане возможностей сопоставления, интересны, в первую очередь, выводы моих коллег по типологии материала, связанного с отложениями 17–21 пласта. На первый взгляд их типологическая номенклатура мало чем отличается от разработанной мною для Троицкого X раскопа. Есть группа горшков с s-овидной профилировкой, тип с вертикальным горлом. Первым четырем типам они дают однозначно западнославянское определение: типу I – Фрезендорф–Тетеров, типу II – Гросс Раден, тип III считают морфологически равным приведенным аналогиям с острова Рюген (тип Фрезендорф),

а орнаментация типа определена ими менкендорфской; внутри типа IV выделяют подтип Менкендорф и подтип Фельдберг. И хотя авторы при этом чаще всего ссылаются на мои статьи, я позволю себе с их атрибуцией не согласиться. Причины моего отрицательного отношения к данной интерпретации наглядно представлены на табл. 125, 126, где мною сопоставлены некоторые типы с теми аналогиями, которые коллектив авторов и приводит в доказательство своих утверждений (в тех случаях, когда они это делают, а не просто декларируют западнославянское происхождение выделенного типа).

Все приведенные аналогии не имеют ничего общего с керамическими формами Троицкого XI раскопа, за исключением может быть *только типа I*. Для некоторой части сосудов с *укороченным и утолщенным* вертикальным венчиком, быть может, и есть аналогии в группе Тетеров. В свое время Г. П. Смирнова находила таковые для отдельных венчиков с вертикальным горлом и валиковой орнаментацией¹⁹. Основная же часть сосудов типа I (с вертикальным горлом, украшенная орнаментацией с включениями псевдоваликов) – характернейший элемент керамических комплексов многих древнерусских памятников, временной индикатор рубежа X/XI и первой половины XI вв. (см. Белецкий 1978: 58, 61; 1996: 58, 60, 61, 63), которые ни типом Тетеров, а уж тем более – типом Фрезендорф назвать никак нельзя (ср. табл. 125: 1, 2 и табл. 125: 8, 9).

Из представленной в данной работе типологии ясно, что я не отрицаю присутствие посуды фрезендорфского типа в новгородских материалах. Она есть и на Троицком X раскопе и на Неревском (см. выше – группа VI). Но это не массовый материал, как пытаются представить авторы типологии керамической коллекции Троицкого XI раскопа, а единичные фрагменты редких сосудов, которые один к одному повторяют всего лишь некоторые варианты второго ряда типа Фрезендорф, по Э. Шульдту. В материалах Троицкого XI раскопа вообще нет фрезендорфской керамики. Другое дело, что, по-видимому, среди группы сосудов с вертикальным венчиком они поместили и те экземпляры горшков, которые я выделила в особую группу IV (ср. 125: 1 и 7). Эта группа возникла в Новгороде под влиянием привозных фрезендорфско-менкендорфских гибридов и представляла собой исходную форму для классического горшка с вертикальным горлом (группа III по предложенной нами классификации).

¹⁹ Не только в группе Тетеров, но также и в группе Вардер и даже Вайсдин можно это сделать. В определении этих групп у разных авторов наблюдаются разночтения. Ср., например, Schuldt 1982: 41, 42 и Gabriel, Kempke 1991: 139–140. Abb. 22: 1, 2, 5, 6; 23. Главное же, обращаясь к этим группам западнославянской керамики, надо помнить, что все эти типологические группы в немецкой археологии датируются XI–XII вв. Кроме того, новгородская посуда данного облика представляет собой все же лишь «реминисценции на заданную тему», потому что, как было нами отмечено выше, это – продукт местного развития под влиянием Фрезендорфа и фрезендорфско-менкендорфских гибридов.

Что касается *типа Гросс Раден*, то в Новгороде он отсутствует. Те формы гросс-раденской посуды, которые были выделены и атрибутированы мною в материалах Рюрикова городища и рисунки которых авторы приводят в качестве доказательства присутствия этого типа в материалах Троицкого XI раскопа (Малыгин, Гайдуков 2001: 162. Табл. 3), как я уже писала, *возможно*, могли послужить катализатором возникновения типа II (по Малыгин и колл. 2001: 90. Рис. 5), или типа V (по Малыгин, Гайдуков 2001: 162. Табл. 3; 164. Табл. 6–8; 166), или группы V (по моей терминологии) в новгородских материалах. И типологически (в отличие от реберчатой гросс-раденской посуды, это s-овидные горшки), и хронологически новгородские s-овидные сосуды с псевдоваляковой орнаментацией (группа V) – новое явление. Авторы игнорируют не только морфологические особенности привлекаемых аналогий (ср. табл. 124: 1–3 и табл. 68), но совсем не обращают внимания на хронологические рамки западнославянских типологических групп. В их хронологической таблице тип II, который они интерпретируют в качестве гросс-раденского, широко представлен в 18-м пласте с дендродатами 970–1030 гг. (Малыгин и колл. 2001: 86. Табл. 2; 87. Табл. 3).

Но гросс-раденский тип не может быть датирован позже X в., в Ольденбурге лишь отдельные его фрагменты попадают в слой первого десятилетия XI в. (Schuldt 1981: 40; Gabriel, Kempke 1991: 137), но зато s-овидные многоваликовые горшки (типов Вайсдин, Вольдегк–Варден, Тетеров) широко распространяются с первых десятилетий XI в. Не исключено, что при более тщательном анализе сосудов, составляющих V группу (II тип, по Малыгину и колл.), и появлении новых материалов в дальнейшем можно будет выделить ранние формы, которые будут служить переходным звеном между собственно гросс-раденским типом и s-овидной многоваликовой посудой Новгорода²⁰.

Еще больше возражений вызывает обозначение *первой подгруппы IV типа* в качестве *менкендорфского* типа (табл. 126: 1) и *второй – фельдбергского* типа (табл. 126: 2, 3). Данная интерпретация носит характер голей декларации. На наш взгляд, сосуды, объявленные менкендорфскими, принадлежат к одному из вариантов обычной серии посуды с s-овидной профилировкой и набором некоторых архаичных черт: плавная профилировка тулова без выделения плеча, утолщение на шейке, прямой или косой срез

края венчика. И, вопреки утверждениям авторов, на этой посуде нет так называемой путаной волны, когда полосы волнистого орнамента перекрывают друг друга, прерываясь и переплетаясь (ср. с табл. 59). Такая посуда известна в материалах целого ряда древнерусских памятников, и нет никаких оснований считать ее ни поморским импортом, ни генетически связанной с Менкендорфом (табл. 126: 1; ср. с керамикой Рюрикова городища, табл. 126: 5, 6). Да, конечно, в типологической схеме Э. Шульдта 1981 г. в рамках Менкендорфа присутствуют эсовидные горшки (форма 3), но, во-первых, эти формы технологически не соответствуют новгородской керамике, последняя на ступень выше. Во-вторых, морфологического соответствия также нет: у Э. Шульдта наибольшее расширение тулова хотя и совпадает с верхней третью сосуда, но оформлено оно чаще изломом, если не ребром (табл. 126: 4, 9–11; Schuldt 1981: 17, 19. Abb. 5). Возможно, авторы пришли к выводу о принадлежности данной формы к Менкендорфу, ориентируясь на схемы В. Лосиньского и Р. Рогошча, которые несколько иные, чем у Э. Шульдта. Они в рамках Менкендорфа также выделяют типы с s-овидной профилировкой, часть которых по технологическому уровню соответствует новгородской посуде (табл. 126: 8). Но и здесь мы не имеем морфологического совпадения (Łosiński, Rogosz 1986: 32. Рис. 4: IX, XIV–XVI)²¹. В качестве исключения только единственный фрагмент из коллекции 21-го пласта Троицкого XI раскопа можно сопоставить с одной из разновидностей Менкендорфа, которая имеет s-овидную профилировку и сглаженное ребро в верхней трети сосуда. Данная форма аналогична типу II–Г Рюрикова городища (ср. табл. 122: 5 и 80: 2, 3).

Что касается *Фельдберга*, то эта наиболее редкая разновидность западнославянской керамики, которая может встречаться на наших памятниках не позже первой половины X в.²² Она имеет четкие типологические черты: укороченный отогнутый наружу венчик, округлобкое иногда до шаровидности тулово. На предложенных нам экземплярах такие черты не просматриваются (ср. табл. 126: 2, 3 и 7). Венчик у них довольно длинный и плавно отогнут, тулово имеет угловатый почти ребристый излом. Вид у посуды достаточно архаичный. Бузуловно, налет западнославянского влияния присутствует. Пропорции, профилировка, применение оттисков гребенки, реберчатость – все эти черты характерны для менкендорфского типа (ср. табл. 126: 2, 3 и табл. 126: 4, 9,

²⁰ На Троицком X раскопе группа V появляется в самом конце X в. (в пласте с порубочными датами 993 г.), максимума достигает в пластах 17-м и 16-м первой четверти XI в. См. об этом ниже в разделе: «Синхронизация раннегончарных форм Рюрикова городища и Новгорода».

²¹ Предполагать, какую разновидность Менкендорфа имели в виду авторы, сложно, так как они не приводят аналогий, и никаких отсылок на первоисточники в их статье нет за исключением одного случая (см. ниже).

10, Schuldt 1956: Abb. 8 i, k; 1981: Taf. 61h). П. Д. Малыгин и колл. не утруждают себя приведением аналогий. Единственная отсылка к монографии С. Братера без указания страниц и рисунков бессмысленна, да к тому же в его работе на таблицах присутствуют рисунки не только фельдбергских форм.

Столь же неясно обстоят дела с *типом III* (табл. 123; 125: 3–5). Эта новая форма раннегончарной посуды, ранее мало известная в новгородской коллекции, является уникальной. Приведенные коллективом авторов параллели с посудой о-ва Рюген, а следовательно, и утверждение фрезендорфской морфологии, мне кажутся надуманными (ср. табл. 125: 2, 3 и табл. 125: 10, 11). Большая часть посуды, выделенная в этот тип, была подвергнута незначительной правке на гончарном круге (Малыгин и колл. 2001: 90. Рис. 6: 1, 2), на некоторых экземплярах ее с трудом можно обнаружить, в отличие от посуды с о-ва Рюген и аналогичной ей. Венчик поэтому не имеет прямого среза ножом, а орнаментация нанесена явно без помощи гончарного круга, что, возможно, и привело к возникновению треугольников и поперечных линий, а посему менкендорфская традиция в орнаменте вполне возможна. В этом я согласна с Г. П. Малыгиным и колл. В фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника в материалах Неревского и неопубликованной коллекции Троицкого VII раскопов есть точно такие же фрагменты (табл. 123: 5, 4, 6; Смирнова 1976: 7. Рис. 4: 1; 1978: 166. Рис. 1: 1). Данные керамические формы нестандартны, они производят впечатление подражания посуде технологически более совершенной. По своей технике изготовления они равны посуде первой группы Рюрикова городища.

Отвергая предложенный коллективом авторов вариант сопоставления с Фрезендорфом острова Рюген, я считаю, что для рассматриваемой группы керамики исходными формами послужили скорее менкендорфские сосуды ряда 3 и некоторые ряда 2 или формы 3 по Э. Шульдту. Некоторые из них достаточно близки новгородским сосудам (ср. табл. 125: 5 и 125: 6, Schuldt 1956: Abb. 8d, а также табл. 123: 1 и Schuldt 1956: Abb. 7e; Schuldt 1981: Taf. 26f, 47l, а также табл. 125: 3 и 125: 13. Schuldt 1981: Taf. 36c; табл. 125: 4 и табл. 125: 12, Schuldt 1981: Taf. 26k). Но западнославянские экземпляры имеют менее отогнутый венчик (за исключением табл. 125: 6) и, главное, более пологое, «вытянутое» плечо, что меняет пропорции верхней трети сосуда: диаметр венчика у приведенных аналогов заметно меньше диаметра плеча, а у местных горшков венчик либо равен, либо

превышает диаметр плеча. Новгородская посуда в данном случае не является их точной копией, она, безусловно, продукт местного производства, повторяющий с определенной долей искажения менкендорфские образцы.

Что касается других вариантов, выделенных П. Д. Малыгиным и коллективом в типе III (Малыгин и колл. 2001: 90. Рис. 6: 3, 4), то эти сосуды не следовало бы объединять с рассмотренными выше формами. Уровень техники их изготовления на порядок выше. Они, как правило, несут признаки обработки на гончарном круге не только на внешней поверхности, но и на внутренней. Кроме того, по профилировке и пропорциям они действительно напоминают фрезендорфский тип с острова Рюген, правда, при этом отмечались небольшими, зачастую миниатюрными, размерами. Фрагменты подобных горшков изредка встречаются в слоях второй половины XI – первой четверти XII вв. в Сигтуне (Швеция)²³. Мне также известны еще два горшочка такой же формы в коллекции погребальных древностей Готланда (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 282: 3a, 4a; Thunmark-Nulén 2000: 450–452).

Эти сосуды производят впечатление пережиточной формы, ведущей свое происхождение от одного варианта типа Фрезендорф, украшенного только линейным орнаментом, без псевдоваликов и штампов (Schuldt 1956: Abb. 41c). Но данные наблюдения требуют дополнительного изучения в процессе накопления новых материалов.

Дендрохронология и стратификация типов

Распределение всех выделенных нами групп (с I по VI) по пластам с количественными подсчетами на примере участка Г Троицкого раскопа представлено на таблице Б. Начиная с *предматерика и по 19-й пласт* включительно (порубочные даты 954, 957, 959, 960, 962, 964 гг.), в культурном слое Троицкого X раскопа наблюдается почти абсолютное преобладание эсвидной архаичной формы горшков *группы I*. Причем значительный перевес приходится на долю сторон подгруппы с укороченным венчиком (табл. 111: 4, 5). В *18-м пласте* (960, 988, 988, 993, 993, 993 гг.) *группа I* составляет уже чуть больше половины всех форм и затем, резко сокращаясь в объеме, в *15-м пласте* практически исчезает.

В публикациях, посвященных керамике древнейших слоев Неревского и Троицкого XI раскопов (Малыгин, Гайдуков 2001: 160; Малыгин и колл. 2001: 88–94. Табл. 3), авторы пытаются доказать, что основу керамической коллекции древнейших пластов

²² См. раздел по керамике Рюрикова городища.

²³ Фонды Исторического музея в Сигтуне (№ R: S7: 6/F 10063 и R: 113: 4/F: 6072). Устная консультация М. Рослунда (Лундский университет).

Новгорода составляют группы посуды западнославянского происхождения. Данное утверждение противоречит моим наблюдениям (см. табл. Б), а также выводам Г. П. Смирновой. О керамике Троицкого XI раскопа я могу судить по коллекции 21-го пласта, с которой я знакома не только по публикации. И у меня вызывает сомнение это утверждение, так как обычный s-овидной профилировки горшок занимает в этом пласте заметное место. Приведенная на табл. 122: 1–4, 6, 7 выборка таких сосудов находит себе аналогии не только в материалах Троицкого X раскопа (в группе I подгруппе 1, 2, 4), но и Рюрикова городища (в вариантах I-A, I-B). Другое дело, что П. Д. Малыгин и коллектив не сочли нужным выделить арха-

ичные s-овидные формы в отдельный тип и почему-то не отметили его наличие в древнейших пластах. А кроме того часть этих сосудов попытались объявить менкендорфскими, что, как было показано выше, не соответствует действительности.

В дополнение к вышесказанному следует привести пример условно закрытого комплекса керамики из пласта 21 (уч. Б, кв. 1295, мостовая Пробойной улицы – табл. 124). 21-й пласт имеет два набора усредненных дендротат: 930–950 гг. и 950–970 гг. (Гайдуков, Дубровин, Тарабардина 2001: 81; Малыгин и колл. 2001: 86). Какая из этих датировок относится к данному комплексу, по публикациям и полевым данным, имеющимся у меня, сказать трудно. Главное

Таблица Б. Новгород. Распределение раннегончарных форм в предматериковых пластах. Раскоп Троицкий X. Участок Г. Процентное соотношение дано по пластам

Порубочные даты Троицкого X раскопа:			957, 954	959, 960, 962, 964,	960, 988, 998, 993, 993, 993			Печать 20-е гг. XI в. *
№№ табл.	Пласт → Группа ↓	Предматериковый слой	пл. 20	пл. 19	пл. 18	пл. 17	пл. 16	пл. 15
Табл. 111: 2,3,8	<i>I группа:</i> Подгруппа 1	1	2	8	3	6	1	1
Табл. 111: 4,5	Подгруппа 2	–	–	21	35	12	–	1
Табл. 111: 6,7	Подгруппа 3	–	–	–	6	3	2	–
Табл. 111: 1	Подгруппа 4	–	–	5	6	7	2	–
	<i>Итого по группе I:</i>	1 100%	2 100%	34 72,34%	50 53,76%	28 16,09%	5 1,51%	2 1,09%
Табл. 112	<i>II группа:</i> Подгруппа 1	–	–	8 17,02%	16 17,21%	44 25,29%	98 29,61%	28 15,21%
Табл. 113	Подгруппа 2	–	–	1 (?) 2,13%	14 15,05%	65 37,35%	185 55,89%	138 75%
Табл. 114	<i>III группа</i>	–	–	–	–	16 9,19%	27 8,16%	14 7,61%
Табл. 115: 2	<i>IV группа</i>	–	–	4 8,51%	–	–	–	–
Табл. 116: 1, 5	<i>V группа:</i> Подгруппа 1	–	–	–	1 1,08%	3 1,72%	1 0,30%	–
Табл. 116: 2–4,6	Подгруппа 2	–	–	–	8 8,6%	17 9,78%	13 3,93%	2 1,09%
Табл. 119–120	<i>VI группа</i>	–	–	–	4 4,3%	1 0,58%	2 0,60%	–
<i>Итого:</i>		1 100%	2 100%	47 100%	93 100%	174 100%	331 100%	184 100%

* Для 14-го пласта по Ярышевой улице несколько порубочных дат 1018 г. и одна – 1068 г.; клад с младшими монетами Генриха III – 1039–1042 гг.

это один из самых нижних двух ярусов Пробойной улицы. Так вот, если учесть, что в таблицу помещена только половина экземпляров s-овидных сосудов, а остальные типы отображены в ней полностью, то принадлежность их доли не менее 50% очевидна.

В 19-м пласте (после 960 гг.) появляются первые фрагменты горшков более развитого эсовидного профиля: с резко отогнутым, укороченным венчиком с закругленным краем (*III группа, первая подгруппа* табл. 112). В этом пласте все фрагменты имеют еще переходный облик, сохраняющий архаическое утолщение на шейке внутри сосуда, которое в последующих пластах почти у всех сосудов утрачивается. В процентном отношении максимума сосуды *первой подгруппы II группы* достигают в 16-м пласте (29,61%). Эсовидные горшки с оттяжкой вверх и желобком по внутреннему краю венчика *второй подгруппы II группы* (табл. 113) распространяются только с 18-го пласта и выше, достигая максимума в 15-м пласте (75%). Причем, если в начале своего появления большая часть фрагментов имеет только намек на оттяжку и желобок, то ко времени максимума своего распространения оттяжка и желобок приобретают наибольшую выразительность у подавляющей части *второй подгруппы*. Она к тому же является и самой многочисленной в керамической коллекции Троицкого X раскопа.

IV группа архаичных сосудов с вертикальным венчиком, несущая на себе признаки явного западнославянского воздействия (табл. 115), характерна только для 19-го пласта (порубочные даты 959, 960, 962, 964 гг.), где составляет 8,51%. Горшки с вертикальным венчиком развитого типа: конусовидные, с цилиндрическим горлом, зачастую с обильной, многоваликовой с наколами орнаментацией (*группа III*, табл. 114), появляются только с 17-го пласта довольно компактной, обращающей на себя внимание группой (16%). Как уже отмечалось, *группа III* генетически связана с *группой IV*, поэтому вызывает некоторое недоумение полное отсутствие как тех, так и других сосудов в *пласте 18-м*. Но, на наш взгляд, некоторая противоречивость данного положения снимается, если обратить внимание на тот факт, что в 18-м пласте находится большая часть гибридных «западно-новгородских» форм (*группа VI*, табл. 119: 4, 5, 6; 120: 1). Возможно, они заполняют эту нишу? Может быть, какая-то часть этих форм тоже была причастна к выработке горшков с цилиндрическим горлом *группы III*? Особенно, если учесть наличие в этой группе форм типа табл. 119: 6. Дальнейшее накопление материала позволит нам в будущем выставить более безупречную цепочку генезиса керамики *группы III* из *группы IV*. Гибридные формы *группы VI* на участке Г продолжают изредка встречаться и выше (*пласты 17-й, 16-й – без порубочных дат*),

но это, как правило, бывает более специализированный разряд посуды – *миски* (табл. 120: 3).

Особо обстоит дела с *группой V*. Ее подгруппы и с более простой эсовидной профилировкой (первая), и с усложненной (вторая) появляются одновременно в 18-м пласте (*порубочные даты* 960, 988, 988, 993, 993, 993 гг.). Причем *вторая подгруппа*, более развитая, повторяющая и даже немного опережающая в своем усложнении профиля венчика и плеча основную группу II поздних эсовидных сосудов, однозначно преобладает над *первой подгруппой*, достигая максимума в 17-м пласте (первая – 1,72%, вторая – 9,78%). Обе подгруппы, *первая – к 16-му, вторая – к 15-му пластам* исчезают. Исчезая, они как бы передают свою «многоваликовость» в орнаментике, сочетающуюся с наколами и волнами, *группе III* с цилиндрическим горлом. В 16-м и 15-м пластах группа III начинает несколько сокращаться в своем объеме: в 16-м пласте на ее долю приходится 8,28%, а в 15-м пласте – 7,61%, но зато у нее становится разнообразнее орнаментация, наиболее пышно украшенные экземпляры встречаются именно в 15-м пласте.

Итак, рубеж трансформаций, перемен и кристаллизация нового облика керамического комплекса Троицкого X раскопа на примере участка Г падает на 18-й пласт. По сути, именно в этом пласте он приобретает «лицо», которое будет присуще ему весь развитый XI в.

Синхронизация раннегончарных форм Рюрикова городища и Новгорода (табл. 76, Б, 144)

Теперь, если обратиться к стратифицированной колонке раннегончарной посуды Рюрикова городища с ее серией дендродат и сравнить ее с полученными в этом разделе данными по Троицкому X раскопу, то можно констатировать следующее. Первая группа раннегончарной керамики с первичной правкой венчика на гончарном круге здесь не прослеживается, так как на Рюриковом городище фиксируется она где-то в промежутке с рубежа IX–X вв. до второго десятилетия X в., а после середины X в. она исчезает. Этот момент выходит за рамки хронологии Троицкого X раскопа и, следовательно, соответствий комплексу первого этапа развития раннегончарной керамики Рюрикова городища в материалах этого раскопа нет, как и нет форм, аналогичных типу III-A Рюрикова городища (ранний вариант западнославянской менкендорфской группы).

В *предматерике, на уровне 20-го (порубочные даты – 954, 957 гг.) и 19-го (порубочные даты – 959, 960, 962, 964 гг.) пластов* мы наблюдаем определенное число параллелей формам *второго этапа* развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища. Это в основном аналоги вариантов I-A (пл. 20)

и I-Б (пл. 19). На уровне 19-го пласта в Новгороде был найден менкендорфский сосуд с эсвидной профилировкой, который полностью повторяет некоторые формы варианта II-Г Рюрикова городища (ср. табл. 118: 2 и табл. 62: 5, 6). Подобия другим ребристым формам вариантов II-Б и II-В в предматериковых пластах Новгорода отсутствуют, но зато материалы 21-го пласта Троицкого XI раскопа (дендродаты 930–950 гг., 950–970 гг.) представляют нам ребристые мисковидные сосуды со следами явного воздействия Менкендорфа (табл. 124: 7; 126: 2, 3). Можно предполагать, что в будущем при появлении новых материалов не исключено пополнение группы общих форм сравниваемых памятников.

Наибольшая близость керамических формы Рюрикова городища и Новгорода, как по группам, так и по первым признакам усложнения профилировки венчика проявляется на *третьем этапе развития* комплекса Рюрикова городища (после 979 г. второй и первый пласты «стратиграфического раскопа» и в *18-м пласте* Троицкого X раскопа Новгорода (*порубочные даты: 960, 988, 988, 993, 993, 993, 993 гг.*)²⁴). Общими для Новгорода и Городища являются несколько вариантов горшков с эсвидной профилировкой. В Новгороде в этот период продолжают встречаться архаичные эсвидные горшки с плавным переходом от достаточно длинного отогнутого наружу венчика к плечу и туловищу (аналоги типа I-А Рюрикова городища), но они единичны (в табл. Б см. группа I, подгруппа 1). Гораздо большее число сосудов принадлежит формам, аналогичным варианту I-Б Рюрикова городища (на табл. Б см. группа I, подгруппы 2 и 3). Это хорошо профилированные эсвидные сосуды с округленным плечом, с укороченным, резко отогнутым венчиком, у которого иногда сохраняется архаичный прямой срез. Нередко на нем можно заметить отчетливые грани или начало формирования нижней оттяжки как следствие применения ножа и использования быстрого вращения круга для профилировки верхней части сосуда (ср. табл. 60: 9 и табл. 111: 4–7).

Единичные фрагменты привозных фрезендорфских сосудов и менкендорфско-фрезендорфских гибридов также связывают рассматриваемые комплексы Новгорода и Рюрикова городища. В Новгороде данные формы составляют хотя и немногочисленные, но устойчивые группы (табл. Б, группа VI), которые присутствуют почти повсеместно в предматериковых пластах культурных отложений. Подобный материал есть в коллекциях Неревского,

Троицкого I и VII раскопов (ср. табл. 63: 1 и 117; 63: 5 и 118: 4; 119: 1).

Материалы Троицкого XI раскопа дают нам новую информацию для сравнительного анализа раннегончарных комплексов Новгорода и Рюрикова городища. Она связана, прежде всего, с влиянием западнославянской группы Менкендорф (табл. 122: 5; 123; 125: 3, 4; 126: 2, 3), которое проявляет себя после соколовых годов X в. вплоть до начала XI в. (в 20-м и 21-м пластах с блоками дендродат от 930–950 гг. до 990–1020 гг.). И хотя не все из новых форм Троицкого XI раскопа совпадают по своей морфологии с керамикой Рюрикова городища, тем не менее данные проявления служат яркими индикаторами идентичности процессов формирования раннегончарного производства этих двух центров (ср. табл. 122: 5 и 62: 3, а также табл. 126: 3 и 62: 3).

И все же, несмотря на то, что второй и третий этапы развития раннегончарной посуды Рюрикова городища по многим морфологическим признакам вписываются в структуру раннегончарных комплексов предматериковых отложений Троицкого X раскопа²⁵, мы при этом наблюдаем целый ряд неувязок и противоречий.

Первое. В материалах 19-го пласта присутствует IV группа сосудов в нескольких вариантах. Один из этих вариантов есть в коллекции Рюрикова городища (тип III-В), правда, в очень огрубленном виде, и появляется он там несколько позже, после 979 г., т. е. такого рода формы на городище характерны для третьего этапа развития раннегончарного комплекса.

Второе. Для материалов 18-го пласта характерен значительный процент керамических форм, совершенно не наблюдаемых на Рюриковом городище. Это, прежде всего, сосуды s-овидных форм, полностью обработанные и профилированные на гончарном круге (РФК-4). Большая часть их имеет округленно-раздутое тулово, короткий вычурно профилированный венчик с оттянутым вверх краем и ложбинкой или желобком на внутренней своей поверхности (табл. 113; на табл. Б группа II). Они, по сути своей, представляют следующий, технологически более совершенный этап развития варианта I-В Рюрикова городища. В Новгороде, в отличие от Рюрикова городища, в 18-м пласте им принадлежит свыше 30%, а на Рюриковом городище на третьем этапе такие формы только-только начинают формироваться. Другой вид посуды, который отсутствует на Городище, — это эсвидной профилировки горшки, украшенные

²⁴ В более ранних работах (Горюнова 1997 б: 136–137; Gorjunova 2004), посвященных теме сопряжения типологических структур раннегончарного керамического комплекса Новгорода и Рюрикова городища, третий этап развития городищенской керамики увязывала с 20–19-м пластами Троицкого X раскопов. Новые данные 1997–2000 гг. позволили скорректировать этот вывод. При этом были сняты некоторые противоречия и по морфологии и по хронологии сравниваемых комплексов.

²⁵ Предматерик, 20-й и 19-й пласты соответствуют второму этапу развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища, 18-й пласт — третьему.

комбинациями псевдоваликов с линейно-волнистым орнаментом и отпечатками гребенчатого штампа (табл. 116; на табл. Б – группа V)²⁶.

Третье. Порубочные даты 18-го пласта дают не совсем полное совпадение с дендрохронологией третьего периода Рюрикова городища. Наблюдаемое расхождение в 13–14 лет можно было бы не принимать во внимание, если бы не отмеченные выше два блока морфологических неувязок. Если их учитывать (так как морфология новгородской посуды – это более позднее явление, это результат более высокого уровня технологии), то это расхождение можно увеличить еще на 15 лет и при этом поставить под вопрос верхнюю хронологическую границу второго периода. В данном случае сводить все к малочисленности новгородской коллекции, не совсем оправданно, так как материал, происходящий из 19-го и, тем более, из 18-го пласта, вполне представителен и по своей численности превосходит городищенскую коллекцию. Керамический материал предматериковых отложений Троицкого XI раскопа не только повторяет вышеозначенные различия в наборе типов сравниваемых памятников (например, в отношении группы V), но удревает момент этого различия, так как группа V (по Малыгину и колл. – тип II) на этом раскопе широко представлена в 21-м пласте с блоками дендродат 930–950 гг. и 950–970 гг. (Малыгин и колл. 2001: 86, 87. Табл. 2, 3; Гайдуков, Дубровин, Тарабардина 2001: 81).

Может быть, керамический комплекс Рюрикова городища в третий период своего развития следует помещать между комплексами 19-го и 18-го пластов Троицкого X раскопа? При этом некоторые формы 19-го пласта и около половины форм 18-го пласта находят отражение в комплексе третьего периода. С точки зрения относительной хронологии верхняя граница третьего периода развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища должна быть проведена до момента появления в 18-м пласте форм V и большей части форм II группы по новгородской керамической номенклатуре.

При сравнении раннегончарных комплексов Рюрикова городища с керамикой вышележащих 17-го, 16-го и 15-го пластов Троицкого X раскопа выявляется еще больше расхождений в наборе керамических форм. К вышерассмотренным добавляется группа сосудов с вертикальным венчиком и пышной орнаментацией, элементы которой аналогичны комбинациям орнамента группы V (см. табл. 114, на табл. Б группа III). Процент посуды II группы в 17-м пласте увеличивается почти вдвое и составляет свыше 60% всей керамической коллекции этого пласта, а в

16-м пласте достигает 90,21%, в то время как доля архаичных эсвидной профилировки горшков, имеющих на венчике прямой или косой срез ножом (группа I подгруппа 1), сокращается до единичных случаев (см. табл. Б). Подгруппа менкендорфско-фрезендорфских гибридов VI группы, за исключением мисковидной подгруппы, практически исчезает.

Значительное число несовпадений должны объясняться различной хронологией третьего этапа развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища и 17-го – 15-го пластов Троицкого X раскопа, которые, к сожалению, не имеют дендрохронологии. Нижележащий 18-й пласт формировался на протяжении последних десяти лет X в. и, может быть, какое-то время спустя. Но, поскольку в 17-м пласте располагались конструкции 28-го и части 29-го ярусов, которые также присущи и 18-му пласту, то, по видимому, большая часть его материалов хронологически должна соответствовать пласту 18-му. А те поздние тенденции в керамическом комплексе 17-го пласта, которые пополняют картину морфологического несовпадения между Рюриковым городищем и Новгородом и которые были отмечены нами выше, принадлежат более позднему 27-му ярусу. А поскольку 25-й ярус, расположенный в 14-м пласте, по стратиграфии и дендрохронологии датирован 1025–1055 гг. (Janin, Gajdukow 1998: 345), то вся совокупность культурных отложений части пласта 17-го, и вышележащих 16-го–14-го должна быть ограничена рамками от рубежа X–XI вв. до 1055 г.

Учитывая все вышеизложенное, мы должны считать, что верхняя граница третьего периода Рюрикова городища не должна выходить за пределы X в. Но если учитывать морфологические различия, возникающие при его сравнении с 18-м пластом Троицкого X раскопа (большая часть порубочных дат принадлежит 988 и 993 гг.), то эта верхняя граница должна сместиться несколько вниз от этого рубежа и тогда на весь третий период отводится не более 10 лет²⁷. Вероятно, в данном случае сказывается давно возникшие в новгородской археологии противоречия в плане абсолютных датировок (Хорошев 1994: 55–56). Эти противоречия усугубляются существующей проблемой корректировки некоторых дендрохронологических шкал Новгорода, что, в общем-то, затрагивает и результаты дендрохронологии Рюрикова городища также. Не исключено, что несовершенство методических приемов, как полевых, так и кабинетных исследований, определяет невозможность полного совпадения хронологических границ каких-то общих явлений на разных памятниках.

²⁶ О том, что данную типологическую группу нельзя объявлять гросс-раденской, мы уже писали выше.

²⁷ Напоминаем, что нижняя граница третьего периода развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища привязана к порубочной дате 979 г.

РАННЕГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА РЮРИКОВА ГОРОДИЩА И СТАРОЙ ЛАДОГИ

Попытка увязать стратифицированную колонку развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища с керамическим материалом раннего Новгорода на примере коллекций Троицкого Х раскопа (15-й–21-й пласты; 26-й–31-й строительные яруса), как видим, была не безуспешной. При этом были достигнуты определенные позитивные результаты, но были выявлены также некоторые противоречия в отношении структуры раннегончарного керамического комплекса. Морфологическое совпадение заключительного отрезка шкалы развития раннегончарной керамики Рюрикова городища (третий этап) и начального этапов формирования керамического комплекса Новгорода не было абсолютно полным. Предшествующая вторая ступень развития раннегончарной керамики Рюрикова городища, сформировавшаяся после 944–947 гг., также по целому ряду форм (некоторая часть вариантов типа I и все варианты типа II) не находила соответствий в отложениях на материке и в 20-м, 19-м пластах Троицкого Х раскопа, (порубочные даты 954, 957 гг. и соответственно 960, 988, 993, 993, 993, 993 гг.). Выявленные противоречия, а также тот факт, что возникновение и начальная стадия развития раннегончарных форм не фиксируются в новгородском керамическом материале, в отличие от Рюрикова городища, которое имеет формы переходные от лепной к раннегончарной посуде (*первая группа*), вызвали необходимость привлечения новых стратифицированных материалов по раннегончарной керамике. Старая Ладога с несколькими генерациями дендродат и значительной по объему керамической коллекцией представляла неплохую перспективу для построения стратифицированной колонки раннегончарных форм и сравнения полученных результатов по Старой Ладоге и Рюрикову городищу. Для решения данной задачи мною была использована раннегончарная керамика из раскопов 1973–1975 гг. Е. А. Рябинина на Земляном городище и раскопов 1972–1977 гг. В. П. Петренко на Варяжской улице²⁸, а также материал из нижней части горизонта Д раскопов 1938, 1947, 1950 гг. В. И. Равдоникаса.

Анализ и сравнение раннегончарных форм Старой Ладogi и Рюрикова городища рационально проводить раздельно, соответственно дендрохронологической шкале Земляного городища и таковой раскопа на Варяжской улице.

ЗЕМЛЯНОЕ ГОРОДИЩЕ

Ситуация с керамической коллекцией из раскопок 1973–1975 гг. Е. А. Рябинина наиболее благоприятна для решения поставленных задач, так как в поле фиксации материала велась по естественным горизонтам и прослойкам культурного слоя и дополнялась нивелировочными отметками.

Для наших целей важен материал из нижних отложений горизонта Д, в которых выделено несколько уровней, слоев и прослоек (Рябинин 1985: 36–37). От уровня построек горизонта Е–1 с порубочными датами 865–894 гг. нижняя часть отложений горизонта Д отделена слоем бурого гумуса, плотной субстанцией щепы с навозом без остатков построек, с нивелировочными отметками –0,92 –1,05 (–1,10) м. Затем идет незначительная прослойка черного гумуса с нивелировочными отметками –0,85 –0,92 м, которая подстилает уровень строительных остатков горизонта Д (настил, бревна от большой постройки, решетчатая конструкция очага, которые имеют нивелировочные отметки –0,70; –0,87 м ниже репера. Сверху настил перекрыт прослойками глины, песка и камня (нивелировочные отметки –0,56; –0,60 м). Порубочные даты, относящиеся к настилу, – 927 и 932 гг.

Е. А. Рябинин считает, что данная постройка возведена не ранее 30-х гг. X в. и существовала в его середине. Позднее новые данные позволили автору раскопок уточнить историю жизни большой постройки горизонта Д: в 954 г. она сгорела, а поверх сгоревшего настила был возведен новый, так называемый «верхний» настил с порубочной датой 960 г. (Рябинин, Черных 1988: 96–97). На основании распределения и процентного соотношения лепной и гончарной керамики в вышеописанных слоях автор делает два основных вывода. 1) Появление гончарного круга в Ладоге относится к периоду 920-го и 930-го гг. В течение времени функционирования сооружения горизонта Д (т. е. с 30-х гг. до середины X века) происходит постепенное вытеснение лепной керамики раннегончарной. Процентное соотношение этих двух видов посуды на уровне строительных остатков составило 66,7% раннегончарных фрагментов и 33,3% лепных. 2) После разборки постройки гончарных форм уже подавляющее большинство. «Содержание последних среди керамического материала этого уровня в целом согласуется с данными о наличии лепной керамики в новгородских слоях середины и второй половины X в. В целом можно говорить об общих тенденциях распространения гончарной посуды в ранних городских центрах Древней Руси» (Рябинин 1985: 37).

²⁸ Выражаю глубокую благодарность Т. Б. Сениченковой за рисунки по этим раскопам и неоднократные консультации по керамическим коллекциям Е. А. Рябинина и В. П. Петренко.

При этом подробная характеристика керамических материалов не приводится. Присутствует лишь в качестве иллюстрации таблица с отдельными фрагментами лепной, примитивно круговой и раннегончарной керамики без указания их стратиграфического положения в горизонте Д.

Наши исследования, проведенные на коллекции 1973–1975 гг., дали нижеследующие результаты. В слое бурого гумуса, на его верхней границе найдены фрагменты от двух видов сосудов: примитивно кругового переходного от лепной к раннегончарной посуде, украшенного «путаной» волной (табл. 127: 8) и s-овидного раннегончарного (РФК-2/РФК-3, по Бобринскому 1978: 42–51) с достаточно выраженной профилировкой и зонально-линейной орнаментацией, покрывающей все тулово сосуда от плечиков до самого дна (табл. 128: 5). Следует особо отметить, что остатки большой постройки горизонта Д, по сути дела, перекрывая собой нижележащие слои щепы с навозом и черного гумуса, создавали для них эффект закрытого комплекса. Таким образом, материалы Земляного городища дают картину очень близкую тому, что мы имеем на Рюриковом городище на первом этапе развития раннегончарного комплекса: по сочетаемости переходных, примитивно круговых форм с s-овидными, несколько более технологично сделанными (РФК-2/РФК-3) сосудами, и по хронологии – сочетание этих форм продолжается в промежутке от 920-х гг. вплоть до середины X в.

С материалами раскопок Е. А. Рябина хорошо соотносятся керамические комплексы (жилища 2 и 3 горизонта Д) из раскопок В. И. Равдоникаса, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Помимо лепной посуды комплексы из жилищ № 2 и № 3 горизонта Д содержат примитивно круговые сосуды, украшенные переплетающейся многорядной волной, нанесенной многозубчатым штампом. Эти сосуды распределяются по четырем группам. Первая содержит горшки приземистой пропорции с более или менее выраженным плечиком и с вертикальным венчиком, край которого имеет горизонтальный срез (табл. 127: 2, 3; 128: 2). Вторая представлена сосудами s-овидной, слабо выраженной профилировки таких же приземистых пропорций, как и первая группа. Край венчика утончен или срезан (табл. 127: 1, 4, 7). Третья группа имеет также s-овидную профилировку, но край венчика срезан ножом, а пропорции сосуда вытянутые, диаметр венчика значительно уступает по размерам высоте сосуда (табл. 128: 4). В четвертую входят сосуды с легким ребром на середине высоты или в верхней трети (табл. 128: 1, 3; 131: 7). Сосуды имеют короткий отогнутый венчик с прямым срезом, по краю украшенный многорядной волной. Такой же орнамент украшает плечи и тулово сосуда. Некоторые сосуды из этой группы керамики (табл. 128: 1, 3) в какой-то

мере отдаленно напоминают лепные сосуды с ребром в верхней трети из группы так называемого «ладожского типа» и представляют уникальные, присущие только Старой Ладоге, раннегончарные формы.

Гораздо сложнее обстоят дела с керамическим материалом, который происходит из верхней части настила большой постройки горизонта Д и его щелей. Если ориентироваться на стратиграфическое распределение типологических групп раннегончарной керамики Рюрикова городища и Новгорода, то этот материал явно не однороден и содержит разновременные фрагменты посуды. Один фрагмент принадлежит лепному сосуду (табл. 129: 3), два других повторяют формы первой группы раннегончарного комплекса Рюрикова городища – s-овидной профилировки с переплетающейся многорядной волной (табл. 127: 5, 6). Остальная подавляющая часть фрагментов принадлежит посуде, по своей морфологии соответствующей II и III группам новгородской керамики (табл. 112, 113, 114). Это сосуды усложненной s-овидной профилировки с оттяжками и желобками по краям венчиков (табл. 129: 1, 4–6; 130: 4), а также горшки с вертикальным горлом, с валиками и оттисками гребенчатого штампа (табл. 129: 2; 130: 1, 2, 5, 6). Данные формы на Рюриковом городище отсутствуют в слоях и комплексах, сформировавшихся до времени переноса княжеской резиденции на Ярославово дворище, поэтому подобных форм нет в разработанной нами стратифицированной типологической схеме раннегончарной керамики Рюрикова городища. В культурном слое Троицкого X раскопа II и III группы получают распространение начиная, в основном, с 17-го пласта, то есть датировать их можно не ранее начала – первой половины XI в.

Керамика, найденная на уровне песчаных и глиняных прослоек, перекрывающих строительные остатки горизонта Д, однозначно относится ко времени не ранее XI–XII вв. Хорошо выделяется среди нее примесь еще более позднего времени – XIII–XIV вв. Следует констатировать, что на данном участке Земляного городища естественное отложение культурных наслоений было нарушено еще в древности, о чем вполне определенно говорит смешанный характер керамического материала, собранного как с самого настила большой постройки горизонта Д, так и в культурном слое выше него. О том, что какие-то нарушения практически уничтожили культурный слой середины X в., ранее перекрывавший остатки постройки горизонта Д в раскопе 1973–1975 гг., свидетельствуют следующие факты. Кое-где между настилом и песчано-глинистыми линзами наблюдалась тонкая прослойка черного гумуса, соответствующего по своей структуре культурному слою, в котором лежали лаги настила. В этой прослойке, помимо отмеченных выше поздних материалов, были най-

дены два фрагмента ранних сосудов слабой эсвидной профилировки, соответствующих первой группе раннегончарной керамики Рюрикова городища (табл. 127: 5, 6). Кроме того, постройки 2 и 3 из раскопок В. И. Равдоникаса с керамическим материалом, аналогичным найденному в культурном слое под настилом, по своему уровню залегания соответствуют слоям, перекрывающим настил большой постройки.

Итак, подводя итоги анализа материалов Земляного городища, мы приходим к следующим заключениям. По сути дела на материалах вышеозначенной части Старой Ладogi построить полноценную стратифицированную колонку развития раннегончарных форм для всего X в., как это было сделано на основе коллекции Рюрикова городища, не удастся (табл. 144). Наибольшие соответствия в материалах обоих памятников мы имеем для первой половины X в. по сочетаемости первой группы с типом I-A. При этом следует отметить, что в материалах Старой Ладogi сравнимого периода отсутствуют западнославянские группы посуды, характерные для первого периода развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища, такие, как менкендорфская (тип III-A) и фельдбергская (табл. 63: 2, 3 и 65: 1, 4, 5). Комплекс раннегончарной керамики второй половины X в. на Земляном городище практически отсутствует. Очень незначительное число фрагментов, которые удается вычлениить из перетолженных культурных напластований горизонта Д, могут быть отнесены частью к первой половине или середине X в. (табл. 131: 7), частью, с известной долей оговорок, к последним десятилетиям X в. (табл. 131: 1–6).

РАСКОП НА ВАРЯЖСКОЙ УЛИЦЕ.

Коллекция раннегончарной керамики из раскопа на Варяжской улице невелика по объему: не более двух десятков фрагментов от сосудов, правленных на гончарном круге, промежуточной стадии РФК–2/РФК–3 и не более десятка фрагментов стадии РФК–3, формы которых датированы в пределах X в. Типология данной группы керамики разработана в статье Т. Б. Сениченковой (Сениченкова 2002б: 38–49). Типологическое членение такого материала весьма затруднено в силу его ограниченности и, в общем-то, некоторой аморфности (Сениченкова 2002б: 42. Рис. 2). Мы имеем дело с горшками эсвидной профилировки различных пропорций и вариантов по степени выделенности и длины шейки, венчика, выпуклости плеча или тулова (табл. 132: 2, 4, 6–8). Большая их часть аналогична группе I-A Рюрикова городища (табл. 60: 2, 3, 8). Подобные модификации типа I-A с несколько укороченным венчиком наблюдаются с середины X в. По новым материалам их устойчивое бытование на Рюриковом городище прослеживается до начала восьмидесятых годов X в. (раскопки 1998–

1999 гг., дендродата 979 г.). Единичные фрагменты слабопрофилированных эсвидных сосудов, венчики которых имеют прямой срез, встречаются и в более позднее время, например, в первом пласте «стратиграфического» раскопа Рюрикова городища (табл. 73: 5; 75: 9, 11) или в 17-м пласте Троицкого раскопа X Новгорода (предшествующий, 18-й пласт имеет порубочные даты 960, 988, 993, 993, 993 гг.). В какой-то мере наличие таких форм в отложениях конца или начала XI в., несомненно, связано с фактами переживания архаичной формы в условиях нестабильного применения более высокотехнических приемов обработки сосудов на гончарном круге, но все же в большинстве случаев мы имеем дело с перекопами.

Поскольку учет керамики в раскопе на Варяжской улице велся по штыкам, то при определении стратиграфического положения раннегончарных форм и их привязки к дендродатам возникает знакомая по Троицкому X раскопу Новгорода проблема соответствия искусственных пластов выделенным строительным горизонтам. К тому же опубликованные пространственно-хронологические системы (строительные горизонты и строительные периоды) с двумя редакциями дендродат (Петренко 1983: 84–94; Черных 1983: 117–122) не всегда досконально соответствуют друг другу (см. табл. В). Мы использовали систему, предложенную Н. Б. Черных, так как выделенные ею строительные периоды имеют соответствие, хотя и не всегда четкие, искусственной пластографии (штыкам).

Первые фрагменты раннегончарной керамики (табл. 132: 1, 3, 5, 7) встречены в 11-м–9-м штыках (6 строительный горизонт, по В. П. Петренко и 5-й период активного строительства, по Н. Б. Черных). Самые поздние порубочные даты для отдельных объектов – 934, 939, 947, 948 гг. Таким образом, отложения 11-го, 10-го и какой-то части 9-го штыка сформировались в течение времени после тридцатых–сороковых годов X в., а если брать шире – в период до середины и несколько после середины X в.

Фрагменты стенок с линейным и линейно-волнистым орнаментом, маловыразительные и трудноопределимые в отношении форм и уровня технологии изготовления, попадались в 13-м штыке (Сениченкова 2002б: 41. Табл. 1). Т. Б. Сениченкова связывает их с предполагаемыми случаями перекопов, не прослеженными в поле (устная консультация). В 11-м штыке найден крупный, надежно реконструируемый фрагмент венчика эсвидного сосуда с усложненной профилировкой: резкими изгибами выделена шейка (табл. 132: 1). По своим признакам он аналогичен некоторым сосудам Рюрикова городища из напластований конца X в., относящихся к третьему этапу развития гончарных форм на этом памятнике (табл. 91: 7; 93: 4). Определенно можно утверждать, что этот экземпляр не документирует ранние этапы становления

гончарного производства в древней Ладогe, поскольку он найден в забутовке ямы от кола, спущенного из вышележащих слоев, предположительно, из 7-го строительного периода (по Н. Б. Черных) – 8-го, частью 9-го штыков культурного слоя, отложившегося после 979–986 гг. На 10-й и ту часть 9-го штыка, который связан с пятым строительным периодом (по Н. Б. Черных), приходится по одному определяемому фрагменту раннегончарной керамики. Причем, если фрагмент из 9-го штыка принадлежал стандартному слабопрофилированному эсвидному сосуду (табл. 132: 7), то фрагмент из 10-го штыка (табл. 132: 5) позволяет реконструировать сосуд, который по своей технологии изготовления соотносится с горшками первой группы типологической схемы Рюрикова городища и с керамикой из 2-го и 3-го жилищ Земляного городища, хотя по способу нанесения орнамента (палочкой, а не гребенкой) и ее схеме (волны не переплетаются) он не совсем идентичен данной группе.

Для 7-го строительного периода (по Н. Б. Черных) в части 9-го и 8-го штыка с дендродатами семидесятых – первой половины восьмидесятых годов

X в., мы имеем более определенный раннегончарный керамический материал. Он представлен выразительными эсвидными сосудами как с простой плавной (табл. 132: 8), так и с усложненной профилировкой, с шейкой, подчеркнутой резким перегибом (табл. 132: 1, 2). Последнюю форму можно сопоставить только с одним вариантом (I-B) из всего набора посуды последних десятилетий X в., соответствующих третьему этапу развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища (табл. 60: 3). В этих же штыках культурного слоя присутствовал развал большого хозяйственного сосуда, почти не обработанного на круге, но волнистый орнамент нанесен на него явно с помощью гончарного круга (табл. 132: 4). Его можно было бы внести в разряд керамики переходной от лепной к раннегончарной, аналогичной первой группе Рюрикова городища или типа комплексов жилища 2 Земляного городища, но из-за его специфического назначения, чрезмерно крупных размеров, полного соответствия в форме и характере орнаментации мы не наблюдаем. Сосуды больших размеров, так называемые «зерновики» всегда имели низкую

Таблица В. Соотношение двух пространственно-хронологических систем раскопа на Варяжской улице (по В. П. Петренко и Н. Б. Черных)

По В. П. Петренко		По Н. Б. Черных			
Строительные горизонты	Дендродаты	Строительные периоды	Объекты	Порубочные даты (курсивом – конечная дата объекта)	Штыки
Пожар II	–	8-й	III-16	988, 991, 991, 995	5
			III-7	983, 990, 992, 993, 993, 993	6
			III-3	984, 991	
III	Большая постройка 940–986 гг.	951–995	II-9	990, 991	7
			III-9,10,11 (комплекс)	991, 994 948, 954, 957 968, 969, 971, 972	
IV	944–985	7-й	Верхний ярус большой постройки	960-е гг. – 986	8
			III-11(?)	969, 969, 976, 985	
			Частокол III-IV	969, 983	
V	969–979	6-й	Настил IV-9	979, 979	Часть 9
			IV-9	944, 945, 946, 949, 951, 971, 976, 977	
Пожар VI	921–958	5-й	Большая постройка	950– 960	9 (?)
			VI-4	930, 934, 948, 948	Часть 9
VII	900–924	4-й	VI-7	942, 944, 944, 944, 944, 944, 945, 946, 947, 947	10
			VI-7	924, 928, 928, 933, 939	
			VI-9	921, 924, 924, 928, 930, 934	11
VII	900–924	4-й	Верхний ярус пешеходной мостовой VII строительного горизонта	885, 910, 925	12 13

технологии изготовления (РФК–2 или РФК–2/РФК–3) не только в X в., но и в первой половине XI в. (наблюдения над неопубликованными материалами Троицкого IX и X раскопов Новгорода), и, как следствие этого, у них был более архаичный облик, чем у остальной массы современной им посуды.

Процесс формирования 7-го–5-го штыков культурного слоя в раскопе на Варяжской улице начался во время 8-го строительного периода после 991, 993, 995 гг. Эти отложения не содержат ранних эсвидных форм гончарной керамики (табл. 133–135). Вся посуда имеет усложненную профилировку венчика: резко отогнутый, часто сильно укороченный венчик с ярко выраженными оттяжками вверх по внешнему краю и желобком по внутреннему, а иногда и по внешнему обрезу его (табл. 133). По своему техническому уровню она соответствует РФК–4, по А. А. Бобринскому. Вторая наиболее распространенная форма – конусовидный горшок с вертикальным горлом, с пышной многоваликовой орнаментацией (табл. 134). Полностью отработанная завершенная форма представлена в основном в 5-м штыке; в бом присутствуют менее развитые, более плавно профилированные сосуды с вертикальным венчиком, с довольно тонкими стенками, еще без валиков, украшенные только линейно-волнистым орнаментом (табл. 134: 6, 7).

Набор посуды 8-го строительного периода по своему морфологическому облику не находит соответствий в материале X в. Рюрикова городища. Он по всем параметрам гораздо более гармонично вписывается в структуру 17-го–15-го пластов Троицкого X раскопа Новгорода (порубочные даты предшествующего 18-го пласта – 960, 988, 988, 993, 993, 993 гг.) И это естественно, так как формирование культурного слоя 7–5-го штыков в раскопе на Варяжской улице происходило в основном за пределами рубежа X/XI вв.

Следует отметить, что начиная с 9-го штыка и выше в каждом пласте культурного слоя, судя по наличию заметного числа фрагментов поздней гончарной керамики (РФК–4) и XI в. (в 9–8-м штыках) и XII–XIII вв. (в 7–5-м штыках, табл. 135: 1–5, 7), мы имеем дело с перекопами и другими нарушениями культурного слоя, не зафиксированными в поле. Эта примесь постоянна. Особенно значительными были нарушения в 5-м штыке, где часты находки керамики не только XII–XIII вв., но и XIV–XV вв. (табл. 135: 6).

И хотя данное обстоятельство затрудняет работу по стратификации раннегончарного материала из раскопа на Варяжской улице, все же не оно является основной причиной крайне ограниченных возможностей разработок в этом направлении. Здесь мы также, как и на Земляном городище, имеем дело с лакуной в керамическом материале X в. (табл. 144).

Слабо документировано присутствие аналогов первой группы посуды Рюрикова городища; несмотря на то, что эсвидные слабопрофилированные горшки (тип I–A Рюрикова городища) выделяются достаточно определенно, комплексов, полностью идентичных второму и третьему этапам развития раннегончарных форм Рюрикова городища второй половины X в., в материалах раскопок В. П. Петренко нет. Таким образом, мы наблюдаем ту же самую картину, что сложилась на материалах Земляного городища, только в еще более обедненном варианте.

Лакуна, прослеживаемая в раннегончарном материале начиная с середины или с конца 50-х гг. (?) и вплоть до последних десятилетий X в. как на Земляном городище, так и на Варяжской улице, по-видимому, должна быть увязана с большим пожаром 954 г. (по Рябинину и Черных 1988: 96–97) или 958 г. (по Петренко 1985: 93). После этого пожара последовали значительные нарушения культурных отложений и массовое вторичное использование бревен с порубочными датами 40–50-х гг. в последующих горизонтах раскопа на Варяжской улице, которые были связаны с началом строительства Большой постройки (Петренко 1985: 113). На Земляном городище перемешанность керамического материала горизонта Д в известной мере определяется значительным нарушением той его части, которая отложилась непосредственно над уровнем построек. К тому же часть построек горизонта Д была разрушена при сооружении храма Св. Климента и начале функционирования кладбища XI в. (Платонова 1997: 25–27). Не исключая, что после пожара был период относительного запустения и общего упадка жизнедеятельности древней Ладogi²⁹. Некоторые авторы отмечают для этого периода снижение роли Ладogi в международной торговле в связи с переносом северного участка Волжского пути в бассейн Волхова и Ильменя (Богуславский 1993: 147–148).

Понижение статуса поселения стало причиной почти полного прекращения использования в быту более высокотехнически изготовленной посуды на 30 или даже 40 лет, последовавших за пожаром. Возможно, единичные фрагменты, вычленяемые среди переотложенных материалов горизонта Д на Земляном городище, свидетельствуют о начале возрождения традиции использования ладожанами гончарного круга в последних десятилетиях (?) X в. (табл. 131: 4–6).

Несмотря на большие лакуны в раннегончарном материале, керамическая коллекция Старой Ладogi весьма интересна и значима в плане четкой даты начала гончарного производства. Весьма примечательно, что только на Рюриковом городище и в Старой Ладогe наблюдаются следы начала технического прогресса в керамическом производстве. Причем

поворот этот произошел в сравнительно короткий промежуток времени. По дендродатам на Рюриковом городище начальная стадия развития раннегончарной посуды в форме перехода от лепной к гончарной фиксируется от конца второго десятилетия до середины X в.; по дендродатам Земляного городища такая посуда существует также начиная где-то от начала 20-х гг. и до начала 50-х гг. X в. Переходную от лепных к гончарным формам группу сосудов, украшенную «путаной» волной (первая группа по классификации Рюрикова городища), следует считать весьма ценным хроноиндикатором, так как существует она, судя по дендрохронологии Старой Ладogi и Рюрикова городища, не более 25–30 лет. По-видимому, верхняя граница ее существования за пределы середины X в. если и переходит, то незначительно. Примечательно, что в это же время появляется эсвидный горшок, изначально имеющий плавную профилировку: слабо выделенное плечо, довольно высокую шейку, слегка отогнутый длинный венчик с прямым срезом. Существова в первой половине X в. параллельно с более примитивной раннекруговой посудой первой группы, эсвидные формы существенно уступают ей в числе, что особенно ярко проявляется на материале Старой Ладogi. Примечательно и то, что они не приходят на смену первой группе (примитивно круговой) посуды. На Рюриковом городище, по данным дендроанализа, фрагменты s-овидных горшков появляются в слоях, датировемых рубежом IX–X вв. – концом второго десятилетия X в., т. е. на несколько десятилетий раньше, чем сосуды первой группы.

Подводя итоги анализа материалов Старой Ладogi, мы должны отметить ограниченные возможности данного памятника в плане построения стратифицированных колонок развития раннегончарных форм. Мы смогли получить лишь отдельные соответствия выделенным на Рюриковом городище периодам развития раннегончарного комплекса. При том, что первая половина X в. дает наиболее близкие сочетания групп посуды, в Старой Ладoge в этот период отсутствуют характерные для Рюрикова городища сосуды западнославянского происхождения. Для второй половины X в. мы вообще не располагаем раннегончарными материалами, за исключением отдельных фрагментов горшков эсвидной профилировки арха-

ичных вариантов (см. материалы раскопа на Варяжской улице)³⁰. По-видимому, лишь в последних десятилетиях X в. Старая Ладoga вновь становится центром постоянного потребления раннегончарной продукции, по каким-то отдельным параметрам совпадающей с третьим периодом развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища (табл. 132: 1, 2; 133: 4)³¹.

РАННЕГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА ПСКОВА X – НАЧАЛА XI ВВ.

Многолетнее археологическое изучение Пскова привело к накоплению обширнейшей керамической коллекции. Уже к началу 70-х гг. база для проводимых исследований была более чем внушительной. Но, к сожалению, различные исследователи в полевых работах применяли разную методику, которая к тому же зачастую не соответствовала особенностям структуры и сложному характеру стратиграфии культурных напластований. Неудовлетворительное состояние старых коллекций и полевой документации нередко сопровождалось многочисленными утратами. Все это приводило к усложнению исследовательских задач. Многоэтапность предварительного анализа, большая источниковедческая проработка становились обязательным элементом научно-исследовательского процесса. Осознание важности керамических материалов не только для характеристики культурного слоя (Тараканова 1950: 49–51), но, прежде всего, при создании хронологических классификационных схем пришло не сразу. Только к концу 70-х – началу 80-х гг. в литературе появились работы С. В. Белецкого, в которых исследователь первым в истории изучения Пскова стал широко использовать керамику в качестве неперемного источника для культурно-хронологических построений (Белецкий 1978: 57–63; 1979; 1980: 3–18; 1981: 60; 1983: 46–80). Скрупулезное и планомерное исследование керамических материалов Пскова и его округа с точки зрения культурно-хронологической стратификации стало приоритетным для этого археолога. С. В. Белецкий в своих работах одновременно ввел в научный оборот не только новые керамические материалы своих раскопок, но также провел тщательную ис-

²⁹ Высказанные выше предположения весьма гипотетичны, так как необходима предварительная скрупулезная работа, чтобы привести к единому «знаменателю» существующие в литературе противоречивые заключения по пластографии, строительным периодам, горизонтам и дендродатам раскопа на Варяжской улице. Материалы переотложенной части горизонта Д из раскопок В. И. Равдоникаса все еще ждут тщательной источниковедческой проработки.

³⁰ К ним можно добавить из материалов Земляного городища два фрагмента, близких группе Фрезендорф и менкендорфско-торновским гибридам (табл. 131: 4). Но при этом следует отметить условность их объединения с вышеозначенным материалом, так как происходят они из пересложженной части горизонта Д Земляного городища. К тому же наиболее близкие аналогии им есть не в материалах Рюрикова городища, а в коллекции Горodka на Ловати (Горюнова 1994: 66. Рис. 1: 1, III-Б).

³¹ Приведенные примеры не всегда безупречны в плане своего стратиграфического положения.

точниковедческую проработку сохранившихся стар-рых коллекций.

При этом автор, следуя принципу первичного изучения структуры и стратиграфии культурных напластований, выявления существовавших в древности его нарушений и особенностей чередования стратиграфических слоев в различных раскопах, разработал сводные стратиграфические колонки для различных частей городища и посада. Это позволило ему создать достаточно обоснованную стратифицированную колонку керамических форм древнего Пскова и его округа с рядом абсолютных дат, установленных на совокупности стратиграфических наблюдений, датирующих вещевых находок и данных дендроанализа.

Интересующий нас отрезок этой колонки связан с X – первой четвертью XI вв, т. е. с тем временем, когда в материалах Пскова фиксируются первые этапы развития гончарных керамических форм. По терминологии С. В. Белецкого, такие формы обозначены им как предкруговая (табл. 136: 3–7, 9) и примитивно-круговая (табл. 136: 1, 2, 8, 10) керамика и группа круговой керамики первого стиля (в последних работах им чаще употребляется термин «богато орнаментированная» посуда группы 5, см. табл. 138, 139, 143). Необходимо отметить, что в количественном отношении данный материал составляет незначительную часть керамических коллекций Пскова³². Скудость материалов рассматриваемого хронологического периода объясняется автором, прежде всего, нарушениями культурного слоя и нивелировочными работами, проведенными в древности на территории Крома и Довмонтова города (Белецкий 1980: 78–79). Причина, на наш взгляд, не бесспорная. Но как бы там ни было, материал этот достаточно выразителен и хорошо вычленяется в свите напластований некоторых участков города: четкое стратиграфическое положение его зафиксировано 1973–1974 гг. в южной части Крома и в раскопах Г. П. Гроздилова на посаде, частью – в раскопах 1977–1978 гг. (предкруговая группа посуды). Дополнительные сведения по стратиграфии и хронологической позиции предкруговых и раннегончарных форм керамики получены в раскопе 1991–1992 гг. (Белецкий 1996: 58)

Характеристика форм X – начала XI вв.

Предкруговая и примитивно круговая керамика выделена С. В. Белецким в одну группу (табл. 136).

В технологическом отношении она занимает промежуточное положение между лепной и круговой. Более четкой технической характеристики в публикациях не дано. Сосуды имеют достаточно стандартный облик: плывную, нерасчлененную эсовидную профилировку, плечики покатые, тулово округлое, максимальное расширение приходится на верхнюю треть высоты сосуда, у венчика – скошенный наружу срез. Отличие предкруговой и примитивно круговой посуды заключается в наличии у последней орнаментации (линейной или линейной в сочетании с многорядной волной). Как правило, оба вида сосудов несут следы первичной правки на гончарном круге. Они всегда сопровождаются значительным числом лепной керамики (Белецкий 1978: 62. Рис. 3: IV; 1983: 53).

С. В. Белецкий данную группу считал хронологически значимой. Она и сопровождающая ее лепная посуда составляют один, общий керамический набор, характерный для определенных стратиграфических комплексов: горизонта Ж на посаде, слоя 1 в Довмонтовом городе, слоя IV южной части Крома и нижней части слоя 2 в центре городища (Белецкий 1979: 134). Из находок, которые сопровождают предкруговую и примитивно круговую керамику, важными для датировки являются следующие: дирхемы 914–934 гг., 940–955 гг., равноплечие и круглые фибулы, односторонние наборные гребни и гребень с фигурной спинкой, шейная гривна, ланцетовидный наконечник стрелы, бусы глазчатые, мозаичные, полосатые, лимонovidные, призматические сердоликовые, гирька бронзовая, диски от ткацких станков. Не исключено, что именно с данным видом посуды связана находка византийской золотой монеты 914–944 гг. (Белецкий 1978: 61, 62; Белецкий 1996: 58, 60, 61). В 1992 г. для отложений культурного слоя с таким набором форм были получены спилы с порубочными датами 938 и 944–945 гг. (Белецкий 1996: 58). Таким образом, начальные этапы развития гончарного круга в Пскове фиксируются около середины X в.³³

Сравнение группы предгончарной и примитивно гончарной керамики Пскова с керамическими комплексами Рюрикова городища показывает ее соответствие сосудам типа I-A. Безусловно, комплекс псковской архаичной гончарной посуды обладает определенным своеобразием, отличаясь, возможно, несколько более округлым туловом и в некоторых случаях более вытянутыми пропорциями и укороченным венчиком, но типологически это одна и та же

³² За исключением комплексов могильника, о которых речь пойдет ниже.

³³ Несмотря на эти даты, в работах С. В. Белецкого четко видна тенденция к удревнению данного набора посуды (см. 1980: 11, 12; 1996: 60–61). Он считает, что начало формирования слоев с таким набором относится ко второй половине IX в. Развернутого обоснования этой точки зрения нет. Привести аргументацию в пользу декларированного положения о нижней дате предгончарной и примитивно круговой посуды автору сложно, т. к. материал скуден и в слоях, лежащих ниже построек с дендродатами, практически нет фрагментов, которые можно было бы не только реконструировать, но даже более или менее четко технологически определить. К тому же на участках с дендродатами наблюдается большое число стратиграфических нарушений и лакун.

группа. На Рюриковом городище в комплексах после середины X в. нередко можно встретить варианты типа I-A, близкие псковской примитивно-гончарной посуде (табл. 71: 1; 72: 2; 79: 1; 84: 2, 4), что также соответствует хронологической позиции псковских комплексов. В псковской группе архаичной раннегончарной посуды есть и другой вариант s-овидного горшка – более раскрытый и стройный сосуд. Он имеет укороченный слабо выделенный венчик (табл. 136: 9). Подобная форма s-овидного горшка для Рюрикова городища и нижних слоев Новгорода нехарактерна. Следует также отметить, что в количественном отношении коллекции Рюрикова городища и Пскова по данной группе сосудов не сопоставимы. Чрезвычайная скудость материалов Крома, Довмонтова города и посада (Среднего города) поражает. Предгончарная и примитивно гончарная посуда представлена единичными фрагментами.

Круговая керамика с так называемой богатой орнаментацией или керамика «роскошного» стиля (стиль 1) – все эти термины, принятые в работах С. В. Белецкого, приложимы в основном к горшкам разной степени обработанности на гончарном круге, с различной профилировкой венчика и тулова сосуда. В эту сообщество входят три типологические группы. s-овидные сосуды с усложненной профилировкой венчика, имеющего разного рода оттяжки и желобки (табл. 138: 1, 5). Сосуды с вертикальным венчиком (табл. 138: 2, 3) и, в меньшей степени, керамика с ребристым изломом в своей верхней трети (табл. 138: 4). Объединяет эти типологически разные группы керамики стиль орнаментации. Они украшены комбинациями линейно-волнистого орнамента, отпечатками многозубчатого штампа, «луновидными», ногтевыми наколами, псевдоваликами и налепными валиками. Орнаментацией покрыто все тулово сосуда – от выделенной шейки почти до дна. В технологическом плане сосуды 1-го стиля, по сравнению с примитивно круговой посудой, отражают следующий этап развития функций гончарного круга (РФК-3, часть экземпляров – РФК-4). Основой для типологической разработки керамики 1-го стиля послужила коллекция из горизонта Е раскопа 1956 г. Г. П. Гроздилова (Белецкий 1980: 7, 8. Рис. 2: 14–16, 19–27), так как на территории городища сосуды, украшенные в «роскошном» стиле, представлены единичными обломками, среди которых преобладают стенки сосудов, связанные к тому же, как правило, с перекопами (Белецкий 1983: 59–60; 67–73).

Стратиграфическое положение данной группы посуды более или менее четко определено лишь на отдельных участках в слоях средней части Кремля

(Белецкий 1980: 11–12; Белецкий 1996: 57–59), южной части Крома (Белецкий 1978: 57–63; Белецкий 1996: 60, 62. Рис. 52) и в раскопе 1956 г. Г. П. Гроздилова на территории Среднего города. Она связана либо с верхней частью слоев, сформировавшихся после середины IX в. (Довмонтов город, средняя часть Кремля и южная часть Крома), либо образует самостоятельный горизонт (горизонт Е в раскопе Г. П. Гроздилова и слой III в южной части Кремля), который перекрывает горизонты с предкруговой и примитивно круговой посудой. При этом наблюдается четкая корреляция керамики 1-го стиля со слоями пожара (Белецкий 1996: 57–61).

Вещевой комплекс, сопровождавший посуду, украшенную в «роскошном» стиле, содержал такие важные для датировки вещи, как обломок накладки роговой односторонней гребенки, нательный низкопробного серебра крест с изображением распятия, желтые стеклянные пронизки, продольнорифленые бесцветные стеклянные и сердоликовые бусы, голубая пастовая буса на металлическом колечке с завязанными концами. Возможно, к этому же комплексу посуды относится находка незаконченной подвески гнездовского типа из оловянистого сплава (Белецкий 1978: 61, 62; Белецкий 1996: 61). Традиционно начало бытования этой керамики определяется либо концом X в., либо рубежом X/XI вв. и ограничивается как будто первой половиной XI в. Отдельные формы из этой группы сосудов существуют до конца XI в., но «роскошный» стиль орнаментации за пределы первой половины XI в. не выходит (Белецкий 1978: 58, 61).

Со своей стороны, считаем нужным добавить следующее. Конечно, малочисленность этой коллекции ограничивает исследовательские возможности, но все же, как нам кажется, комплект посуды, выделенный С. В. Белецким в группу (богато орнаментированная керамика), не совсем единообразен. В нем можно выделить несколько более раннюю группу сосудов, ориентируясь только на некоторую архаичность профилировки венчика: сохранение прямого среза по краю, некоторое утолщение в области шейки, отсутствие следов профилировки с помощью гончарного круга. Кстати, большая ее часть лишена валиков. В эту группу входят сосуды простой s-овидной профилировки (табл. 137: 5, 7), реберчатые горшки с многорядной волной (табл. 137: 1, 2), два s-овидных сосуда с валиковой «пышной» орнаментацией (табл. 137: 4) и один горшок с вертикальным венчиком (табл. 137: 3), напоминающий фрезендорфско-менкендорфские гибриды Новгорода, приуроченные к 17 и 18 пласту с порубочными датами 988 и 993 гг. (табл. 119: 4, 5)³⁴. Реберчатые формы Пскова

³⁴ Моя реконструкция данного фрагмента, происходящего из жилого комплекса горизонта Е (раскопки 1956 г. Г. П. Гроздилова), не совпадает с предложенной С. В. Белецким (ср. Белецкий 1996: 67. Рис. 55: 5).

полностью вписываются в структуру типа II керамики Рюрикова городища, они довольно близки огрубленному варианту II-B-1 (ср. табл. 67: 2; 86: 7), получившему распространение на стадии третьего периода (1–2-й пласты «стратиграфического раскопа»). Не исключено, что в Пскове при дальнейших исследованиях данный тип посуды займет несколько более раннюю хронологическую позицию. Все реконструированные сосуды, как уже отмечалось, найдены в слое E, датированном не ранее XI в., но, возможно, появление их здесь связано с перекопами.

Не исключена их принадлежность разрушенному комплексу второй половины (последней трети) X в., принадлежавшему постройке, от которой сохранились только угловые столбы опечка, определенные Г. П. Гроздиловым в качестве остатков хозяйственной постройки (Гроздилов 1962: 53, 54. Рис. 41). Остатки опечка были перекрыты слоями со щепой и конструкциями горизонта. Из этой же стратиграфической позиции происходит еще ряд сосудов с такой же ранней морфологией (табл. 137: 4, 6), которая свойственна керамике Рюрикова городища второй половины X в.

Вся остальная посуда с более развитыми, усложненной профилировки венчиками (и s-овидная, и реберчатая), а также с вертикальным горлом, безусловно, принадлежит первой половине XI в. Хронологическим индикатором всей этой поздней части многоваликовой, пышно украшенной посуды служит сосуд-зерновик, исполненный в стиле Вайсдин (Гроздилов 1962: 56. Рис. 44) – одной из западнославянской типологических групп, нередко встречающейся в Щецине и Волине в слоях XI–XII вв. (Snotliwy и др. 1983: гус. 45: 12; 40: 1; 41: 5). Более безупречные данные с точки зрения датировок получены на материалах Ольденбурга. Самое массовое употребление этого вида посуды было зафиксировано немецкими археологами в слоях около рубежа X в. и первых десятилетий XI в. (Gabriel, Kempke 1991: 130. Abb. 15; 137–142).

При сравнении керамики Пскова с керамическими комплексами Рюрикова городища, Новгорода и Старой Ладogi заметно, что такого близкого совпадения по типам, которое мы наблюдали в комплексах Новгорода и Рюрикова городища, здесь нет. Псковская посуда в этом отношении отличается определенной степенью своеобразия, прежде всего, в своих пропорциях и сохранении на некоторых сосудах ребра в верхней трети. Но все же тенденции в развитии профилировки верхней трети сосудов и венчиков у них одни. Не вызывает сомнения, что и в Пскове и в Новгороде s-овидной профилировки сосуды

с многоваликовой орнаментацией (ср. табл. 138: 1, 4, 5 и табл. 116: 1–5) и горшки с вертикальным горлом имеют общее происхождение и относятся к одинаковым типологическим разрядам (ср. табл. 138: 2; 139: 5, 7 и табл. 114). Так же как и в Новгороде, на сосудах s-овидной профилировки Пскова многоваликовая орнаментация исчезает где-то около первой четверти XI в. (Плоткин 1996: 167. Табл. I: д, е, ж)³⁵. А на горшках с вертикальным горлом и в Пскове, и в Новгороде псевдовалики и обильная орнаментика существуют не позже середины XI в.

Коллекция раннегончарной посуды из псковского некрополя существенно дополняет базу источников по интересующей нас проблеме. В работе использованы рисунки керамики, сделанные В. И. Кильдюшевским, а также известные по следующим публикациям: Волчкова, Закурина 1996: 120. Рис. 3; 122. Рис. 7; Кильдюшевский 1996: 142. Рис. 3; Колосова, Милютина 1996: 158–159. Рис. 23, 30; Лабутина 1996: 106. Рис. 6; 109. Рис. 9; 110. Рис. 11; Лабутина и др. 1981: 71. Рис. 2.

Большая часть сосудов могильника в типологическом плане составляют компактную группу – это достаточно приземистый s-овидной профилировки горшок, правда, многовариантного исполнения (табл. 140–143). Наблюдается разная степень отгиба и длины венчика, более или менее выпуклое плечо, перемещение наибольшего диаметра из верхней трети тулова в его середину. Несколько сосудов отличаются высотой и стройностью (табл. 141: 4, 6; 142: 5). Меняется степень выделения и отгиба венчика, у некоторых экземпляров он резко отогнут наружу (табл. 141: 3; 142: 3). Некоторые экземпляры (табл. 140: 1, 6; 141: 6; 142: 1) повторяют профилировку предкруговой и примитивно круговой посуды из слоя городища и посада (группа 4; по Белецкий 1980: рис. 3). Но в большей своей части погребальная посуда занимает следующую ступень развития данного типа.

На могильнике практически нет многоваликовой посуды. Лишь один горшок может быть отнесен к этой категории (табл. 140: 4). По профилировке верхней трети и венчика он более архаичен, чем остальная посуда с многоваликовой, пышной орнаментацией. Мы его уже упоминали в связи с выделением V группы Новгородской посуды, определяя его в качестве связующего звена между сосудами гросс-раденского типа Рюрикова городища (табл. 68: 6–8) и V группой многоваликовой s-овидной посуды Новгорода (табл. 116). А поскольку в Пскове начала XI в. существует категория многоваликовых s-овидных горшков, аналогичная новгородским (табл. 138: 1, 4,

³⁵ Следует отметить, что хронология нижней толщи культурных отложений (доярусный слой и 15-й ярус) по К. М. Плоткину, отличается несопоставленным удвением. Керамические формы имеют развитые венчики, профилированные с помощью гончарного круга. Они полностью совпадают с материалами 17–15-го пластов Троицкого X раскопа Новгорода.

5), то несомненно, что данный экземпляр стоит у ее истоков³⁶. Крайне редко подобная посуда встречается на поморских памятниках Польши (Spotliwy и др. 1986: 93. Рис. 10: 5, 9). Следует отметить еще два экземпляра горшков из могильника, связанных с многоваликовой богато украшенной посудой (табл. 143: 1, 2). В систему линейной-волнистой орнаментации этой пары включен фриз луновидных вдавлений — элемент, наиболее употребляемый для украшения псевдоваликов (ср. табл. 138: 1, 4). Один из них (табл. 143: 2) можно отнести к западнославянской группе Випперов, которая в Ольденбурге распространяется со второй четверти до конца XI в. (Gabriel, Kempke 1991: 130. Abb. 15; 140. Abb. 23: 10; 142).

Принимая во внимание типологические особенности керамической коллекции могильника, можно утверждать, что его сосуды занимают промежуточное положение между предкруговой и примитивно круговой посудой (группа 4, по Белецкому 1980: 7, 8) с дендродатами 938 и 944–945 гг. и комплексом богато орнаментированной посуды конца X–первой половины XI вв. При этом одна часть сосудов по особенностям своей профилировки входит в комплект группы 4 (табл. 140: 1; 141: 1), а другая по приемам орнаментации, сегментовидным вдавлениям, украсивших псевдовалики, должна быть включена в группу богато орнаментированной посуды³⁷.

Основной период изготовления погребальной посуды раннегончарных форм определен нами от середины до конца X в., возможно, до первых десятилетий XI в. Достаточно редкое употребление в погребениях лепной посуды и единственный случай совместного нахождения ее с раннегончарной в погребении № 17 также указывают на вторую половину X в. При этом надо учитывать, что по аналогии с формами венчиков сосудов вариантов I-Б и I-В, которые получают наибольшее распространение во время третьего периода развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища (нижняя дендродата периода — 979 г.), многие сосуды могильника нельзя датировать даже серединой X в. Так, например, сосуд из погребения № 73, имеющий достаточно архаичный профиль, занимает промежуточное положение между вариантами I-А и I-Б Рюрикова городища (ср. табл. 60: 2, 5 и 140: 6). Последний вариант появляется на Рюриковом городище не ранее третьей четверти X в., даже ближе к рубежу 70-х–80-х гг. (табл. 76). Это наблюдение в какой-то степени подтверждается одной из радиоуглеродных дат псковского могильника, связанной с погребением № 73. Дата неопреде-

ленная, так как ее календарный интервал растянут на 33 года — 987–1020 гг. (Попов 1996: 178. Табл. 1). Но, судя по типу горшка, погребение было совершено около 987 г.

Наряду с керамикой, близкой западнославянскому типу Випперов, маркером позднего периода существования могильника может служить горшок из ямы № 8 ровика кургана в раскопе X (Плоткин 1996: 167. Табл. I: а–3,4). Он отличается от всей остальной посуды некрополя наиболее резкой профилировкой верхней трети (табл. 143: 4). Круто изогнутая шейка, резко отогнутый наружу венчик, на котором сделаны оттяжки вверх и вниз, край оформлен желобком, — все эти признаки присущи новгородской посуде группы II подгруппы 2 (табл. 113: 1, 3), которая, появившись в самых последних годах X в., вскоре приобретает статус самой массовой формы новгородской керамики и к середине XI в. на ее долю приходится 75 % керамического производства Новгорода.

В дерновом слое, прослеженном в межкурганном пространстве и покрывавшем курганы, присутствовали фрагменты сосудов такой же развитой профилировки: с резко отогнутым и укороченным венчиком, с вертикальными оттяжками и желобками на его внутреннем и внешнем крае (Лабутина 1996: 112. Рис. 13: 2; Кильдюшевский 1996: 142. Рис. 3е).

Судя по всему, именно такая посуда должна служить хронологическим индикатором завершающего этапа существования могильника в Пскове. Доярусный слой раскопа X, верхний хронологический рубеж которого определен комплектом дендродат вышележащего 15-го яруса (990–1011 гг.), насыщен богатоорнаментированной керамикой и сосудами s-овидной профилировки с венчиками, повторяющими вышеозначенную конфигурацию (Плоткин 1996: 167, табл. 1 в, г). Необходимо отметить наличие перекопов, о чем свидетельствует присутствие в слое более поздних сосудов с профилями, характерными для 14-го яруса (Плоткин 1996: 167. Табл. 1 г: 11–15). Верхняя дата 14-го яруса определяется дендродатами 13-го яруса (1087–1088 гг.).

Моя датировка доярусного слоя, синхронно-го материалам из погребенного дернового слоя, покрывавшего курганы, не совпадает с хронологией, предложенной К. М. Плоткиным. Он время доярусного слоя определяет серединой — второй половиной X в., а 15-го яруса — концом X — первой четвертью XI вв. По моему мнению, культурные отложения 15-го яруса сформировались после 1011 г., а верхняя граница доярусного слоя должна быть маркирована

³⁶ Возможно, именно такому же переходному типу принадлежит фрагмент из слоя Е, выделенный нами в пласт несколько более ранней посуды, чем вся остальная богато орнаментированная керамика Новгорода (табл. 137: 4).

³⁷ О том, что на могильнике действительно использовалась классическая многоваликовая посуда, свидетельствует находка фрагмента стенки с многоваликовой орнаментацией в погребении № 18 (табл. 143: 3).

1011 г. Правда, по типологической морфологии керамика 15-го яруса мало отличается от посуды доярского слоя.

Подводя итоги анализа развития раннегончарного комплекса Пскова, следует отметить следующее. Если принимать во внимание стратиграфические наблюдения, а также учитывать наличие в слое некоторых ранних находок, например, равноплечих фибул (Белецкий 1966: 57, 58), то с некоторой долей вероятности можно предполагать существование предкруговой и примитивно круговой керамики в Пскове в первой половине X в., но никак не во второй половине IX в., как это считает С. В. Белецкий. Ряд монетных находок (дирхемы 914–934 гг., 940–955 гг.) и порубочные даты 938 г., 944–945 гг. – все эти факты с гораздо большей определенностью указывают на период начиная с конца сороковых годов или середины X в. Набор посуды Пскова почти на всем протяжении второй половины X в. в подавляющей своей части состоит из различного рода вариантов s-овидных горшков, сохраняющих довольно долгое время архаичные признаки в приемах оформления венчика и лишь в самые последние десятилетия X в. приобретающих черты вариантов I-Б Рюрикова городища или II группы Новгорода.

Небольшое число реберчатой посуды близко огрубленному варианту II-B-1 Рюрикова городища, отличаясь от него несколько большим утолщением в районе шейки и типом орнаментации. Вместо зубчатого штампа псковская реберчатая посуда украшена многорядной волной. Распространение огрубленного варианта II-B-1 на Рюриковом городище соответствует второму и третьему этапу развития его раннегончарного комплекса (до и после 979 г., включая конец X в.).

Скорее всего, именно в этот период в Пскове появляется s-овидный горшок с архаичной профилировкой венчика, повторяющей особенности его на реберчатой посуде (короткий слегка отогнутый край и утолщение на шейке) и украшенной псевдоваликовым орнаментом в комбинации с отпечатками гребенки (табл. 137: 4; 140: 4). Эта форма, по-видимому, является производной от гросс-раденской посуды, которая, как предполагалось, появилась на Рюриковом городище после середины X в. и входила в набор посуды второго этапа развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища. Данная производная форма стоит у истоков псковской s-овидной керамики с псевдоваликовой орнаментацией, венчик которой обработан на гончарном круге, что вызвало появление на нем оттяжек и канелюр (табл. 138: 1, 4, 5). Последняя группа псковской посуды во всем подобна V группе Новгорода, которая получила распространение в слоях самого конца X в. и уже ко второй четверти XI в. выходит из употребления (табл. Б).

Другой тип из позднего набора богато орнаментированной посуды Пскова – горшки с вертикальным горлом – по своей морфологии полностью соответствуют III группе посуды Новгорода, которая также, как и в Пскове, сохраняет свою пышную орнаментацию только до середины XI в. (табл. 138: 2, 3; 139: 5, 7).

Следует отметить, что производная от Гросс Радена керамика наряду с менкендорфско-фрезендорфским гибридом (табл. 137: 4) и, в еще более опосредованном виде, реберчатая посуда (табл. 137: 1, 2) являются носителями западнославянского влияния на керамическое производство Пскова. Только в случае с большеобъемным сосудом типа Вайсдин можно говорить о сохранении чистоты западнославянского типа посуды. Указанные явления, по-видимому, синхронны новгородским проявлениям данного процесса, который был характерен для последних десятилетий X и начала XI вв.

В заключение следует отметить, что керамический материал Пскова второй половины X в. не отличается таким разнообразием форм, как на Рюриковом городище или в Новгороде. В какой-то мере данное положение можно объяснить малочисленностью, разрозненностью керамических комплексов и нарушениями культурных отложений Пскова. Более полная совокупность керамики, происходящая из могильника, учитывая ее специфическое назначение, не может полностью отражать всего многообразия бытовой посуды. Поэтому на данный момент в нашем распоряжении нет пока материала второй половины X в., полностью адекватного Новгороду или Рюрикову городищу. Только дальнейшее накопление новых форм, имеющих четкие стратиграфические позиции, позволит нам уточнить и откорректировать хронологию развития раннегончарного производства Пскова этого времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги первого опыта сравнительного анализа коллекций раннегончарной керамики X в. четырех самых значимых, исторически тесно связанных друг с другом, раннегородских центров Северной Руси: Рюрикова городища, Старой Ладogi, Новгорода и Пскова, – следует констатировать, что, несмотря на ряд трудностей, подобные исследования весьма плодотворны и перспективны в плане выявления общих тенденций развития раннегончарных традиций.

Сводная диаграмма по результатам сопоставления стратификационных схем развития типологической структуры раннегончарного комплекса каждого из городских центров позволяет наглядно представить основные периоды этого развития и оценить степень их синхронности (табл. 144). Она выявляет

также общие тенденции и общие хронологические границы структурных преобразований в наборе керамических форм. Начальная стадия развития раннегончарного производства в форме перехода от лепной керамики к примитивно-гончарной, украшенной «путаной» волной (первая группа по классификации Рюрикова городища), в Новгороде и Пскове не прослеживается. И если в Новгороде это можно объяснить либо отсутствием слоев первой половины X в., либо крайней скудостью материалов предматериковых отложений, то в Пскове приходится констатировать появление раннегончарной посуды лишь с сороковых годов или середины X в. Только на Рюриковом городище и в Старой Ладогe мы получили четкую и раннюю дату начала гончарного производства – первые десятилетия X в. Причем и на Рюриковом городище, и в Старой Ладогe примитивно круговая посуда с «путаной» волной (табл. 59; 127) сопровождается s-овидной профилированной посудой типа I-A (по классификации Рюрикова городища, табл. 60: 1, 8; 128: 4, 5). s-овидные формы существенно уступают в числе примитивно круговой посуде первой группы, хотя на Рюриковом городище зафиксировано несколько более раннее, с рубежа X–XI вв., появление сосудов типа I-A. Верхняя граница существования посуды с «путаной» волной за пределы середины X в. не выходит.

Следующий период развития раннегончарной керамики сопряжен со значительным нарастанием ее объема и постепенным вытеснением лепной керамики. К последней четверти X в. преобладание раннегончарной посуды практически было полным. Лишь незначительный процент лепленной от руки посуды продолжал использоваться в обиходе. Этот процесс с достаточной четкостью фиксируется в материалах Рюрикова городища, Новгорода и Пскова.

В раннегончарных материалах Старой Ладогe, начиная с конца пятидесятих годов X в. и вплоть до последних десятилетий X в. (на Земляном городище более четко, на Варяжском раскопе – менее) прослеживается лакуна. На этом памятнике для второй половины X в. мы не располагаем раннегончарным материалом, за исключением отдельных фрагментов s-овидной профилировки сосудов архаичных вариантов из раскопа на Варяжской улице. После середины X в. и в Новгороде, и в Пскове, как и на Рюриковом городище, основу керамического комплекса составляют горшки вариантов I-A и I-B (по классификации Рюрикова городища; табл. 60) или группы I (по классификации Новгорода; табл. 111). Посуда Пскова хотя и отвечает основным признакам упомянутых типологических групп Новгорода и Рюрикова городища (по морфологии венчика и степени профилированности тулова и плечек), все же отличается более округлым туловом и некоторым своеобразием в про-

порциях (табл. 136). В самом конце второго периода развития раннегончарного комплекса на Рюриковом городище появляются реберчатые формы вариантов II-B-1 и II-B-2 (табл. 62: 1, 8, 9), есть им отдаленные соответствия и в Пскове (табл. 137: 2). В последних десятилетиях X в. в Новгороде, в пласте 19-м с порубочными датами 960, 962, 964 гг., (на Рюриковом городище после 979 г.) происходит значительное увеличение группы s-овидных сосудов вариантов I-B, возникают новые варианты I-B, Г (по классификации Рюрикова городища) и подгруппы 2 группы I (по классификации Новгорода), у которых проявились следы правки венчиков на гончарном круге (табл. 61: 1–5, 11; 112). На этом этапе (третьем) «программа» развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища была прервана, так как интенсивность жизни на городище резко снизилась.

В Новгороде и, по-видимому, в Пскове в самом последнем десятилетии X в. на смену сосудам с s-овидной архаичной профилировкой приходят новые разновидности этой посуды, которые на Рюриковом городище отсутствуют. Это, во-первых, сосуды s-овидных форм, полностью правленные на гончарном круге, а их венчики даже профилированы с помощью гончарного круга (группа II по классификации Новгорода; табл. 113; 143: 5, 4). Они составляют от 32% керамической коллекции Новгорода в последних годах X в. Во-вторых, появляется s-овидный сосуд с псевдоваликовой орнаментацией, украшенный комбинациями линейно-волнистого орнамента и штампов (группа V по классификации Новгорода). Но данный тип просуществовал недолгое время. Во второй четверти или к тридцатым годам XI в. он уже исчезает из быта (табл. 116; 138: 1, 4, 5). В-третьих, с рубежа X–XI вв. получает распространение горшок с вертикальным горлом и пышной псевдоваликовой орнаментацией (тип III по классификации Новгорода; табл. 114; 138: 2, 3; 139: 5, 7). Пышная орнаментация на этих сосудах просуществовала до середины XI в.

Итак, вышеназванные процессы протекали и в Новгороде, и в Пскове синхронно. В Старой Ладогe не так четко улавливается нижний рубеж этих явлений в силу нарушенности слоя в предшествующий период. Но ясно, что эсовидных горшков с многоваликовой орнаментацией там нет.

Мы перечислили основные общие для всех городских центров этапы развития форм раннегончарной керамики. Но существует одно явление, которое отражает еще одну закономерность в развитии раннегончарного производства по крайней мере для трех городов X в. – Новгорода, Рюрикова городища и Пскова: на разных стадиях развития раннегончарного комплекса заметно присутствие единичных фрагментов посуды западнославянских форм или групп сосудов, возникших под их влиянием.

Самые ранние свидетельства таких инноваций мы проследили на Рюриковом городище. В **первой половине X в.** отчетливо выделяется посуда типа Менкендорф (вариант III-A по классификации Рюрикова городища) и три фрагмента фельдбергской керамики (табл. 63: 2, 3; 65: 1, 4, 5; 66: 6, 8, 9). На территории Древней Руси известен только один пункт, где в закрытом комплексе с датирующими вещами также были обнаружены формы Фельдберга. Это Гнездилово под Суздалем (Горюнова, Лапшин 2004: 57. Рис. 1; 65, 66). Время пребывания фельдбергской посуды в составе раннегончарного комплекса древнерусских городов, видимо, ограничивалось первыми десятилетиями X в. (не позже тридцатых годов по условиям нахождения в Гнездилово). Если ориентироваться на комплексы Бирки, то его бытование на восточных территориях могло продлиться до середины X в. Наши экземпляры несут некоторые признаки, которые можно было бы связать с поздними проявлениями в развитии фельдбергского типа: несколько более длинный венчик с прямым срезом, без отпечатков гребенчатого штампа. Возможно, часть этих признаков – проявление местных особенностей, присущих только данному памятнику. Даже на разных памятниках основного ареала распространения фельдбергского типа наблюдается значительная вариабельность в оформлении венчиков, в профилировке сосудов, степени открытости сосудов и в применении комбинативной орнаментации. Особенно значительные отклонения от классических фельдбергских форм можно наблюдать на памятниках Скандинавии (Callmer. 1988: 665. Abb. 3: 1, 2; Brahter 1996: Taf. 38: 13, 14, 26; 39: 8–11, 17, 18). Какую роль играли региональные особенности, а что определялось временным фактором, – пока сказать трудно.

При характеристике раннегончарного комплекса городища было уже отмечено, что фельдбергская посуда, вероятно, была самой первой раннегончарной формой, которая появилась среди исключительно лепной керамики и дала толчок созданию целой серии слегка правленых, украшенных небрежной многорядной волной сосудов, в технологическом плане составляющих переходную от лепных к раннегончарным формам группу Старой Ладogi и Рюрикова городища (первая группа).

Во время **второго периода** развития раннегончарного комплекса (после 944–947 гг.) на Рюриковом городище появляется несколько экземпляров керамики гросс-раденского типа (табл. 68: 6–8) и реберчатые мисковидные горшки, своим происхождением связанные с влиянием той группы *гросс-раденской* керамики, которая имеет отчетливые реликтовые германские черты (тип II-B, по классификации Рюрикова городища; табл. 62: 1, 8, 9). Тип II-B продолжа-

ет существовать и позже после 979 г., постепенно огрубляясь, теряя залощенность (табл. 67: 2; 88: 4).

В Новгороде и на Рюриковом городище одновременно в период после середины X в. выявлено присутствие типично менкендорфских сосудов с эсвидной профилировкой и хорошо выраженным изломом на верхней трети (табл. 62: 6; 118: 2), которыми они отличаются от более раннего, первой половины X в. варианта, известного на Рюриковом городище под номенклатурой варианта III-A. На материалах Троицкого XI раскопа прослеживается несколько типологических групп, которые возникли под непосредственным влиянием Менкендорфа (табл. 123; 124: 7, 8; 125: 3–5; 126: 2, 3) и существовали после сороковых годов X в. и почти всю его вторую половину. На Рюриковом городище мисковидные сосуды менкендорфского профиля известны после 979 г. (табл. 62: 5, 6).

На **третьем этапе** существования раннегончарного комплекса Рюрикова городища в нем появляются отдельные типично фрезендорфские (тип III-B; табл. 63: 1) и гибридные формы, возникшие под его влиянием (тип III-B по классификации Рюрикова городища; табл. 63: 6; или группа IV по классификации Новгорода; табл. 115). В Новгороде группа IV возникла несколько раньше, чем ее аналог на Рюриковом городище. Она характерна для 19-го пласта с порубочными датами 959, 960, 962, 964 гг. Группа IV послужила исходной формой для горшков с цилиндрическим горлом (тип III по классификации Новгорода; табл. 114). В последние десятилетия X в. одновременное появление типичных фрезендорфских сосудов на Городище и в Новгороде (табл. 117) сопровождается формированием целого ряда вариантов менкендорфско-фрезендорфских гибридов (группа VI классификации Новгорода; табл. 119 и тип III-Г по классификации Рюрикова городища; табл. 63: 5). Гибридная группа керамики просуществовала недолго, ее сосуды встречены в основном только в 18-м пласте (порубочные даты 988–993 гг.). Чуть дольше просуществовала мисковидная форма менкендорфско-фрезендорфских гибридов (табл. 120) – они встречались всю первую треть XI в. В Пскове наблюдаются аналогичные процессы, но только ближе к концу X в. – реберчатые сосуды (табл. 137: 1, 2) близки огрубленному варианту II-B-1 (по классификации Рюрикова городища), который получил распространение на Рюриковом городище после 979 г. (табл. 67: 2; 88: 4). Сосуд с вертикальным венчиком из раскопок Г. П. Гроздилова, напоминающий менкендорфско-фрезендорфскую гибридную форму (табл. 137: 3), вероятно, принадлежит к тому же временному интервалу, что и подобные формы Новгорода (группа IV, табл. 119: 4) – к последнему десятилетию X в. К этому же периоду относится и сосуд из могильника, с признаками родства с гросс-раденской керамикой (табл. 140: 4), выявленной

на Рюриковом городище. В отличие от нее, этот сосуд приобрел более плавный профиль, его венчик повторяет профили других раннегончарных архаичных сосудов из могильника (например, из погр. № 50, 73; табл. 140: 1, 6), но зато сохранил псевдоваликовую орнаментацию с гребенчатым штампом гросс-раденского типа. Мы высказали предположение, что данный сосуд стоит в начале типологического ряда эсовидной посуды с многоваликовой орнаментацией группы V (по классификации Новгорода), украшенной комбинациями штампов и линейно-волнистого орнамента. Она возникла в Новгороде и Пскове, вероятно, одновременно, где-то в последние десятилетия X в. В Пскове известен единственный сосуд – пример чистоты западнославянского типа. Это зерновик типа Вайсдин из горизонта Е (Средний город, раскопки Г. П. Гроздилова). Появление его в Пскове связано, по-видимому, с периодом от рубежа X/XI вв. до середины XI в. – временем наиболее массового употребления данного вида посуды на балтийском побережье Германии. Хотя на территории Польши она была распространена в течении всего XI в. и даже в XII в.

По причине своего короткого бытования, гибридные формы приобретают значение довольно четкого хроноиндикатора. Это реберчатая посуда типа II Рюрикова городища (вторая половина X в.); IV группа (третья четверть и, может быть, вся вторая половина X в.), а также первая гибридная подгруппа из VI группы (последнее десятилетие X в. с выходом в начало XI в.) Новгорода. Такую же роль играет и керамика первой группы с «путаной» волной Рюрикова городища. Это ценный хроноиндикатор первой половины X в., который, возможно, существовал не более 30 лет.

Перечисленные выше западнославянские формы, происхождением своим связанные с южным побережьем Балтики, и подражания им в северных русских городах X в. свидетельствуют о вовлечении последних в общую систему влияния западнославянского гончарного производства на весь балтийский регион, включая и скандинавское общество. Необходимо учитывать, что раннегончарная посуда является весьма информативным материалом в плане не столько этнических, сколько социально-экономических связей, прояснение которых столь важно особенно в эпоху становления и развития раннегородских, раннегосударственных структур. Появление западнославянских форм на восточных торговых путях свидетельствует о каких-то структурных изменениях в торгово-экономическом балтийском сообществе. Поэтому важно не только установить сам факт появления западных форм, но проследить динамику структурного изменения различных типологических форм на различных памятниках и их взаимодействие с местными традициями гончарного производства. Важно при этом не перегнуть палку, стремясь как можно больше форм керамики записать в разряд западнославянской посуды. Мы уже имеем пример такого усердия (Малыгин и колл. 2003: 82–97), когда таким образом³⁸ создается картина полного преобладания и даже исключительного употребления западнославянских форм в культуре раннего Новгорода. В другой, одновременно опубликованной статье (Малыгин, Гайдуков 2001: 159–166), это уже не подразумевается, а прямо декларируется для доказательства Людинового поселка.

³⁸ Подробную критику положений, изложенных в этой статье, см. в разделе по новгородской керамике (с. 101–105).

НОВЫЕ РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИИЛЬМЕНЬЕ

Ильменское Поозерье. Ильменское Поозерье (или Паозерье), как называли его древние новгородцы, – ключевой район на карте лесной зоны Восточной Европы. Поозерьем («земли вдоль озера» или «земли по озеру») традиционно именуется небольшая территория, протянувшаяся узкой полосой шириной 4–5 км на 20 км вдоль северо-западного берега Ильменя, между озером и текущей почти параллельно ему р. Веряжей. Важную роль Поозерья в истории Новгородской земли предопределили его плодородные почвы, удобные для начального земледельческого освоения, и чрезвычайно выгодное, как и всего Северного Приильмения, географическое положение в месте, где сходились обширные системы рек Мсты, Полы, Ловати и Шелони, а по р. Волхову открывался выход в Ладожское озеро. Именно в Поозерье, поблизости от истока Волхова из Ильменя, находилось главное капище ильменской группы славян – Перынь.

Все это не оставляет сомнений, в том, что изучение археологических памятников, относящихся к периоду становления Новгорода как центра всего Приильмения и памятников, непосредственно предшествовавших этому времени, то есть датируемых в целом второй половиной I тыс. н. э., имеет решающее значение для выяснения облика славянской культуры раннего средневековья, разработки вопросов характера, времени и исходной территории славянской колонизации, изучения процессов взаимоотношения славян с финнами и скандинавами. Именно исследование сельских поселений позволяют ставить и решать вопросы взаимоотношения города и его округи, роли природных и экологических факторов в развитии центра Новгородской земли. Однако до недавнего времени на фоне блестящих достижений археологии собственно Новгорода мы не имели представления о рядовых сельских поселениях, синхронных раннему периоду его истории. Не было ни одного поселения, раскопанного широкой площадью.

В результате работ нашей экспедиции в рассматриваемом районе зафиксировано 18 древних поселений (2 городища и 16 селищ) и шесть пунктов с сопками – погребальными сооружениями конца I тыс. н. э. (Носов 1991: 5–37). Подавляющее большинство известных к настоящему времени памятников сосредоточено на берегах р. Веряжи, что обусловлено особенностями геологического строения местности,

гидрологическими и ландшафтными условиями Поозерья. По истории своего формирования северо-западное побережье оз. Ильмень является дельтой вреза древней реки, поэтому местность представляет собой чередование пологих песчаных холмов (бывших островов) и длинных заболоченных понижений, ложбин (бывших проток), а в почвенном отношении – озерно-ледниковых песков и ленточных глин. В пределах Поозерья непосредственное побережье Ильменя луговой поймы не имеет. Вдоль берега здесь идет узкая полоса слоистого песчаного наноса, а поэтому близ озера древнее население размещалось, главным образом, лишь там, где в озеро впадают обладающие поймами небольшие речки. Наиболее обширную пойму имеет самая крупная из рек Поозерья – Веряжа. Даже в середине лета ее ширина достигает 60–80 м. Берега Веряжи представляют собой чередующиеся всхолмления, разделенные извилистыми низинами.

Непосредственно на берегу озера вне связи с впадающими речками известно лишь одно селище у д. Береговые Морины и сохранились остатки сопки. Однако по побережью в древности поселений было больше. Когда в 2001–2002 гг. наблюдался особо низкий уровень воды в Ильмене и широкой полосой обнажилось дно водоема, в ряде мест от д. Береговые Морины вплоть до д. Еруново (на протяжении около 12 км) были собраны различные металлические предметы, в том числе несколько десятков целых и фрагментированных куфических монет, относящихся, судя по определенным экземплярам, к VIII–X вв. Это прямое подтверждение существования ряда поселений, ныне размытых (Гайдуков, Молчанов 2003: 53–55).

Места расположения археологических памятников Поозерья тесно связаны с характером оз. Ильмень, особенно внутригодовым и межгодовым колебанием уровня воды. Течение в реках Поозерья – Веряже, Ракомке и Прости – почти отсутствует, и их водный режим целиком определяется уровнем воды в озере. Весной уровень воды в реках, вслед за озером, поднимается на 3–4 м, а иногда и значительно выше в сравнении с зимним периодом. Тогда вплоть до середины лета низкие места побережий представляют собой сплошную водную гладь с отдельными возвышенностями, а реки Поозерья предстают, по

существо, своеобразными озерными фьордами. До того как русло р. Прости было в ходе мелиоративных работ спрямлено, а прилегающая местность осушена, при весеннем подъеме воды речка иногда превращалась в протоку между Веряжей и озером, по которой плавали на лодках (Путешествие...1846: 53). Летом вода опускается, уступая место пойменным лугам и болотистым низинам с буйным разнотравьем, которые расчленены протоками и заливчиками. В сухое время речки Прость и Ракомка практически пересыхают.

Жители Поозерья выбирали для своих поселений расположенные вдоль рек и незатопляемые во время паводков пологие холмы. В силу ограниченного числа удобных для жизни мест на всех выявленных поселениях встречены материалы различных периодов, начиная с эпохи раннего металла и вплоть до позднего средневековья, и лишь неолитические стоянки находятся на более низких высотных отметках (Носов 1991: 5–37). Места древних памятников заняты пашнями, не раз пересекаемыми глубокой тракторной вспашкой, огородами и строениями современных деревень, что привело к значительному разрушению культурного слоя селищ и уничтожению ряда сопок. Все это серьезно затрудняет изучение археологических памятников новгородской округи.

Выбор объектов для стационарных работ был не случаен. Поселение Прость составляет единый комплекс с центром славянской языческой религии в урочище Перынь, а поэтому именно здесь можно было предполагать наличие наиболее ранних материалов, характеризующих культуру славян. Городище Георгий расположено в самом центре Поозерья и является одним из двух укрепленных пунктов рассматриваемого района. Несомненно, оно выполняло особые функции в поозерской поселенческой зоне. Селище Васильевское является рядовым неукрепленным поселением в этой местности. Данная глава посвящена определенному подведению итогов результатов предпринятых работ.

Селище Васильевское 1. Селище находится в 1,5 км к северу от д. Васильевское, в южной части одного из всхолмлений левого берега р. Веряжи, поднимающегося на 6 м над уровнем воды (табл. 145). Возвышенность отделена от коренного берега низиной, а на севере-западе – еще и ручьем. Во время весенних паводков вся местность вокруг всхолмления затопляется, и оно превращается в остров. Приблизительные размеры поселения, вытянутого по пологому береговому склону вдоль реки, составляют 75 × 165 м.

Памятник был открыт в конце 1950-х гг. С. Н. Орловым (Орлов, Аксенов 1961: 166). С. Н. Орлов и М. М. Аксенов отмечали наличие на месте селища раннеславянской лепной керамики и остатков печей-

каменок. В 1977, 1985–1990 гг. поселение исследовалось Новгородской областной экспедицией (Носов 1987: 22; Носов 1988: 31; Носов 1989: 10, 11; Носов 1990: 176. Рис. 65: 1, 2, 4; 1991: 18. Рис. 5; Носов, Плохов 1990: 8, 9; Носов, Плохов 1992: 15, 16; Носов, Плохов 2002: 161–165). Небольшой раскоп в 48 кв. м был заложен в 1977 г. на вершине всхолмления, там, где при обследовании селища был найден двушипный железный наконечник стрелы. В дальнейшем раскоп был расширен в южном и западном направлениях. Всего за семь полевых сезонов вскрыто 500 кв. м площади памятника (рис. 13; табл. 146).

Мощность культурного слоя на исследованном участке поселения составила 0,18–0,6 м, однако лишь на восточной его половине нижние горизонты отложений толщиной до 0,2 м остались не нарушенными в ходе многолетней распашки. В пахоте найден разновременный мелко фрагментированный керамический материал. Отдельные обломки лепной керамики, орнаментированные ямками, отпечатками веревочки, намотанной на палочку, и гребенчатым штампом (рис. 15: 1–3, 5; табл. 149: 1–4), встреченные в раскопе, имеют аналогии на многих памятниках раннего металла Поволховья и Приильменья (Плохов 1987; Юшкова 2003). Они свидетельствуют о том, что холм на берегу р. Веряжи был заселен еще в первой половине I тыс. до нашей эры. Отчетливо представлен в керамической коллекции материал раннего железного века – фрагменты лепных гладкостенных сосудов, украшенных по верхней части тулова ямками разных форм (в основном, округлыми углублениями с плоским дном диаметром 2–5 мм), редко – с насечками по краю венчика (рис. 15: 6–15, 18; табл. 149: 6–9, 12), а также немногочисленные обломки горшков, имеющие сетчатую и штрихованную поверхность (рис. 15: 16, 17; табл. 149: 10). Фрагменты похожих сосудов найдены на некоторых памятниках Приильменья (Григорьев 2003: 74. Рис. 3). Предварительно такую керамику можно датировать первой половиной I тыс. н. э.

Видимо, кому-то из обитателей древнего поселения, располагавшегося на этом месте, принадлежала бронзовая двухчленная прогнутая подвязная фибула, найденная при исследовании раннесредневекового комплекса на городище Георгий, находящегося в 300 м к северо-западу от селища Васильевское (Носов 2002). В коллекции имеется также фрагмент сосуда, изготовленного из глины с примесью органики, от которой в черепке остались пустоты. Обломок украшен линейным орнаментом и зигзагом из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 15: 4; табл. 149: 11). В последнее время отдельные обломки посуды, украшенные линейным орнаментом, валиками, отпечатками гребенчатого штампа, и имеющие в тесте, в основном, органическую примесь, встречены при

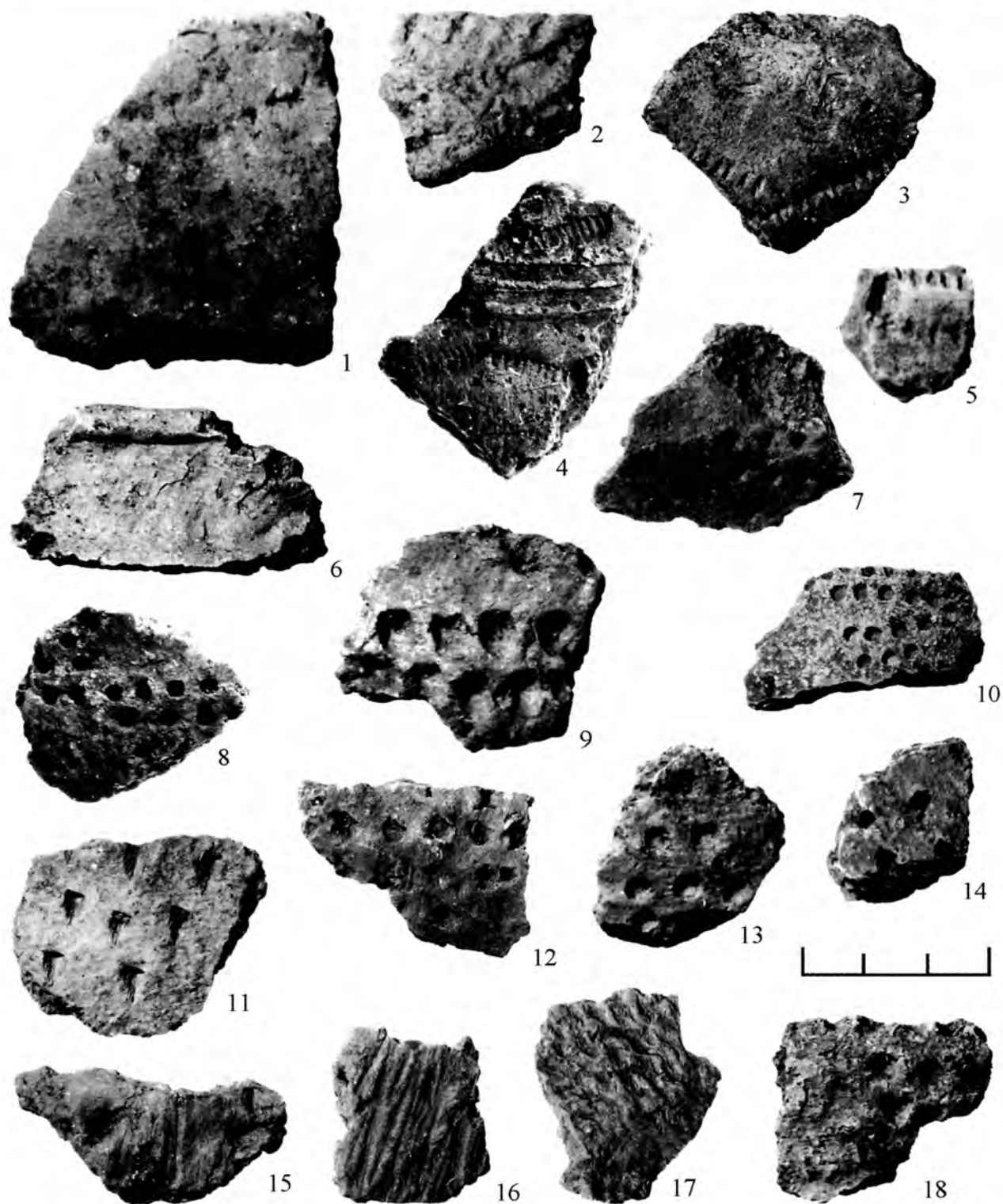

Рис. 15. Селище Васильевское 1. Лепная керамика эпох раннего металла и раннего железа

раскопках нескольких поселений Новгородской земли. Не совсем пока ясны их культурная принадлежность и датировка. Следует, однако, отметить, что эта керамика имеет определенное сходство с материалами культуры лууконсаари раннего железного века Карелии и восточной Финляндии (Косменко 1993: 140–174). В значительном количестве в пахотном слое присутствовала лепная керамика конца I тыс. н. э., но преобладала в нем гончарная посуда: обломки древнерусских, позднесредневековых горшков и отдельные фрагменты сосудов нового и новейшего времени. Кроме керамики, в пахотном слое зафиксированы куски стекла, фрагменты глиняной обмазки, железные шлаки, обломок сопла (табл. 148: 21), несколько отщепов и орудий из кремня, а также целый ряд индивидуальных находок. В черном не перепаханном культурном слое преобладала лепная профилированная керамика конца I тыс. н. э., хотя встречались фрагменты лепной керамики эпохи раннего железа и отдельные обломки гончарных средневековых сосудов. Наличие последних при разборке данного слоя связано с трудностью его отчленения от слоя пахоты, поскольку черный слой сохранился лишь участками большей или меньшей интенсивности в зависимости от глубины вспашки. Помимо керамики в слое черного гумуса найдена половинка пряслица из песчаника (табл. 148: 14).

На площади раскопа выявлены разного рода сооружения: остатки нижних углубленных в материк частей построек, печи-каменки и остатки открытых очагов, столбовые и хозяйственные ямы (табл. 146).

Наибольший интерес представляет комплекс, открытый в кв. 51, 54, 55, 61–65, являющийся основанием углубленного в материк сооружения с печью. Он состоит из двух частей. Западная половина комплекса представляла собой подпрямоугольную постройку размерами 2–2,4 × 3,2 м, углубленную в материк на 0,21–0,37 м. Ее пол плоский, ровный. В южной стенке постройки зафиксирована полукруглая ниша диаметром 0,7 м, видимо, от стоявшего здесь опорного столба. При ее расчистке найден почти целый лепной сосуд (табл. 151: 13). В восточной части подпрямоугольного сооружения в кв. 55 на площади 1,15 × 1,25 м расчищены плотные слои прокаленного песка и суглинка различных оттенков, где встречены зола, отдельные угли и включения глины. Толщина слоев достигала 0,2 м. Это, несомненно, место расположения печи. Заполнение западной части комплекса представляло собой черный гумус с включениями угля, мелких камней и прослоек песчанистого гумуса. Судя по кускам угля, сгоревшим деревом был дуб. В заполнении комплекса найдены кости животных (коровы)¹, черешок ножа (табл. 147: 10), часть

железного предмета, возможно, пряжки (табл. 147: 13) (Леонтьев 1996: рис. 58: 5), деформированная бочонкообразная бусина из печеночно-красного стекла, кусок шлака, 12 обломков от раннегончарного сосуда (табл. 150: 13), а также более 180 фрагментов лепных горшков (2 фрагмента эпохи раннего железа) (табл. 151: 1, 7, 9–12, 14). В кв. 55 встречено более 1100 кусков глиняной обмазки. В западной части сооружения в кв. 63 ее значительно меньше – менее 100 фрагментов. Судя по форме ряда обломков, имеющих своеобразный, несколько вогнутый и сужающийся кверху гребень, глина использовалась для промазки пазов и стыков между бревнами и плахами. Основная же масса фрагментов обмазки измельчена, но на многих видны отпечатки травы. Видимо, печь была сложена из глины и закреплена снаружи деревянным каркасом. Раскопанный комплекс явно не принадлежал к остаткам жилого строения. Принципиально близкую конструкцию, только с обноской из каменных плит, имели некоторые средневековые горны южной Норвегии (Martens 1988: 93–95. Fig. 75).

С востока к печи примыкает более глубокая крытообразная часть комплекса размерами 1,05–1,35 × 3,4 м, глубиной от 0,39 до 0,55 м с уплощенным полом и крутыми стенками, по существу, являющаяся подходом к печи. Верхняя часть заполнения комплекса представляла собой черный гумус с угольками, вкраплениями глины, костями животных (коровы, молодой свиньи или кабана, собаки, лося) и рыбьей чешуей. При разборке остатков сооружения найдено 635 фрагментов лепной керамики (табл. 150: 1–12, 14; 151: 2–6, 8) и 3 обломка того же раннегончарного сосуда, от которого были обнаружены фрагменты в западной части сооружения, обломок железной скобочки (?) (табл. 147: 15), часть каменной литейной формочки (табл. 148: 20), половинка каменного пряслица (табл. 148: 15), а также грубо вырезанный из рога предмет в форме конуса с несколько вогнутыми боками высотой 4 см, диаметром 1,3–2,2 см и с внутренним отверстием, имеющим вид песочных часов, – обойма (томар?) (табл. 148: 18). В Старой Ладоге основная масса таких обойм была найдена в горизонте Д (Давидан 1966: 112), датированном 920–990-ми гг. (Рябинин, Черных 1988). В этой же части сооружения встречен железный черешковый наконечник стрелы (табл. 147: 2). По своим параметрам (длина 60 мм, длина пера 44 мм, ширина пера 10 мм) он ближе всего к типу ромбовидных наконечников с прямыми сторонами и плечиками с наибольшим расширением в верхней половине длины пера (тип 52, по А. Ф. Медведеву). Подобные наконечники были широко распространены с VIII в. по XIII в. включительно на всей территории Восточ-

¹ Определения костей сделаны н. с. МАЭ РАН А.В.Громовым и н. с. ИИМК РАН А. К. Каспаровым.

ной Европы, а также в Сибири, Венгрии и Чехословакии (Медведев 1966а: 69, 70). В Новгороде отмечен один наконечник этого типа в слоях второй половины XI в. (Медведев 1959: 166). Аналогичный наконечник найден на месте сезонного лагеря у Сарского городища (Сарское 2), датированного автором раскопок началом X в. (Леонтьев 1996: 101. Рис. 39: 5).

Наконец, здесь был обнаружен обломок гривны из частично перекрученной, четырехгранной квадратной в сечении железной проволоки (размер сечения – 3 мм) (табл. 147: 11). Такие гривны в Скандинавии имели весьма ограниченный район распространения. До 95% находок происходит из Средней Швеции (Уппланд и Седерманланд). Они также встречены в некоторых других провинциях Восточной Швеции и на Аландских островах, и в то же время их нет в южной и западной Швеции, Дании, Норвегии и на основной территории Финляндии. Датируются гривны IX–X вв., и лишь единичные экземпляры относятся к более раннему времени (Новикова 1992: 9; Янссон 1999: 33, 34). Самая ранняя железная гривна на севере Восточной Европы найдена в древнейших отложениях Земляного городища Старой Ладogi, относящихся к 750–760-м гг. (Давидан 1994: 156, 157). Целый ряд железных гривен встречен при раскопках Рюрикова городища, в том числе в отложениях, датированных второй половиной IX в. (Носов 1990: 158. Рис. 30: 3, 5; 46: 2, 3). Основное количество подобных гривен на территории Древней Руси выявлено в могильниках, причем большинство находок сосредоточено вдоль важнейших водных торговых путей и датируется X в. (Фехнер 1966: 104; Фехнер 1967: 62, 63; Новикова 1992: 19, 21). У исследователей не вызывает сомнения скандинавская принадлежность железных гривен. По мнению Г. Л. Новиковой, «эти сакральные изделия, найденные на том или ином археологическом памятнике, отмечают временное или постоянное пребывание на нем выходца из Скандинавии» (Новикова 1992: 22). В связи с этим обнаружение такого украшения на сельском поселении у д. Васильевское заслуживает пристального внимания.

Производственный характер сооружения с печью не вызывает сомнения, но незначительное количество железных шлаков, встреченных на исследованной площади, говорит не в пользу его связи с металлургическим производством, так как «стационарные... сыродутные печи при выплавке железа после многократной... эксплуатации оставляли огромные скопления шлака» (Колчин 1953: 198). В. М. Горюнова при анализе производственных комплексов Городка на р. Ловати выделила группу сооружений, характерной особенностью которых является наличие предгорновой ямы вытянутой формы с горновым развалом на одном из ее узких концов (группа I6) (Горюнова

А-1988: 117, 118). По ее мнению, хотя некоторые из подобных сооружений содержат железные шлаки, «большая их часть связана с кузнечными и сопровождающимися их ювелирно-поковочными и ювелирно-литейными работами» (Горюнова А-1988: 124, 125). Мы склонны видеть в обнаруженном на поселении объекте кузнечный горн, а находки шлаков считать отходами работы кузницы. Это не исключает использование исследованного сооружения для работы с цветными металлами, о чем косвенно свидетельствует найденная здесь часть каменной литейной формочки. Для плавки цветных металлов, возможно, использовались некоторые комплексы с очагами, обнаруженные на поселении.

Один из таких комплексов зафиксирован в кв. 31 и 46. Он состоит из углубленного на 0,22–0,26 м в материк овального в плане сооружения размерами 1,25 × 1,65 м с плоским полом. Основная часть его заполнения – черный гумус с угольками; у стенок и у пола – серый гумус с включениями песка. С востока к комплексу примыкают два очажных углубления. Размеры южного – 0,65 × 0,8 м при глубине 0,28 м, а северного – 0,45 × 0,7 м при глубине 0,17 м. При расчистке южного очажка оказалось, что вся ямка заполнена небольшими пережженными камнями, имеющими 5–10 см в поперечнике, углями (уголь принадлежал дубу) и отдельными кусочками обожженной глины. Структура заполнения северного очажка была почти аналогичной, только число камней меньше. Песок под очагами был прокален. При разборке комплекса, наряду с костями животных (коровы и овцы), рыбьими костями и чешуей, встречено 24 обломка лепной керамики – один фрагмент украшен каннелурой (табл. 152: 1) и один – ямочным орнаментом, а также железный нож с уступом при переходе от короткого лезвия к длинному черенку (табл. 147: 4). Косвенным свидетельством использования очагов для плавки цветных металлов является найденный здесь фрагмент верхней части тигля.

Остатки другого очага в кв. 98 и 99 – скопление обожженных камней – выявлены в южной части пятна серого гумуса с включениями большого количества угля и красноватого обожженного песка (рис. 16). Размеры пятна 1,1 × 1,8 м и толщина – до 9 см. С запада к очагу (кв. 98) примыкала яма овальной формы размерами 0,62 × 0,8 м. Ее глубина – до 0,27 м, стенки крутые, дно вогнутое. Заполнение – серый гумус.

Открытый очаг, очевидно, располагался также в кв. 60, где при разборке пятна серого гумуса размерами 0,9 × 1,0 м зафиксированы включения угля, нескольких мелких пережженных камешков и красноватый обожженный песок. Толщина пятна 2–5 см.

Наконец, место очага – ямка диаметром 35 см и глубиной 2–3 см, с обожженным песком, золисты-

Рис. 16. Селище Васильевское 1. Комплексы в кв. 98–103. Вид с востока

ми включениями, черным и серым гумусом – зафиксировано к югу от столбовой ямы в кв. 43.

Наряду с производственным комплексом и очагами на поселении в кв. 22, 24 исследован развал печи-каменки подчетыреугольной в плане формы и размерами $1,1 \times 1,2$ м (рис. 17). Камни из развала несут следы пребывания в огне и частично растрескались. В основном их размеры $0,1–0,15$ м, но некоторые достигают $0,2$ м в поперечнике. С северной и восточной сторон по краям развала найдены 3 обгоревших кола диаметром $0,06–0,08$ м, связанные с конструкцией печи. Под камнями зафиксирован обожженный песок. С юго-восточной стороны к развалу примыкала небольшая яма размерами $0,5 \times 0,8$ м и глубиной до $0,46$ м с серым песчанистым заполнением. При расчистке развала печи-каменки и разборке ямы найдено 14 фрагментов горшков эпохи раннего железа (табл. 152: 2, 3) и 25 обломков неорнаментированной лепной посуды. Видимо, печь находилась внутри наземной, скорее всего, срубной постройки, так как ям от столбов на площади раскопа не было. Следует отметить, что на ближайшей к печи части раскопа в культурном слое наблюдалась наибольшая

концентрация обломков лепной неорнаментированной посуды (табл. 158).

Определенный интерес имеют углубленные в землю части хозяйственных сооружений. Большинство из них представляет собой округлые или овальные в плане ямы. Их дно обычно плоское или вогнутое. Размеры ям самые разнообразные: при глубине от $0,05$ м до $0,7$ м их верхние параметры варьируют в пределах $0,60–1,88 \times 0,94–2,44$ м. Большинство ям имело средние размеры: глубину от $0,15$ до $0,34$ м, ширину $0,7–1,28$ м и длину $1,04–1,65$ м. Возможно, некоторые из них использовались в качестве погребов.

Кв. 15. Яма размерами $1,1 \times 1,45$ м, глубиной $0,2$ м. Дно уплощенное, стенки пологие. Заполнение – темно-серый гумус и 15 фрагментов стенок и плечиков неорнаментированной лепной керамики конца I тыс. н. э.

Кв. 18. Овальная в плане яма размерами $1,16 \times 1,76$ м, глубиной $0,25$ м. Дно несколько вогнуто, стенки пологие. Заполнение – черный гумус и 59 лепных фрагментов, в основном, от одного горшка (табл. 152: 4–6).

Рис. 17. Селище Васильевское I. Развал печи-каменки. Вид с запада

Кв. 19. Овальная в плане яма размерами $0,8 \times 1,5$ м, глубиной $0,16-0,18$ м, с плоским полом и пологими стенками. Заполнение – черный гумус и 31 фрагмент лепной неорнаментированной керамики (табл. 152: 7, 8), 4 обломка раннегончарных сосудов с линейным орнаментом и два фрагмента керамики эпохи раннего железа.

На границе кв. 45, 46 зафиксирована плоская ямка размерами $0,65-0,8 \times 1,4$ м, глубиной $0,05$ м. Заполнение – в основном, серый гумус, в центральной части с включениями черного гумуса с мелкими обожженными камнями.

Кв. 44, 46. Яма неправильной формы размерами $0,5-0,7 \times 1,2$ м, глубиной $0,15-0,27$ м. Заполнение: в центральной части ямы черный, а у пола и у стенок серый гумус. Найдено несколько обломков костей животных и 5 фрагментов лепных сосудов (табл. 153: 1).

Кв. 58, 59, 89, 90. Яма овальной в плане формы размерами $1,88 \times 2,44$ м, глубиной $0,6$ м, имеет пологие стенки и уплощенный пол. Заполнение: черный гумус с включением значительного количества пережженных, колотых камней, небольшого количества угля и прослоек желтого песка. В заполнении найдено несколько костей животных (коровы), фрагмент железного шлака, 22 куски глиняной обмазки, 232

обломка лепной керамики (из них 4 фрагмента датируются ранним железным веком) (табл. 153: 2–5), а значительная часть принадлежит одному сосуду (табл. 153: 8). Кроме того из верхней части комплекса происходят 7 обломков гончарных сосудов (табл. 153: 6, 7, 9).

Кв. 56, 61. Овальная в плане яма размерами $1,28 \times 1,65$ м. Стенки пологие, дно уплощенное. Глубина ямы от $0,15$ м в южной части до $0,21$ м в северной. Заполнение: черный гумус с отдельными камнями и несколько костей животных (коровы). В южной половине ямы, на ее дне и по юго-западной стенке зафиксировано скопление камней. В комплексе найдено 10 фрагментов лепной керамики (один из них имеет штрихованную поверхность, а два – украшены ямками).

Кв. 65, 68. Овальная в плане яма размерами $0,7 \times 1,05$ м, глубиной $0,15-0,21$ м с плоским дном. Заполнение: черный гумус, в котором найдено 6 обломков лепных сосудов.

Кв. 73, 74. Овальная в плане яма, частично уходящая под южную стенку раскопа. Размеры вскрытой части комплекса – $1,45 \times 1,55$ м, глубина $0,27-0,3$ м, пол уплощенный, стенки пологие. Заполнение: черный гумус, в котором встречались мелкие пережжен-

ные камни, прослойки песка, кости животных (лошади, коровы, свиньи), а также 83 обломка лепной керамики (табл. 154: 2).

Западная часть кв. 76. Яма, уходящая под западную стенку раскопа. Размеры ее вскрытой части – 0,60 × 0,64 м. Глубина ямы от 0,18 м в западной части до 0,31 м в восточной. Стенки крутые, дно уплощенное. Заполнение: темно-серый гумус с песчанистыми включениями, в верхней его части зафиксирована прослойка черного гумуса с включением угольков. В заполнении найдено два фрагмента лепной керамики.

Кв. 80. Овальная в плане яма, частично уходящая под северную стенку раскопа. Размеры вскрытой части 0,74 × 0,94 м. Глубина 0,08–0,11 м, дно уплощенное. Заполнение: темно-серый гумус с включением угля, несколько десятков небольших камней, фрагмент косточки и 12 обломков лепной посуды (табл. 154: 4).

Кв. 82. Округлая в плане яма диаметром 1,04 м. Стенки крутые, дно уплощенное. Глубина – 0,24 м. Заполнение: темно-серый гумус (в верхней части черный с наличием небольшого количества мелких угольков) с включением нескольких десятков мелких пережженных валунов, нескольких косточек животных и фрагментов глиняной обмазки. Найдено 23 обломка лепных неорнаментированных сосудов.

Кв. 99, 100, 102, 103. Овальная в плане яма размерами 0,84–1,42 × 2,35 м. Наибольшая глубина – 0,34 м, стенки пологие, дно вогнутое. Заполнение неоднородное. В западной части (размерами 1,3 × 1,6 м) – черный гумус с включением угольков, глины, песка, большого количества обожженных колотых камней, костей животных (двух коров, молодой свиньи) и дикой птицы, рыбьей чешуи. Кроме того, найдены 2 фрагмента железных шлаков и 7 кусков глиняной обмазки, 110 обломков лепной керамики, 4 из которых относятся к раннему железному веку (табл. 154: 1, 3, 5, 8), фрагмент глиняного пряслица (табл. 148: 11) и бронзовая полусфера (табл. 148: 3), являющаяся, видимо, нижней частью штампованной пуговицы (Мальм 1963: 37. Рис. 7: 1). Восточная часть заполнения ямы представляет собой серый песчанистый гумус, в котором встречено несколько угольков и 3 фрагмента лепной керамики (на поверхности одного из них имеется ямка от орнаментации).

Кв. 107, 110. Яма, уходящая под западную стенку раскопа. Размеры вскрытой части – 0,8 × 1,32 м, глубина – 0,49 м, стенки пологие, дно вогнутое. Заполнение: темно-серый гумус с включением мелких угольков, небольшим количеством мелких камней и двух фрагментов глиняной обмазки. Найдено 7 обломков лепных и 2 гончарных сосудов.

Кв. 114, 115. Овальная в плане яма размерами 1,52 × 1,92 м и глубиной 0,24–0,34 м. Дно уплощен-

ное, стенки крутые. Заполнение: черный гумус со значительным количеством обожженных камней и небольшой прослойкой коричневого гумуса в западной части комплекса. В заполнении встречены кости животных и рыб, рыбья чешуя и 14 фрагментов лепной посуды, из которых один относится к эпохе раннего металла, а два – к периоду раннего железа (табл. 154: 6, 9).

В кв. 93 вскрыта яма овальной в плане формы размерами 1,28 × 1,58 м. Ее стенки крутые, дно вогнутое, наибольшая глубина – 0,7 м. Заполнение ямы следующее: сверху – слой черного гумуса толщиной до 0,4 м, ниже – слой темно-серого гумуса. Между ними прослеживалась прослойка из отдельных угольков, видимо, следы сгоревшего и рухнувшего перекрытия. В заполнении встречены обожженные и колотые камни, небольшое количество фрагментированных костей животных, 2 куски глиняной обмазки, а также 58 мелких обломков лепных горшков (из них 3 фрагмента относятся к раннему железному веку) (табл. 154: 7, 10). Кроме керамики в заполнении ямы найдены часть бронзового предмета (обоймица?) (табл. 148: 7) и бронзовое узкопластинчатое кольцо сегментовидного сечения с разомкнутыми концами (табл. 148: 2).

Наряду с ямами-погребями на поселении имелись постройки, от которых сохранились углубленные в землю части более сложной формы.

Так, в кв. 21–23 зафиксировано углубленное на 0,29 м в материк основание постройки размерами 1,2 × 2,0 м. Ее пол плоский, стенки крутые, заполнение – серый песчанистый гумус с 11 фрагментами неорнаментированной лепной керамики.

Западную часть описанного комплекса нарушило подчетыреугольное в плане сооружение, расположенное в кв. 21, 41, 42, 51, 52. Оно состояло из глубокой корытообразной ямы и прилегающей к ней с юга более мелкой части. Яма имеет длину 4,2 м и ширину 1,1–1,2 м, глубина 0,46–0,5 м, пол уплощенный, стенки крутые. Более мелкая часть сооружения имеет длину 2–2,4 м, ширину 0,9–1,0 м и глубину от 0,18 до 0,37 м. Заполнение комплекса в его верхней части представляло собой черный гумус с включениями небольших перегоревших камней, углей, вкраплений и кусков обожженной глины, костей животных (лошади, коровы, свиньи, овцы) и большого количества рыбьей чешуи, заполнение нижней части – серый песчанистый гумус. При разборке заполнения, преимущественно в верхней его части, найдено более 725 фрагментов лепных сосудов (из них три имеют текстильную поверхность и еще три украшены ямками) (табл. 155: 1–6, 8–11; 156: 1–10) и два обломка (венчик и стенка) от раннегончарных гончарных горшков с линейным и волнистым орнаментом (табл. 155: 7). Кроме керамики в запол-

нении найдены часть сланцевого оселка с отверстием для шнура² (табл. 148: 23), фрагмент обработанного рога (табл. 148: 19), железный предмет и половинка глиняного пряслица (табл. 148: 12).

В кв. 64, 65, 67, 103 разобран комплекс, состоящий из двух частей: корытообразного сооружения, имеющего размеры 1,25–1,5 × 2,8 м, глубину 0,68–0,86 м, плоский пол и крутые стенки, а также примыкающей к нему с запада более мелкой части размерами 1,25 × 1,8 м, глубиной 0,28–0,4 м и плоским полом. В северо-западном и северо-восточном углах корытообразного сооружения имелись столбовые ямки диаметром 0,4 и 0,6–0,65 м при глубине 0,3 и 0,22–0,25 м, которые остались, видимо, от столбов, поддерживающих перекрытие постройки. Заполнение корытообразной части комплекса следующее: сверху слой черного гумуса толщиной до 0,3 м с мелкими пережженными камнями, ниже – слой серого гумуса толщиной около 0,2 м с песчаными прослойками, под ним – слой коричневого гумуса с прослойками песка (мощность этого слоя от 0,2 м в центре, до 0,6 м – к краям комплекса). Заполнение мелкой части комплекса было достаточно однородным: черный гумус с отдельными углями и обожженными камнями, и лишь у пола и стенок зафиксирован коричневый песчаный слой. При разборке заполнения комплекса найдено: 3 куса железных шлаков, гвоздь (табл. 147: 14), кости животных (коровы, лошади, свиньи, мелкого хищного зверя), 208 обломков гончарной керамики (табл. 157: 3–5, 7–9, 11, 12, 14–16), а также 120, в основном, небольших фрагментов лепных сосудов: один имеет текстильную поверхность, один фрагмент украшен ямками и еще один – отпечатками веревочки (табл. 157: 1, 2, 6, 10). В мелкой части комплекса кроме фрагментов посуды были найдены обрывок бронзовой плетеной цепочки из s-овидных звеньев (табл. 148: 5), оплавленная бусина из светло-голубого стекла и обломок глиняного диска (табл. 157: 13).

Определенных свидетельств функционального назначения данных сооружений нет, не исключено, что они являлись кладовыми для хранения хозяйственного и бытового инвентаря. Однако нельзя не отметить близость основания постройки, открытой в квадрате 21, 41, 42, 51, 52, яме № 7, обнаруженной на селище у д. Нестеровичи в бассейне р. Мсты В. Я. Конечким и интерпретированной им как подпольная яма внутри жилища (Конечкий 1991: 99. Рис. 5).

Наконец, следует упомянуть значительное число ям небольших размеров, зафиксированных на раскопанной площади поселения. Большинство из них можно считать столбовыми. Ямы находятся в разных частях раскопа, и в их расположении не прослеживается какой-либо системы.

Вещевой материал селища невелик. Находки отдельных категорий предметов немногочисленны, исключение составляют ножи, встреченные как в слое пахоты, так и в заполнениях комплексов (табл. 147: 3–10). Всего найдено семь ножей и один обломок. Пять ножей имеют черешки, отделенные от клинков хорошо выраженными уступами. Такие черешки входили в рукоять до половины ее длины. Подобные ножи представляют самую многочисленную группу в древностях смоленских длинных курганов (Енуков 1990: 69). Один нож имел выраженные выступы при переходе от длинного черешка к клинку и широкую спинку. Такие ножи (группа IV, по Р. С. Минасяну) характерны для германоязычного населения Северной Европы. В середине VIII в. ножи этого типа появляются на севере Восточной Европы, а их форма оказывает сильное влияние на городское производство вплоть до XII в. (Минасян 1980а: 73, 74).

Одной из интереснейших находок является железный нож с волутообразным завершением рукояти (табл. 147: 3). Это вторая находка такого ножа в Приильменье. Примечательно и вряд ли случайно, что оба ножа происходят с близлежащих поселений ильменского Поозерья – городища Георгий и селища Васильевское (Носов 1990: 176, 201). Еще одна находка на территории Северной Руси, которая напоминает ножи рассматриваемого типа, сделана в устье р. Суны, недалеко от берега Онежского озера, на поселении Суна-VI, в слое X–XI вв. (Косменко 1978: 154. Рис. 8: 10; Косменко 1992: 203. Рис. 64: 4).

В отечественной археологической литературе к анализу ножей с волутообразным завершением рукоятей в последнее время обращались Р. С. Минасян, В. Б. Перхавко, Л. В. Королькова и В. Н. Ковалевский. В 1978 г. Р. С. Минасян в специальной работе, проанализировав области, где были найдены ножи данного типа и их датировку, пришел к выводу, что имеется определенная последовательность их распространения, причем исходной регионом он считал территорию современной Польши. В Восточной Европе ножи с волутообразным навершием, по мнению Р. С. Минасяна, распространились вместе с другими категориями хозяйственного и бытового инвентаря благодаря расселению групп славянского населения (Минасян 1978б). В. Б. Перхавко, изучив находки данных ножей на памятниках типа Банцеровщины, разделил мнение Р. С. Минасяна о их западнославянском происхождении (Перхавко 1979: 47, 55). Л. В. Королькова в своей работе значительно расширила список учтенных находок и рассмотрела их датировки. Это дало ей основание сделать вывод о том, что территорией, где первоначально фиксируются ножи с волутообразными навершиями, является Подуна-

² Оселок использовался и после того, как сломался, о чем свидетельствует заглаженная поверхность разлома.

вье, а появление этих предметов на Северо-Западе Восточной Европы и на территории к востоку от Днепра представляло собой следствие миграции отдельных групп населения (славян и праболгар) из Центральной Европы (Королькова 1994). В. Н. Ковалевский, рассмотрев хронологию, территориальное распространение ножей с волютами, пришел к выводу, что они впервые появились в антской среде и в процессе заимствования распространились по всему славянскому ареалу (Ковалевский 1998). Остановившись на вопросе о функциональном назначении ножей такой своеобразной формы, большинство отечественных ученых согласилось с мнением о ритуальном их использовании, следуя точке зрения, первоначально высказанной польскими коллегами (Минасян 1978б: 151, 152; Перхавко 1979: 47, 48; Королькова 1994: 237).

Как уже упоминалось, среди находок, происходящих с селища Васильевское, имеется втульчатый двушипный наконечник стрелы (табл. 147: 1). Подобные наконечники были встречены на ряде памятников Северо-Запада России – в Старой Ладогe (1 экз.), в Новгороде (6 экз.), на Рюриковом городище (21 экз.), в Городке на Ловати (5 экз.), на Передольском селище (1 экз.), в Изборске (2 экз.), в сопке у д. Сквородка (1 экз.) (Рябинин 1995: 54. Рис. 1: 8; Медведев 1959: 161; Носов 1990: 164, 165; Артемьев 1978: 68; Платонова 1991: рис. 6: 17; Кузьмин 1991: 92. Рис. 3: 5; Кузьмин 2001: 59. Рис. 4: 1).

В Ладогe втульчатый двушипный наконечник обнаружен в слое 930–950-х гг. (Рябинин 1995: 54). В Новгороде такие изделия были распространены в X и XI вв. (Медведев 1959: 161). При раскопках Рюрикова городища двушипные втульчатые наконечники не зафиксированы в слоях и комплексах IX–X вв., а отмечены только в перемешанных отложениях памятника. В Изборске один из втульчатых двушипных наконечников встречен в нижнем слое городища, который датируется В. В. Седовым с рубежа VII и VIII вв. до второй четверти – середины X в., а второй относится к более позднему времени (Седов 2002: 81, 90. Рис. 42: 5; Артемьев 1978: 68). В Городке на Ловати подобные изделия связаны с комплексами X–начала XI вв. (Горюнова 1988: 69, 70. Рис. 41, 60). Наконечник, встреченный на Передольском поселении, по мнению Н. И. Платоновой, относится ко второй половине X–XI вв.³ Погребальный комплекс у д. Сквородка датирован автором раскопок серединой X – первой половиной XI вв. (Кузьмин 2001: 59).

В своде наконечников стрел Восточной Европы 1966 г. А. Ф. Медведев, рассматривая находки втуль-

чатых двушипных наконечников, заключил, что, «несомненно», этот тип «заимствован русскими у западных соседей» (Медведев 1966а: 56). В 1978 г. специальный анализ распространения и датировки двушипных наконечников стрел на территории Восточной Европы осуществил Р. С. Минасян (Минасян 1978в). Он дополнил свод А. Ф. Медведева новыми находками и развил его выводы. По мнению Р. С. Минасяна, «носителями стрел с двушипными втульчатыми наконечниками в Восточной Европе были славяне, причем, судя по карте распространения наконечников, все восточные славяне, а не только население западных областей древнерусского государства». «Появление двушипных втульчатых наконечников не было синхронным на этой территории Европы (Правобережье Днепра – VI–VII вв., Левобережье Днепра – VIII–IX вв.; области, лежащие к северу от Припяти и Десны – IX–X вв.)», что, по мнению Р. С. Минасяна, «отражает поэтапность заселения различных областей Восточной Европы какими-то группами славянского населения» (Минасян 1978в: 35–37). Рассматриваемые наконечники стрел, наряду с ножами с волютообразными навершиями, включены Р. С. Минасяном в выделенный им комплекс сельскохозяйственного и бытового инвентаря, который, по его мнению, появился в лесной зоне Восточной Европы при продвижении сюда славян (Минасян 1980а; 1982: 24–29). Не ставя под сомнение преимущественное распространение двушипных втульчатых наконечников стрел среди славян, хотя встречены они и среди древностей других народов (см. Казакивичюс 1988: 73, 74. Рис. 25: 6–8; Смирнов 1974: 33; Розенфельдт 1982: 125–127; Циркин 1987: 204, 206. Рис. 65: 1), следует отметить относительно позднее их появление на памятниках Северо-Запада. Они не обнаружены здесь в достоверных комплексах, датируемых ранее второй четверти X в.⁴, что ставит под сомнение связь этого типа наконечников с первоначальным славянским заселением Приильменья.

Среди железных предметов, встреченных на поселении, отметим также железную трубочку с петлей на конце (табл. 147: 12). Подобные предметы в археологической литературе определяются как «фуляры для трута», «фуляры для фитиля», «фитильные трубки» или «трубочки для трута» (Колчин 1953: 166. Рис. 138; Семенов 1980: 51, 52; Лабутина, Кильдюшевский, Урьева 1981: 75; Розенфельдт 1982: 145, 146; Носов 1990: 97; Енуков 1990: 71; Леонтьев 1996: 144). Н. Г. Недошивина высказала сомнение в правильности определения функциональной принадлежности этих предметов, отметив, что они, как прави-

³ Благодарим Н. И. Платонову за предоставленную информацию.

⁴ Только наконечник из нижнего слоя Изборска, возможно, относится к более раннему времени. Он отличается от других подобных изделий, найденных на памятниках Северо-Запада, своими пропорциями.

Рис. 18. Селище Васильевское 1. Верхняя часть лепного сосуда эпохи раннего железа

ло, не встречаются вместе с кресалами (Недошивина 1963: 51). Однако, во-первых, такая ситуация не говорит о неправильности интерпретации трубочек как футляров, так как в погребение могли положить лишь часть вместо целого набора, а во-вторых, это противоречит материалам могильников Поочья и Прикамья, где фитильные трубки, кресала и кремни во многих случаях сочетаются в одном комплексе (Циркин 1987: 280. Рис. 43; 46; Семенов 1980: 106). Футляры для фитиля известны среди древностей финских племен Оки и Волги в VIII–X вв. (Розенфельдт 1982: 145, 146). Позднее, в X в., они появляются в курганных древностях на других территориях (владимирские, приладожские, смоленские и ярославские курганы) и даже в Скандинавии (погребения 139 и 735 Бирки) (Недошивина 1963: 51. Рис. 5; 8, 20; 26; Фехнер, Недошивина 1987: 76; Спицын 1905а: 13, 26. Рис. 27; Спицын 1905б: 110. Рис. 62; Енуков 1990: 71; Arbman 1940: Taf. 280: 5, 6). Отметим, что все подобные трубочки, найденные в ярославских курганах, происходят исключительно из мужских погребений X в., совершенных по обряду трупосожжения (Недошивина 1963: 51). Принадлежностью мужских захоронений футляры являются также в материалах Шокшинского могильника, расположенного в бассейне р. Цны, и Варнинского могильника в бассейне р. Чепцы (Циркин 1987: 74, 280. Рис. 23: 8; Семенов 1980: 82–98, 106).

В коллекции предметов, происходящих из слоя пахоты, представлен также ледоходный шип (табл. 147: 16). Эти предметы появились на Руси не ранее IX в., по-видимому, при посредстве викингов. Они быстро

вошли в широкий обиход и употреблялись в течение всего средневековья. Исследователи подразделяют шипы на ряд типов, выделяя при этом среди них обувные и конские (Недошивина 1963: 53, 54; Кирпичников 1973: 80–82; Arwidsson 1986a; 1986b). Судя по форме черешков и очертаниям несущей платформы (одна сторона имеет полукруглый край, а другая прямой), ледоходный шип, найденный на поселении Васильевское, аналогичен образцам конских подковок IX–XIII вв. (Кирпичников 1973: 81).

Наконец, среди железных предметов из пахоты упомянем часть железной дужки (табл. 147: 18), железное изделие (булавка, шило?) (табл. 147: 17), железную иглу с ушком (табл. 147: 19), железный стерженек с концом, завернутым в спираль. В числе находок имеется несколько фрагментов неопределенных предметов из железа.

В пахотном слое встречены также изделия из цветных металлов и их обломки: бронзовый грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью и орнаментом в виде косой насечки в нижней части (табл. 148: 1), широкосрединный пластинчатый перстень с завязанными концами, украшенный точками и орнаментом, известным под названием «волчий зуб» (табл. 148: 6), часть предмета, представляющего собой пучок шерстяных нитей, обмотанных бронзовой проволокой, с петлей на конце, возможно, обломок головного жгута или шейной гривны (табл. 148: 10), бронзовая пуговица, бронзовая проволока (табл. 148: 4), свинцовый грузик (табл. 148: 9) и бронзовый слиток (табл. 148: 8). Грушевидные крестопорезные бубенчики были широко распрост-

ранены на Руси (Мальм, Фехнер 1967: 136. Рис. 21). Они являются наиболее древними изделиями среди этой категории украшений Новгорода (Седова 1981: 156), где такие бубенчики обнаружены в слоях до 1116 г. (Лесман 1984: 129, 136). Широкосердцевидные перстни с завязанными концами известны от Швеции и Финляндии на западе до Среднего Поволжья на востоке, причем «если на Западе перстни эти появляются в конце X в., то на нашей территории они в основном датируются XI в.» (Седова 1981: 129, 130; Недошивина 1967: 256, 257, 269, 270). Наиболее ранние находки перстней этого типа на Руси отмечены на Рюриковом городище (последняя четверть X в.) и в гнездовском комплексе (вторая половина X – начало XI вв.) (Носов 1990: 77; Подвигина 1961: 52, 53).

Среди материалов, происходящих из пахотного слоя поселения, имеется шесть целых и фрагментированных стеклянных бусин:

– половина овальной мозаичной бусины с желтым в красном обрамлении глазком и красными и черными полосками. Подобные изделия относятся к I группе стеклянных бус Старой Ладogi, где встречаются в слоях E₂, E₃ и на уровне построек горизонта Д (Львова 1968: 68). По мнению З. А. Львовой, «поперечно и продольно проколотые бусы менее стандартных расцветок известны в Восточной Европе второй половины первого тысячелетия н. э., но точно датирующим материалом служить не могут» (Львова 1973: 87);

– часть округло-бочонкообразной бусины светло-зеленого заглуженного стекла с васильковыми глазками в белых ободках. В Старой Ладoge подобные бусы (II группа бус, по З. А. Львовой) встречаются преимущественно в горизонте Д и выше (Львова 1968: 71). Зеленоватые глазчатые бусы в Скандинавии, судя по материалам, собранным Ю. Кальмером, бытовали с середины IX до начала X в. (периоды BP III: 845–860 гг. и BP VII: 885–915 гг.) (Callmer 1977: 85, 223. № B685);

– округлая васильковая бусина с васильковыми и голубыми глазками в белых ободках. На юго-востоке Европы они появляются еще в VI–VII вв., однако стандартный их тип вырабатывается позднее, в VIII–IX вв. (Деопик 1961: 222). По наблюдениям З. А. Львовой, в Старой Ладoge наибольшее количество таких бус (II группа бус) приходится на нижние горизонты городища E₂ и E₃, но встречаются они и в горизонте Д и выше (Львова 1968: 71);

– треть бочонкообразной бусины из заглуженного печеночно-красного цвета. В Старой Ладoge этот тип (III группа бус, по З. А. Львовой) встречен в слоях VIII–X вв. (Львова 1968: 72);

– половина печеночно-красной крупной бусины шарообразной формы. Красные «пастовые» шарообразные бусы являются наиболее распространенным типом бус Безводнинского могильника в Среднем Поволжье, где они бытовали на протяжении всего времени существования памятника (конец V – первая половина VIII вв.) (Краснов 1980: 47, 96). Найдены подобные бусы и в верхних слоях ряда дяковских городищ (Смирнов 1974: 59). Они часто встречаются в памятниках полемской культуры (Львова 1973: 94, 95). В Верхнем Прикамье этот тип отнесли к концу V–VII вв. (Голдина, Королева 1983: 62). И. Г. Розенфельдт, рассмотрев круг аналогий и датировку красных бусин, пришла к выводу о их распространении в средней полосе Восточной Европы в среде финно-угорского населения во второй половине I тыс. н. э. Она отмечала, что «у муромы они характерны для VI–VII вв., у мордвы – для VI–VIII вв., а в IX в. отсутствуют, в древнеудмуртских памятниках они характерны для IX в.» (Розенфельдт 1982: 63–65). В Старой Ладoge красная шарообразная бусина найдена в нижней части отложений горизонта Д (920–950-е гг.)⁵;

– четырехчастная пронизка серовато-голубого стекла. По наблюдениям З. А. Львовой, одноцветные многочастные пронизки (VIII группа, 4-я подгруппа бус Ладogi) преобладают в ранних слоях городища Старой Ладogi – горизонты E₃–E₁ (Львова 1968: 88).

В пахотном слое было встречены части двух биконических пряслиц из розового шифера. В Старой Ладoge они встречаются начиная с горизонта Д (Давидан 1981: 109. Табл. 4), который относится к 920-м – 990-м гг. (Рябинин, Черных 1988). Древнейшее в Приильменье шиферное пряслице встречено на Рюриковом городище в комплексе, датируемом «в пределах второй четверти X в.» (Носов 1990: 79). В Новгороде подобные изделия появились вместе с первыми жителями в середине X в. и вышли из употребления к концу XIII в. (Колчин 1958: 111; Рыбина 1978: 25–27).

Среди находок представлены также обломки трех оселков из сланца (табл. 148: 22), оселок из песчаника (табл. 148: 24), обломок глиняной шарообразной бусины, фрагмент глиняного диска от вертикального ткацкого станка и часть глиняного пряслица (табл. 148: 13).

Важное место среди материалов, собранных на памятнике, безусловно, занимает керамический материал. Всего найдено около шести тысяч фрагментов раннесредневековой лепной керамики. Посуда была сделана из ожелезненной глины разной пластичности. В тесто добавлялась, в основном, дресва. В стенках одного сосуда видны многочисленные пустоты от

⁵ Благодарим Я. В. Френкеля за предоставленную информацию.

большого количества органической добавки в глину (табл. 156: 7). Сосуды лепились кольцевым способом из нескольких полос глины шириной 2,5–6 см. В нескольких случаях зафиксирован донно-емкостной начин (табл. 150: 12; 155: 9). Венчики уплощены, реже округлы, иногда наблюдается небольшое утолщение с внешней стороны. Толщина стенок в большинстве случаев – 0,7–1 см. Днища плоские, иногда чуть вогнутые. Поверхность их, в основном, ровная. Часто на дне наблюдается подсыпка дресвы или песка. На одном обломке днища видны следы плетенки. Толщина днищ 0,7–1,4 см. На поверхности посуды видны следы заглаживания, обычно горизонтальные по шейке, плечу и вертикальные по нижней части тулова. Несмотря на эту обработку поверхность большинства сосудов шероховатая, а иногда бугристая от выпирающих зерен отошителя. Только у одного фрагмента сосуда поверхность гладкая, подлощенная (табл. 149: 27). Цвет керамики от светло-коричневого до бурого. Обжиг окислительный. Он производился, по-видимому, в костре или бытовой печи. Стенки посуды в изломе преимущественно трехслойные с более светлыми четкими краевыми прослойками и темно-серой или черной средней частью глиняного черепка. При обжиге некоторые сосуды стояли верху днищами. На обломке венчика одного из горшков ясно видно, что верхняя его часть была подвержена меньшему термическому воздействию. Судя по фрагментам одного сосуда, имеющим однотонно окрашенные пластинчатые сколы (при том, что в свежем изломе видна трехслойность черепка), можно говорить о присутствии в материалах поселения производственного брака⁶.

Орнаментация не характерна для лепной посуды конца I тыс. н. э. селища. Всего четырнадцать, главным образом, небольших обломков сосудов памятника орнаментированы: два сосуда по венчику и три по плечу украшены отпечатками веревочки, намотанной на палочку (табл. 149: 18, 25, 27; 153: 4; 157: 2), два горшка имеют насечки по венчику (табл. 149: 14; 154: 3), на одной стенке имеется каннелюра (табл. 152: 1), на трех обломках встречены пальцевые вдавления (табл. 149: 21, 22; 151: 9), на одном фрагменте сосуда нанесены ногтевые вдавления по плечу (табл. 149: 20), на одном обломке отмечен фигурный штамп (табл. 149: 24), а на плечике еще одного сосуда выполнен кольцевидный орнамент, нанесенный стеблем травы (?) (табл. 149: 23).

В коллекции представлено около шестидесяти обломков верхних частей раннесредневековых лепных сосудов, которые позволяют судить о формах керамики. Основной категорией посуды являлись горшки. По характеру профилировки их верхних частей

можно выделить группу, которую составляют сосуды с четко выраженным плечиком, часто с ребром при переходе от горловины к тулову и выделенной шейкой. Керамика, входящая в эту группу, составляет около половины лепной посуды конца I тыс. н. э. и определяет своеобразие керамического комплекса поселения. Верхние части других горшков довольно разнообразны и не составляют отчетливых групп.

В материалах из раскопок на селище имеются фрагменты мискообразных (табл. 151: 10; 153: 5) и миниатюрных сосудов (табл. 149: 13, 17, 19; 154: 9; 155: 2, 8).

Сравнение лепной посуды поселения Васильевское с материалами археологических памятников Северо-Запада России, имеющих слои VIII – начала X вв., показало ее тождество с керамикой нижних горизонтов таких значительных центров, как Ладога, Рюриково городище, Новгород и ряд поселений Поволховья и Ильменского Поозерья (Носов, Плохов 1997: 137–139. Рис. 5–11; Петренко, Шитова 1985: 186, 187. Рис. 3; Плохов 2002а; Сениченкова 1998). Керамика близких форм встречена при раскопках селищ Золотое Колено и Нестеровичи в бассейне р. Мсты, Городка на Шелони и других (Носов, Плохов 1991: 127–129. Рис. 7–12; Конецкий 1991: 102. Рис. 7). Подобные сосуды найдены во многих погребениях в сопках (Конецкий, Носов 1995: 48, 49. Рис. 4; Кузьмин 1994: рис. 1: 17–19; Носов, Плохов 1991: рис. 2; Петренко 1994: 71, 71. Рис. 29).

Изучение керамического комплекса памятника играет ключевую роль при решении вопроса датировки раскопанной части поселения Васильевское. Следует учитывать то, что в заполнении почти всех исследованных сооружений и ям, а также в непо потревоженном культурном слое преобладала лепная неорнаментированная профилированная керамика, а обломки раннегончарной посуды встречены лишь в некоторых комплексах в незначительном числе. Так, в сооружении, раскопанном в квадратах 51, 54, 55, 61–65, из более чем 800 фрагментов посуды только 15 принадлежало одному раннегончарному сосуду. В комплексе, изученном в квадратах 21, 41, 42, 51, 52, из более чем 700 обломков сосудов только два были от лепных горшков, а в яме, исследованной в квадрате 19, из 35 фрагментов – 4.

Обычно полагают, что гончарная посуда появилась в Поволховье с начала X в. и в первой половине этого столетия происходит процесс «смены лепной керамики гончарной», при этом комплексы, содержащие только лепные горшки, относятся к более раннему времени (Носов 1990: 149). Исходя из этого заключения, основную часть исследованных комплексов можно было бы датировать концом IX – пер-

⁶ Однотонную окраску мест изломов и поверхности имеет еще ряд обломков лепных и гончарных горшков.

вой половиной X вв., что и было сделано в одной из предварительных публикаций материалов поселения (Носов, Плохов 1990: 9). Однако сравнение раннегончарных сосудов, найденных в комплексах памятника, с материалами стратифицированной колонки раннекруговой посуды Рюрикова городища показало, что горшки с поселения Васильевское относятся ко второй половине X в. (Горюнова 1997). Следует отметить, что по данным, полученным при изучении Рюрикова городища, количество гончарной керамики до середины X в. крайне невелико – около 4% и лишь с середины столетия она резко вытесняет лепную посуду (Носов 1990: 62). В это же время отмечаются изменения в структуре раннегончарного комплекса данного торгово-ремесленного центра – прекращают существование одни группы сосудов, появляются новые, изготавливаемые на другом, более высоком техническом уровне, изменяются существующие типы горшков (Горюнова 1997: 171). Только на этом этапе развития гончарного производства круговая посуда появляется на поселении Васильевское.

К более позднему времени следует отнести существование сооружения, от которого осталась яма в кв. 64, 65, 67, 103. Керамический комплекс позволяет датировать его функционирование XI в.

Анализ угля из заполнения сооружений, исследованных в 1986–1989 гг., проведенный в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, позволил получить достаточно представительную серию датировок. Сравнение шести калиброванных дат ряда углубленных в материк оснований построек (в кв. 21, 41, 42, 51, 52 и в кв. 51, 54, 55, 61–65), хозяйственной ямы в кв. 56, 61, комплекса с очагами в кв. 31, 46 и обноска печи-каменки позволило «определить их наиболее вероятный период функционирования как 956–1000 (1020) гг.», хотя «с некоторой долей вероятности они могли относиться и к концу IX – началу X вв.» (Попов, Зайцева 1994: 172, 180, 181). Уголь из заполнения ям в кв. 89, 90 и 93 дал более ранние даты: 720...738, 770...890 cal AD (2д) (JE-3464) и 690...878 cal AD (2д) (JE-3466). Радиоуглеродный анализ угля из заполнения кострища в кв. 98, 99 позволил предположить его использование в раннем железном веке (78... 390 cal AD (2д) (JE-3465)).

Таким образом, керамический материал и данные радиоуглеродного анализа позволяют датировать основную часть комплексов селища Васильевское I X в., причем, скорее всего даже его второй половиной. Эта датировка в целом не противоречит хронологии вещевого набора поселения.

Исследование отпечатков растений на кусках глиняной обмазки дало свидетельства того, что жители поселения выращивали ячмень и пшеницу-двухзернянку (полбу) (Lempiäinen, Levkovskaja 1994). Кост-

ный материал на памятнике сохранился только в заполнениях комплексов. Его изучение показало, что обитатели поселка разводили коров, овец, свиней, лошадей, собак. Остатки костей лося свидетельствуют о занятии жителей поселения охотой. Судя по находкам большого количества костей и чешуи рыб в заполнении сооружений и ям, обитатели поселка активно занимались рыболовством.

Раскопки, проведенные в течение нескольких лет на селище у д. Васильевское, позволяют сделать определенные выводы. По-видимому, исследованная часть представляет собой все же периферию поселения, занятую производственными и хозяйственными комплексами. Об обработке железа свидетельствует открытие горна, шлаки, а также находка обломка сопла. О работе с цветными металлами говорят находки фрагментов тиглей, бронзового слитка и обломка каменной литейной формочки. Существование косторезного промысла находит подтверждение только в найденном здесь куске обработанного рога и грубо сделанной из рога обоймы.

Поселение Васильевское находится в сгустке раннесредневековых памятников (табл. 159). В 300 м вверх по течению реки расположено городище Георгий, за городищем на другом берегу ручья также зафиксировано большое селище, а в нескольких сотнях метров от него вверх по реке еще одно (Георгий 1 и 2). Южнее поселения, вниз по течению, расположено еще два памятника – Васильевское 2 и 3. Следует отметить, что западнее раскопа у берега ниже уровня современной пахоты был отмечен слой, содержащий обломки средневековой посуды. Фрагменты лепных неорнаментированных горшков были встречены в низине у юго-восточного склона всхолмления (табл. 157: 17).

Городище Георгий. Городище Георгий расположено в 1,2 км к югу от одноименной деревни, в 300 м вверх по течению реки Веряжи от селища Васильевское, при впадении в нее ручья (рис. 19; табл. 160). Оно занимает северный конец того же всхолмления, что и селище. Площадка поселения поднимается над окружающей поймой на 4,5 м. В ее северо-восточной части на 30 м в длину сохранились остатки земляного вала. Его ширина в основании 12–14 м, высота от 1 м (над уровнем площадки) до 3,3 м (с напольной стороны).

Впервые вал городища упомянут в своде И. С. Романцева 1911 г. как находящийся у ныне несуществующей деревни Заостровье (Романцев 1911: 126). Само название деревни как расположенной «за островом» подчеркивает, что всхолмление, которое занимают городище Георгий и селище Васильевское 1, превращались в весеннее время в настоящий остров. Подобная картина даже при средних разливах Ильменя наблюдается ежегодно и в наши дни со вто-

Рис. 19. Городище Георгий. Вид с северо-востока

рой половины апреля до начала июля, создавая особый неповторимый поозерский пейзаж. В середине 1950-х гг. городище было осмотрено М. М. Аксеновым, в 1958 и 1979 гг. его раскопки проводил С. Н. Орлов. Им было исследовано на поселении 166 кв. м. При этом были найдены углубленные в материк хозяйственные ямы, скопления глины и пережженных валунов от печей-каменок. В заполнении комплексов встречена исключительно лепная керамика, которая преобладала и в культурном слое. Среди нее представлены как горшки с четкими ребристыми плечиками «ладожского типа», так и горшки с плавным переходом от слабопрофилированного горла к расширяющемуся тулову (Аксенов А-1958: 4, 5; Орлов, Аксенов 1961: 165, 167. Рис. 3; 4; Орлов А-1979).

В числе находок имелись: подковообразная железная фибула, ромбический наконечник стрелы (Орлов, Аксенов 1961: 163. Рис. 2: 1, 2), коса-горбуша и железный серповидный нож. Одним из наиболее интересных предметов, обнаруженных при раскопках С. Н. Орлова, стал железный нож, рукоять которого завершалась двумя волютами. Долгое время он был единственной находкой подобного рода на всей территории Северной Руси (Орлов, Аксенов 1961: 163. Рис. 2: 3). Теперь аналогичный нож найден и на близлежащем к городищу селище Васильевское 1 и уже описан нами ранее, где детально рассмотрена проблематика, связанная с изучением подобных изделий. Еще раз повторим, что подобные ножи обычно связываются с материальной культурой, оставленной славянским населением. Из раскопок 1979 г. происходит бронзовый салтовский перстень с крестообразно расположенными лапками, принадлежащий к типу 1, по классификации С. А. Плетневой. Этот тип

датируется автором классификации концом VIII – первой половиной IX вв. (Плетнева 1967: 137–141).

С. Н. Орлов и М. М. Аксенов отнесли основной слой поселения к VIII–IX вв. (Орлов, Аксенов 1961: 165–167). Этот слой, по мнению С. Н. Орлова, уходит под насыпь вала, возведение которого соответственно он датировал более поздним временем – X или XI–XII вв. Как полагали С. Н. Орлов и В. В. Мавродин, строительство вала было связано с устройством на данном месте усадьбы феодала (Мавродин 1964: 147, 148).

В 1983 г. городище было обследовано Новгородской областной экспедицией. В 1989–1993 гг. экспедицией были проведены исследования поселения, в результате которых была изучена большая часть сохранившейся к настоящему времени площади городища. Раскопом было вскрыто 444 кв. м на площадке памятника, а двумя траншеями и четырьмя шурфами изучены его оборонительные укрепления (Носов, Плохов 1990: 9; Носов, Плохов 1992а: 14, 15; Носов, Плохов 1992б: 16–20; Носов, Плохов 1993: 43, 44; Носов, Плохов 1994а: 29–30; Носов, Горюнова и др.: 15–17).

Мощность культурного слоя на исследованном участке составила 0,4–0,9 м. Верхняя часть отложенной толщиной 0,16–0,6 м представляет собой аморфный гумус серого цвета. Из него происходит лепная и разновременная гончарная керамика, а также ряд индивидуальных находок: части двух витых и одного ладьевидного браслетов из бронзы (табл. 162: 9), крестик, два ножа, железный язычок от пряжки, часть стеклянного браслета, стеклянная бусина, фрагмент хрустальной 14-гранной бусины, оселок, глиняное пряслице и обломок льячки.

Нижняя часть культурных напластований имела более темную окраску. Мощность этого слоя — 0,1–0,5 м. При его разборке были выявлены развал печи-каменки и остатки глинобитной печи (размеры 1,7 × 2,52 м), стоявших, видимо, в наземных домах, а также зафиксированы пятна темного (с углистыми включениями) и коричневого гумуса различной интенсивности. Некоторые из этих пятен маркировали верхние части заполнения различных ям и сооружений, углубленных в материк.

В 1992 г. при изучении разрушенного вала был вскрыт развал обугленного дерева, который при дальнейших исследованиях в 1993 г. оказался частью срубной постройки. От нее сохранилась, главным образом, южная часть. Сооружение ориентировано углами по сторонам света. Размеры постройки не меньше, чем 5 × 5,5 м. Сруб сохранился на высоту 2–3 венцов. Сооружение располагалось на культурном слое первоначального поселения и сторело перед возведением вала, что и сохранило его остатки до нашего времени. При разборке этого сооружения было найдено семь черешковых ромбовидных стрел (табл. 161: 1–3), причем шесть из них на площади немногим более одного квадратного метра.

В нижней части культурного слоя и в заполнении комплексов встречено значительное число фрагментов глиняной обмазки, отдельные фрагменты раннегончарной посуды и большое количество обломков лепной керамики. Среди лепной посуды преобладает неорнаментированная керамика конца I тыс. н. э., причем отмечены как горшки, принадлежащие к «ладожскому» типу (табл. 163: 1, 4), так и сосуды других форм. Кроме того, в материалах памятника были встречены фрагменты посуды с текстильной и штрихованной поверхностью, относящиеся к раннему железному веку.

Благодаря проводившейся промывке значительной части культурных отложений поселения и заполнений большинства комплексов, собрана внушительная коллекция индивидуальных находок: янтарная, сердоликовая, четыре глиняные и 248 стеклянных бусин (среди них 236 бисерин), 1/8 часть дирхема, обломок и 10 целых маленьких бронзовых трапециевидных подвесок (табл. 162: 1–5), часть трапециевидной бронзовой подвески, бронзовый перстень, бляшка (табл. 162: 6), пластинчатый широкосрединный перстень с завязанными концами (табл. 162: 11), сферическая весовая гиричка (табл. 162: 13), половина и два целых простых проволочных височных кольца (табл. 162: 14, 17), части двух бронзовых цепочек, дуга бронзовой подковообразной фибулы ромбовидного сечения (табл. 162: 12), два обломка бронзового накотника или перстня, небольшое бронзовое украшение из пластины с загнутыми концами (табл. 162: 10), ножницы с бронзовыми накладками (табл. 161: 7),

половинка железной лировидной привески от плети (табл. 161: 10), фрагмент железной пластинки с орнаментом, калачевидное кресало (табл. 161: 14), 3 шила (табл. 161: 6, 9), наконечник дротика (табл. 161: 13), одиннадцать наконечников стрел (целых и обломков) (табл. 161: 4, 5), железный крючок, ножи и их обломки (в том числе нож с остатками деревянной рукояти) (табл. 161: 8, 11, 12), костяной амулет, обломок сланцевого тесла, два оселка из сланца, два фрагмента глиняных льячек, части тиглей, обломки четырнадцати глиняных и одного костяного пряслица, глиняный диск диаметром 9,5 см и толщиной 5 см с ямками на плоскостях и ряд других предметов и их фрагментов. При разборке одной из хозяйственных ям был обнаружен комок из трех-четырёх восточных монет плохой сохранности. После их расчистки И. Г. Добровольскому удалось определить три из них: 1) 1/3 арабо-сасанидской драхмы второй половины VII в.; 2) 1/4 часть омайядского дирхема, чеканенного в 713/714 гг.; 3) 1/4 часть аббасидского дирхема второй половины VIII–начала IX вв., чеканенного в Мединат ас-(Салам?).

Особо необходимо упомянуть встреченную в заполнении одного из комплексов, наряду с материалами конца I тыс. н. э., бронзовую двучленную прогнутую подвязную арбалетообразную фибулу (табл. 162: 15). В древности у фибулы был отломан приемник, затем вместо него вдвое была согнута ножка, и фибулу вновь использовали, как застежку. До поломки иглы длина корпуса фибулы была 4,7 см, длина пружины — 3 см, длина иглы — 4,5 см. В отечественной литературе существует две классификации позднеримских фибул, разработанные А. К. Амброзом и Е. Л. Гороховским. По А. К. Амброзу, фибула с городища Георгий относится к серии I, вариантам II и III (Амброз 1966: 60–66). По более дробной типологии Е. Л. Гороховского, она принадлежит к серии Б, варианту 26 «средних» фибул. Фибулы такого типа появляются со второй половины III в. н. э., но наиболее часто представлены во второй трети и третьей четверти IV в. — около 330–380 гг. (Гороховский 1988: 35, 44). Они имели широкое распространение на памятниках черняховской культуры. Древностей этого времени на городище не зафиксировано. Фибула с городища Георгий была обнаружена в заполнении сооружения, относящегося, судя по керамическому материалу, к концу I тыс. н. э., то есть является случайным предметом в основном вещественном комплексе памятника. Можно предположить, что фибула была найдена и принесена в поселок одним из его обитателей, и не исключено, что и ремонт странной вещицы был сделан на столетия позже ее изготовления. Однако само ее наличие дает основания думать, что в центральных районах Приильменья имеются археологические древности пер-

вой половины I тыс. н. э. и постепенно мы сможем представить их облик гораздо полнее, чем сейчас (Носов 2002: 74–76).

Для дальнейшого исследования была заложена траншея длиной 20 м и шириной 2,8 м в юго-восточной части городища. Она прорезала вал в его южной сохранившейся части. Ее конец соприкасался с раскопом на площадке, а другой захватывал предвальное пространство. Вторая траншея (2 × 18 м) располагалась к югу от основной площадки памятника, на месте ясно видимой ложбины.

Раскопки показали, что поселок не был изначально укреплен, о чем свидетельствует зафиксированный под валом культурный слой плотного серого гумуса толщиной до 0,26 м. В этом слое найдены фрагменты глиняной обмазки и обломки лепной керамики, главным образом, конца I тыс. н. э., а также половинка бронзового пицета (табл. 162: 8). На следующем этапе существования памятника вдоль края ложбины был насыпан вал высотой 0,6–0,7 м и шириной около 5 м. Частично он был сооружен из грунта, взятого с площадки городища, в результате чего здесь перед валом образовалась выемка. Склон ложбины был, по-видимому, частично эскарпирован. Наибольшая ее глубина по отношению к вершине первоначального вала составляла около 4,4 м. В дальнейшем вал досыпали несколько раз. На основании наблюдений над стратиграфией вала можно говорить о трех таких этапах. Окончательные размеры вала невозможно определить из-за его значительных разрушений во время Великой Отечественной войны. Первоначальное сооружение насыпи вала и его последующие досыпки датируются временем не позднее первой половины X в. Об этом свидетельствует то, что как в самой насыпи вала, так и в заполнении выемки на площадке перед валом, была найдена исключительно лепная неорнаментированная керамика при полном отсутствии гончарной посуды, распространенной в Приильменье во второй половине X в.

Для определения западных границ площадки городища было заложено в линию 4 шурфа на расстоянии 10 м один из другого. Если шурф № 1 оказался в пределах площадки памятника, то в шурфах № 2 и № 3 было зафиксировано резкое падение материка до 2,5–3 м от дневной поверхности – древний ров. Шурф № 4 оказался за пределами оборонительных сооружений. Стратиграфия заполнения рва, судя по выявленной в шурфах картине, в целом, совпадает с таковой, зафиксированной при исследовании укреплений с юго-восточной и южной стороны городи-

ща. При работах в шурфе № 3 были найдены колпачковидная бронзовая подвеска и обломок шлифованного сланцевого орудия.

Раскопки показали, что до того как на берегу р. Веряжи появилось поселение, этот участок распахивался. После разборки культурного слоя под валом по краю площадки на фоне материка были зафиксированы следы вспашки однозубым пахотным орудием типа рала – узкие (до 6 см в ширину) взаимопересекающиеся полосы, образующие частую клетку (рис. 20) (Nosov 1994: 60–62. Fig. 1).

В 1991 г. из заполнения борозд древней пахоты Г. М. Левковской были взяты несколько образцов для палинологического анализа, и в одном из них определено 741 пыльцевое зерно. В общем составе комплекса господствует пыльца травяно-кустарниковых растений – 75,5%. Содержание пыльцы древесных пород – 17,8%, спор – 6,7%. Полученные данные говорят о господстве в районе поселения в конце IX в. открытых ценозов, занятых заболоченными пойменными лугами и посевами. Вблизи поселения встречались также леса преимущественно из березы, ольхи и вяза, были представлены дуб и лещина. Обилие пыльцы сорных и культурных растений говорит о значительной окультуренности ландшафта в прошлом. Палинологические данные свидетельствуют о существовании в районе поселения смешанных посевов из нескольких культур или древних огородов (Nosov 1994: 62).

В рамках комплексной программы изучения новгородской округи летом 1993 г. немецкие палеоботаники из Института до- и протоистории Кильского университета Германии Х. Кролль и А. Альслебен в составе Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН провели отбор палеоботанических материалов из раскопок городища Георгий. Лабораторный анализ проб, выполненный А. Альслебен, позволил охарактеризовать земледельческую составляющую в хозяйстве обитателей поселения на р. Веряже и получить некоторые данные об окружавшем его ландшафте (Альслебен 1997: 191–204; Alsleben 2001: 362–367. Tab. 1–3; Nosov 2001: 362–367. Tab. 1–3);⁷

Среди культурных растений, возделываемых на поселении, были выявлены все виды зерновых: ячмень, просо, пшеница (три вида), рожь и овес. Наибольшую роль в структуре питания жителей городища играли ячмень и просо (18,1% и 26,1% соответственно в количестве остатков). Рожь, основная зерновая культура лесной полосы Восточной Европы

⁷ В последней работе А. Альслебен, в сравнении с более ранней русскоязычной публикацией, процентное соотношение различных зерновых культур по отношению к общему числу определенных растительных остатков несколько отличается (абсолютные цифры, в основном, остались прежними). Эти уточнения были внесены по окончании обработки коллекции и атрибуции зерновых остатков, которые требовали дополнительного рассмотрения. Так, если в первой публикации число неопределимых зерновых остатков составляло 24,2%, то в окончательном варианте оно уменьшилось до 22,3%.

Рис. 20. Городище Георгий. Следы распахки

в последующие века Российской истории, представлена в пробах в незначительном количестве (6,6%), но имеются данные о небольшом увеличении со временем ее доли. Во всяком случае, по мнению А. Альслебен, рожь уже играла определенную роль в структуре питания населения и возделывалась как самостоятельная культура, по крайней мере, в X в. Среди бобовых растений наиболее распространенным был горох, кроме которого представлены единичные экземпляры бобов и чечевицы. О занятии обитателей поселения собирательством свидетельствует присутствие в пробах остатков малины, земляники, орешника, шиповника и боярышника.

Собранные во время раскопок памятника кости были проанализированы группой остеологов из Англии (Молтби, Гамильтон-Даер 1995: 129–156). По полученным ими данным основная масса костей, встреченных на поселении, относится к домашним животным. Наибольшее количество их принадлежит останкам свиней – 47%. Крупного рогатого скота было несколько меньше – 38%. Кости лошадей и мелкого рогатого скота встречены на памятнике в неболь-

шом количестве (9% и 6% соответственно). Такой состав стада был, видимо, в значительной мере определен характером окружающей местности. Отличительной ее чертой являлись чередующиеся полосы лесов, лугов и пойм. Это, вероятно, было не слишком благоприятно для содержания больших отар овец, а более подходило для разведения крупного рогатого скота и свиней. При раскопках городища встречены отдельные кости собак и кошек. Некоторую роль в хозяйстве населения поселения Георгий играла охота, что объясняется его расположением на границе дремучих лесов, вплотную подходивших к р. Веряже, и сельскохозяйственных угодий Поозерья. Среди останков диких животных на городище (4,3% костей млекопитающих) определены кости лося, бобра, медведя, рыси и белки. Птицы в материалах памятника представлены только гусями и утками. Обитатели поселения Георгий активно занимались рыболовством. В их уловах преобладали лещ, судак, щука и окунь.

Керамический комплекс поселения, вещевой материал, монеты позволяют датировать раскопанную

Рис. 21. Поселение Прость. Вид с юго-запада

часть городища второй половиной IX–X вв. К началу XI в. жизнь на памятнике замирает, и только немногочисленные фрагменты гончарной керамики в верхнем слое и некоторые находки позволяют говорить о посещении этого места или кратковременной жизни здесь в XI–XVIII вв. В нашем распоряжении сейчас нет материалов, которые позволили бы подробно датировать различные отложения поселения, хотя относительная хронология отдельных слоев и комплексов безусловно прослежена. По данным радиоуглеродного анализа, основная часть сооружений в пределах раскопа 1989–1990 гг. с наибольшей вероятностью относится ко второй четверти – концу X в., но не исключена и более широкая их дата (Попов, Зайцева 1994: 169, 170, 173, 181, 182).

Городище сильно подмыто со стороны реки, а его укрепления почти полностью разрушены временем. Судя по имеющимся данным, первоначальный облик поселения и его укреплений, вероятнее всего, был близок Сергову Городку, расположенному в низовьях р. Веряжи.

На современном этапе изучения жизнь на поселении Георгий можно представить следующим образом. В IX в. на мысу при впадении в р. Веряжу ручья существовало неукрепленное поселение, рядом с которым находились поля и огороды. Окружающий ландшафт был достаточно открытым. Позднее, в кон-

це IX – начале X вв., у края площадки были возведены укрепления. В X в. они несколько раз реконструировались. В конце X – начале XI вв. городище практически заустало.

Городище Георгий, единственное укрепленное поселение в центре поозерской поселенческой зоны, несомненно, играло особую роль на фоне других памятников, – прежде всего, административного и, вероятно, военного центра. К концу X – в начале XI вв., в период интенсивного укрепления новгородской административной системы и государственности, городище потеряло свое значение и было заброшено. Характер земледельческого хозяйства и структура питания населения в период до возведения укреплений и после их строительства, очевидно, являлись типичными и для других близлежащих поозерских поселений IX–X вв.

Селище Прость. Поселение расположено на левом берегу протоки Волхова при впадении в нее речки Прость в двух километрах к югу от Новгорода. Оно занимает самый высокий холм в районе истока Волхова, окруженный низменной и затапливаемой во время паводков территорией (рис. 21; табл. 164). Высота площадки над уровнем реки составляет 3–6 м. Приблизительные размеры памятника, вытянутого вдоль Волхова, 200 × 500 м. Судя по концентрации керамики и интенсивности темного культурного

слоя, на поселении прослеживается несколько гнезд плотной древней застройки. Селище Прость является самым крупным неукрепленным поселением раннего средневековья в окрестностях Новгорода, и крайне заманчиво видеть в нем центр словен Ильменского Поозерья. Косвенно это подкрепляется тем, что поселение находится всего лишь в 300 м от главного языческого святилища словен новгородских – урочища Перынь. Весною и в начале лета оно отделено от капища водами разлившегося Ильменя, а в остальное время – заболоченной низиной (табл. II: 2).

Нельзя сказать, что поселение Прость никогда не привлекало внимание исследователей. Оно было открыто в середине 1950-х гг. новгородским краеведом М. М. Аксеновым (Аксенов А-1958: 3; Орлов, Аксенов 1961: 163–164). В дальнейшем на памятнике неоднократно проводил раскопки С. Н. Орлов. В 1961, 1976 и 1979 гг. им было заложено на поселении четыре раскопа и четыре шурфа общей площадью 600 кв. м (Орлов 1972: 127–138; Орлов А-1976: 30–34; Орлов А-1979: 1–6). В них были обнаружены углубленные в материк хозяйственные ямы, скопления пережженных камней, полуземлянка (2,8 × 3,9 м) с глинобитной печью, которые исследователь датировал VIII–X вв. Известно, что С. Н. Орлов также закладывал на поселении раскопы в 1977 и 1978 гг. и еще в течение ряда лет – шурфы. Однако отчеты об этих работах в Полевой комитет ИА АН СССР не представлялись, а полученный материал в значительной части утрачен и по сути дела депортирован, чтобы его привлечь для серьезного научного анализа. В целом, следует отметить, что раскопки С. Н. Орлова не дали комплексного представления о характере поселения, места расположения раскопов не имеют точной привязки на местности, а где находился целый ряд шурфов – вообще не известно.

В 1982 г. Новгородской областной экспедицией ЛОИА АН ССР было произведено обследование поселения на реке Прость, снят его инструментальный план, собран подъемный материал, среди которого, помимо разновременной керамики (лепной посуды конца I тыс. н. э., фрагментов древнерусских гончарных и позднесредневековых горшков), встречен обломок шлифованного каменного топора эпохи раннего металла. По всей площади памятника была найдена керамика с поверхностью, украшенной отпечатками гребенчатого штампа и ямками, относящаяся к этому же периоду (Носов А-1982: 19).

Задачей работ на памятнике в 1997–1999 гг. было выявление и исследование участка со слоями второй половины I тыс. н. э., этого еще плохо изученного в Приильменье периода. С этой целью был заложен раскоп в центральной части поселения, рядом с предполагаемым местом раскопов III, IV С. Н. Орлова

Рис. 22. Поселение Прость. Раскоп 1999 г. Вид с севера

в 1976, 1978, 1979 гг., в которых были встречены материалы более ранние, чем на других известных памятниках Новгородской округи (рис. 22). Общая площадь раскопа, подвергшаяся исследованиям за три года, составила около 1000 кв. м. Кроме этого для определения характера культурных напластований в северной и юго-восточной частях поселения были заложены небольшие раскопы площадью 16 и 36 кв. м соответственно, а в юго-западной части памятника, на месте строительства, экспедицией были проведены аварийные работы на площади около 190 кв. м (Носов, Ершевский, Плохов 1998: 25–32; Носов, Ершевский, Плохов 1999: 14–19; Носов, Ершевский, Хвощинская 2000: 41–44).

Мощность культурного слоя на исследованном участке составила от 0,14 м до 0,86 м. Верхняя его часть толщиной от 0,14 м до 0,72 м представляла собой пахотный слой. В нем кроме многочисленных фрагментов бутылочных и оконных стекол, обломков металлических предметов нового и новейшего времени, мелких фрагментов кирпича, небольших, в основном пережженных камней, кремневых отщепов, разновременной керамики (от фрагментов посуды эпохи раннего металла до современных горшков и фарфора) были встречены также индивидуальные находки: разнообразные каменные орудия (топоры, скребки, наконечники стрел), изделия из бронзы (трапециевидная подвеска, пряжка, наконечник ремня, накладка, бляшка, пуговица, обломок нательного крестика, поясной наконечник с колечком, накладка с растительным орнаментом), железные предметы (ледоходный шип, два ключа, вток (?), обломок лезвия топора, пряжка, язычок от пряжки, обломок наконечника стрелы (?), обломки серпов, три шила, ножи и их обломки), стеклянная вставка от перстня, 17 стеклянных бус и одна глиняная, донце стеклянного сосудика, целое глиняное пряслице и фрагменты еще одиннадцати, обломок грузила, сланцевые оселки, фрагменты тиглей.

Сразу после снятия пахотного слоя в северо-восточной части раскопа были зафиксированы остатки очага, представляющие собой слой обожженных расколотившихся местами до дресвы камней. Под камнями и между ними имелась углистая прослойка толщиной до 0,05 м. Размеры очага – 0,6 × 0,7 м. Среди камней был найден только один небольшой фрагмент лепной керамики.

На части исследованной площади сохранился не потревоженный культурный слой черного цвета мощностью до 0,3 м. При его разборке встречались угольки, значительное число обожженных и расколотившихся камней, куски глиняной обмазки, железные шлаки, кремневые отщепы, а также отдельные кости и зубы животных. Здесь же было найдено большое количество обломков лепных горшков, а местами, особенно в северо-западной части раскопа, фрагменты гончарной керамики. Среди лепной посуды представлены как сосуды «кладожского типа», составляющие основу керамического комплекса на памятниках Северного Приильменья и Поволховья конца I тысячелетия н. э., так и профилированные горшки других форм. Орнаментация на этой керамике почти полностью отсутствует. В культурном слое представлены фрагменты посуды эпохи раннего металла, украшенные отпечатками разнообразных штампов, и эпохи раннего железа, имеющие «текстильную» или «штрихованную» поверхность.

В черном слое встречено большое количество индивидуальных находок, среди которых следует отметить: три бронзовых височных кольца со спиральным завитком наружу, считающихся типичным общеславянским украшением, бронзовое поясное кольцо, бронзовый пластинчатый перстень, обломок бронзового браслета со слабо расширяющимися концами, три бронзовые спиральки, два бронзовых кольца, фрагменты бронзовой проволоки, три бронзовые пуговицы, часть бронзовой цепочки, маленький фрагмент дирхема, два шила, три ножа и три их обломка, два рыболовных крючка, обломок ведерной дужки, язычок пряжки, железную ладейную заклепку, части 24 глиняных пряслиц, льячку, обломки тиглей, фрагменты двух оселков, десять глиняных и 59 стеклянных бусин, кусочек янтаря, сланцевый шлифованный топор и несколько кремневых орудий (наконечники стрел и скребки).

После разборки пахотного и черного слоев на фоне серого гумусированного песка и материка было выявлено большое число темно-серых гумусированных пятен, маркирующих заполнения различных углубленных сооружений и ям (рис. 23). Их дальнейшая разборка показала, что по своей форме, размерам и глубине они различны. Среди них оказались как небольшие ямки от разного рода столбов и хозяйственных ям, так и углубленные основания более зна-

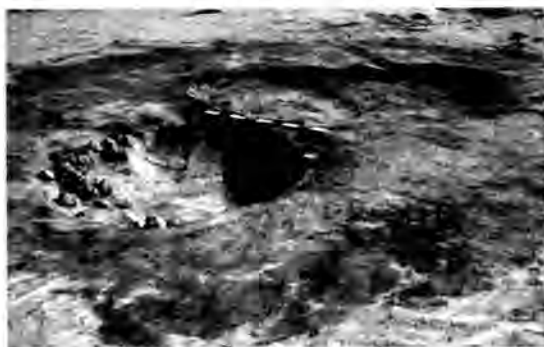

Рис. 23. Поселение Прость.
Углубленные в материк сооружения. Вид с северо-востока

чительных сооружений. Предварительное изучение материалов, полученных в результате исследования комплексов, позволяет отнести их к нескольким хронологическим периодам.

Особый интерес представляет сооружение, изученное в центральной части раскопа 1997 г. (табл. 165). Это близкий к овалу в плане котлован размерами 3,3 × 5,1 м. Стенки у него крутые, дно вогнутое. Наибольшая глубина комплекса – 0,54 м. На дне сооружения была зафиксирована столбовая яма диаметром 0,3 м и глубиной 0,26 м. С севера комплекс имел приступок размерами 1 × 2,1 м и глубиной 0,2 м. Заполнение постройки представляло собой темный гумус. В верхней части он имел более темный цвет. Здесь было отмечено значительное число камней (в основном обожженных и колотых), большое количество угля (в том числе отдельные обугленные плашки до 0,24 м в длину, причем их ориентация совпадала с продольной осью комплекса), кости животных, фрагмент железного шлака, обломки глиняной обмазки. В северо-западной части сооружения при разборке заполнения было зафиксировано несколько скопленных кальцинированных костей. В комплексе найдено несколько кремневых отщепов, а также порядочное число в основном небольших фрагментов профилированной лепной посуды (табл. 166). Керамический набор, полученный при разборке сооружения, в значительной мере отличен от материалов памятников Новгородской округи конца I тыс. н. э., в том числе полученных с селища Васильевское и городища Георгий. Так, здесь оказались не представлены горшки «кладожского типа», а некоторые сосуды комплекса имеют на шейке или плечике линейный орнамент (табл. 166: 7, 11, 12). Подобное украшение кухонной посуды почти не отмечено на памятниках Приильменья второй половины I тыс. н. э. Исключениями являются несколько горшков из комплекса памятников «культуры длинных курганов» у оз. Крюково в бассейне р. Мсты, декорированных по плечу прочер-

ченными линиями⁸, и лепные лощеные миски с Рюрикова городища, имеющие орнамент из прямых и образующих зигзаг линий по бортику (Плохов 1995: 101–105). В то же время такая орнаментация представлена в древностях Финляндии эпохи меровингов (Hirviluoto 1996: 76. Pl. 3–5, 7).

Среди индивидуальных находок, встреченных при изучении комплекса, следует отметить часть пластинчатого браслета с расширенными концами, украшенного крестовидными насечками (табл. 165: 13), лезвие и целый нож (табл. 165: 5, 6), имеющие необычную для памятников второй половины I тыс. н. э. несколько выгнутую спинку, шило (табл. 165: 7), футляр для трута (табл. 165: 8), обломки семи глиняных биконических пряслиц (табл. 165: 1–4), одну глиняную (табл. 165: 9) и шесть стеклянных бусин, в том числе черную цилиндрическую бусину, украшенную восьмью выступающими фиолетовыми глазками в бело-бирюзовом обрамлении. Такие бусы характерны для памятников ломоватовской культуры VIII–IX вв. (Голдина 1985: 53. Табл. XXV: 6). Встречены они и в Поломском I могильнике полемской культуры. В Прикамье такие бусы, по мнению З. А. Львовой, проникали с Северного Кавказа, где они бытовали в VIII–IX вв. (Львова 1973: 89).

Особо необходимо упомянуть найденные в верхней части заполнения комплекса три бронзовых поясных накладки: две квадратные с гранеными сторонами, прямоугольной прорезью в основании и гладкой поверхностью, а также серповидную без орнамента (табл. 165: 10–12). Они представляют собой детали поясного набора, пока не встречавшегося на Северо-Западе России. Прорезные неорнаментированные накладки прямоугольной формы широко представлены в древностях конца VII–VIII вв. Прикамья (Голдина 1979: 81. Рис. 1: 192; 6: 133; Голдина 1985: 41, 130, 131. Табл. X: 41, 42, 47; Голдина 1995: рис. 5: 22, 23; Голдина, Водолага 1990: 81. Табл. XXX: 2; LXVIII: 21; Семенов 1980: 37. Табл. XII: 39), в комплексах древних тюрок южной Сибири, Тувы и Монголии (Добжанский 1990: 37–40. Табл. XXVII: 1, 3; XXVIII: 1, 2; XXIX: 2; XXX: 1, 4; XXXI: 1, 2; XXXII: 2; XXXIV: 2, 3; XLII: 3, 4; XLIII: 2–4, 6, 7; XLIV: 6, 7; XLV: 2, 3, 5, 6; Степи Евразии 1981: 40. Рис. 19: 83; 22: 12; 23: 13, 14, 20; Овчинникова 1990: 30–32, 34. Рис. 7; 23: 2; 24: 7, 8, 10, 11; 53: 76. Табл. 2), а также в слоях первых трех четвертей VIII в. Пенджикента (Распопова 1980: 89. Рис. 63: 1, 3). Серповидные бляшки известны в материалах полемской (Ковалевская 1969: Рис. 1–29), ломоватовской (Голдина 1985: 42. Табл. XII: 61–64) и неволинской культур (Голдина, Водолага 1990: 82, 93. Табл. XXXII: 35–39), раннесредневековых мордовских могильни-

ков (Циркин 1987: 221. Рис. 70: 3), а также в древностях VIII–IX вв. Северного Кавказа (Степи Евразии... 1981: рис. 61: 21). Эти два типа накладок составляют один комплект на некоторых «тюркско-аварских» погребениях неволинской культуры, характерных преимущественно для VIII в. (Голдина, Водолага 1990: 75. Табл. XLIX: 3). В эпоху раннего средневековья наборные пояса имели утилитарные, семантические, социальные функции (Овчинникова 1990: 44). Они являлись знаком социального или военного ранга их владельцев, символом доблести, власти и богатства (Добжанский 1990: 82; Овчинникова 1990: 23, 31, 32, 40, 42–44; Плетнева 1967: 164; Распопова 1980: 107, 108; Степи Евразии... 1981: 41, 96). Обнаружение на поселении Прость части наборного пояса, имеющего высокую престижность в раннесредневековых обществах, заслуживает пристального внимания.

Рассматривая в целом керамический и вещевой комплекс сооружения, можно констатировать его существенное отличие от материалов других исследованных памятников Приильменья и Поволховья, имеющих слои конца I тыс. н. э.

При выяснении вопроса о дате существования раскопанного сооружения важную роль играет время функционирования встреченного здесь поясного набора. Не вызывает сомнений отнесение его к неволинской стадии неволинской культуры или к деменковской стадии ломоватовской культуры. При всей дискусионности хронологии прикамских могильников можно достаточно уверенно говорить о бытовании подобной поясной гарнитуры в пределах VIII в. (Голдина 1985: 130, 131; Голдина, Водолага 1990: 93, 94). К этому времени и следует относить описанный комплекс. Подобной датировке не противоречит остатальной вещевой и керамический комплекс сооружения. Согласуется с такой хронологией и результат радиоуглеродного анализа угля из заполнения котлована. Он дал дату 658... 718, 738... 770 cal AD (2d) (JE-5524).

К тому же и несколько более раннему времени относятся, по-видимому, ряд ям, открытых в центральной и южной частях раскопа. При их исследовании кроме обломков лепной неорнаментированной посуды были встречены: три бронзовых кольца, орнаментированная серебряная накладка, железный крючок, железный предмет (игла?), фрагменты ножей, железное кольцо, глиняные и стеклянные бусины, глиняные биконические пряслица, часть глиняного грузила, обломки тиглей, сланцевый оселок, фрагменты бронзовых и железных изделий. К сожалению, материалы, полученные из этих комплексов, не дают данных для их точного датирования. Результаты радиоуглеродного анализа относят время суще-

⁸ Коллекции из раскопок С. Н. Орлова и В. В. Милькова в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

ствования исследованных объектов ко второй половине V – первой половине IX в.

О существовании у истоков р. Волхова поселения в третьей четверти I тыс. н. э. свидетельствует значительное присутствие в керамическом материале памятника слабопрофилированной и баночной посуды (табл. 167), характерной для этого времени. Об этом же говорят найденные на площади раскопа три синие стеклянные бусины, декорированные молочно-белой и красной крошкой. Подобные бусы на Северо-Западе России встречены на целом ряде памятников, которые исследователи относят к «культуре длинных курганов»: грунтовом могильнике на оз. Съезжье (Носов 1984: 14–16. Рис. 4: 1–4, 7, 8), поселении и курганных могильниках около Крюковского озера⁹, курганном могильнике у д. Липицы¹⁰, кургане I могильника Мерево 3¹¹, могильнике Любахин-I (Башенкин 1990: 46) и на месте разрушенного грунтового могильника (?) в урочище Гатчинское поле¹². Бусина этого типа найдена на поселении третьей четверти I тыс. н. э. Юрьевская Горка в Удомельском Поозерье (Исланова 1997: 44. Рис. 76: 15). Аналогичные украшения известны в памятниках Скандинавии, где относятся к позднему этапу эпохи переселения народов и периоду венделя (Excavations at Helg... 1970: 190, 197. Fig. 102: 4; 121: 8. Pl. 34: 14; Petré 1984: 121. Fig. A2: 4.). Одна бусина найдена при раскопках каменного могильника на территории Северо-Восточной Эстонии. По мнению составителей каталога, «цветные стеклянные бусы на территорию Эстонии были занесены из западной и центральной Европы» (Minevikult... 1984: 78, 79; на опубликованной таблице это центральная бусина во втором ряду сверху). По любезной консультации сотрудника Исторического музея Эстонии и автора текста каталога М. Манделя, данная бусина, хранящаяся в фондах музея (А 349: 372), скорее всего относится к V–VII вв. н. э. и происходит из могильника Оявески, раскопанном в 1932–1933 гг.¹³ Заслуживает самого пристального внимания тот факт, что рассматриваемый тип бус отсутствует в многотысячной коллекции бус Старой Ладого, где древнейшие культурные напластования поселения восходят к середине VIII в. Это косвенно свидетельствует в пользу их бытования в более раннее время и подтверждает наше заключение о наличии на поселении Прость слоев третьей четверти I тыс. н. э.

Некоторые ямы, исследованные в северной и центральной части раскопа, могут быть отнесены

к концу I тыс. н. э. О такой их датировке говорит как керамический и вещевой набор комплексов, так и данные радиоуглеродного датирования. Среди встреченных здесь индивидуальных находок отметим маленький фрагмент дирхема, бронзовую спиральку, фрагмент серебряного колечка, обломок оселка, 19 стеклянных, одну глиняную и две янтарные бусины.

К более позднему периоду относится яма, изученная в северо-западной части раскопа. При ее разборке были зафиксированы развал и большое число отдельных крупных фрагментов, принадлежащих двум гончарным сосудам, датируемых XI в. Здесь же найдено семь стеклянных бусин, четыре бронзовых колечка и обломок глиняного пряслица.

Рядом с этой ямой в 1999 г. обнаружено грунтовое захоронение. При разборке серого предматерикового слоя было обращено внимание на концентрацию находок в нескольких квадратах. Это был материал, характерный для XI–XII вв.: многочисленный круглый темно-синий бисер, глазчатые и золото-стеклянные бусы, серебряная западноевропейская монета, перстнеобразные височные кольца, нож, бронзовая бусина, развал целого древнерусского сосуда и т. д. Само захоронение по обряду ингумации удалось зафиксировать лишь на уровне материка, поскольку заполнение погребальной ямы не отличалось от культурных отложений. В нижней части размеры ямы составляли 1,4 × 2,86 м, глубина от современной дневной поверхности 0,86 м. Костные останки в значительной мере оказались перемешанными. В погребении были похоронены довольно крупная женщина 25–35 лет и ребенок 8–9 лет (Пежемский 2001: 126–129). Детское захоронение было совершено позже, и кости женщины сдвинуты. Если судить по положению костей ребенка, погребение имело северную ориентировку. Большая часть погребального инвентаря, находившаяся в переотложенном состоянии, упомянута выше. Непосредственно среди костей были найдены два проволочных перстнеобразных височных кольца и золото-стеклянная бусина. Предварительно захоронения могут быть датированы концом XI–XII вв.

Костные остатки из погребения были детально изучены Д. В. Пежемским. По его заключению, черты в строении женского черепа (низкий свод, низкое лицо, широкое вогнутое переносье, слабо выступающий нос) «близки к морфологическим особенностям западно- и восточнофинских популяций», что «позво-

⁹ Коллекции из раскопок С. Н. Орлова и В. В. Милькова – фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. См. также Торопов 1997: 12, 14, 15.

¹⁰ Коллекции из раскопок П. А. Садикова – фонды Государственного Эрмитажа.

¹¹ Раскопки Ю. М. Лесмана.

¹² Коллекции из сборов Н. П. Пахомова – фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

¹³ В публикации М. Х. Шмидехельм 1955 г. она не упомянута (Шмидехельм 1955: 142–146).

ляет предварительно отнести череп с поселения Прость к представительнице местных племен, живших здесь до славянской колонизации», и далее: «описанная находка является яркой иллюстрацией к тому факту, что раннесредневековое население Приильменья отличалось неоднородным антропологическим составом» (Пежемский 2001: 129). В интересной и детальной антропологической статье Д. В. Пежемский, касаясь археологического контекста находки захоронения, непонятно на чем основываясь, замечает, что в «сезон 1999 г. на поселении был выявлен комплекс разрозненных человеческих костей, условно обозначенных как погребение» (Пежемский 2001: 126). Никаких сомнений, что было найдено именно захоронение, а не некий «условный комплекс костей», с археологической точки зрения нет. Во-первых, удалось проследить на уровне материка сами контуры погребальной ямы, и это главное, а во-вторых, при женском захоронении был полный набор обычного для XI–XII вв. погребального инвентаря.

Открытие грунтового погребения, если оно не окажется единичным, не исключает, что здесь мог быть древнерусский грунтовой могильник, подобный Нередицкому или Деревяницкому. Это может быть проверено только при дальнейших исследованиях, что требует расширения заложенного раскопа, прежде всего в западном направлении.

Ниже пахоты и черного культурного слоя на большей части раскопа залегал слой серого песка толщиной до 0,3 м, гумусированность которого по мере углубления уменьшалась. При его разборке, кроме лепной неорнаментированной керамики второй половины I тыс. н. э., было встречено значительное количество обломков сосудов II – первой половины I тыс. до н. э. Здесь же найдены: каменный шлифованный топор, бронзовая трапециевидная подвеска, фрагмент свернутой пластинки, бронзовый перстень, обломок глиняного пряслица, три глиняные и одна стеклянная бусина. Слой серого гумусированного песка, видимо, представляет собой культурные отложения эпохи раннего металла, частично нарушенные в результате позднейшей жизнедеятельности.

В ходе работ удалось частично проследить стенки раскопов III–IV С. Н. Орлова 1976, 1978, 1979 гг. Это позволило связать между собой место предыдущих работ с участком, исследованным в 1997–1999 гг.

Как и на остальных поселениях Приильменья, где проводились исследования Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН, в результате раскопок 1997–1999 гг. на поселении Прость была собрана большая коллекция керамики и несколько сотен индивидуальных находок, в том числе значительный материал эпохи раннего металла и второй половины

I тыс. н. э. Были получены материалы для палеоботанического анализа и остеологических исследований, а также взяты образцы для радиоуглеродного датирования. Все это имеет большое научное значение, и после научной обработки они, безусловно, станут важным источником для изучения древней истории Новгородской земли. Важнейшим открытием является исследование комплекса, который можно уверенно отнести к VIII в. Хорошо датированные древности этого времени ранее были известны на территории Северо-Запада России только по раскопкам Старой Ладogi. Впервые в Ильменском Поозерье открыт памятник, синхронный эпохе славянского расселения, имеющий принципиальное значение для понимания культурно-исторических процессов, происходивших в Приильменье во второй половине I тыс. н. э.

Во время полевых работ из углубленных сооружений и ям А. Альслебен (Кильский университет, Германия) путем промывки были отобраны образцы для палеоботанического анализа. Работа по изучению всей коллекции еще не завершена, но сделаны и опубликованы предварительные выводы (Alsleben 2001: 361–366). Найдены зерна и мякина ячменя, полбы, мягкой пшеницы, овса, проса. Встречены также бобы и превосходящий их по числу находок в промывках горох. Основу питания населения составлял ячмень. По мнению А. Альслебен, рожь еще не являлась самостоятельной зерновой культурой, но встречалась как засоритель полей в посевах других культур. Уместно напомнить, что, по заключению этого же исследователя, на городище Георгий в том же Поозерье рожь уже входила в состав посевов, что явно связано с хронологией и лишний раз подчеркивает более раннюю дату поселения Прость в сравнении с другими близлежащими памятниками. Любопытно, что в одном из комплексов поселения Прость найдено почти три тысячи фрагментов полбы. Это свидетельствует, что где-то здесь на селище проходил обмолот зерна. Нельзя все же согласиться с А. Альслебен, что полба занимала первое место в структуре питания жителей Прости. Исследовательница не в полной мере учитывает тот факт, что массовые находки полбы полбы в одном сооружении (2813 образцов полбы полбы из учтенных 6654 всех образцов культур, обнаруженных на поселении) влияют на общую ситуацию при оценке материалов памятника. Детальный анализ картины земледельческого хозяйства на поселениях Поозерья второй половины I тыс. н. э. можно будет сделать лишь по завершении обработки палеоботанических материалов селища Прость. Тем не менее уже сейчас, опираясь на данные материалов городища Георгий и используя предварительные наблюдения над коллекцией с поселения Прость, можно высказать некоторые общие суждения. При этом надо исходить из того, что сели-

ше у Перыни, судя по археологическим материалам, в тенденции предшествует городищу Георгий, даже допуская в будущем различные хронологические уточнения.

Основной зерновой культурой на поселении Прость был ячмень. Посевы ржи отсутствовали, выращивались различные сорта пшеницы и просо. Со временем, судя по материалам городища Георгий, роль ячменя постепенно снижалась, количество выращиваемого проса возрастало, как самостоятельная культура появилась рожь (Альслебен 1997: 194–204; Alsleben 2001: 362–367). Очевидно, летние месяцы в прилегающем к Ильменю районе в конце I тыс. н. э. были достаточно жаркими, так как выращивание проса характерно для областей с жарким и сухим климатом. Сейчас уже можно с уверенностью говорить, что четко зафиксированное в Поозерье выращивание проса населением в конце I тыс. н. э. не является случайным фактом. Еще в публикации 1945 г., основанной на материалах довоенных раскопок в Ладоге, В. А. Петров отмечал, что просо являлось основной зерновой культурой обитателей древней Ладоги в IX–X вв. (Петров 1945: 46).

Обращает на себя внимание разнообразие обнаруженных видов зерновых на поозерских памятниках. А. Альслебен подчеркивала, что переход к специализированному или более интенсивному земледелию обычно приводит к тому, что возделывается в основном один определенный вид злаков. Разнообразие видов позволяет сделать вывод, что переход к такому специализированному земледелию в Поозерье в IX–X вв. находился лишь на начальном этапе. Можно предположить, что подобная ситуация характеризует этап славянского освоения Приильменья.

Среди бобовых растений преобладал горох. Следует заметить, что предпочтение гороха бобам было характерно именно для славянских поселений, что неоднократно отмечалось палеоботаниками.

В целом, с уверенностью можно утверждать, что палеоботанические исследования сейчас приобретают решающее значение при решении вопросов не только хозяйственной и земледельческой культуры населения Поозерья, но и его этнической принадлежности.

Селище Горошково. Селище, открытое в конце 1950-х гг. С. Н. Орловым, расположено в 150 м к северу от д. Горошково, на террасе левого берега р. Веряжи, полого спускающегося к реке (рис. 24; табл. 168). Высота площадки поселения над уровнем воды от 1 до 4 м. Приблизительные размеры селища, вытянутого вдоль реки, 120 × 250 м, мощность культурного слоя – 0,3 × 0,5 м. Найденная лепная керамика – первой половины I тыс. н. э. (табл. 163: 2), аналогичная найденной на селище Васильевское 1, лепная посуда конца I тыс. н. э. (табл. 163: 3), древ-

нерусская и средневековая гончарная керамика. В разведочном раскопе, заложенном на поселении в 1977 г. и имевшем площадь 20 кв. м были обнаружены углубленные в материк основания двух наземных построек IX–X вв. (табл. 169). Наряду с керамикой в раскопе найдены куски глиняной обмазки, железное шило, глиняный грузик, тигелек и обломок оселка. В 300 м к северо-востоку от д. Горошково на поле расположена сопка, рядом с которой находится остатки еще одного поселения (Орлов, Аксенов 1961: 166; Носов А–1977: 23–26; Носов 1991: 19–20, №32–33).

Холопий городок на Волхове. Одним из интереснейших памятников района является поселение Холопий городок, расположенное в 1 км вниз по течению р. Волхова от места слияния с ним его правого рукава р. Волховец и в 14 км от оз. Ильмень. Поселение состоит из городища и примыкающего к нему селища. Городище занимает высокое (5–7 м) всхолмление на правом берегу реки, среди низменной поймы (рис. 25; табл. 170). Севернее городка расположено озерко Холопье, соединяющееся с Волховом протокой. За озерком, к северо-востоку и востоку от поселения, среди поймы вьется речка Робейка. Во время весенних паводков вся местность вокруг Холопьяго городка затопляется и всхолмление превращается в остров. Одним словом, внешне здесь наблюдается та же картина, что и на большей части Поозерья и в самом истоке Волхова.

Длина площадки городища, вытянутого вдоль Волхова, около 100 м, ширина – от 12 до 20 м. Раннее она, очевидно, была больше, поскольку со стороны реки во время паводков разрушения наблюдаются ежегодно. По имеющимся данным начала века, ширина городка составляла 18 сажень, а длина – 95 сажень (Программа... А–1909–1910: 144). В 1929 г. Н. Н. Чернягин отмечал, что ширина площадки была около 25 м (Чернягин А–1929: 43, 44).

На селище, возвышающемся над окружающей поймой на 1–2 м, культурный слой прослеживается на 30–40 м к северу и востоку от подножия городка.

Холопий городок привлек внимание исследователей с самого начала археологического изучения Новгородской земли. Его первое описание было сделано З. Ходаковским во время путешествия 1820–1821 гг. по северо-западным областям России (Историческая система... 1838: 10, 49; Отрывок из путешествия... 1839: 162, 163; Донесение... 1844: 102, 311). О нем упоминали А. И. Кулжинский, Д. Я. Самоквасов, А. Елисеев, И. С. Романцев (Кулжинский 1861: 150; Самоквасов 1873: 110, 113; Самоквасов 1878: 229; Елисеев 1881: 314, 319; Романцев 1911: 63, 65). В 1890 г. известным новгородским краеведом В. С. Передольским на Холопьем городке были «проведены

Рис. 24. Селище и сопка у д. Горошково. Вид с юга

изыскания», но в чем они заключались, исследователь не сообщил (Передольский А-1890: 5об). Из его позднейших работ мы узнаем, что на поселении были найдены человеческие кости, глиняные сосуды, купфические монеты, «небольшие ножички», ледоходные шипы и другие древности (Передольский 1893: 160, 161; Передольский А-Новгород Великий: 39).

В 1929 г. Холопий городок обследовал Н. Н. Чернягин, который снял первый план памятника (Чернягин А-1929: 43, 44). В 1956 г. поселение осмотрел М. М. Аксенов. По обрыву площадки им бы-

ла проведена зачистка культурного слоя (Аксенов А-1958: 6, 7; Орлов, Аксенов 1961: 167, 168). В начале 1960-х гг. городище посещал С. Н. Орлов, а в 1973 г. он предпринял на селище аварийные раскопки (Орлов 1967: 236; А-1973: 16–21). Раскоп площадью 136 кв. м был расположен у северо-восточного подножия всхолмления по обе стороны силосной ямы (табл. 171). Мощность культурного слоя здесь составляла 0,4–0,6 м. Его распахиваемая верхняя часть светло-серого цвета имела толщину 0,25–0,3 м, а под ней залегали ненарушенные отложения

Рис. 25. Холопий городок. Вид поселения с северо-востока

темного цвета с прослойками золы и материкового песка. На площади раскопа были обнаружены остатки девяти комплексов, относящихся к концу I тыс. н. э. Все они представляли собой ямы и углубленные в материк основания построек хозяйственного назначения. Отчетливых следов жилых домов не найдено. К сожалению, в октябре 1979 г. при вывозе песка на дорогу в деревне значительная часть селища была уничтожена.

Именно во время этих работ, когда кучи песка с селища были высыпаны на дорогу у близлежащей фермы, рабочие обнаружили в них скопление восточных монет – несомненные остатки клада. В Новгородский музей поступили 4 сасанидских драхмы и 20 куфических дирхемов. Можно с уверенностью утверждать, что еще одна драхма осталась у находчиков. Первоначальные размеры клада не ясны. Неоднократный осмотр участка у самого основания холма, откуда брали песок, предпринятый Н. П. Пахомовым в 1979 г., а в 1980 г. совместно Н. П. Пахомовым и Е. Н. Носовым с целью поиска возможных монет, оставшихся от клада, положительных результатов не дал. По мнению А. В. Фомина, определившего монеты клада, наиболее вероятная дата чеканки его младшей монеты – 810–812 гг. (Фомин 1993: 14).

В 1980–1981 гг. экспедиция ИИМК РАН впервые провела исследования собственно городища (возможно, на городке какие-то земляные работы проводил и В. С. Передольский, судя по упоминаемым им различным находкам, но ничего определенного

о них сказать нельзя). Основным непосредственным побудительным мотивом к началу наших изысканий явилось варварское разрушение части комплекса во время вывозки песка в 1979 г., подчеркнутое находкой уникального и древнейшего в районе Новгорода клада куфических монет.

Раскоп площадью 256 кв. м был заложен в западной части городка и охватил всю ширину его площадки (табл. 170). В культурном слое толщиной 0,3–0,8 м обнаружено большое количество обломков битого кирпича, фрагменты позднесредневековой (в основном XV–XVI вв.) керамики и лепной посуды разных эпох, отдельные предметы, несколько сооружений и ям.

Собранная коллекция объединяет материалы нескольких эпох. К древнейшему периоду относится керамика, шлифованное долото и несколько кремневых орудий эпохи раннего металла – второй половины II – первой половины I тыс. н. э. Хронологические рамки следующей группы керамики могут быть определены второй половиной I тыс. до н. э. – первой половиной I тыс. н. э. (более подробную характеристику ранних материалов Холопьяго городка см. Носов, Плохов 1987: 35, 36).

На площадке городища отчетливо представлены материалы конца I тыс. н. э. К этому времени относятся все открытые здесь древние сооружения (табл. 172, 173). Наиболее значительное из них находилось в центре раскопа и было вытянуто вдоль северного края площадки городища, противополож-

ного Волхову. По северной стенке комплекса после зачистки были зафиксированы остатки сгоревшей деревянной конструкции, от которой сохранились плашки, лежавшие, как правило, параллельно краю площадки городка. Длина плашек до 1 м (в основном до 0,4 м), ширина 0,04–0,1 м. Сразу за линией горельных плашек начинался склон городка. Вскрытая часть сооружения, уходящего за пределы раскопа, имела размеры 5–6 × 15 м, глубину от 0,2 м в западной части, до 0,8 м – в восточной, уплощенный пол и пологие стенки. В восточной части комплекса вдоль его южного и северного краев, а также на северной стенке зафиксирован слой коричневой глины толщиной от 5 до 20 см и шириной у южного края сооружения 2–2,6 м, а у северного – 0,8–4 м. Глина залегала непосредственно на материковом песке, и, видимо, ее появление связано с какими-то конструкциями, располагавшимися по краям сооружения.

В этой части постройки на полу зафиксирован развал валунов размерами 0,08–0,2 м, частично побывавших в огне. Скопление, вытянутое по направлению запад-восток, имело размеры 0,4–1 × 5,3 м. Видимо, это остатки отопительного сооружения. В заполнении комплекса, особенно в его восточной части, встречено множество валунов, лежавших в несколько слоев. Ниже камней найдена исключительно лепная посуда (табл. 182: 10, 11; 183; 184: 1–10), а также желтая и синяя бисерины, сланцевый оселок, калачевидное кресало (табл. 174: 11), подвеска из красноватого янтаря с отверстием в верхней части (табл. 174: 1), близкая подвескам, известным в погребениях Бирки (Arbman 1940: Taf. 103: 2) и Саркельского могильника (Артамонова 1963: 122, 132. Рис. 73, 85: 3; 89: 1; 113: 1), а также обломок бронзового предмета. В западной части сооружения кроме фрагментов лепной керамики (табл. 181; 182: 1–9) были найдены: каменное грузило от рыболовной сети, глазчатая бузина, желтая бисерина и обломок сланцевого оселка с отверстием для подвешивания (табл. 174: 12).

В кв. 53 в слое глины на северной стенке сооружения на площади 0,3 × 0,4 м был обнаружен набор сельскохозяйственного инструментария (рис. 26). Он состоял из 12 предметов: двух железных наконечников пахотных орудий, двух кос, узколезвийного топора, удила, мотыжки, ножа, пешни, скобеля, точильного камня и железного клинышка (табл. 175; 176). Тот факт, что все предметы находились в постройке вместе, без деревянных частей орудий и инструментов, позволяет рассматривать их принадлежащими к единому комплексу сокрытому одновременно. Именно поэтому набор найденных предметов, хотя и несколько условно, возможно называть «кладом». Место находки клада свидетельствует о том, что он относится к начальному периоду существования комплекса. Назначение открытых во время раскопок остатков

конструкций не ясно. Видимо, они связаны с возведением первоначальных укреплений на поселении. Необходимы дополнительные археологические исследования для выяснения общей картины.

Два других сооружения, открытых на Холопьем городке, имеют значительно меньшие размеры. Основание постройки в кв. 1, 2, 10, 11, частично разрушенное осыпями склона городка, представляет собой комплекс с размерами 1,6–2 × 3 м, глубиной 0,25 м с плоским полом и крутыми стенками. В полу сооружения имелась яма (0,7–1,2 × 1,8 м) глубиной 0,4 м с вогнутым дном и крутыми стенками, не отличавшаяся по заполнению от основного комплекса. В постройке было найдено несколько фрагментов лепной керамики (табл. 185: 1), железный наконечник стрелы, близкий по форме к ланцетовидным (длина 7 см, длина пера 5 см, ширина 1–3 см – табл. 174:16), железный рыболовный крючок (табл. 174: 17) и кремневая пластинка.

Постройка в кв. 18, 19, 31, 32, также частично разрушенная осыпью края площадки, имела размеры 1,8 × 3,5 м и глубину 0,3–0,4 м. Пол сооружения уплощен и несколько понижается в южном направлении, стенки крутые. В заполнении найдено несколько фрагментов лепных сосудов (табл. 185: 2).

К тому же времени, что и данное сооружение, относится яма в кв. 57. Округлая в плане (диаметр 1,3–1,4 м), она имеет глубину 0,36 м, пологие стенки и вогнутое дно. В заполнении встречено несколько обломков лепной посуды (табл. 185: 4).

Наиболее многочисленную категорию находок на поселении Холопий городок составляют обломки глиняной посуды. К концу I тыс. н. э. относится исключительно лепная керамика. Раннегончарные сосуды на городище и на селище не найдены. Вся посуда поселения сделана из глины с примесью дресвы. Формовочная масса в большинстве случаев грубая. Дресва не калибровалась, частицы имеют размеры до 0,8 см в поперечнике (в основном – 0,4–0,6 см). В изломах черепков иногда фиксируются пустоты от выгоревшей органической примеси. На некоторых обломках отмечены отпечатки зерен злаков. Судя по характеру разломов, сосуды конструировались кольцевым ленточным налепом. Ширина лент 4–6 см. Толщина стенок горшков, несколько увеличивающаяся к нижней части тулова, составляет в основном 0,8–1,0 см. Днища горшков плоские, в большинстве случаев с ровной поверхностью. Толщина днищ, как правило, 0,8–1,3 см. Иногда на них заметна подсыпка мелкой дресвы и золы. В коллекции есть также один фрагмент сосуда на поддоне (табл. 179: 3). Края венчиков уплощенные, редко округлые, иногда они имеют незначительное утолщение с внешней стороны. На поверхности сосудов видны следы заглаживания, обычно горизонтальные

по венчику и вертикальные по тулову. Несмотря на это, поверхность основной массы горшков шероховатая от выступающих зерен дресвы. Цвет керамики различен – от оранжевого до темно-серого. На стенках горшков иногда имеется нагар.

Орнаментация не характерна для лепной керамики Холопьяго городка. Она встречена только на обломках семи сосудов. Три горшка имеют по плечу горизонтальные желобки-каннелюры (табл. 178: 6; 181: 7; 183: 12), один орнаментирован маленькими ямками по плечу (табл. 178: 5) и еще один украшен отпечатками веревочки, намотанной на палочку по венчику и плечу (табл. 180: 11). Одна из мисок орнаментирована по плечу узором из двух параллельных линий с ломаной линией между ними, который выполнен веревочкой, намотанной на палочку (табл. 177: 10). Кроме того, один миниатюрный сосуд имеет ямки по основанию шейки (табл. 180: 6).

Всего в коллекции поселения представлено около 170 обломков верхних частей сосудов, из них 64 позволяют судить о формах керамики. Основной категорией посуды на памятнике являются горшки. По характеру профилировки верхних частей среди горшков можно выделить группу, которую составляют сосуды с четко выраженным плечиком, часто с ребром при переходе от горловины к тулову и выделенной шейкой. Наибольший диаметр сосудов приходится на уровень плечиков. Отдельные горшки этой группы отличаются друг от друга по профилировке и размерам шейки, выраженности плечика и некоторым другим деталям. Толщина шейки, в основном, меньше толщины стенок. Большинство сосудов имеет отогнутую наружу или вертикально стоящую шейку и конически сужающееся ко дну тулово (табл. 177: 3, 6, 12; 178: 1, 3; 180: 2, 5, 7, 11, 12; 181: 5, 8, 10; 182: 4, 10; 183: 1, 7, 9, 10; 184: 3, 6, 11; 185: 1–4). Некоторые горшки имеют выпуклое тулово (табл. 177: 1, 11; 178: 2, 7, 8; 181: 2, 6; 185: 9). К этой группе можно отнести и сосуды с каннелюрами. Керамика, входящая в эту группу, составляет больше половины лепной посуды конца I тыс. н. э. с поселения и определяет своеобразие его керамического комплекса. Верхние части других горшков довольно разнообразны и не образуют отчетливых групп.

В материалах, происходящих из раскопок на селище, имеются фрагменты четырех мискообразных сосудов (табл. 177: 4, 9, 10; 179: 4). Выделяются в коллекции и четыре миниатюрных сосуда с диаметром венчика 5–10 см (табл. 177: 8; 180: 6; 183: 4; 185: 5).

Сравнение лепной посуды Холопьяго городка с материалами археологических памятников Северо-Запада России, имеющих слои VIII–начала X вв., показало ее тождество с керамикой нижних горизонтов таких значительных центров, как Ладога, Рюриково

городище, Новгород и ряд поселений Поволжья и Ильменского Поозерья (Смирнова 1976; Носов 1976: 77. Рис. 1; Носов 1977: 95–98; Носов 1981: 22. Рис. 2; Носов 1990: 32, 133–137. Рис. 7, 54–56; Орлов, Аксенов 1961: 166. Рис. 3, 4; Орлов 1972: 127–138. Рис. 3–5; Средневековая Ладога 1985: 64–65. Рис. 25, 26; 186, 187. Рис. 3). Керамика близких форм встречена при раскопках селищ Золотое Колено и Нестеровичи в бассейне р. Мсты, Городка на Шелони и других (Носов, Плохов 1991: 127–129. Рис. 7–12; Конечский 1991: 102. Рис. 7). Подобные сосуды найдены во многих погребениях в сопках (Петренко 1994: 70, 71. Рис. 29; Конечский, Носов 1995: 48, 49. Рис. 4).

Среди вещевого материала наиболее важным представляется открытие клада сельскохозяйственных орудий и инвентаря, упомянутых нами ранее (табл. 175; 176). Металлографический анализ предметов показал, что все они были сделаны из мягкого железа и малоуглеродистой сырцово-стали, по очень архаичным технологическим схемам. Это указывает на то, что изделия были откованы деревенскими кузнецами-универсалами, изготовлявшими все необходимые предметы для нужд своей общины (Носов, Розанова 1989: 102–106).

В составе клада в вещественной форме воплотилась земледельческая направленность занятий его владельца. Подчеркнем, что железные наконечники пахотных орудий, мотыжка-тесло из клада, как и встреченное в заполнении того же комплекса калачевидное кресало (табл. 174: 11), входят, по мнению Р. С. Минасяна, в хозяйственно-бытовой комплекс, появившийся в лесной зоне Восточной Европы с расселением там славян (Минасян 1982: 24–29).

Особо значимой представляется находка двух наконечников пахотных орудий. Один из них имел подпрямоугольную форму, длину 14,5 см, ширину 6,7 см, длину трубицы 8,3 см, другой – более треугольную рабочую часть, длину 16,8 см, ширину 8,8 см и длину трубицы 11 см. Ближайшие аналогии наконечникам имеются в находках из слоев второй половины VIII – первой половины IX вв. Старой Ладоги и других пунктов Северной и Восточной Европы (Готланд, Швеция, Норвегия, Дания, Эстония, Латвия), где они были распространены, в основном, в VIII–X вв. (Миролюбов 1972: 118–126; Мугуревич 1985: 86–96. Рис. 1, 2; Myrdal 1982: 82–84. Fig. 1, 4). Такие наконечники использовались на однозубых пахотных орудиях с высоко расположенным центром тяжести, которые наиболее удобны при работе на освобождаемых от леса участках.

Безусловный интерес представляют удила с железными эсвидными псалиями, увенчанными зооморфными головками (табл. 176). Псалии инкрустированы латунными пластинками, а глаза головок – вставки синего кобальтового стекла. Подобные

Рис. 26. Холопий городок. Клад хозяйственного инвентаря. Вид с востока

удила характерны, в основном, для аварских, аланских, литовских и тюркских древностей VII–IX вв., от Сибири и Северного Кавказа до Чехии и Литвы (Кирпичников 1973: 13). Точную аналогию находке можно указать в инвентаре погребений VIII в. славяно-аварских могильников Житавска Тонь и Комарно II в Словакии (Budinský-Krička 1956: 13, 55, 61. Tab. XIII: 1; Trugly 1993: 227, 228. Taf. IX: 15; LXIV: 7). Территориально удилам с Холопьяго городка ближе всего удила с бронзовыми зооморфными псалями из погребения в сопке Чернавино (IX в.) близ Старой Ладоги в низовьях Волхова (Кирпичников 1973: 14, 88. Рис. 5. Табл. III: 1).

Для датировки поселения важна находка в культурном слое части бронзового массивного ладье-видного браслета, украшенного плетеным орнаментом (табл. 174: 4). Аналогии ему имеются в древностях Норвегии, Швеции, Финляндии и относятся там к IX в. (Petersen 1928: 154; Kivikoski 1937: 238–241; Korkeakoski–Väisänen 1981: Taf. 93: 14). В слое найдены также обломок бронзового пластинчатого браслета с сужающимися дрововыми концами, украшенного двумя рядами крестовидных насечек (табл. 174: 3), часть массивного бронзового бубенчика с циркульным орнаментом (табл. 174: 2), похожего на бубенчик из Бирки (Arbman 1940: Taf. 93: 14; Gräslund

1984: 120, 121. Abb. 13: 1). Интересны фрагменты четырех бутылковидных привесок (табл. 174: 5–8). Подобные привески распространены в древностях финно-угорских народов во второй половине I – начале II тыс. н. э. Наиболее характерны они для финно-угров Волго-Окского междуречья. Самые близкие аналогии привескам Холопьяго городка происходят из кургана 4 Михайловского могильника в Ярославском Поволжье (Станкевич 1941: 73. Табл. III: 2, 6). Наконец, упомянем четвертинку дирхема, два глиняных пряслица (полусферическое подлощенное и биконическое с орнаментом в виде ямок – табл. 174: 9, 10) и три ножа с уступом, отделяющим лезвие от черенка (табл. 174: 13–15).

На поселении найдено 17 стеклянных бусин, которые, за исключением одной, имеют аналогии среди находок Старой Ладоги. Среди них мозаичная бусина желто-красно-зеленой окраски (группа I бус Ладоги). Она, по мнению З. А. Львовой, может быть датирующим предметом VIII–IX вв. (Львова 1968: 68; Львова 1973: 86). Округло-бочонкообразная бусина черного стекла с ярко-васильковыми глазками в белых кольцевых кругах (группа II бус Ладоги) датируется VIII–X вв. (Львова 1968: 71). К группе III относится бочонкообразная бусина из заглушенного стекла печоночно-красного цвета. Основная масса

таких бус найдена в горизонтах ЕЗ–Д Ладоги и имеет многочисленные аналогии в материалах памятников Северной Европы VIII–X вв. (Львова 1968: 72; Рябинин 1982: 168, 170). Встречена бусина прозрачного светло-голубого стекла в форме куба со срезанными углами. Такие бусины относятся к самым ранним образцам группы IX Ладоги, где они найдены в слоях VIII–X вв. (Львова 1968: 90; Рябинин 1982: 168). Наиболее многочисленна на Холопьем городке подгруппа 3 группы VIII бус Ладоги – «рубленный» бисер: желтый (8 экз.), серо-голубой (1), зеленый (1), синий (1) и белый (1). Среди старолadoжской коллекции не удалось найти аналогий округлой бусине черного стекла с мозаичными глазками зелено-сине-бело-коричневого цвета. Эта бусина отличается от других и по химическому типу стекла (Pb-Na-Ca-Si). Наличие в составе стекла Na_2O при отсутствии калия говорит об использовании природной соды, в то время как в производстве других бус использовалась зола солончаковых растений (спектральный анализ стекла произведен В. А. Галибиным). Подобные бусы найдены на памятниках эпохи викингов в Скандинавии (Callmer 1977: 88 –B082).

В отличие от многих поселений Поволховья и Ильменского Поозерья, на Холопьем городке в культурном слое и в заполнении сооружений представлена исключительно лепная керамика конца I тыс. н. э. Это крайне важный факт для датировки, поскольку в данном районе гончарная посуда получает распространение с начала X в., а следовательно, комплексы без нее относятся к более раннему периоду (Носов 1990: 148–150). Существование Холопьяго городка в IX в. подтверждается открытием на селище уже упомянутого клада восточных монет, младшая из которых наиболее вероятно относится к 810–812 гг., и рассмотренными выше отдельными находками (прежде всего, кладом сельскохозяйственного инвентаря, ладьевидного браслета, бус). Нельзя исключать, что поселение возникло еще в VIII в., хотя прямых доказательств этого пока нет.

При раскопках на Холопьем городке не встречена гончарная керамика X–XIV вв., но отчетливо представлены материалы XV–XVI вв. Однако к XIII в. относится первое упоминание городка в письменных источниках: в латинской редакции проекта договора (1268 г.) Новгорода с Любеком и Готским берегом говорится о пристани Drelleborch (буквально – Холопий городок) как о последней остановке перед Новгородом при плавании по Волхову (Бережков 1879: 154; Брим 1931: 226; Янин 1991: 84, № 4; 210, 211). Под 1417 г. в Новгородской первой летописи младшего извода сообщается о постройке на Холопьем городке каменной церкви св. Николая (НПЛ 2000: 407). Как топографический ориентир Холопий городок с Никольской церковью упоминается в дан-

ной новгородского посадника Ивана Лукиничя Островскому Никольскому монастырю (1456–1471 гг.) и в его же духовной (не позднее 1471 г.) (ГВНП 1949: 173, № 114; 177, № 120).

Сведения о монастыре Николая Чудотворца на городке неоднократно встречаются в письменных источниках между 1581 – 1642 гг. Его запустение относится, по-видимому, к периоду шведской оккупации (Макарий 1856: 36; Зверинский 1897: 115; Петрова и др. 2000: 153). Надо признать справедливым вывод Л. И. Петровой и ее соавторов, что В. Л. Янин «неправомерно отождествил» Николо-Островский монастырь, расположенный близ впадения р. Вишеры в Волховец и занимавший «мысообразный остров», с Никольским монастырем на Холопьем городке (Янин 1991: 207–211, №123; Янин, Зализняк 1993: 193; Петрова и др. 2000: 154). Исходя из этого, он высказал предположение, что упомянутые в известной вкладной грамоте Варлаама Хутынского монастырю (грамота датируется временем между 1192 и 1210 гг.) «земли на острове вместе с нивами» относились именно к Холопьюему городку. В одной из наших предшествующих работ мы согласились с этим выводом автора, хотя и отмечали, что непосредственно прилегающие к городку болотистые затопливаемые участки поймы для «нив» явно не пригодны (Носов, Плохов 1997: 146). Сам же островок настолько мал, что никаких полей там располагаться не могло. Со ссылкой на паспорт памятника, составленный С. Н. Орловым, в литературе Никольская церковь локализуется в северном конце Холопьяго городка (Петрова и др. 2000: 153). На самом деле ее остатки (обломки кирпичей, щебень и т. д.) заметны в осыпях южной части всхолмления.

Само название поселения появилось до 1268 г. (первое упоминание в письменных источниках), однако, скорее всего, после начала XI в., когда термин «холоп» стал входить в жизнь для обозначения определенной социальной группы населения (Зимин 1973: 67). В X в. более распространенными наименованиями рабов были «челядь», «челядин» (Фроянов 992: 48). Исследователи допускают, что латинское название Drelleborch является «калькой» с русского (Янин 1991: 211; Янин, Зализняк 1993: 192). Любопытно созвучие латинского названия поселения на Волхове и наименований военных лагерей викингов на острове Зеландия в Дании и в области Сконе на юге Швеции – «Trelleborg», которые являлись опорными пунктами власти конунгов. Необходимо обратить внимание и на совпадение смысла наименований озера Холопье, урочище Холопий городок, речка Робейка (Робья). Напомним, что в Южном Приильменье известно несколько рек с названиями «Робья» – Робья Великосельская, Робья Соркопенская, Робья Заробская – современных карт. Этот гидроним восходит,

по крайней мере, к середине XII в. («Робья Ильмна») и относится к рекам, проходившим через территорию древнего княжеского домена Ляховичи (Носов 1994а: 29, 32, карта).

Может быть, именно в этом совмещении названий «Робья», «Робейка», «Холопий» с ранними княжескими владениями, а отсюда с местами, где жили зависимые от князя люди, и лежит ключ к объяснению топонимов и гидронимов? Известно, что княжеские домениальные владения зачастую лежали на ключевых стратегических дорогах и в ключевых пунктах древних водных и сухопутных путей, что было связано с возможностью их контроля и взимания различных поборов и пошлин. Таково расположение волостей Буйцы и Ляховичи на пути «в Русь» через Торопец и Смоленск; селения Ракомо, где начинался «русский путь» из Новгорода; таково расположение Рюрикова городища – ключевого места, откуда расходились водные дороги на Мсту, Шелонь, Ловать, Полу и на север к Ладоге (Носов 1992; 1994а: 27–39; 1994б: 41–56). В принципе аналогичное положение занимал Холопий городок, не позволяя при плавании по Волхову обойти Новгород, двигаясь по Волховцу (мимо Рюрикова городища все же можно было проскользнуть, особенно в высокую воду, по глухим протокам волховского истока).

Иногда появление названий «Холопий городок» (известен еще один Холопий городок на р. Мологе) рассматривают сквозь призму сказаний XVI–XVII вв. о холопей войне в Древней Руси, усматривая в них отзвуки реальных событий древнерусского времени – то ли восстаний, то ли межплеменных конфликтов (Тихомиров 1956: 50; Зимин 1973: 71, 72; Фроянов 1992: 47–55). Однако, как ни заманчиво в той или иной мере использовать различные изложенные нами выше наблюдения для общих выводов, надо прямо сказать, что появление топонима Холопий городок – вопрос спорный и нерешенный.

В начальный период своей истории Холопий городок являлся одним из пунктов в плотной поселенческой зоне Ильменского Поозерья и Поволховья (Носов 1990: 8, 170–184). Обитатели поселка, несомненно, занимались сельским хозяйством, охотой, рыболовством, различными промыслами, но у поселения были свои особенности, выделявшие его среди прочих. Дело в том, что на Волхове от Ладоги до Новгорода наблюдается интереснейшая картина в размещении поселений конца I тысячелетия н. э. Они располагаются не равномерно, а приурочены к наиболее сложным участкам водной магистрали – порогам (гостинопольским и пчевским), раздвоению Волхова на рукава, причем здесь находятся укрепленные поселки (Новые Дубовики, Городище, Рюриково городище) или поселки, занимающие топографически труднодоступные всхолмления (Холопий горо-

док). Места размещения этих городищ совпадают с местами позднейших этапных остановок при плавании по Волхову, известных по проекту уже упоминавшего нами договора Новгорода с Любеком и Готским берегом 1268 г. (Носов 1976а: 76–81; 1981: 18–24). Совершенно очевидно, что подобное совпадение не случайно, а отражает сходные функции поселений. Начиная со второй половины VIII в. по Волхову проходил один из важнейших участков крупнейшего торгового пути средневековья, связавшего Балтику с исламским Востоком, по которому на север устремились потоки серебра (Носов 1976: 95–110). Поселения на ключевых участках волховского пути стали опорными и контрольными пунктами на водной дороге, и именно эти функции были для них определяющими. Этапность движения по Волхову, наблюдаемая в договоре Новгорода с Ганзой, восходит к древней системе обслуживания пути. В свое время В. А. Брим справедливо писал, что «вся организация этого перехода идет еще от времен варягов и была унаследована ганзейскими купцами почти без всяких изменений» (Брим 1931: 22). Холопий городок, несомненно, одно из важных звеньев на волховской магистрали, и нет никаких оснований преуменьшать его роль как пункта, контролировавшего раздвоение Волхова на рукава.

Недавно И. Я. Фроянов сформулировал иное понимание роли Холопья городка и других укрепленных поселений Поволховья, жестко следуя своей концепции становления городов и государственности на севере Руси. Он подчеркивает необходимую первичность сельских поселений и сельской стихии городским формам жизни. Отсюда город «есть порождение сельской стихии»; «сельские поселения, расположенные поблизости от города, существовали раньше возникновения последнего»; Ладога вышла «из недр скопления сельских поселений» и т. д. Не только сама Ладога, но и Новые Дубовики у волховских порогов, и Холопий городок – это «словенские города», «средоточия отдельных племен». Связь этих поселений с торговым путем, его обслуживанием, обменом и ремеслом, по мнению исследователя, вторичны (Фроянов 1992: 27, 28, 36, 38).

Концепция И. Я. Фроянова вполне логична в общем плане, особенно после его справедливой оценки трудов А. И. Неусыхина, А. Р. Корсунского, А. Я. Гуревича и критики построений Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина и других. Однако сложности возникают не при этих общих рассуждениях, а при переводе их на язык конкретных материалов. Нет в низовьях Волхова сельских поселений, по времени предшествовавших Ладоге, не выростала она последовательно из недр сельской стихии на фоне плотной сельской округи, не наблюдается подобной картины ни в отношении Новых Дубовиков, ни в отношении Холопья-

го городка, нет никаких конкретных оснований считать их племенными центрами. А если это так, то именно прохождение балтийско-волжского пути, возможность и необходимость его контроля и обслуживания, международная торговля, судостроение, различные ремесла являлись определяющими черта-

ми в жизни ранних поселений Поволховья. Что же касается района непосредственного возникновения Новгорода и примыкающей к нему с юго-запада области Ильменского Поозерья, то здесь вступали в силу уже иные факторы, и археологические свидетельства этого вполне определены.

- Авдусин 1980 – *Авдусин Д. А.* 1980. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. № 12. С. 24–42.
- Александров 1988 – *Александров А. А.* Работы на селище в Борисоглебе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 2. 1988. С. 19–22.
- Алексеев 1977 – *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. № 1. 1977. С. 83–103.
- Алексеев 1980 – *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. : Очерки истории Смоленщины и Восточной Белорусии. М., 1980.
- Альслепен 1997 – *Альслепен А.* Земледелие новгородской округи в IX–X вв. Археоботанические методы и их применение на городище Георгий // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 191–204.
- Амброз 1966 – *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР, II в. до н. э. – IV в. н. э. САИ. Вып. Д1–30. М., 1966.
- Артамонов 1935 – *Артамонов М. И.* Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 9–10. 1935. С. 267–286.
- Артамонов 1967 – *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 29–69.
- Артамонов 1990 – *Артамонов М. И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. № 3. 1990. С. 271–290.
- Артамонова 1963 – *Артамонова О. А.* Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. № 109. М.-Л., 1963. С. 9–215.
- Артемьев 1978 – *Артемьев А. Р.* Наконечники стрел из раскопок Изборска // КСИА. Вып. 155. 1978. С. 67–71.
- Археология СССР 1985 – *Археология СССР.* Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Археология 1997 – *Археология СССР.* Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Арциховский 1958 – *Арциховский А. В.* Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // СА. № 2. 1958. С. 227–242.
- Асташова 1998 – *Асташова Н. И.* Торговые связи средневекового Смоленска // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М. 1998. С. 161–167.
- Аун 1992 – *Аун М.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин, 1992.
- Барсов 1873 – *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. М.
- Башенькин 1990 – *Башенькин А. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 48–50.
- Белавин 2000 – *Белавин А. М.* Камский торговый путь. Пермь, 2000.
- Беленькая, Розанова 1988 – *Беленькая Д. А., Розанова Л. С.* Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 18–26.
- Белецкий В. 1975 – *Белецкий В. Д.* Костяная печать из Пскова // СГЭ. Вып. XL. СПб., 1975. С. 24–25.
- Белецкий 1977 – *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150. 1977. С. 92–95.
- Белецкий 1978 – *Белецкий С. В.* Раскопки в псковском кремле в 1971–1974 гг. // КСИА. Вып. 155. 1978. С. 57–63.
- Белецкий 1979 – *Белецкий С. В.* Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тысячелетия н. э. как исторический источник (культурная стратификация региона). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Белецкий 1980 – *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160. 1980. С. 3–18.
- Белецкий 1983 – *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 46–80.
- Белецкий 1996 – *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб., 1996.
- Белецкий 2001 – *Белецкий С. В.* Ведение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4. СПб., 2001.
- Белецкий 2001–2002 – *Белецкий С. В.* Псковский пригород Воронич // Stratum plus. 2001–2002. № 5. С. 100–141.
- Белецкий 2004 – *Белецкий С. В.* Пушкиногорье до Пушкина. Историко-археологические очерки / Михайловская Пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы. М., 2004.
- Белецкий, Лесман 1982 – *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* О стилистических особенностях орнаментации древнерусской керамики (по материалам Пскова) // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982. С. 135–148.
- Бережков 1879 – *Бережков М.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.
- Бліфельд 1977 – *Бліфельд Д. І.* Давньорускі пам'ятки Щестовиці. Київ, 1977.
- Бобринский 1978 – *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Богуславский 1993 – *Богуславский О. И.* Южное Приладожье в системе трансевропейских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 132–157.
- Бойцов 1991 – *Бойцов И. А.* Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С. 33–40.

- Брим 1931 – *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Известия АН СССР. 7-я серия. Отд. общест. наук. № 2. 1931. С. 201–247.
- Булкин, Лебедев 1974 – *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.
- Булкин, Лебедев, Дубов 1978 – *Булкин В. А., Лебедев Г. С., Дубов И. В.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
- Бусятская 1972 – *Бусятская Н. Н.* Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник Московского университета. 1972. №2. С. 83–90.
- Варфоломеева 1994 – *Варфоломеева Т. С.* Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 166–182.
- Вернадский 2000 – *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. Тверь. М., 2000.
- Вешнякова, Булкин 2001 – *Вешнякова К. В., Булкин В. А.* Ремесленный комплекс гнездовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 40–53.
- Винников 1978 – *Винников А. З.* Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 55–61.
- Винников 1982 – *Винников А. З.* Керамика донских славян конца I тыс. н. э. // СА. №3. 1982. С. 165–180.
- Волков 1996 – *Волков И. В.* Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 90–103.
- Волочкова, Закурина 1996 – *Волочкова О. К., Закурина Т. Ю.* Погребения древнерусского курганного некрополя (по материалам раскопов V, XI, XII) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 119–130.
- Воронин 1951 – *Воронин Н. Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. Вып. 41. 1951. С. 5–29.
- Гайдуков 1992 – *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.
- Гайдуков 1993 – *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М., 1993.
- Гайдуков, Дубровин, Тарабардина 2001 – *Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А.* Хронология Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 79–81.
- Гайдуков, Малыгин 1990 – *Гайдуков П. Г., Малыгин П. Д.* Керамика X в. Троицкого VIII раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 64–66.
- Гайдуков, Молчанов 2003 – *Гайдуков П. Г., Молчанов А. А.* Находки куфических монет в Ильменском Поозерье // Центральная Азия. Источники, история, культура / Тезисы докл. конф., посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского. М., 2003. С. 53–55.
- ГВНП 1949 – *Грамоты Великого Новгорода и Пскова.* М.-Л., 1949.
- Гендуне 1903 – *Гендуне Ю. Г.* Городище Дуна. СПб., 1903.
- Голдина 1979 – *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158. 1979. С. 79–90.
- Голдина 1985 – *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина 1995 – *Голдина Р. Д.* О датировке полемской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 16–30.
- Голдина, Водолаго 1990 – *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Голдина, Королева 1983 – *Голдина Р. Д., Королева О. П.* Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40–71.
- Голубева 1971 – *Голубева Л. А.* Назначение железных игл // СА. № 4. 1971. С. 114–126.
- Голубева 1973 – *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973.
- Голубева, Кочкуркина 1991 – *Голубева Л. А., Кочкуркина С. И.* Белозерская вещь. Петрозаводск, 1991.
- Гормина 1993 – *Гормина Н. В.* Владычная грановитая палата. Ювелирное искусство XI–XIX веков. [М.], 1993.
- Гороховский 1988 – *Гороховский Е. Л.* Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 34–46.
- Горюнова 1974 – *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. Вып. 139. 1974. С. 74–80.
- Горюнова 1978 – *Горюнова В. М.* Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 140–148.
- Горюнова 1991 – *Горюнова В. М.* Начальная история древних Лук (X – начала XI в.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 38–67.
- Горюнова 1994 – *Горюнова В. М.* Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Приильменья // Новгород и Новгородская земля. Материалы научной конференции. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 66–77.
- Горюнова 1997 – *Горюнова В. М.* Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 153–175.
- Горюнова 2002 – *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладogi. Опыт синхронизации // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 49–63.

- Горюнова, Лапшин 2004 – *Горюнова В. М., Лапшин В. А.* О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы.* СПб., 2004. С. 55–72.
- Греков 1949 – *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949.
- Грибов, Цепкин 2004 – *Грибов Н. Н., Цепкин Е. А.* Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // *Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей.* Нижний Новгород. 2004. С. 71–95.
- Григорьев 2003 – *Григорьев Д. Н.* Археологические исследования в Новой Руссе 2002 г. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Новгород, 2003. Вып. 17. С. 68–80.
- Гроздилов 1940 – *Гроздилов Г. П.* Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове // *Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода.* № 6–7. 1940. С. 36–38.
- Гроздилов 1962 – *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова // *АСГЭ.* Вып. 4. Л., 1962. С. 7–76.
- Гуревич А. 1970 – *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гуревич 1968 – *Гуревич Ф. Д.* Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии // *Славяне и Русь.* М., 1968. С. 34–36.
- Гуревич 1981 – *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981.
- Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968 – *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.
- Гущин 1936 – *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.
- Давидан 1962 – *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладogi // *АСГЭ.* Вып. 4. Л., 1962. С. 95–108.
- Давидан 1966 – *Давидан О. И.* Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // *АСГЭ.* Вып. 8. СПб., 1966. С. 103–115.
- Давидан 1968 – *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // *АСГЭ.* Вып. 10. СПб., 1968. С. 54–63.
- Давидан 1974 – *Давидан О. И.* Изделия из рога и кости Старой Ладogi как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 21 с.
- Давидан 1980 – *Давидан О. И.* Бронзолитейное дело в Ладoge // *АСГЭ.* Вып. 21. СПб., 1980. С. 59–74.
- Давидан 1981 – *Давидан О. И.* Ткани Старой Ладogi // *АСГЭ.* Вып. 22. СПб., 1981. С. 100–113.
- Давидан 1986 – *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII–IX веков // *АСГЭ.* Вып. 27. Л., 1986. С. 99–105.
- Давидан 1994 – *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекции Государственного Эрмитажа) // *ПАВ.* № 9. СПб., 1994. С. 156–167.
- Давидан 1995 – *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi // *ПАВ.* № 9. СПб., 1995. С. 156–166.
- Давидан 1998 – *Давидан О. И.* Сердоликовые изделия из Старой Ладogi // *АСГЭ.* Вып. 33. Л., 1998. С. 123–132.
- Давидан 1999 – *Давидан О. И.* Новые находки гребней в Старой Ладoge // *РА.* № 1. 1999. С. 167–174.
- Даркевич, Борисевич 1995 – *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Даркевич, Стародуб 1983 – *Даркевич В. П., Стародуб Т. Х.* Иранская керамика из раскопок старой Рязани // *СА.* № 2. 1983. С. 183–194.
- Двуреченский 2004 – *Двуреченский О. В.* Изделия из черного металла // *Средневековое поселение Настасьино / Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН.* Т. 2. М., 2004. С. 40–48.
- Деопик 1961 – *Деопик В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // *СА.* № 3. 1961. С. 202–232.
- Джанполадян, Калантарян 1988 – *Джанполадян Р. М., Калантарян А. А.* Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия). Археологические памятники Армении. 14. Средневековые памятники. Вып. VI, 1988.
- Добжанский 1990 – *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Донесение... 1844 – *Донесение о первых успехах путешествия в России Зоряна Долуга-Ходаковского.* 1844. РИС. Т. VII. СПб., 1844.
- Дубов 1983 – *Дубов И. В.* К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // *Генезис и развитие феодализма в России.* Л., 1983. С. 70–82.
- Дубровин 2000 – *Дубровин Г. Е.* Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. Т. 1, 2. М., 2000.
- Елисеев 1881 – *Елисеев А.* К археологии и антропологии Ильменского бассейна // *ЖМНП.* Часть 214, апрель. СПб., 1881.
- Енисова 2001 – *Енисова Н. В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара за 2000 год.* Псков, 2001. С. 207–219.
- Енуков 1990 – *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990.
- Еремеев 2001 – *Еремеев И. И.* Древности VIII–XI веков на водоразделе Ловати и Западной Двины (по материалам раскопок 1996–1998 гг.) // *Тверской археологический сборник.* Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 23–26.
- Захаров 1996 – *Захаров С. Д.* Железные наконечники стрел из Белоозера // *РА.* № 2. 1996. С. 207–218.
- Захаров 2004 – *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозера. М., 2004.
- Зверинский 1897 – *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3. СПб., 1897.
- Зимин 1973 – *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

- Исланова 1981 – *Исланова И. В.* Раскопки Бежецких курганов и городища Еськи // КСИА. Вып. 164. 1981. С. 86–91.
- Исланова 1986 – *Исланова И. В.* Сопки бассейна Мологи и верхней Мсты // КСИА. Вып. 187. 1986. С. 65–75.
- Исланова 1991 – *Исланова И. В.* Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991. С. 44–55.
- Исланова 1997 – *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.
- Историческая система... 1838 – *Историческая система Ходаковского.* РИС. Т. 1. Кн. 3. СПб., 1838.
- Казакявичюс 1988 – *Казакявичюс В.* Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988.
- Каменецакая 1998 – *Каменецакая Е. В.* Керамика Гнездова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 124–134.
- Карлов 1976 – *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке проблемы) // Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976. С. 32–69.
- Кильдюшевский 1981 – *Кильдюшевский В. И.* Об одном из типов керамики XIV–XV вв. крепости Орешек // КСИА. Вып. 164. 1981. С. 111–115.
- Кильдюшевский 1986 – *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XIII–XVII вв. (Опыт классификации) // Археология и история Псковской земли. Псков, 1986. С. 13–15.
- Кильдюшевский 1996 – *Кильдюшевский В. И.* Погребения псковского некрополя (раскоп VII) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 140–147.
- Кильдюшевский 1999 – *Кильдюшевский В. И.* Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 63–79.
- Кильдюшевский 2002 – *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XIII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 5–33.
- Кирпичников 1973 – *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36. Л., 1973.
- Кирпичников 1979 – *Кирпичников А. Н.* Ладога и ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев, 1979. С. 92–106.
- Кирпичников 1985 – *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 3–26.
- Кирпичников 1995 – *Кирпичников А. Н.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: новые исследования / Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995. С. 28–53.
- Кирпичников 2003 – *Кирпичников А. Н.* Новые историко-археологические исследования Старой Ладоги // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 17–22.
- Ключевский 1994 – *Ключевский В. О.* Боярская Дума в Древней Руси. М., 1994. Репринт с третьего издания 1903 г.
- Ключевский 1956 – *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. М., 1956.
- Ковалевская 1969 – *Ковалевская В. Б.* К вопросу о «поломской культуре» // МИА. № 169. М., 1969. С. 84–91.
- Ковалевский 1998 – *Ковалевский В. Н.* Еще раз о ножах с волнитообразным навершием // Вопросы истории славян. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 8–24.
- Коваль 1996 – *Коваль В. Ю.* Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 235–240.
- Коваль 1997 – *Коваль В. Ю.* Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 153–166.
- Коваль 1998 – *Коваль В. Ю.* Восточная поливная керамика Ильинского раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1998. С. 160–170.
- Коваль 2001 – *Коваль В. Ю.* Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. 2001. С. 98–107.
- Коваль 2003а – *Коваль В. Ю.* Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 340–360.
- Коваль 2003б – *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси в XIII веке // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 361–371.
- Колосова, Милютин 1996 – *Колосова И. О., Милютин Н. Н.* Древнерусский некрополь Пскова (по материалам раскопа XVI) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 148–160.
- Колчин 1953 – *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА. № 32. М., 1953.
- Колчин 1958 – *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. № 2. 1958. С. 92–111.
- Колчин 1959 – *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65. М., 1959. С. 7–120.
- Колчин 1968 – *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Е1–55. М., 1968.
- Колчин 1982 – *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177.
- Колчин, Рыбина 1982 – *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 178–238.
- Колчин, Хорошев, Янин 1981 – *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

- Конечкий 1991 – *Конечкий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи (К вопросу о сложении локальных центров конца I – начала II тыс. в бассейне р. Мсты) // *Материалы по археологии Новгородской земли.* М., 1991. С. 89–116.
- Конечкий 1992 – *Конечкий В. Я.* Исследования селища в урочище Губинская Лука на р. Ловать // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Новгород, 1992. С. 16–21.
- Конечкий 2000 – *Конечкий В. Я.* Археологические памятники Нередицкого холма: итоги и перспективы изучения // *Новгородский исторический сборник.* Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 20–29.
- Конечкий, Носов 1995 – *Конечкий В. Я., Носов Е. Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // *Славяно-русские древности.* Вып. 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 29–54.
- Корзухина 1954 – *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.-Л., 1954. 227 с.
- Королева, Харлашов 1994 – *Королева Э. В., Харлашов Б. Н.* К вопросу о дворах в средневековом Пскове (по материалам Васильевского раскопа) // *Археологическое изучение Пскова.* Вып. 2. Псков, 1994. С. 77–96.
- Королькова 1994 – *Королькова Л. В.* Вопросы интерпретации ножей с волотообразным навершием // *Тверской археологический сборник.* Вып. 1. Тверь, 1994. С. 234–238.
- Королькова 1999 – *Королькова Л. В.* Позднесредневековая керамика Посясыя // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Новгород, 1999. С. 292–301.
- Корсунский 1985 – *Корсунский А. Р.* Крестьянство и государство // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Формирование феодально-зависимого крестьянства.* Т. 1. М., 1985. С. 428–461.
- Косменко 1978 – *Косменко М. Г.* Двухслойное поселение в устье р. Суны // *Средневековые поселения Карелии и Приладожья.* Петрозаводск, 1978. С. 136–165.
- Косменко 1992 – *Косменко М. Г.* Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
- Косменко 1993 – *Косменко М. Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.
- Краснов 1980 – *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М., 1980.
- Куза 1983 – *Куза А. В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // *Русский город (исследования и материалы).* Вып. 6. М., 1983. С. 4–36.
- Куза 1984 – *Куза А. В.* Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // *КСИА.* Вып. 179. 1984. С. 61–65.
- Куза 1989 – *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.
- Куза, Леонтьев, Пушкина 1982 – *Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А.* Рец. на кн.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978 // *СА.* № 2. 1982. С. 277–288.
- Кузнецов 1910 – *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. М., 1910.
- Кузьмин 1989 – *Кузьмин С. Л.* К вопросу о погребальной обрядности носителей культуры сопков // *Археология и история Пскова и Псковской земли.* 1988. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1989. С. 48–50.
- Кузьмин 1991 – *Кузьмин С. Л.* О хронологическом соотношении сопков и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // *Проблемы хронологии и периодизации в археологии.* Л., 1991. С. 87–98.
- Кузьмин 1994 – *Кузьмин С. Л.* Сопка у д. Новые Дубовики // *Древний Псков. Исследования средневекового города.* СПб., 1994. С. 61–64.
- Кузьмин 2001 – *Кузьмин С. Л.* Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сквородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // *Вестник молодых ученых 1'01. Исторические науки 1' 2001.* С. 56–62.
- Кулжинский 1861 – *Кулжинский А. И.* Курганы Новгородской губернии // *ИАО.* Т. 2. Вып. 2. СПб., 1861. С. 149–159.
- Лабутина 1996 – *Лабутина И. К.* Погребения псковского некрополя (17–24, 26–28) // *Археологическое изучение Пскова.* Вып. 3. Псков. С. 100–118.
- Лабутина, Кильдюшевский, Урьева 1981 – *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.* Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // *КСИА.* Вып. 166. 1981. С. 69–77.
- Лави, Соколовский В., Соколовски М. 1983 – *Лави А., Соколовский В., Соколовски М.* Исследования 1981–1982 гг. в Олуствере // *Известия АН ЭССР. Общественные науки.* Т. 32. № 4. Таллин, 1983. С. 314–319.
- Ланг 1992 – *Ланг В.* О финских влияниях на Северо-Западе Эстонии в I тыс. н. э. // *Древности славян и финно-угров.* СПб., 1992. С. 80–85.
- Лапшин 1992 – *Лапшин В. А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // *Древнерусская керамика.* М., 1992. С. 90–102.
- Лапшин 1997 – *Лапшин В. А.* Костяная печать – матрица из раскопок в Твери // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии.* Т. 1. СПб.–Псков, 1997. С. 400–401.
- Левашева 1967а – *Левашева В. П.* Височные кольца // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 7–54.
- Левашева 1967б – *Левашева В. П.* Браслеты // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 207–274.
- Леонтьев 1996 – *Леонтьев А. Е.* Археология Мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Лесман 1984 – *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // *Археологическое исследование Новгородской земли.* Л., 1984. С. 118–153.

- Лесман 1989 – *Лесман Ю. М.* К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI–XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 82–87.
- Лесман 1990 – *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990. С. 29–98.
- Лесман 1996 – *Лесман Ю. М.* Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // *Archaeologia Petropolitana*. № 1. 1996. С. 52–65.
- Лещевич 1997 – *Лещевич Л.* Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. СПб.–Псков, 1997. С. 9–12.
- Линдер 1975 – *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М., 1975.
- Львова 1968 – *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. 1. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 64–94.
- Львова 1973 – *Львова З. А.* Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Вып. 15. Л., 1973. С. 83–104.
- Любавский 1909 – *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. Изд. литографским способом.
- Люцинский могильник 1893 – *Люцинский могильник* // МАР. Вып. 14. СПб., 1893.
- Ляўданскі 1930 – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сожа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск, 1930. С. 269–338.
- Ляпушкин 1968 – *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.). Историко-археологические очерки // МИА. № 168. Л., 1968.
- Мавродин 1964 – *Мавродин В. В.* О некоторых полукруглых городищах Новгородской области // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка, литературы. № 4. 1964. С. 145–150.
- Мавродин, Фроянов 1970 – *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник ЛГУ. № 20. Л., 1970. С. 7–15.
- Макарий 1856 – *Макарий.* Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и Новгородских пятинах XVI в. Временник МОИДР. Кн. 24. Отд. III. М., 1856.
- Макаров 1985 – *Макаров Н. А.* Орнаментика белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. № 2. 1985. С. 79–100.
- Макаров 1989. *Макаров Н. А.* Лепная керамика Восточного Прионежья IX–XII вв. // КСИА. Вып. 196. 1989. С. 83–93.
- Макаров, Захаров, Бужилова 2001 – *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Макарова 1967 – *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. Вып. Е1–38. М., 1967.
- Малевская 1969а – *Малевская М. В.* Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969. С. 185–191.
- Малевская 1969б – *Малевская М. В.* Поливная керамика древнего Новогрудка // СА. № 3. 1969. С. 194–202.
- Малыгин 1991. *Малыгин П. Д.* Типология и хронология Новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 198–216.
- Малыгин, Гайдуков 2001 – *Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г.* Керамический комментарий к теории происхождения Новгорода В. Л. Янина и М. Х. Алешковского // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь, 2001. С. 159–166.
- Малыгин, Гайдуков, Степанов 2001 – *Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М.* Типология и хронология Новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 82–97.
- Мальм 1963 – *Мальм В. А.* Изделия ювелирно-литейного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 36–38.
- Мальм 1968 – *Мальм В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968. С. 113–117.
- Мальм, Фехнер 1967 – *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 133–148.
- Мачинский 2002 – *Мачинский А. Д.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ламанша. Связующие пути и организующие центры. СПб., 2002. С. 5–35.
- Медведев 1959 – *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 121–191.
- Медведев 1966а – *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36. М., 1966.
- Медведев 1966б – *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. № 2. 1966. С. 50–60.
- Медведев 1968 – *Медведев А. Ф.* Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. Вып. 113. 1968. С. 31–40.
- Медведев 2000 – *Медведев И. П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: итоги столетия // ИЗ. № 3 (121). 2000. С. 30–47.
- Мельникова 1984 – *Мельникова Е. А.* Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л., 1984. С. 127–133.
- Мельникова 1995 – *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–31.
- Милютина 1996 – *Милютина Н. Н.* Погребения псковского некрополя (раскопы VI, VIII, IX) // Археоло-

- гическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 131–139.
- Минасян 1978а – *Минасян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19. Л., 1978. С. 74–85.
- Минасян 1978б – *Минасян Р. С.* Железные ножи с волнообразным навершием // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 148–152.
- Минасян 1978в – *Минасян Р. С.* Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 43. Л., 1978. С. 35–37.
- Минасян 1980а – *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л., 1980. С. 68–74.
- Минасян 1980б – *Минасян Р. С.* Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- Минасян 1982 – *Минасян Р. С.* Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 24–29.
- Миролубов 1972 – *Миролубов М. А.* Пахотные орудия Старой Ладogi // АСГЭ № 14. Л., 1972. С. 116–126.
- Михайлова 1994 – *Михайлова Е. Р.* Керамический комплекс Которского поселения IX–XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. Псков, 1994. С. 51–54.
- Молтби, Гамильтон-Даер 1995 – *Молтби М., Гамильтон-Даер Ш.* Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 129–156.
- Мугуревич 1985 – *Мугуревич Э. С.* Находки железных частей пахотных орудий X–XVII вв. в Восточной Прибалтике // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 86–97.
- Мурашева 2000 – *Мурашева В. В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
- Мусин 2002 – *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Назаренко 1985 – *Назаренко В. А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 156–169.
- Недошивина 1963 – *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 51–54.
- Недошивина 1967 – *Недошивина Н. Г.* Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. 1967. С. 253–274.
- Нефедов 1997 – *Нефедов В. С.* О присутствии северо-западного населения в Днепро-Двинском междуречье в конце I тыс. н. э. (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 225–237.
- Нечкина 1974 – *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.
- Никитин 1971 – *Никитин А. В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1–34. М., 1971.
- Новикова 1988 – *Новикова Г. Л.* Языческая символика кресаловидных привесок // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 37–38.
- Новикова 1992 – *Новикова Г. Л.* Скандинавские языческие культы на территории Древней Руси. (Культурные предметы: типология и хронология.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Носов 1976а – *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–X вв. // ВИД. Вып. VIII. Л., 1976. С. 95–110.
- Носов 1976б – *Носов Е. Н.* Поселение у волховских порогов // КСИА. Вып. 146. 1976. С. 76–81.
- Носов 1981 – *Носов Е. Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. Вып. 164. 1981. С. 18–24.
- Носов 1984а – *Носов Е. Н.* Археологические памятники Новгородской земли VIII–X вв. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 84–107.
- Носов 1984б – *Носов Е. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179. 1984. С. 11–18.
- Носов 1987 – *Носов Е. Н.* Исследования Рюрикова городища и памятников новгородской округи // АО 1985 г. М., 1987. С. 22.
- Носов 1988 – *Носов Е. Н.* Раскопки резиденции новгородских князей и исследования в Приильмень // АО 1986 г. М., 1988. С. 31.
- Носов 1989 – *Носов Е. Н.* Исследования Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1989. Вып. 2. С. 8–11.
- Носов 1990 – *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов 1991 – *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 5–37.
- Носов 1992 – *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1992.
- Носов 1993 – *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 59–78.
- Носов 1994а – *Носов Е. Н.* О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпушский погост Ляховичи на р. Ловати (к вопросу о сложении феодальной вотчины) // НИС. № 4 (14). СПб.; Новгород, 1994. С. 27–39.
- Носов 1994б – *Носов Е. Н.* Новгородская волость Буйцы (историко-археологический комментарий) // ВИД. Т. XXV. СПб., 1994. С. 41–56.
- Носов 1995 – *Носов Е. Н.* Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. № 5 (15). СПб., 1995. С. 5–17.

- Носов 1996 – *Носов Е. Н.* Скандинавы в Поволховье // Российско-норвежские контакты. Взгляд из Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 7–17.
- Носов 1997 – *Носов Е. Н.* У истоков Новгорода // Славянский средневековый город. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 2. М., 1997. С. 272–285.
- Носов 1998 – *Носов Е. Н.* М. И. Артамонов как историк Древней Руси (некоторые мысли о формировании концепции) // История и культура древних и средневековых обществ / Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1998. С. 43–50.
- Носов 1999а – *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.
- Носов 1999б – *Носов Е. Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 151–163.
- Носов 2002 – *Носов Е. Н.* О находке поздне римской фибулы в Ильменском Поозерье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 74–76.
- Носов, Горюнова, Дорофеева, Плохов, Хвоцинская 1994 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Дорофеева Т. С., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Новгородская областная экспедиция в 1993 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 15–17.
- Носов, Ершевский, Плохов 1998 – *Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Плохов А. В.* О работе на поселении Прость в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 25–31.
- Носов, Ершевский, Плохов 1999 – *Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Плохов А. В.* Исследования на поселении Прость в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 14–19.
- Носов, Ершевский, Хвоцинская 2000 – *Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Хвоцинская Н. В.* О продолжении исследований на поселении Прость под Новгородом // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 41–44.
- Носов, Плохов 1987 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Холопий городок под Новгородом // КСИА. № 195. С. 34–42.
- Носов, Плохов 1990 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Работы Новгородской областной экспедиции ЛОИА в 1989 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 8–9.
- Носов, Плохов 1991 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 117–149.
- Носов, Плохов 1992а – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Исследования в Ильменском Поозерье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 14–16.
- Носов, Плохов 1992б – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Раскопки на городище Георгий // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 16–20.
- Носов, Плохов 1993 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* О работах Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 43–44.
- Носов, Плохов 1994а – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Исследования на берегах р. Веряжи и на Рюриковом городище // АО 1993 г. М., 1994. С. 29–30.
- Носов, Плохов 1994б – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Археологические исследования в Андреапольском районе Тверской области в 1988 г. // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 145–151.
- Носов, Плохов 1997 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий городок // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 129–152.
- Носов, Плохов 2002 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 158–180.
- Носов, Розанова 1989 – *Носов Е. Н., Розанова Л. С.* Технология обработки железа на поселениях Приильменья в IX–X вв. // КСИА. № 198. 1989. С. 102–106.
- Носов, Хвоцинская 2004 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 227–232.
- Носов Н. 1983 – *Носов Н. Е.* Академик Борис Дмитриевич Греков – исследователь-источниковед // ВИД. Т. XV. Л., 1983. С. 3–30.
- НПЛ 2000 – *Новгородская первая летопись* (старшего и младшего изводов). М., 2000.
- Нукшинский могильник 1957 – *Нукшинский могильник* // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. № 1. Рига, 1957.
- Овчинникова 1990 – *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.
- Овчинникова 2000 – *Овчинникова Б. Б.* Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2000. С. 45–105.
- Орешников 1896 – *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. Вып. 1. М., 1896.
- Орлов 1956 – *Орлов С. Н.* Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге // КСИИМК. Вып. 65. 1956. С. 94–98.
- Орлов 1967 – *Орлов С. Н.* Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода // СА. № 2. 1967. С. 233–236.
- Орлов 1972 – *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу реки Прость около Новгорода // СА. № 2. 1972. С. 127–138.
- Орлов, Аксенов 1961 – *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. Вып. 10. 1961. С. 161–168.

- Отрывок из путешествия... 1839 – *Отрывок из путешествия Ходаковского по России*. РИС. Т. III. Кн. 2. СПб., 1839.
- Отчет 1898 – *Отчет императорской Археологической комиссии за 1896 г.* СПб., 1898.
- Павлова 2001 – *Павлова К. В.* Поливная керамика городища Осовик // АВ. № 8. СПб., 2001. С. 207–216.
- Пежемский 2001 – *Пежемский Д. В.* Палеоантропологические материалы со средневекового поселения Прость (Приильменье) // Вестник антропологии. Вып. 7. М., 2001. С. 125–130.
- Передольский 1893 – *Передольский В. С.* Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского державства каменного века. СПб., 1893.
- Перхавко 1979 – *Перхавко В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. № 4. 1979. С. 40–55.
- Петренко 1985 – *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 81–116.
- Петренко 1994 – *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
- Петренко, Кильдюшевский 1989 – *Петренко В. П., Кильдюшевский В. И.* Ивангородская керамика конца XV–XVI вв. // Нарва, Ивангород, Принаровье: Воздействие культур. История и археология. Тезисы докладов конференции. Нарва, 1989. С. 37–40.
- Петренко, Шитова 1985 – *Петренко В. П., Шитова Т. Б.* Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 181–191.
- Петров 1945 – *Петров В. А.* Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладоги (IX–X вв.) // КСИИМК. Вып. XI. 1945. С. 42–51.
- Петрова и др. 2000 – *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. Вып. 8(18). СПб., 2000. С. 95–157.
- Петрухин, Пушкина 1979 – *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // История СССР. № 4. 1979. С. 100–112.
- Платонова 1997 – *Платонова Н. И.* К уточнению датировки могильника на старолажском Земляном городище // Ладога и религиозное сознание. СПб., 1997. С. 25–77.
- Платонова 1991 – *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М., 1991. С. 68–88.
- Плетнева 1967 – *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА № 142. М., 1967.
- Плоткин 1996 – *Плоткин К. М.* Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 161–172.
- Плохов 1987 – *Плохов А. В.* Поселение эпохи раннего металла на Рюриковом городище под Новгородом // История и археология Новгородской земли. Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 1987. С. 8–10.
- Плохов 1992 – *Плохов А. В.* Лепная керамика центрального Приильменя и славянское поселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 119–124.
- Плохов 1995 – *Плохов А. В.* Об одном редком типе лепной посуды Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 101–105.
- Плохов 2002а – *Плохов А. В.* Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // АВ. № 9. СПб., 2002. С. 141–154.
- Плохов 2002б – *Плохов А. В.* Керамика «ладожского типа» в Скандинавии // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Любытино, 2002. С. 144–159.
- Поветкин 1994 – *Поветкин В. И.* Музыкальные древности Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 67–74.
- Подвигина 1961 – *Подвигина Н. Л.* Перстни из Гнездова // Археологический сборник. М., 1961. С. 47–54.
- Покровская 1999 – *Покровская Л. В.* Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 51–64.
- Покровский 1967 – *Борьба классов и русская историческая литература* // Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967.
- Полубояринова 1963а – *Полубояринова М. Д.* Стекланные браслеты древнего Новгорода // МИА. № 117. М., 1963. С. 164–199.
- Полубояринова 1963б – *Полубояринова М. Д.* Стекланная посуда древнего Турова // СА. № 4. 1963. С. 233–238.
- Полубояринова 1971 – *Полубояринова М. Д.* Костяная печать из Серенска // КСИА. Вып. 125. 1971. С. 95–97.
- Полубояринова 1983 – *Полубояринова М. Д.* Две костяные печати из Болгара // КСИА. Вып. 175. 1983. С. 95–97.
- Полубояринова 1987 – *Полубояринова М. Д.* Изделия из стекла городища Слободка // Т. Н. Никольская. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М., 1987. С. 162–168.
- Полубояринова 1988 – *Полубояринова М. Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 151–219.
- Полубояринова 1994 – *Полубояринова М. Д.* Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 75–82.
- Попов 1996 – *Попов С. Г.* Комментарии к радиоуглеродным датам Псковского некрополя // Археоло-

- гическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996. С. 178–181.
- Попов, Зайцева 1994 – *Попов С. Г., Зайцева Г. И.* Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 164–183.
- Пресняков 1993 – *Пресняков А. Е.* Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Путешествие... 1846 – *Путешествие по святым местам русским.* СПб., 1846.
- Пушкина 1973 – *Пушкина Т. А.* Лепная керамика Гнездовского селища // Вестник МГУ. № 3. История. М., 1973. С. 87–92.
- Распопова 1980 – *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Родина 1991 – *Родина М. Е.* Витражные стекла из раскопок во Владимире и Суздале // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 114–119.
- Родина 1996 – *Родина М. Е.* Находки витражных стекол во Владимире // Материалы исследований. Владимир, 1996. С. 3–5.
- Родина 1997 – *Родина М. Е.* Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире // РА. 1997. № 3. С. 149–154.
- Родина 2004 – *Родина М. Е.* Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи) // Историко-археологические очерки. Владимир, 2004.
- Розенфельдт 1978 – *Розенфельдт Р. Л.* Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 197–208.
- Розенфельдт 1982 – *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
- Романцев 1911 – *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жалниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.
- Русанова 1973 – *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. Е1–25. М., 1973.
- Рыбаков 1962 – *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX – сер. XII вв. // ВИ. № 4. 1962. С. 34–57.
- Рыбаков 1982 – *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыбина 1978 – *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М., 1978.
- Рыбина 1987 – *Рыбина Е. А.* Шахматы на Руси: о типологии шахматных фигур // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции. М., 1987. С. 217–218.
- Рыбина 1991 – *Рыбина Е. А.* Из истории шахматных фигур // СА. № 4. 1991. С. 86–101.
- Рыбина 2001 – *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.
- Рындина 1963 – *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. М., 1963. С. 200–268.
- Рябинин 1982 – *Рябинин Е. А.* Бусы Старой Ладogi: По материалам раскопок 1973–1975 гг. // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л., 1982. С. 165–173.
- Рябинин 1985 – *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладoga. Новые археологические исследования. Л., 1985. С. 27–75.
- Рябинин 1981 – *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Е1–60. М., 1981.
- Рябинин 1995 – *Рябинин Е. А.* Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладogi (материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. СПб., 1995. С. 51–56.
- Рябинин, Черных 1988 – *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладогского Земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1. 1988. С. 72–100.
- Савельева 1971 – *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская: к вопросу о происхождении народа коми. М., 1971.
- Салмина 1994 – *Салмина Е. В.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове (классификация находок и способов ловли) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 151–170.
- Самоквасов 1873 – *Самоквасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873.
- Самоквасов 1878 – *Самоквасов Д. Я.* Историческое значение городищ // Труды III Археологического съезда. Т. 1. Киев, 1878. С. 225–235.
- Свердлов 1996 – *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.
- Седов 1970 – *Седов В. В.* Новгородские сопки // САИ. Е1–8. М., 1970.
- Седов 1978 – *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. Вып. 155. 1978. С. 63–67.
- Седов 1982 – *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М., 1982.
- Седов 1985 – *Седов В. В.* Изборск в VIII–X веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 119–128.
- Седов 1987 – *Седов В. В.* Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 1. М., 1987. С. 12–31.
- Седов 1989 – *Седов В. В.* Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 6–55.
- Седов 1999 – *Седов В. В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.
- Седов 2002 – *Седов В. В.* Изборск – протогород. М., 2002.
- Седов 2003 – *Седов В. В.* Первые города Северной Руси; проблема становления // Ладoga и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 23–36.
- Седова 1979 – *Седова М. В.* Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюзная конферен-

- ция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Часть 1. Петрозаводск, 1979. С. 179–181.
- Седова 1981 – *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Седых 1982 – *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 192–197.
- Седых 1995 – *Седых В. Н.* Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX–XI вв. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995. С. 55–72.
- Седых 1998 – *Седых В. Н.* Скандинавская посуда в Древней Руси // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти А. Мачинской. СПб., 1998. С. 46–49.
- Седых 2001 – *Седых В. Н.* Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 153–157.
- Семенов 1980 – *Семенов В. А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–135.
- Сениченкова 1998а – *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Сениченкова 1998б – *Сениченкова Т. Б.* Об одном типе керамики из Старой Ладоги // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти А. Мачинской. СПб., 1998. С. 49–52.
- Сениченкова 2002а – *Сениченкова Т. Б.* Орнаментация ладожской керамики VIII–X вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 93–113.
- Сениченкова 2002б – *Сениченкова Т. Б.* О раннегончарной керамике из Старой Ладоги (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., С. 38–49.
- Сергина 1981 – *Сергина Т. В.* Поливная посуда из Смоленска // СА. № 2. 1981. С. 233–244.
- Середонин 1916 – *Середонин С. М.* Историческая география. Пгр., 1916.
- Сизов 1902 – *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. Т. 28. СПб., 1902.
- Славяне 1990 – *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период.* Киев, 1990.
- Сметный список. . . 1984 – *Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г.* // Опись Новгорода 1617 г. М., 1984.
- Смирнов 1974 – *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7–89.
- Смирнова 1956 – *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. № 55. М., 1956. С. 228–248.
- Смирнова 1974 – *Смирнова Г. П.* О трех группах Новгородской керамики X – начала XI вв. // КСИА. Вып. 139. М., 1974. С. 17–22.
- Смирнова 1976 – *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. 1976. С. 3–10.
- Смирнова 1978 – *Смирнова Г. П.* К вопросу о датировке древнего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 165–171.
- Смирнова 1987 – *Смирнова Л. И.* Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. № 2. 1987. С. 90–102.
- Смирнова 1996 – *Смирнова Л. И.* Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 70–89.
- Смирнова 1999 – *Смирнова Л. И.* Проколки. Хронология и функциональное назначение // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 142–162.
- Спиридонов 1986 – *Спиридонов А. М.* Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // КСИА. Вып. 187. 1986. С. 23–28.
- Спицын 1905а – *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. Вып. 15. 1905. С. 6–70.
- Спицын 1905б – *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. 1905. С. 84–172.
- Спицын 1917 – *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пгр., 1917.
- Станкевич 1941 – *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X столетиях // МИА. № 6. М.–Л., 1941. С. 56–88.
- Станкевич 1950 – *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // СА. Т. XIV. 1950. С. 187–216.
- Станкевич 1951 – *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. Т. XV. 1961. С. 219–246.
- Старая Ладога 2003 – *Старая Ладога – древняя столица Руси.* Каталог выставки. СПб., 2003. 190 с.
- Степи Евразии 1981 – *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Археология СССР. М., 1981.
- Столярова 1997 – *Столярова Е. К.* Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 4. 1997. С. 93–106.
- Столярова 2004 – *Столярова Е. К.* Стеклянные сосуды XII–XIV веков из Москвы и Дмитрова // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М., 2004. С. 343–349.
- Сухова 1993 – *Сухова О. А.* Коллекция медной мелкой пластики музея г. Муром // Русское медное литье. Вып. 1. М., 1993. С. 113–121.
- Тамла 1983 – *Тамла Т.* Селище в Пада // Известия АН ЭССР. Общественные науки. Т. 32. № 4. Таллин, 1983. С. 302–306.
- Тараканова 1950 – *Тараканова С. А.* Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК. Вып. XXXIII. М., 1950. С. 49–51.

- Тарасов 2001 – *Тарасов И. И.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Старой Ладоге // Вестник молодых ученых 1'01. Исторические науки 1'01. СПб., 2001. С. 69–73.
- Тельнов 2001–2002 – *Тельнов Н. П.* 2001–2002. Восточнославянские древности Днепровско-Прутского междуречья VIII–X вв. // *Stratum plus.* №5. С. 142–263.
- Тихомиров 1946 – *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города // Ученые записки МГУ. Вып. 99. М., 1946.
- Тихомиров 1956 – *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956.
- Тихомиров 1958 – *Тихомиров М. Н.* К выходу первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского // *ВИ.* № 8. 1958. С. 154–159.
- Толочко 1989а – *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
- Толочко 1989б – *Толочко П. П.* О торгово-ремесленном пути становления древнерусских городов // *История и культура древнерусского города.* М., 1989. С. 159–167.
- Толочко 1997 – *Толочко П. П.* Пути становления древнерусских городов // *Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии.* Т. 1. М., 1997. С. 11–22.
- Торопов 1997 – *Торопов С. Е.* Поселение культуры длинных курганов на озере Крюково // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли.* Новгород, 1997. С. 11–15.
- Торопов 2003 – *Торопов С. Е.* Некоторые вопросы изучения керамики из древнерусских могильников XI–XII веков в центральных районах Новгородской земли // *Ежегодник НГОМЗ.* 2002. Великий Новгород, 2003. С. 99–103.
- Тухтина 1990 – *Тухтина Н. В.* Курганная группа Кобож I (бассейн реки Мологи) // *Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ.* Вып. 74. М., 1990. С. 121–137.
- Тухтина 1993 – *Тухтина Н. В.* Курганный могильник XI–XII вв. Кобож II // *Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ.* Вып. 82. М., 1993. С. 136–142.
- Фехнер 1963 – *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник // *Ярославское Поволжье X–XI вв.* М., 1963.
- Фехнер 1966 – *Фехнер М. В.* О происхождении и датировке железных гривен // *Археологический сборник. Труды ГИМ.* Вып. 40. М., 1966. С. 101–104.
- Фехнер 1967 – *Фехнер М. В.* Шейные гривны // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 55–87.
- Фехнер, Недошивина 1987 – *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // *СА.* № 2. 1987. С. 70–89.
- Фомин 1993 – *Фомин А. В.* Новые находки восточных монет в Северной Руси // *Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений.* Вологда, 18–21 мая 1993 г. Вологда, 1993. С. 13–15.
- Фролов 2000 – *Фролов Э. Д.* Русское антиковедение в новейшее время: главные вехи развития – оценка настоящего состояния – взгляд в будущее // *ИЗ.* № 3 (121). 2000. С. 7–29.
- Фроянов 1980 – *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Фроянов 1990 – *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990.
- Фроянов 1992 – *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992.
- Фроянов 2001 – *Фроянов И. Я.* Начала русской истории. Избранное. М., 2001.
- Фроянов, Дворниченко 1988 – *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
- Фроянов, Дубов 1977 – *Фроянов И. Я., Дубов И. В.* Основные этапы социального развития древнерусского города (IX–XII вв.) // *Древние города. Материалы к Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху средневековья (Пенджикент, октябрь, 1977).* Л., 1977. С. 69–71.
- Фроянов, Михайлова 1999 – *Фроянов И. Я., Михайлова И. Б.* Город или протогород? (Об одной надуманной исторической категории) // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей.* СПб., 1999. С. 228–236.
- Ханенко 1899 – *Ханенко Б. Н. и В. Н.* Собрание энколпионов, крестиков и образков. Вып. I. Киев, 1899.
- Хорошев 1978 – *Хорошев А. С.* Раскопы южной части Плотницкого конца // *Археологическое изучение Новгорода.* М., 1978. С. 174–196.
- Хорошев 1994 – *Хорошев А. С.* Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадебная А) // *Новгородские археологические чтения.* Новгород, 1994. С. 54–66
- Хорошкевич 1962 – *Хорошкевич А. Л.* Русский город XI–XVI вв. в современной буржуазной науке // *Критика буржуазных концепций России периода феодализма.* М., 1962. С. 109–134.
- Циркин 1987 – *Циркин А. В.* Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск, 1987.
- Черепнин 1892 – *Черепнин А. И.* Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892.
- Черепнин 1953 – *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси // *ВИ.* № 4. 1953. С. 38–64.
- Черепнин 1972 – *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика).* М., 1972. С. 131–146.
- Черепнин 1985 – *Черепнин Л. В.* Формирование крестьянства на Руси // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: Формирование феодально-зависимого крестьянства.* Т. 1. М., 1985. С. 314–349.

- Чернов 1991. – *Чернов С. З.* К хронологии московской керамики XV–XVI вв. // *Московская керамика: новые данные по хронологии.* М., 1991. С. 50–63.
- Черных 1985 – *Черных Н. Б.* Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования.* Л., 1985. С. 117–222.
- Шаповалов 2000 – *Шаповалов Р. Г.* Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 149–165.
- Ширина 1970 – *Ширина Д. А.* Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 – начала 1930-х годов // *ИЗ.* № 86. 1970. С. 270–297.
- Шмидехельм 1955 – *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии. Таллин, 1955.
- Штендер 1977 – *Штендер Г. М.* О ранних федоровских храмах древнего Новгорода // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977 г.* М., 1977.
- Штыхов 1978 – *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978.
- Шушарин 1962 – *Шушарин В. П.* Современные буржуазные историки о характере Древнерусского государства // *Критика буржуазных концепций России периода феодализма.* М., 1962. С. 135–161.
- Щапова 1956 – *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // *МИА.* № 55. М., 1956. С. 164–179.
- Щапова 1962 – *Щапова Ю. Л.* Два сирийских сосуда из Новгорода // *Историко-археологический сборник.* М., 1962. С. 232–236.
- Щапова 1963 – *Щапова Ю. Л.* Стекланные изделия древнего Новгорода // *МИА.* № 117. М., 1963. С. 104–163.
- Щапова 1972 – *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.
- Щапова 1974 – *Щапова Ю. Л.* Стекланные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966–1968 гг.) // *Археология Рязанской земли.* М., 1974. С. 76–92.
- Щапова 1998 – *Щапова Ю. Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998.
- Юшков 1925 – *Юшков С. В.* Феодальные отношения в Киевской Руси // *Ученые записки Саратовского университета.* Т. 3. Вып. 4. Саратов, 1925. С. 1–108.
- Юшков 1939 – *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.–Л., 1939.
- Юшкова 2003 – *Юшкова М. А.* Раскопки поселения эпохи раннего металла Шкурина Горка в 2002 г. // *Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской.* СПб., 2003. С. 12–26.
- Якобсон 1951 – *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья // *СА.* Т. XV. 1951. С. 325–344.
- Якобсон 1979 – *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Янин 1956 – *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956.
- Янин 1959 – *Янин В. Л.* Печати из новгородских раскопок 1955 г. // *МИА.* № 65. М., 1959. С. 299–305.
- Янин 1970 – *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970.
- Янин 1991 – *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин 1998 – *Янин В. Л.* Две древнерусские вислые печати начала XI в. // *АВ* № 5. СПб., 1998. С. 205–215.
- Янин, Гайдуков 1998 – *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998.
- Янин, Зализняк 1993 – *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Вкладная грамота Варлаама Хутынского // *Russian Linguistics.* 16. 1993. S. 185–202.
- Янитс 1979 – *Янитс К.* Об исследовании поселения эпохи железа у д. Линнузе вблизи Кунде // *Известия АН ЭССР. Общественные науки.* Т. 28. № 4. Таллин, 1979. С. 380–381.
- Янссон 1999 – *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы.* М., 1999. С. 18–38.
- Alsleben 2001 – *Alsleben A.* Angebot und Nachfrage. Frühmittelalterliche Nahrungswirtschaft im Umland von Novgorod // *Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russland / Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete.* Band 1. Neumunster, 2001. S. 362–367. Tab. 1–3.
- Andren 1989 – *Andren A.* The early town in Scandinavia // *The birth of Europe-Archaeology and social development in the first millennium A. D.* Roma, 1989. P. 173–177.
- Arbman 1940 – *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.
- Arbman 1943 – *Arbman H.* Birka I. Text. Uppsala, 1943.
- Arwidsson 1986a – *Arwidsson G.* Die Eissporen // *Systematische Analysen der Gräberfunde.* Birka II:2. Stockholm, 1986. S. 111–112.
- Arwidsson 1986b – *Arwidsson G.* Pferdeeisnägel // *Systematische Analysen der Gräberfunde.* Birka II:2. Stockholm, 1986. S. 136.
- Białocka 1961 – *Białocka F.* Ceramika ze stanowiska wykopaliskowego 4 w Wolinie // *Materiały Zachodniopomorskie.* T. 7. 1961. S. 293–370.
- Brather 1996 – *Brather S.* Feldberger Keramik und frühe Slawen. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. № 34. Bonn, 1996.
- Brorsson 2001 – *Brorsson T.* Behind the pottery – signs of trade across the Baltic Sea // *British Museum Occasional Paper 141.* London, 2001. P. 51–58.
- Budinský-Krička 1956 – *Budinský-Krička V.* Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tóni na Slovensku // *Slovenská Archeológia.* IV–1. S. 5–131. Bratislava, 1956.
- Callmer 1977 – *Callmer J.* Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // *Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4° Nr11.* Bonn, Lund, 1977.
- Callmer 1988 – *Callmer J.* Slawisch-skandinavishe Kontakte am Beispiel der slawischen Keramik in Skandinavien während des 8. und 9. Jahrhunderts // *Bericht der rö-*

- misch-germanschen Kommission. Band 69. Mainz am Rhein. 1988. S. 654–674.
- Callmer 1989 – *Callmer J.* Geggossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde.* Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1989. S. 19–42.
- Callmer 1994 – *Callmer J.* Urbanisation in Scandinavia and the Baltic Region c AD 700–1100: Trading Places, Centres and Early Urban Sites // *Developments around the Baltic and the North Sea in the Viking Age / The Twelfth Viking Congress / Birka Studies.* 3. Stockholm, 1994. P. 50–90.
- Catalogue 1992 – *Les Vikings...* Les Scandinaves et l'Europe 800–1200 / 22-e exposition d'art du Conseil de l'Europe. Uddevalla, 1992.
- Cnotliwy, Dekówna, Leciejewicz, Łosiński, Rogosz, Rulewicz, Wesołowski 1983 – *Cnotliwy E., Dekówna M., Leciejewicz L., Łosiński W., Rogosz R., Rulewicz M., Wesołowski S.* Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze Zamkowe // *Polskie badania archeologiczne.* Tom 23. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1983.
- Cnotliwy, Łosiński, Wojtasik 1986 – *Cnotliwy E., Łosiński W., Wojtasik J.* Rozwój przestrzenny wczesnośredniowiecznego Wolina w świetle analizy porównawczej struktur zespołów ceramicznych // *Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim // Studia i materiały.* Warszawa, 1986. S. 62–117.
- Donat 1987 – *Donat P.* Zur zeitlichen und regionalen Gliederung der altslawischen Keramik zwischen Oder und Elbe/Saale // *Studia nad etnogeneza słowian i kultura Europy wczesnośredniowiecznej 1: Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź,* 1987. S. 239–254.
- Dymaczewska 1970 – *Dymaczewska U.* Ceramika wczesnośredniowieczna z Santoka, pow. Gordow // *Slavia Antiqua.* XVI. Warszawa-Poznań, 1970. S. 145–199.
- Excavations at Helgö II. 1970 – *Excavations at Helgö II.* Stockholm, 1970.
- Gabriel, Kempke 1991 – *Gabriel J., Kempke T.* Ausgrabungsmethode und Chronologie // *Starigard/Oldenburg.* Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Karl Wachholtz Verlag Neumünster, 1991. S. 123–148.
- Goryunova 2001 – *Goryunova V.* Westslawischer Einfluss auf die frühe Drehscheibenware in Novgorod und Umgebung // *Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands.* Wachholtz Verlag Neumünster, 2001. S. 323–347.
- Gräslund 1984 – *Gräslund A.-S.* Schellen // *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde.* Stockholm, 1984. S. 119–124.
- Hall 1986 – *Hall R.* The Excavations at York: The Viking Dig. London, 1986.
- Haggrén 2003 – *Haggrén G.* Sirpaleita Hansan kulttuuripiiristä – keskiaikaiset lasiastialöydöt // *Kaupunkia pintta syvemältä: Arkeogisia näkökulmia Turun historian.* Turku, 2003. (*Archeologia Medii Aevi Finlandiae* 9). P. 223–240.
- Herrmann 1966 – *Herrmann J.* Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Berlin, 1966.
- Herrmann 1968 – *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder-Neibe und Elbe. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte, 23. Berlin, 1968.
- Hirviluoto 1996 – *Hirviluoto A.-L.* Pottery, burnt clay and slag // *Vainionmaki – a Merovingian period cemetery in Laitila, Finland.* Helsinki, 1996. S. 73–80.
- Janin, Gajdukow 1998 – *Janin V. L., Gajdukow P. G.* Ein Schatzfund aus Novgorod mit westeuropäischen und byzantinischen Münzen // *Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter.* Neumünster, 1998. S. 345–357.
- Jansson 1985 – *Jansson I.* Ovals spännbucklor. Ein studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Bøjörk-fynden. Uppsala, 1985.
- Jansson 1997 – *Jansson I.* Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // *The Rural Viking in Russia and Sweden.* Conference 19–20 October 1996 in the manor of Karlslund, Orebro / *Lectures* ed. By Par Hansson). Örebro. 1997. P. 9–64.
- Jenkins 1986 – *Jenkins M.* Islamic glass. A brief history // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin.* V. XLIV. № 2. 1986.
- Karpovich 1943 – *Karpovich M.* Klyuchevski and recent trends in Russian historiography // *The Slavonic and East European Review.* American Series, II. Vol. 21. Part I. 1943.
- Kempke 1984 – *Kempke T.* Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slaven in Wagrien. 2. Die Keramik des 8–12. Jahrhunderts // *Offa-Bücher,* 53. Neumünster, 1984.
- Kivikoski 1937 – *Kivikoski E.* Studien zu Birkas Handel im ostlichen Ostseegebiet // *Acta Archaeologica.* Vol. 8. København, 1937.
- Korkeakoski-Väisänen 1981 – *Korkeakoski-Väisänen K.* Manner-Suomen viikinki- ja ristiretkiajan rannerekaat ja niiden oramentiikka. Turku, 1981.
- Lamm 1941 – *Lamm C. J.* Oriental glass of mediaeval date found in Sweden and the early history of luster-painting. Stockholm, 1941.
- Lamm 1928, 1930 – *Lamm C. J.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd. I (text), II (abbildungen). Berlin-Leipzig, 1928, 1930.
- Lang 1985 – *Lang V.* Iru Linnuse peenkeramika V–X sajandi // *Известия АН ЭССР. Общественные науки.* Т. 34. № 2. Таллин, 1985. С. 193–209.
- Lang 1999 – *Lang V.* Ühe savinõutüübi ajaloost Loode-Eestis // *Muinasaja teadus.* I. Arheoloogiline kogumik. Tallinn, 1999. Lk. 45–65.
- Leciejewicz, Rulewicz, Wesołowski, Wieczorowski 1972 – *Leciejewicz L., Rulewicz M., Wesołowski S., Wieczorowski T.* La ville de Szczecin des IX–XIII siècles. *Archaeologia Urbium.* 2. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.
- Lehtosalo-Hilander 1982 – *Lehtosalo-Hilander P. L.* Luistari II. The Artefacts. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 82. Helsinki, 1982.

- Lempiäinen, Levkovskaja 1994 – *Lempiäinen T., Levkovskaja G.* Grain and seed impressions on ceramics from Vasiliievskoye, Novgorod, Russia // *Annales Botanici Fennici*. № 31. Helsinki, 1994. P. 191–196.
- Łosiński 1972 – *Łosiński W.* Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsenty (VII–XI w.). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.
- Łosiński, Rogosz 1986 – *Łosiński W., Rogosz B.* Metody synchronizacji warstw kulturowych wczesnośredniowiecznych obiektów wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // *Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim*. Studia i materiały. Warszawa, 1986. S. 9–50.
- Lõugas 1967 – *Lõugas V.* Asva linnuse dateerimisest // *Известия АН ЭССР. Общественные науки*. Т. XVI. N 1. 1967. С. 81–93.
- Martens 1988 – *Martens I.* Jernvinna på Møsstrand i Telemark. En studie i teknikk, bosetning og økonomi. Norske oldfunn XIII. Oslo, 1988.
- Minevikult... 1984 – *Minevikult tanapaevale*. Tallinn, 1984.
- Myrdal 1982 – *Myrdal J.* Jordbruksradskap av järn före år 1000 // *Fornvännen* 77. 1982. S. 81–104.
- Noonan 1997 – *Noonan T.* Scandinavians in European Russia // *The Oxford illustrated history of the vikings*. Oxford – New York, 1997. S. 134–155.
- Noonan 1998 – *Noonan T.* The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence / *Variorum Collected Studies Series: CS595*. Ashgate Publishing Company, 1998.
- Nosov 1993 – *Nosov E. N.* The Problem of the Emergence of Early Urban Centres in Northern Russia // *Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe / Worldwide Archaeology Series 6*. Avebury, 1993. P. 236–256.
- Nosov 1994a – *Nosov E. N.* The emergence and development of Russian towns: some outline ideas // *Archaeologia Polona*. Vol. 32, 1994. P. 185–196.
- Nosov 1994b – *Nosov E. N.* New archaeological data on the economy of the population of the lake Ilmen region in the second half of the first Millennium A. D. // *Fenno-Ugri et Slavi* 1992. Prehistoric economy and means of livelihood. Helsinki, 1994. P. 60–63.
- Nosov 1998 – *Nosov E. N.* The Varangian Problem: Russian Historical Tradition vs. New Archaeological Evidence // *Studien zur Archäologie des Ostseeraumes Von der Eisenzeit zum Mittelalter*. Festschrift für Michael Müller-Wille. Neumunster, 1998. P. 61–66.
- Olczak, Siuchniński 1985 – *Olczak J., Siuchniński K.* Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa Śląskiego. Poznań, 1985.
- Petersen 1928 – *Petersen J.* Vikingetidens Smykker. Stavanger, 1928.
- Petré Bo. 1984 – *Arkeologiska undersökningar på Lovö*. Del 2. Stockholm. 4.
- Rudh 1936 – *Rudh H.* Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936.
- Sander 1997 – *Sander B.* Excavations at Helgö XIII. Stockholm, 1997.
- Schmiedehelm 1973 – *Schmiedehelm M.* Mitteleisenzeitliche Funde aus dem Steingrab von Toila in Nordosttestland // *Homos Ella Kivikoski. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* Vol. 75. Helsinki. S. 187–196.
- Schuldt 1956 – *Schuldt E.* Die slawische Keramik in Mecklenburg. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte 5. Berlin, 1956.
- Schuldt 1981 – *Schuldt E.* Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9/10. Jahrhunderts // *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg*, 14. Berlin, 1981.
- Selling 1955 – *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.
- Stanisławski 2001 – *Stanisławski B.* Ceramika typu Wolin-Fresendorf na tle badań nad wczesnośredniowieczną ceramiką słowiańską w południowo-zachodniej strefie Bałtyku // *Materiały Zachodnioodomorskie*. Tom 46. Szczecin, 2001. S. 125–156.
- Tikhomirov 1959 – *Tikhomirov I.M. N.* The Towns of Ancient Russia. Moscow, 1959.
- Trugly 1993 – *Trugly A.* Gräberfeld aus der Zeit des Awarischen Reiches bei der Schiffswerft in Komárno II (1987–1989) // *Slovenská Archeológia*. XLI–2. Bratislava, 1993. S. 191–307.
- Thunmark-Nylén 1998 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. II. Stockholm, 1998.
- Thunmark-Nylén 2000 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. IV: 1, Katalog. Stockholm, 2000.
- Vernadsky 1976 – *Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven and London, 1976.
- Vikingeres Rusland 1993 – *Vikingeres Rusland* – Staraja Ladoga og Novgorod. 1993. (red. Michael Andersen, Frank Birkeback. *Roskilde Museums Forlag. Roskilde*, 1993. P. 29–38.
- Wahlöö 1976 – *Wahlöö C.* Keramik 1000–1600 i svenska fund // *Archaeologica Lundensia*. VI. Kulturhist. museet. Lund, 1976. S.
- Waller 1984 – *Waller J.* Nadeln / Pfrieme und Pinzetten // *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1984. S. 183–190.
- Wolf A. 2004 – *Wolf A.* Orientalische Goldemailgläser im mittelalterlichen Europa // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 50 (2003). T. 2. Mainz, 2004. S. 489–611.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Аксенов А-1958 – *Аксенов М. М.* Древнеславянские поселения Новгородской области. Архив НГОМЗ. № 11894.
- Белецкий С. А-1980 – *Белецкий С. В.* Керамика Псковской земли второй половины первого – начала второго тысячелетия как исторический источник. (Культурная стратиграфия региона). Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Архив ИИМК РАН, РА. Р-2, № 2259, 456 л. 1980.
- Горюнова А-1988 – *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). Рукопись дис. ... канд. ист. наук. НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 2–Д, дд. 409, 410.
- Исланова А-1988 – *Исланова И. В.* Население бассейна Верхней и Средней Мологи и Верховьев Мсты в VI–XIII вв. Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. № 2429.
- Носов А-1977 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1977 г. Архив ИА РАН. КП 2032.
- Носов А-1982 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1982 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 9204.
- Орлов А-1976 – *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1976 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 6153.
- Орлов А-1979 – *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1979 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 7446.
- Орлов А-1973 – *Орлов С. Н.* Отчет о работе совместной археологической экспедиции Новгородского пед. института и Новгородского музея в 1973 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 5162.
- Передольский А-1890 – *Передольский В. С.* Отчет о раскопках, произведенных по открытому листу от 3 мая № 440. НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1. Д. 46.
- Передольский А – *Передольский В. С.* Новгород Великий в бытовых свидетельствах стародавней жизни. Архив Новгородского музея. Д. 5317.
- Пескова А-1988 – *Пескова А. А.* Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки). Рукопись дис. ... канд. ист. наук. НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35. Оп. 2–Д. Д. 417, 418.
- Программа... А-1909–1910 – *Программа археологического обследования* о городищах и курганах Новгородского уезда 1909–1910 гг. Архив НГОМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 77.
- Чернягин А-1929 – *Чернягин Н. Н.* Отчет о маршрутной рекогносцировке по р. Волхову в 1929 г. НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2. Д. 122.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
- АО – Археологические открытия. М.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- ВИ – Вопросы истории. М.
- ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
- ГИМ – Государственный исторический музей. М.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
- ИЗ – Исторические записки. М.
- ИАО – Известия Археологического общества
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет
- ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- МАР – Материалы по археологии России. СПб.
- МГУ – Московский государственный университет
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МОИДР – Московское общество истории и древностей российских. М.
- НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
- НИС – Новгородский исторический сборник
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- РА – Российская археология. М.
- РИС – Русский исторический сборник
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.

ТАБЛИЦЫ

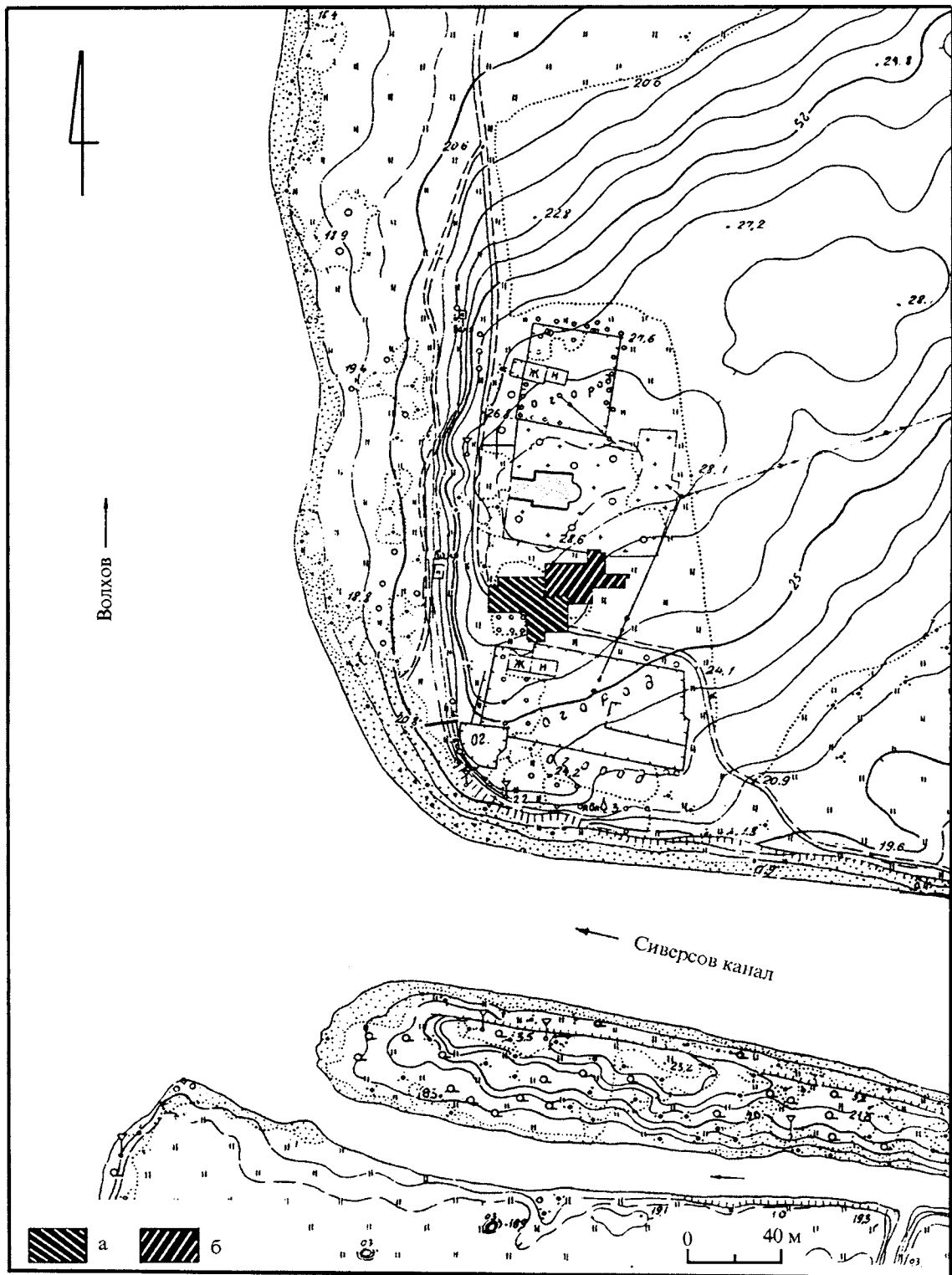

Табл. 1. План Городища. Условные обозначения: а – раскопы 1980–1983 гг.; б – раскопы 1984–1989 гг.

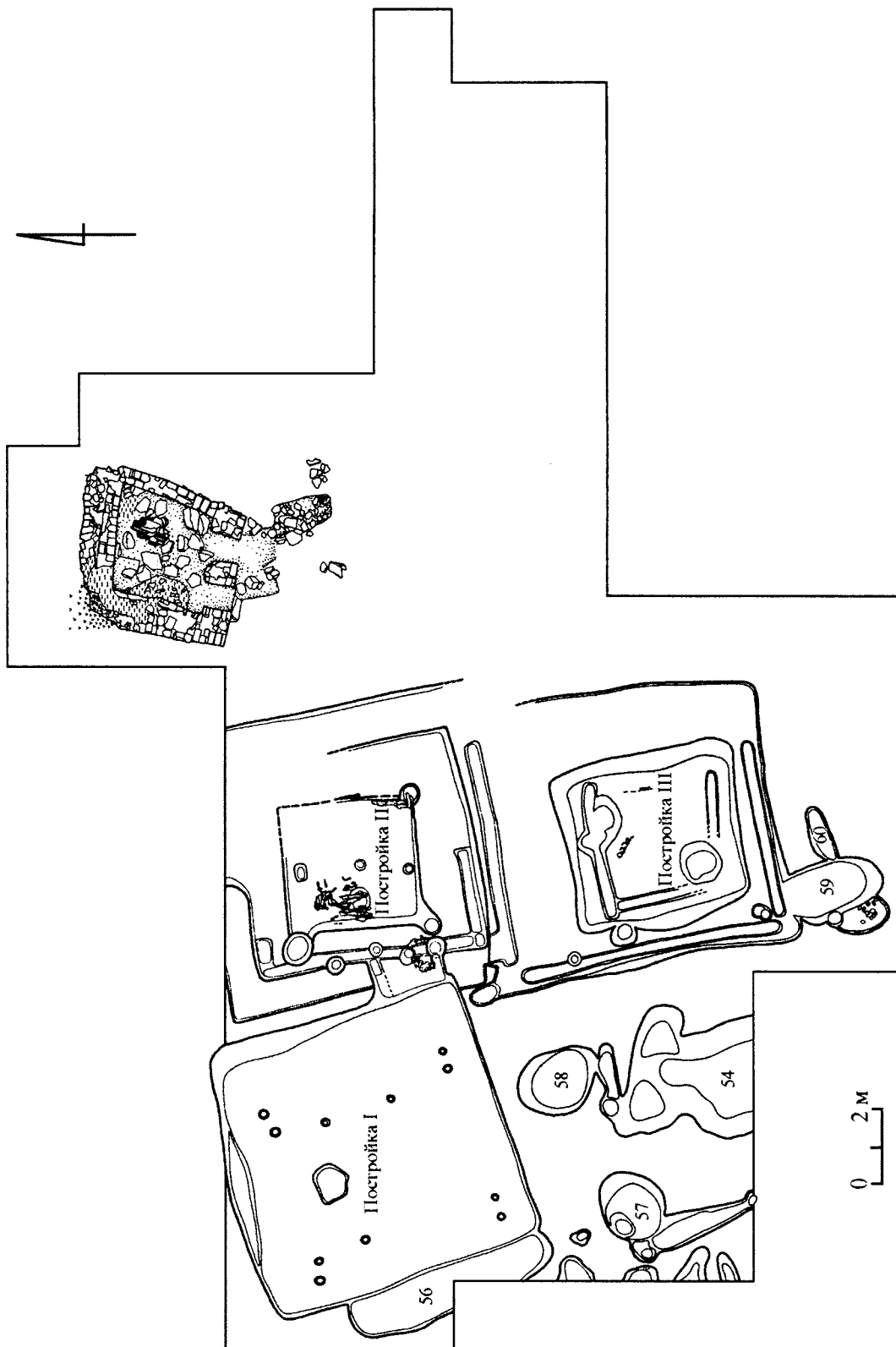

Табл. 2. Городище. Раскоп 1984–1989 гг.

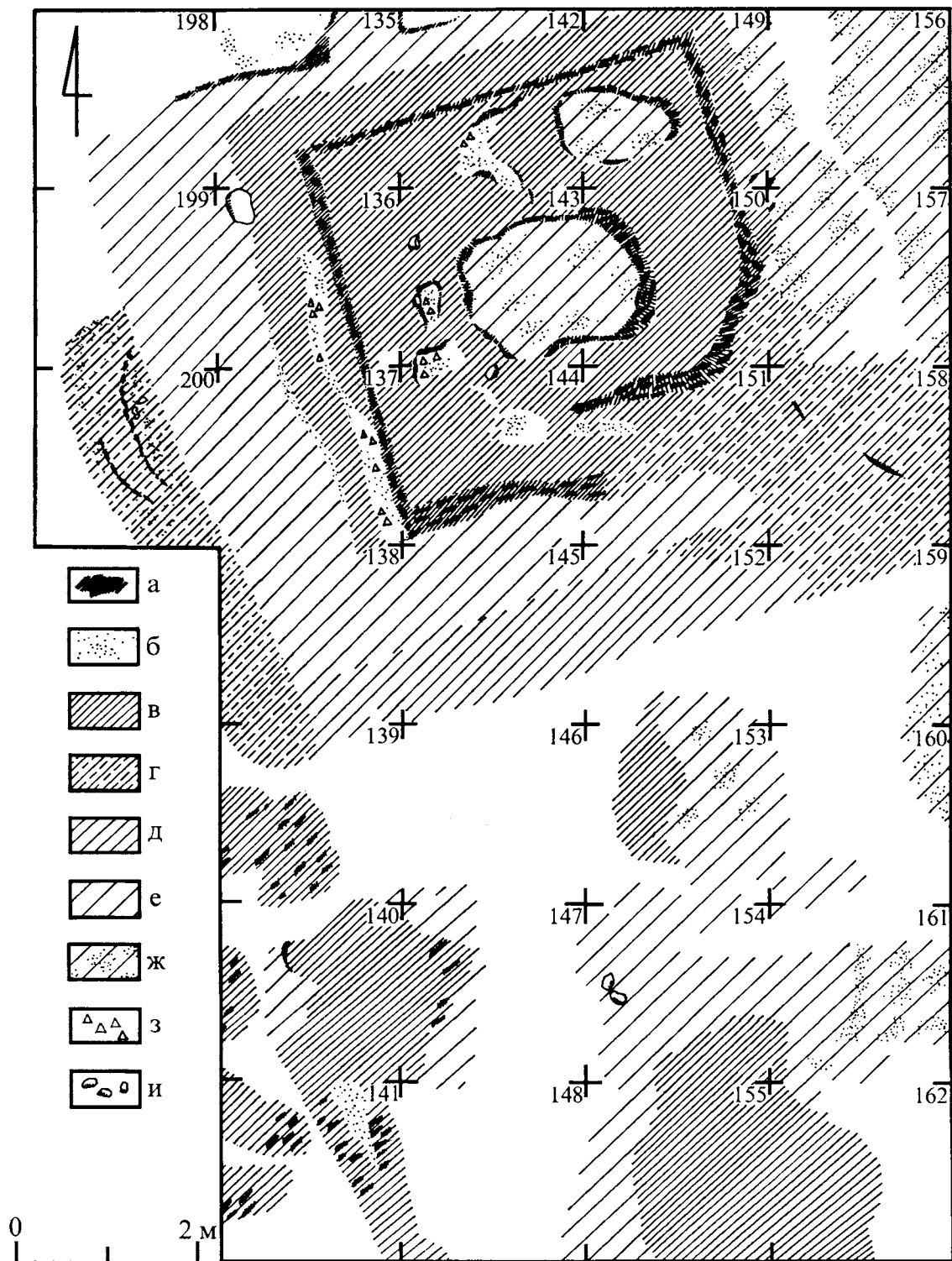

Табл. 3. Городище. План гумусированных пятен в западной части раскопа на уровне материка. Условные обозначения: а – уголь; б – песок; в – черный гумус; г – темно-серый гумус; д – серый гумус; е – светло-серый гумус; ж – светло-серый песчаный гумус; з – целянка; и – камни

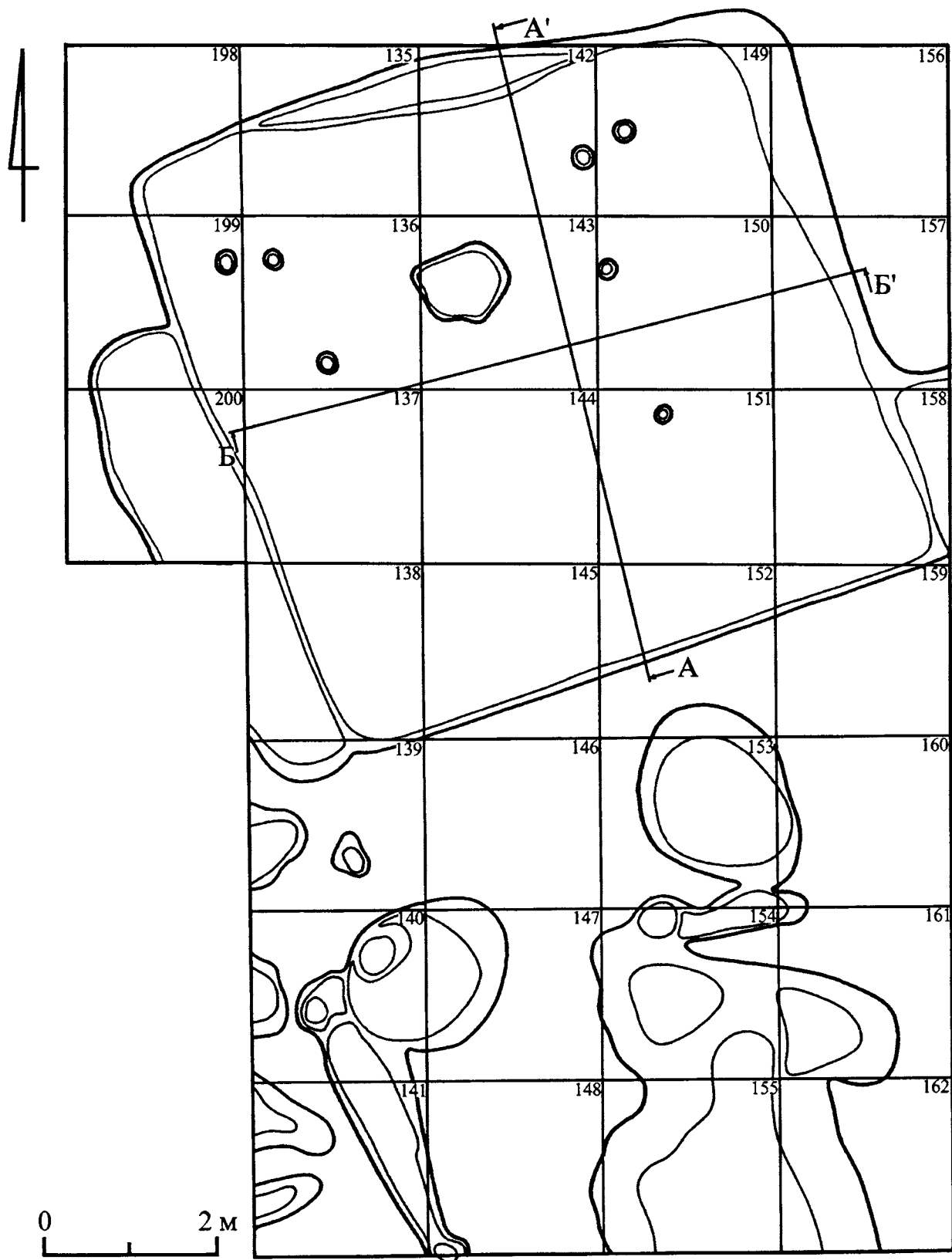

Табл. 4. Городище. План западной части раскопа после разборки комплексов

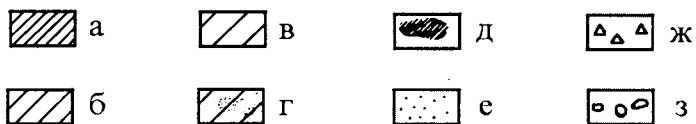
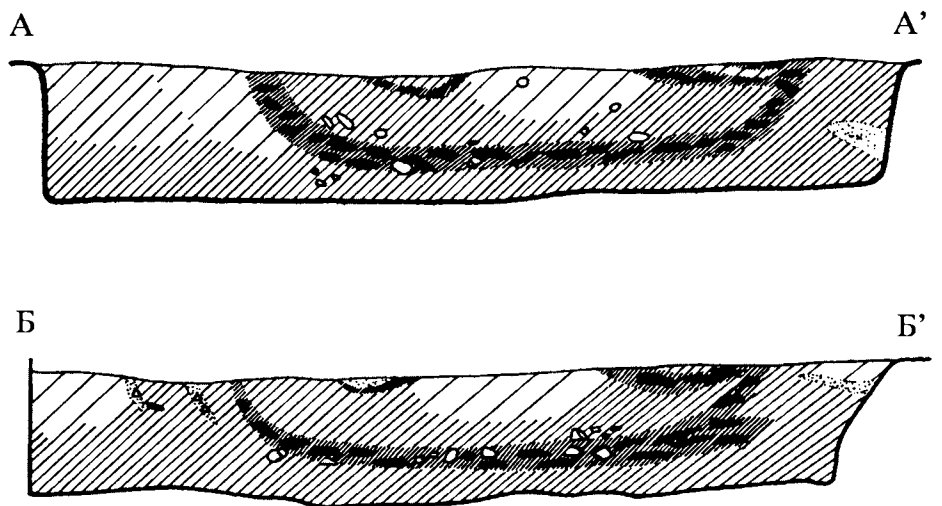

Табл. 5. Городище. Разрезы постройки I. Условные обозначения: а – черный гумус; б – серый гумус; в – светло-серый гумус; г – светло-серый песчаный гумус; д – уголь; е – песок; ж – цемянка; з – камни.

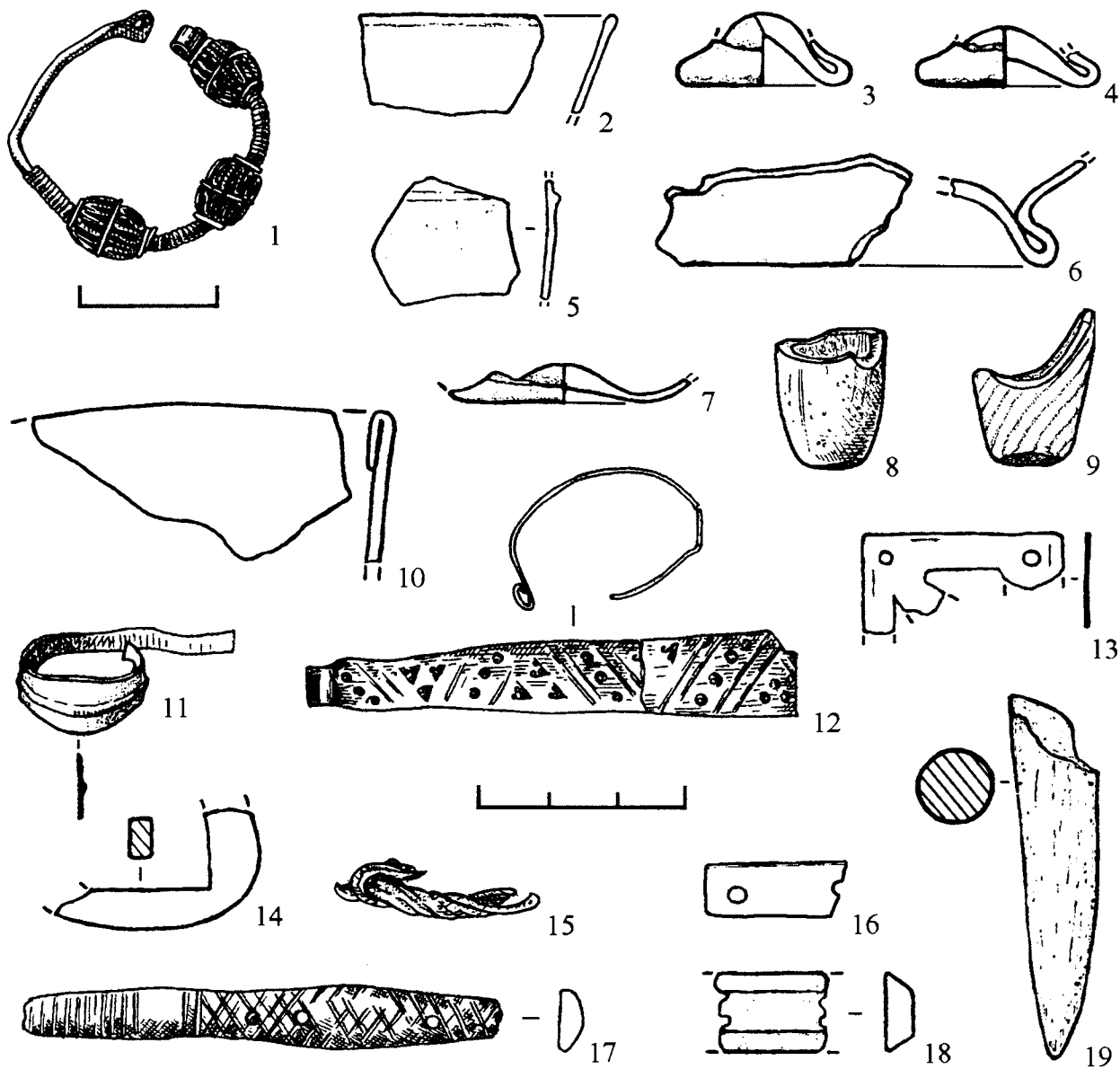

Табл. 6. Городище. Находки из заполнения постройки I

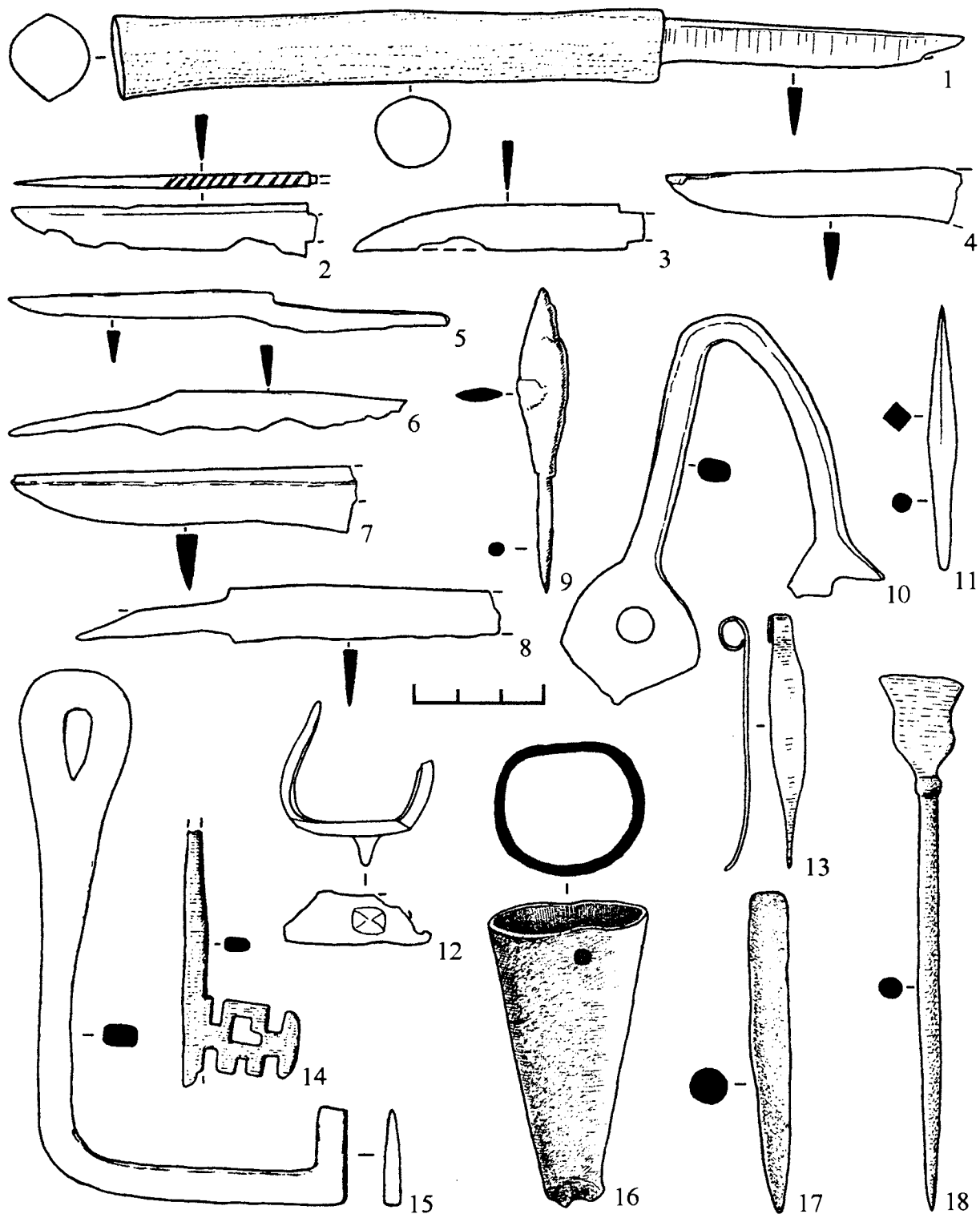

Табл. 7. Городище. Находки из заполнения постройки I

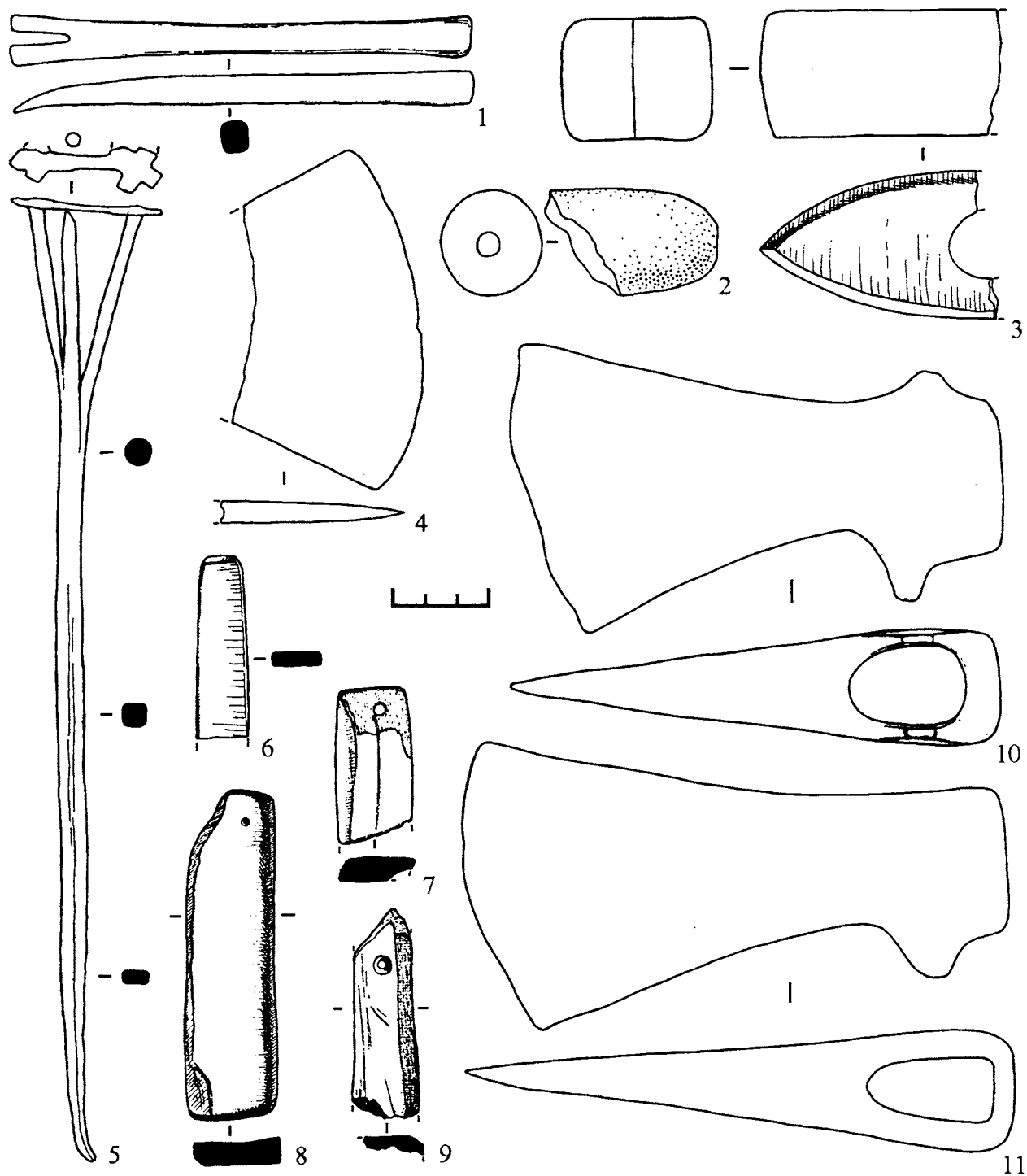

Табл. 8. Городище. Находки из заполнения постройки I

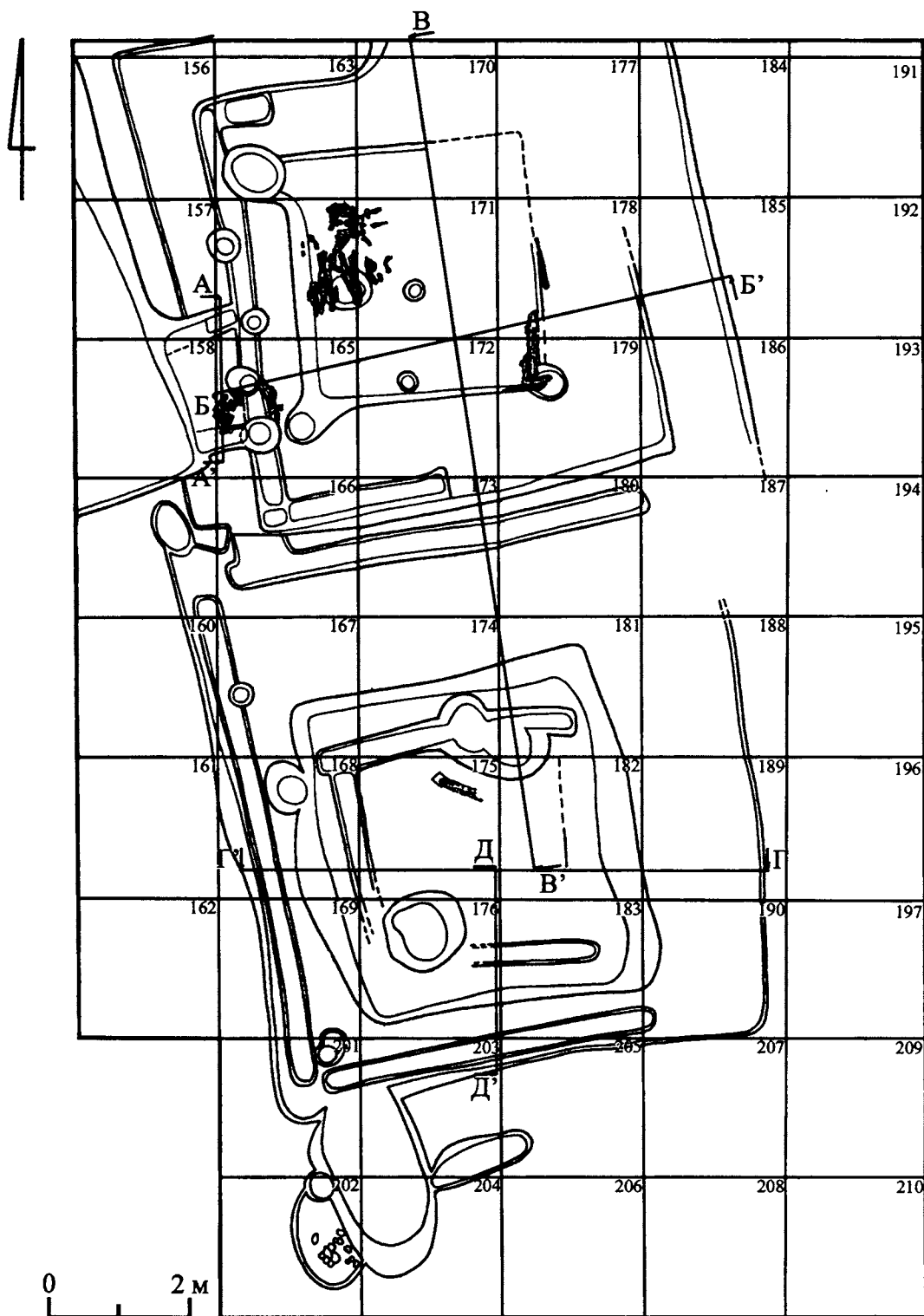

Табл. 9. Городище. План центральной части раскопа после разборки комплексов

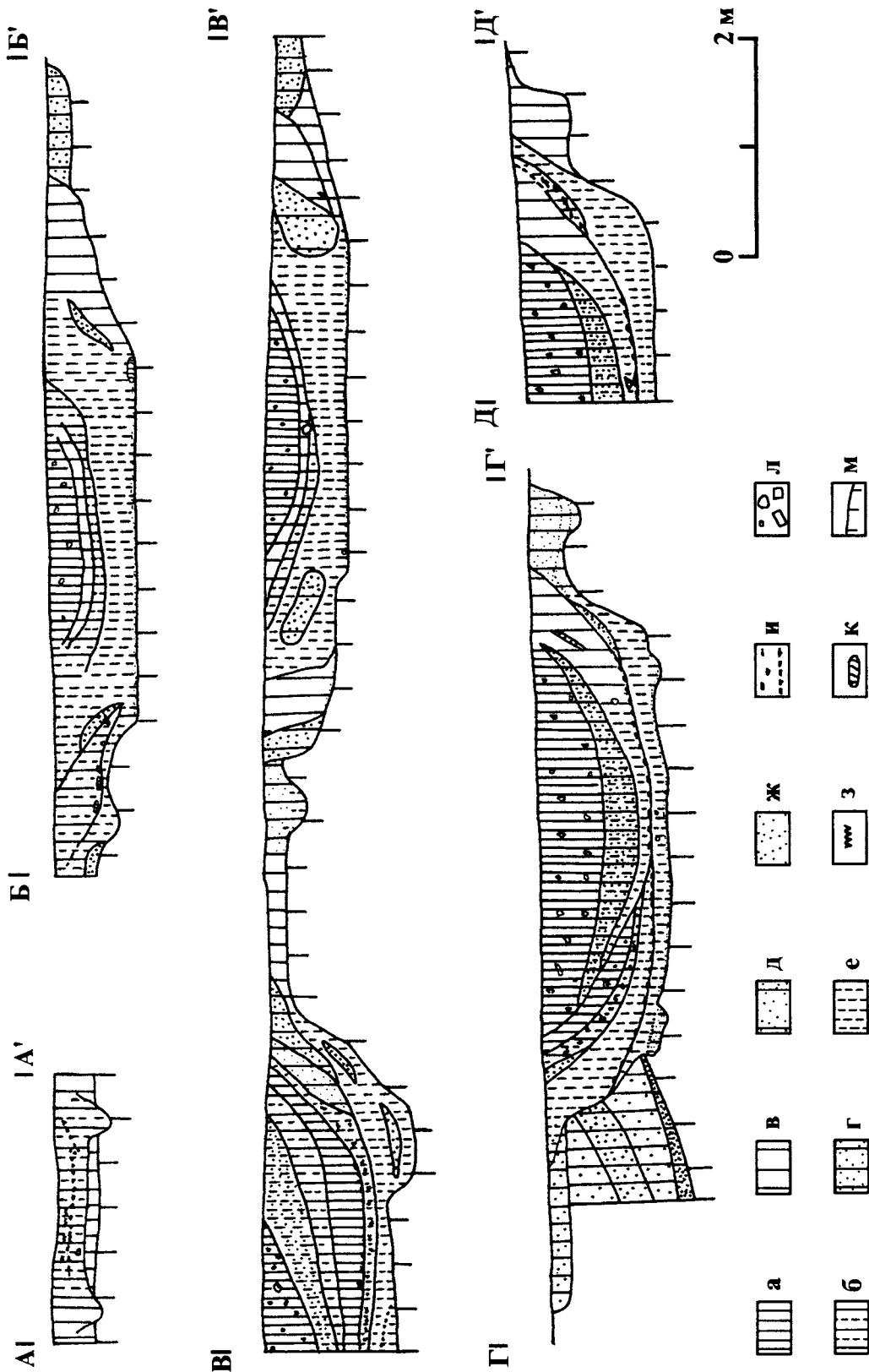

Табл. 10. Городище. Разрезы II и III построек. Условные обозначения: а – гумус черного цвета; б – гумус темно-серого цвета; в – слабогумусированный слой серого цвета; г – слабогумусированный песчаный слой серого цвета; д – очень слабо гумусированный песчаный слой серого цвета; е – среднегумусированный слой серого цвета; ж – песок желтого цвета; з – прослойка глины; и – угли, углистые прослойки; к – остатки ислевшего дерева; л – камни, кирпичи; м – материк

Табл. 11. Городище. Находки из заполнения постройки II

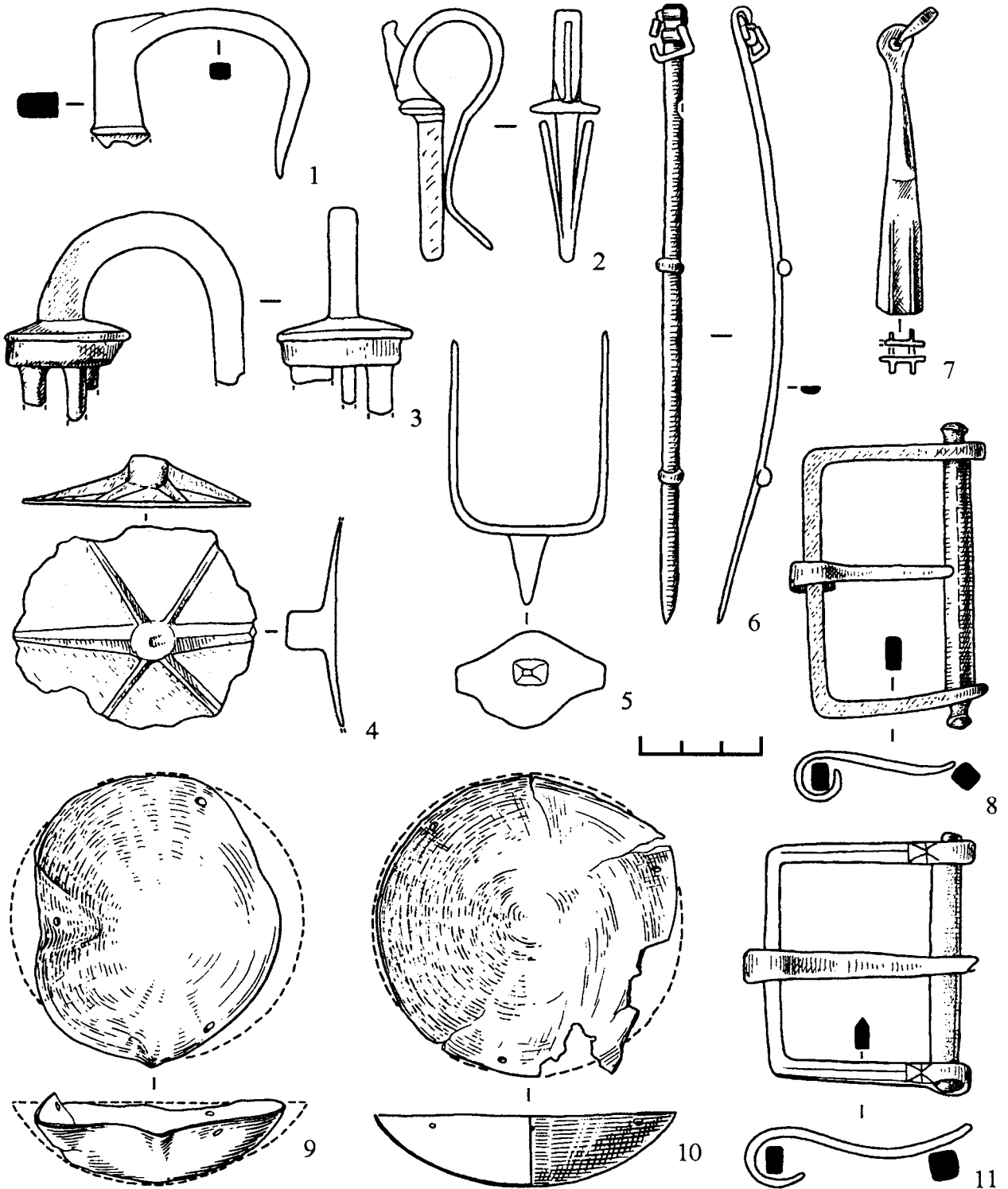

Табл. 12. Городище. Находки из заполнения постройки II

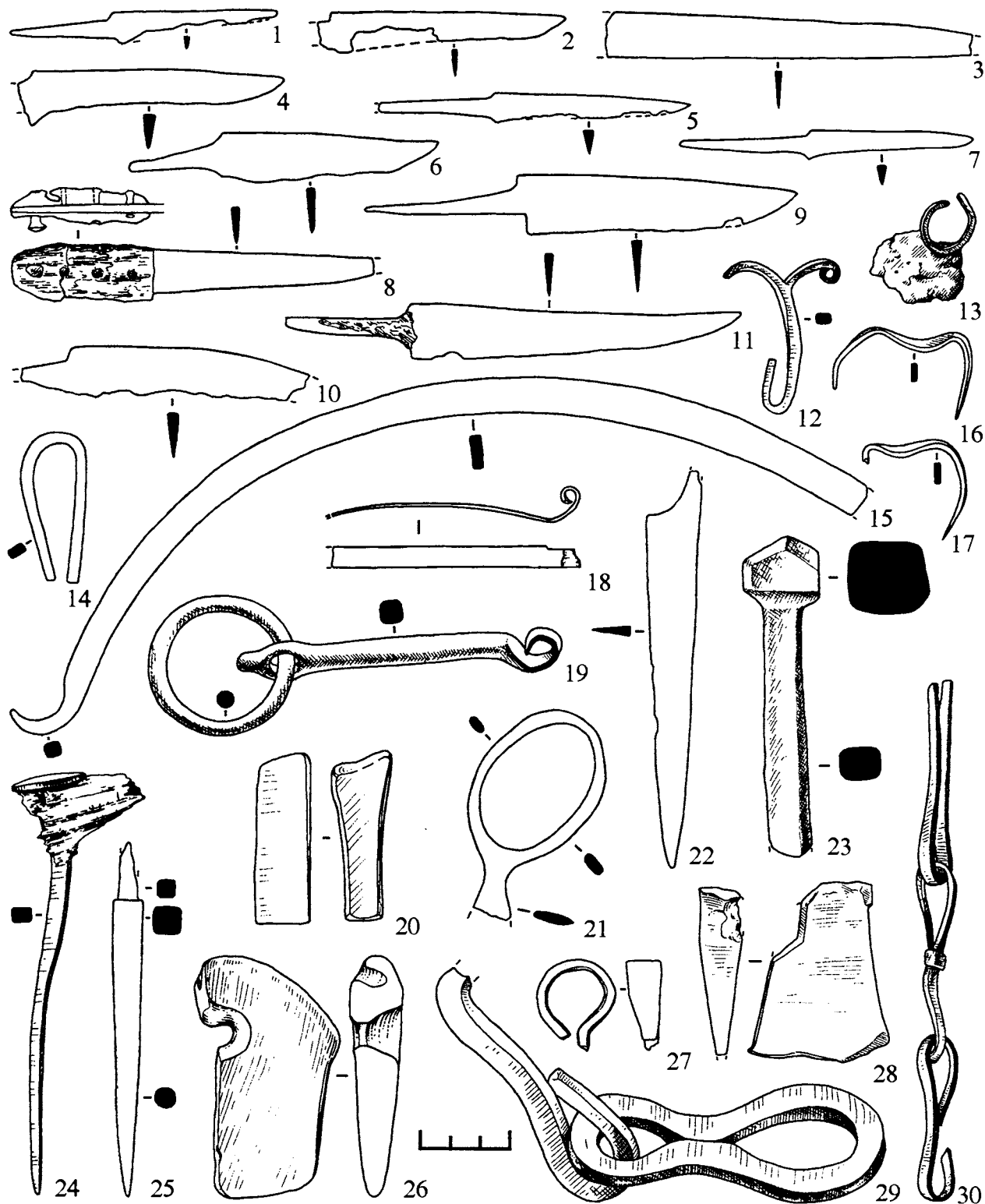

Табл. 13. Городище. Находки из заполнения постройки II

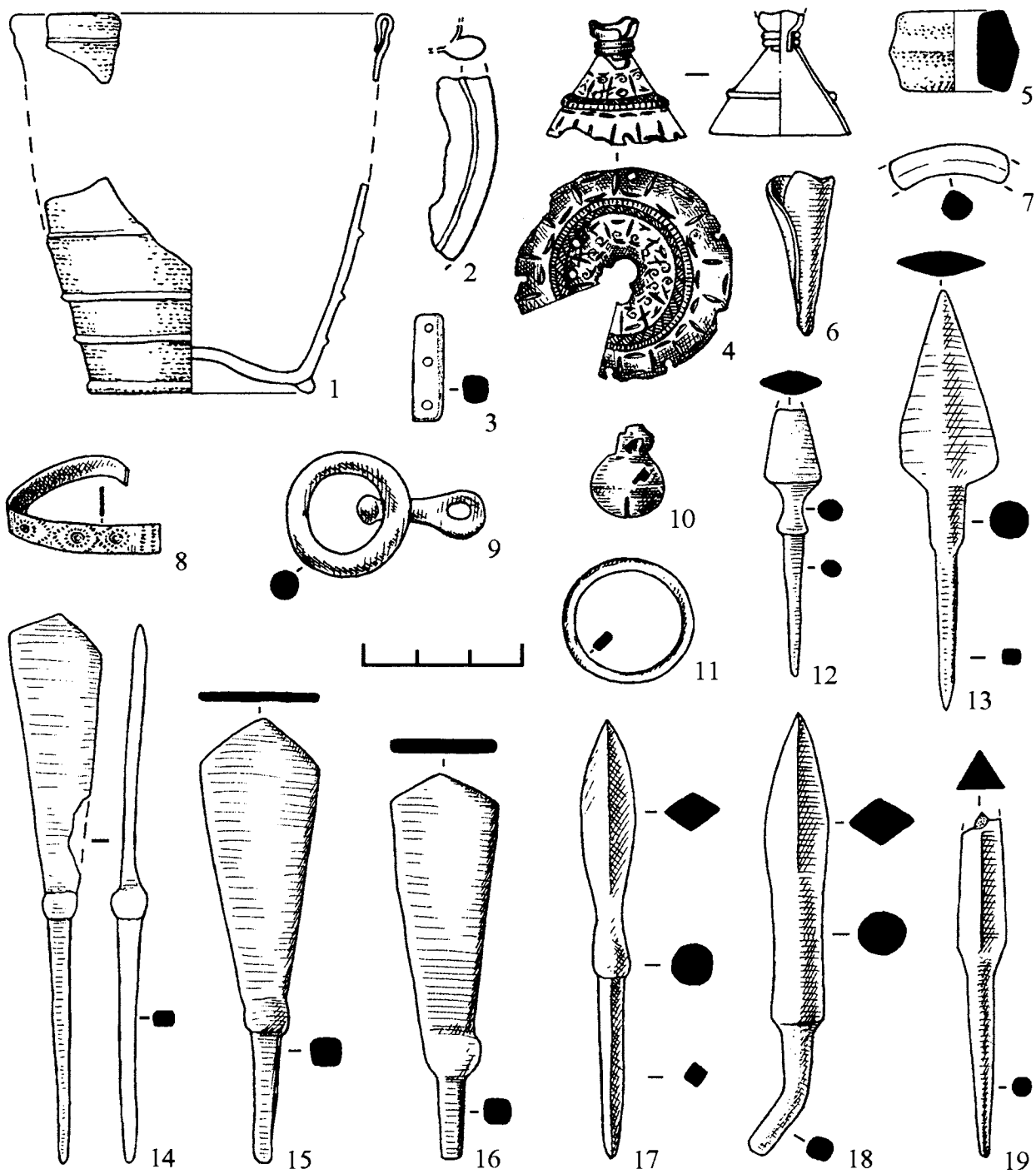

Табл. 14. Городище. Находки из заполнения постройки III

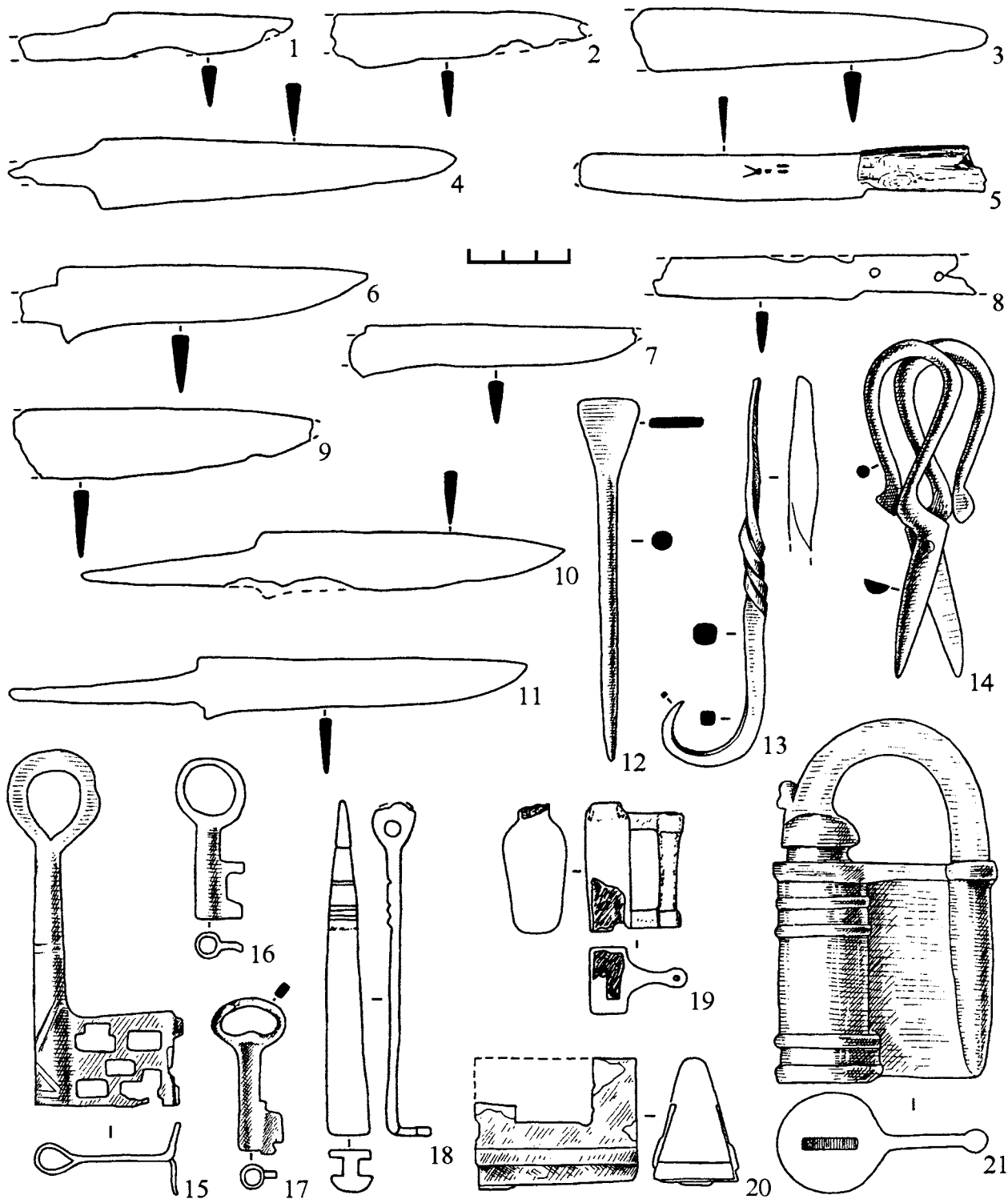

Табл. 15. Городища. Находки из заполнения постройки III

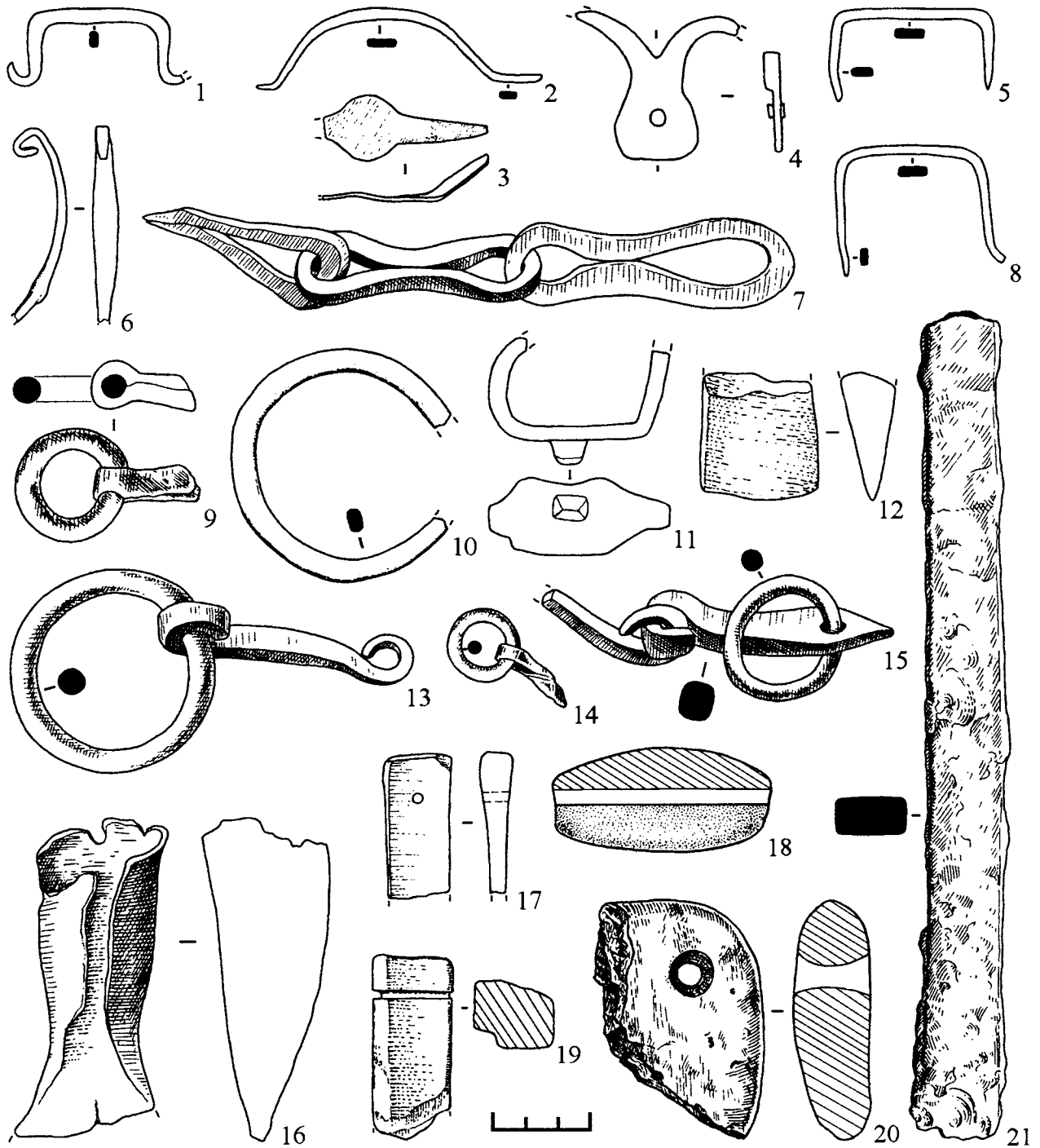

Табл. 16. Городище. Находки из заполнения постройки III

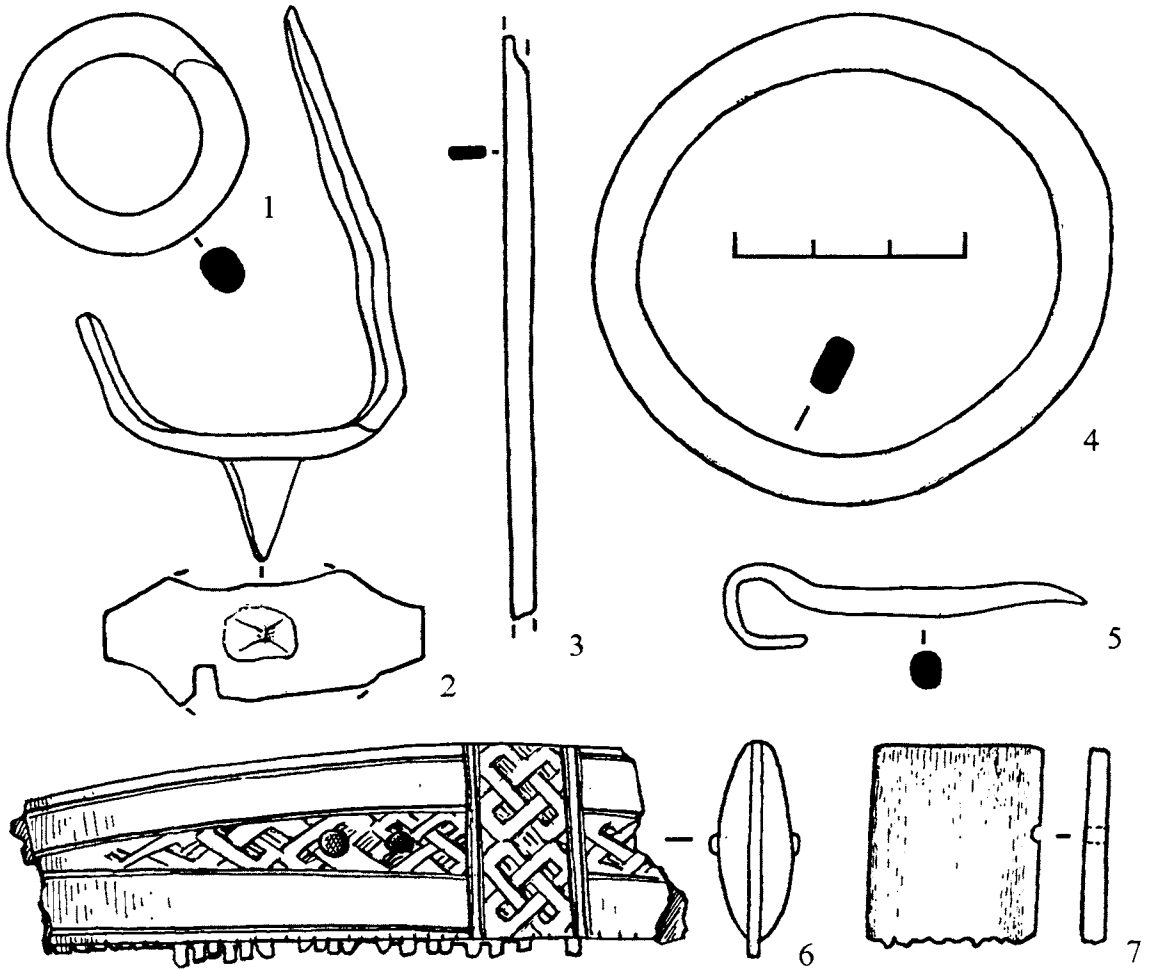

Табл. 17. Городище. Находки из заполнения комплексов 54, 56, 57, 59

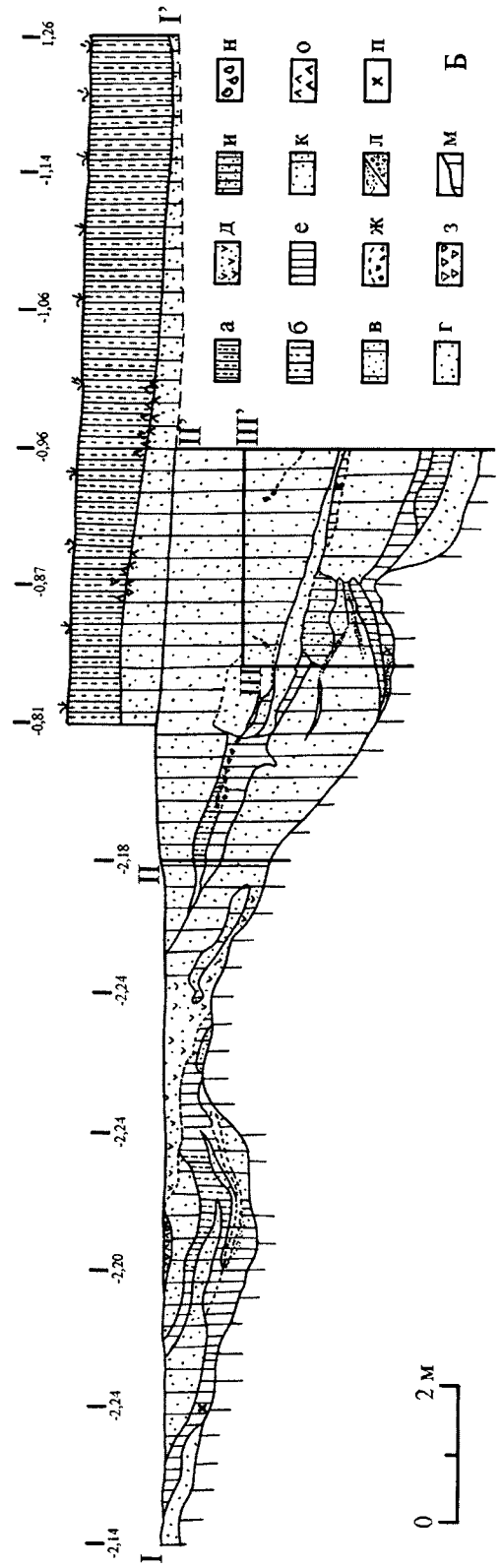
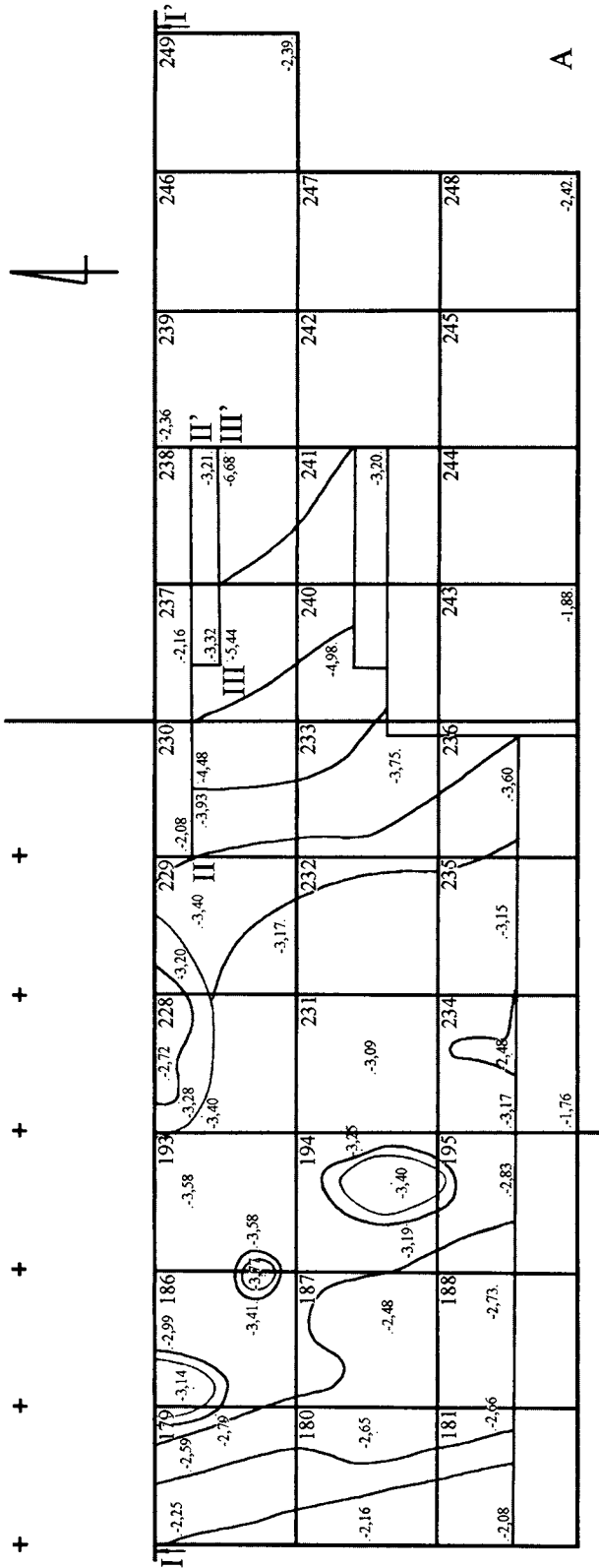

Табл. 18. Городище. Ров. А – план траншеи 1989 г.; Б – разрез северной стенки. Условные обозначения: а – среднегумусированный слой серого цвета; б – гумус темно-серого цвета; в – слабогумусированный песчаный слой серо-желтого цвета; г – песок желтого цвета; д – мешаный песок; е – слабогумусированный слой серого цвета; ж – угли, углистые прослойки; з – битый кирпич; и – слабогумусированный песчаный слой серого цвета; к – светлый песок; л – песчаные прослойки/крупнозернистый песок; м – материк; н – камни; о – известь; п – слой с лепной керамикой

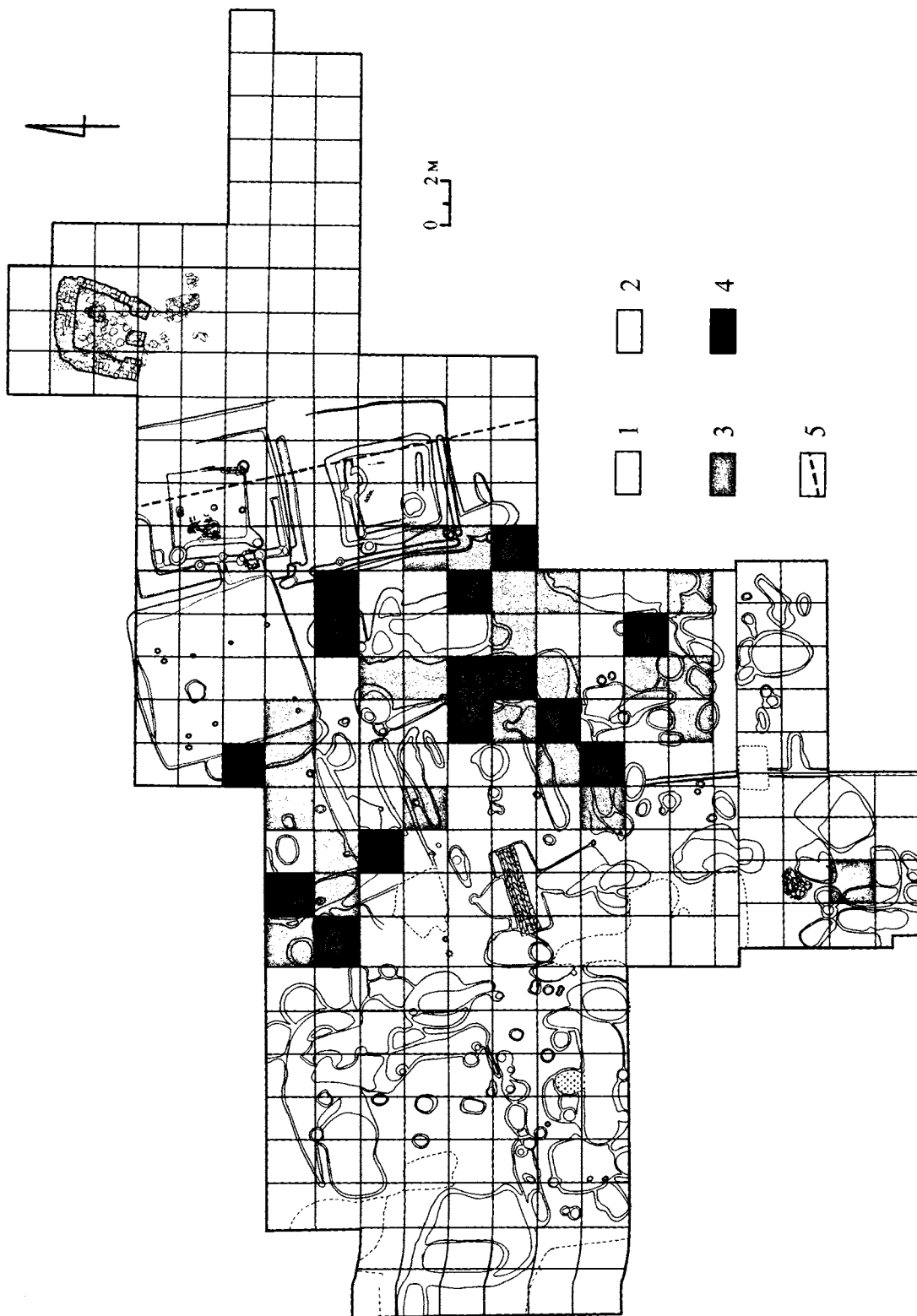

Табл. 19. Городище. Концентрация обломков верхних частей лепной посуды конца I тыс. н. э. в культурном слое раскопов 1980–1989 гг. Условные обозначения: 1 – нет; 2 – ≤ 2 ; 3 – ≤ 4 ; 4 – ≤ 13 ; 5 – предполагаемая граница рва

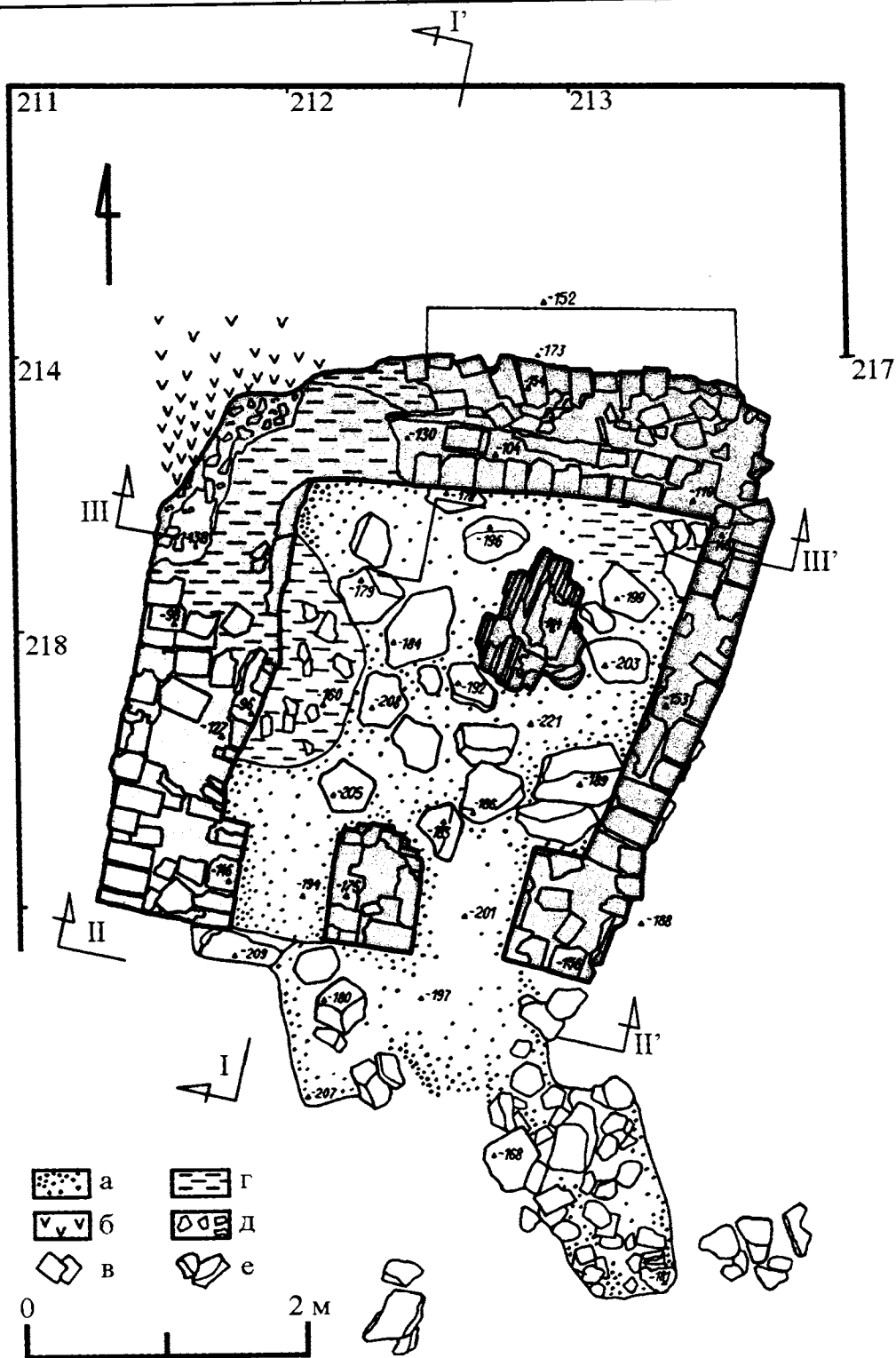

Табл. 20. Городище. План печи для обжига известняка. Условные обозначения: а – известь; б – уголь; в – плинфа; г – коричневая глина; д – битая плинфа; е – камень

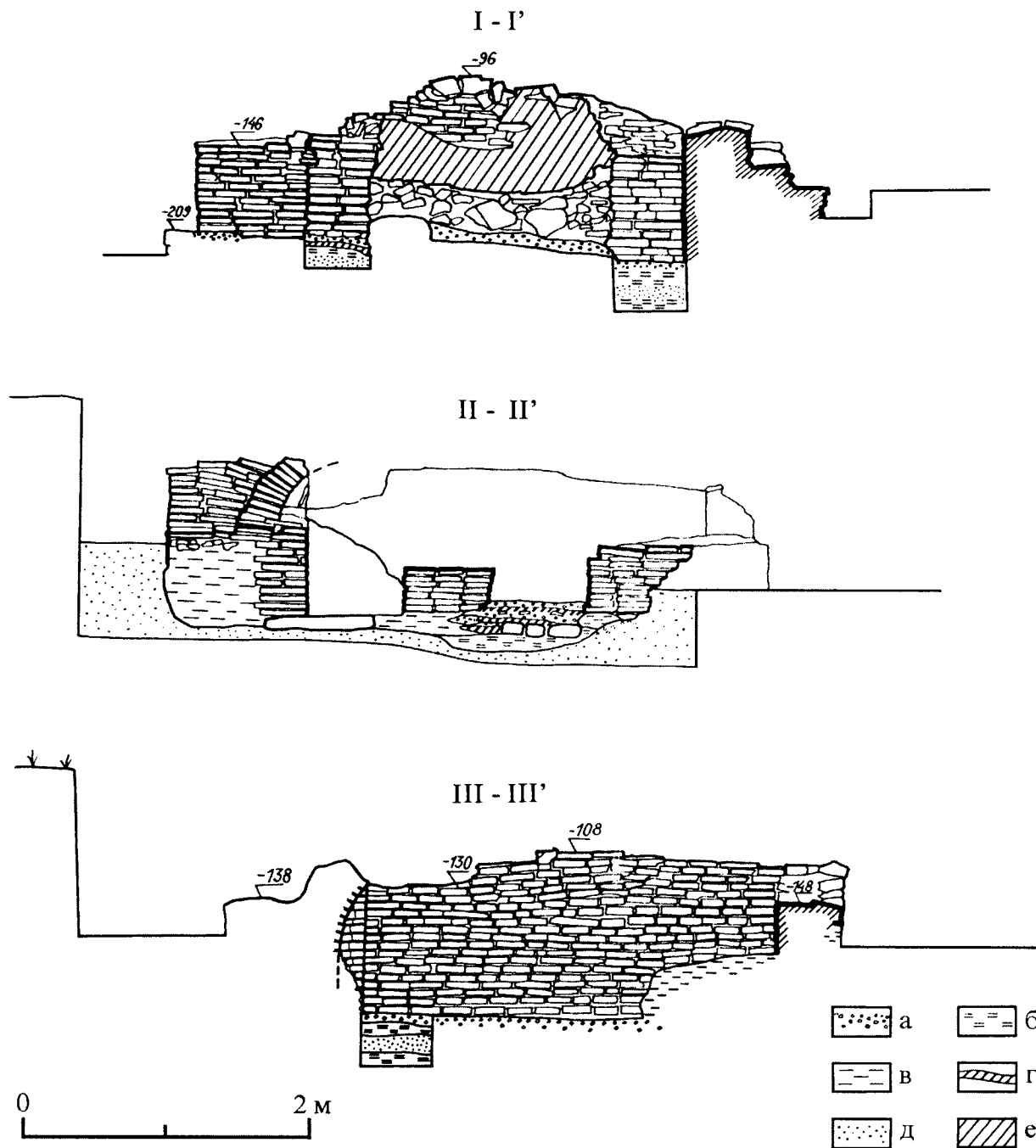

Табл. 21. Городище. Разрезы и профили печи для обжига известняка. Условные обозначения: а – известь; б – обожженная глина; в – коричневая глина; г – темно-серый гумус; д – песок; е – неразобранная часть заполнения

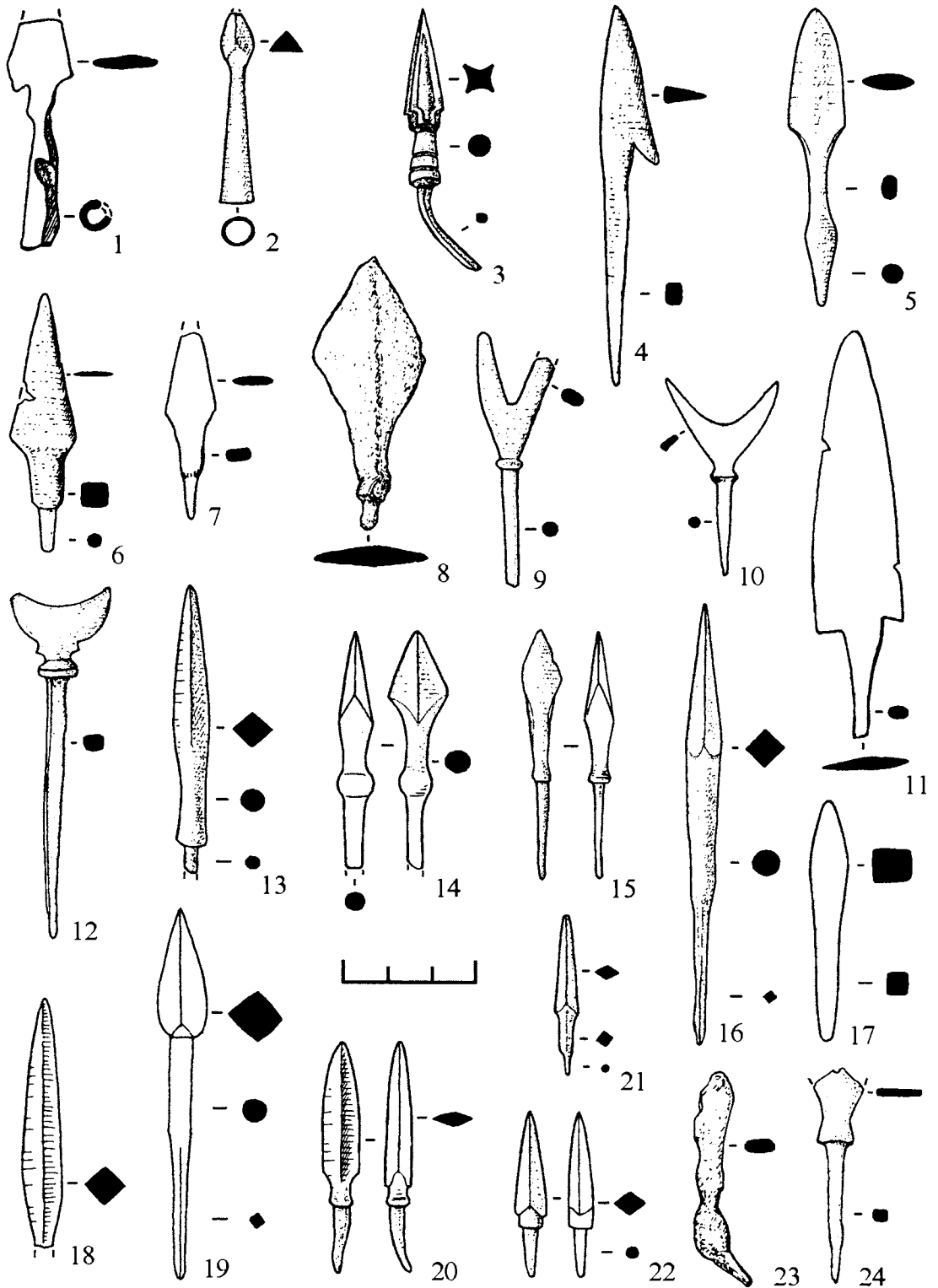

Табл. 22. Городище. Железные наконечники стрел

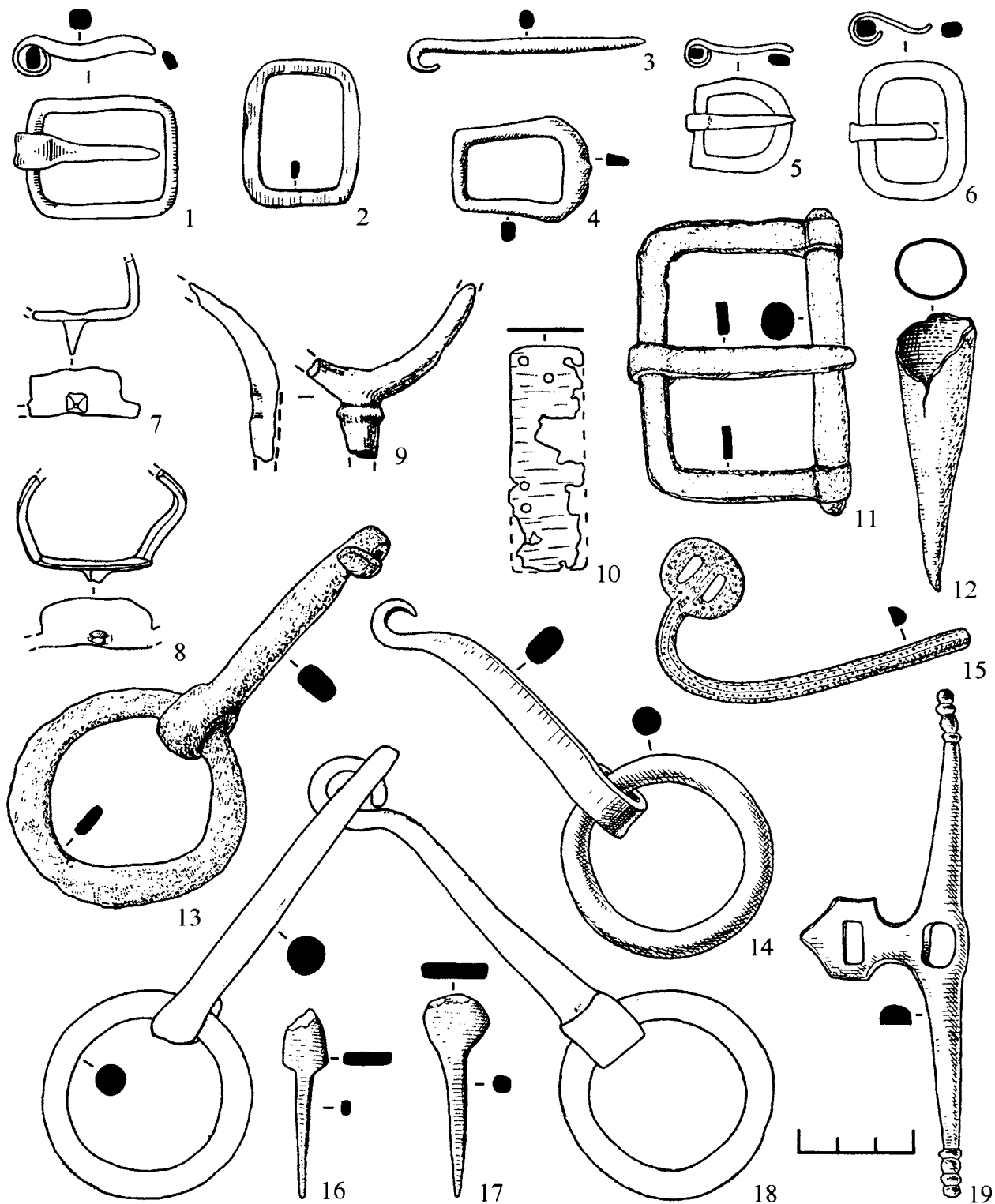

Табл. 23. Городище. Изделия из железа

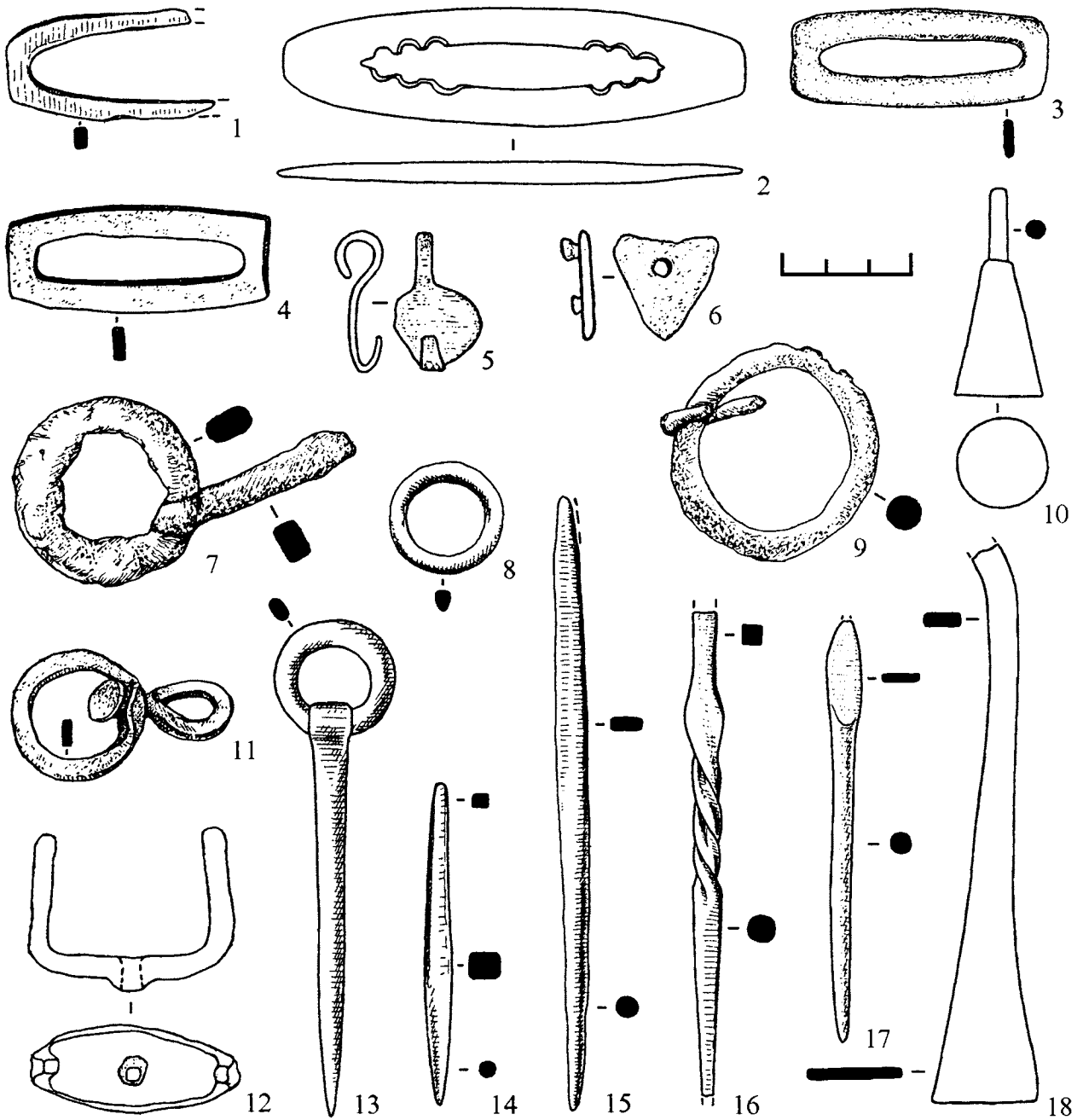

Табл. 24. Городище. Изделия из железа

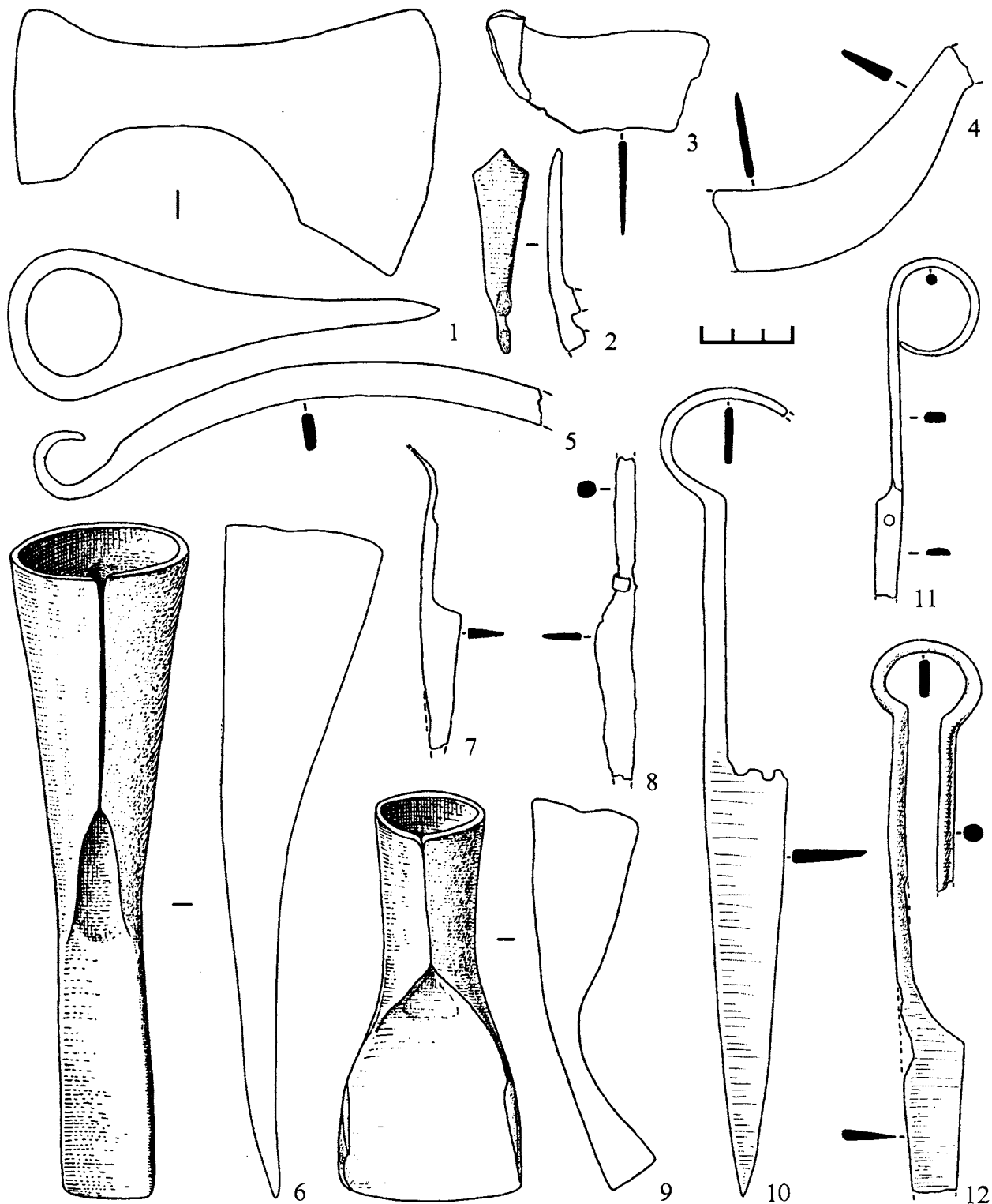

Табл. 25. Городище. Изделия из железа

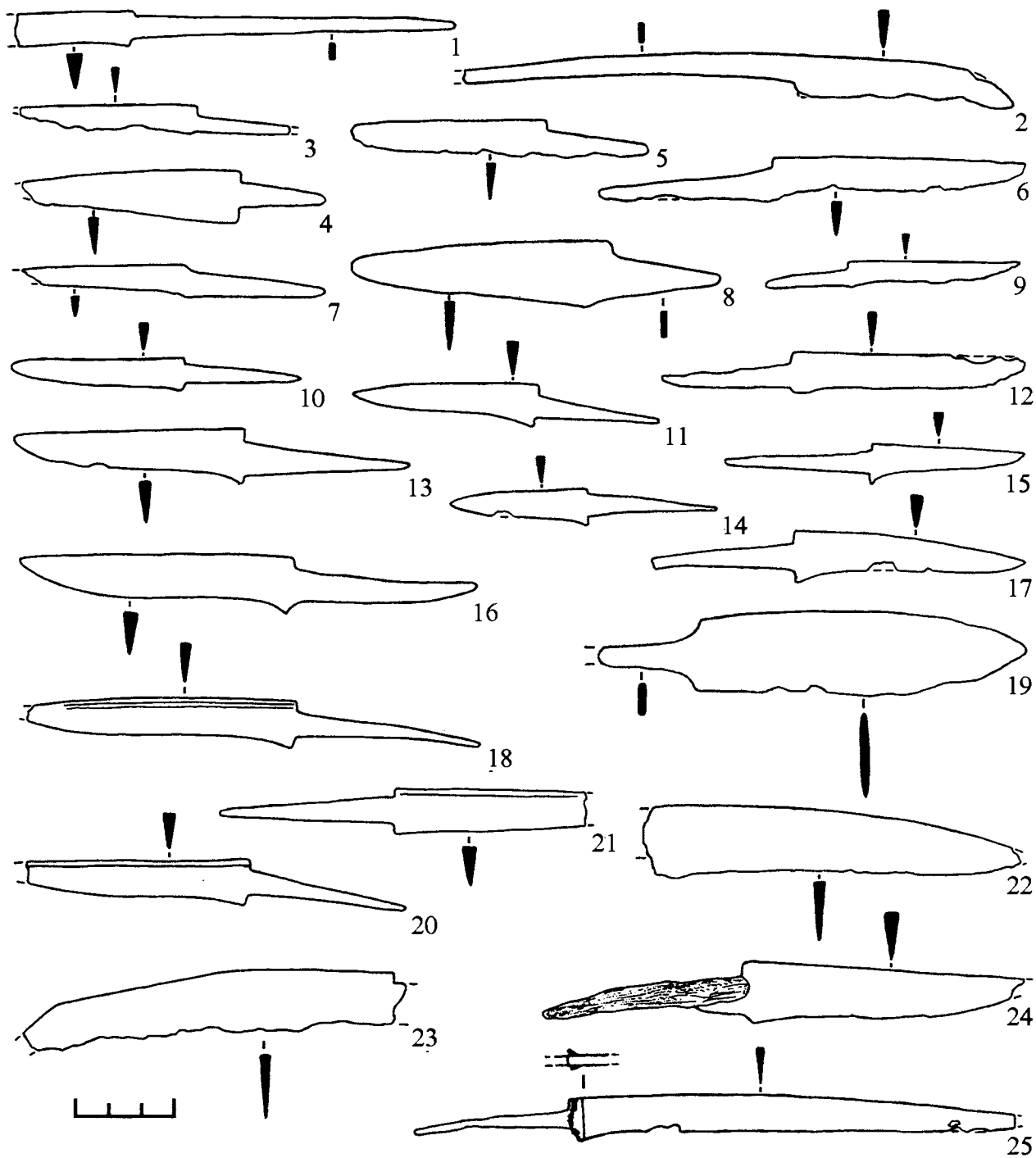

Табл. 26. Городище. Железные ножи

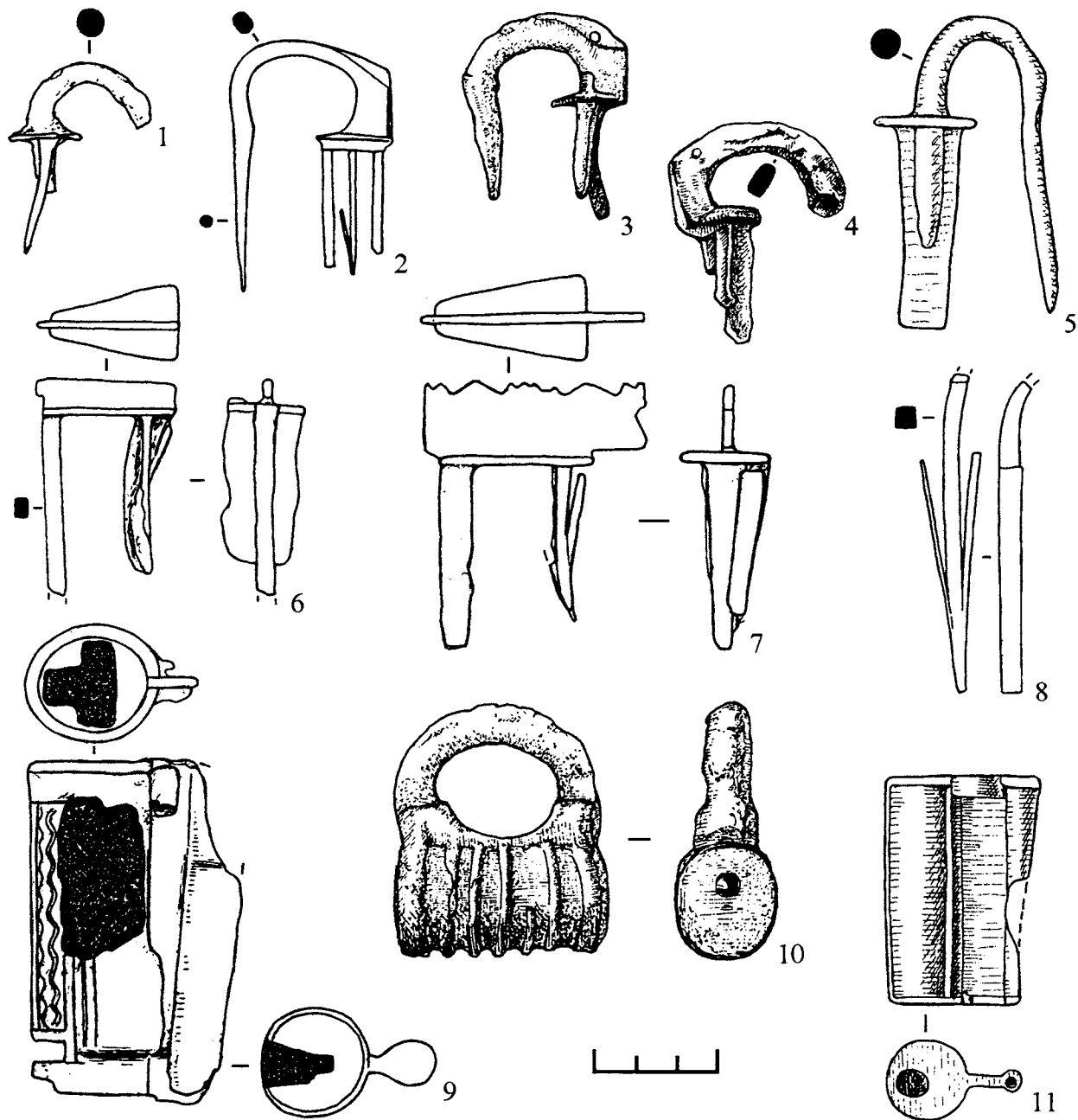

Табл. 27. Городище. Железные замки и их детали

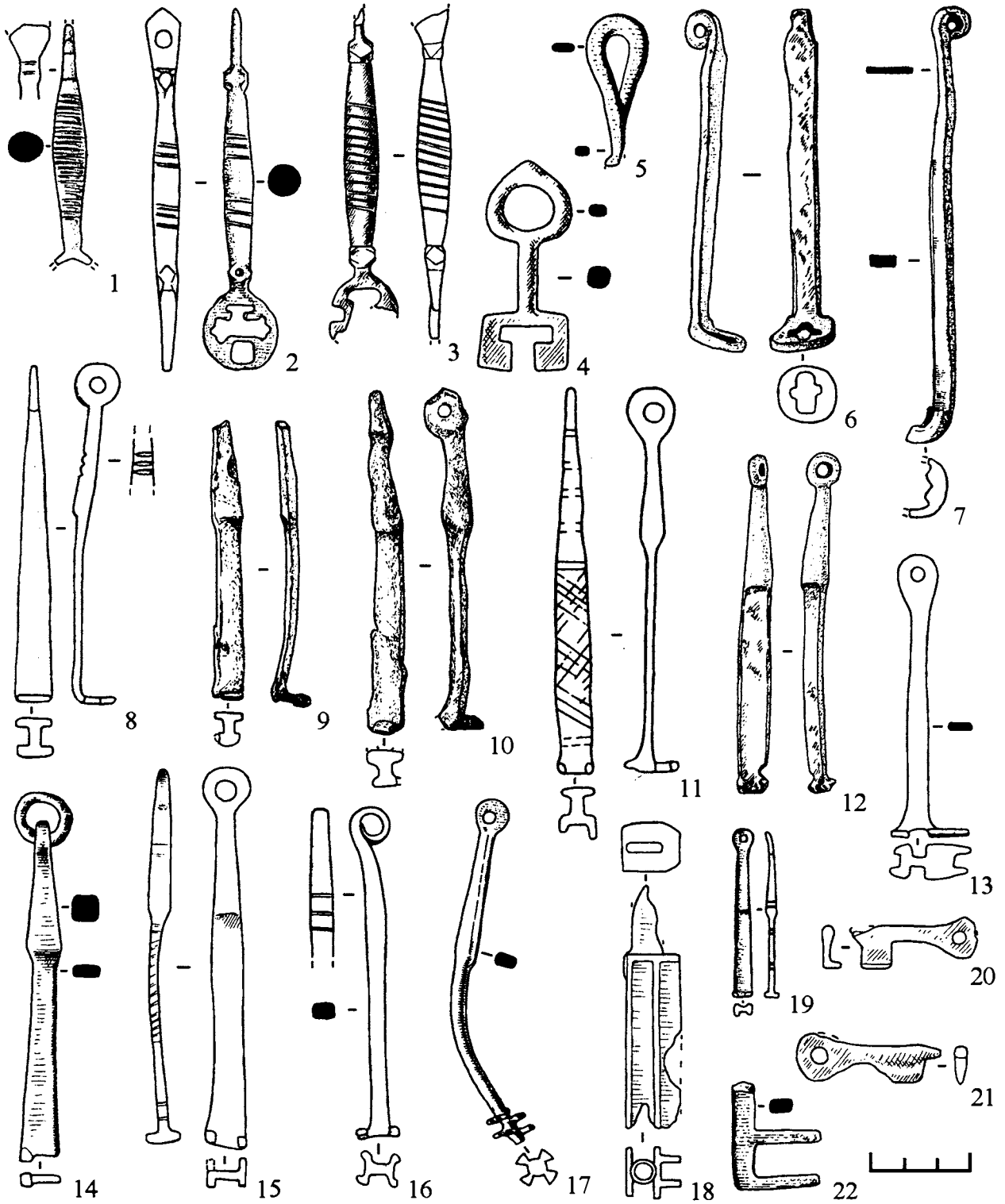

Табл. 28. Городище. Железные ключи

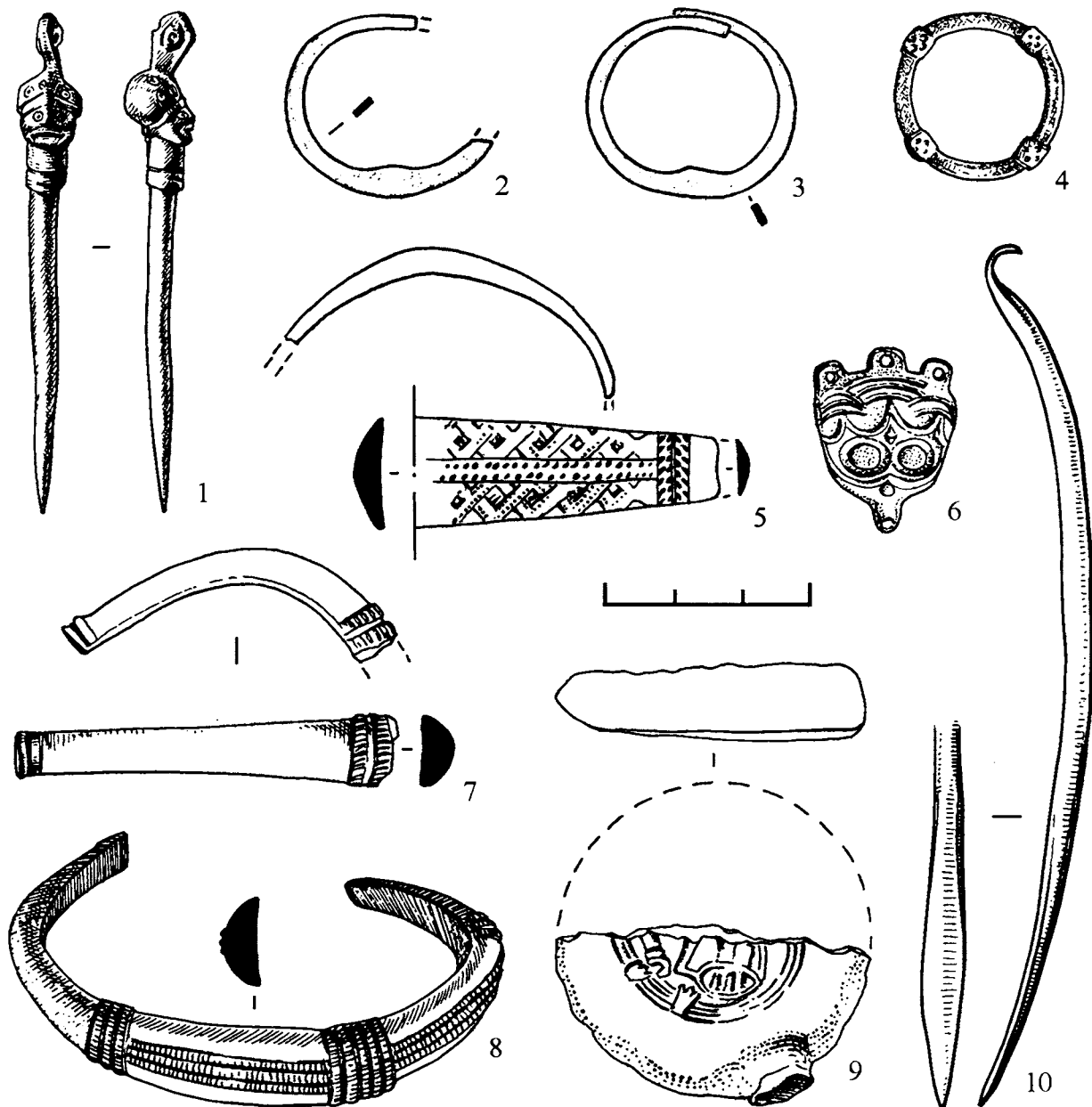

Табл. 29. Городище. Находки скандинавских типов

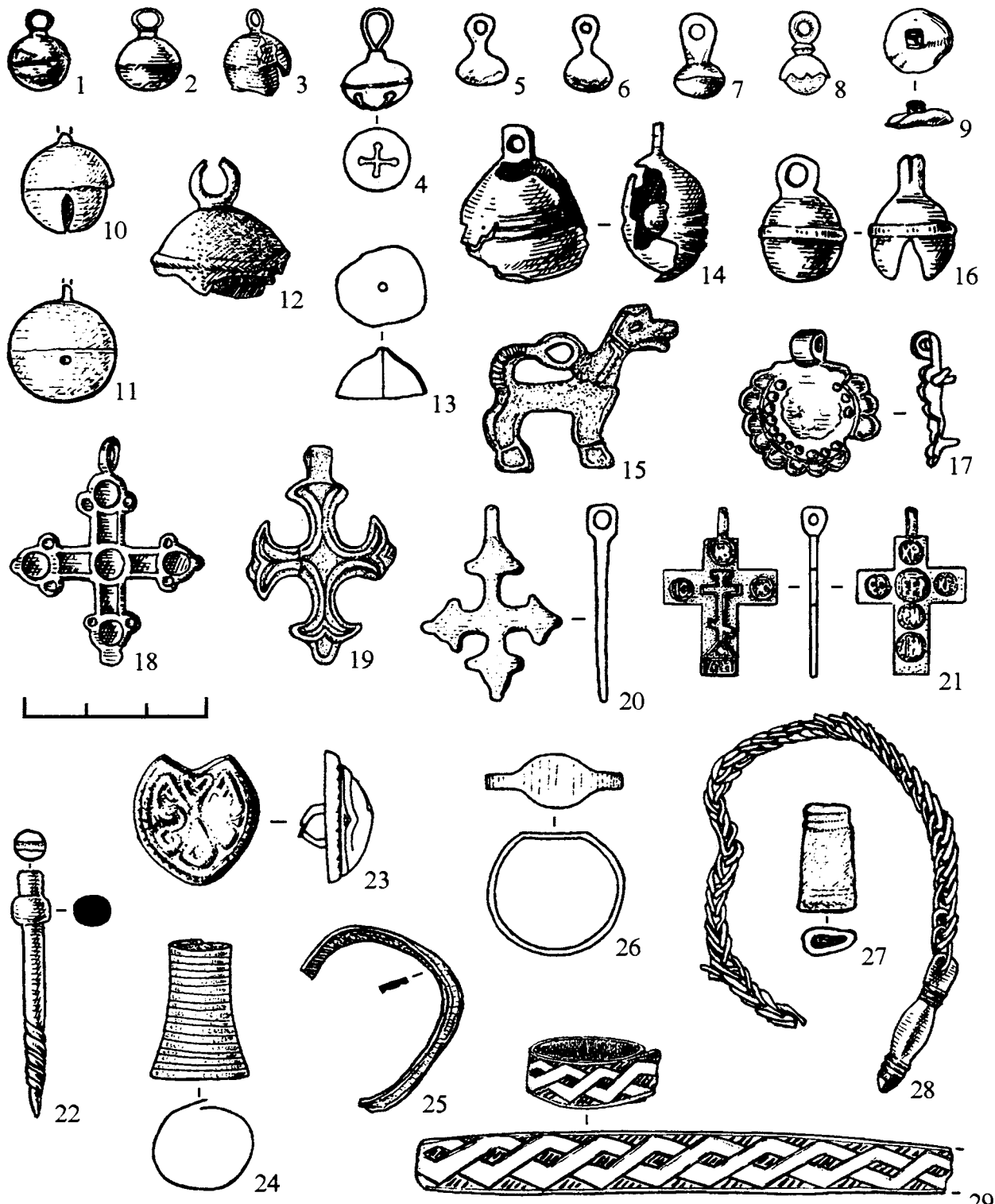

Табл. 30. Городище. Изделия из цветных металлов

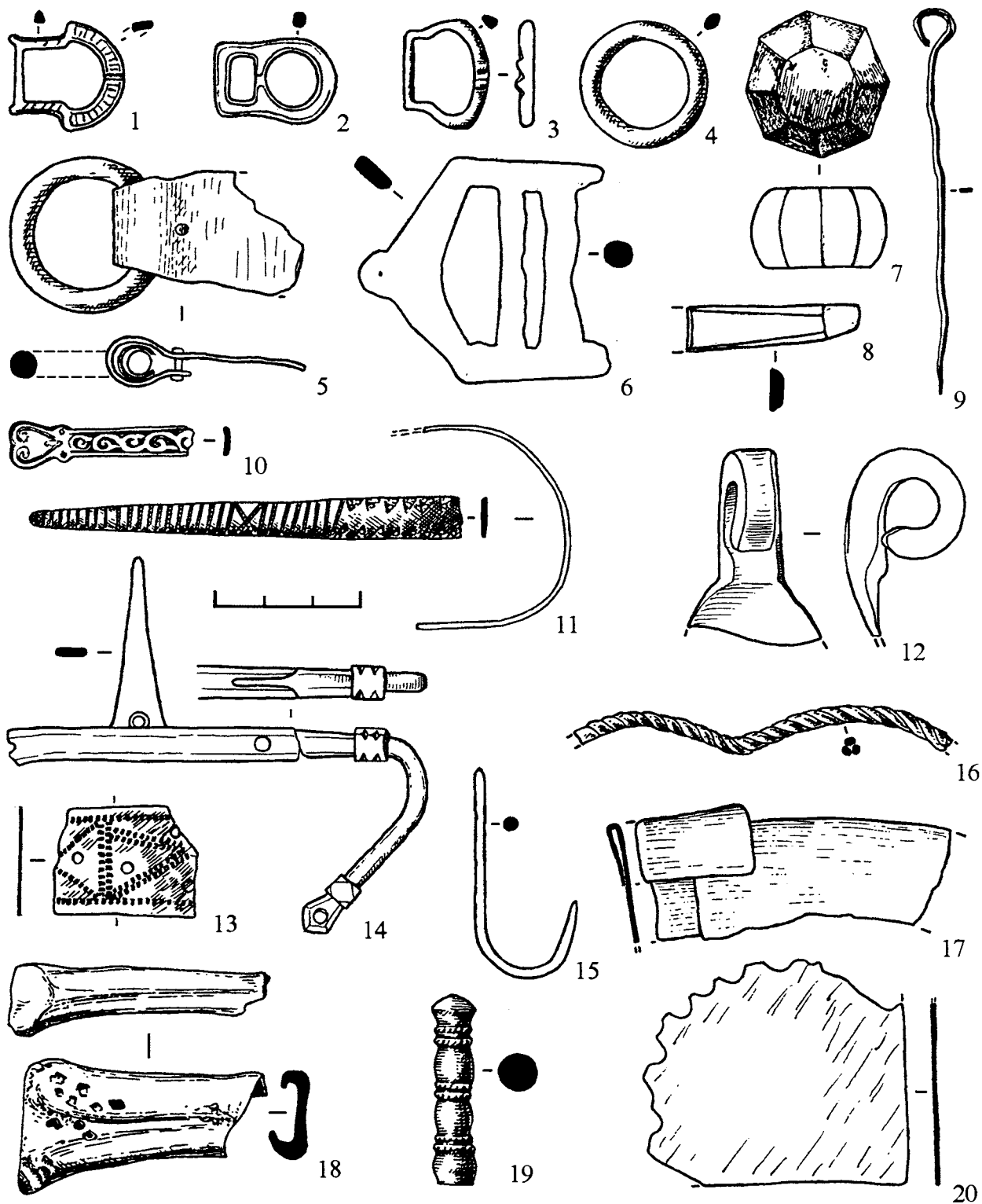

Табл. 31. Городище. Изделия из цветных металлов

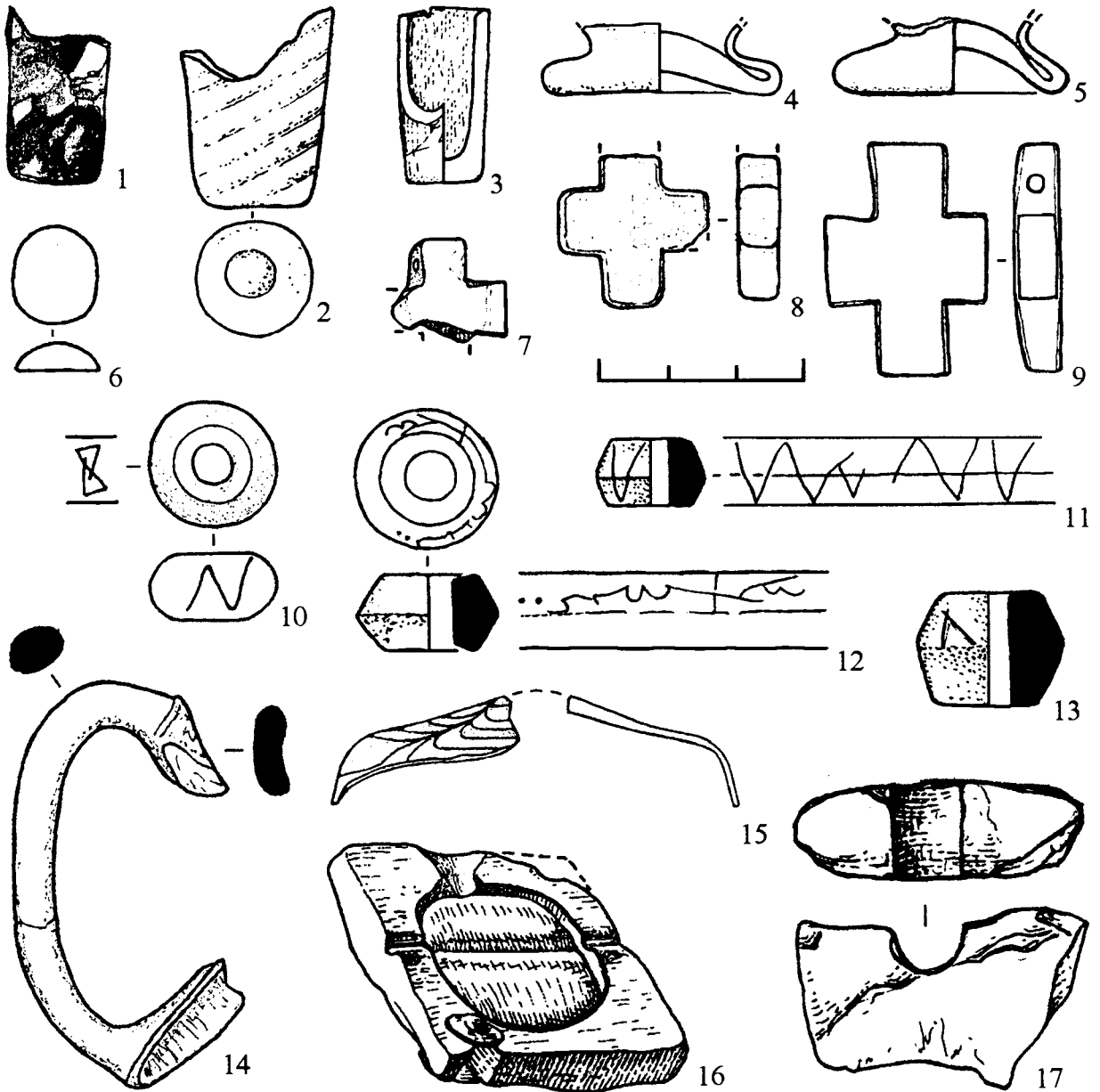

Табл. 32. Городище. Находки из стекла, янтаря и камня

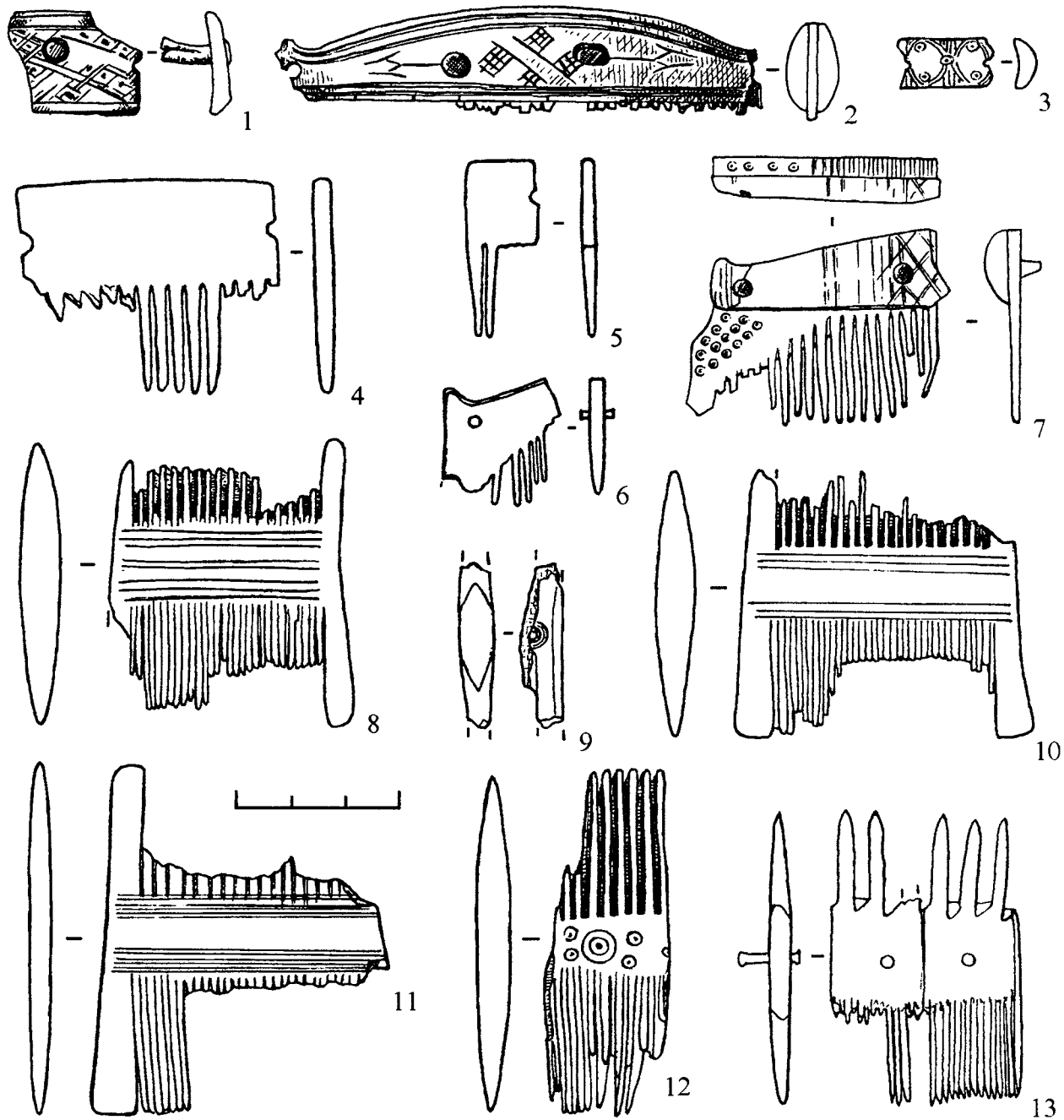

Табл. 33. Городище. Костяные гребни

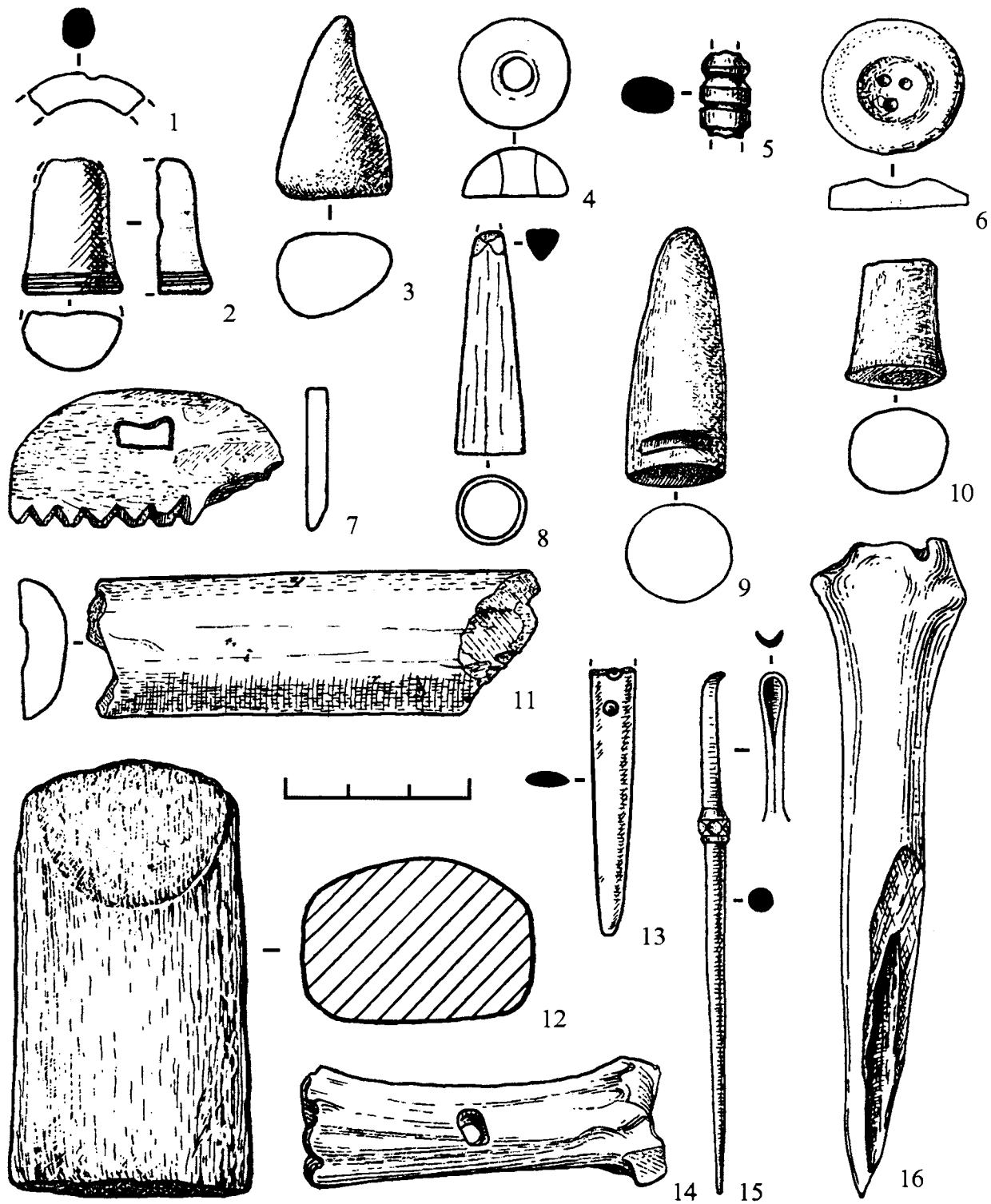

Табл. 34. Городище. Костяные предметы

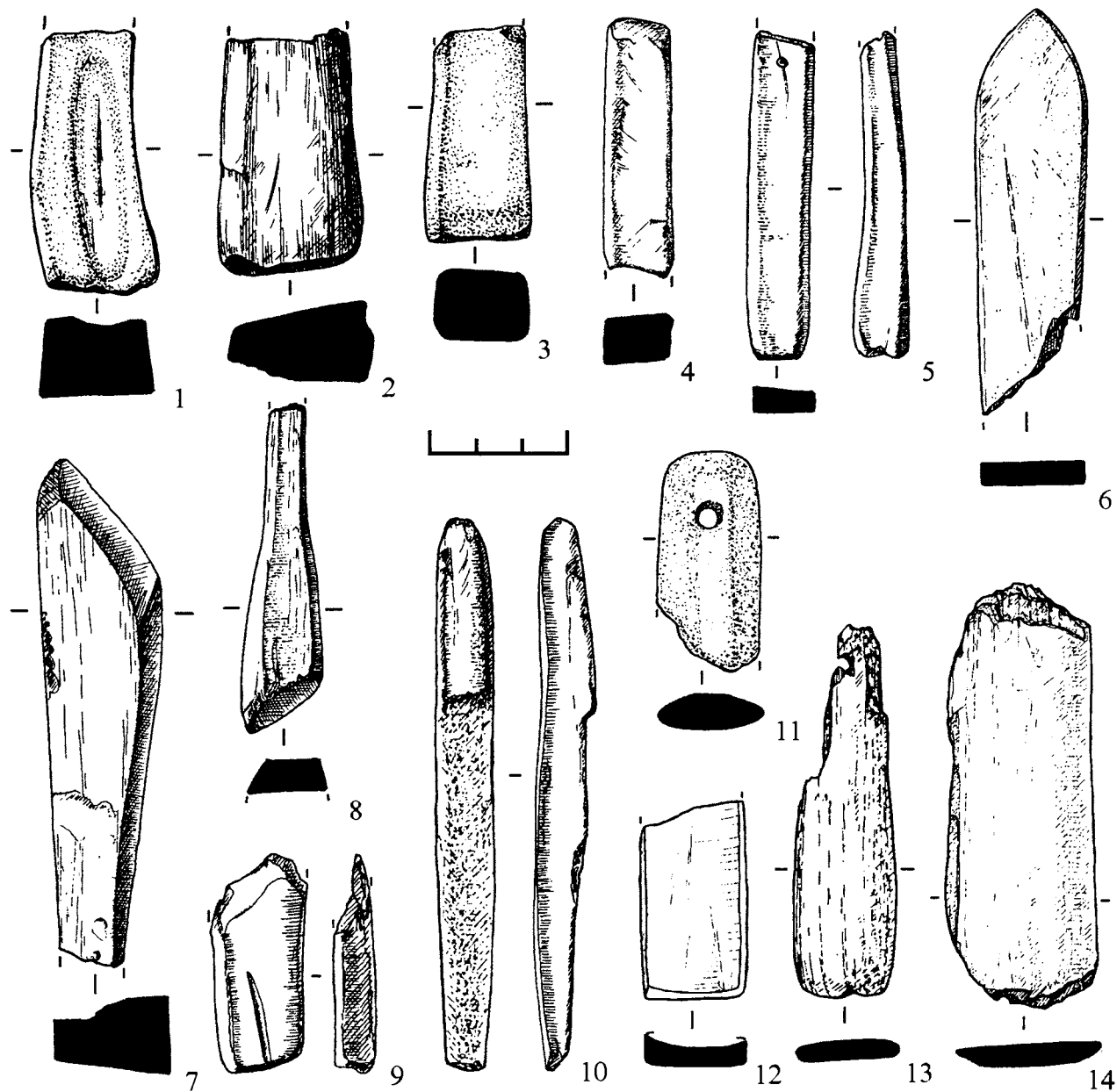

Табл. 35. Городище. Оселки

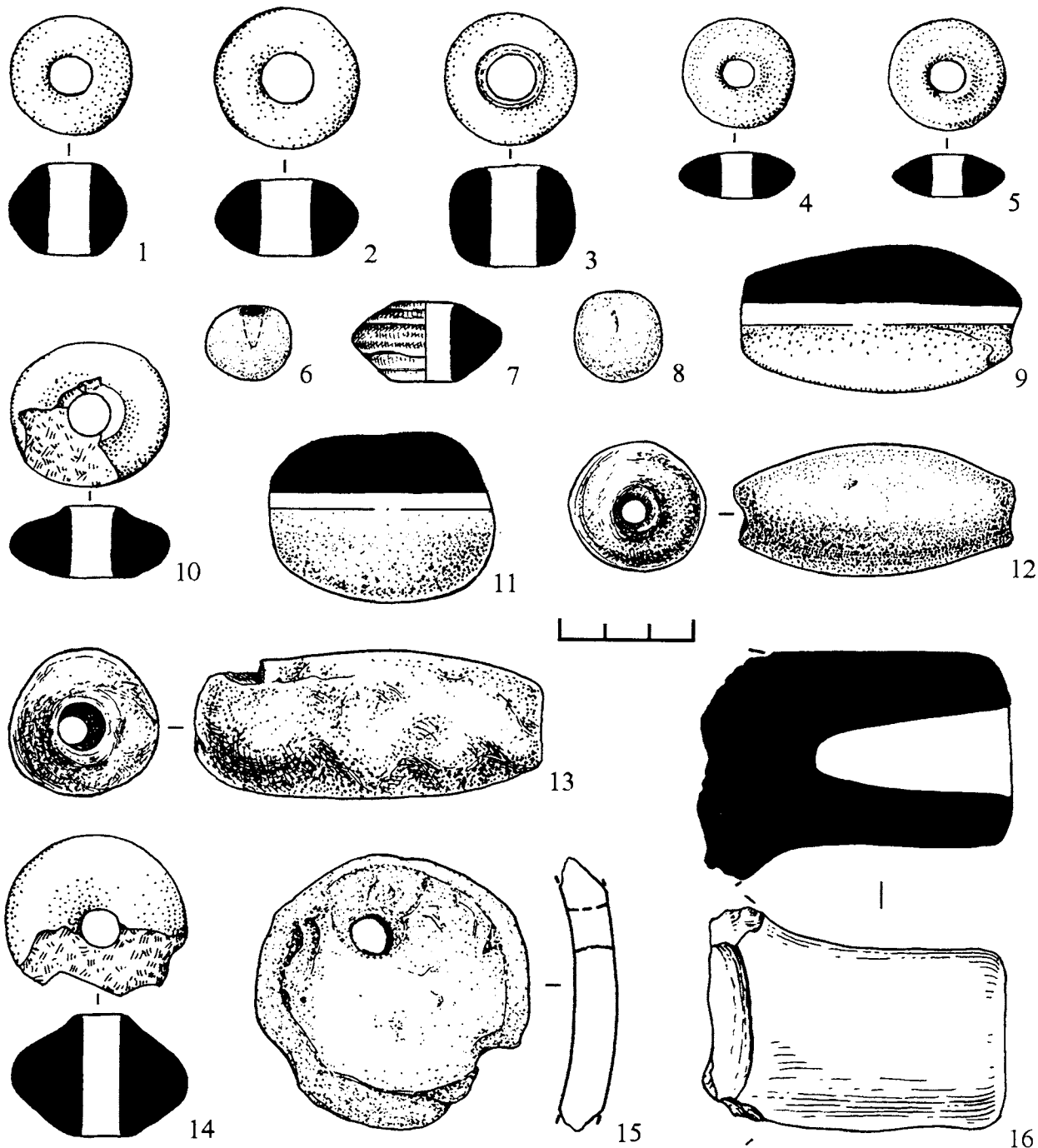

Табл. 36. Городище. Изделия из глины

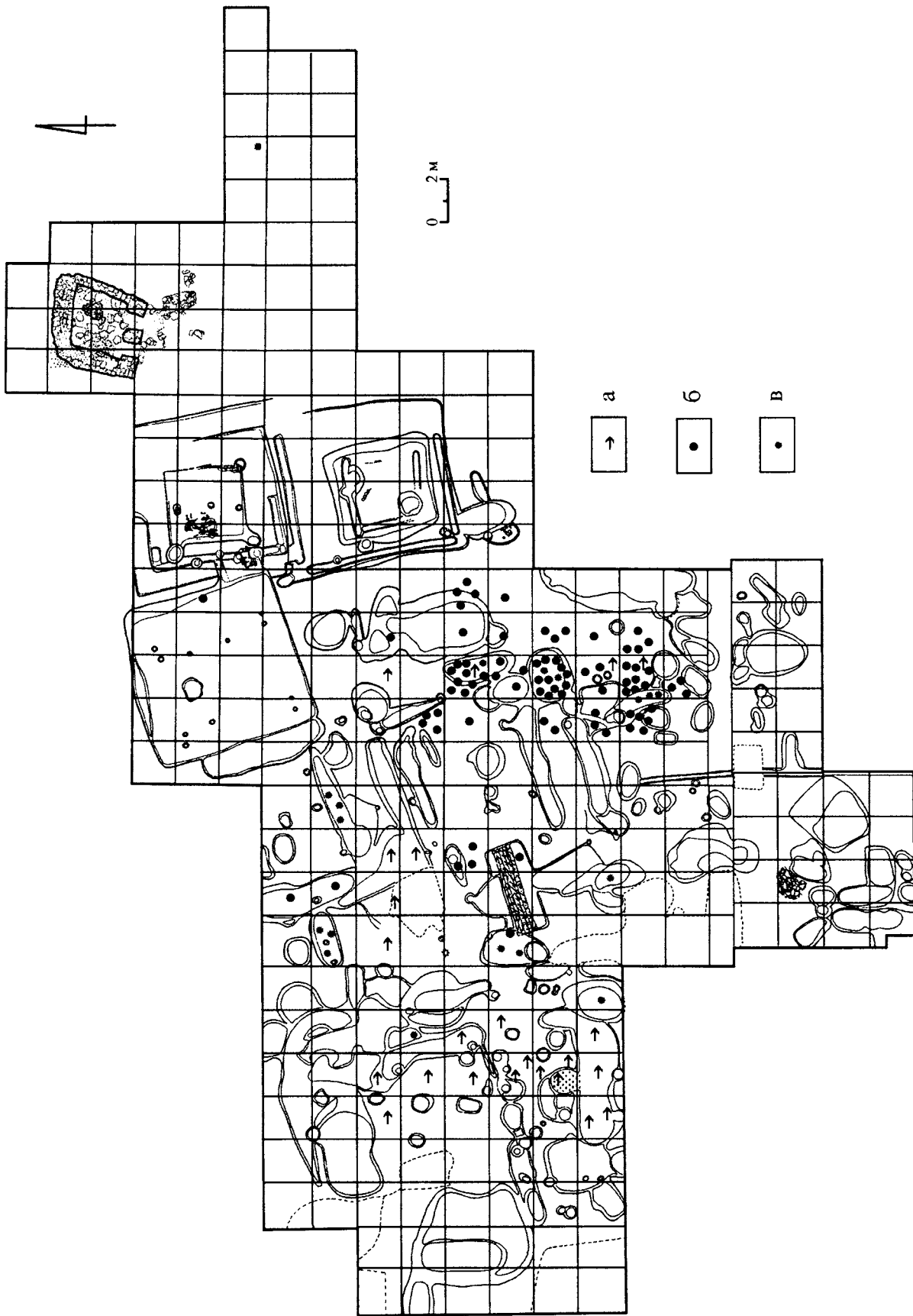

Табл. 37. Городище. Распространение двушипных втульчатых стрел и глиняных дисков на площади раскопов 1980–1989 гг. Условные обозначения: а – стрелы; б – диски в культурном слое; в – диски в заполнениях комплексов

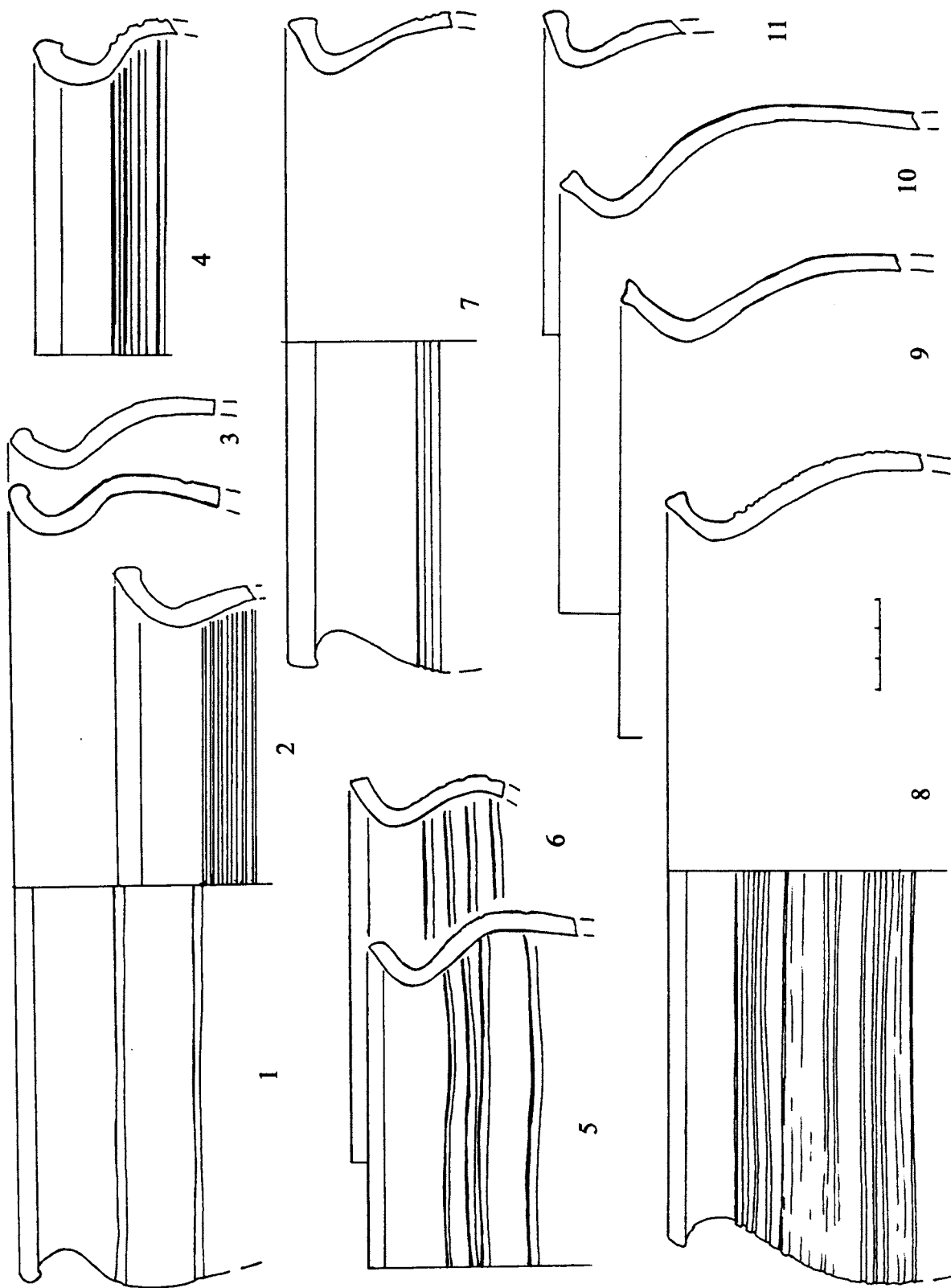

Табл. 38. Городище. Керамические формы XII–XIII вв. из постройки I

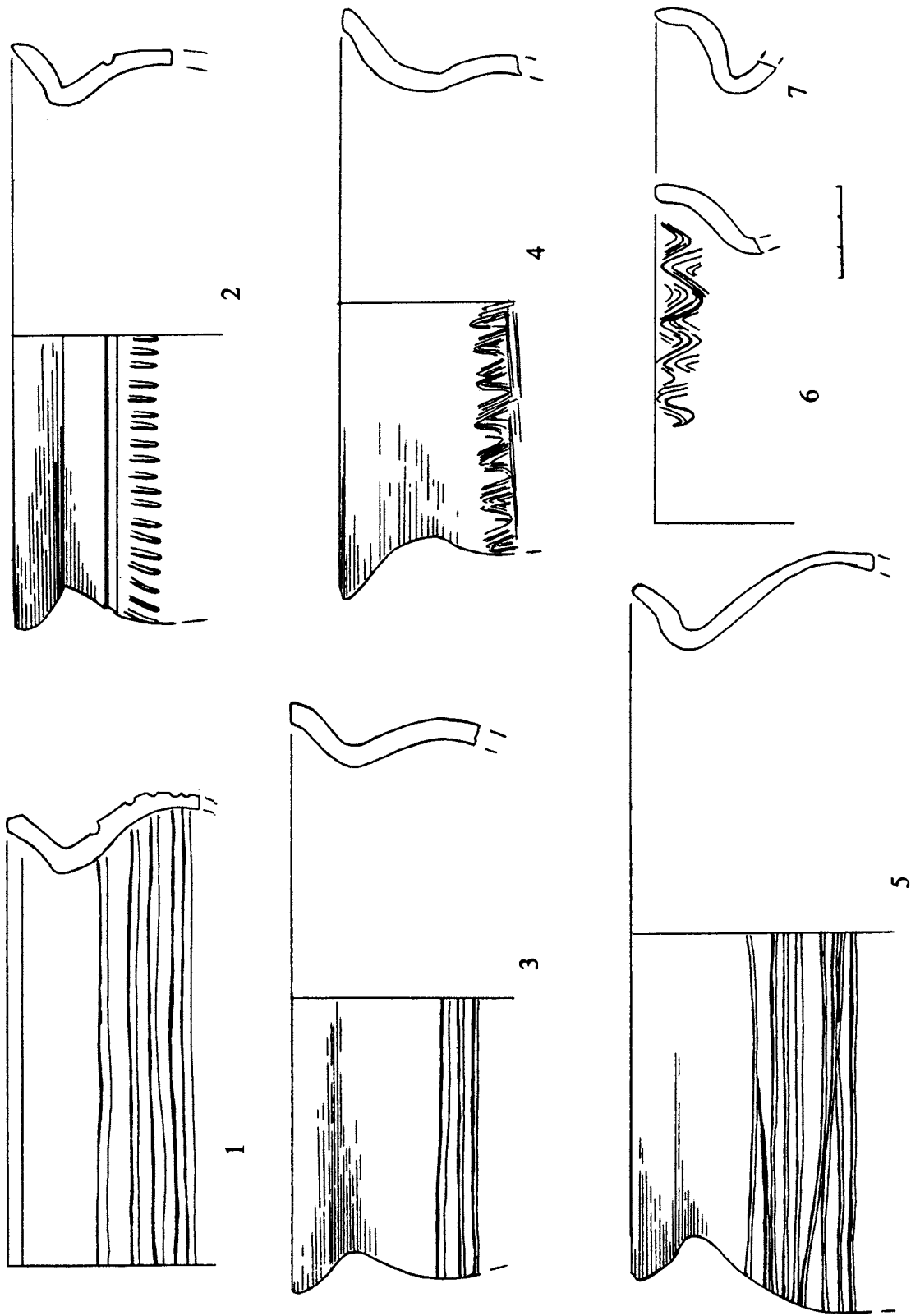

Табл. 39. Городище. Керамические формы XII–XIII вв. из постройки I

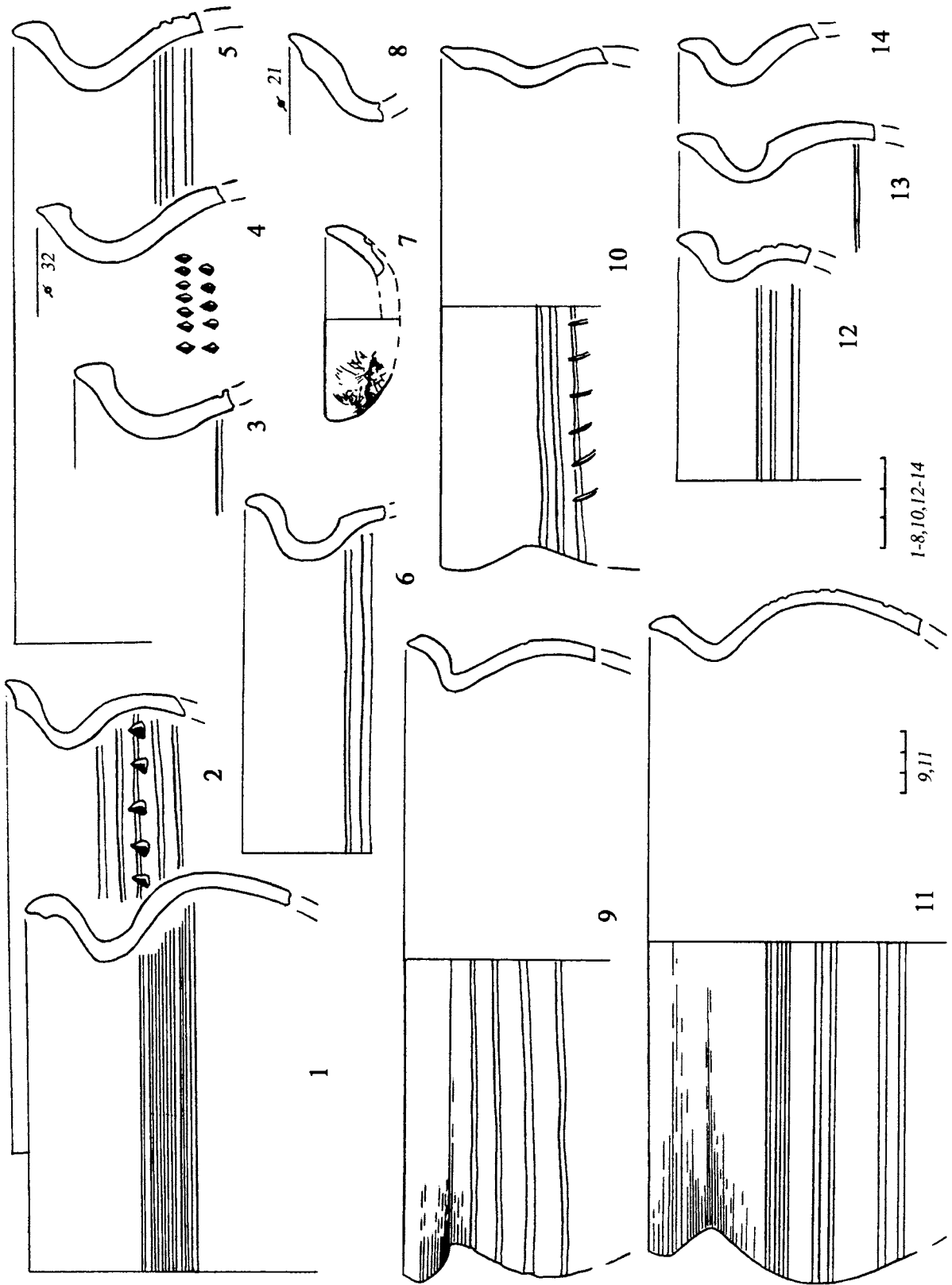

Табл. 40. Городище. Керамические формы XII–XIII вв. из постройки I

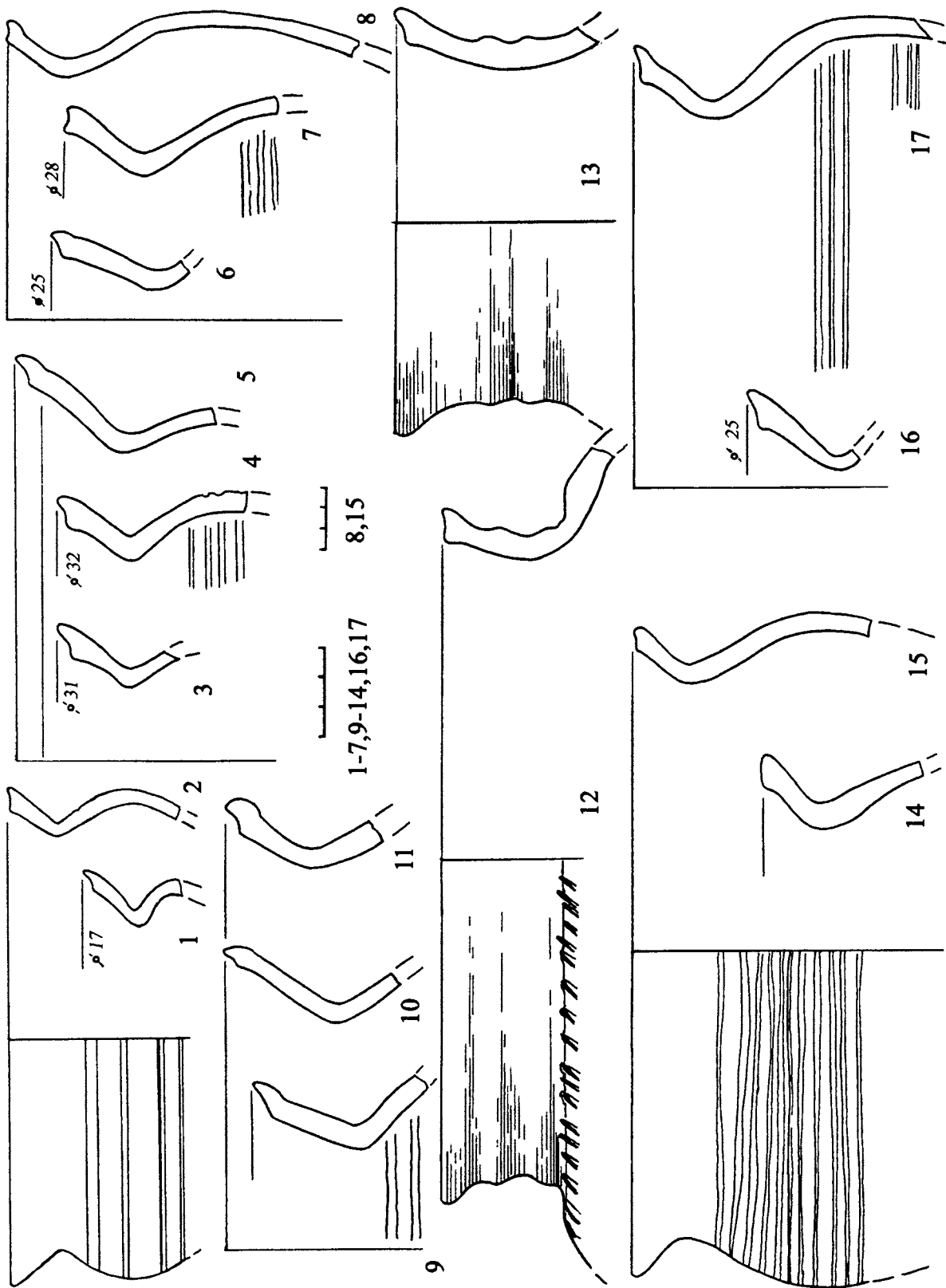

Табл. 41. Городище. Керамические формы XIII в. из постройки I

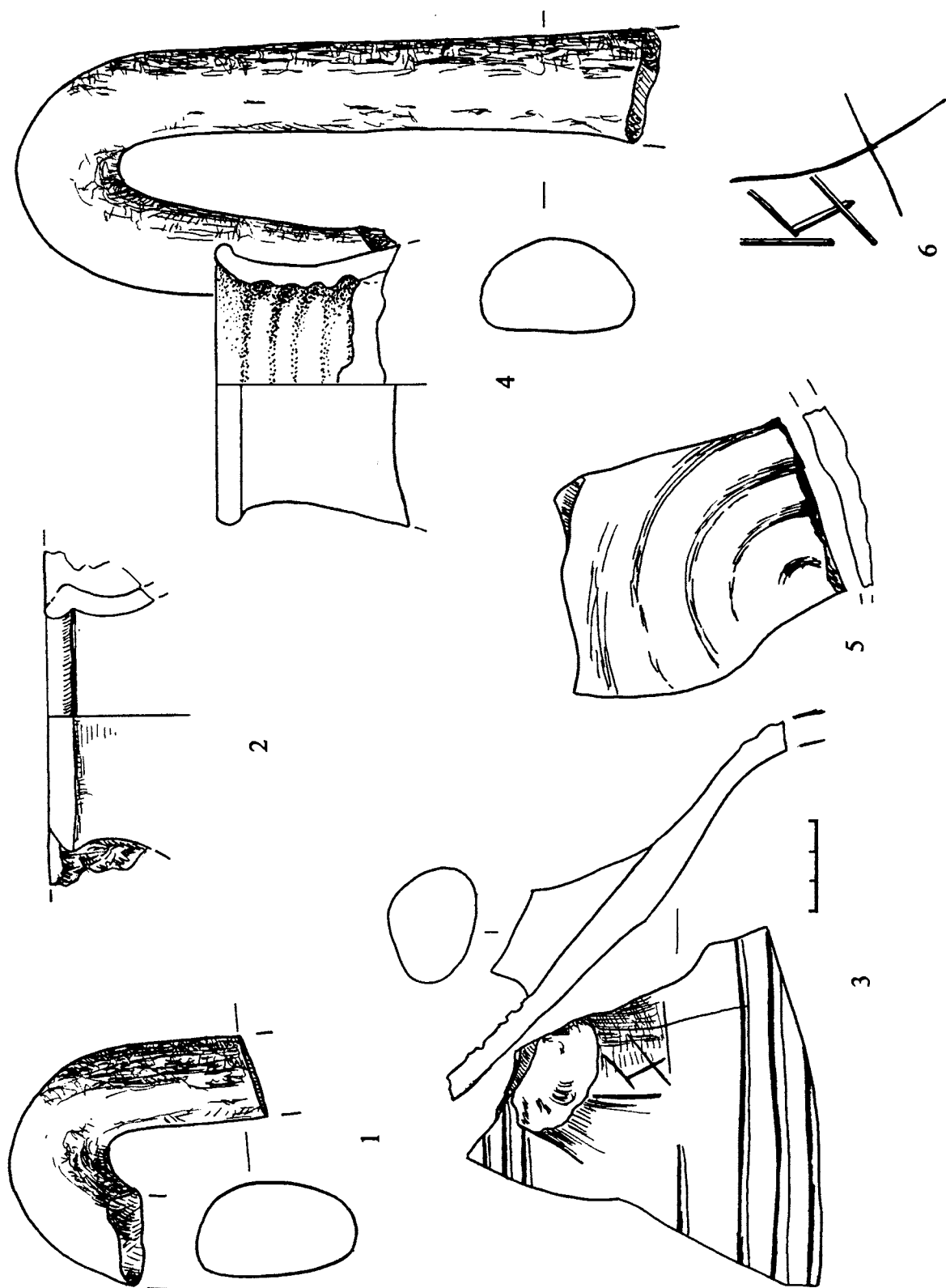

Табл. 42. Городище. Фрагменты амфор XII–XIII вв. из постройки I

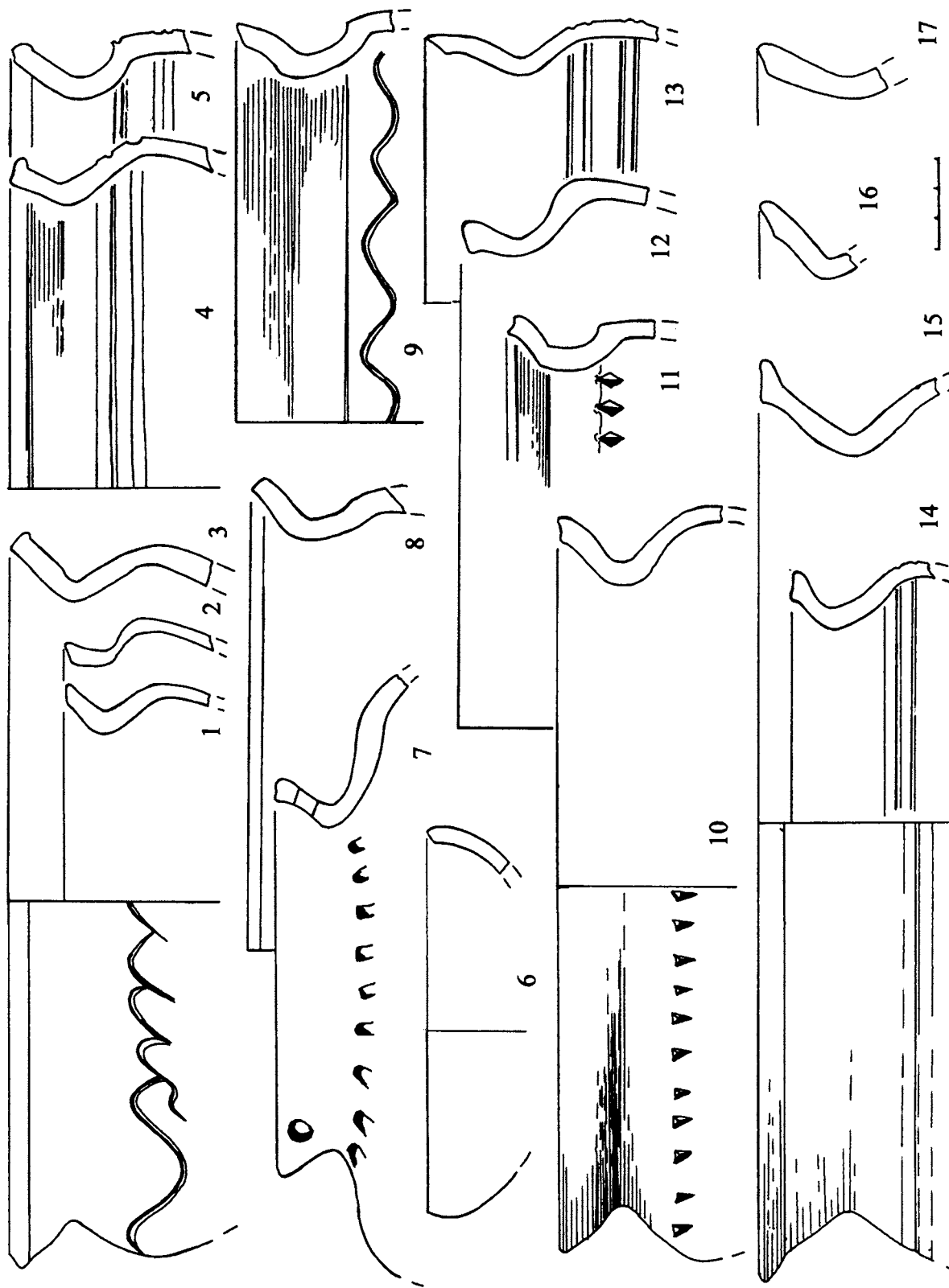

Табл. 43. Городище. Керамические формы XIV в. из постройки II-III

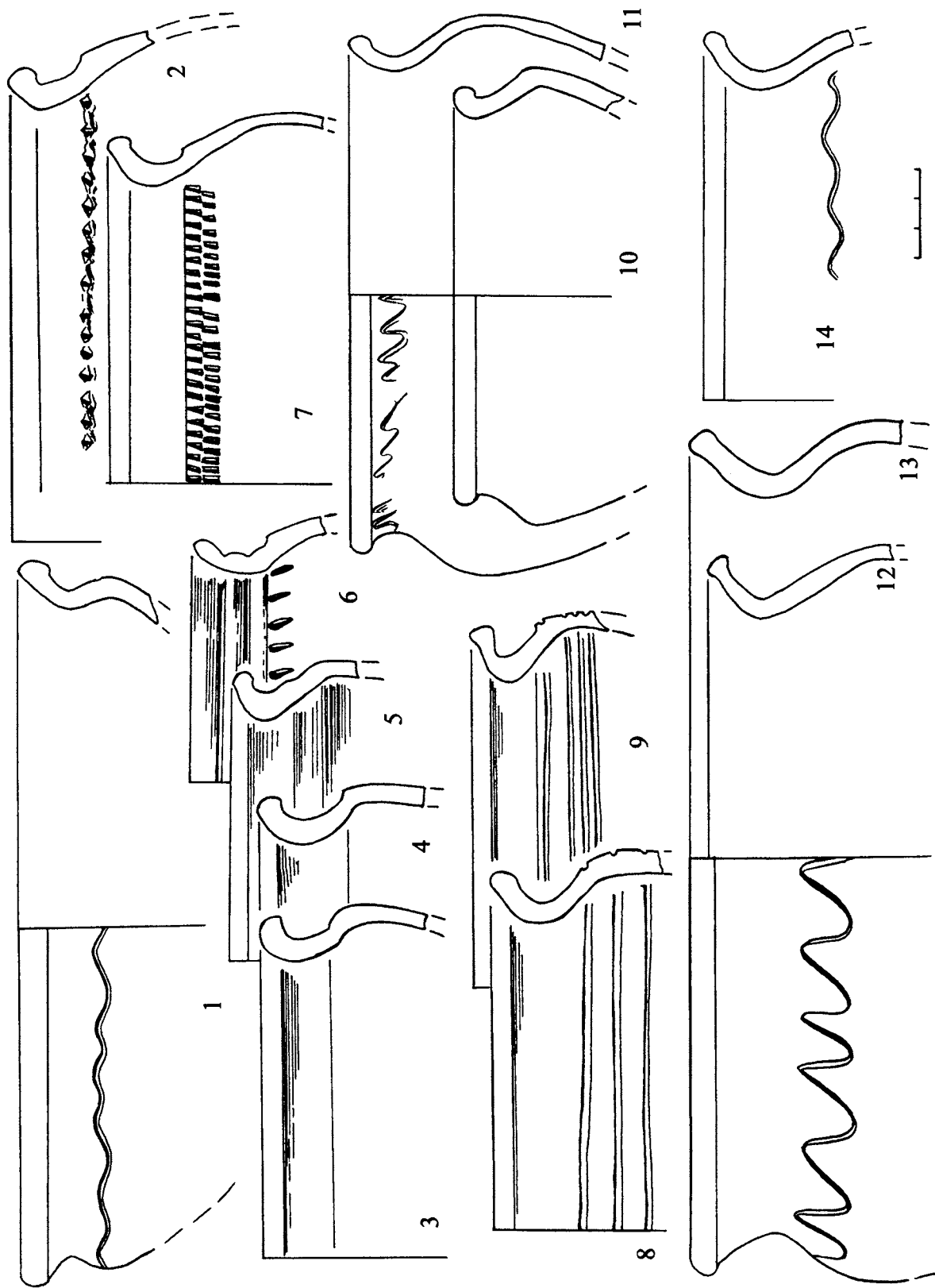

Табл. 44. Городище. Керамические формы XIV в. из постройки II-III

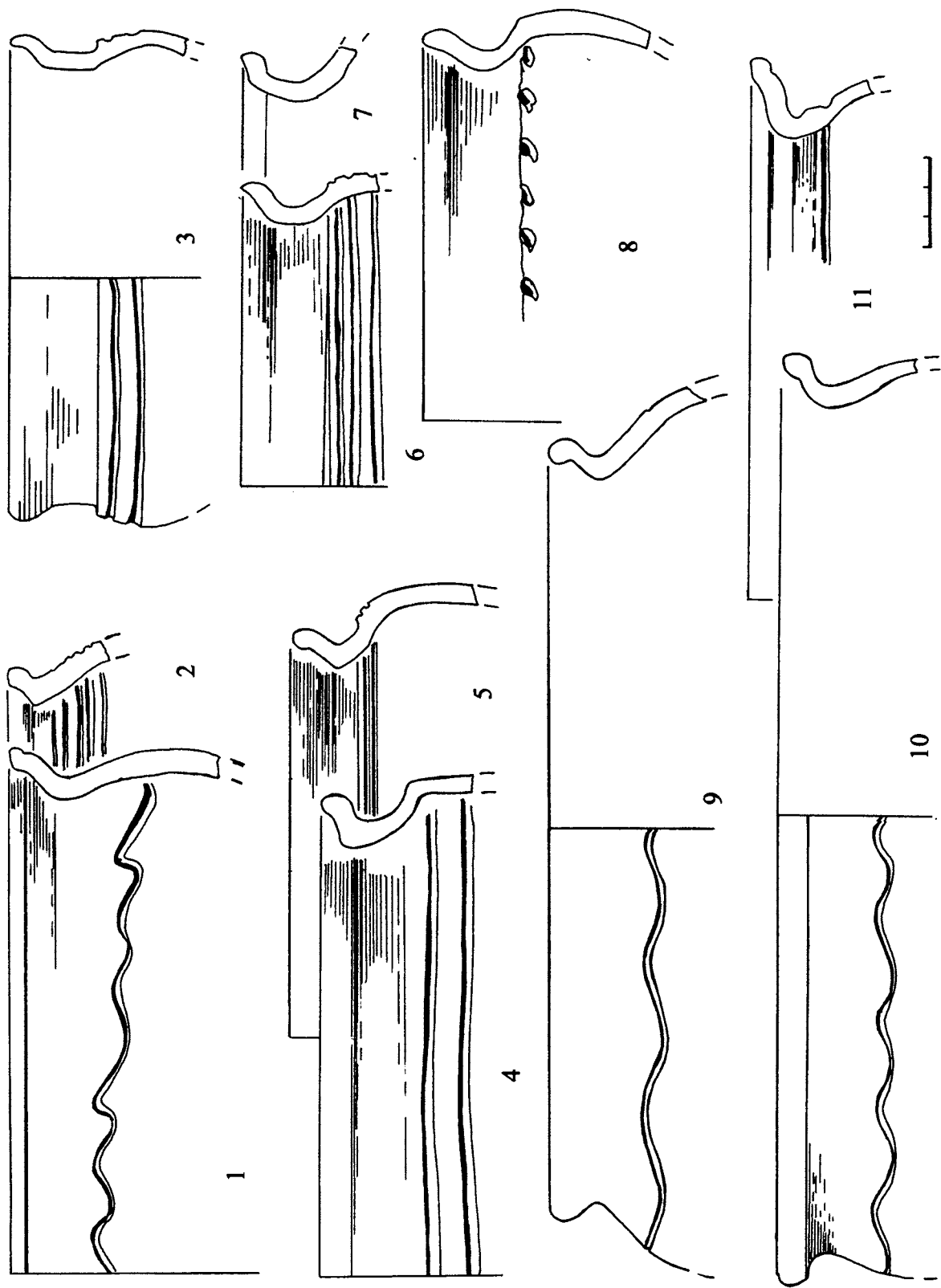

Табл. 45. Городище. Керамические формы XIV–XV вв. из постройки II–III

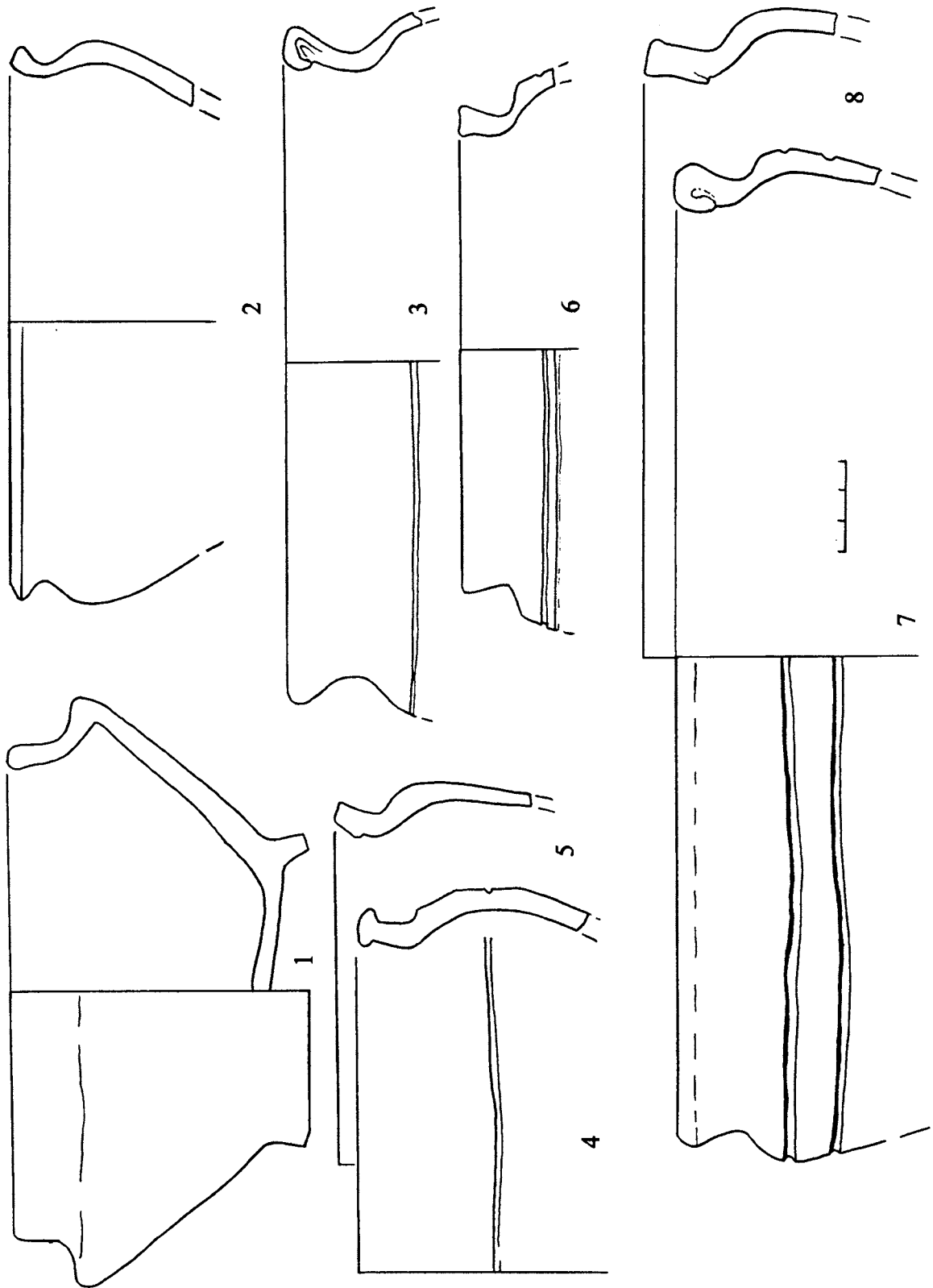

Табл. 46. Городище. Белоглиняная керамика XV в. из постройки II-III

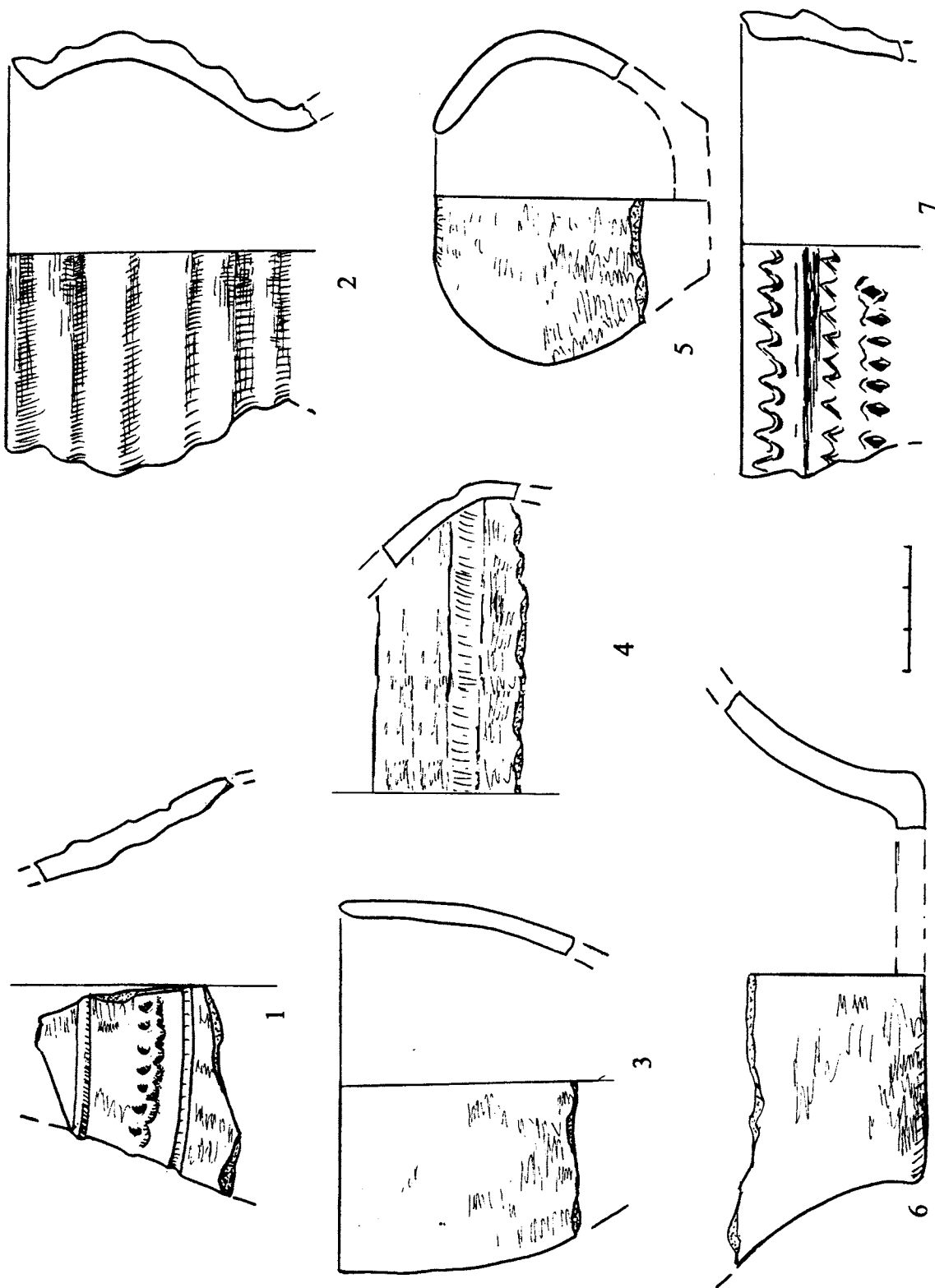

Табл. 47. Городище. Кувшины и поливная керамика XIV–XV вв. из постройки II–III (2,7 – без поливы)

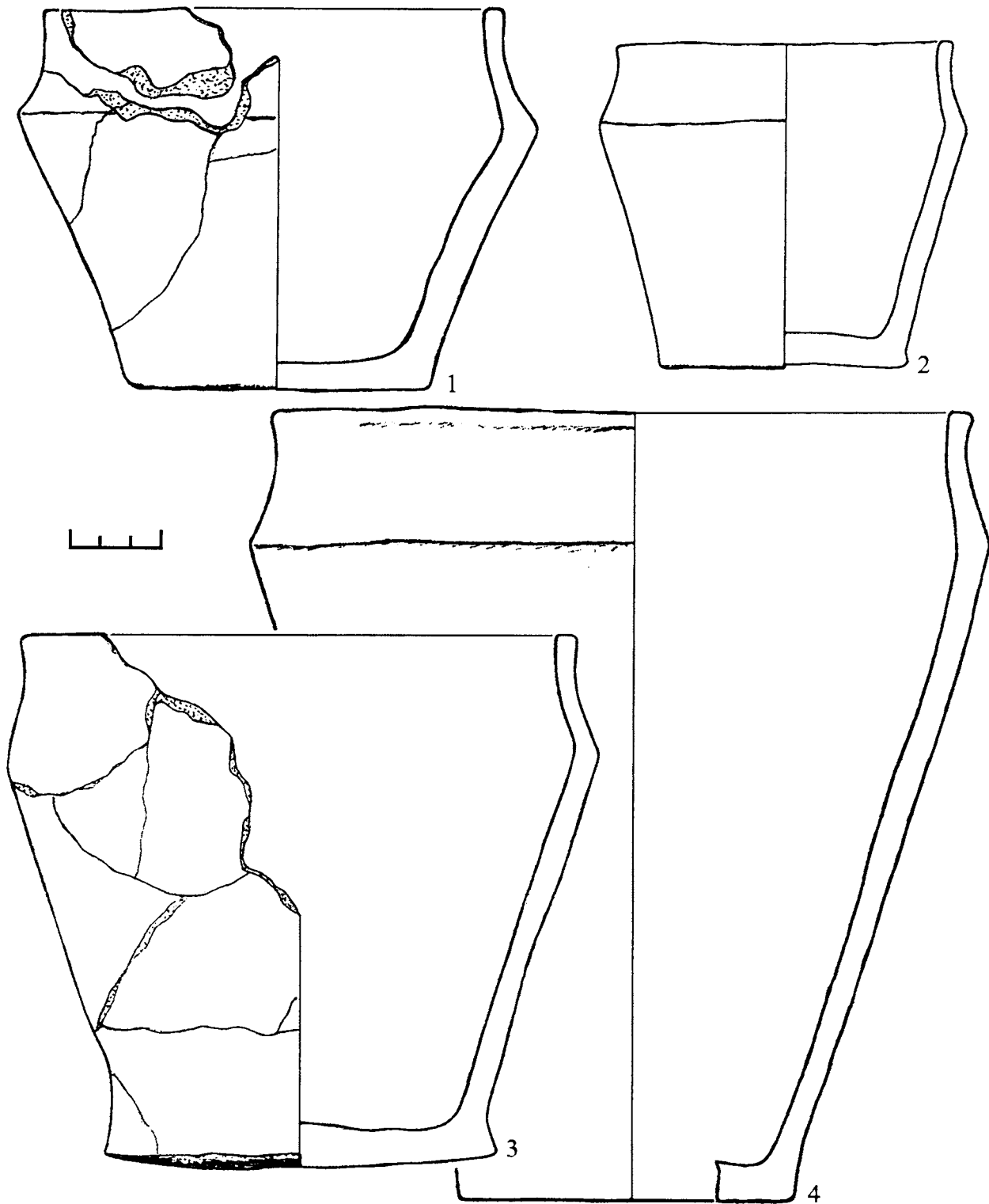

Табл. 48. Городище. Лепная керамика «ладожского типа»

Табл. 49. Городище. Лепная керамика «ладожского типа»

Табл. 50. Городище. Лепная керамика «ладожского типа»

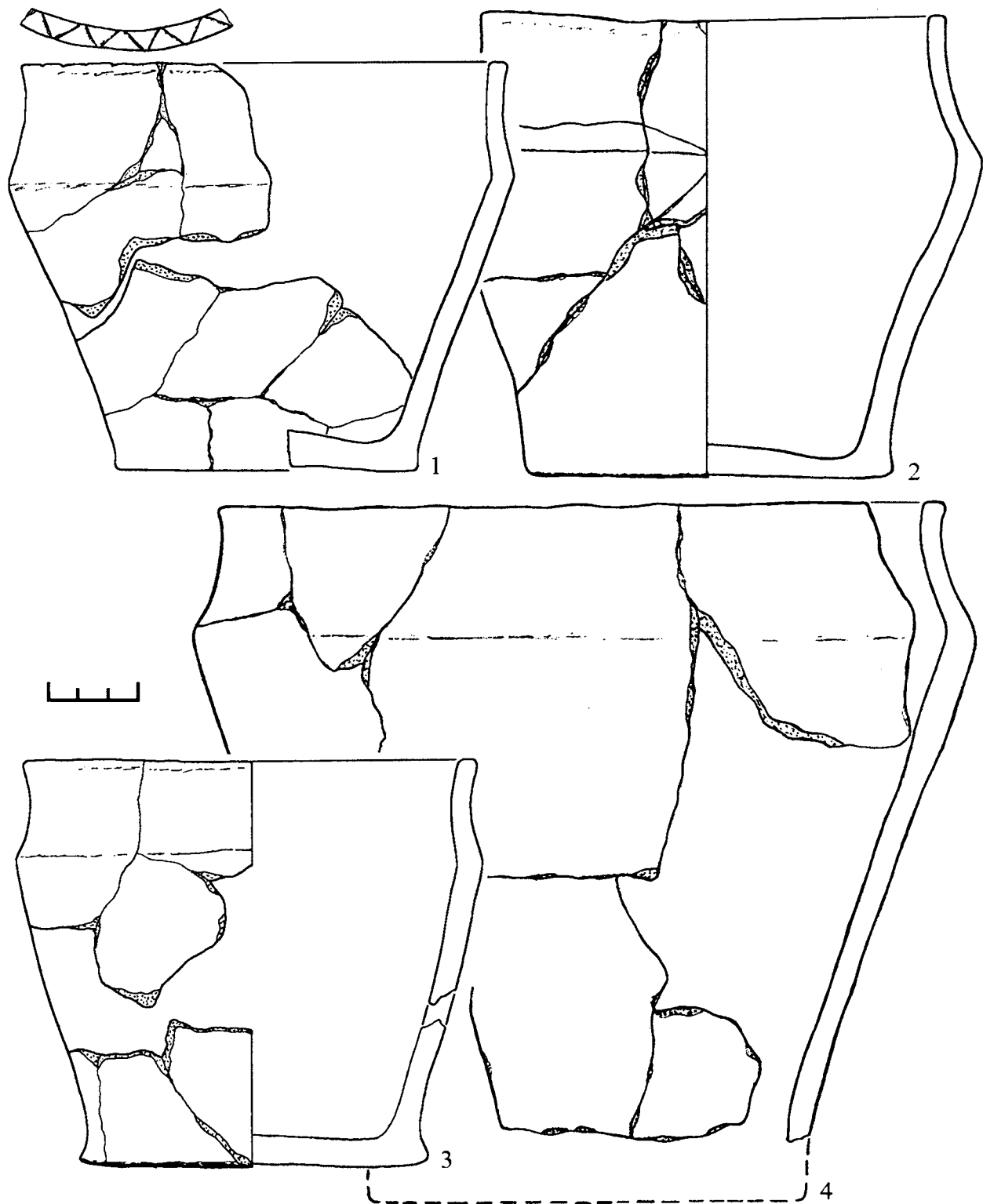

Табл. 51. Городище. Лепная керамика «ладожского типа»

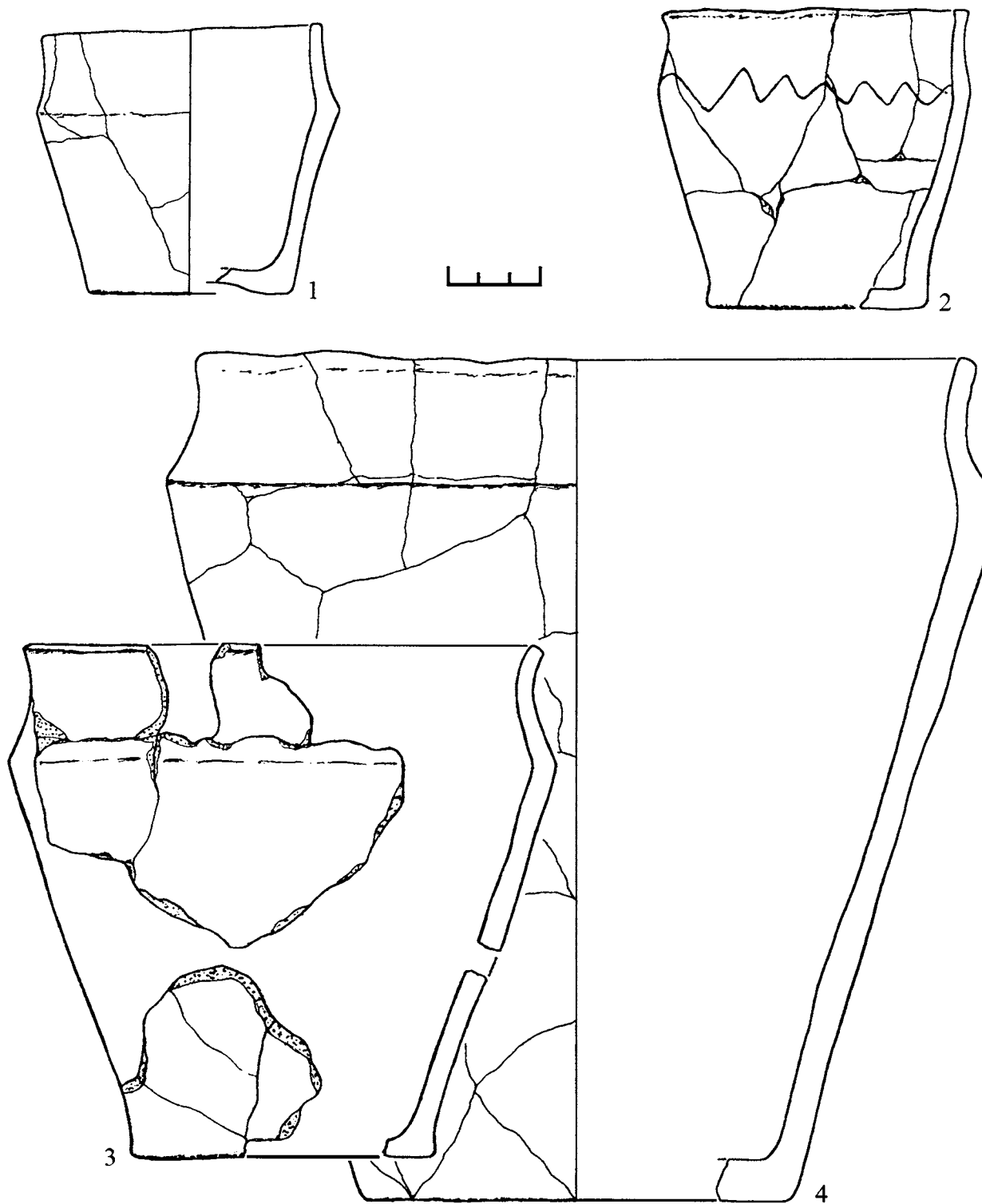

Табл. 52. Городище. Лепная керамика «ладожского типа»

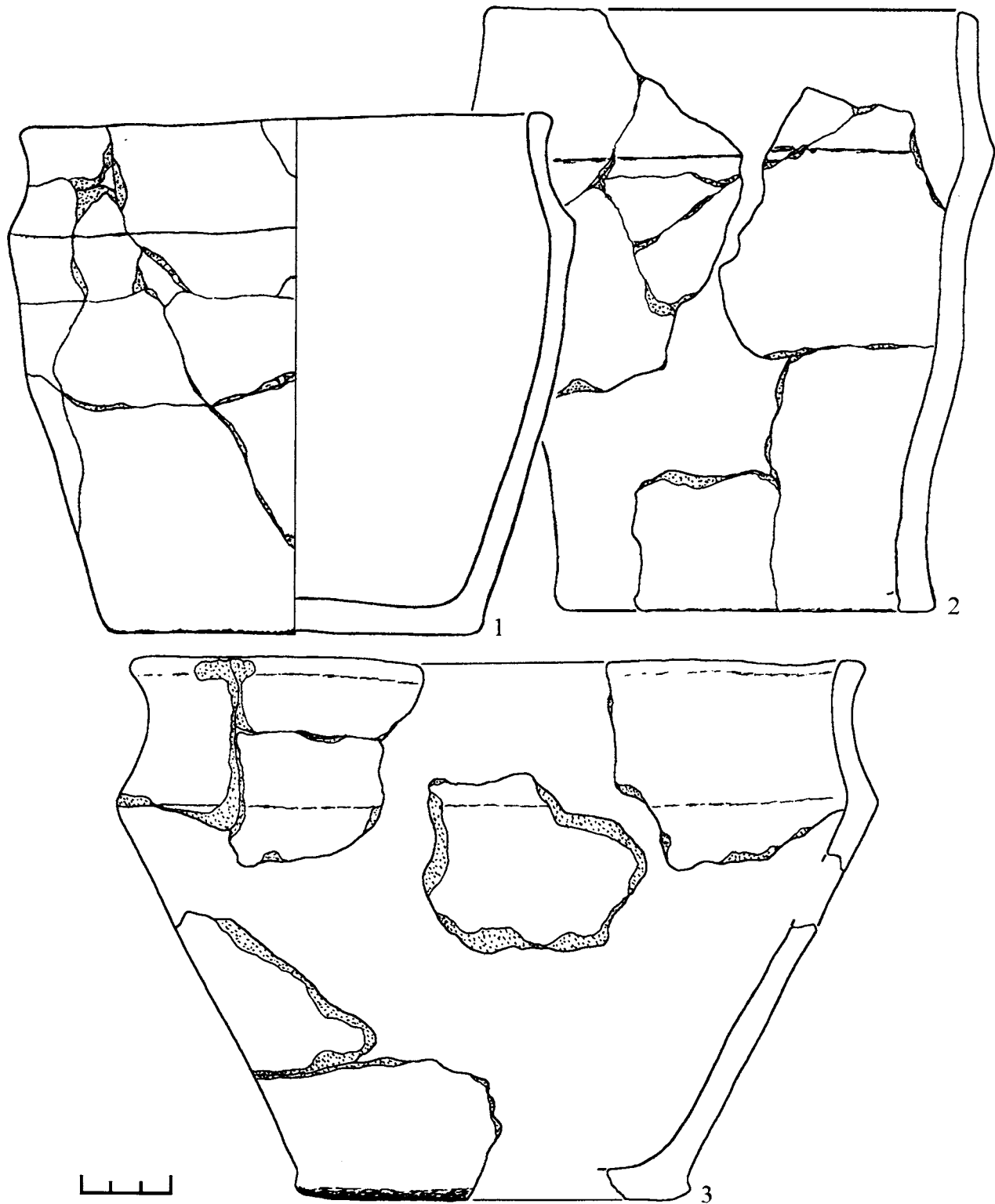

Табл. 53. Городище. Лепная керамика «ладожского типа»

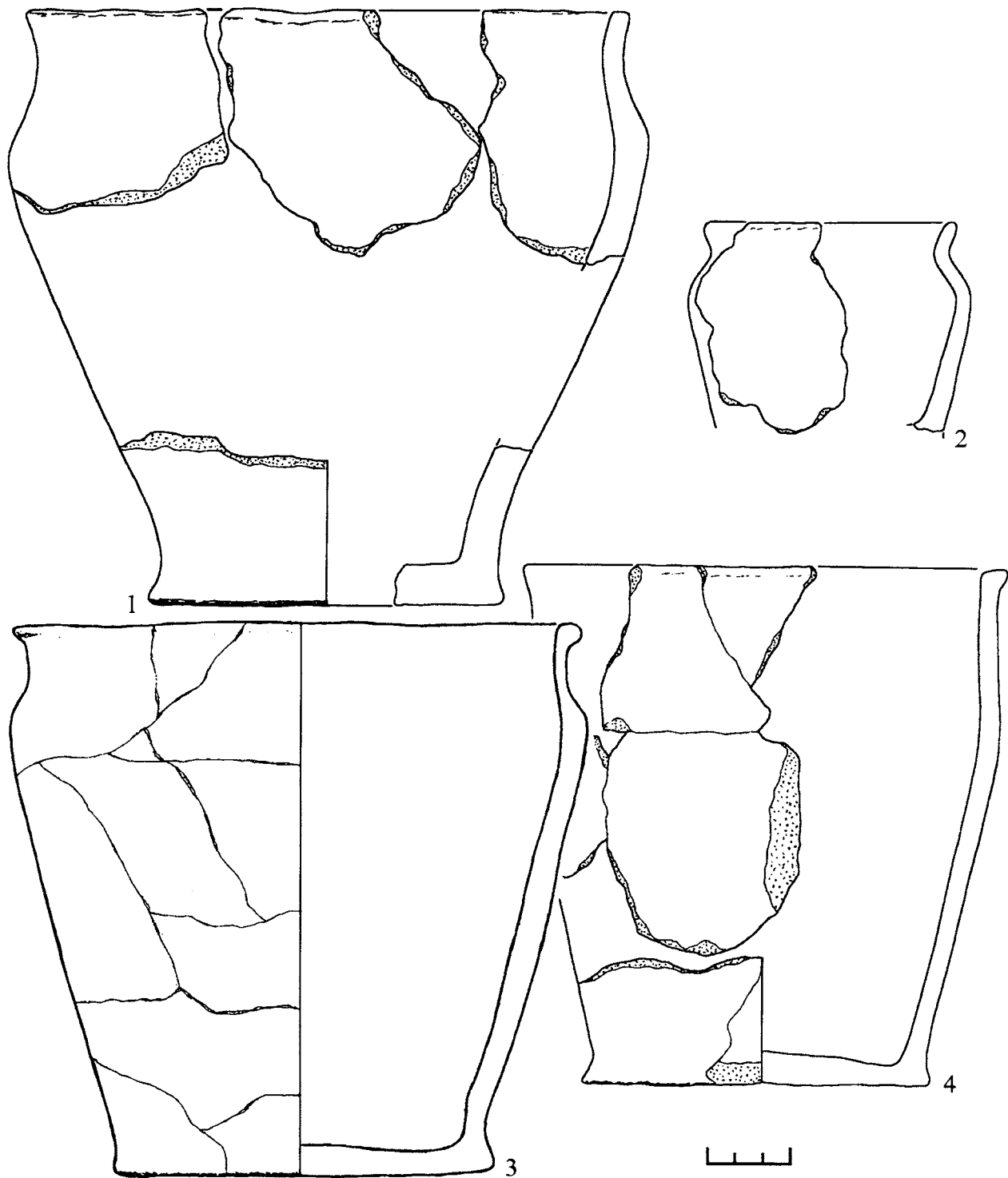

Табл. 54. Городище. Лепная посуда

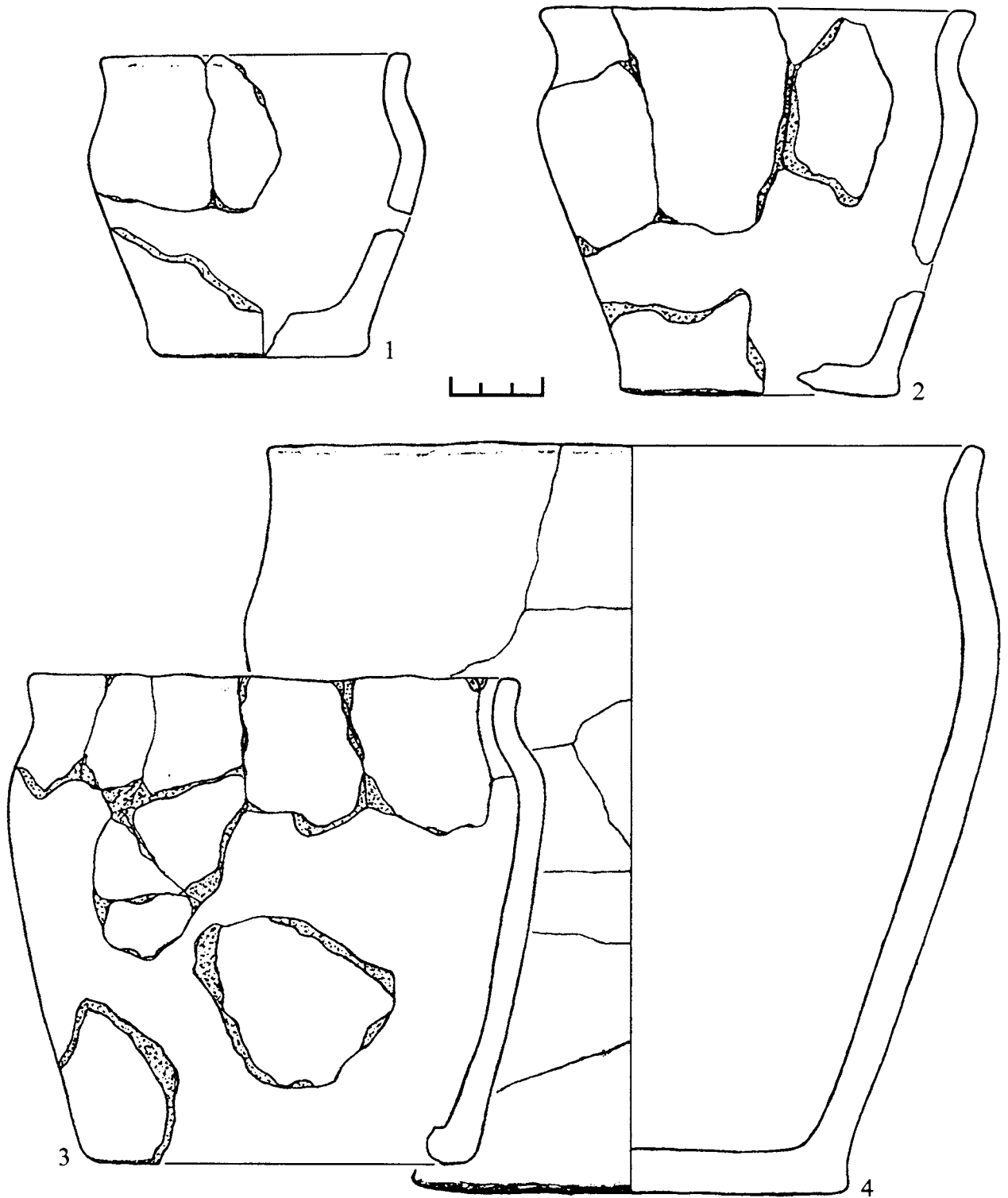

Табл. 55. Городище. Лепная посуда

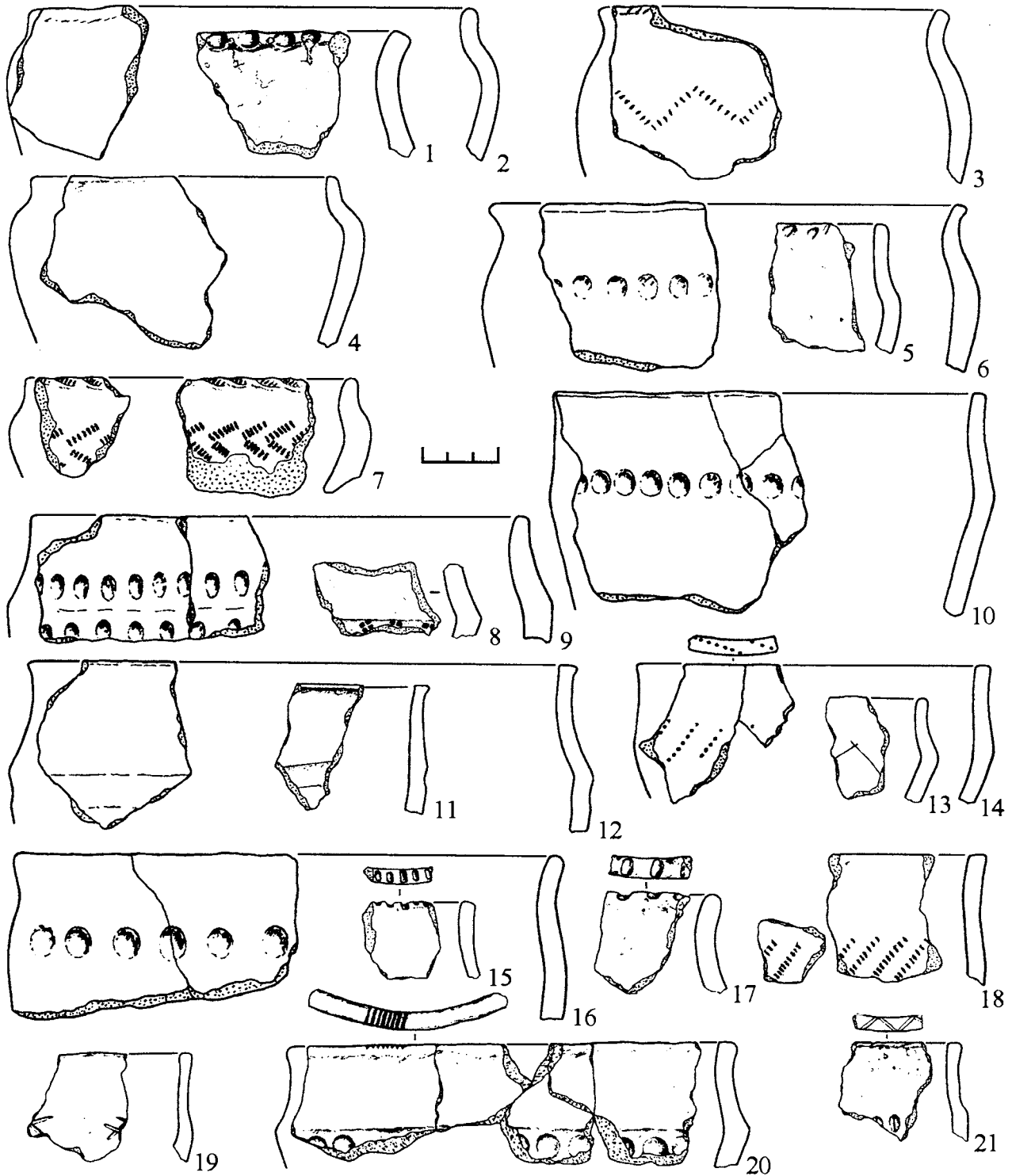

Табл. 56. Городище. Лепная посуда

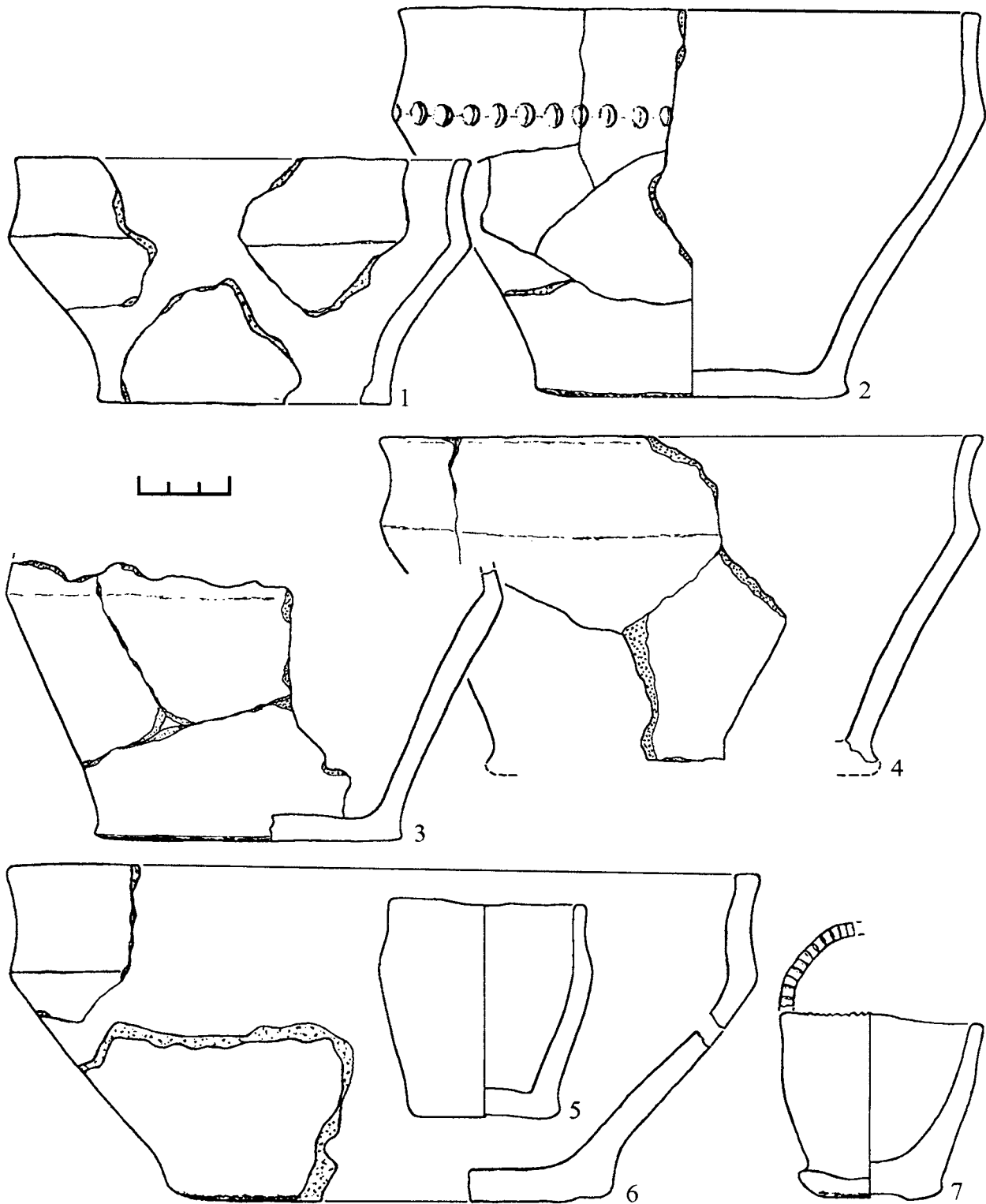

Табл. 57. Городище. Лепная посуда

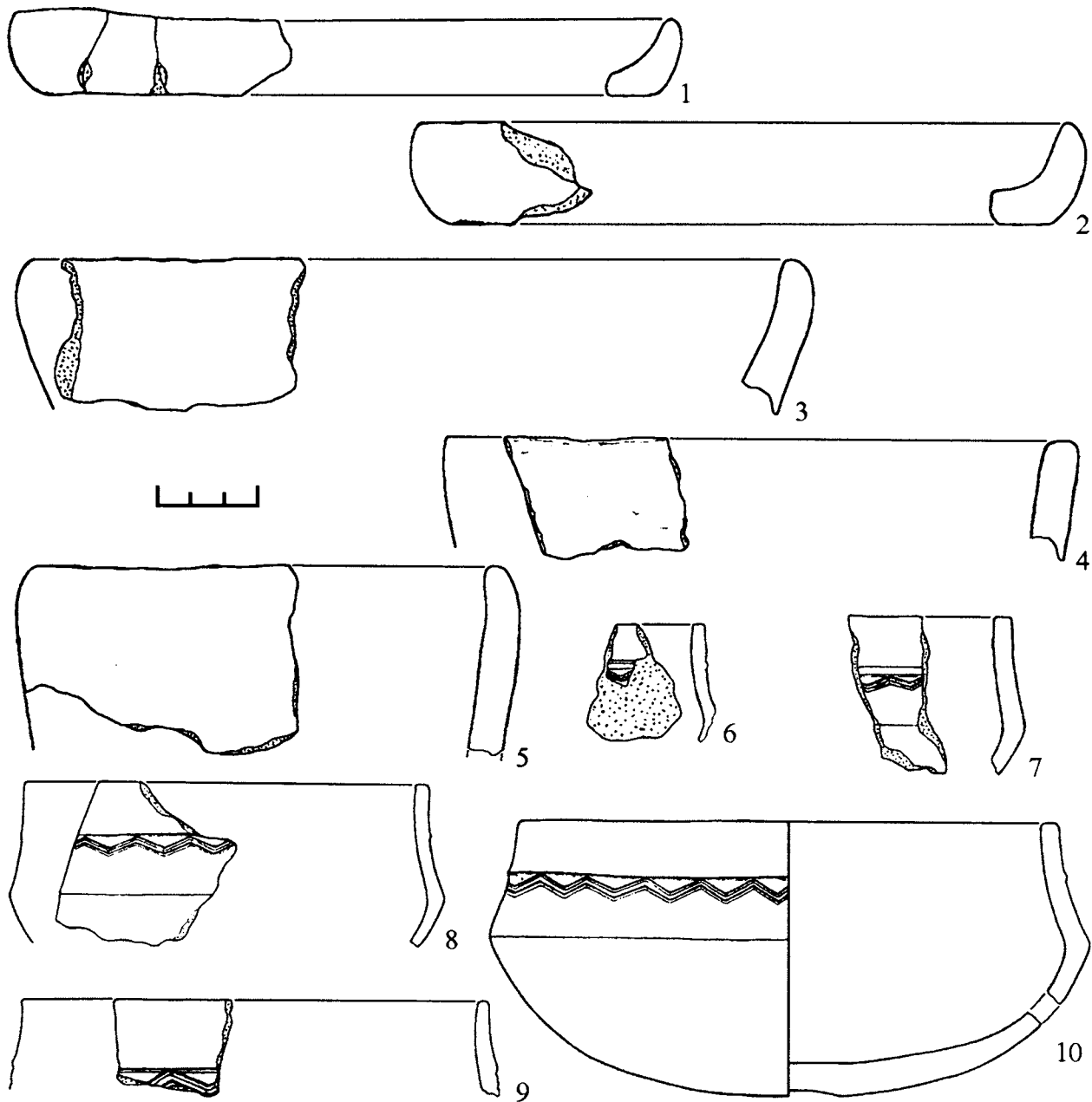

Табл. 58. Городище. Лепная посуда

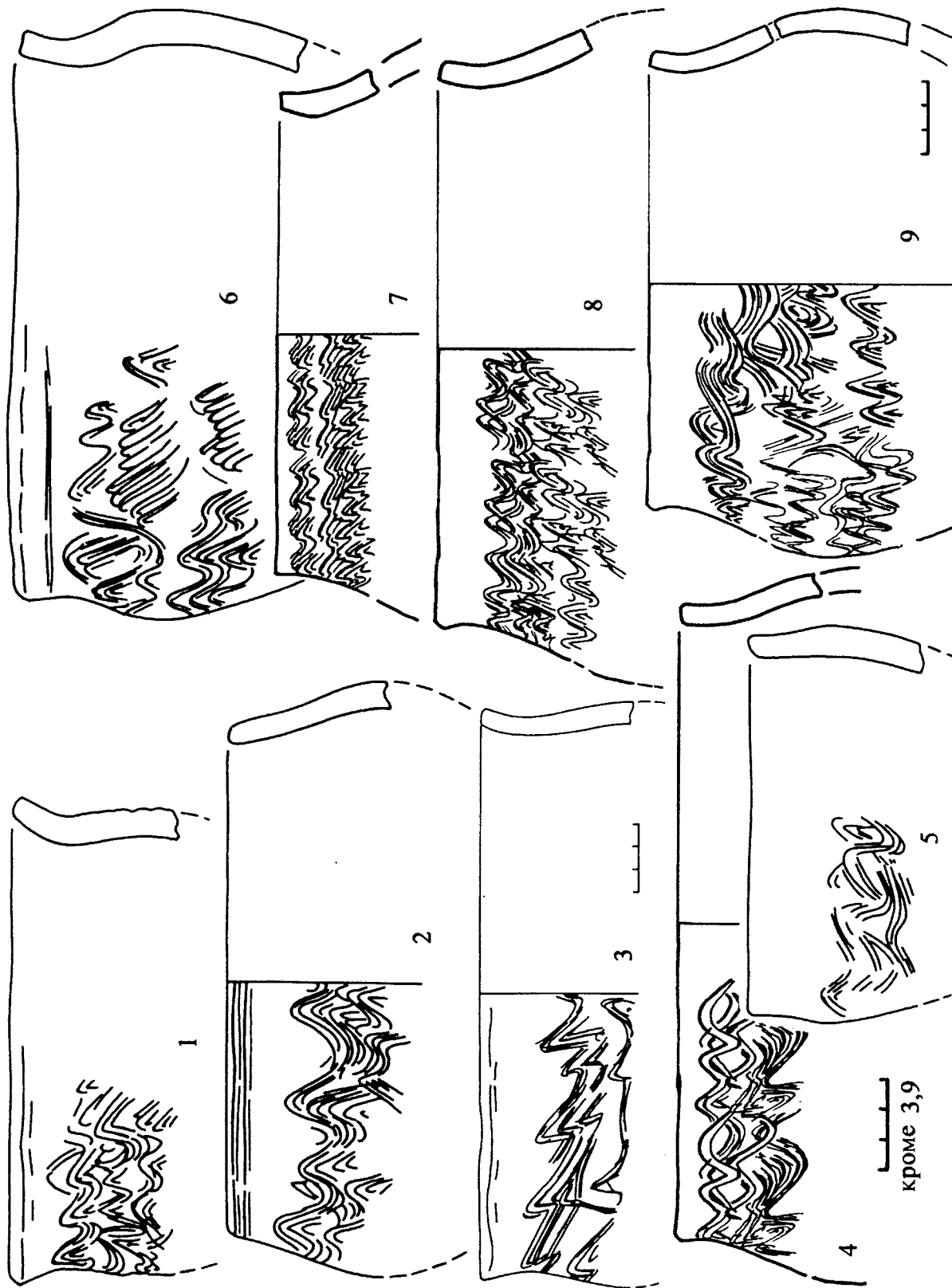

Табл. 59. Городище. Первая группа раннегончарной керамики. 1 - «Центральный» раскоп 1980 г. (далее Р-год), культурный слой; 2, 9 - «Центральный» Р-1982, культурный слой; 3 - раскоп 1977-1979 гг. на северном берегу Сиверсова канала (далее - «стратиграфический» Р-год), пласт 1; 4 - подъемный материал; 5 - Р-IV-1980, культурный слой; 6 - «стратиграфический» Р-1977-79, пласты 5-7; 7 - Р-1994 г. на южном берегу Сиверсова канала, коричневый слой; 8 - «Центральный» Р-1980, яма № 1

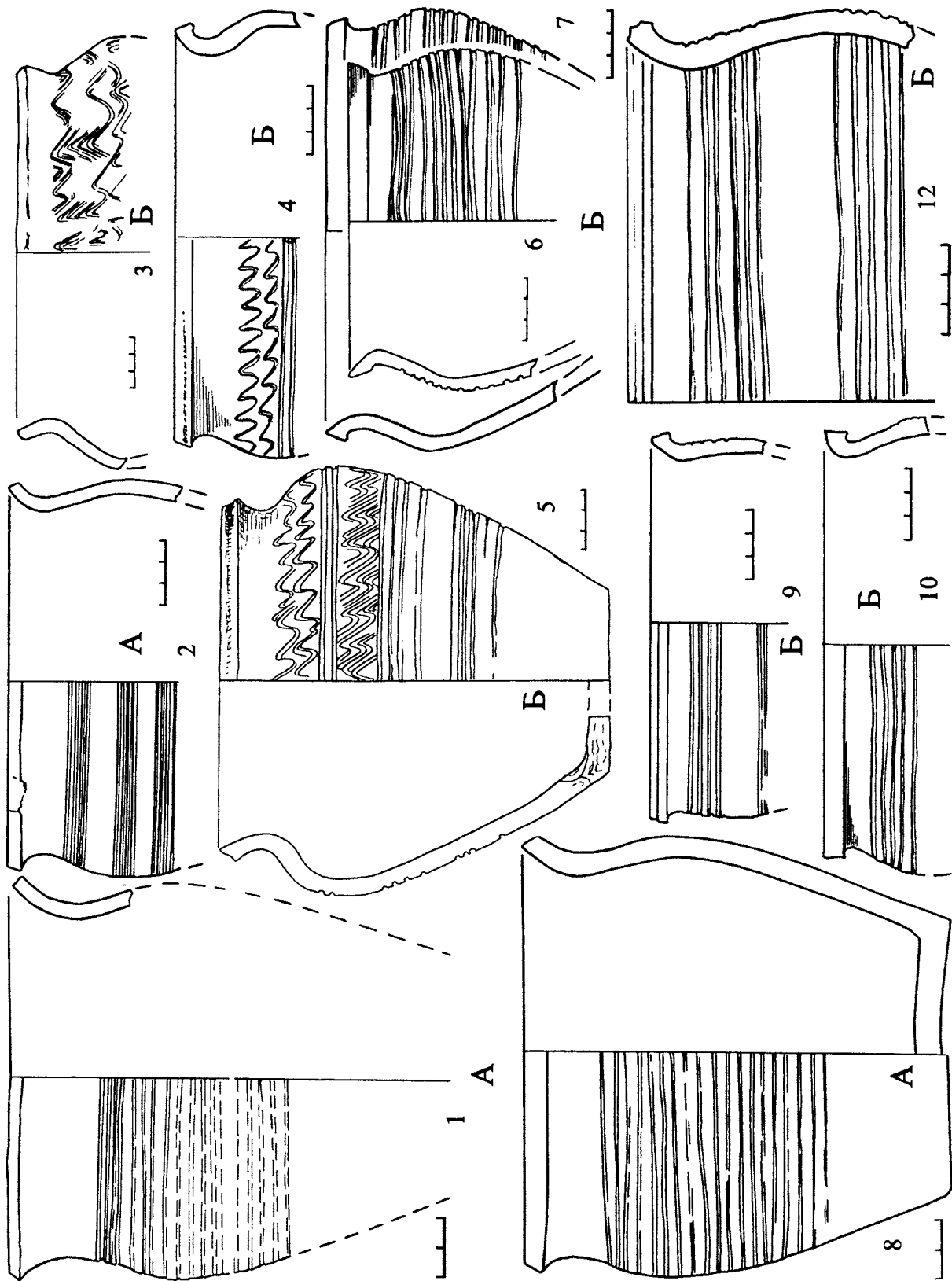

Табл. 60. Городище. Типологическая таблица раннегончарной керамики. Вторая группа. Тип I-A, I-B

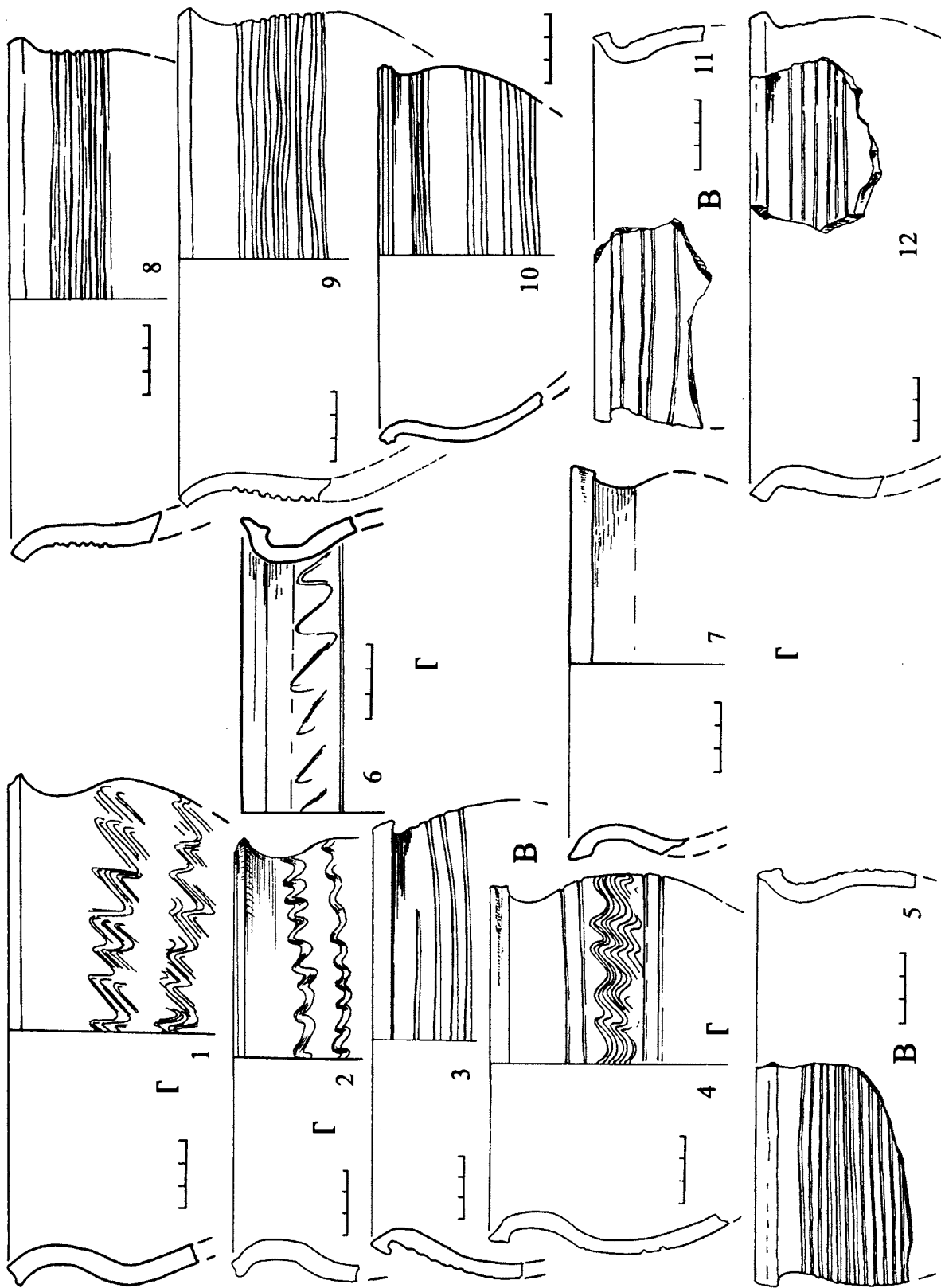

Табл. 61. Городище. Типологическая таблица раннегончарной керамики. Вторая группа. 1-7, 11 - вариант Г-В; 8-10, 12 - мисковидные сосуды типа Г.

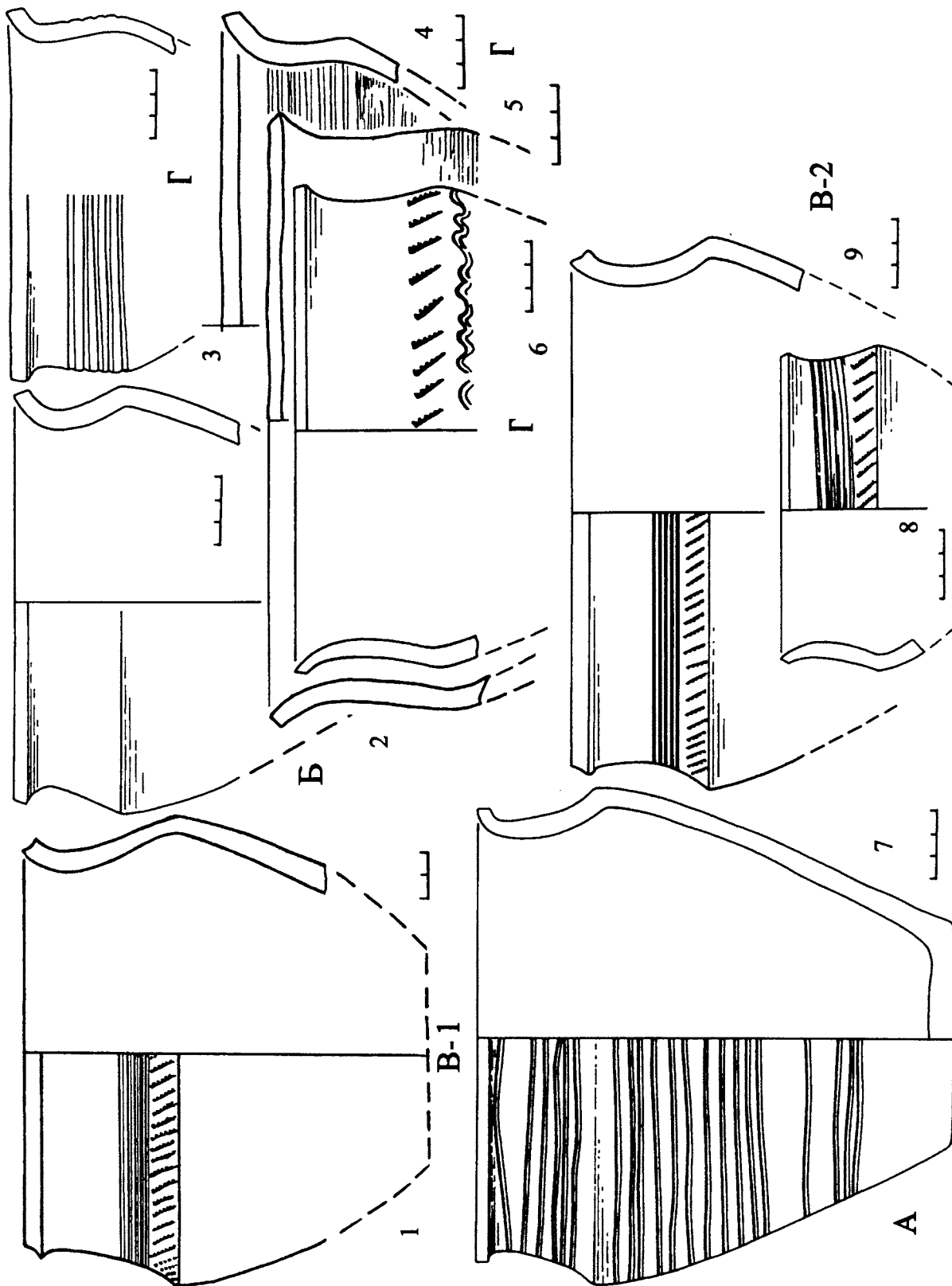

Табл. 62. Городище. Типологическая таблица. Вторая группа раннегончарной керамики. Тип II. 1 – подвариант II-B-1; 2 – II-B; 3-6 – II-Г; 7 – II-A; 8-9 – II-B-2

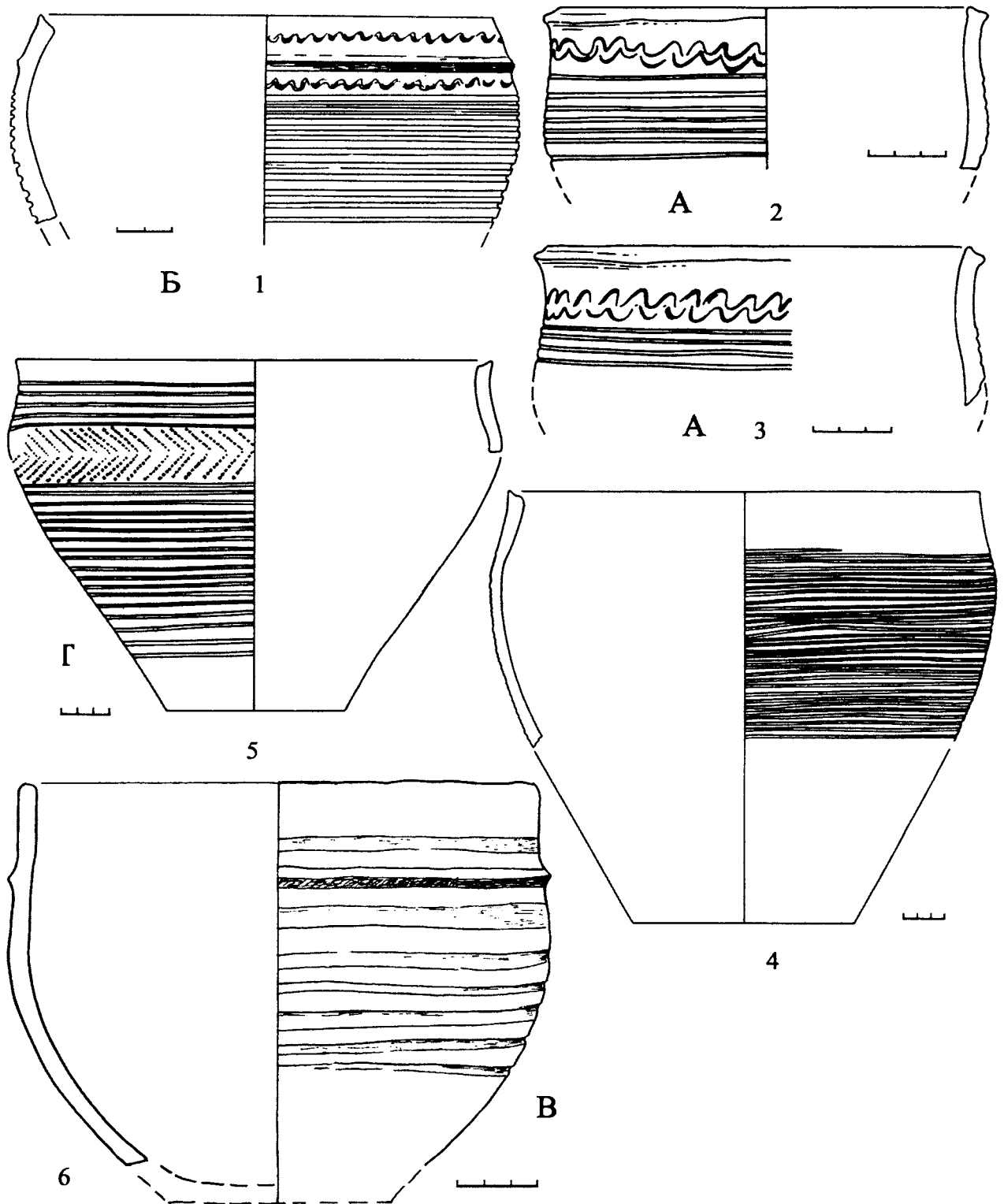

Табл. 63. Городище. Типологическая таблица. Вторая группа раннегончарной керамики. Тип III. 4 – поздняя XI в. модификация фрезендорфского типа

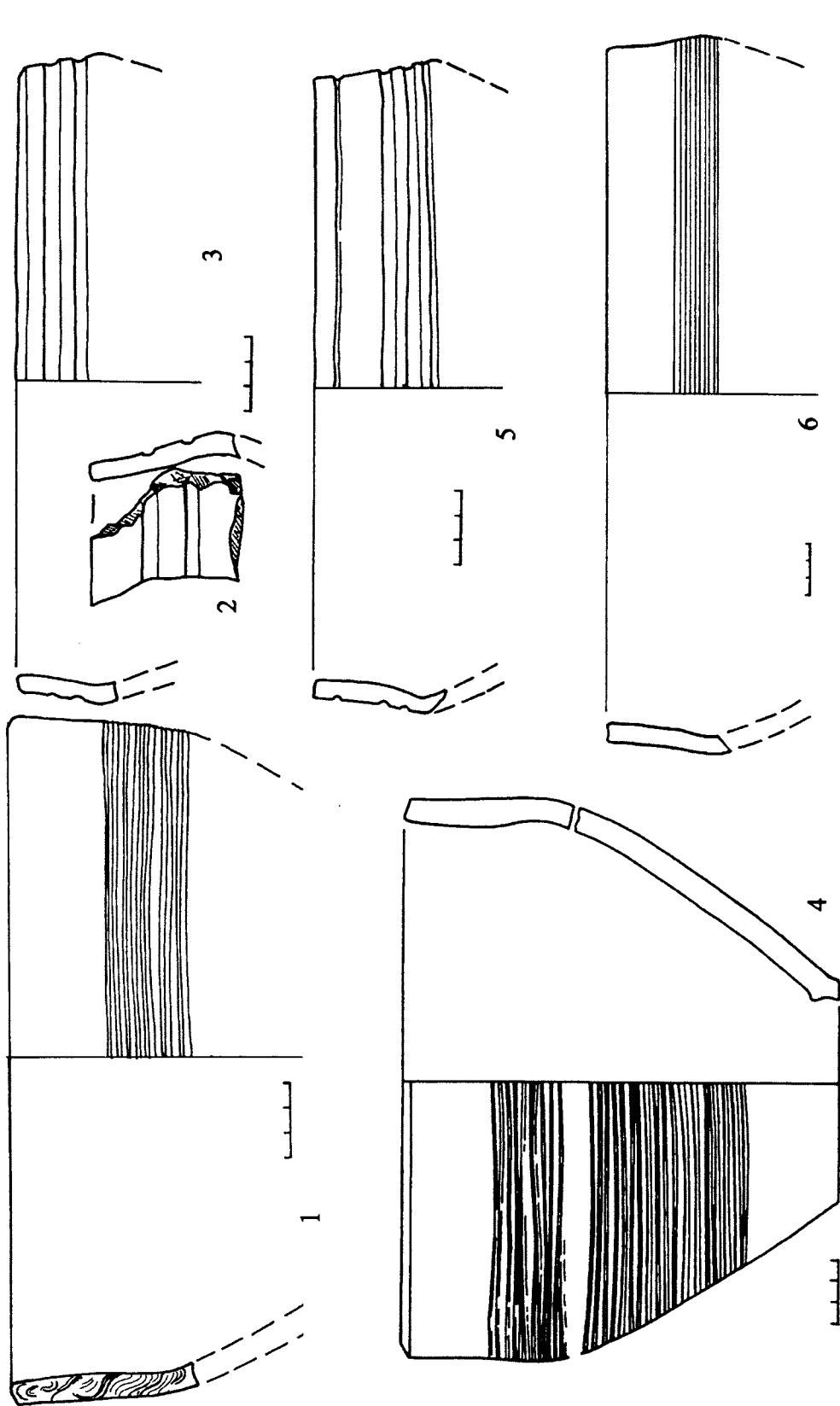

Табл. 64. Городище. Подвариант III-B-1. 1 — «Центральный» Р-1981, яма 20; 2 — Р-1996, верхний переоглаженный слой; 3 — Р-1996, нижний темно-серый слой; 4, 6 — «Центральный» Р-1982, культурный слой от $-0,4$ м до $-0,6$ м; 5 — Р-1998, темно-серый слой от $+0,6$ м до $+0,4$ м

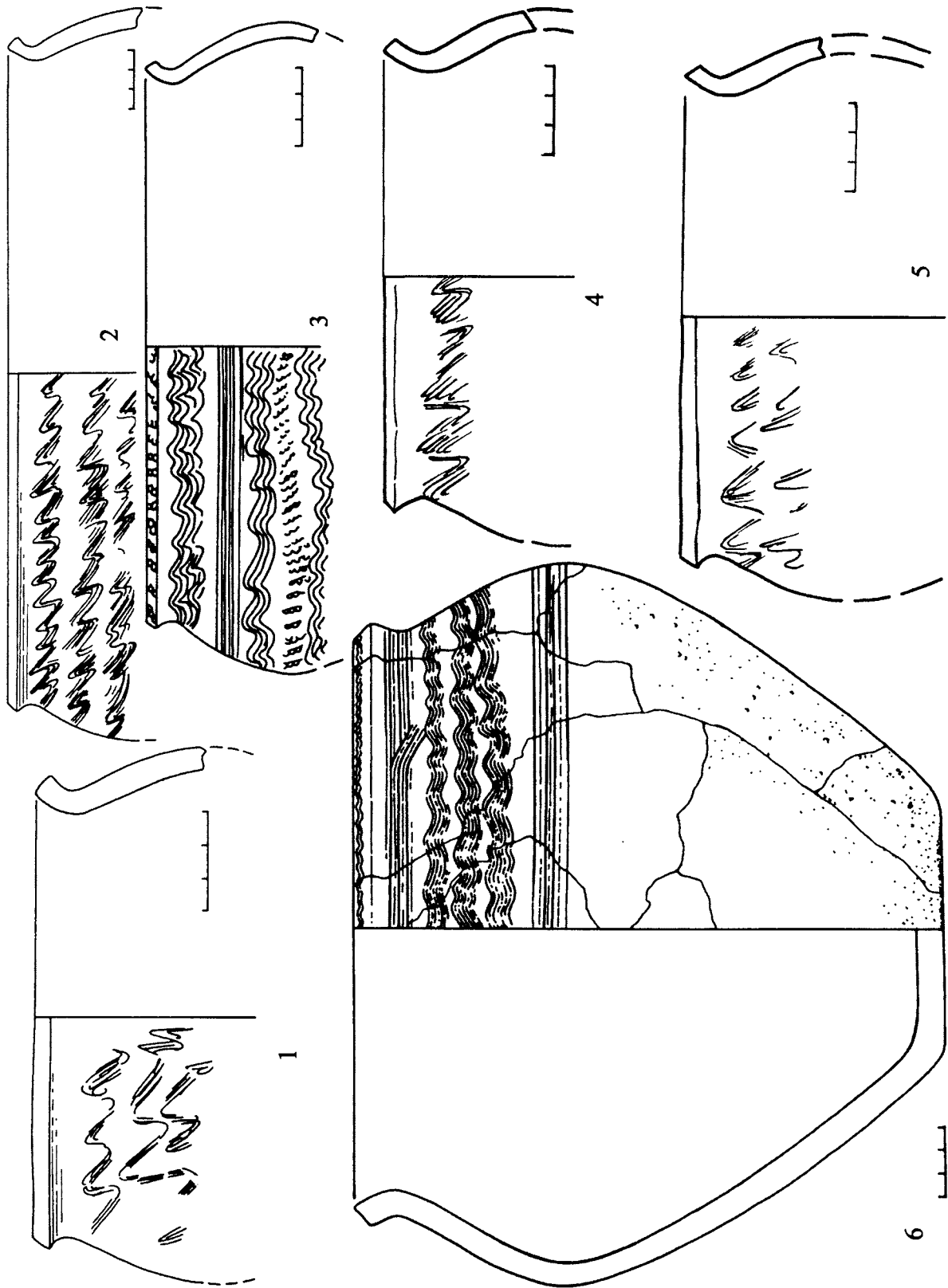

Табл. 65. Фельдбергский тип. 1, 4, 5 – Рюриково городище, «Центральный» Р.-1982, культурный слой от 0,8 м до 1,26 м.; 2, 3 – Щецин, раскоп 1, слой XVIII; 6 – керамика фельдбергского типа по Э. Шульдгу. Ряд 1

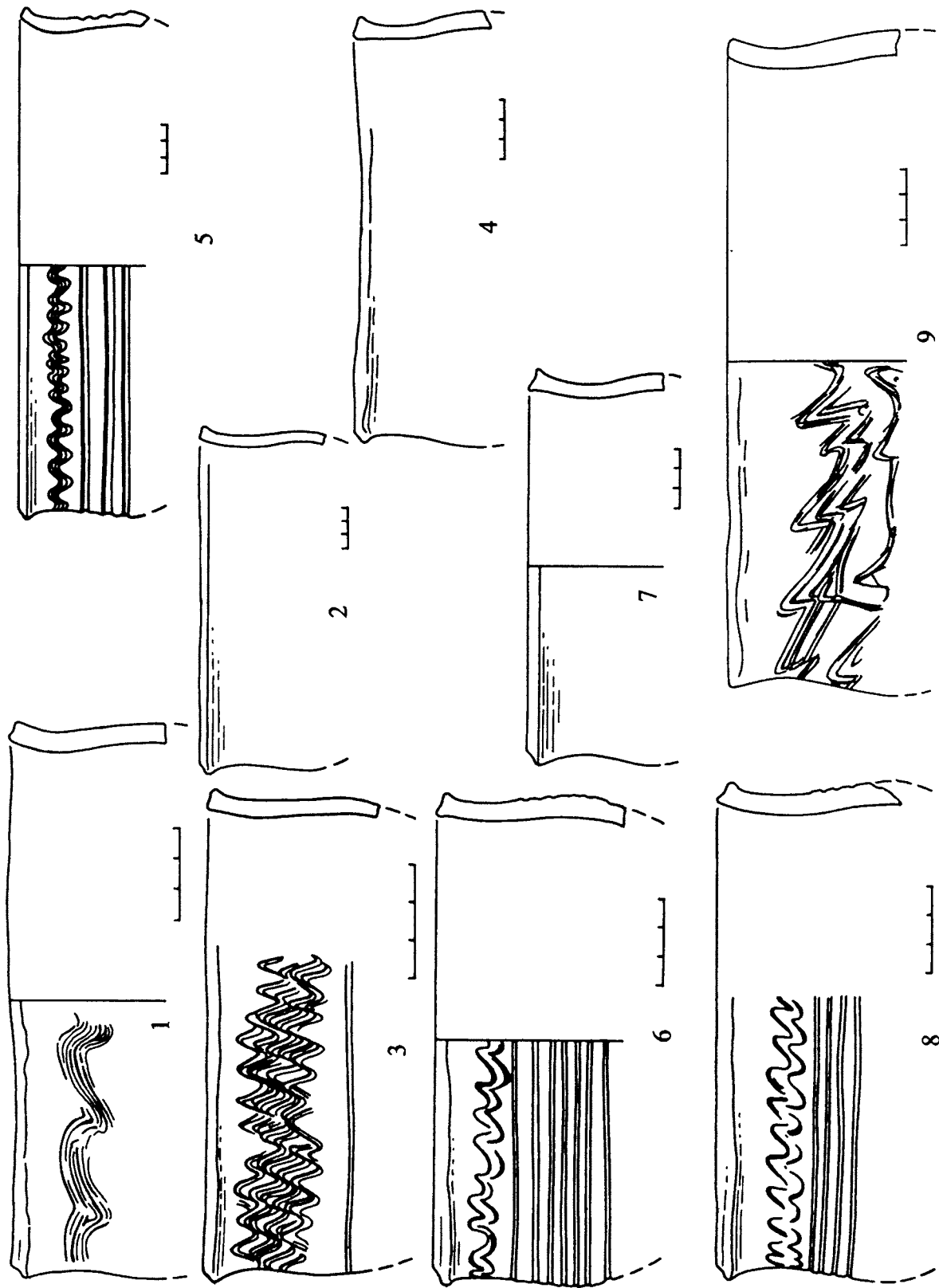

Табл. 66. Аналогии типу Ш-А. Менкендорфский тип. 1 – Лозино (Польша); 2, 4, 5, 7 – Занток (Польша); 6, 8, 9 – Рюриково городище

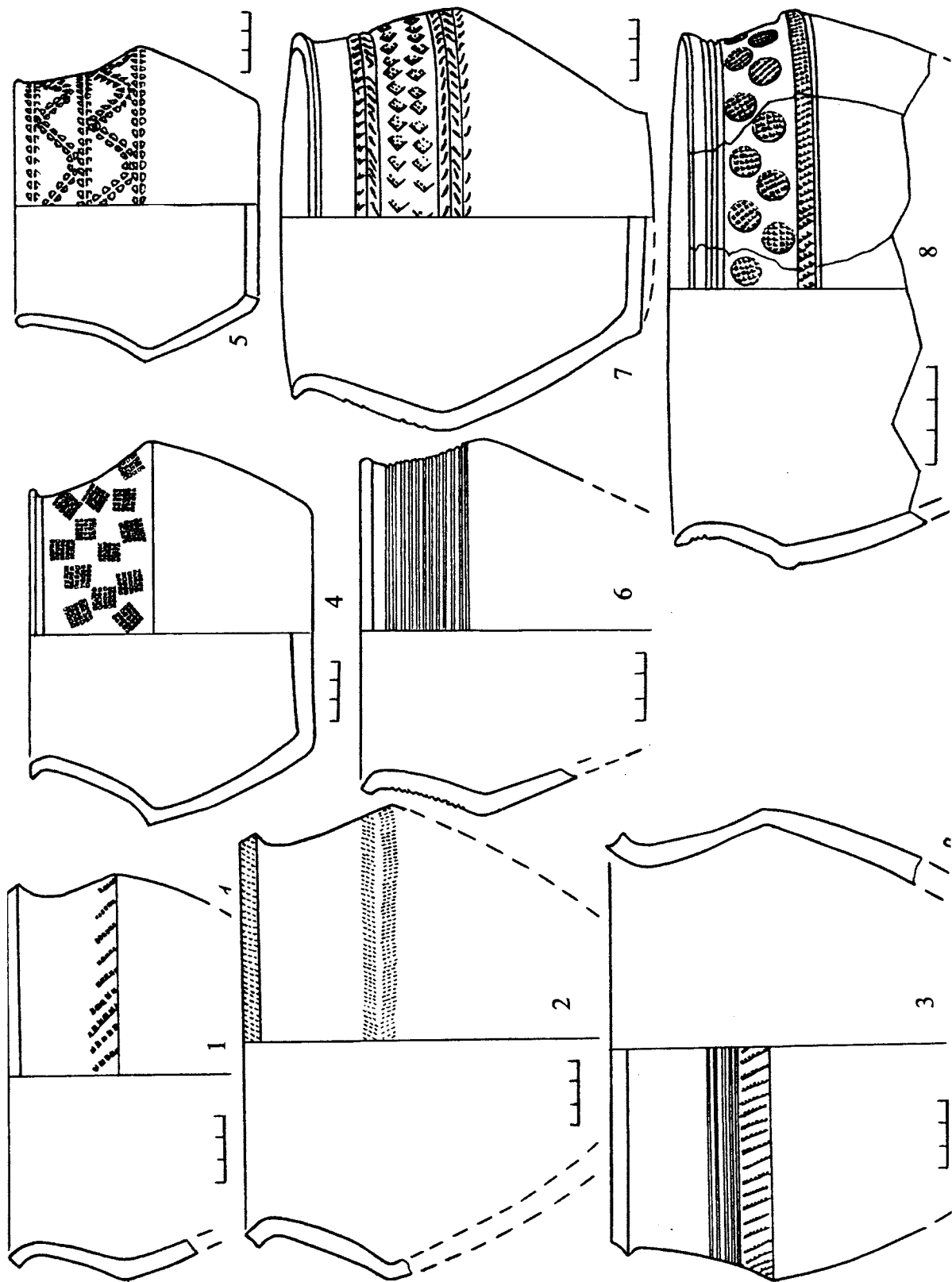

Табл. 67. Аналогии варианту II-B-1. 1, 2, 3 – Рюриково городище; 4, 5 – Ольденбург (по Т. Кемпке); 6 – Городок на Ловати (Древние Луки); 7, 8 – Гросс Раден (по Э. Шульгту)

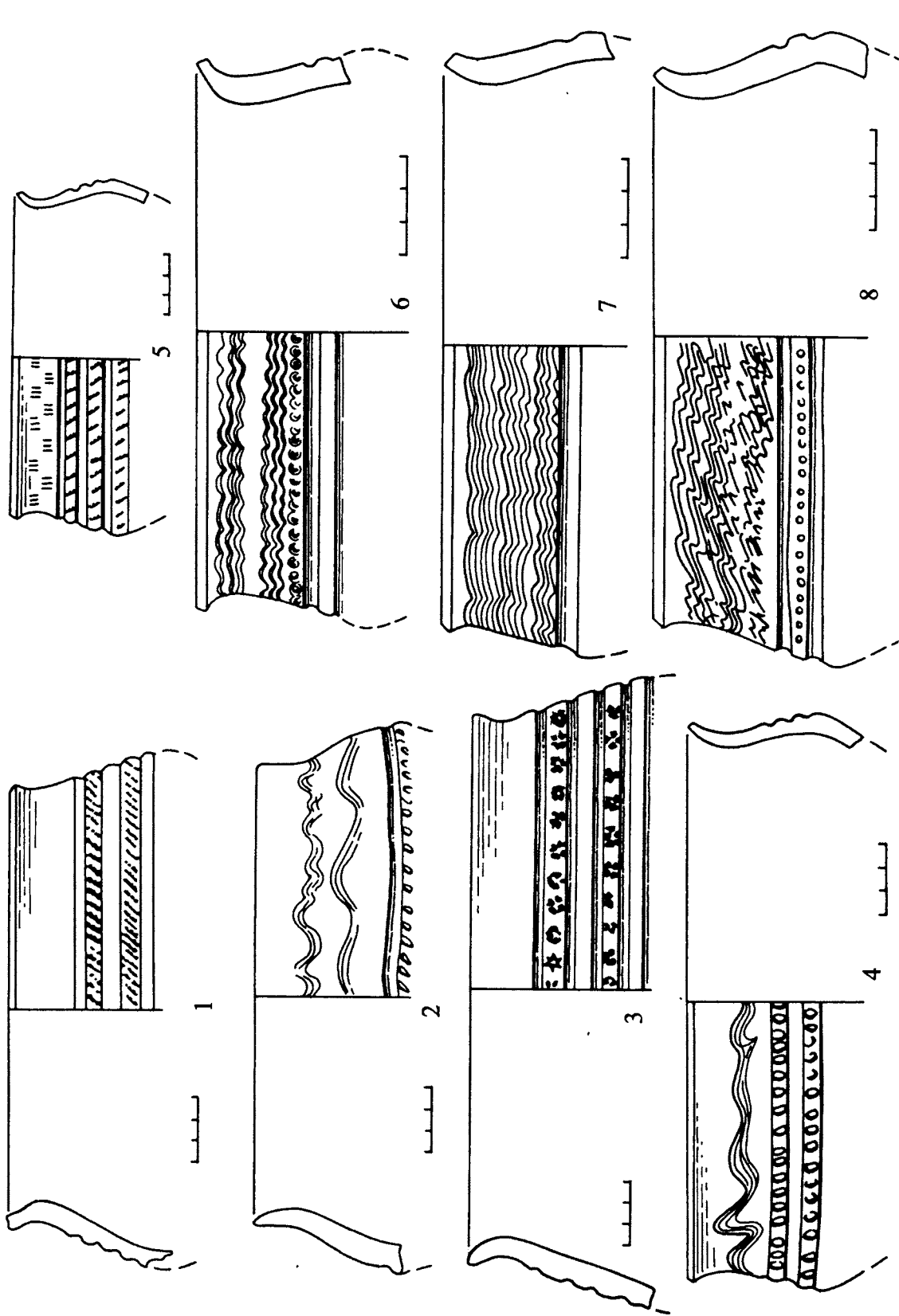

Табл. 68. Аналогии гросс-раденскому типу. 1-3 — Гросс Раден (по Э. Шульдту); 4 — Колобжег-Будзистово (по В. Лосиньскому); 5 — Щецин (по Л. Лещивичу); 6-8 — Рюриково городище (8 — условная реконструкция)

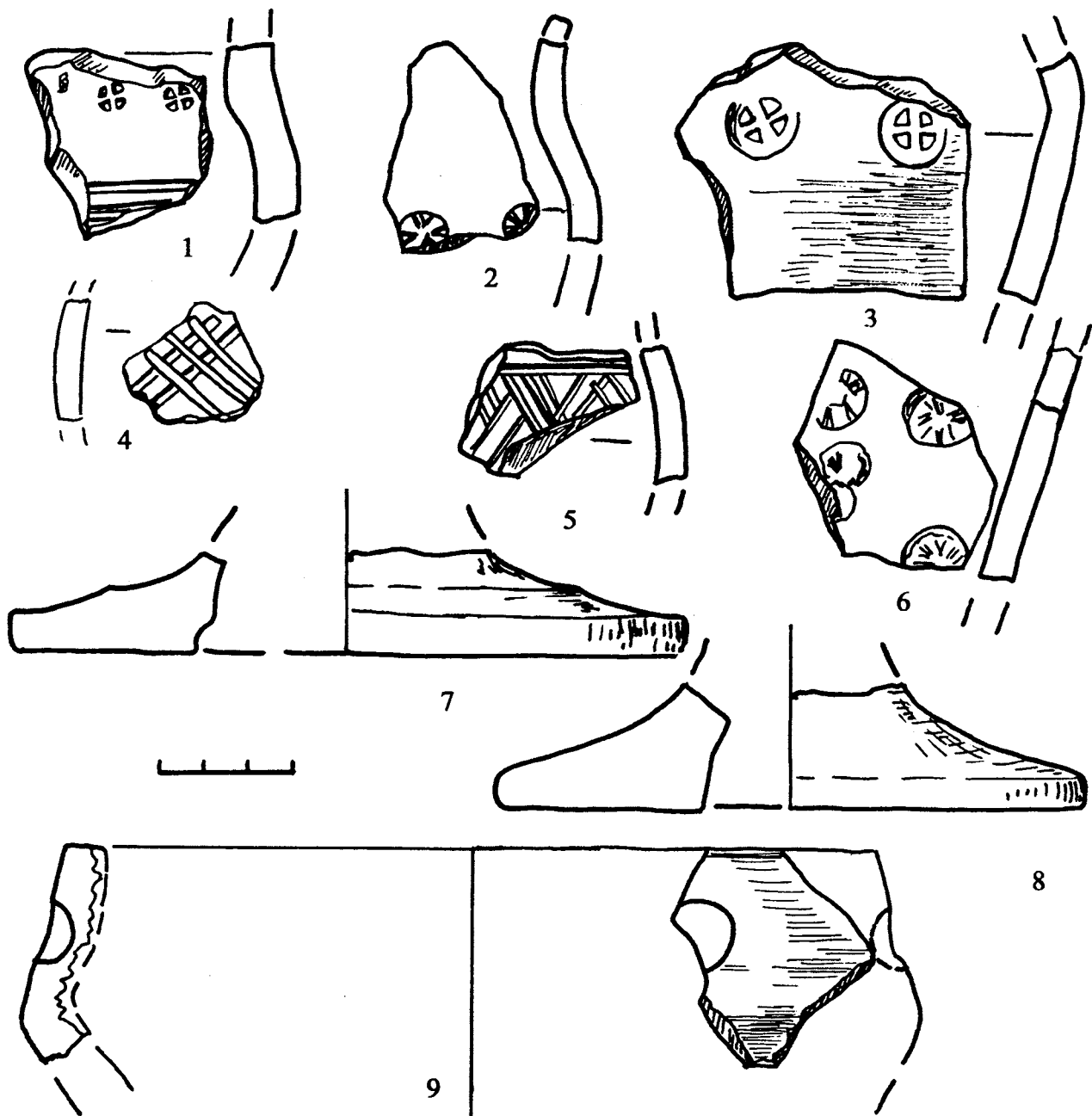

Табл. 69. Городище. Особые формы раннегончарной керамики и западнославянские элементы орнамента. 1 – «Центральный» Р-1984 культурный слой от $-0,4$ м до $-0,6$ м; 2, 4 – Р-1999 раннесредневековый коричневый слой с органикой (далее – коричневый слой) от $-0,8$ м до $-1,00$ м; 3 – Р-1998, песок, от $+0,4$ до $+0,2$ м; 5, 6 – Р-1999 коричневый слой от $-1,00$ м до $-1,2$ м; 7 – Р-2000, коричневый слой; 8 – Р-2000 коричневый слой от $-0,2$ м до $-0,4$ м; 2 – лепной; 9 – лепной (?)

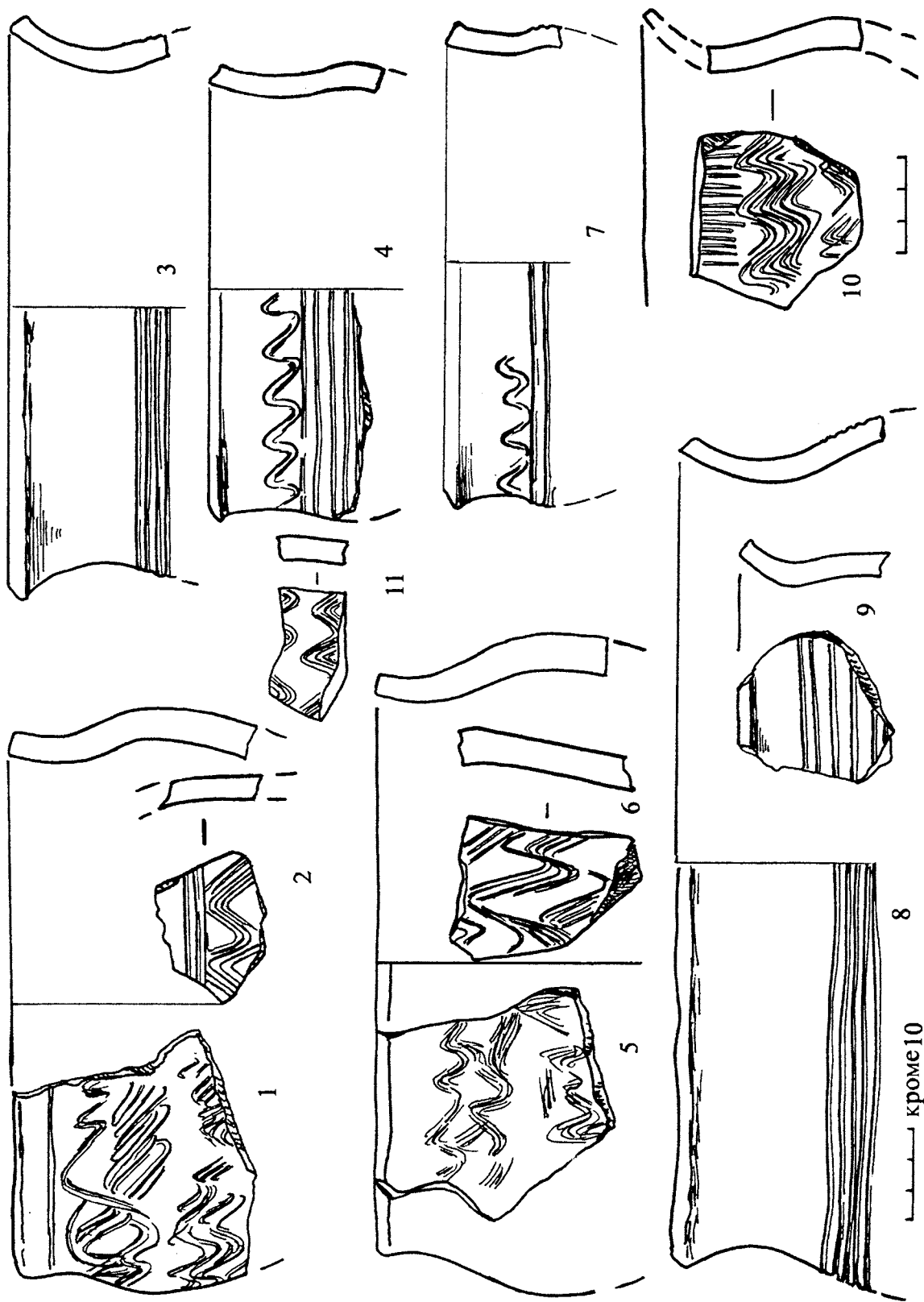

Табл. 70. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1977-79. Пласты 6-10. 1 - пласт 5-7; 2 - пласт 9 (сруб); 3 - пласт 10; 4 - пласт 6; 5, 7-9 - пласт 7; 6, 10 - пласт 8; 11 - пласт 9

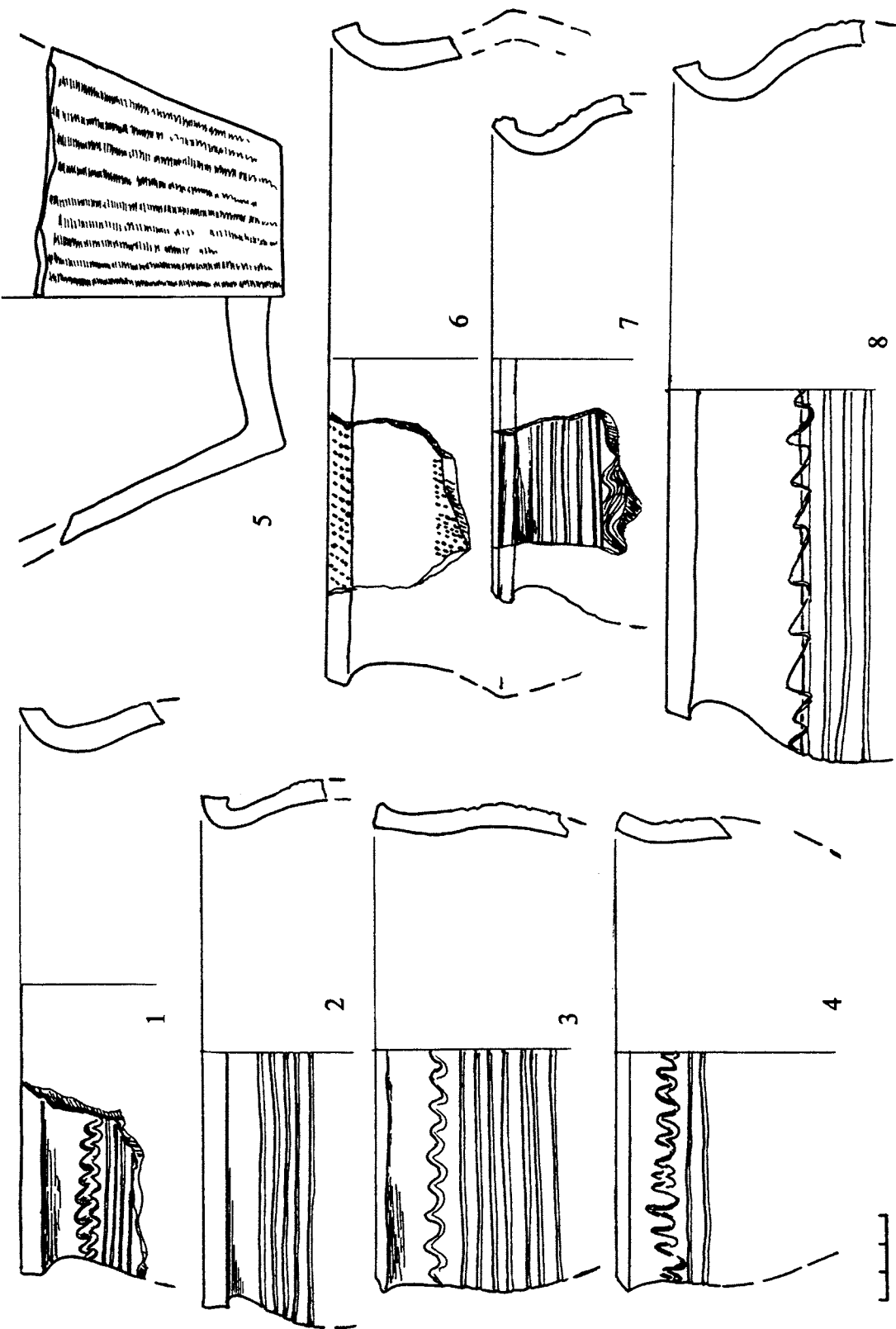

Табл. 71. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1977-79. Пласты 3-5. 1 - пласт 4; 2, 5-8 - пласт 3; 3, 4 - пласт 5

Табл. 72. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1977-79. Пласт 2

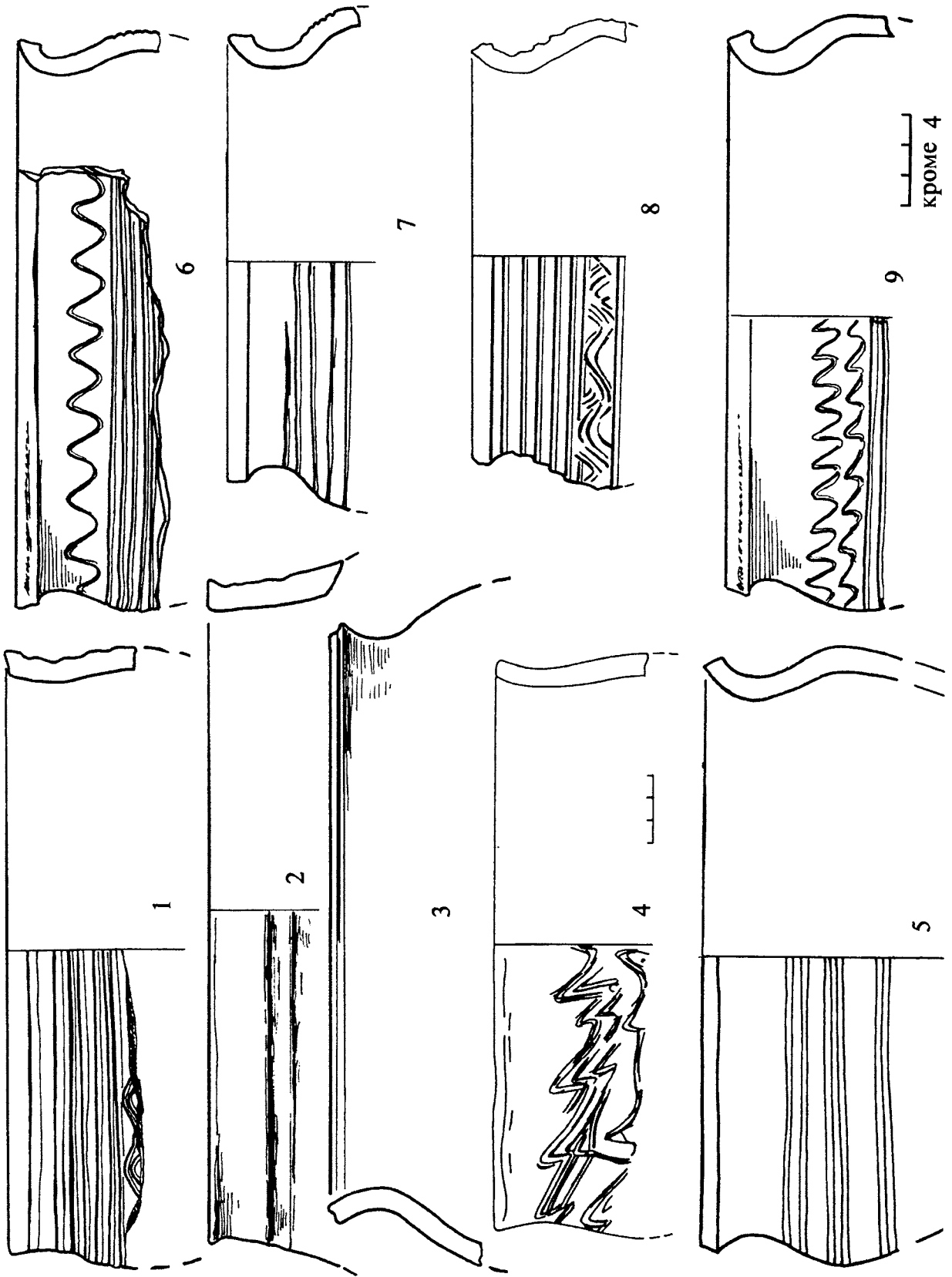

Табл. 73. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1977-79. Пласт 2 (продолжение), кроме 4 и 5 — пласт 1

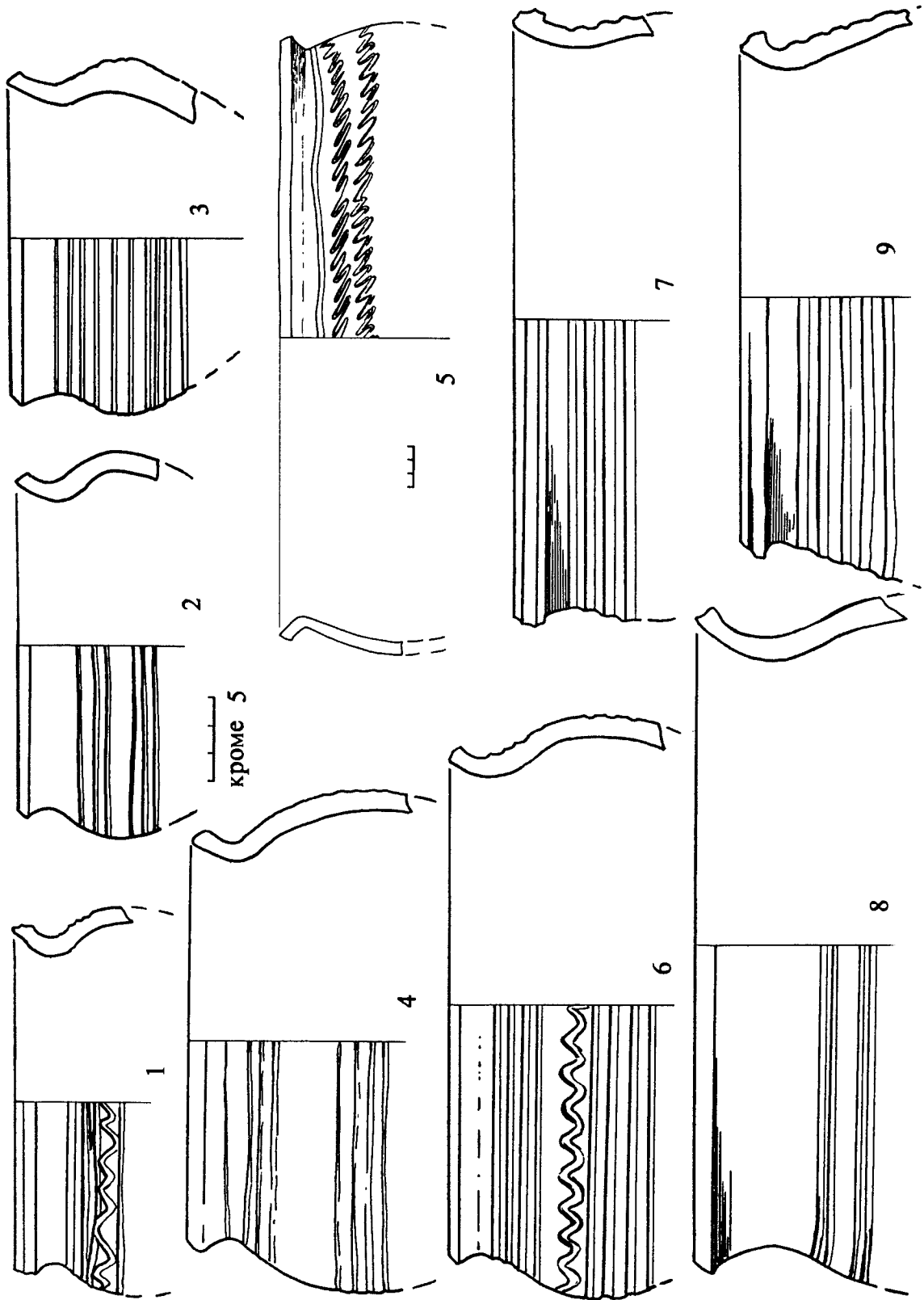

Табл. 74. Городище. Раннегончарная керамика. «Страгиграфический» Р-1977-79. Пласт 1

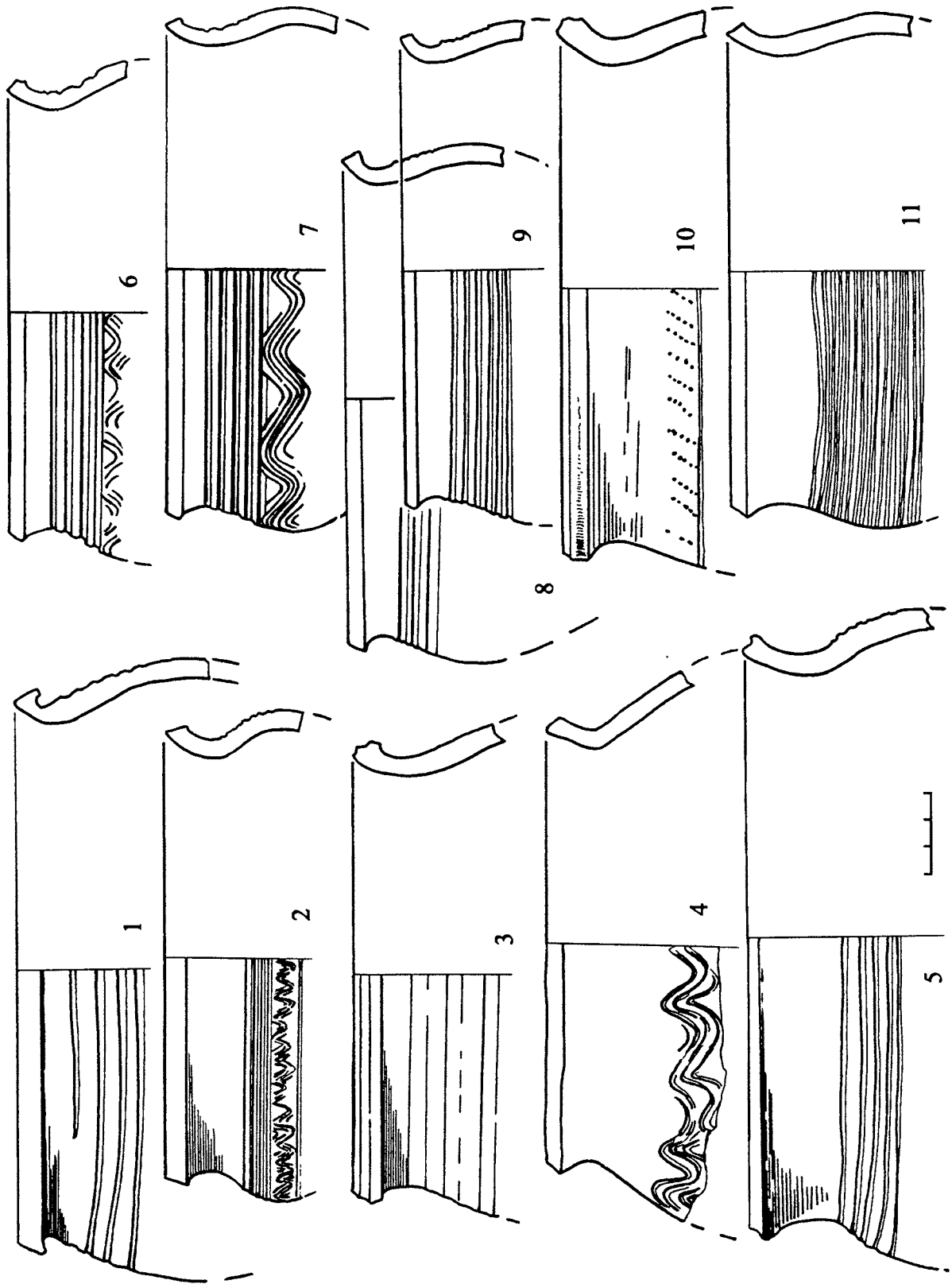

Табл. 75. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» раскол 1977–1979 гг. Пласт 1 (продолжение)

Пласты	1-й этап						2-й этап		3-й этап	
	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Дендродаты → Типы ↓	897, 896, 889 гг.	905 г.	911, 911, 910, 906 ≈905,905≈ ≈905,904≈ ≈904,902≈	910		947, 944, 944, 931 гг.		979 г. (верхняя граница пласта)		
I-A	●			●●●		●→	←● ●	●	●●●	●●● ●
I-A-1			●		●→ ●●	←●● ●●● ●●●				
Первая группа			●?	●→ ●	←●→ ●●	←●				●
III-A Менкендорф				●	●	●●				
Западно-славянский орнамент					●●	●	●			
II-B						●		●		●●●
I-B								●●● ●	●●● ●●● ●●● ●●● ●●	●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●● ●●●●
I-B									●●●	●●● ●
I-Г									●●	●● ●
II-A									●	
II-B									●●●	●
II-Г									●●● ●	●
III-B Фрезендорф									●	
III-B									●→	←● ●●●
III-Г									●●	●
Миски									●	●●

Табл. 76. Схема распределения типов раннегончарной керамики по пластам в «Стратиграфическом» Р-1977-79, 1997-2000.

Условные обозначения: ≈904,902≈ – даты на бревнах вторичного использования; ● – 1 экземпляр; ●→●← – склеенные экземпляры из разных пластов

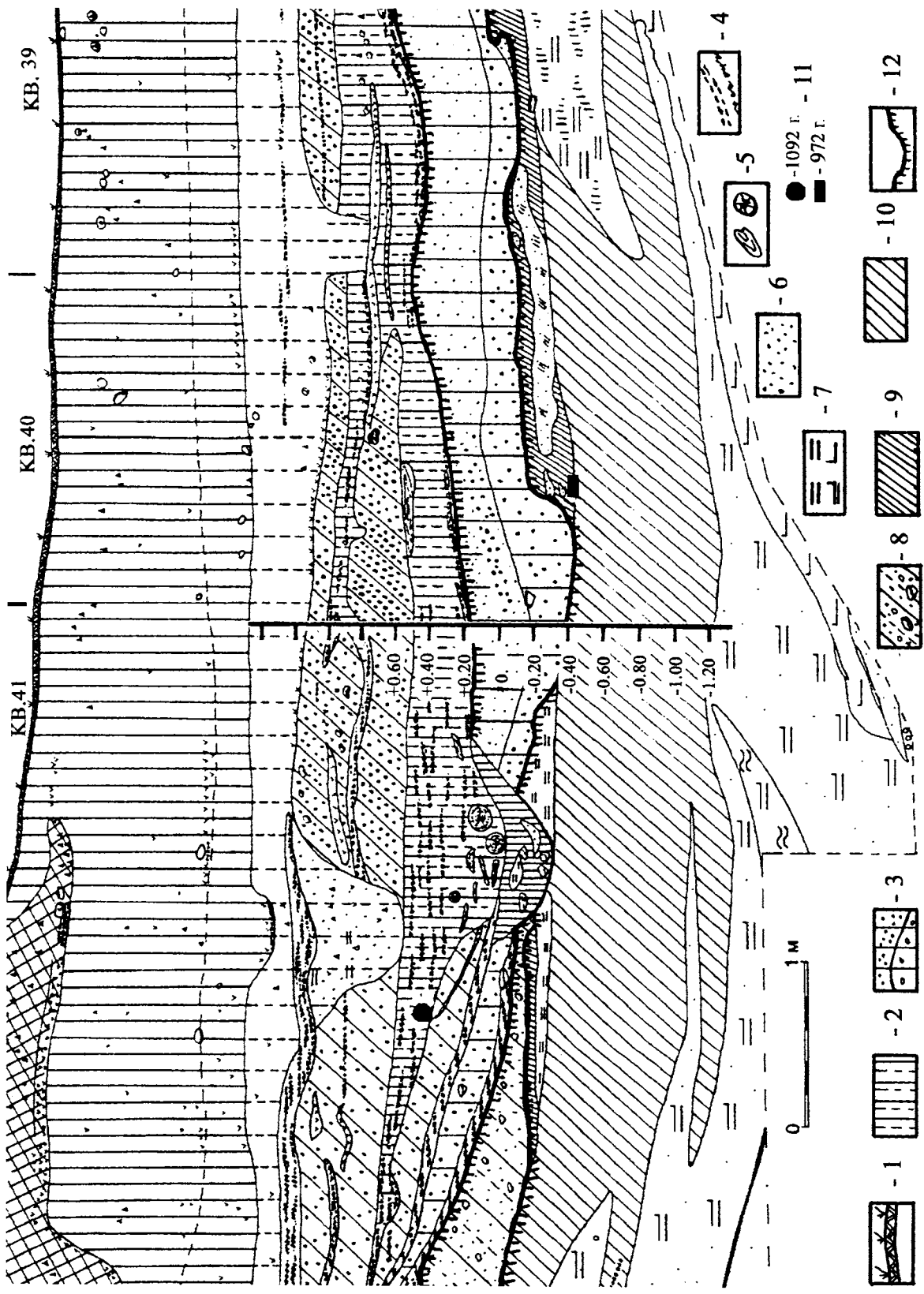

Табл. 77. Городище. Стратиграфический разрез. Фрагмент северной стенки раскопа 1977–1979 гг. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – слой с органикой конца XI–XII/XIII вв.; 3 – серый слой песка; 4 – плет; 5 – дерево; 6 – песок; 7 – торф; 8 – желтая супесь с камнями; 9 – черная супесь; 10 – раннесредневековый слой коричневого гумуса; 11 – уровень дендродат; 12 – границы песчаной засыпки

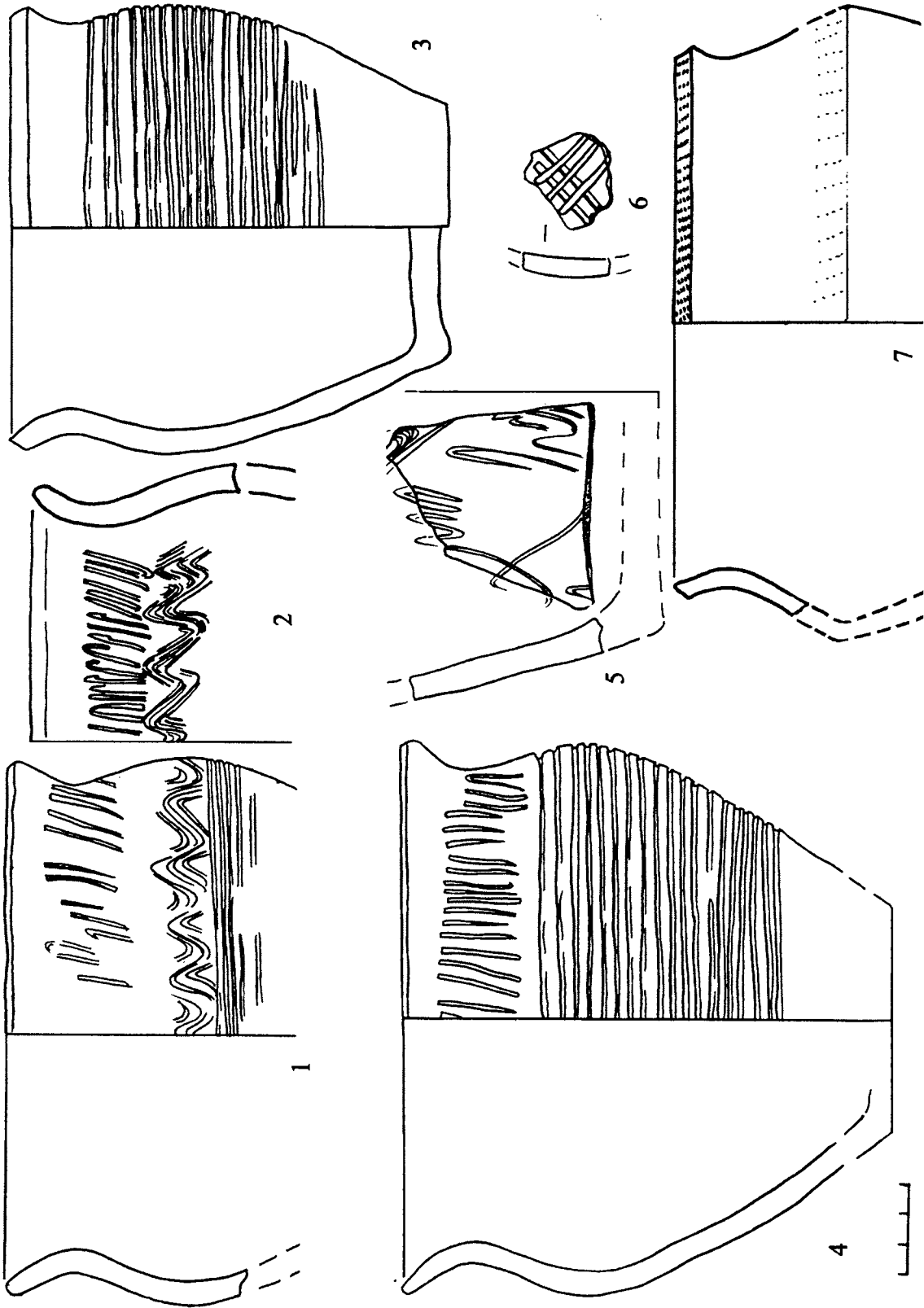

Табл. 78. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1999, раннесредневековый корнчевый слой. 1, 4, 6, 7 — от -0,8 м до -1,00 м; 3 — от -0,6 м до -0,8 м; 5, 2 — от -1,00 м до -1,20 м

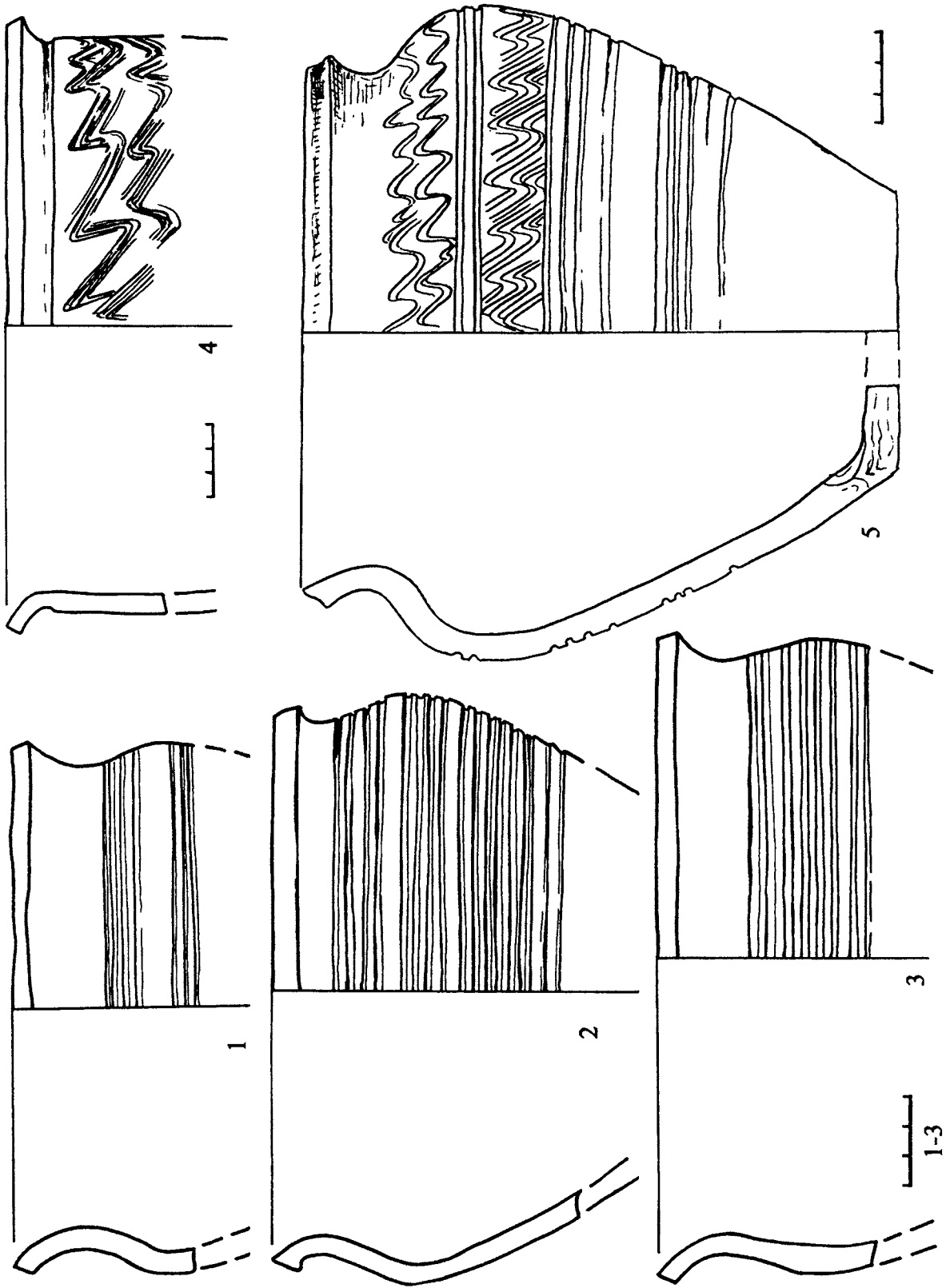

Табл. 79. Городище. Раннегонимарная керамика. «Стратиграфический» раскол, раннесредневековый коричневый слой: 1, 4 – Р-2000, от -0,40 м до -0,60 м; 2, 3 – Р-2000, от -0,20 м до -0,40 м; 5 – Р-1998, от -0,40 м до -0,60 м

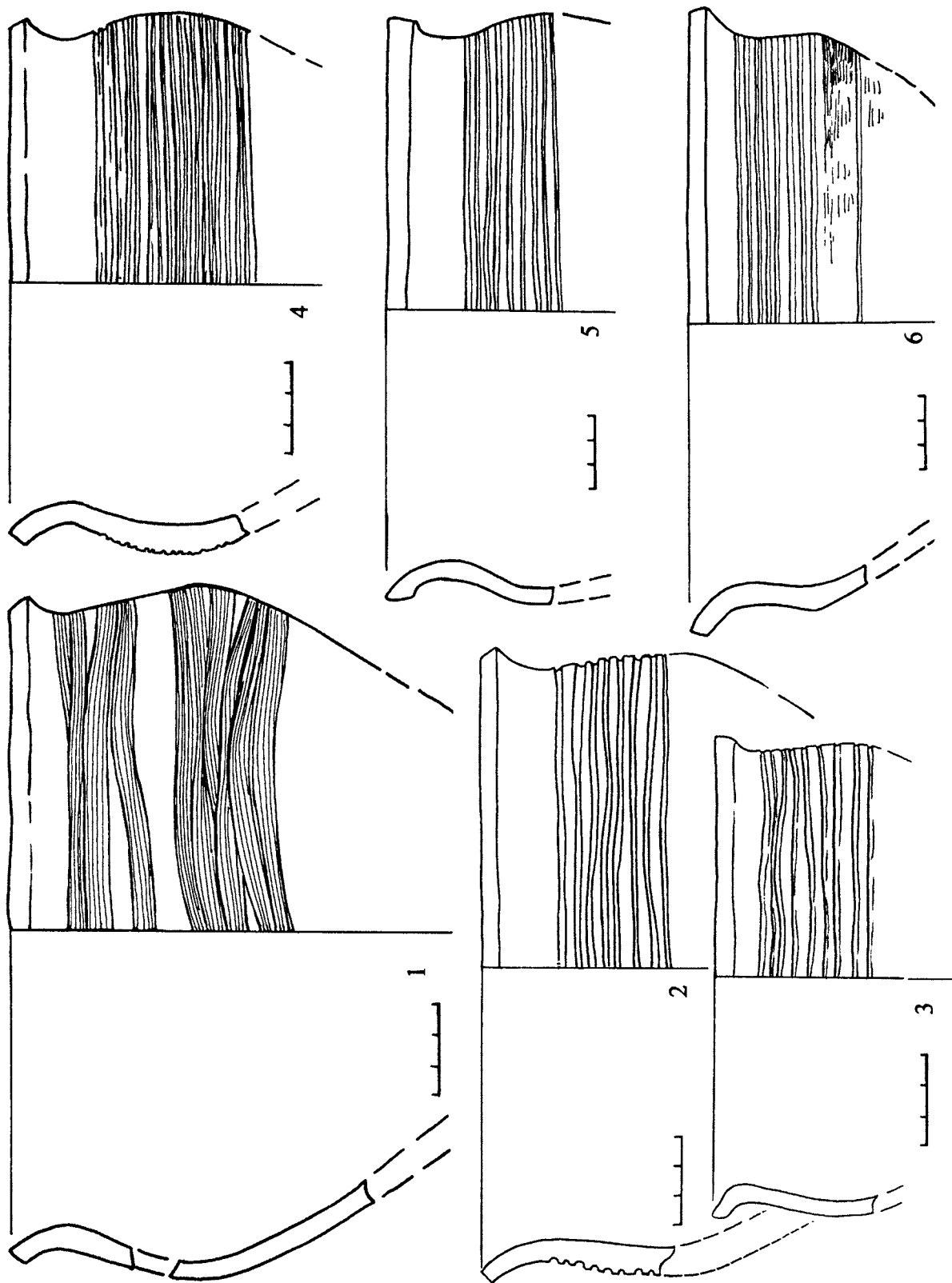

Табл. 80. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» раскол раннесредневековый коричневый слой от -0,20 м до -0,40 м: 1-4 - Р-1998 г.; 5, 6 - Р-2000

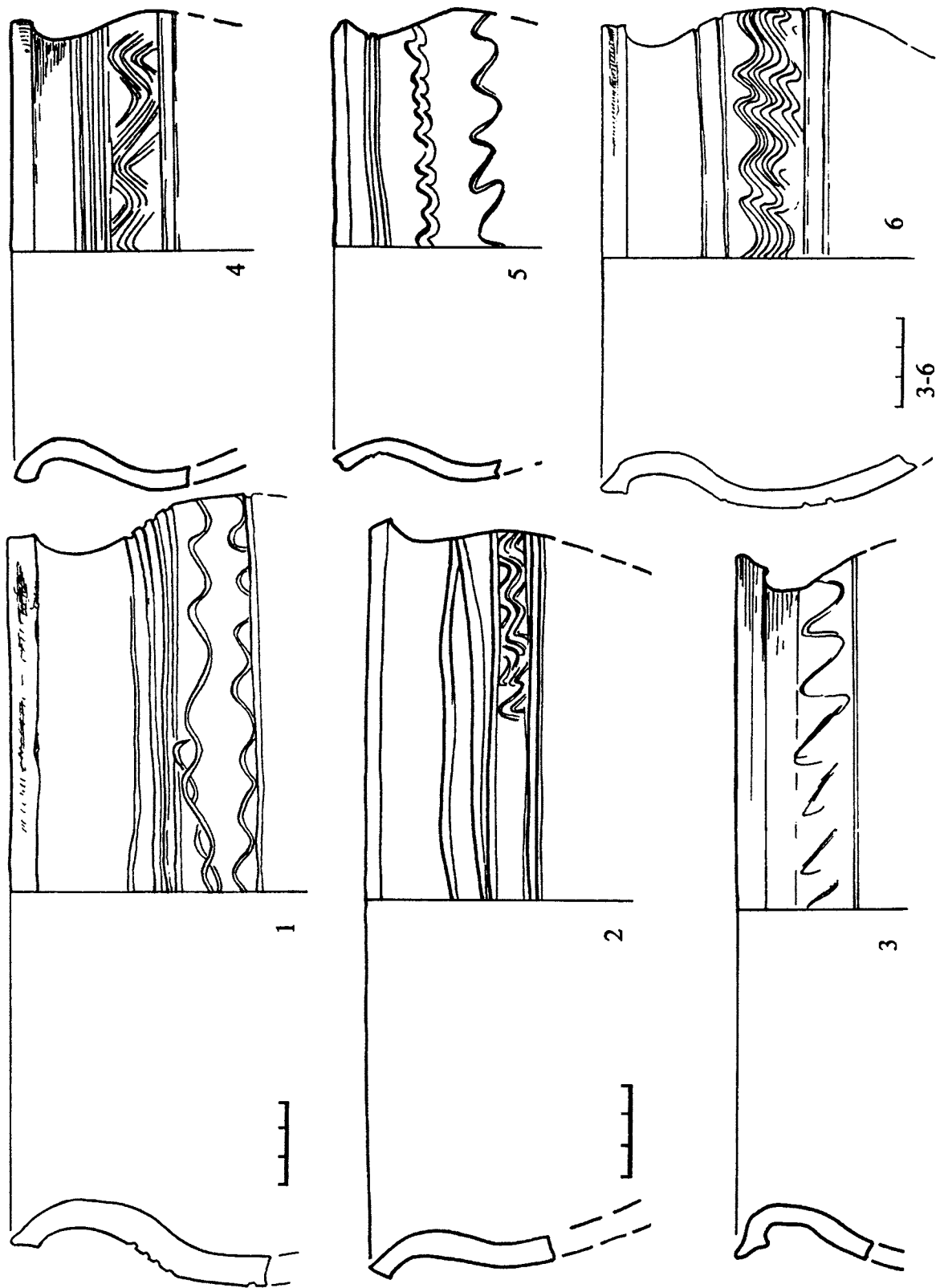

Табл. 81. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1998, раннесредневековый коричневый слой от -0,2 м до -0,4 м

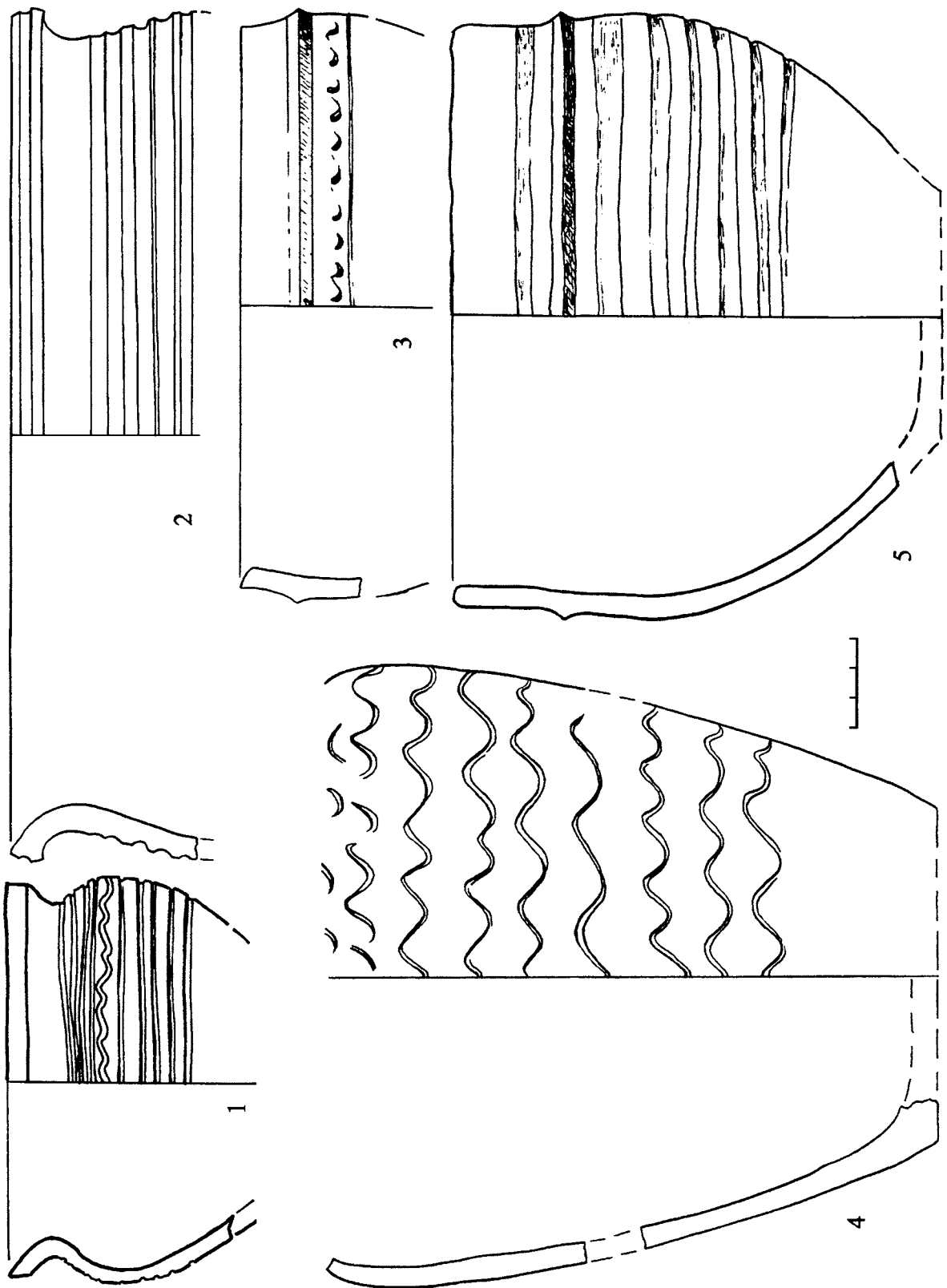

Табл. 82. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1998, раннесредневековый коричневый слой от -0,2 м до -0,4 м, но отдельные фрагменты сосудов 4 и 5 происходят из черного слоя от 0,0 м до -0,2 м

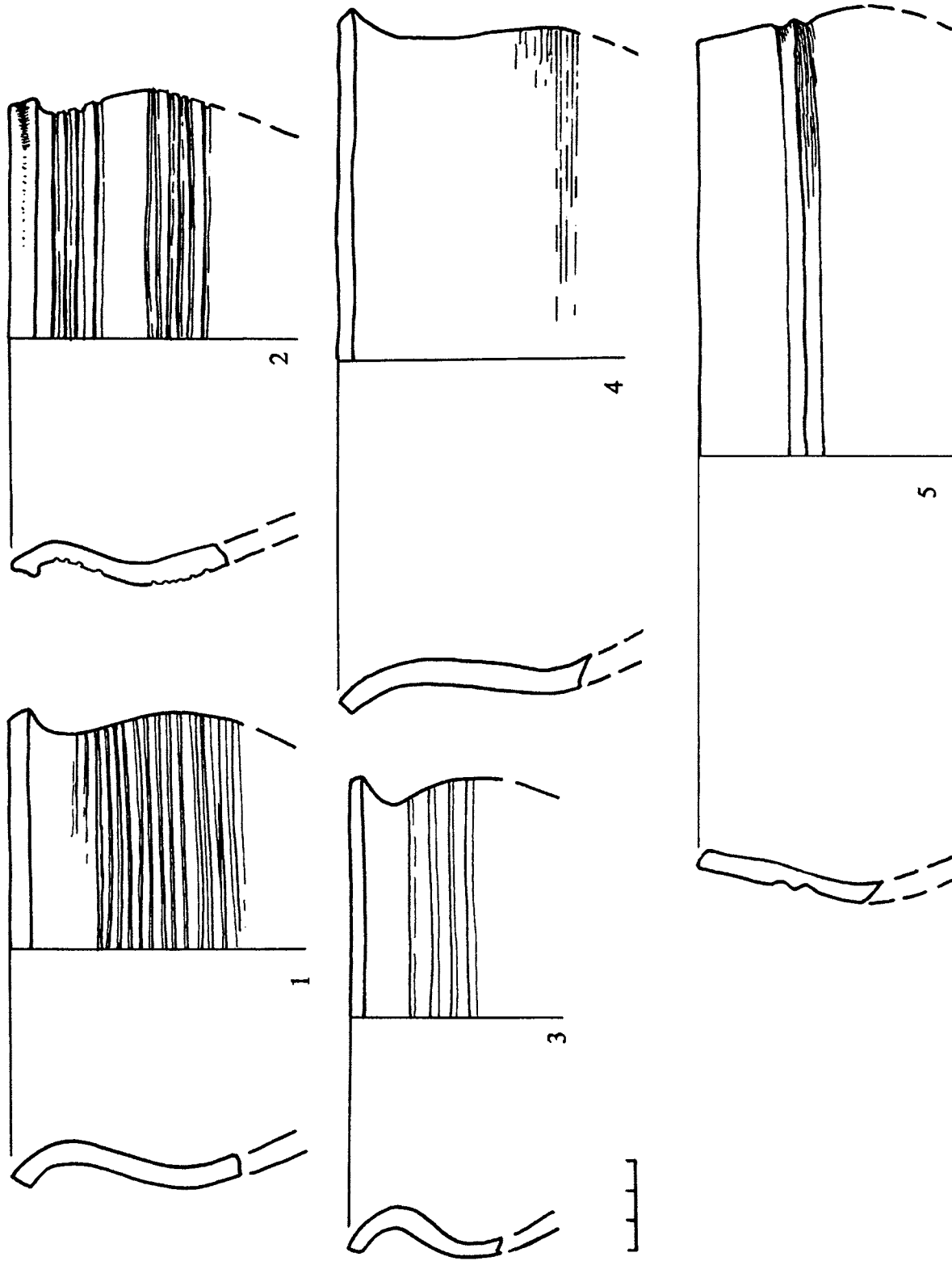

Табл. 83. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-2000, раннесредневековый коричневый слой: 1, 3 – от +0,6 м до +0,4 м; 2, 4 – от 0,0 м до 0,2 м; 5 – Р-2002, позднесредневековый коричневый слой после снятия супеси от 0,0 м до -0,2 м

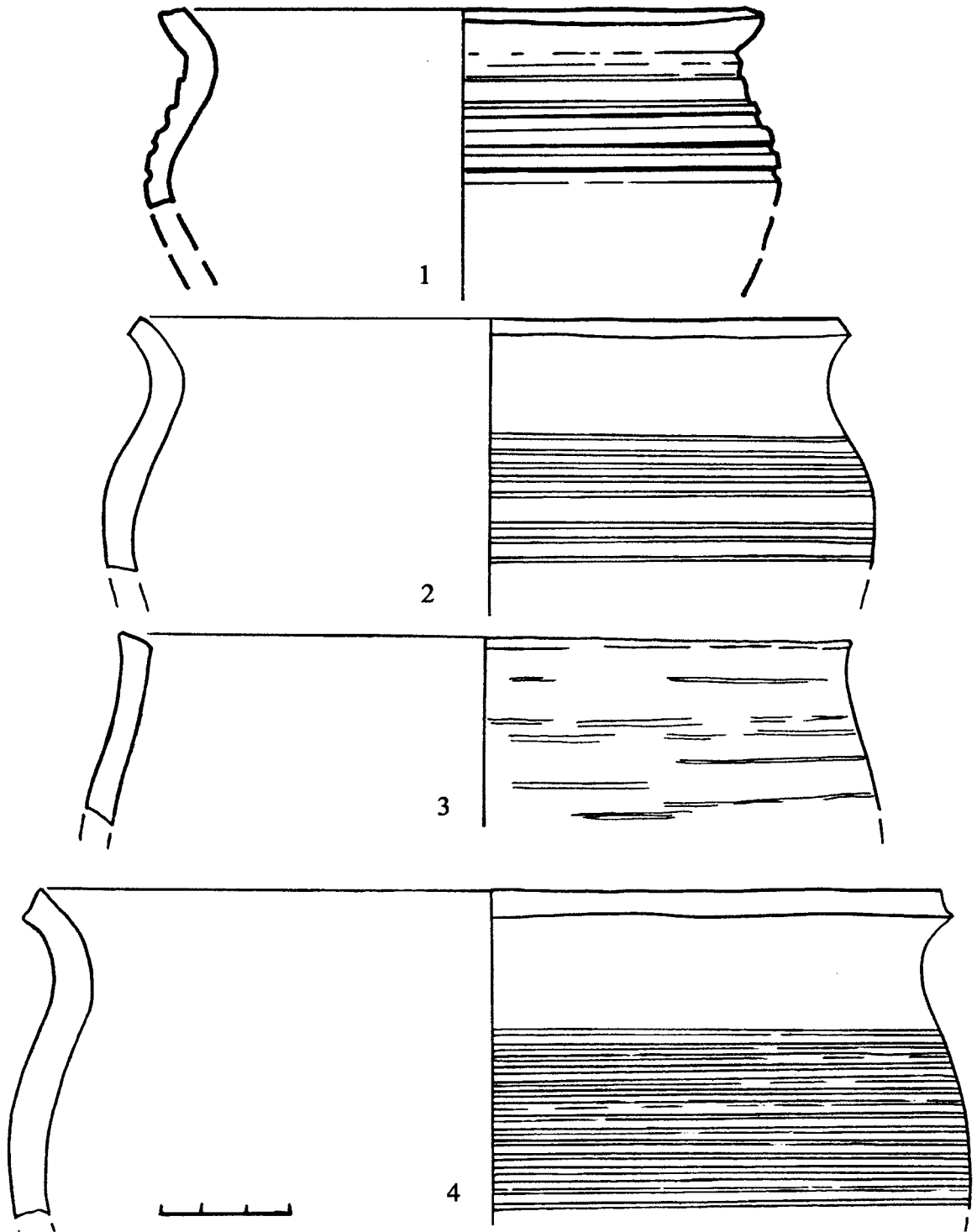

Табл. 84. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1998, черный слой от -0,2 м до -0,4 м

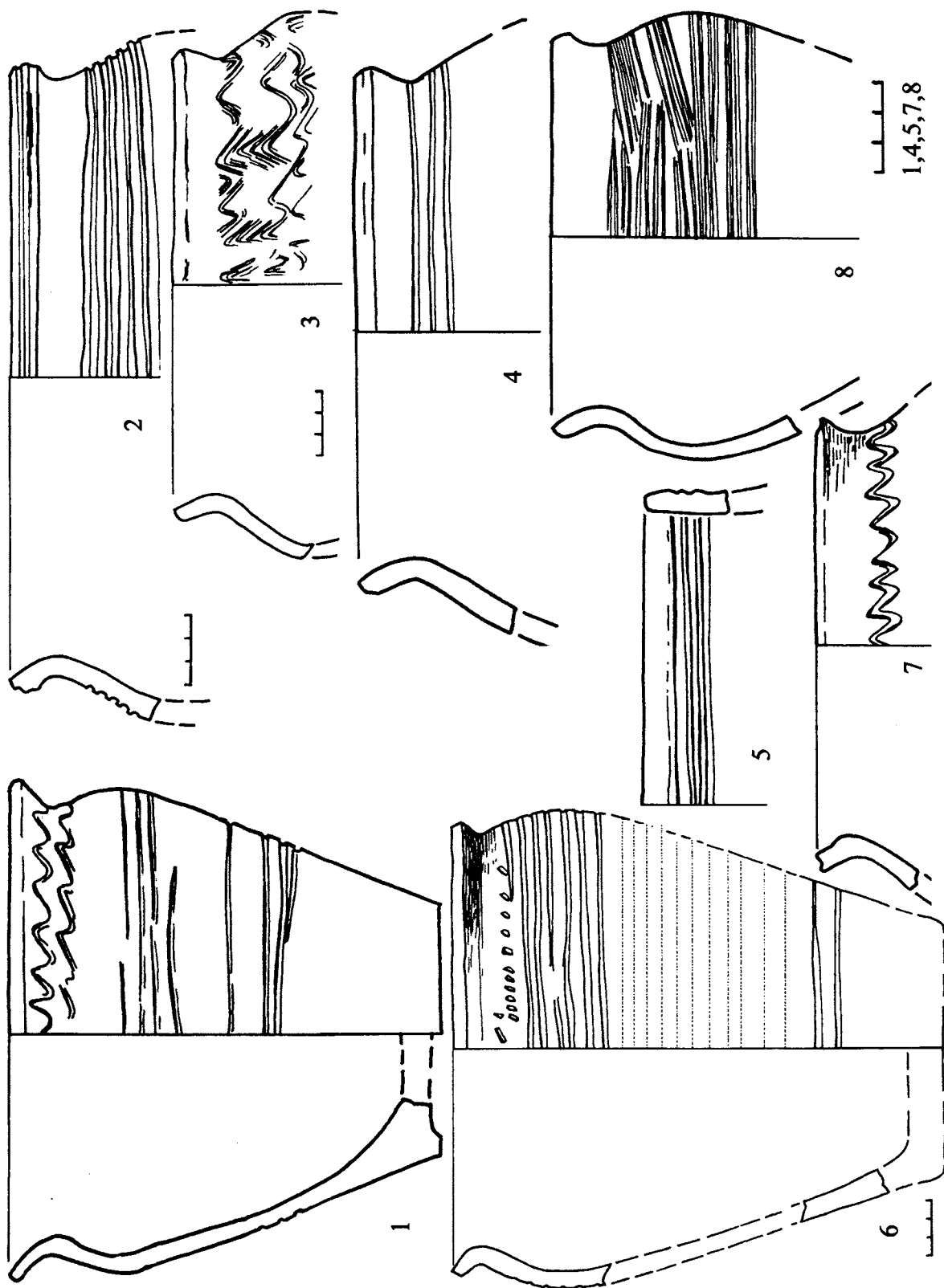

Табл. 85. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1998, черный слой от 0,0 м до -0,2 м; 3, 8 – черный слой, глина под слоем с органикой

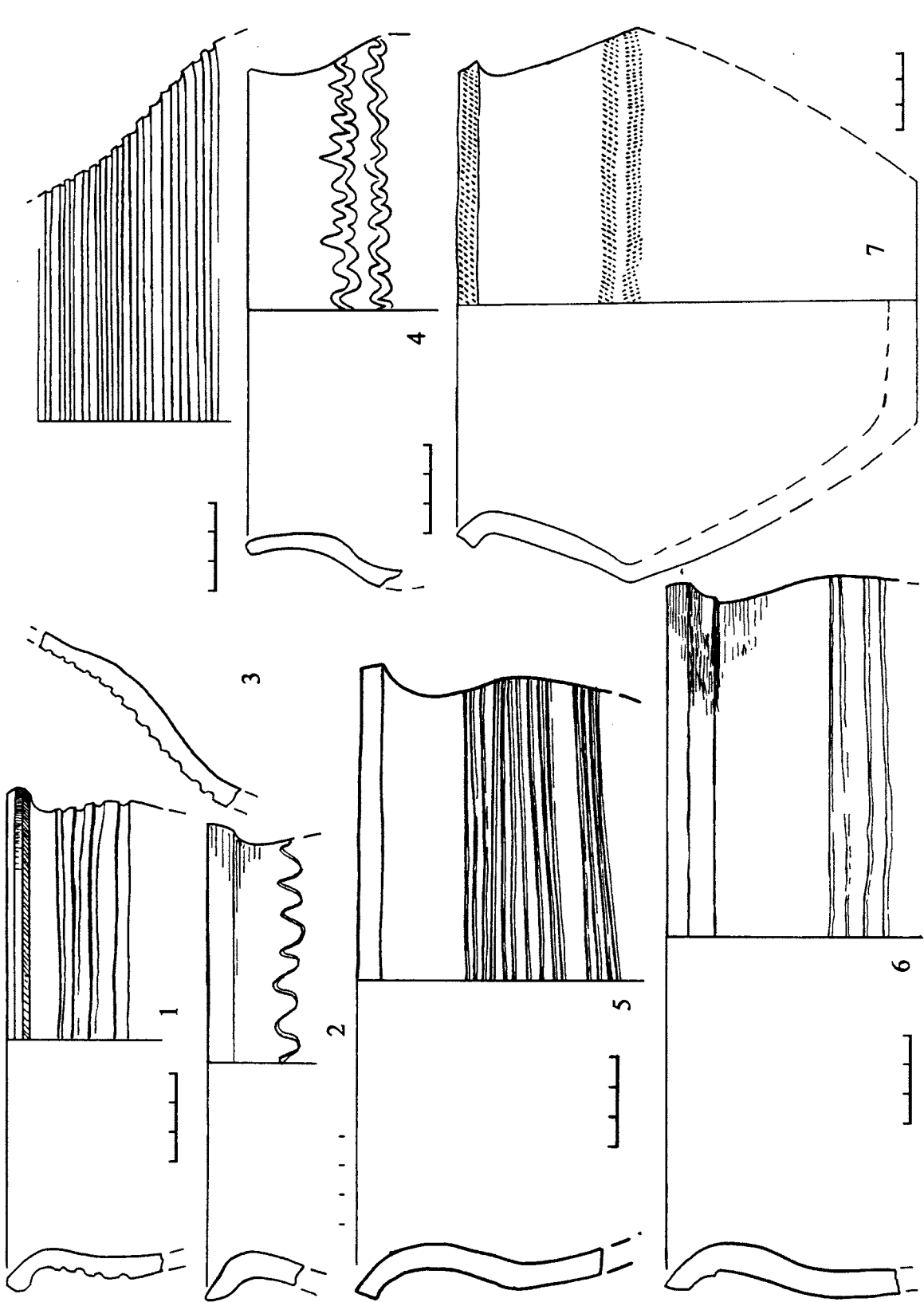

Табл. 86. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1998, черный слой от 0,0 м до -0,2 м и от +0,2 м до 0,0 м и от 0,0 м до -0,2 м; 6 — песок от 0,0 м до -0,1 м

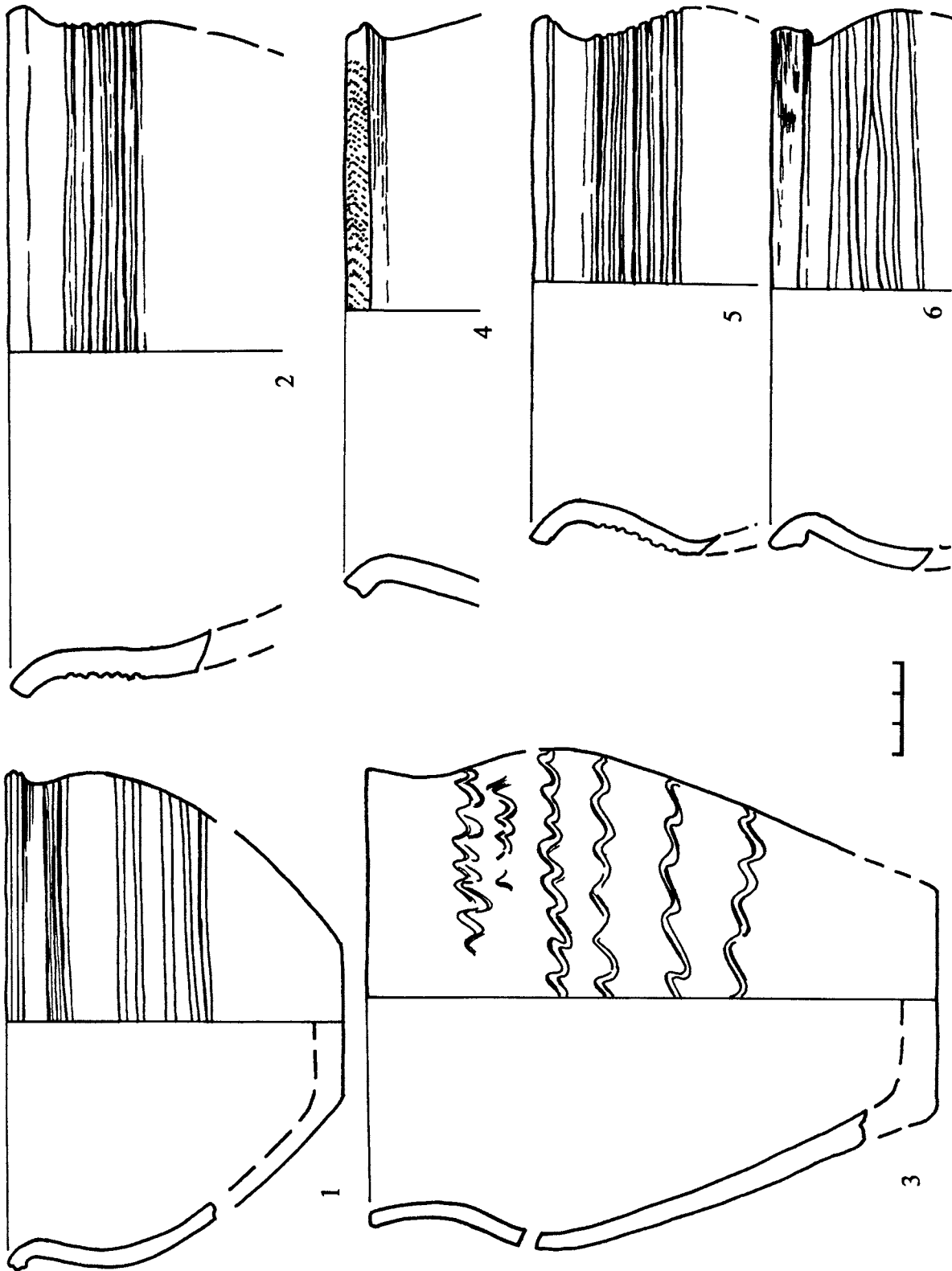

Табл. 87. Городище. Раннегончарная керамика. «Страгиграфический» Р-1998, черный слой от +0,2 м до -0,0 м

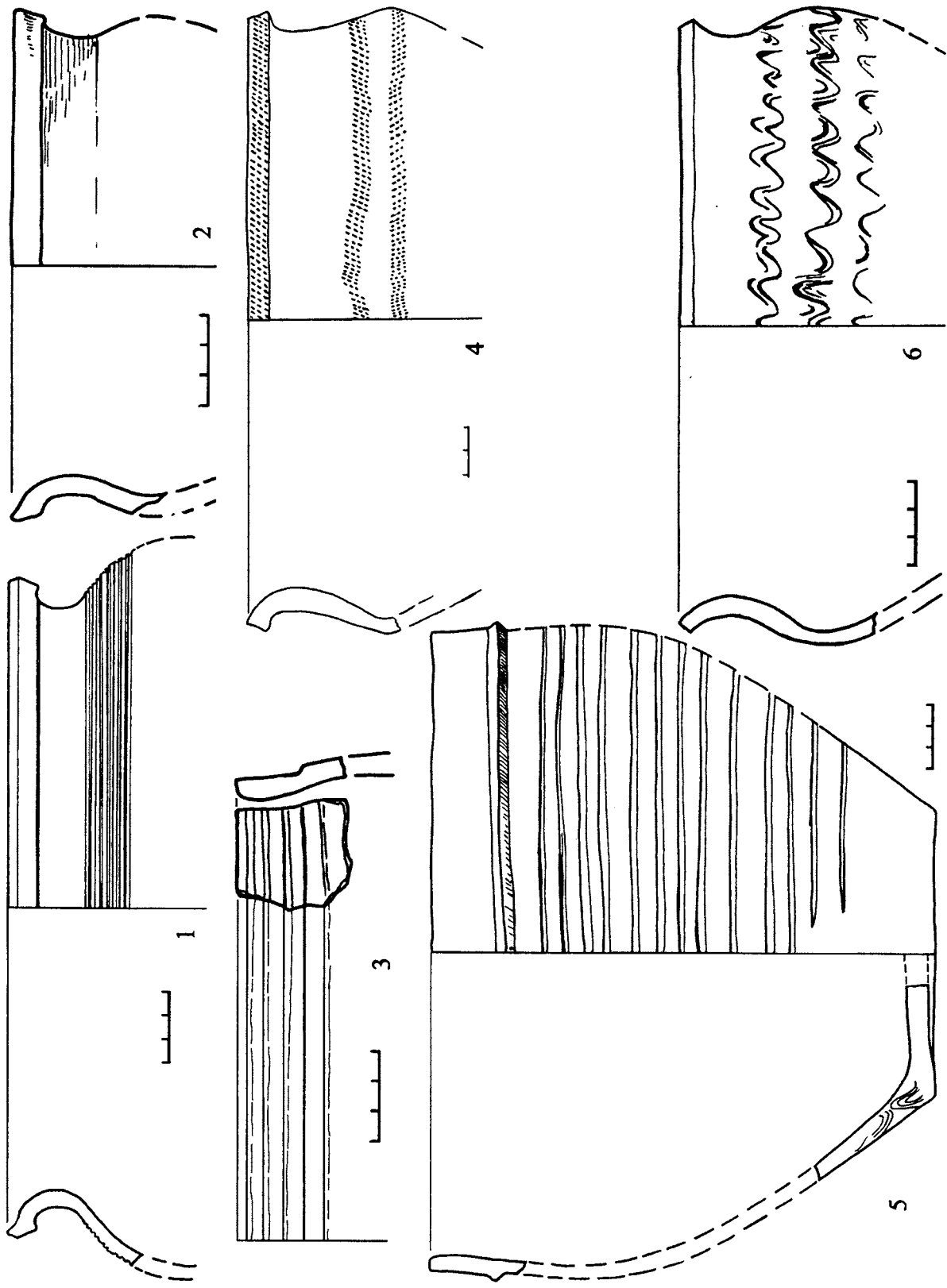

Табл. 88. Городище. Раннегончарная керамика. «Стратиграфический» Р-1998, черный слой: 1, 4, 5 — от +0,4 м до +0,2 м; 2, 3, 6 — от +0,2 м до 0,0 м

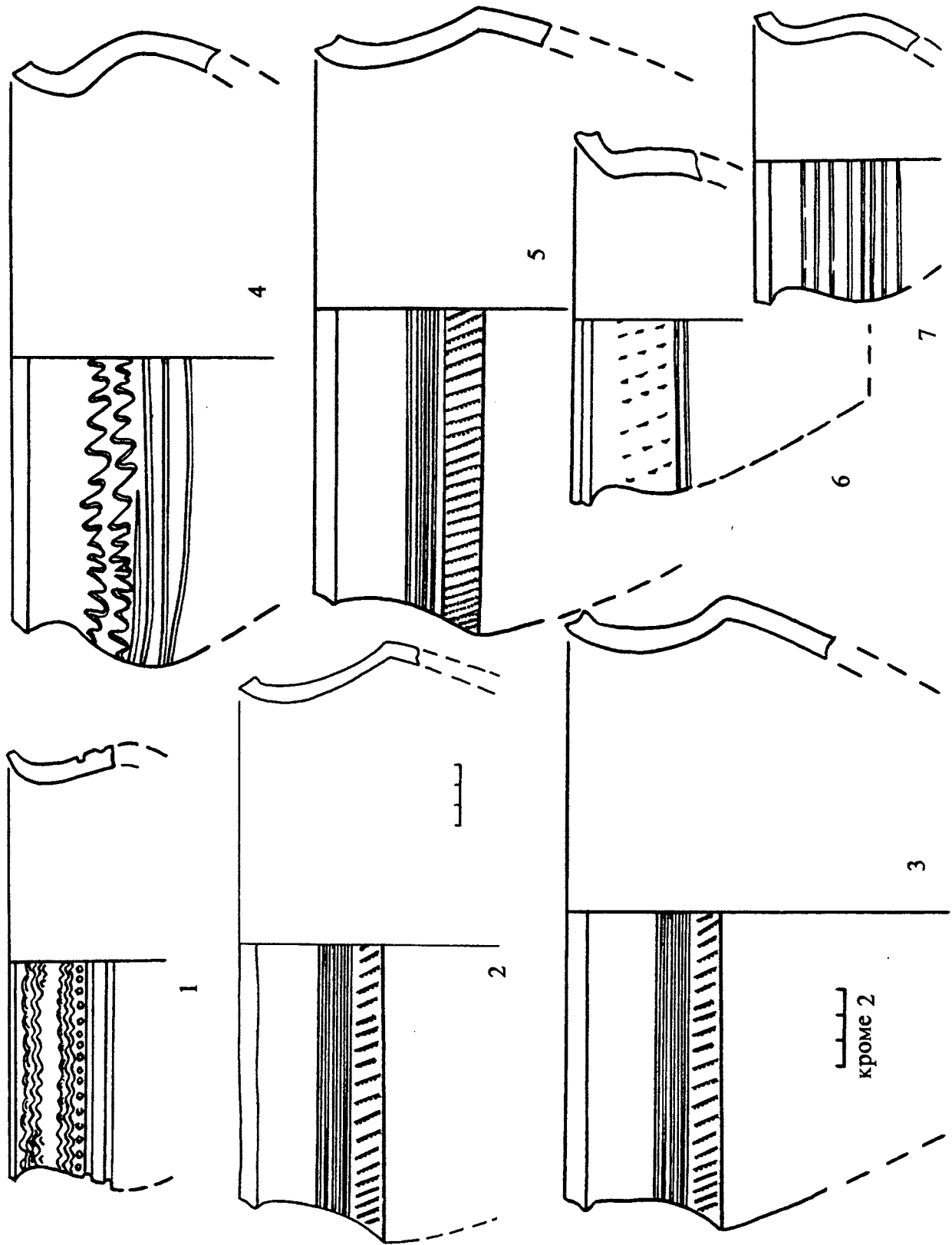

Табл. 89. Городище. Раннегончарная керамика. Южный берег Сиверсова канала, Р-1975, черный слой, пласт 2

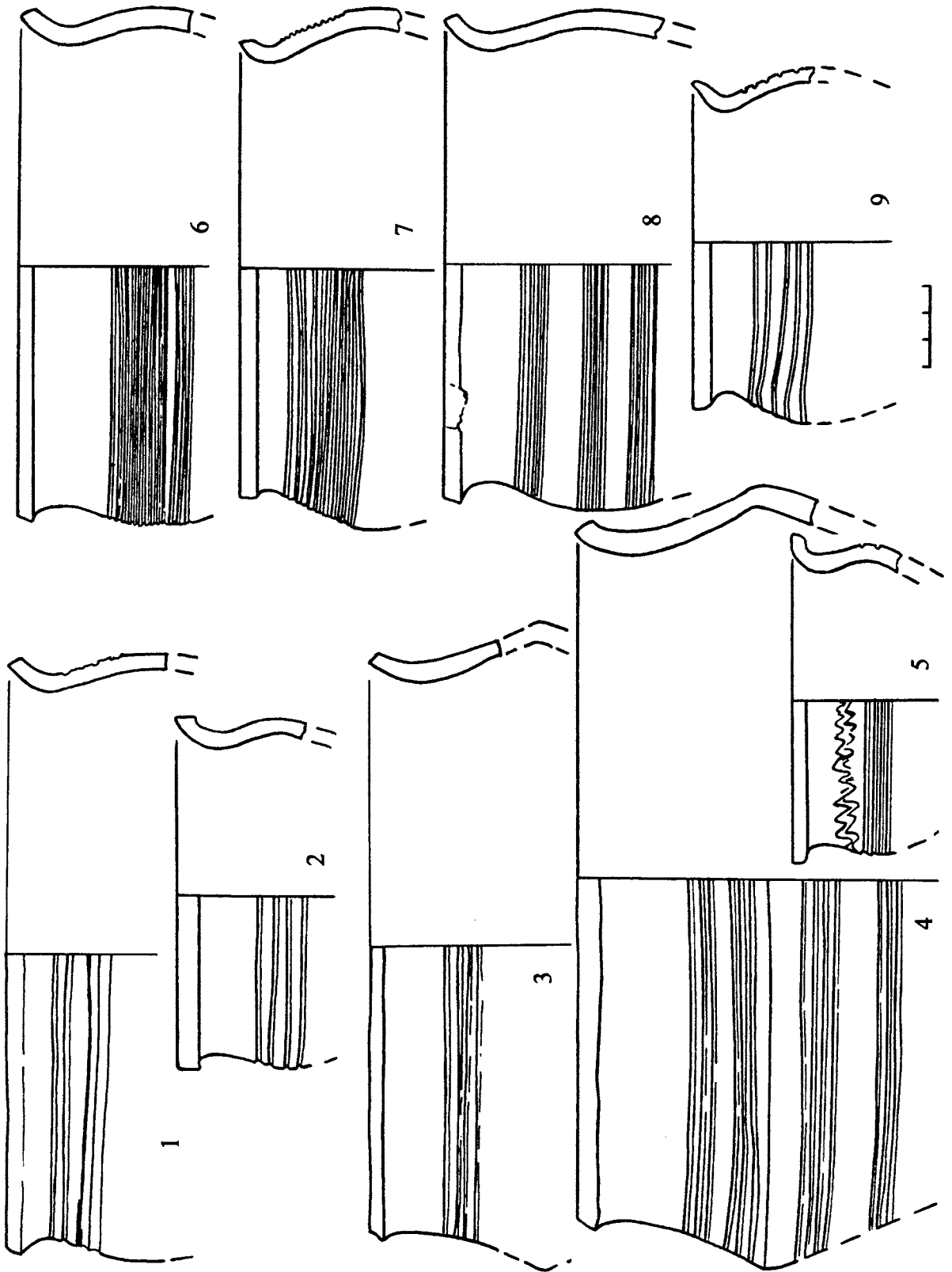

Табл. 90. Городище. Раннегончарная керамика. Южный берег Сиверсова канала, Р-1975, черный слой, пласт 2

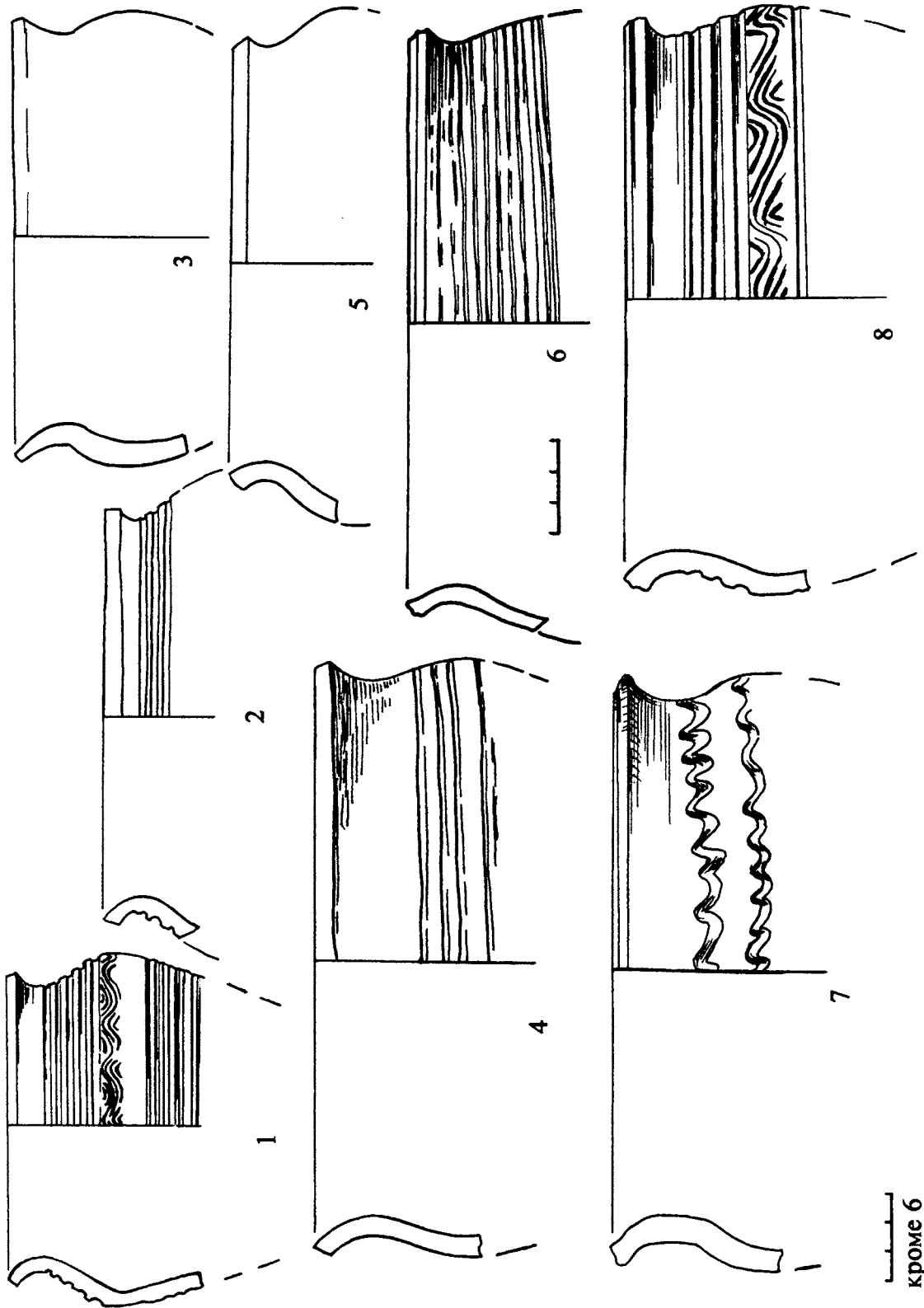

Табл. 91. Городище. Раннегончарная керамика. Южный берег Сиверсова канала, Р-1975, черный слой, пласт 1

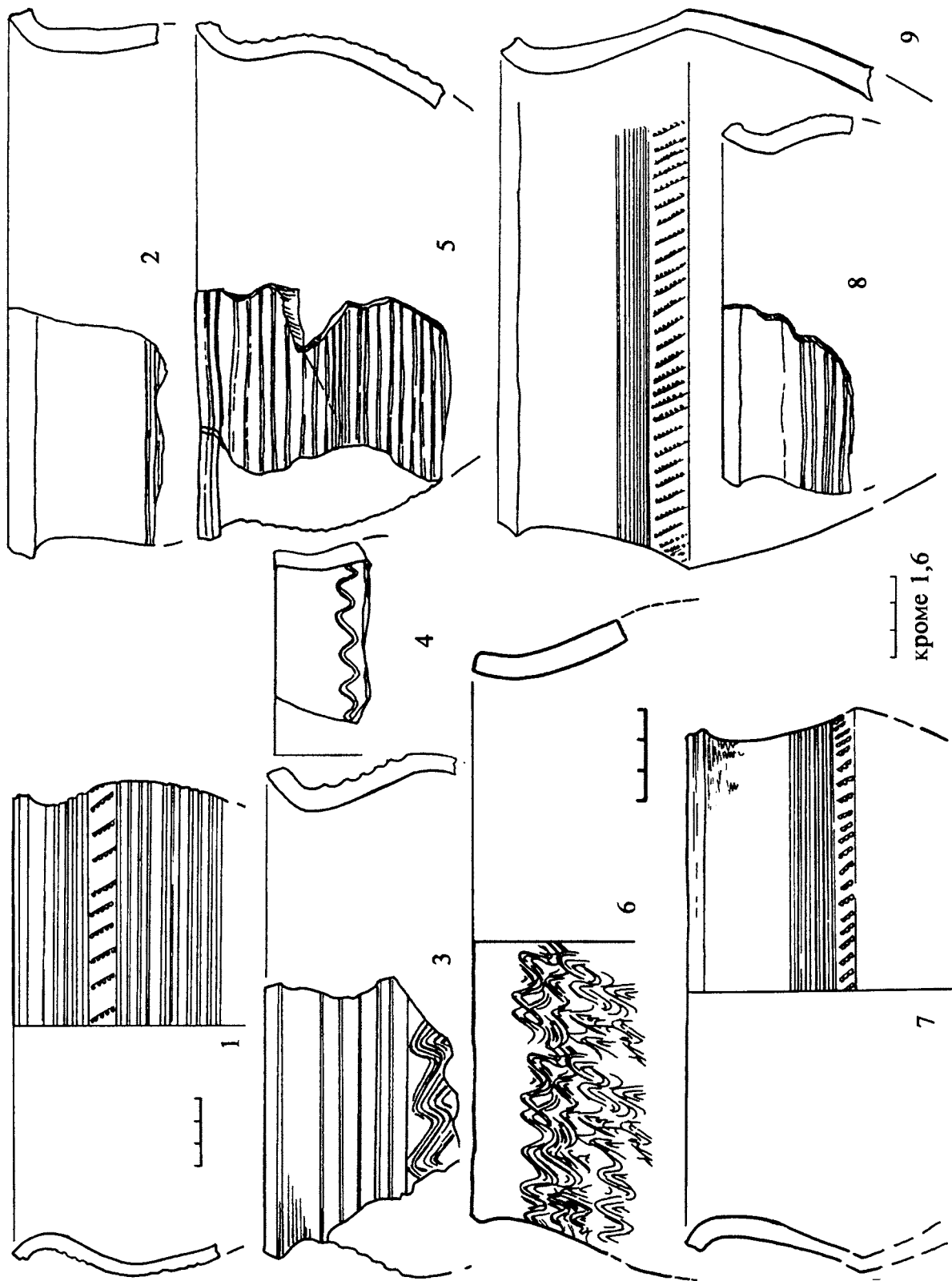

Табл. 92. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1-1980. Заполнение ямы № 1

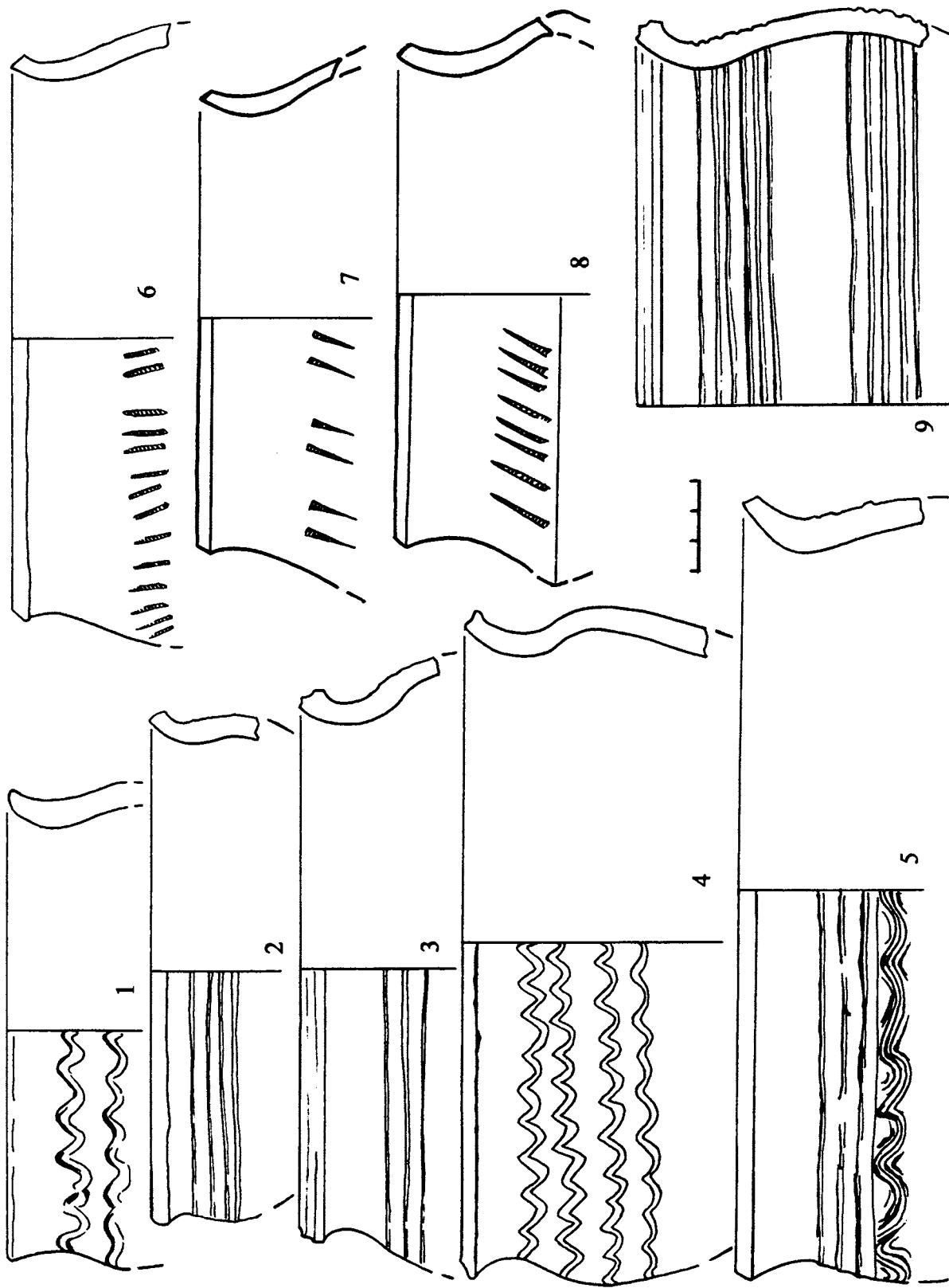

Табл. 93. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1981. 1, 6-9 — яма № 2; 7, 8 — яма №3

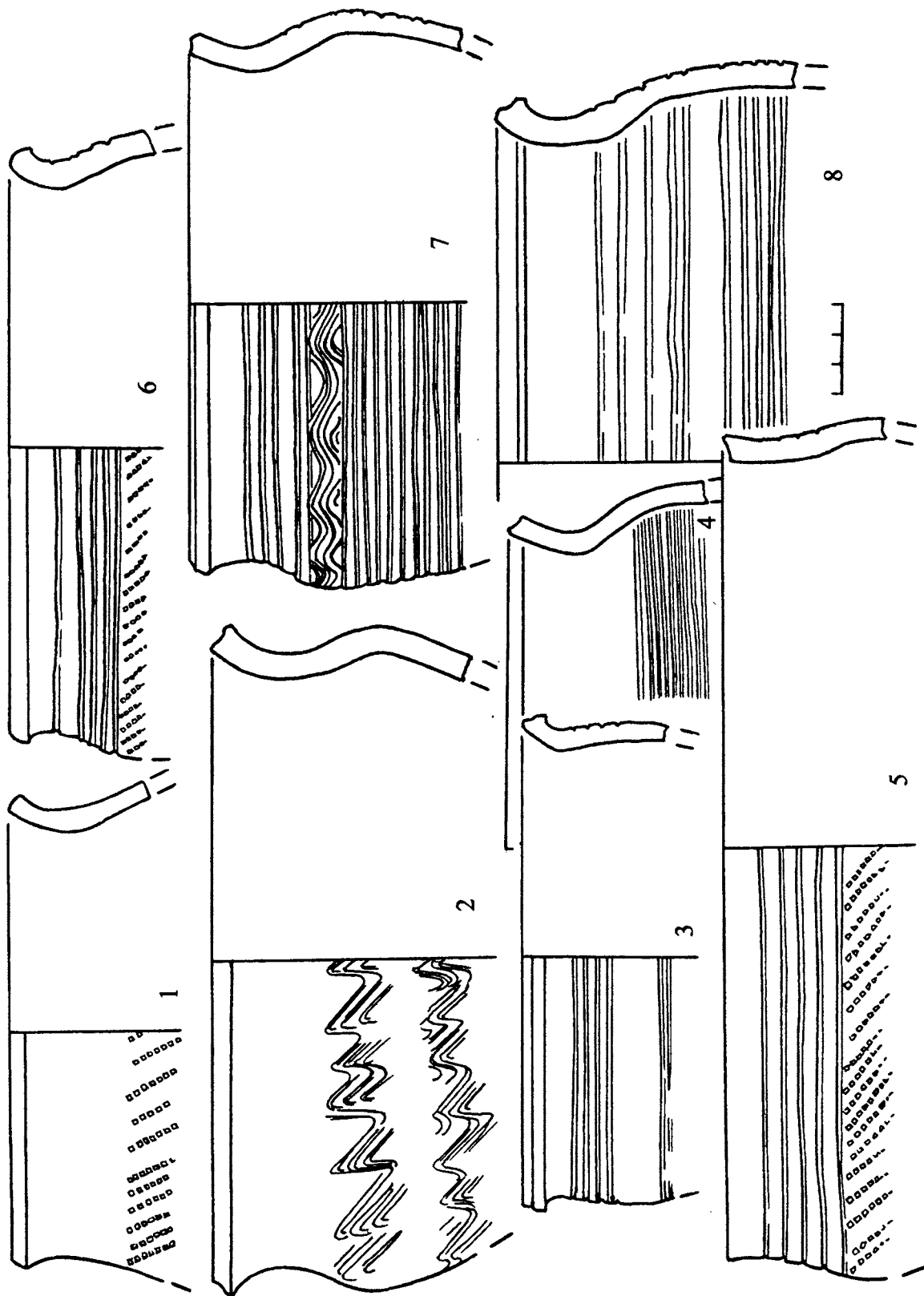

Табл. 94. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1981. Заполнение ямы №3

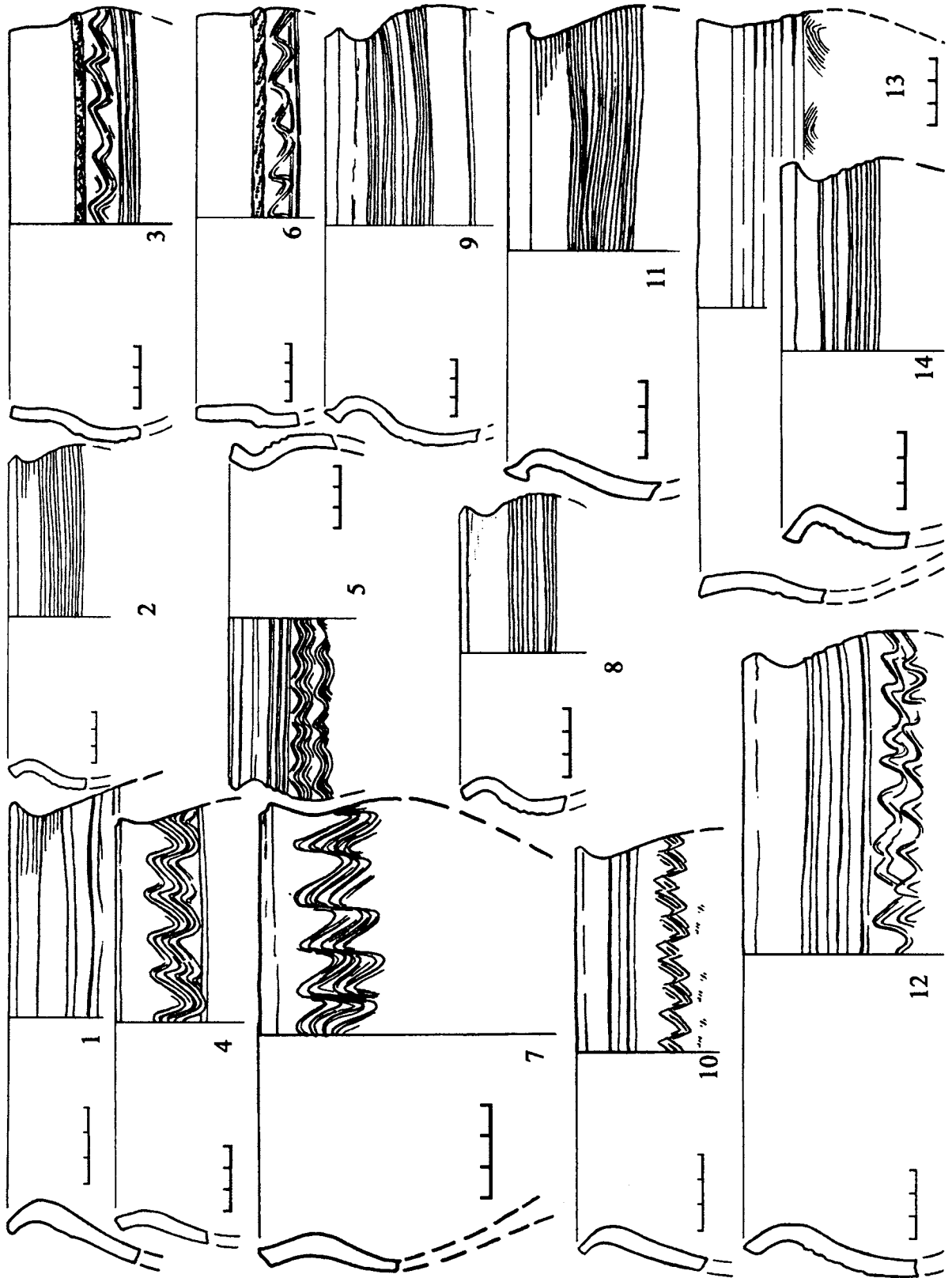

Табл. 95. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1-1980. Яма №9

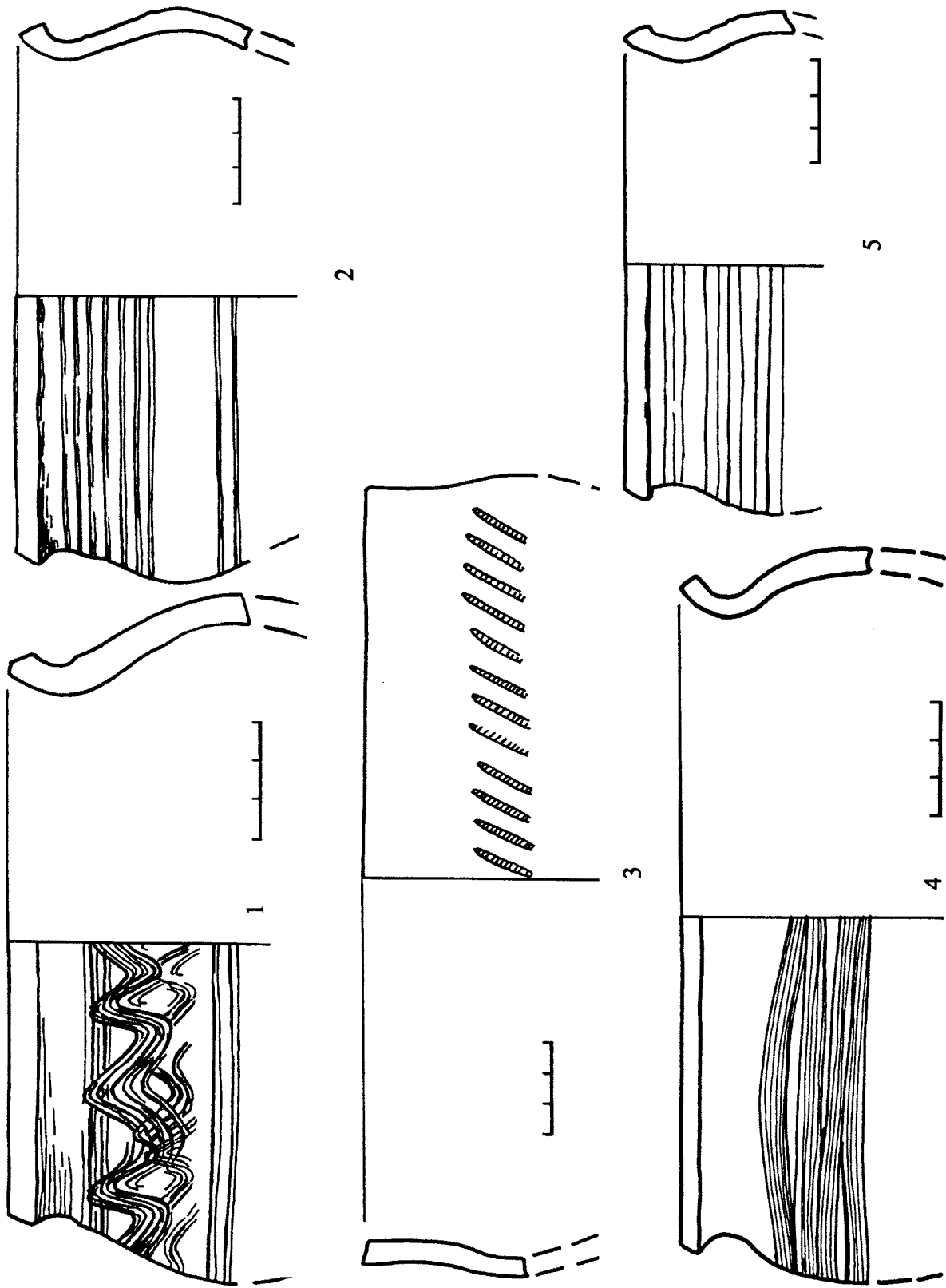

Табл. 96. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1980-82. 1 — яма № 40; 2 — яма № 22; 3 — яма № 13; 4 — яма № 6; 5 — яма к юго-западу от ямы № 28

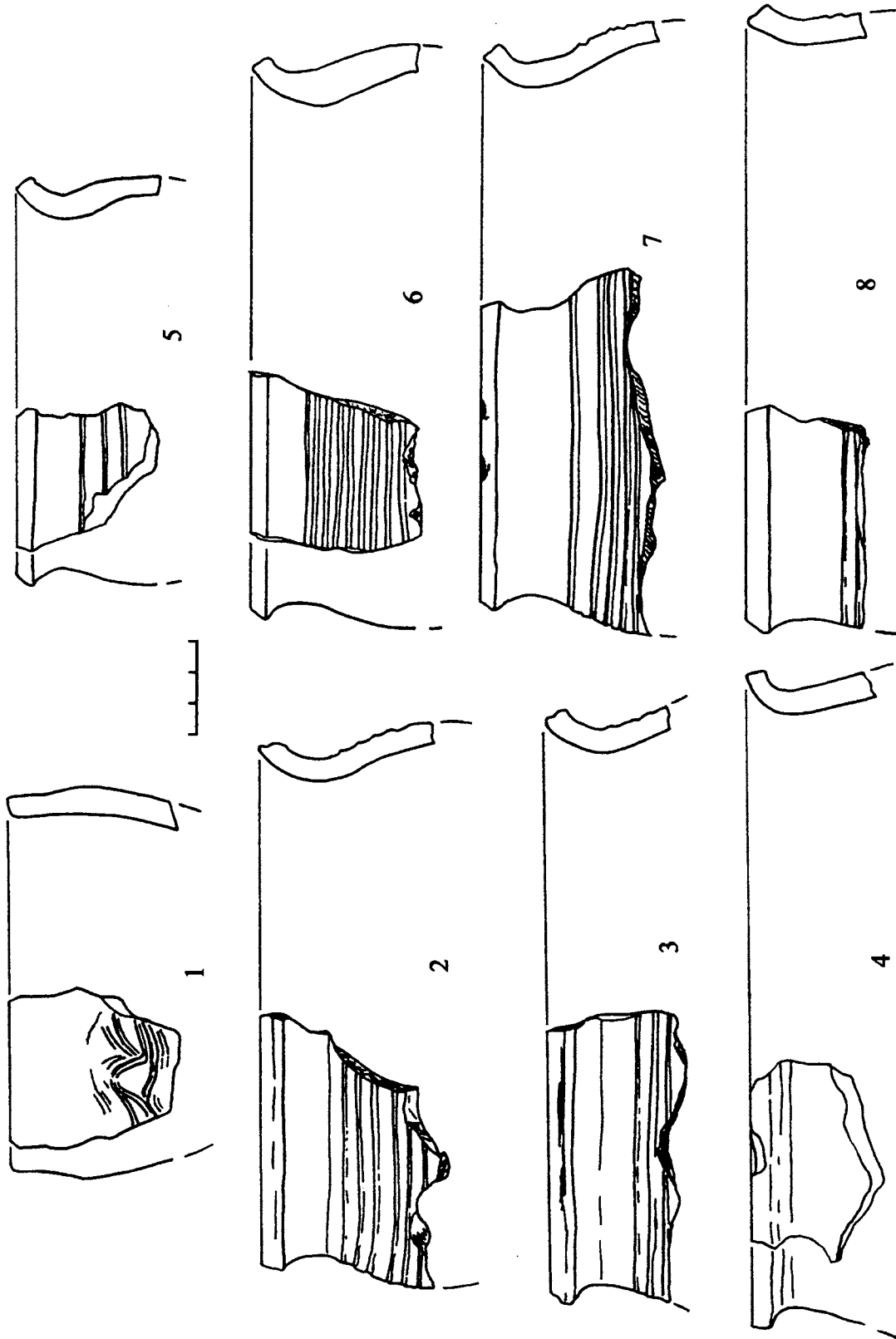

Табл. 97. Городище. Раннегончарная керамика. Р-IV-1980 к востоку от ц. Благовещения, черный слой от 0,0 м до -0,5 м

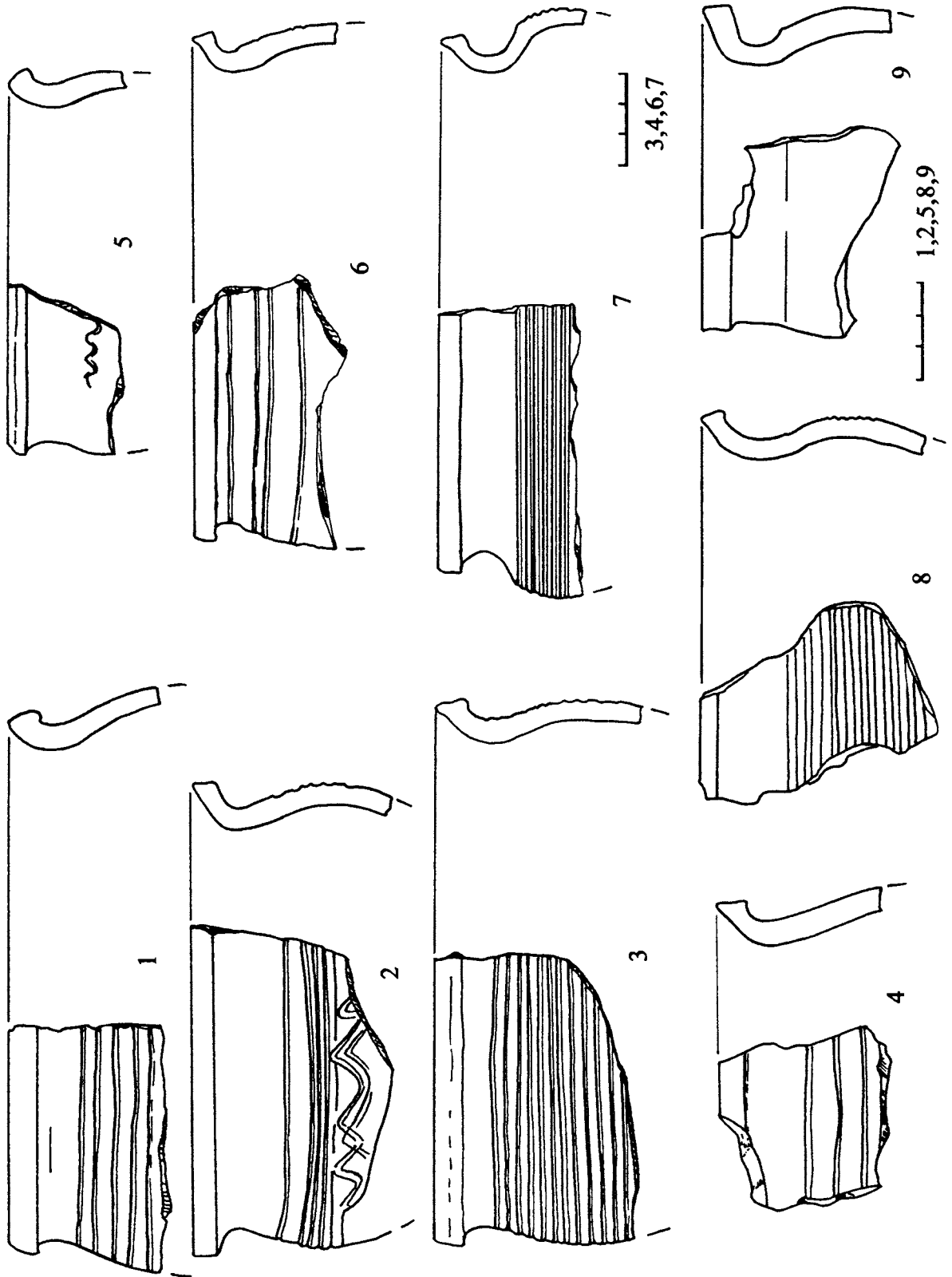

Табл. 98. Городище. Раннегончарная керамика. Р-IV-1980 к востоку от ц. Благовещенья, черный слой, от 0,0 м до -0,5 м (продолжение)

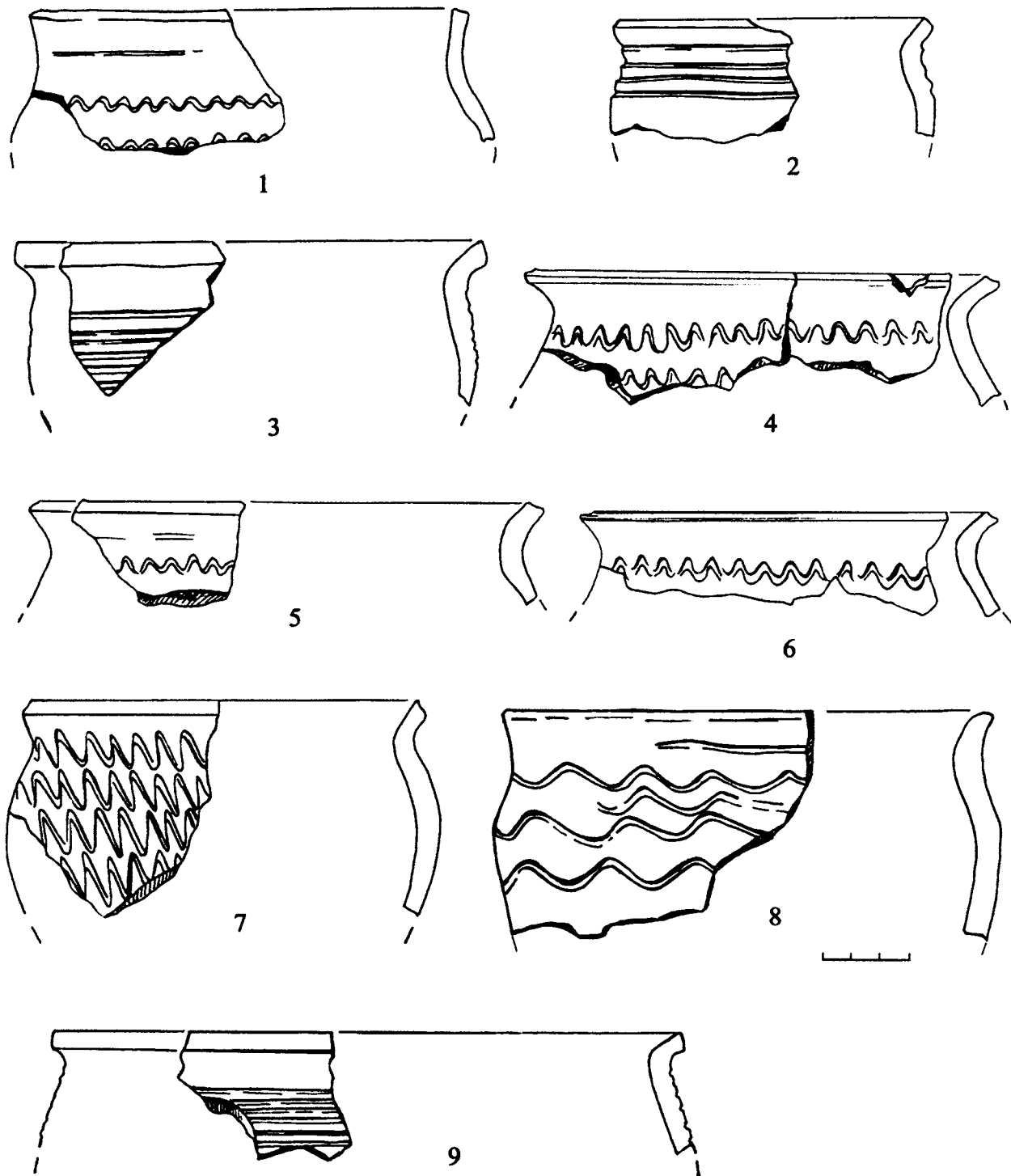

Табл. 99. Городище. Раннегончарная керамика. Р-IV-1980 к востоку от ц. Благовещения, яма в кв. 4

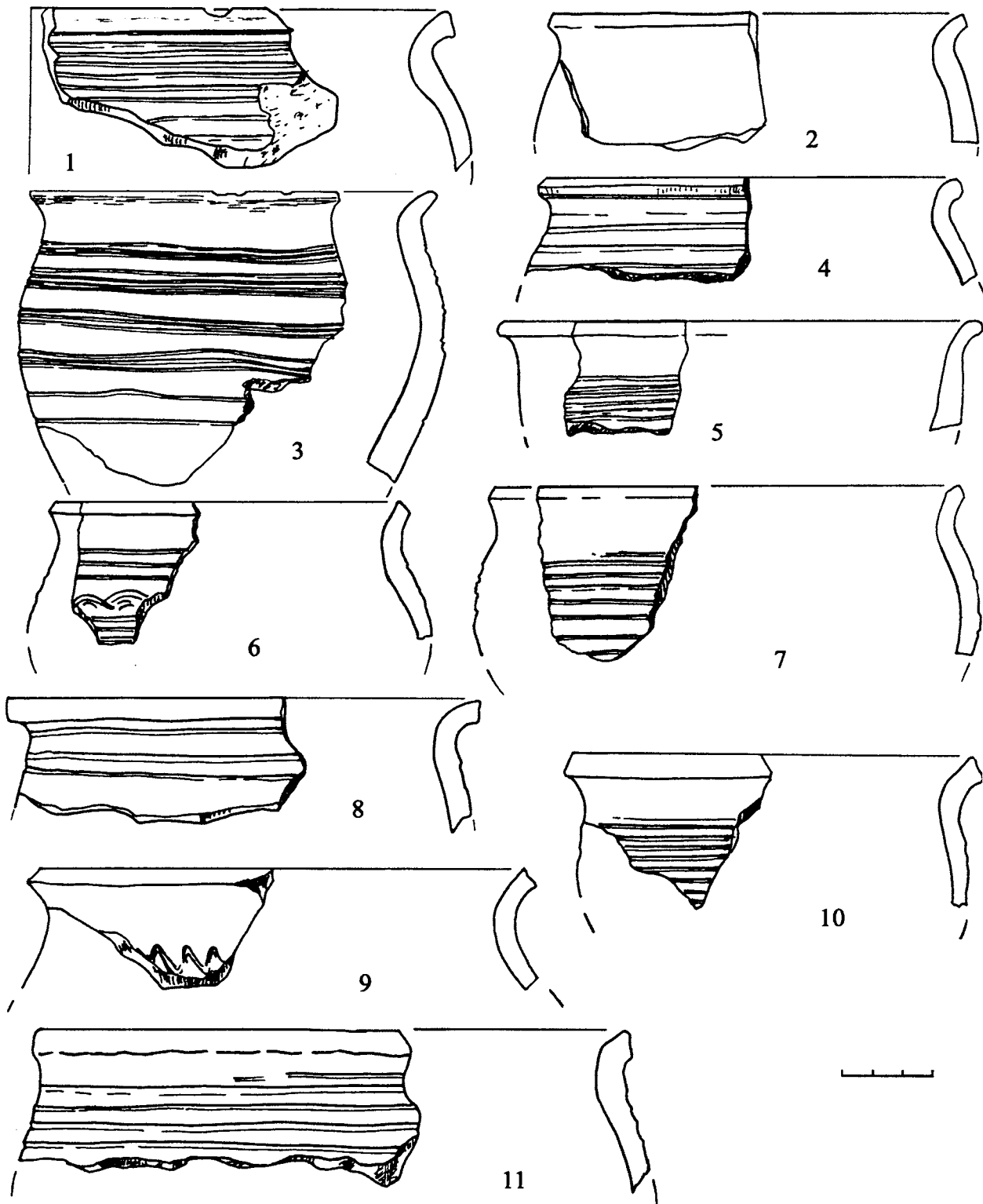

Табл. 100. Городище. Раннегончарная керамика. 1–5 – Р-V-1980, черный слой; 6–11 – Р-IV-1980 к востоку от ц. Благовещения, яма в кв. 3

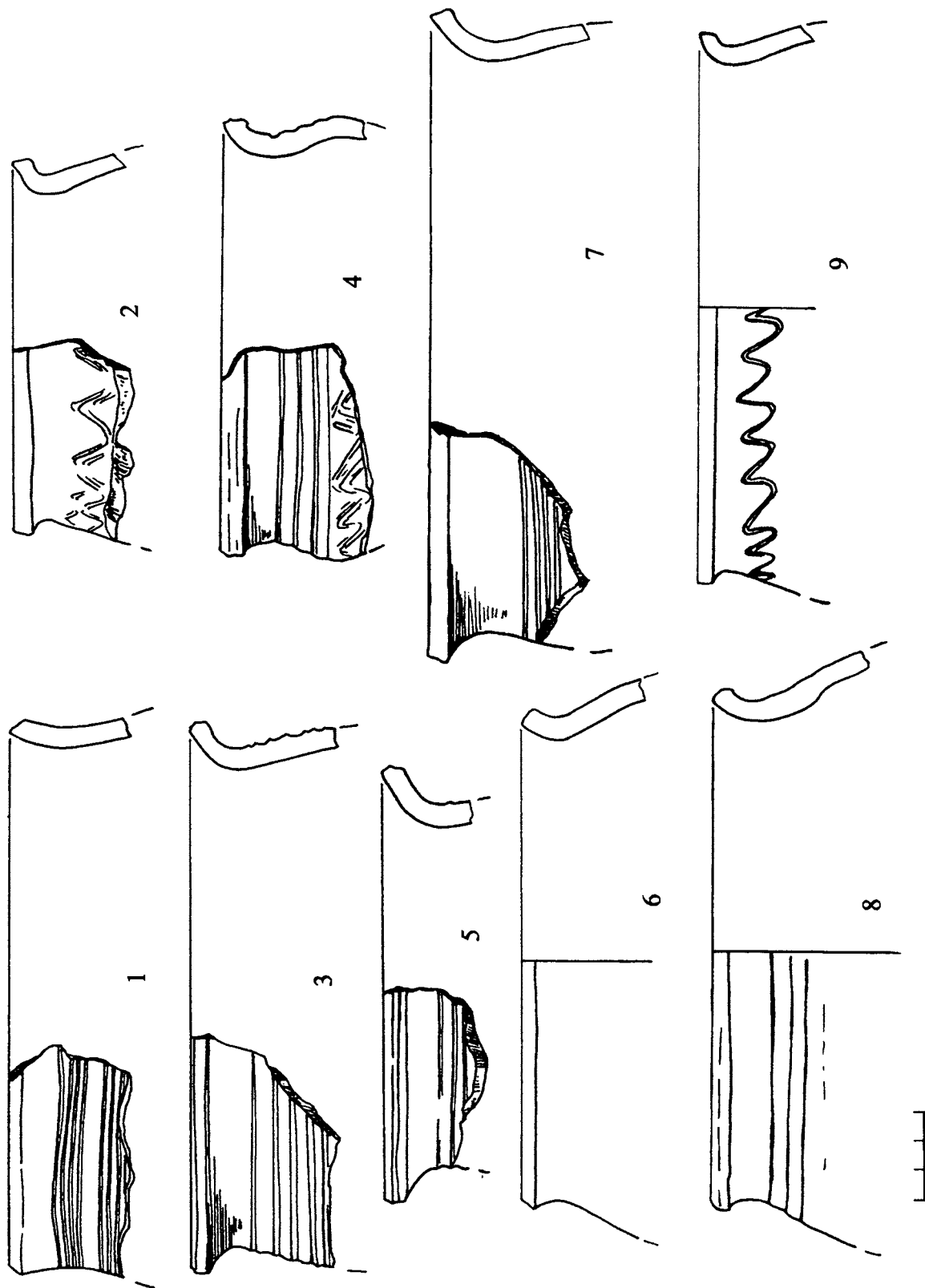

Табл. 101. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1, II-1980, культурный слой от 1,0 м до 1,6 м. Культурный слой содержит разновременный материал. На табл. 101-108 представлена выборка только раннегончарной посуды

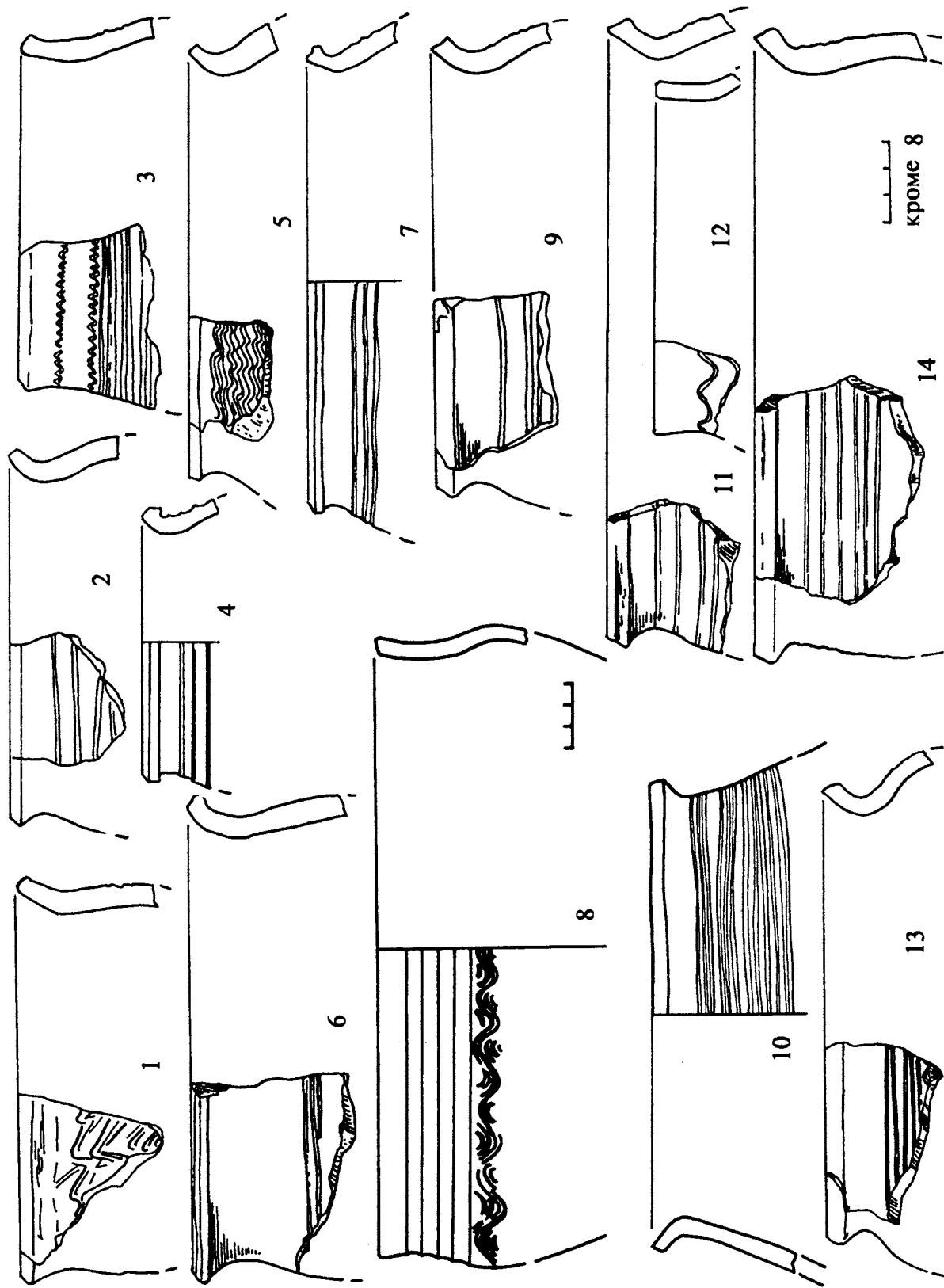

Табл. 102. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1981, культурный слой: 1-4, 8, 10, 14 — от 1,0 м до 1,6 м; 5 — от 0,5 м до 0,7 м; 6, 9, 11-13 — от 0,7 м до 0,9 м

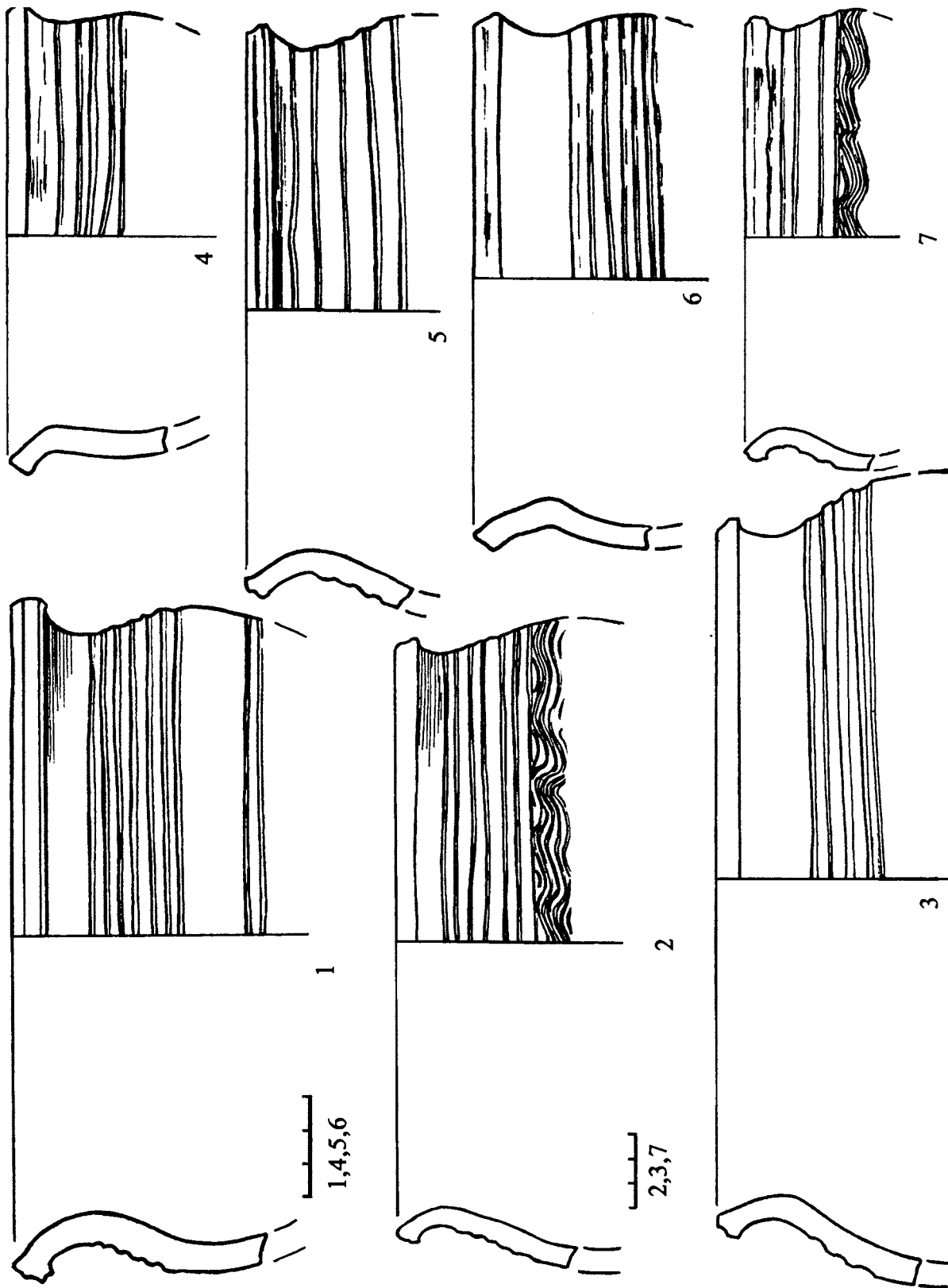

Табл. 103. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1982, культурный слой от 0,4 м до 0,6 м

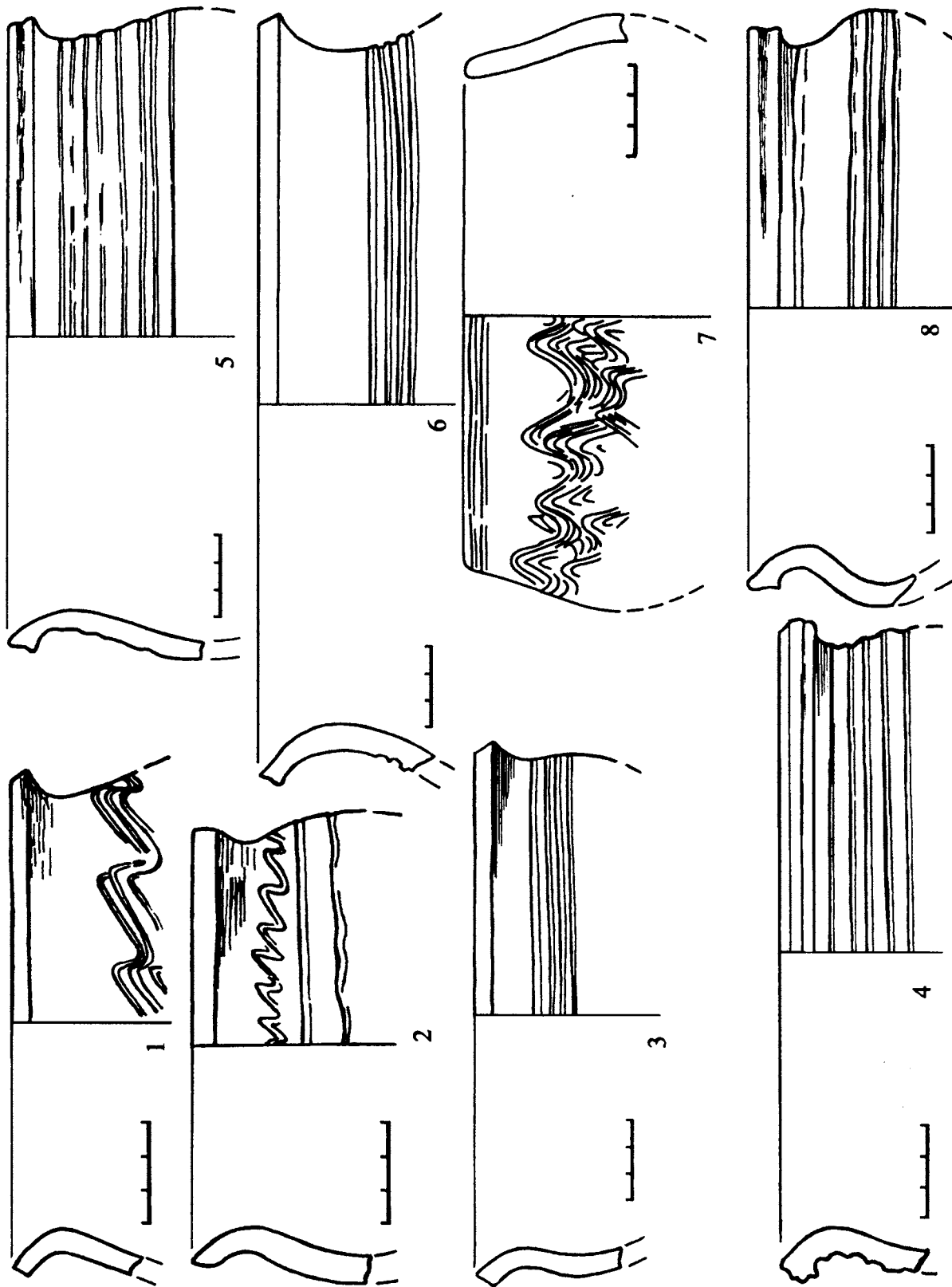

Табл. 104. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1982, культурный слой от 0,6 м до 0,8 м

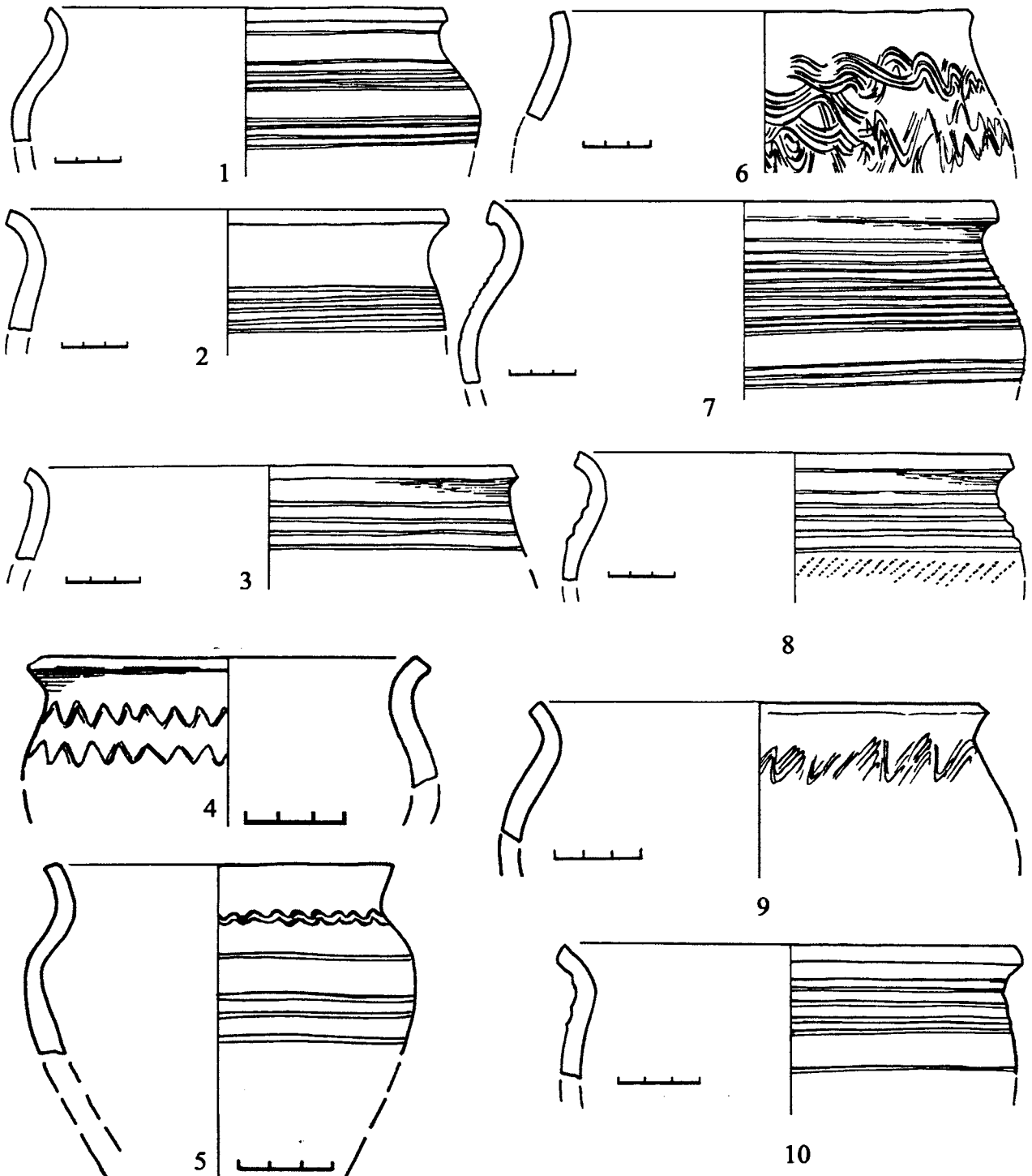

Табл. 105. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1982, культурный слой от 0,8 м до 1,0 м

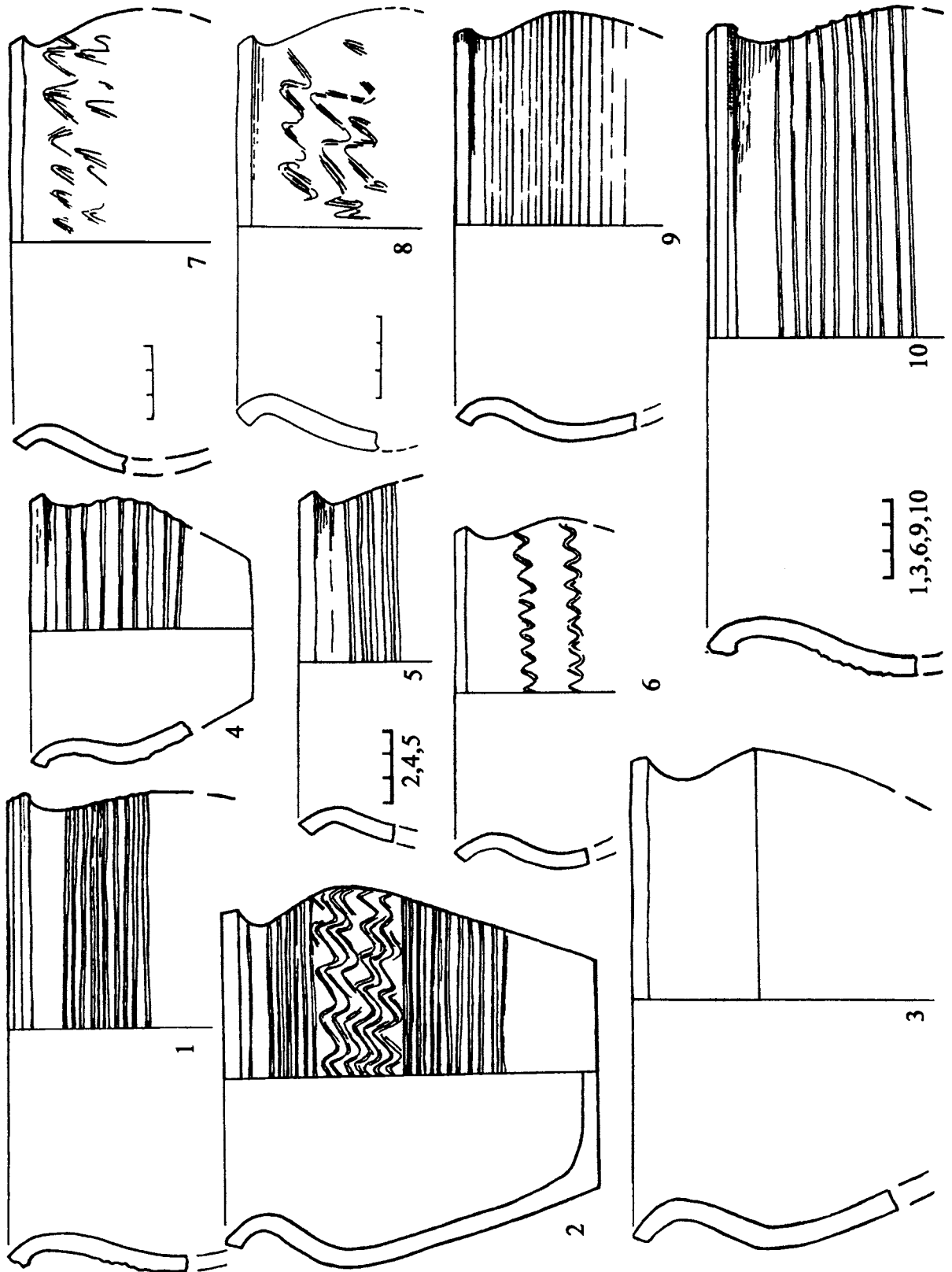

Табл. 106. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1982, культурный слой от 1,0 м до 1,26 м

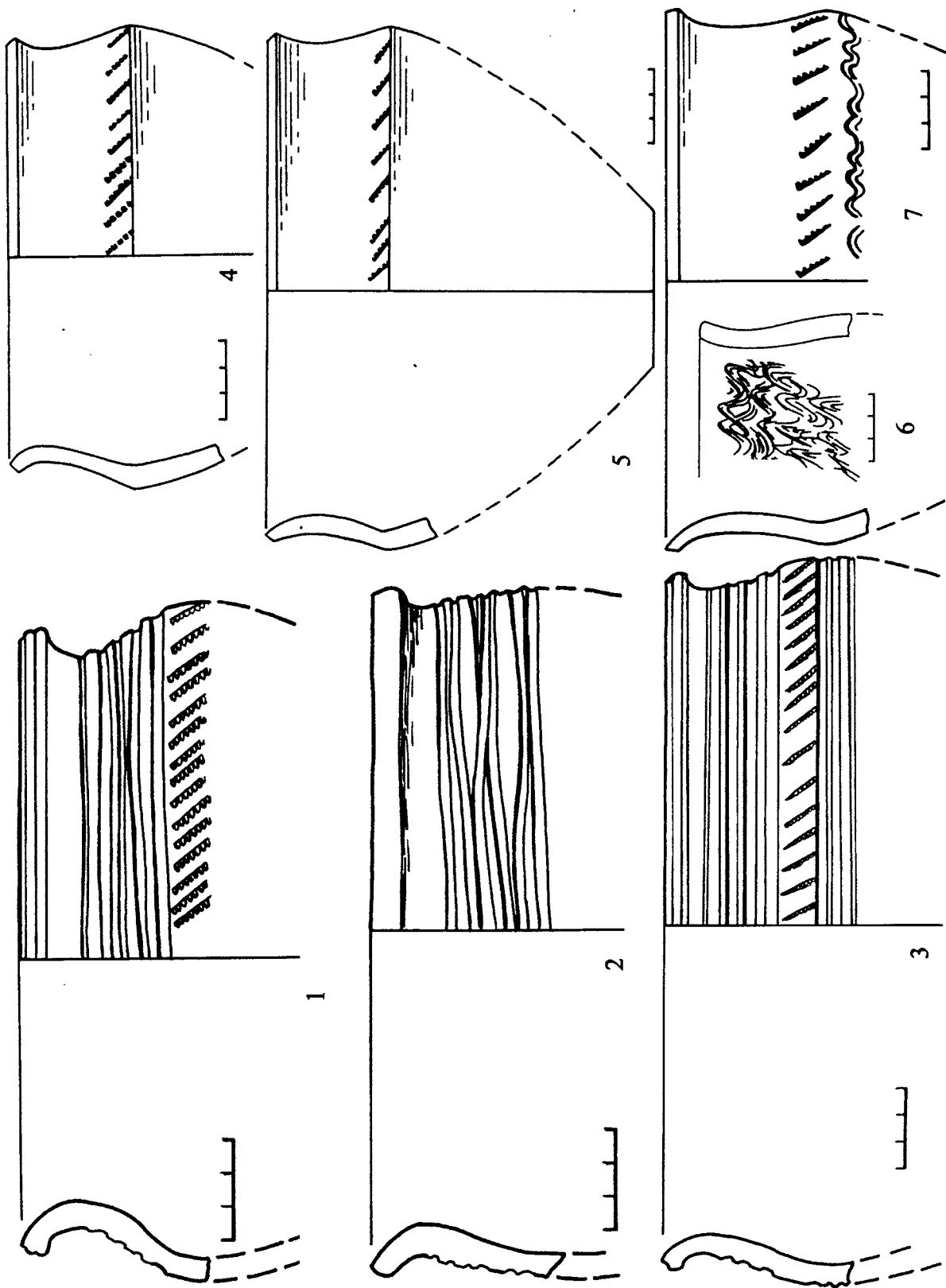

Табл. 107. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1985-87. 1-3 — заполнение постройки III; 4-6 — заполнение постройки I

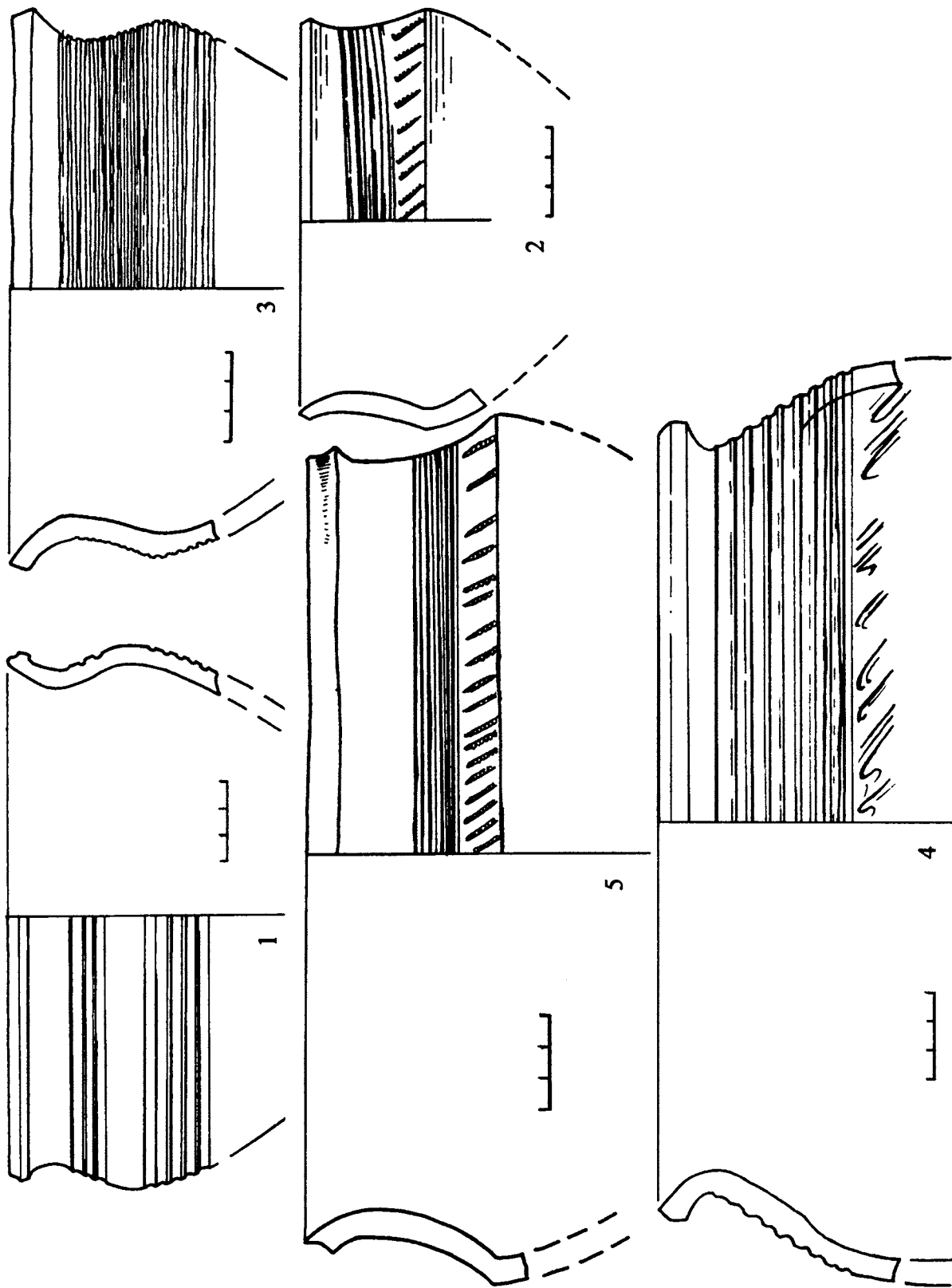

Табл. 108. Городище. Раннегончарная керамика. «Центральный» Р-1986-1989, культурный слой. 1, 2 — от 0,4 м до 0,6 м; 3, 4 — от 0,6 м до 0,8 м; 5 — от 2,2 м до 2,4 м

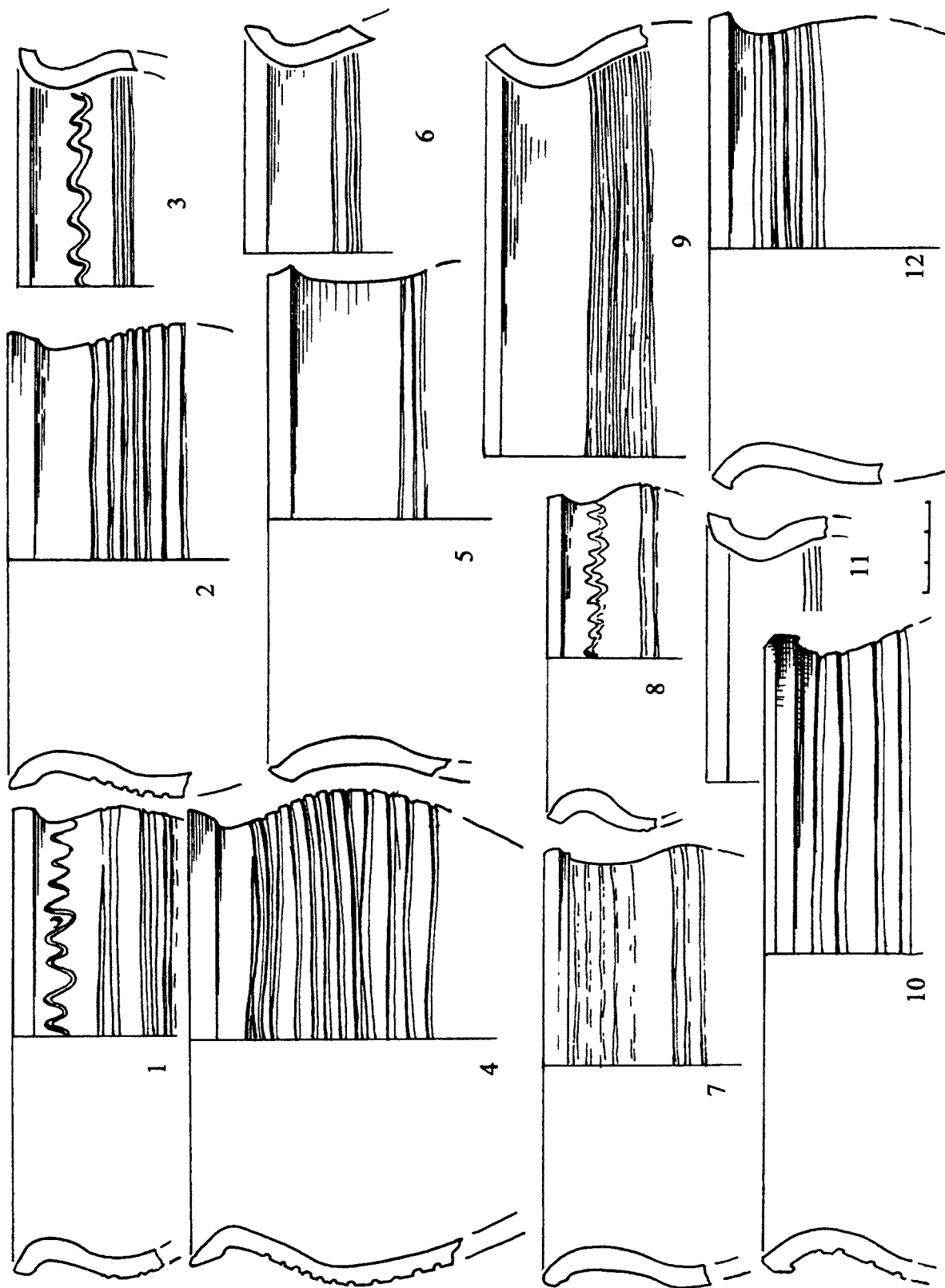

Табл. 109. Городище. Раннегончарная керамика. Южный берег Сиверсова канала, Р-1-1995, черный слой

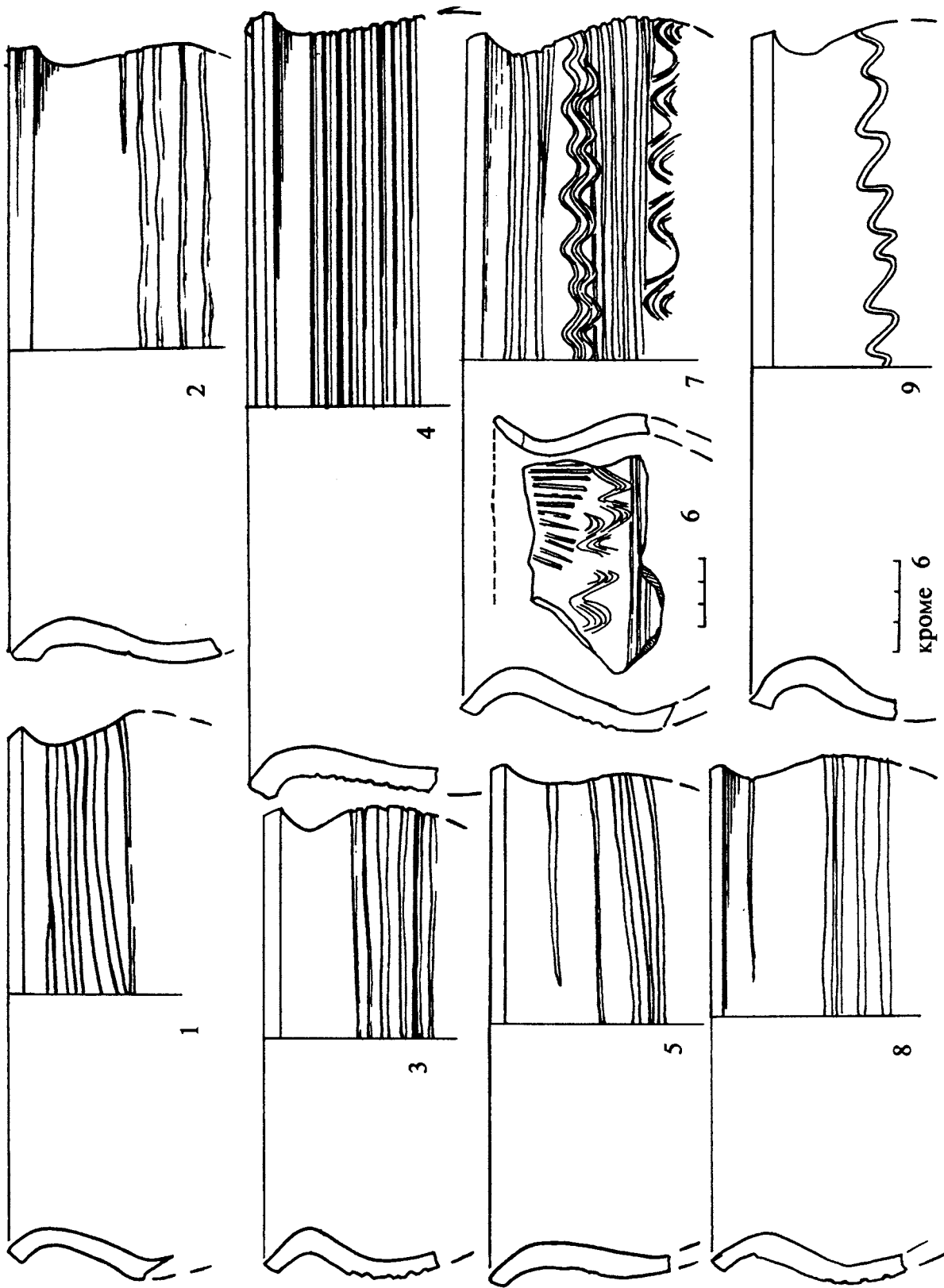

Табл. 110. Городище. Раннегончарная керамика. Северный берег Сиверсова канала, Р-1996, черный слой. 1, 2, 4, 5 – пласт 2; 3 – пласт 1; 6 – пл. 3; 9 – яма 1; Южный берег Сиверсова канала, Р-1-1995, черный слой – 7, 8

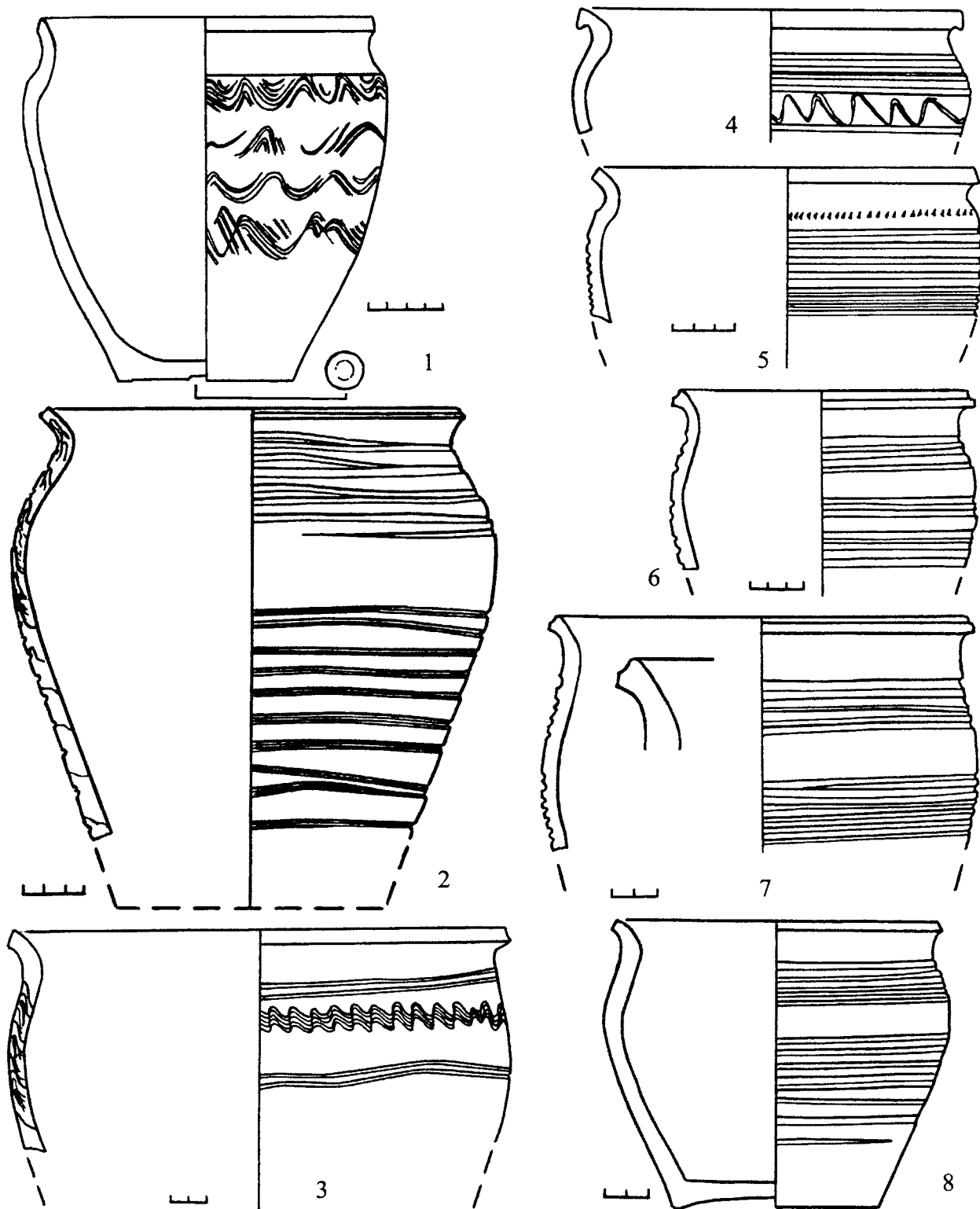

Табл. 111. Новгород. Троицкий X раскоп. Типология раннегончарной керамики. Группа I: 1 – подгруппа 4; 2, 3, 8 – подгруппа 1; 4, 5 – подгруппа 2; 6, 7 – подгруппа 3. 1 – участок Д, пласт 20 (далее слова «участок» и «пласт» опущены, например, Д20); 2, 3 – Г19; 4 – А18; 5 – Б18; 6, 7 – Г17, Г18, Д19; 8 – Б18, сруб140

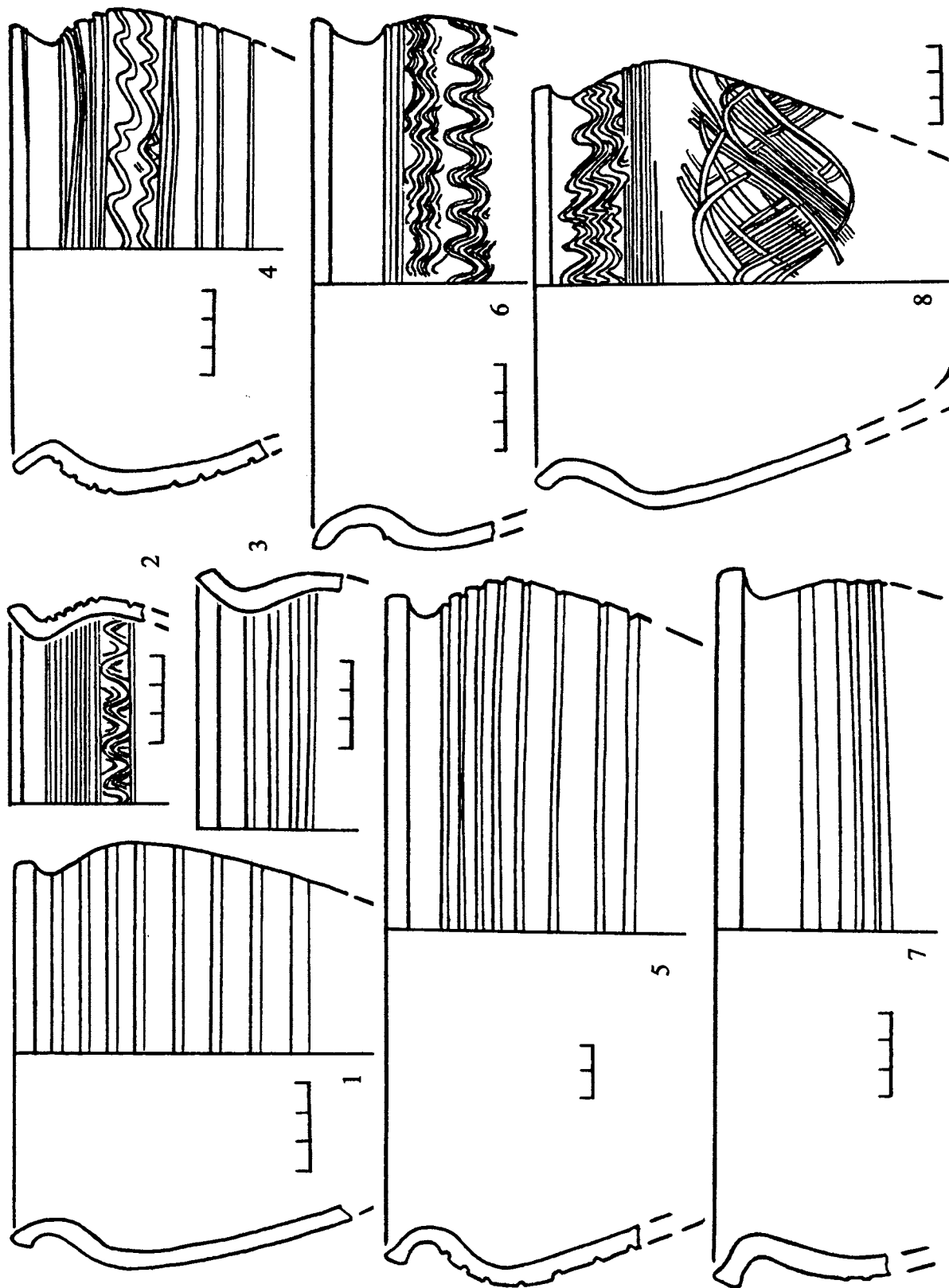

Табл. 112. Новгород. Троицкий X раскоп. Типология раннегончарной керамики. Группа II. Подгруппа 1. 1 – Б17; 2, 8 – Б18; 3, 6 – Г18; 4, 7 – А16; 5 – Г17

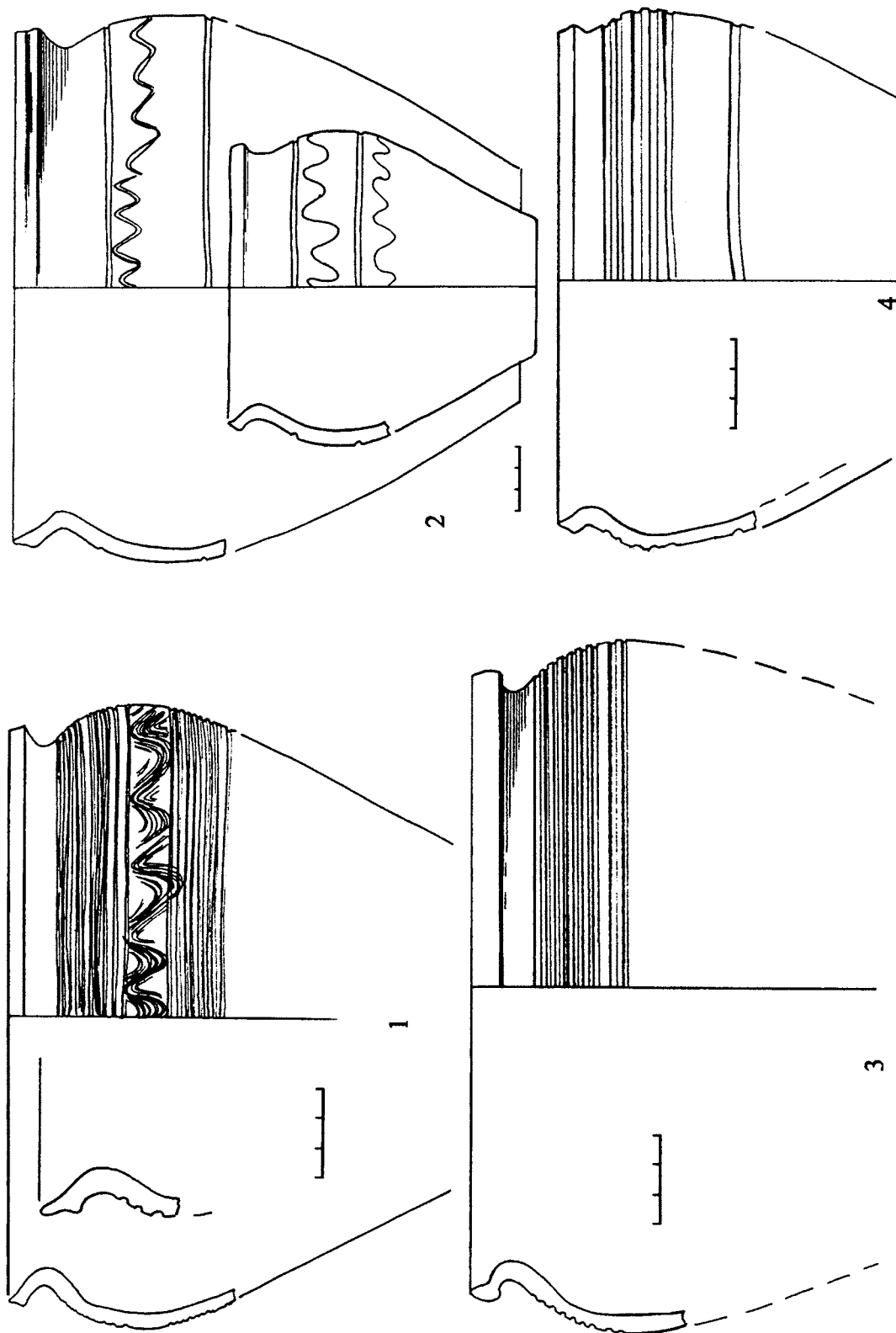

Табл. 113. Новгород. Троицкий X раскол. Типология раннегончарной керамики. Группа II. Подгруппа 2. 1 – Г16, Д18; 2 – Г18; 3 – Б15; 4 – Г16

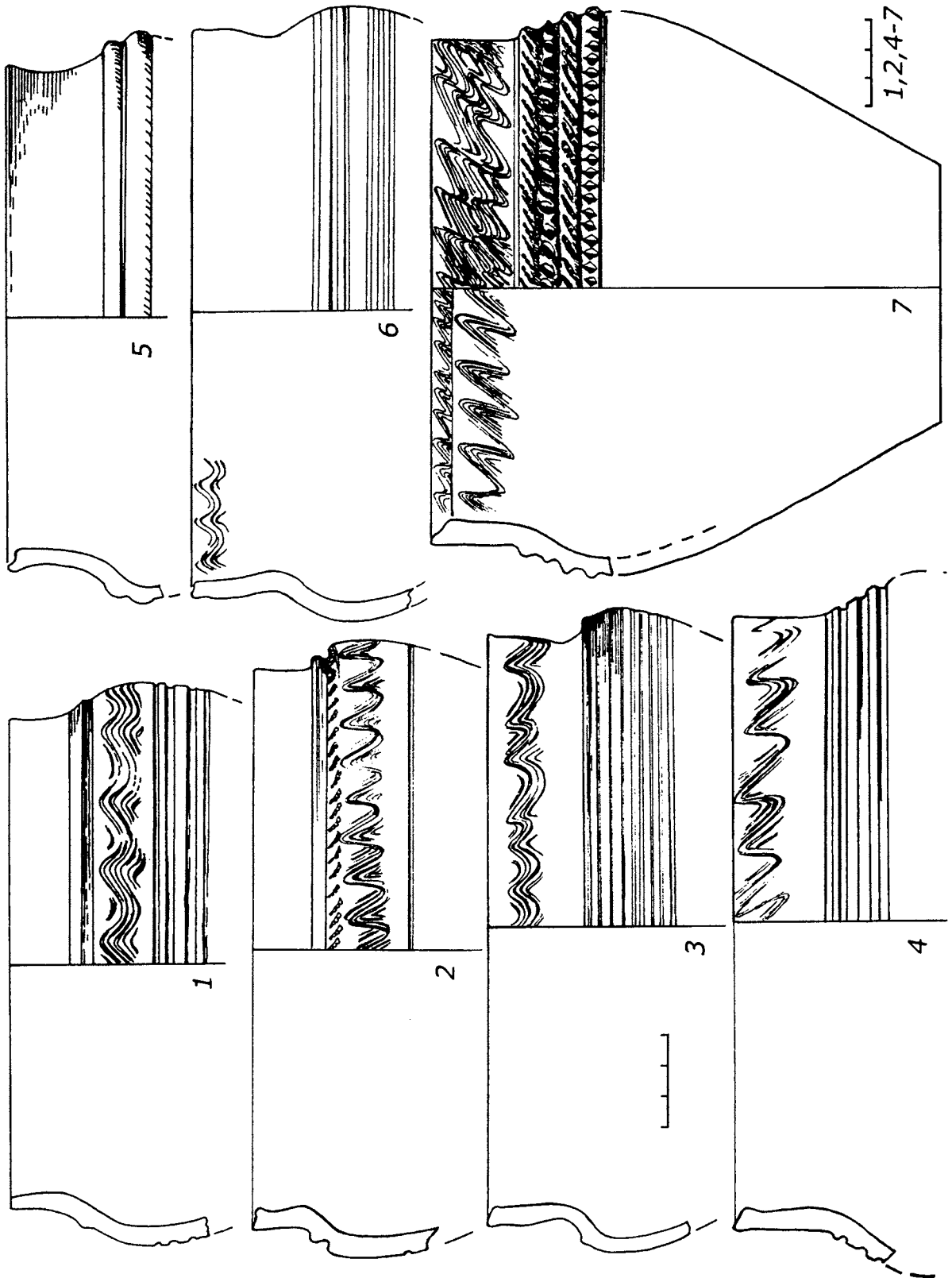

Табл. 114. Новгород. Троицкий X раскоп. Типология раннегеометрической керамики. Группа III. 1, 5 – Б15; 2–4, 6 – Г17; 7 – Д15

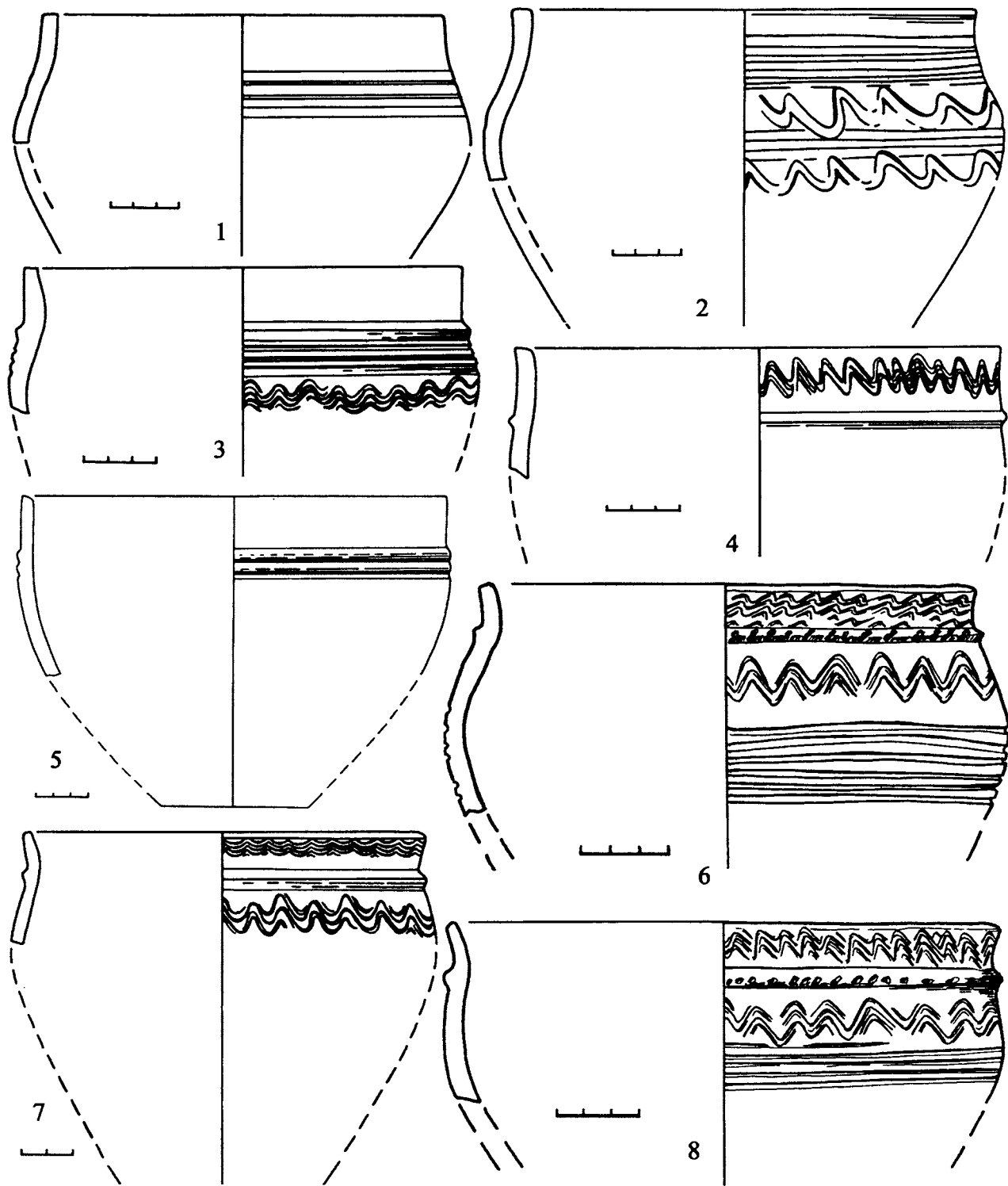

Табл. 115. Новгород. Троицкий X раскоп. Типология раннегончарной керамики. Группа IV. 1 – А17; 2 – Г19; 3 – Троицкий Р-VII, пласт 22; 4, 5 – Троицкий Р-VII, пласт 21; 6, 8 – Троицкий Р-VIII, пласт 22, яма № 1-В; 7 – Д19

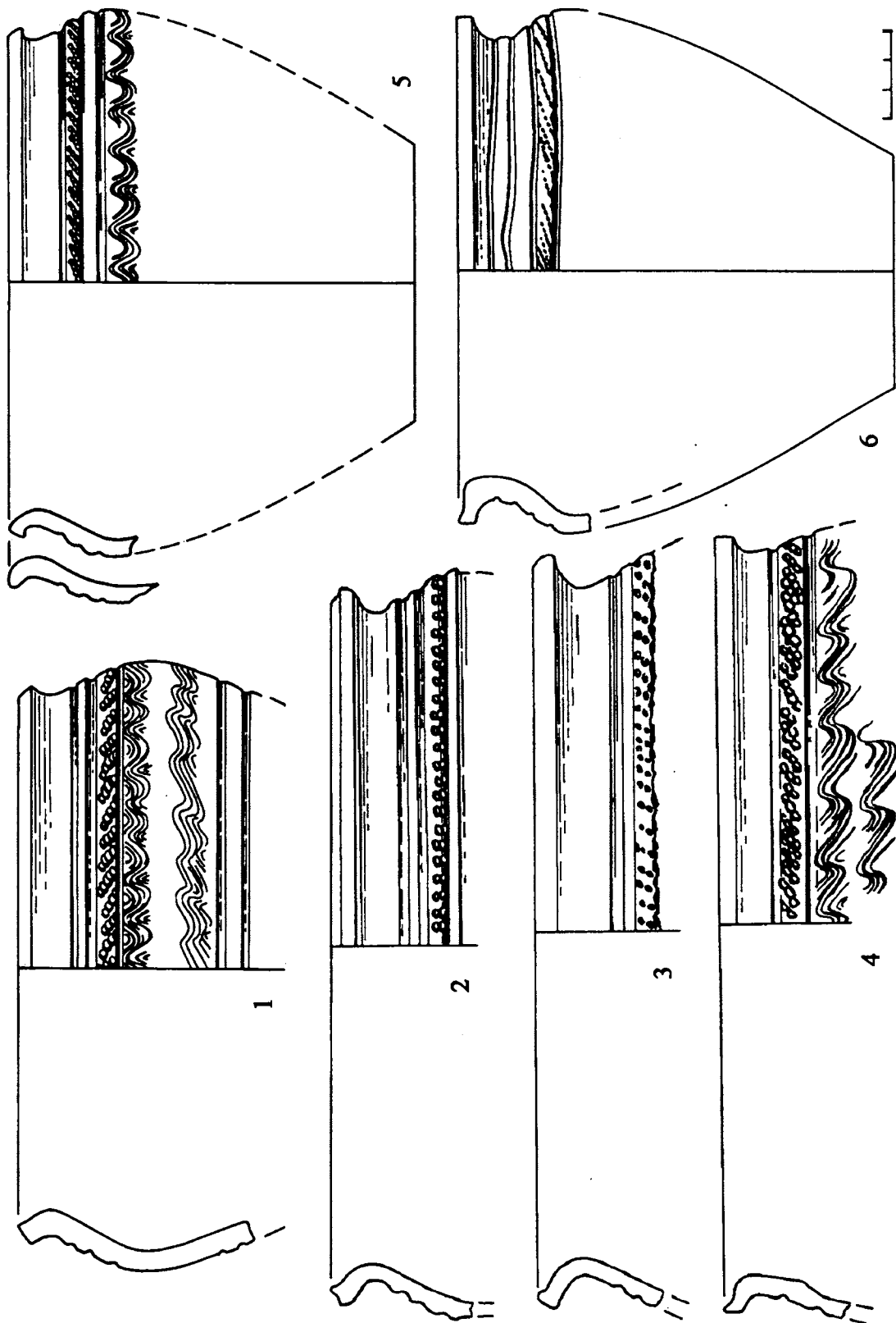

Табл. 116. Новгород. Троицкий X раскоп. Типология раннегончарной керамики. Группа V. 1, 5 – подгруппа 1; 2–4, 6 – подгруппа 2. 1–5 – Г18; 6 – В16

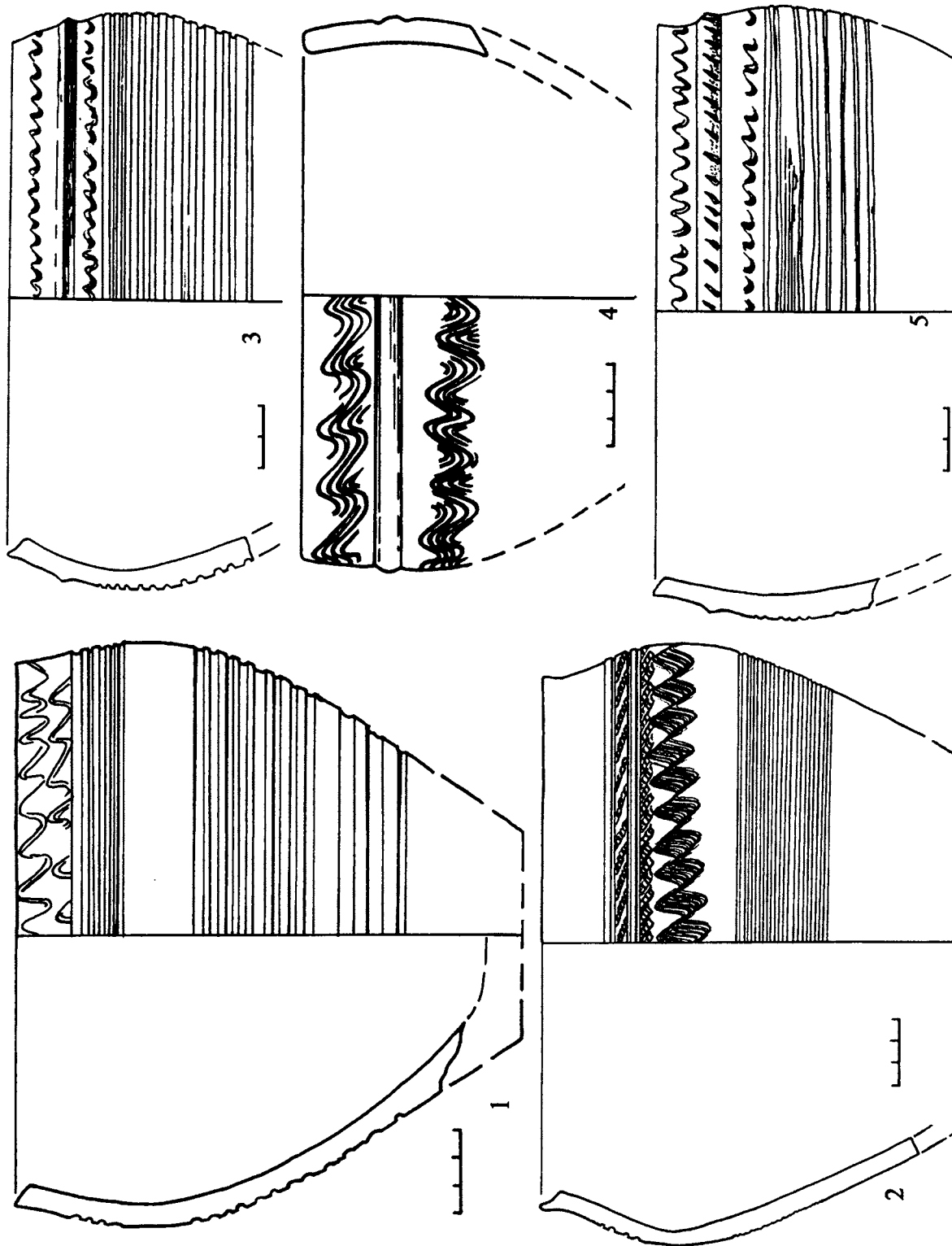

Табл. 117. Новгород. Типология раннегончарной керамики. Группа VI. Подгруппа Фрезендорф. 1 – Троицкий Р-УП, пласт 20; 2 – Неревский Р-XXV, ярус 22; 3 – Неревский Р-XXVI, ярус 20; 4 – Троицкий Р-УП, пласт 21; 5 – Неревский Р-XXVIII, ярус 27

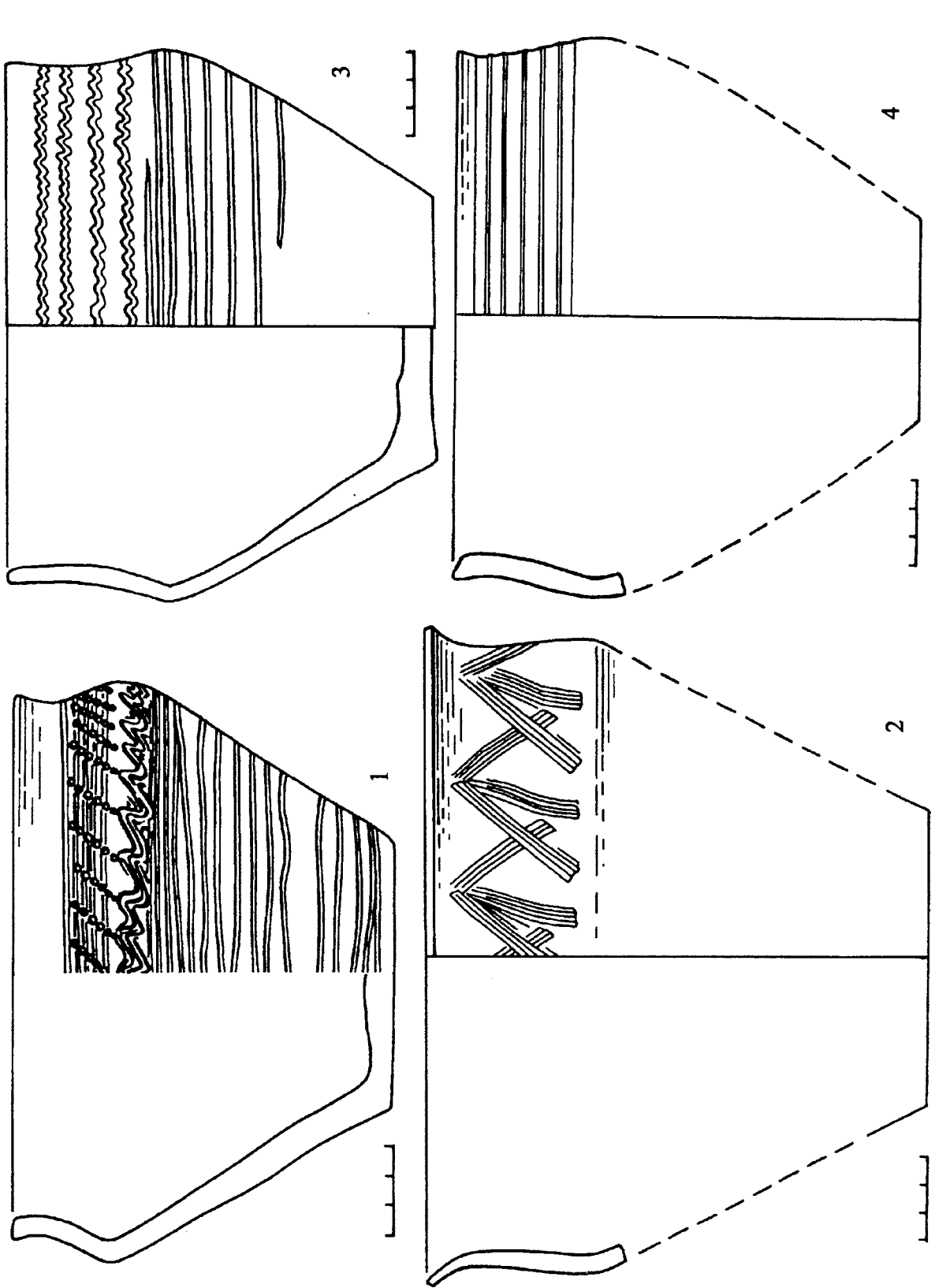

Табл. 118. Новгород. Типология раннегончарной керамики. Группа VI. Подгруппа Менкендорф. 1 – Боково, могильник, кург. № 20, погр.1; 2 – Троицкий Р-Х, Д19; 3 – Троицкий Р-VI, пласт 12; 4 – Троицкий Р-VII, пласт 21

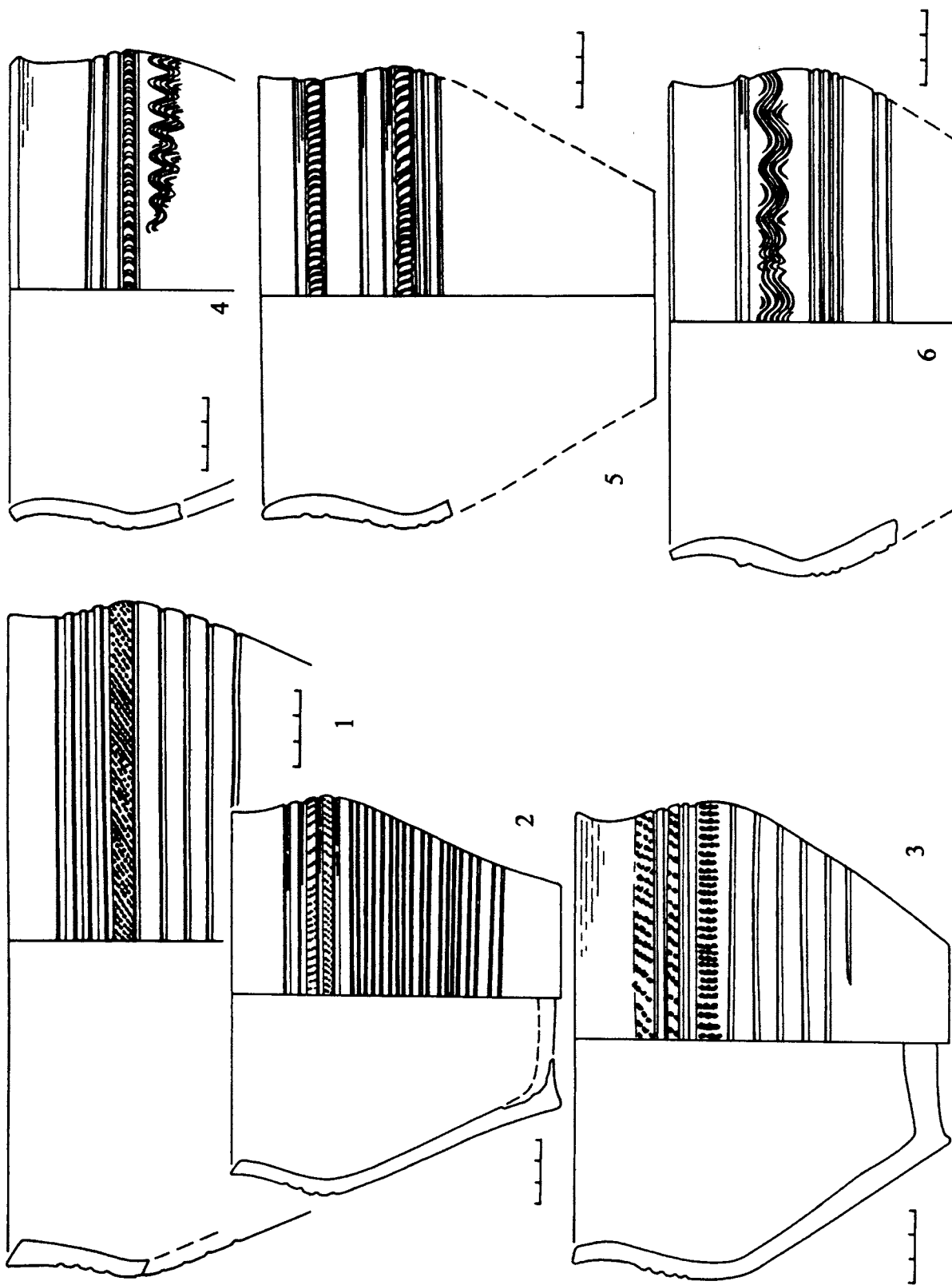

Табл. 119. Новгород. Троицкий Х раскоп. Типология раннегончарной керамики. Группа VI: 1, 2 – подгруппа Фрезендорф; 3–6 – первая гибридная подгруппа. 1 – Г16; 2 – Боково, кург. № 1; 3 – Деревяницы, могильник, тризна; 4 – Г17; 5, 6 – Г18

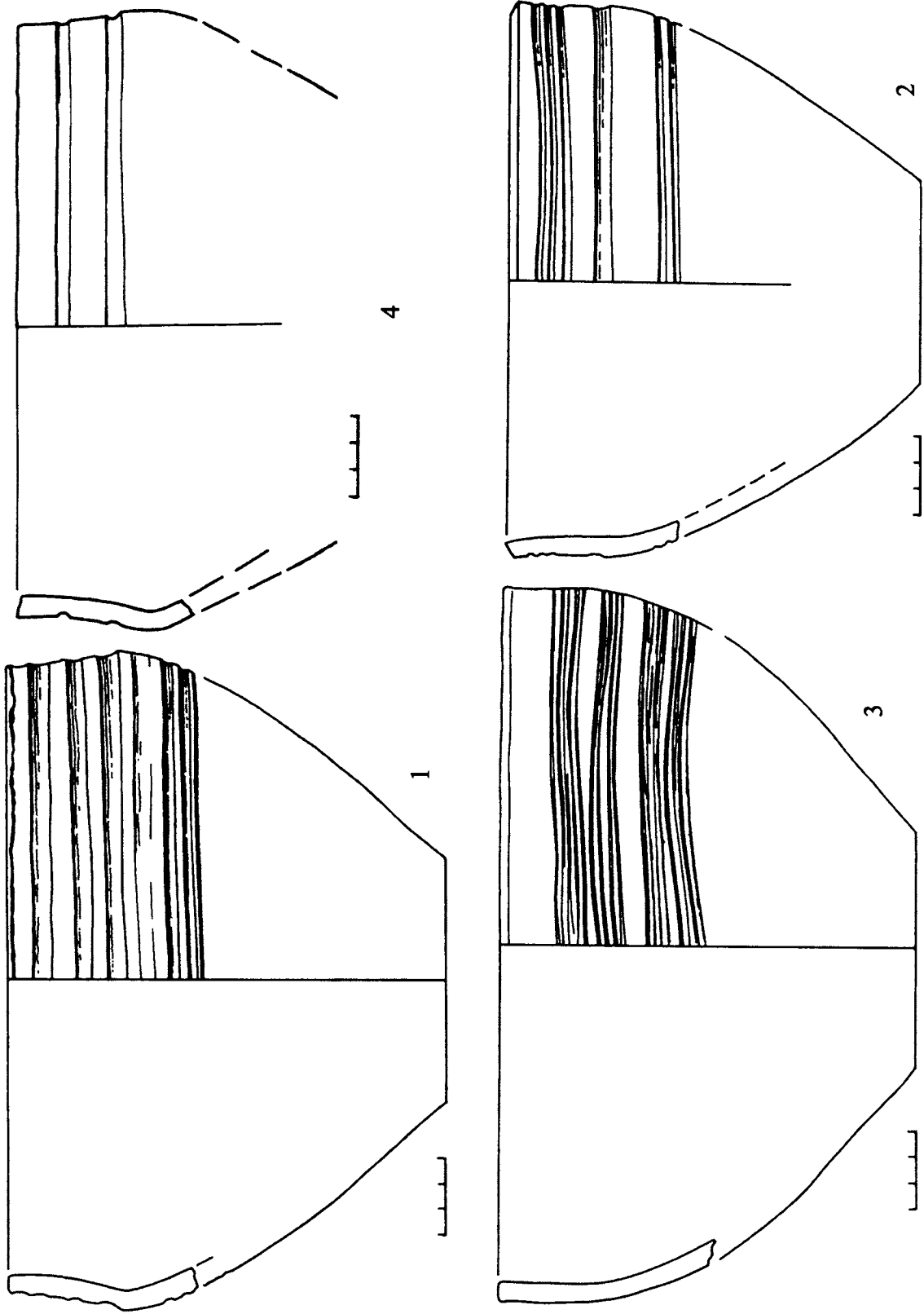

Табл. 120. Новгород. Троицкий X раскоп. Типология раннегончарной керамики. Группа VI, вторая гибридная подгруппа. Мисковидные сосуды. 1 – Б18; 2 – Б19; 3 – Б16; 4 – Троицкий Р-VIII, яма на материке № 4-В

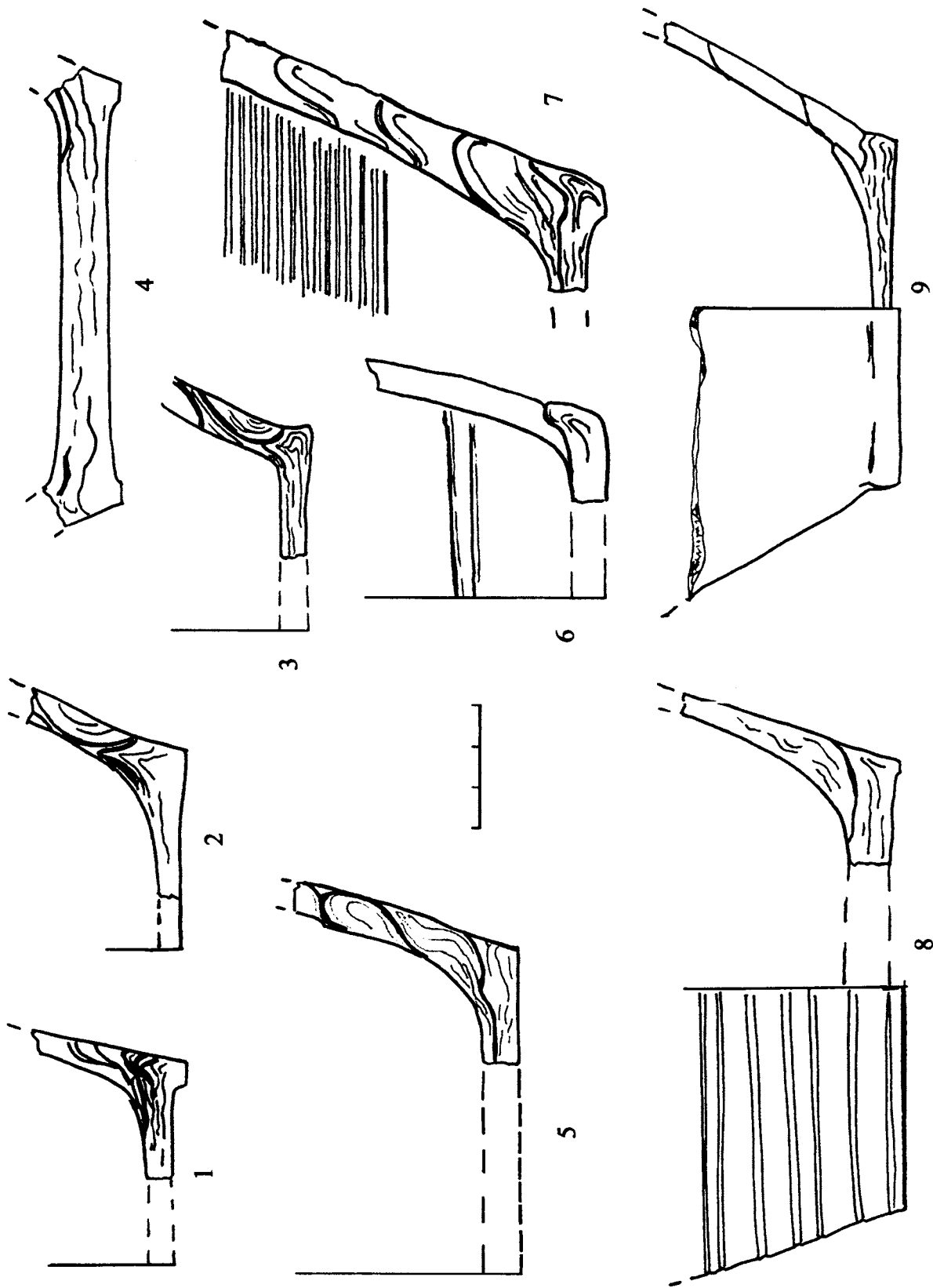

Табл. 121. Новгород. Троицкий Х. раскол. Признаки программы и способа конструирования монолитных начинив. 1, 2, 3, 6-8 - донные начинив; 9, 4 (?), 5 (?) - емкостные начинив. 1, 2 - Г18; 3, 6, 8, 9 - Б19; 4, 5, 7 - А18

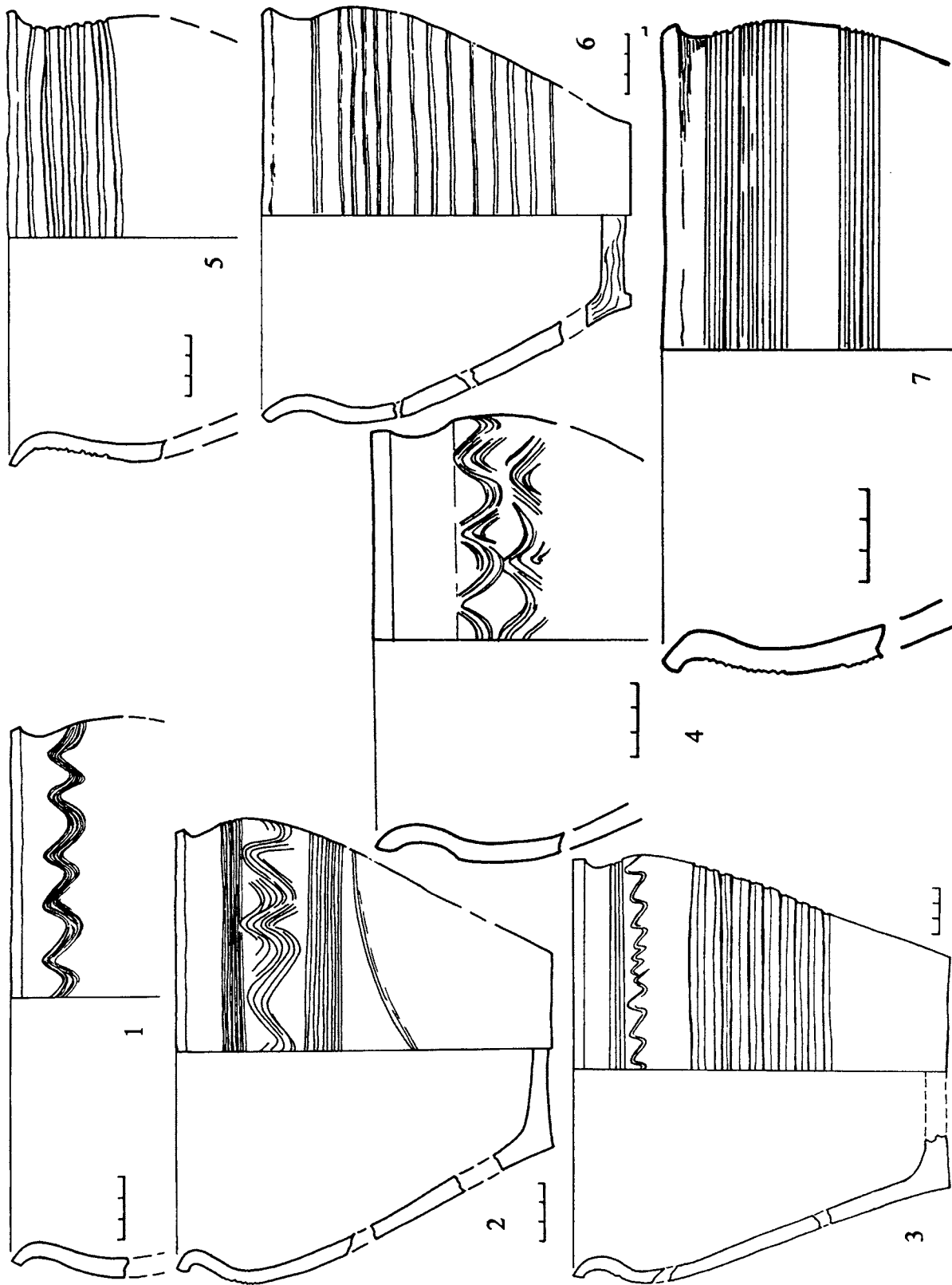

Табл. 122. Новгород. Троицкий Р-ХI пласт 21. Аналогии группы I подгруппе 1 из Троицкого Р-Х (1-4,6,7) и типу I (1-3,6,7), II-Г (5) Рюрикова городища

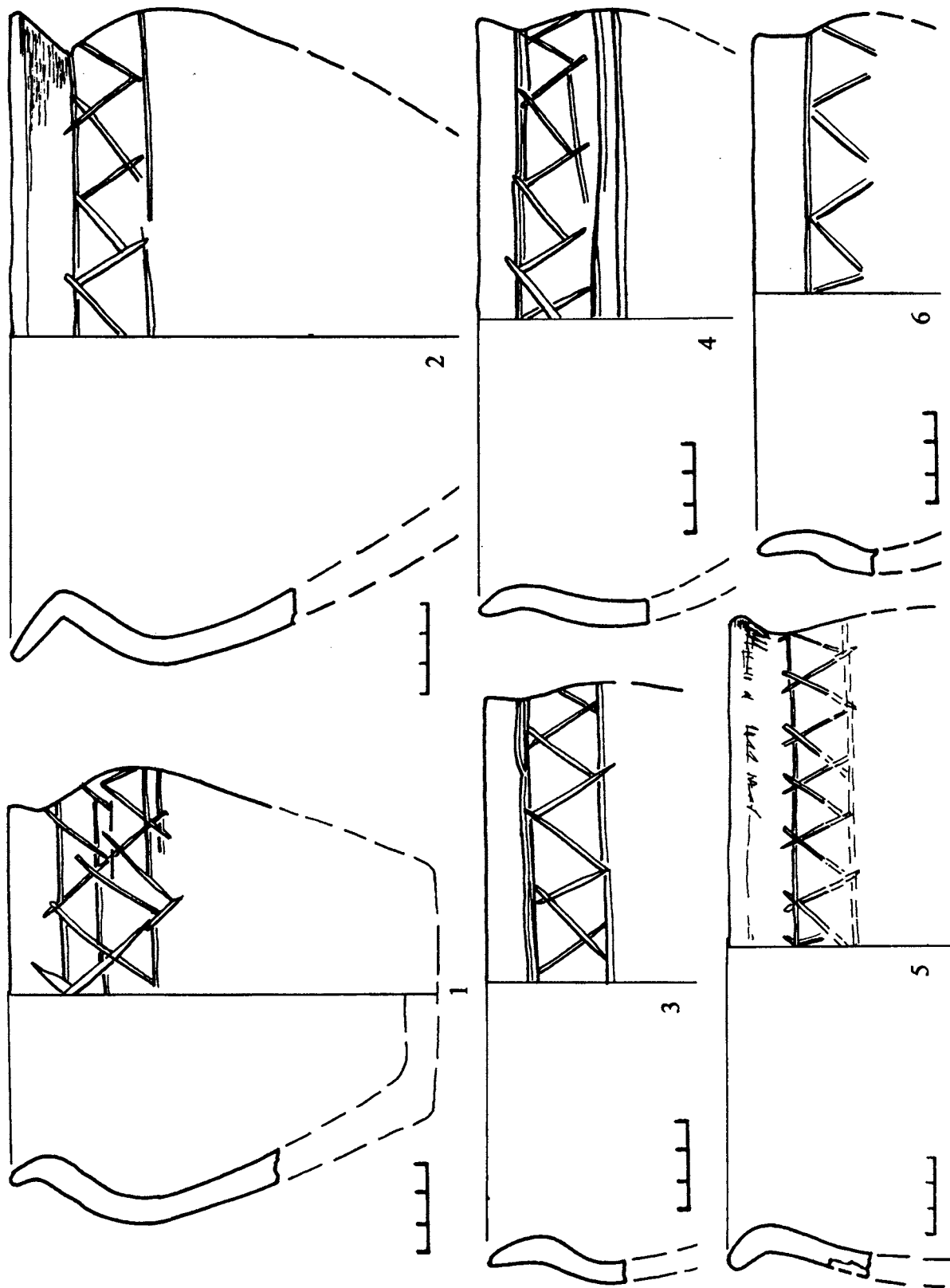

Табл. 123. Новгород. Раннегончарная керамика с «городчатым» орнаментом. Троицкий Р-ХI: 1 – Б21; 3 – В21; 2 – Б21, мостовая Пробойной улицы (реконструкция на основе эскиза); 5,4 – Троицкий Р-1975, пласт 19; 6 – Троицкий Р-VII, яма в кв. 586

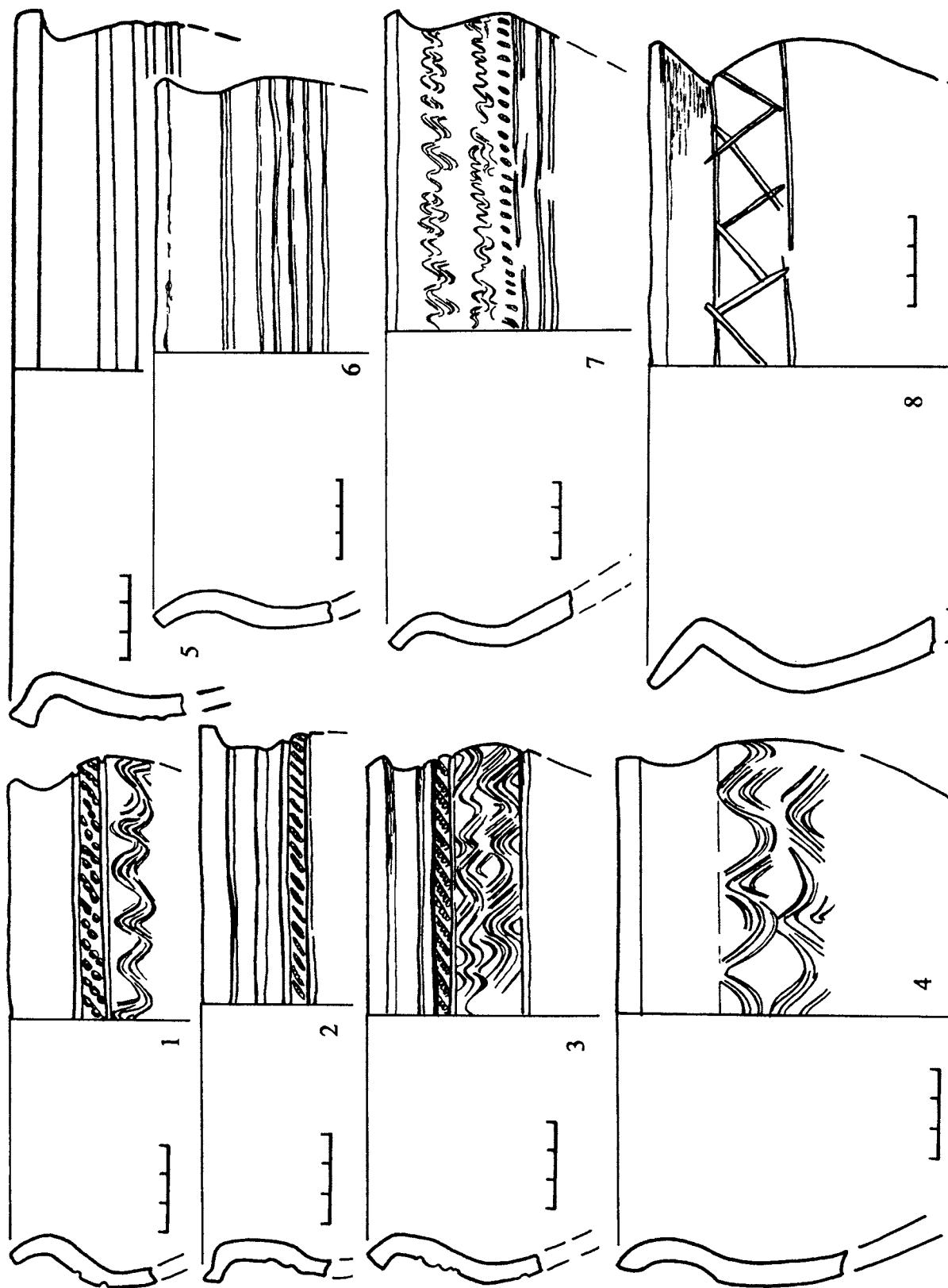

Табл. 124. Новгород. Гроицкий XI — Б21. Комплекс раннегончарной керамики (аналог) из кв. 1295, мостовая Пробойной уллицы. 8 — реконструкция на основе эскиза

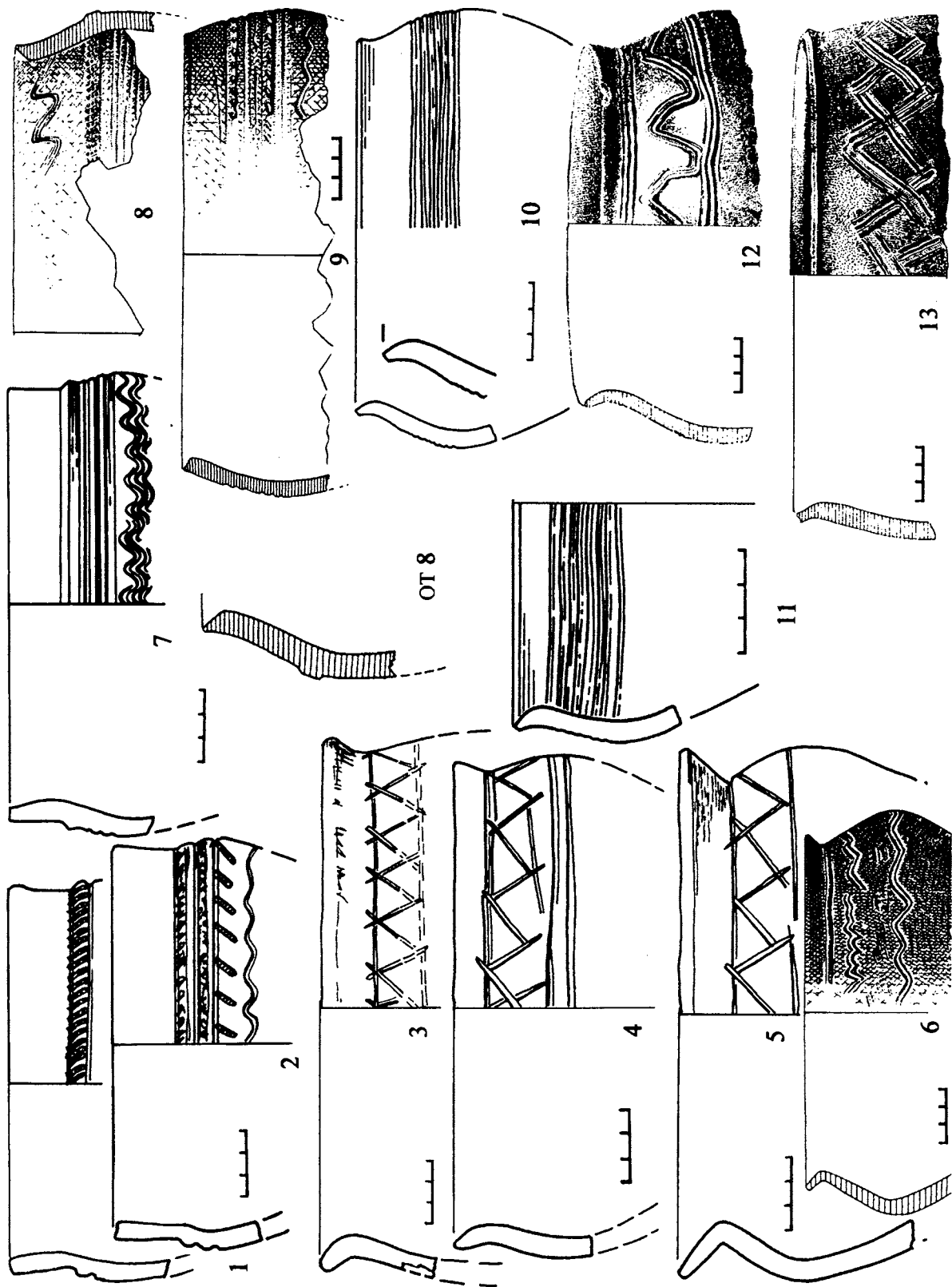

Табл. 125. Новгород. Троицкий XI. Раннегончарная керамика: 1, 2 – тип I; 3–5 – тип III; 8–10 – западнославянские аналоги к ним (по П. Д. Малегиной и др. 2001). 6 – тип Менкендорф, ряд 3 (по Э. Шульцу 1956); 7 – тип IV, Троицкий X (по В. М. Горюновой); 8, 9 – тип Фрезендорф, ряд 2, 3 (по Э. Шульцу 1956); 10 – тип Фрезендорф, ряд 3 (о-в Рюген, зарисовки В. Лосинского); 11 – тип Фрезендорф, ряд 3 (Городок на Ловати); 12, 13 – тип Менкендорф, форма 3 (по Э. Шульцу 1981)

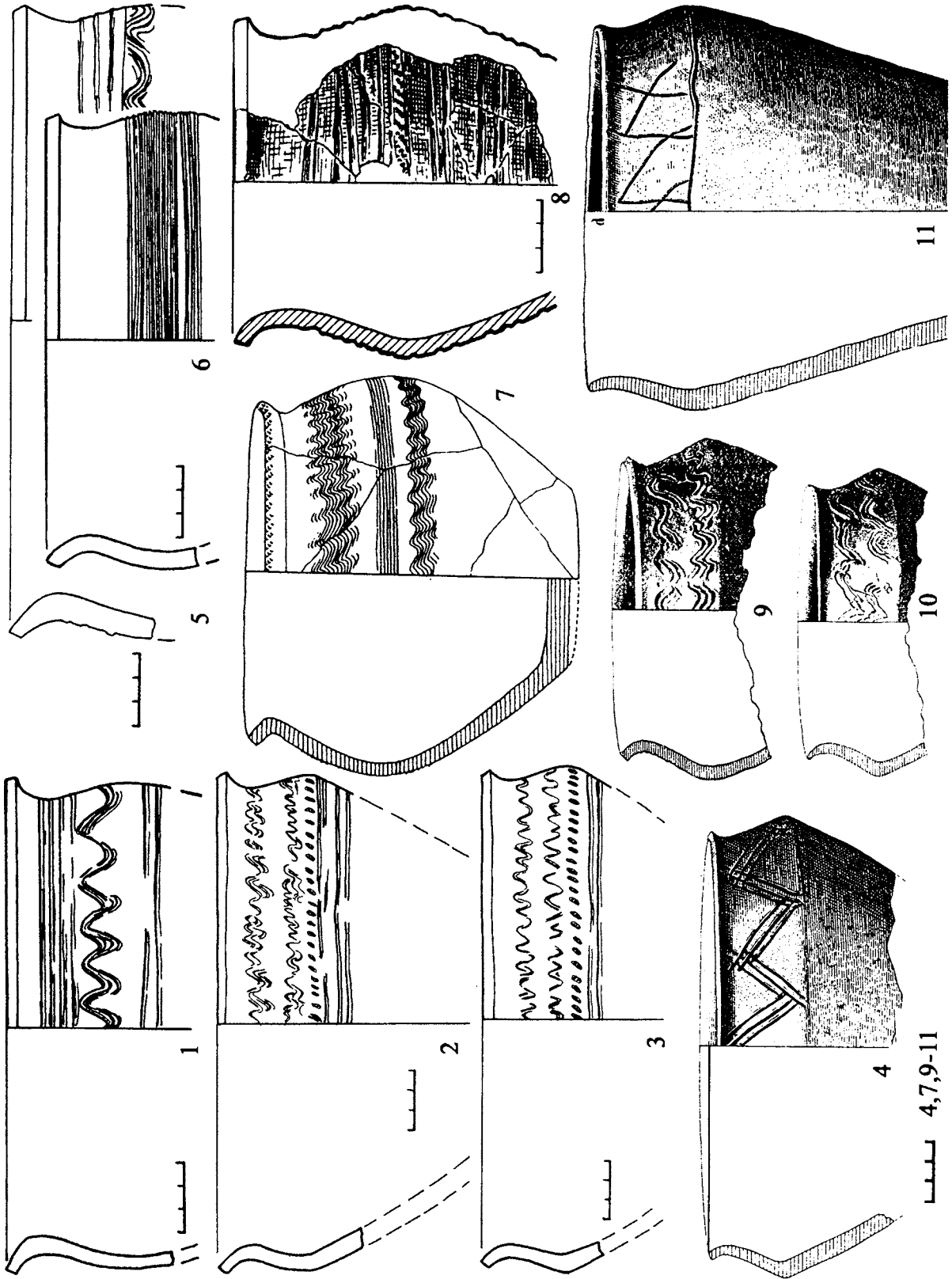

Табл. 126. Новгород. Троицкий XI. Раннегончарная керамика: 1 – тип IV, подтип Менкендорф; 2, 3 – тип IV, подтип Фельдберг; 7 – западнославянские аналоги к ним (по П. Д. Мальгину и др. 2001). 4, 11 – тип Менкендорф, форма 3 (по Э. Шульдту 1981); 5, 6 – Рюриково городище, тип I-A (по В. М. Горюновой); 7 – тип Фельдберг (по С. Братеру 1996); 8 – тип Менкендорф-тип D:XVI (по В. Лосинскому-Р. Рогошчу 1986); 9, 10 – тип Менкендорф, ряд 3 (по Э. Шульдту 1956)

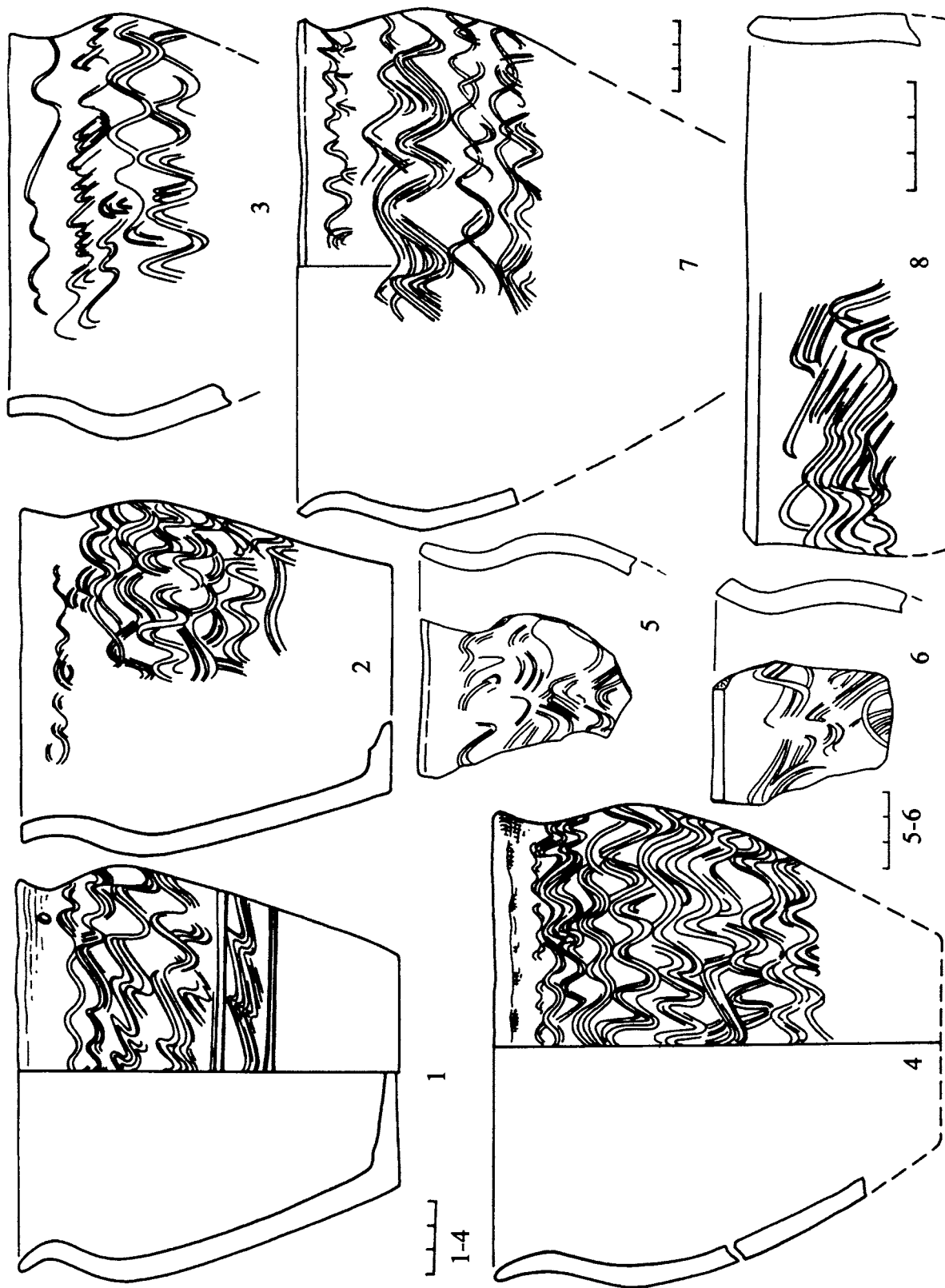

Табл. 127. Старая Ладога. Земляное городище: 1-4, 7 – жилище 2 горизонта Д; 5-6 – настил большой постройки горизонта Д; 8 – кв. Ю₁, бурый гумус горизонта Д. 1-4, 7 – раскопки В. И. Равдоникаса; 5-6, 8 – раскопки Е. А. Рабинина

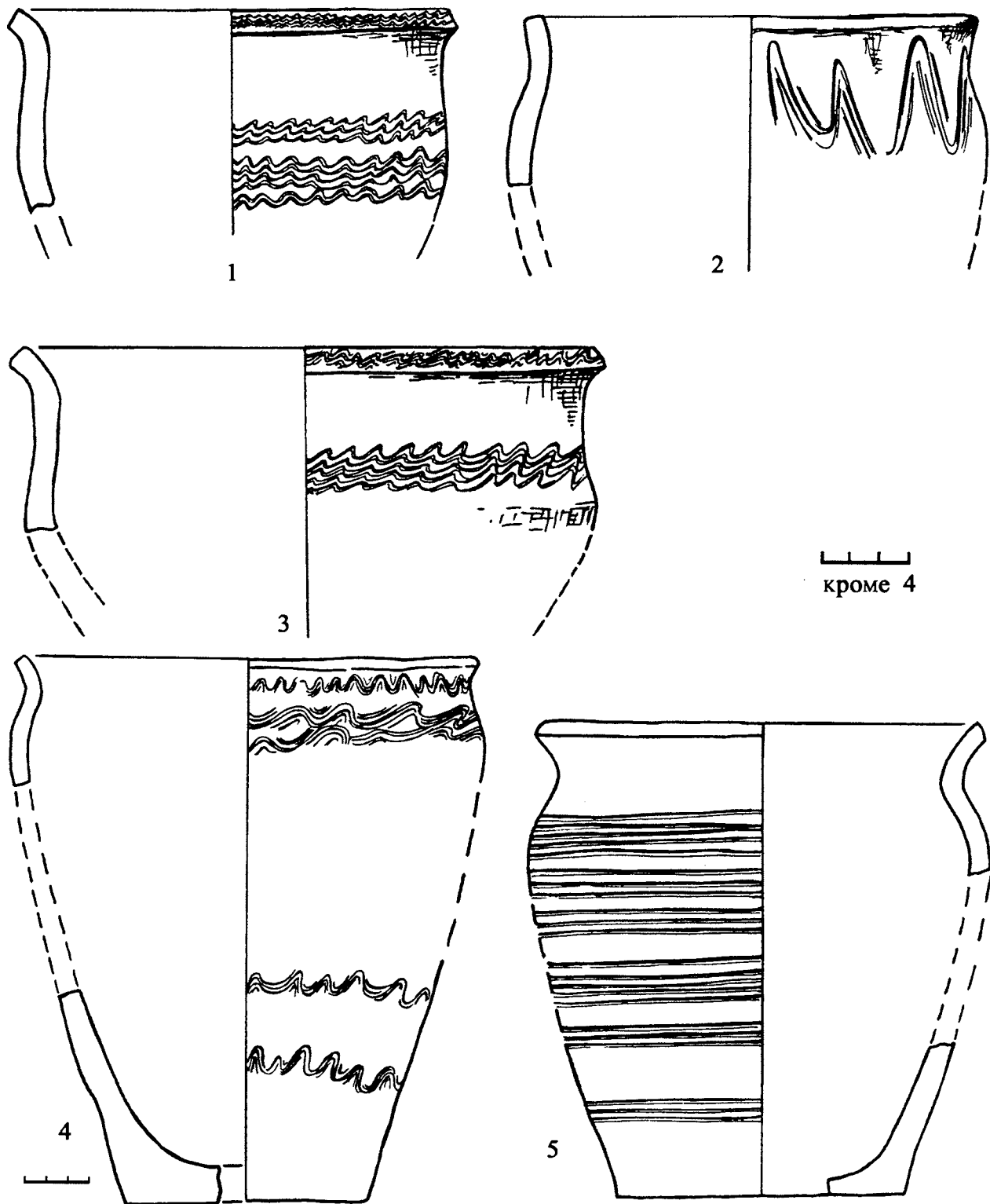

Табл. 128. Старая Ладога. Земляное городище: 1, 3, 4 – жилище 3 горизонта Д; 2 – жилище 2 горизонта Д; 5 – кв. Э, бурый гумус горизонта Д; 1–4 – раскопки В. Н. Равдоникаса, 2 – раскопки Е. А. Рябикина

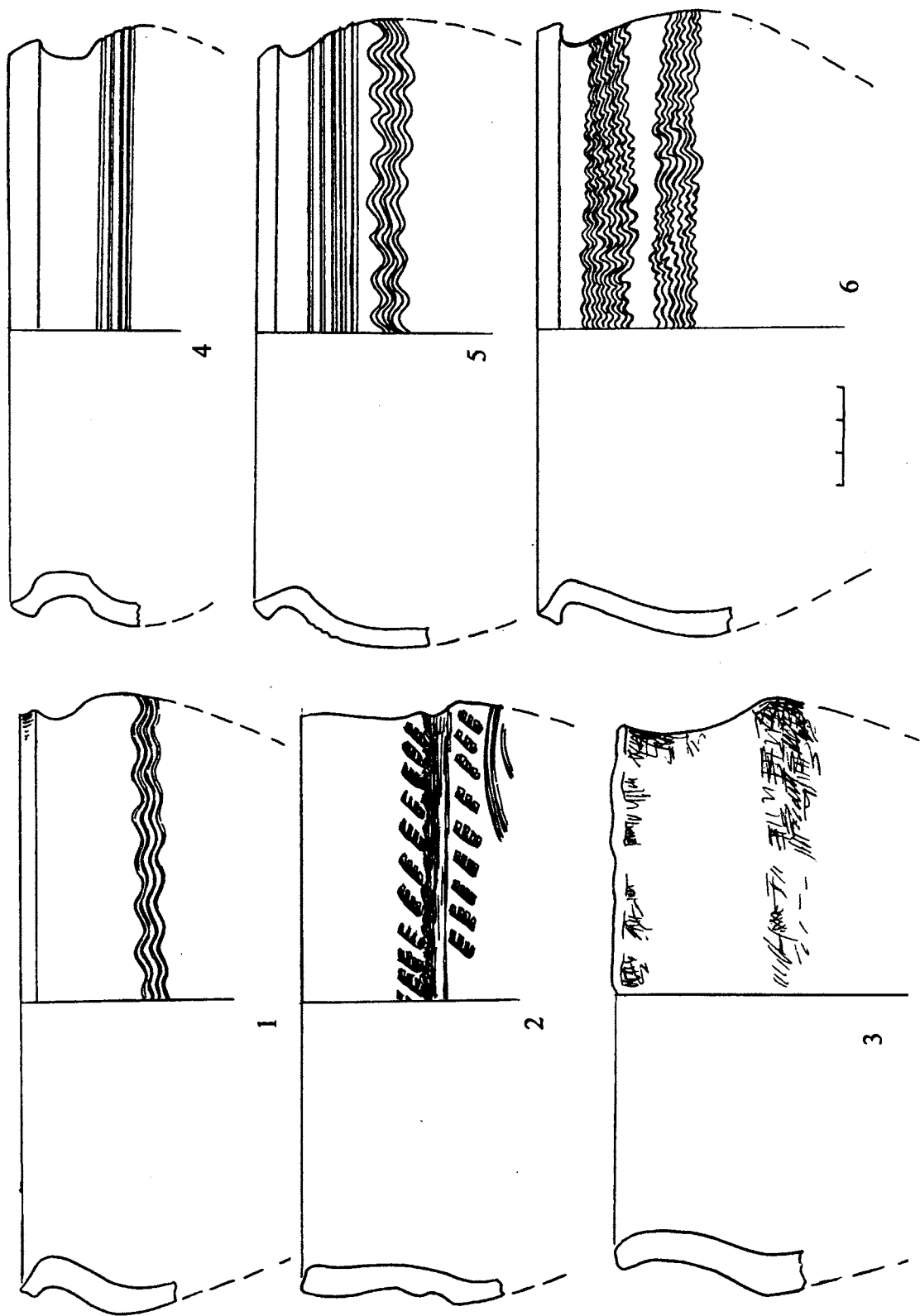

Табл. 129. Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки Е. А. Рабинина. 1, 6 — верхний настил большой постройки горизонта Д; 2-5 — щели верхнего настила большой постройки горизонта Д

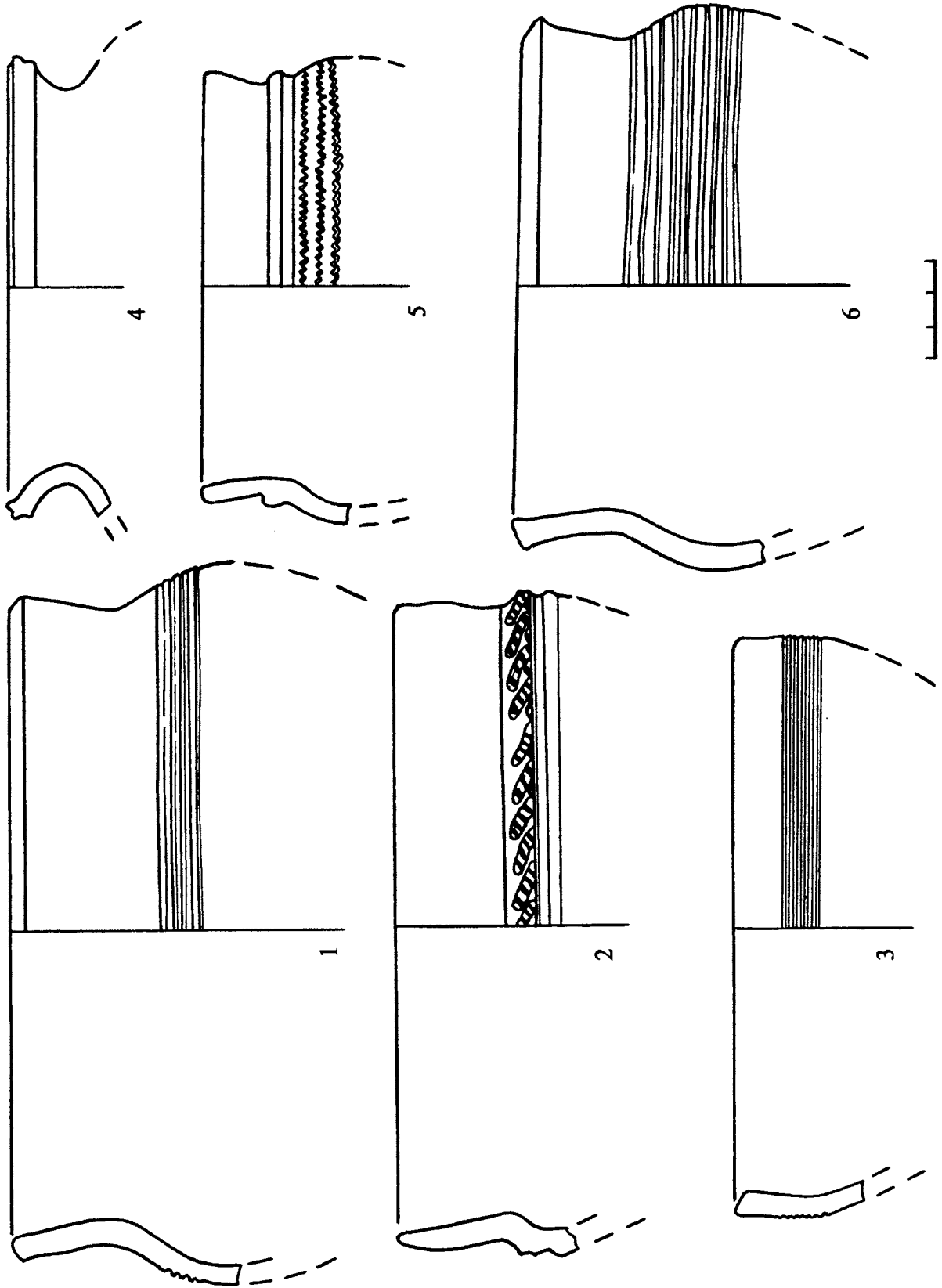

Табл. 130. Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки Е. А. Рябинина. 1-6 – щели верхнего настила большой постройки горизонта Д

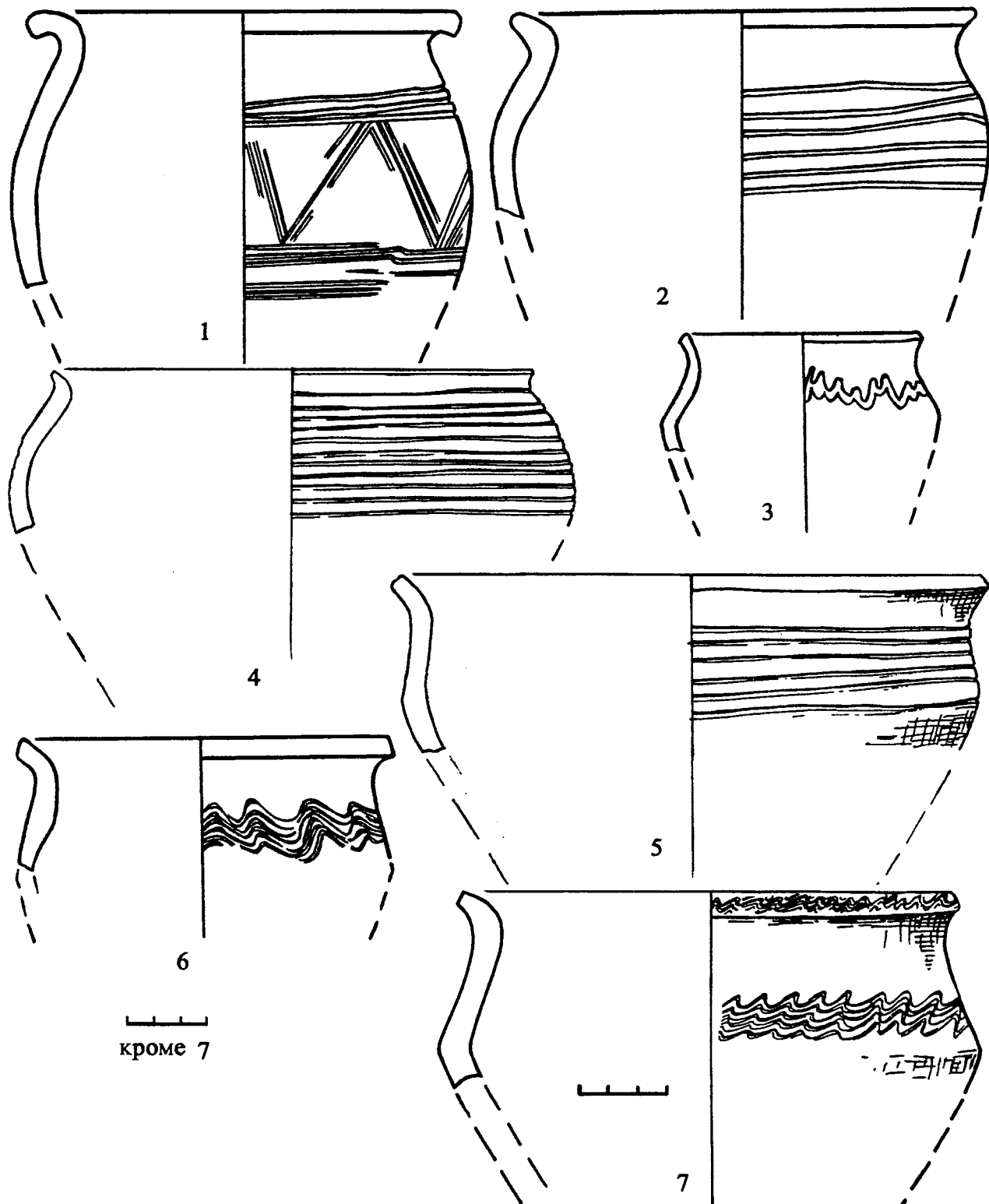

Табл. 131. Старая Ладога. Земляное городище. Раскопки В. И. Равдоникаса. 1 – верхняя часть горизонта Д; 2, 3, 5–7 – горизонт Д; 4 – верхняя часть горизонта Д, уровень кладбища XI в.

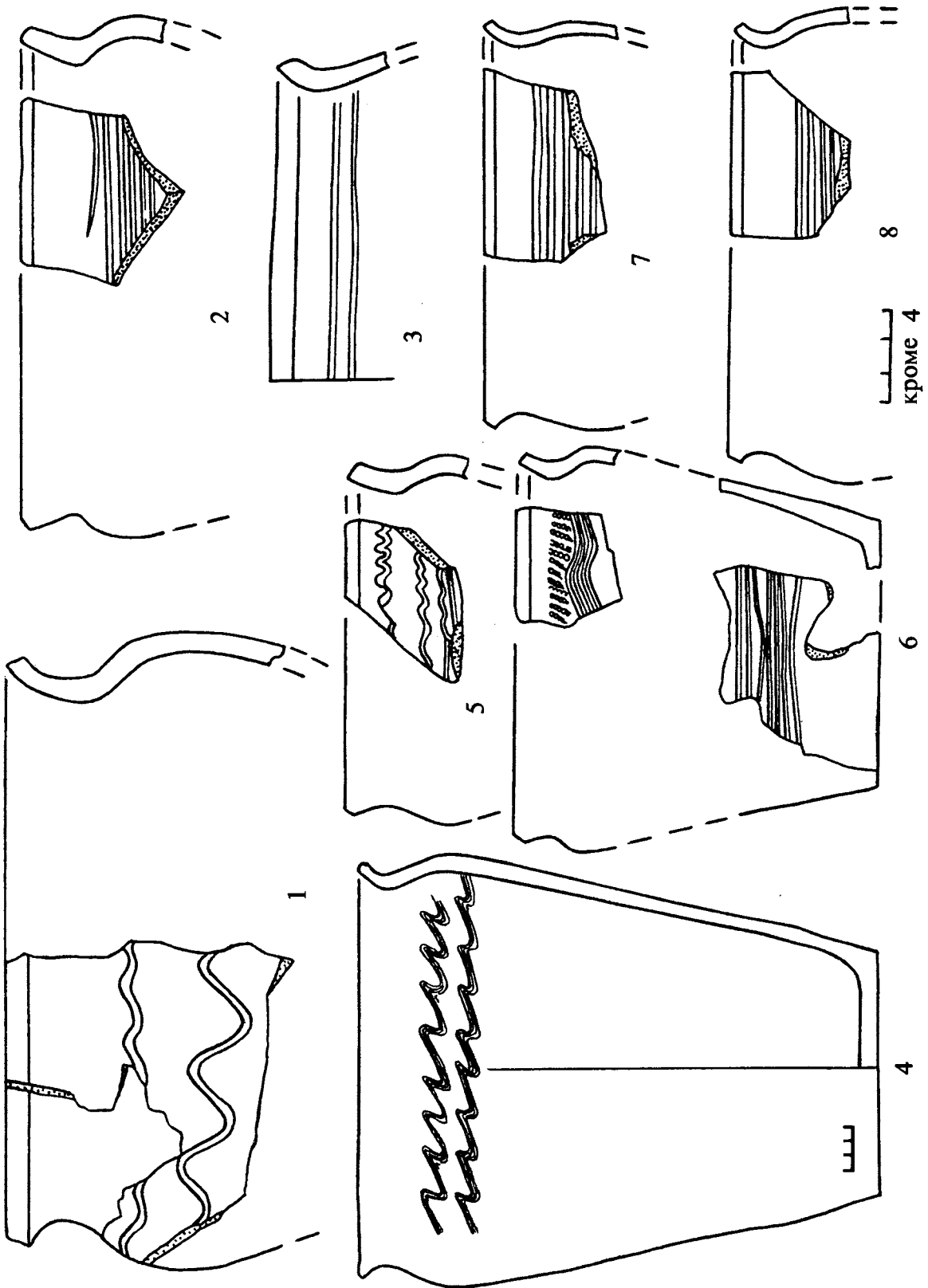

Табл. 132. Старая Ладога. Варяжская улица. Раскопки В. П. Петренко. 1, 3 – шт. 11; 2, 4, 8 – шт. 8, 9; 5 – шт. 10; 6 – шт. 6; 7 – шт. 9

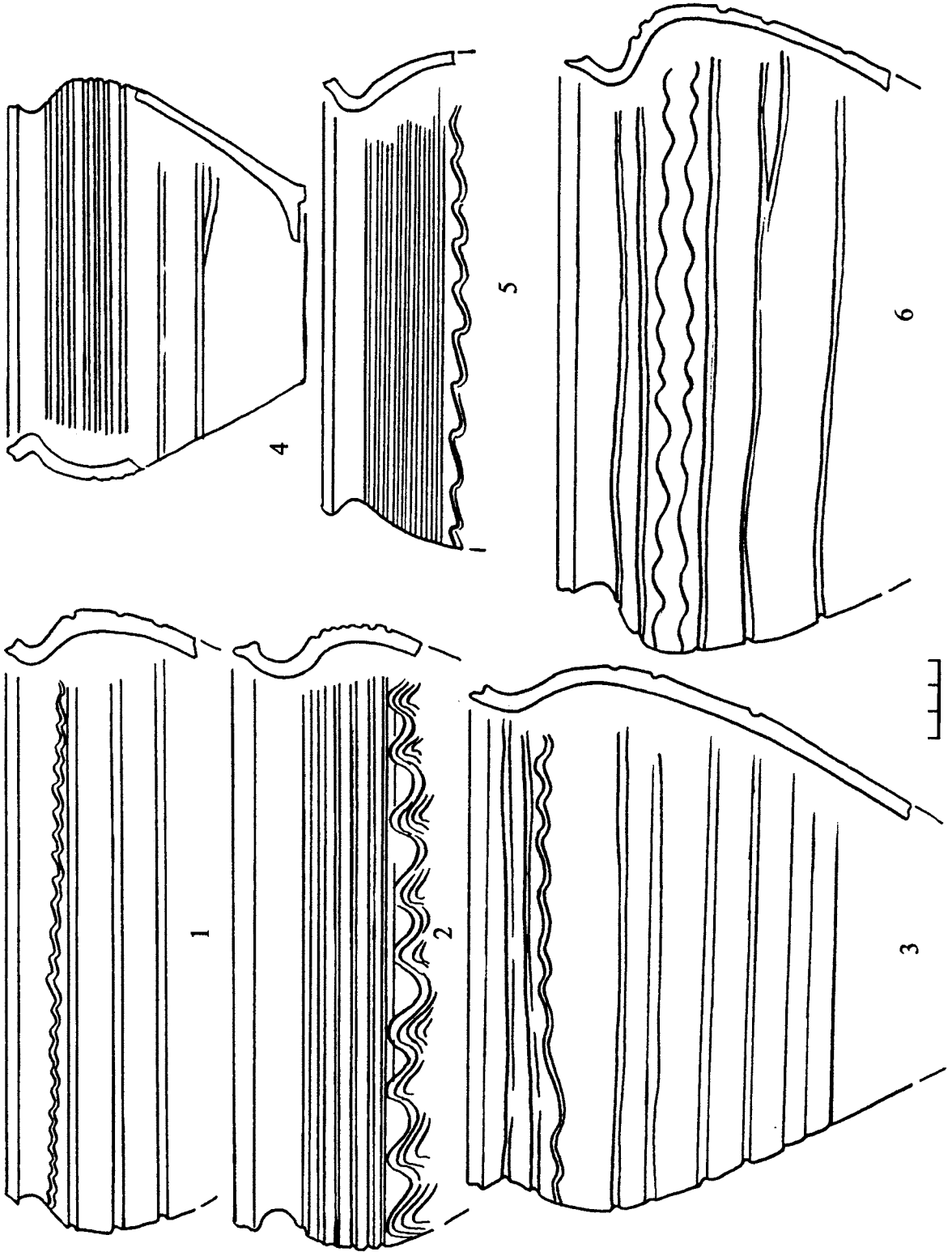

Табл. 133. Варяжская улица. Раскопки В. П. Петренко. Позднегончарная керамика из 7–5 шт.

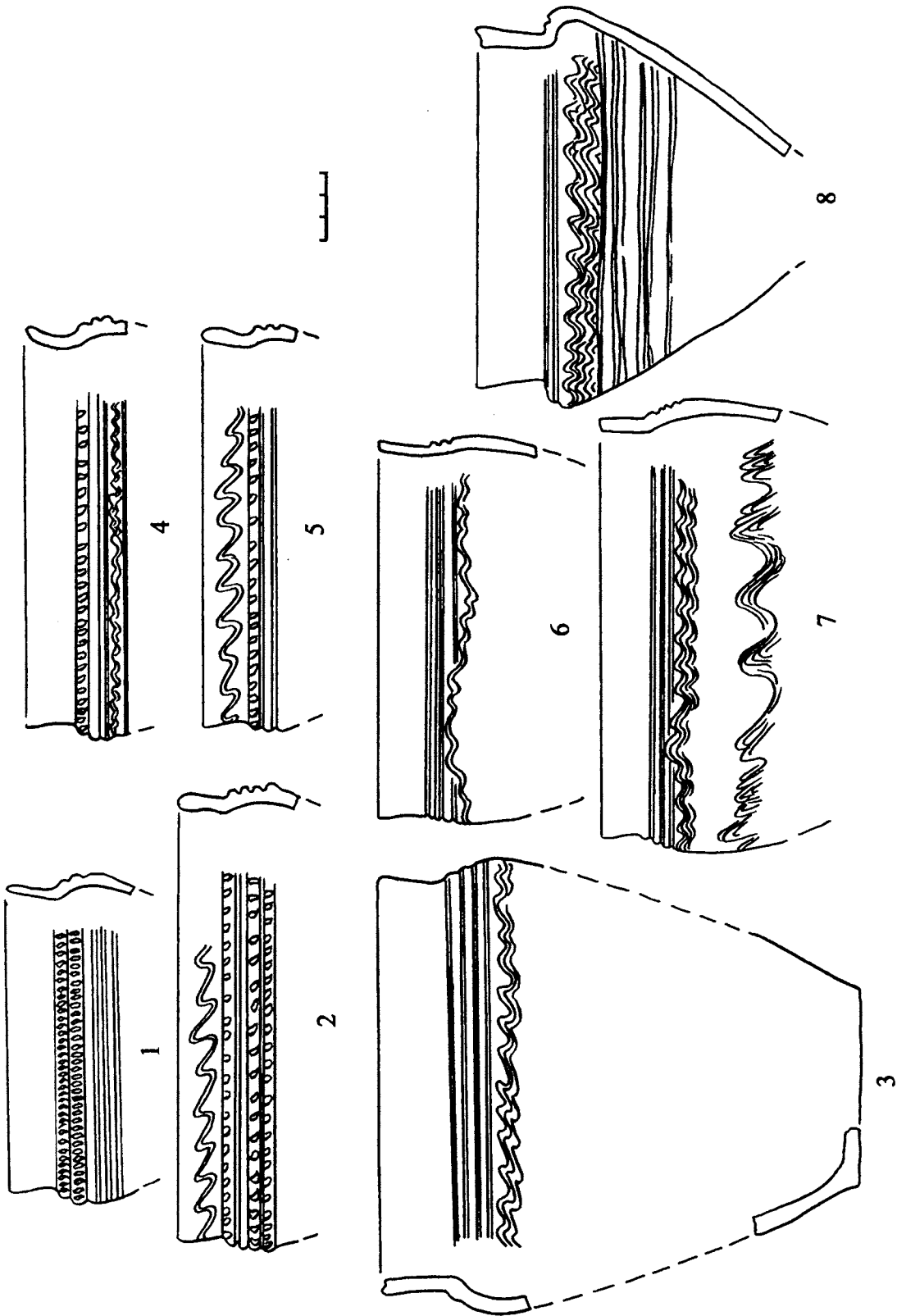

Табл. 134. Старая Ладога. Варяжская улица. Раскопки В. П. Петренко. 1-5, 8 - 5 шт.; 6, 7 - 6 шт.

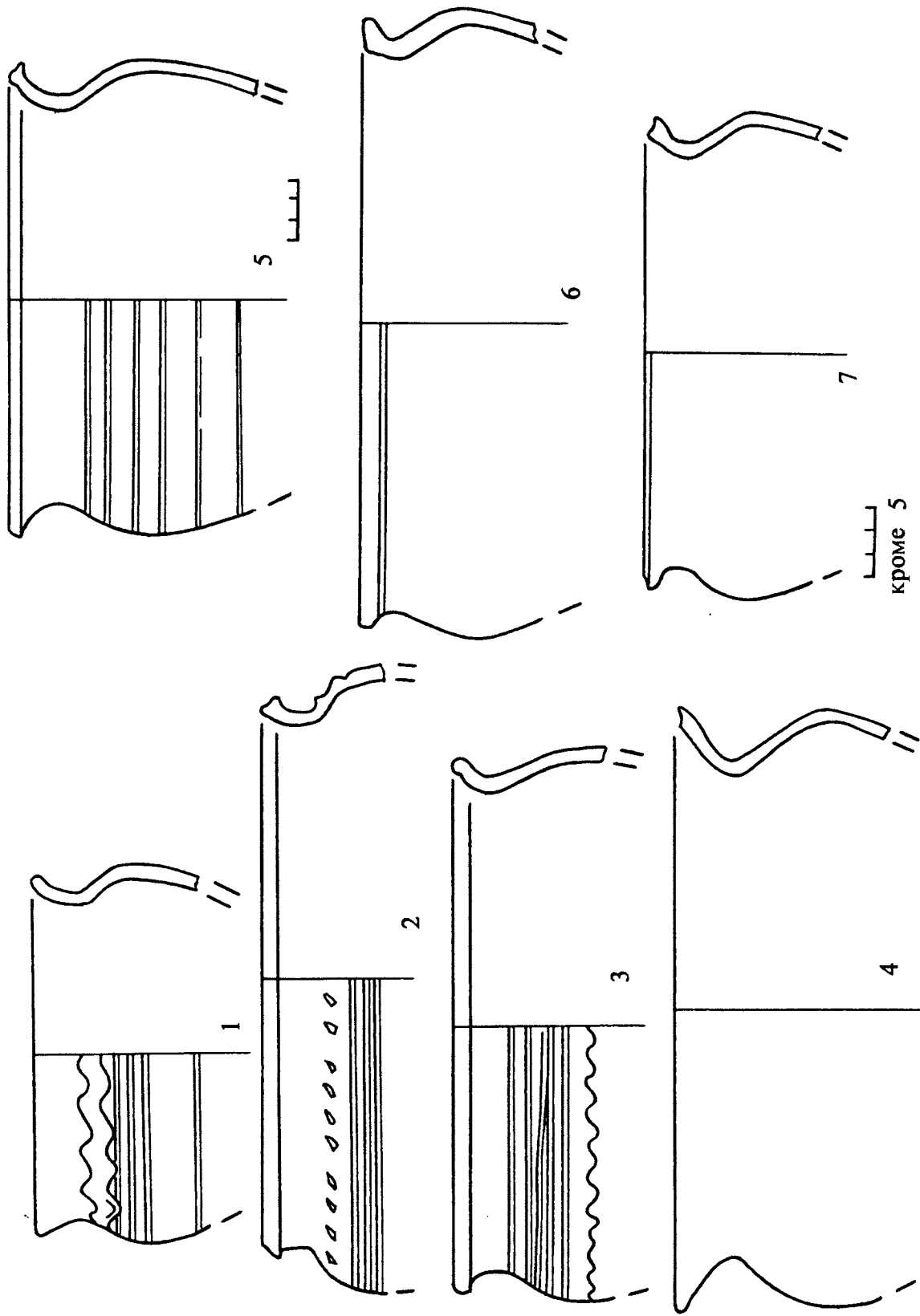

Табл. 135. Старая Ладога. Варяжская улица. Раскопки В. П. Петренко. Позднегончарная керамика XII–XIII и XV вв. из 5–6 шт.

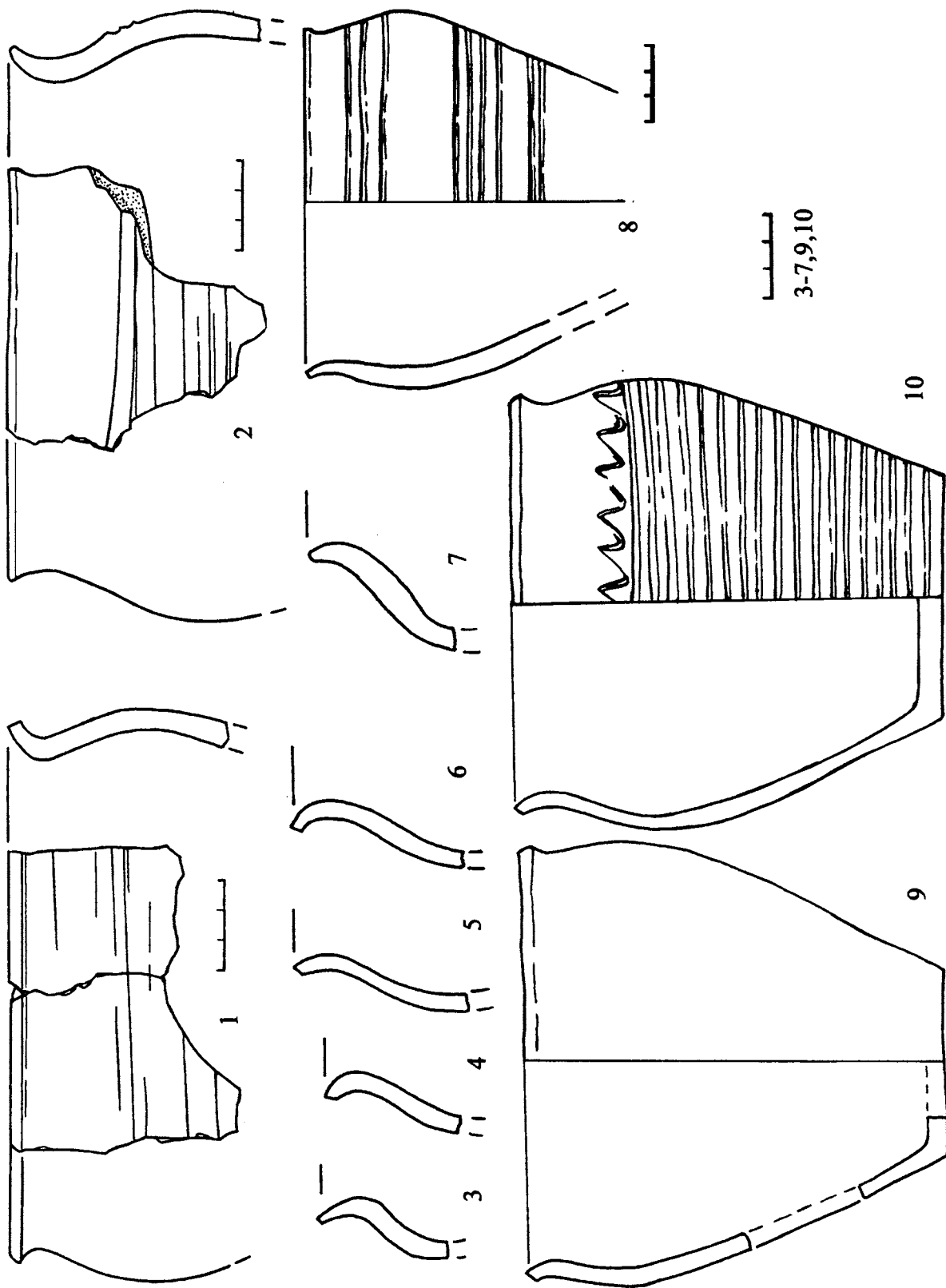

Табл. 136. Псков. Предгончарная и примитивно тончарная керамика (по С. В. Белецкому). 1-7 – южная часть Псковского Кремля, раскоп С. В. Белецкого, IV слой (соответствует горизонту Ж); 8, 9, 10 – Средний город – раскоп 1956 г. Г. П. Гроздилова (8 – горизонт Е; 9, 10 – горизонт Ж)

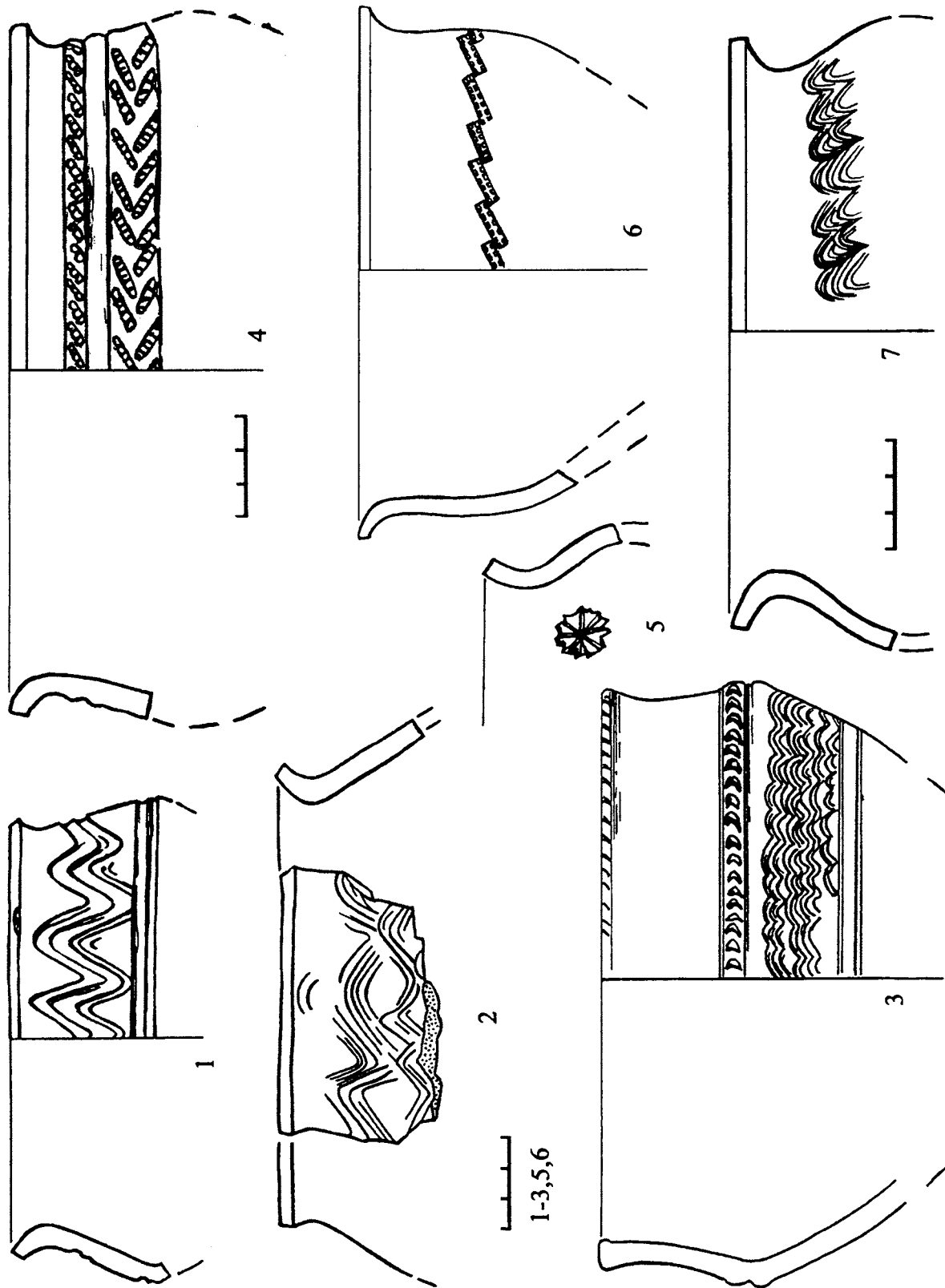

Табл. 137. Псков. Средний город, Р-1956 Г. П. Гроздилова, горизонт Е. Раннегончарная керамика. 1 — постройка в кв. АБ/7-8, слой перегород со щепой; 2 — постр. в кв. А/3; 4 — перекоп; 5, 6 — слой перегород со щепой; 7 — слой перегород с песком в кв. АБ/7-9

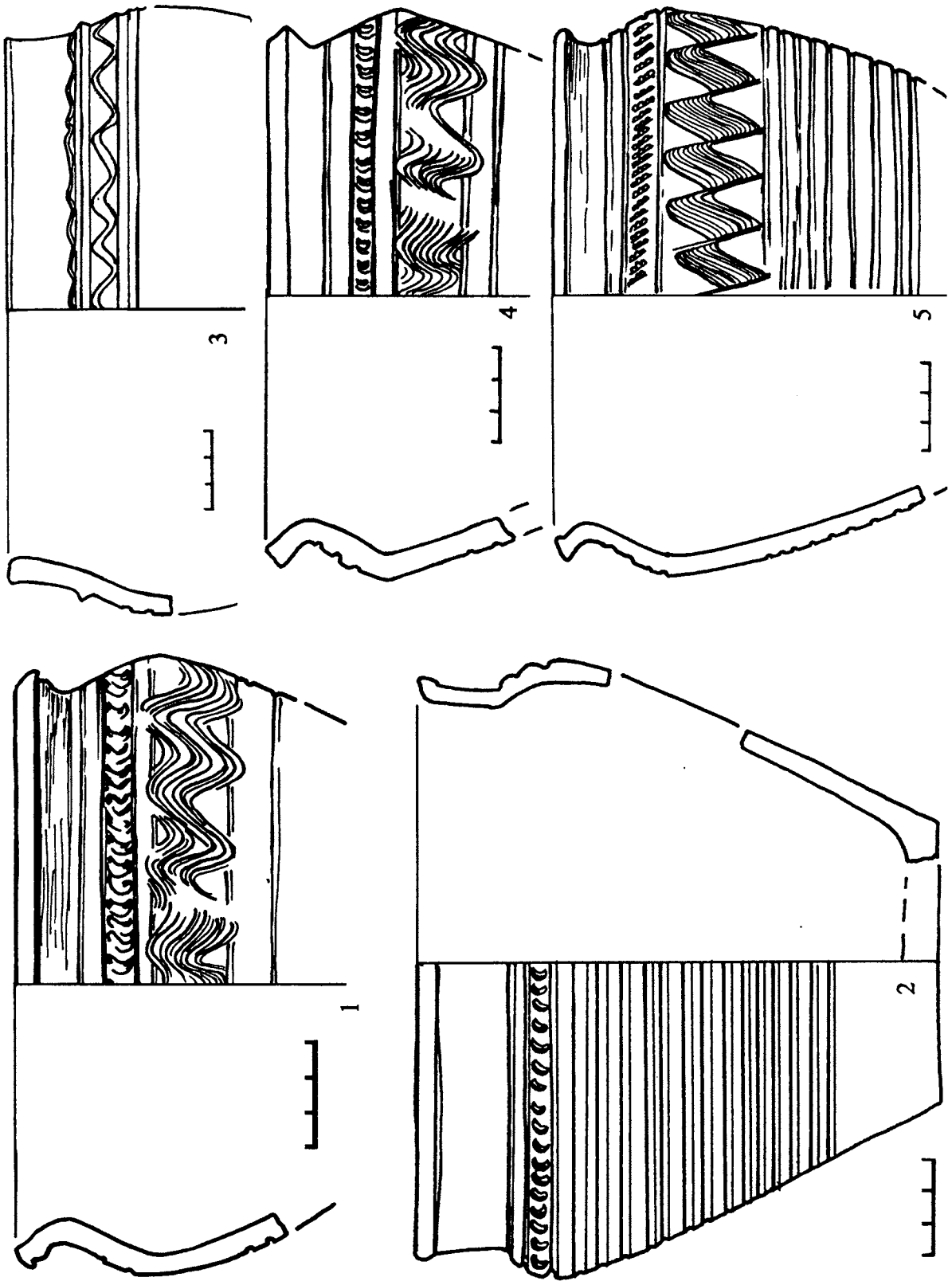

Табл. 138. Псков. Средний город, Р-1956 Г. П. Гроздилова, горизонт Е. Раннегончарная керамика, группа 5 (по В. С. Белецкому)

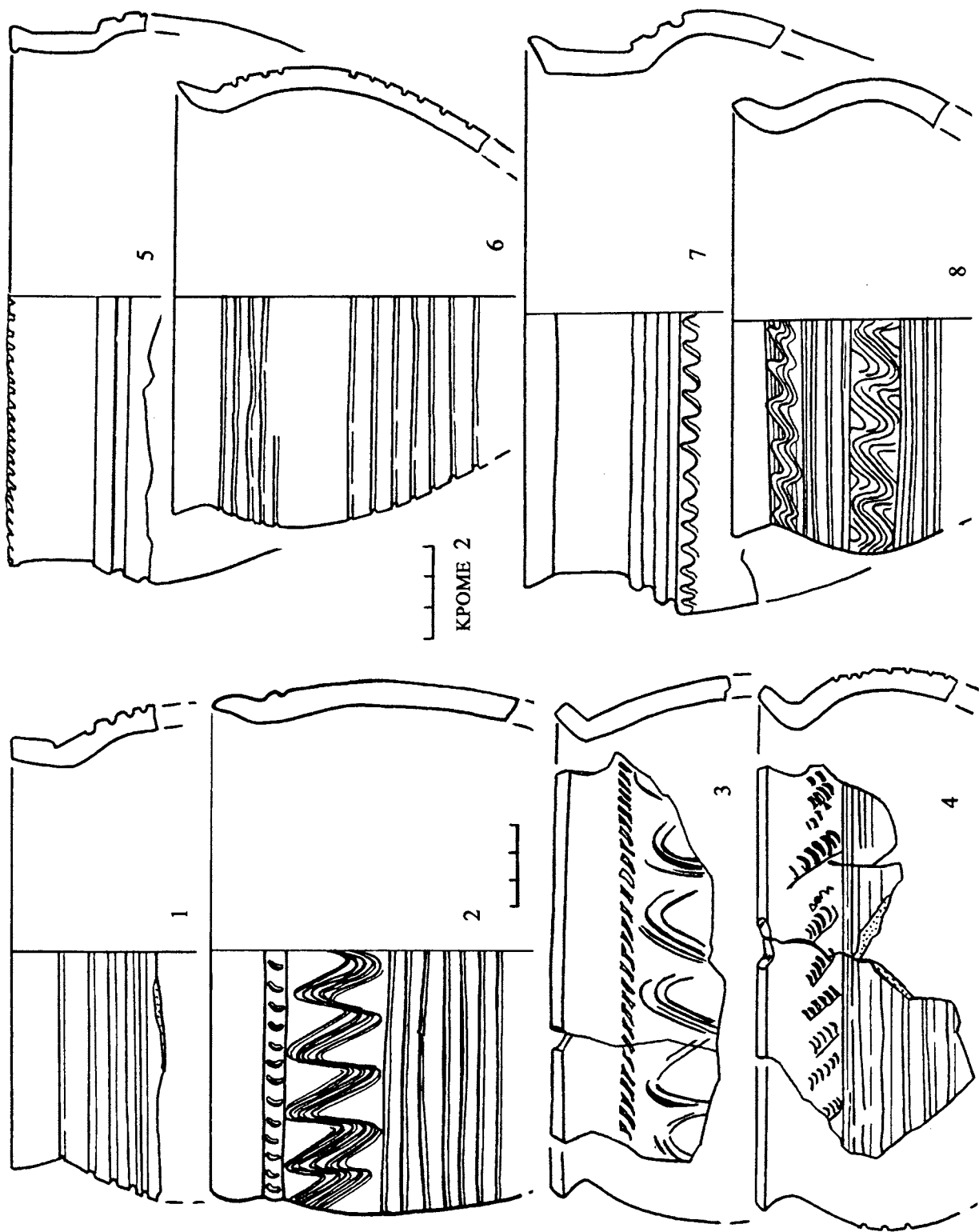

Табл. 139. Псков. Средний город, Р-1956 Г. П. Гроздилова, горизонт Е. Раннегончарная керамика, группа 5 (по В. С. Белецкому)

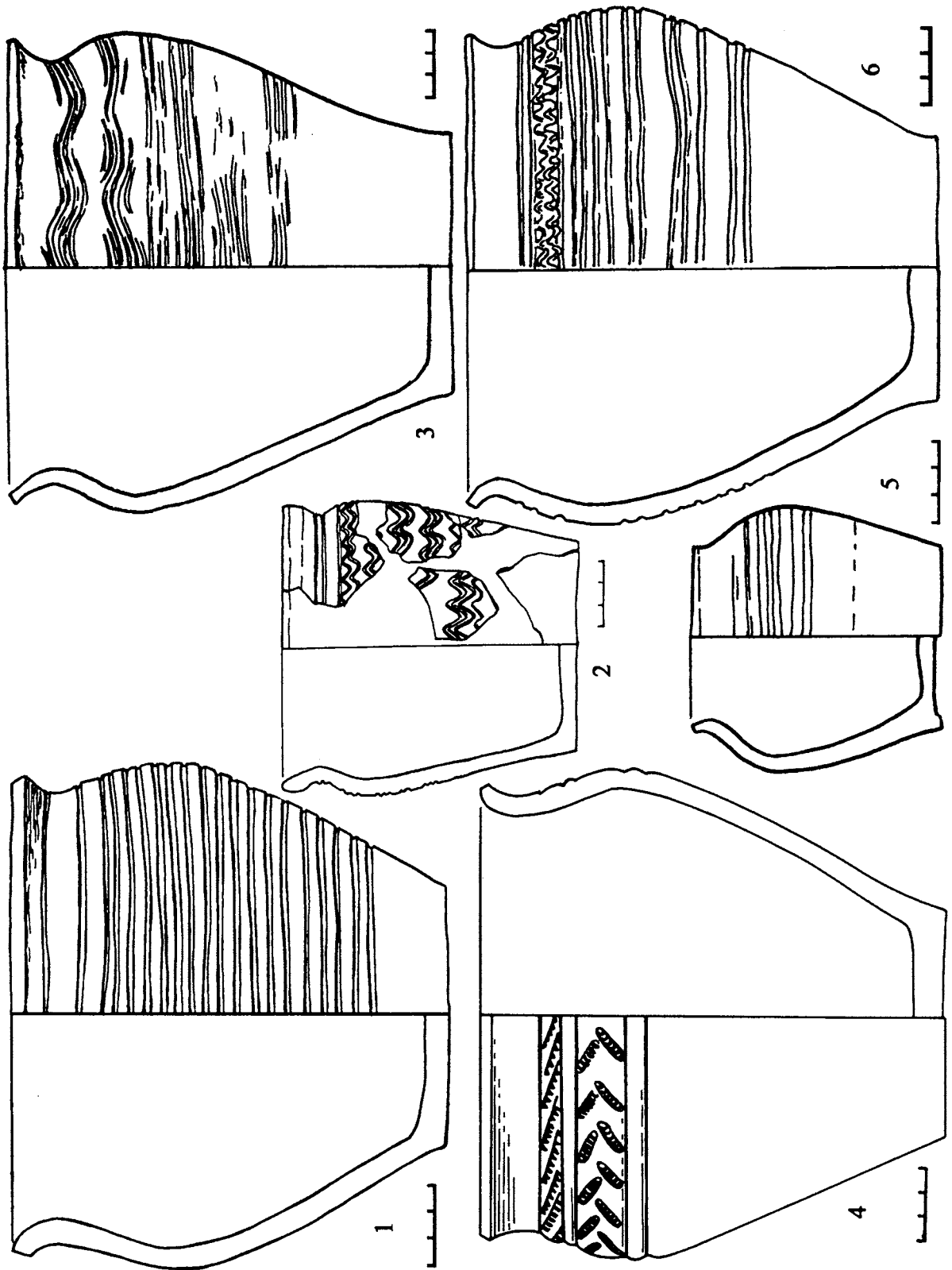

Табл. 140. Псков. Могильник. Раннегончарная керамика. 1 – погр. № 50; 2 – погр. № 37; 3, 4 – погр. № 31; 5 – погр. № 23; 6 – погр. № 73

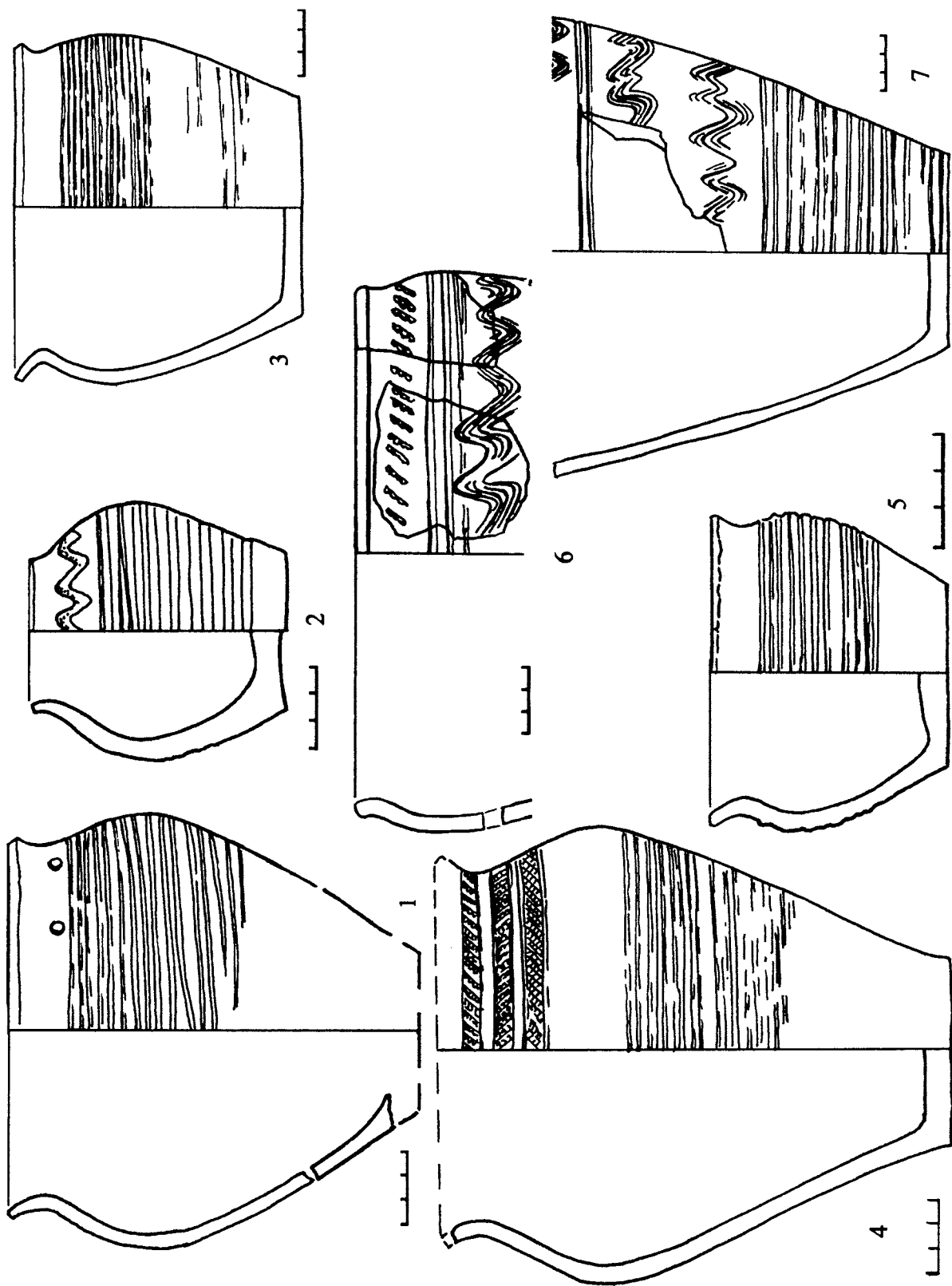

Табл. 141. Псков. Могильник. Раннегончарная керамика. 1, 2 — погр. № 20; 3 — погр. № 19; 4 — погр. № 45; 5 — погр. № 19; 6, 7 — погр. № 54

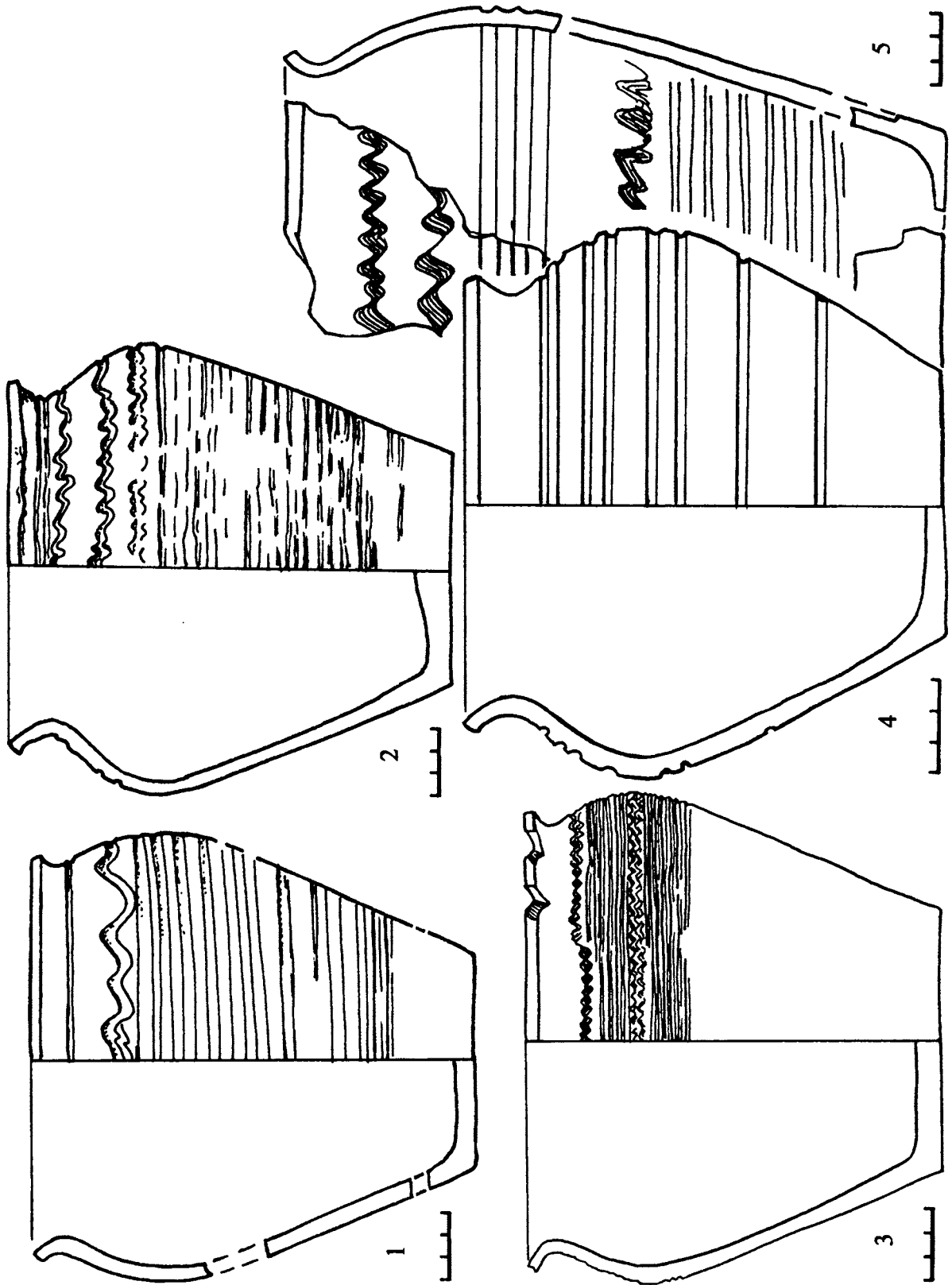

Табл. 142. Псков. Могильник. Раннегончарная керамика. 1 – погр. № 70; 2 – погр. № 36а; 3 – ровик кургана в юго-восточном углу Р-ХVI; 4 – погр. № 10; 5 – погр. № 18

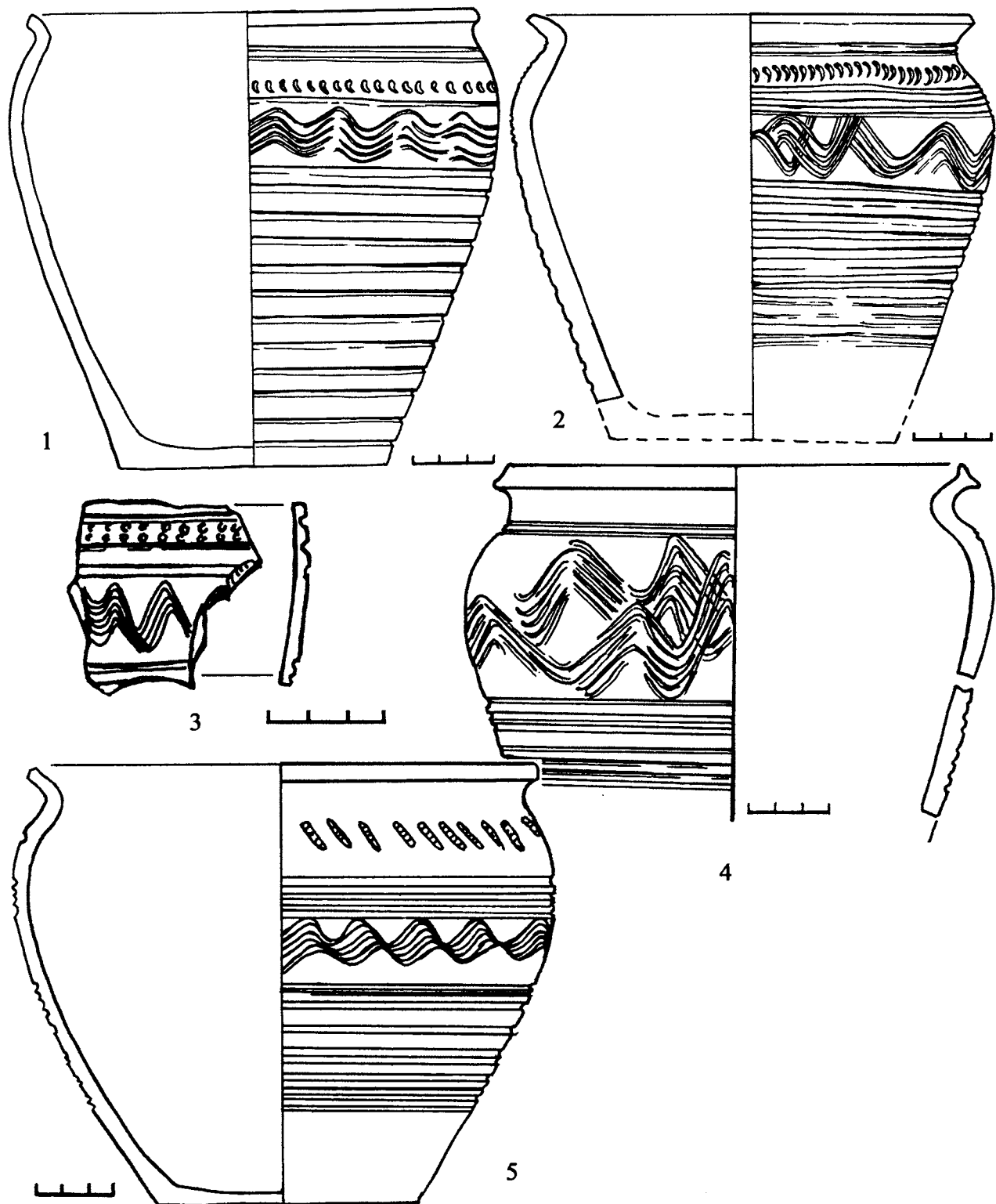

Табл. 143. Псков. Могильник. Раннегончарная керамика. 1 – погр. № ?; 2 – погр. № 34; 3 – погр. № 18; 4 – ровик кургана, яма № 8, Р-Х; 5 – погр. № 1

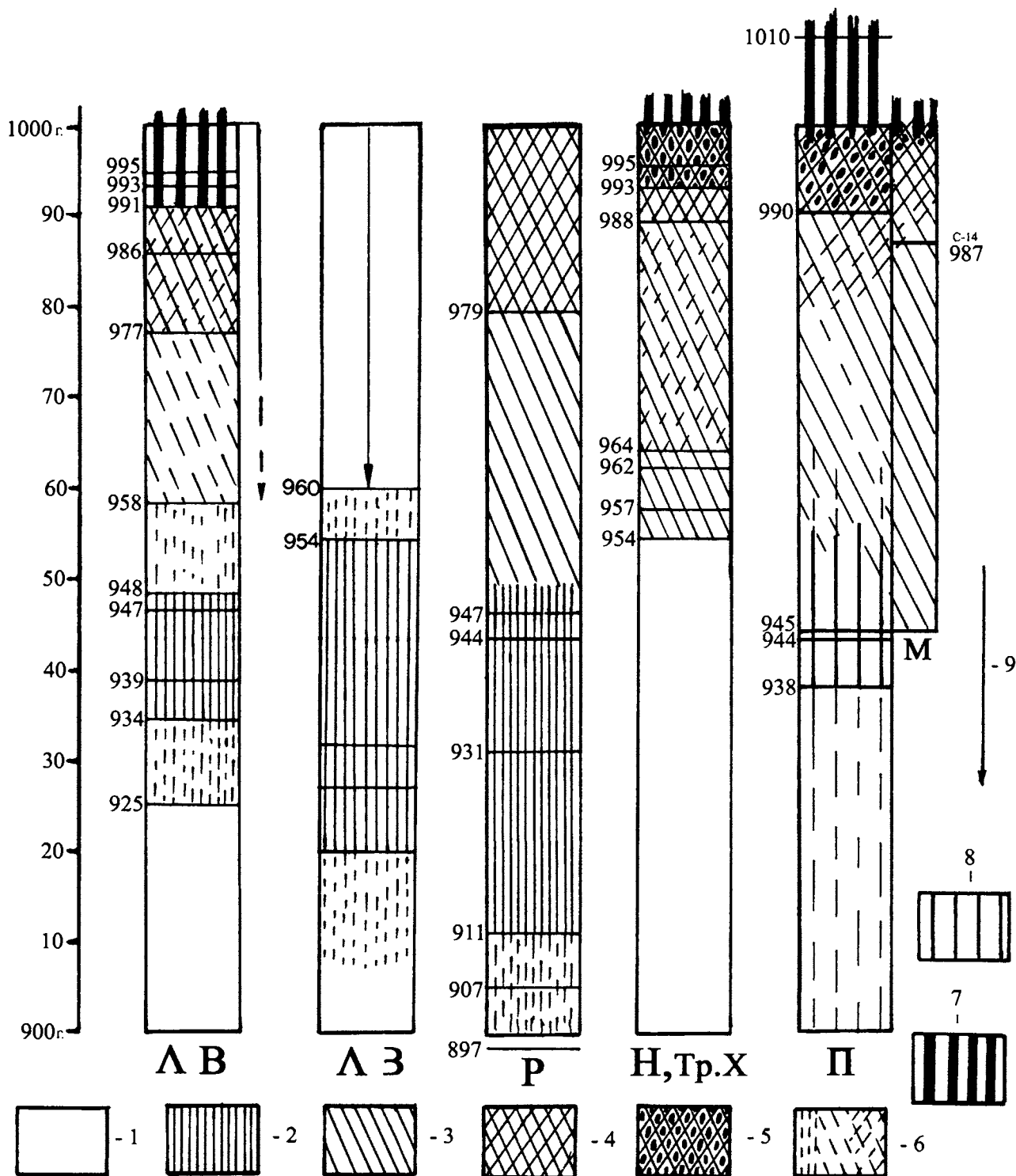

Табл. 144. Синхронизация развития раннегончарных комплексов Рюрикова городища, Новгорода, Старой Ладого и Пскова. Р – Рюриково городище. Н, Тр.Х – Новгород, Тронцкий Х раскоп. ЛЗ – Старая Ладога, Земляное городище. ЛВ – Старая Ладога, Варяжская улица. П – Псков. М – могильник Пскова. 1 – лагуна в материале, 2 – комплексы первого этапа развития раннегончарной керамики X в. по Рюрикову городищу (далее – по РГ), 3 – комплексы второго этапа по РГ, 4 – комплексы третьего этапа по РГ, 5 – присутствие в третьем комплексе по РГ более поздних форм, 6 – отсутствие комплексного набора форм по РГ, 7 – комплексы XI в., 8 – предгончарная и примитивно гончарная керамика Пскова, 9 – структурные нарушения культурного слоя. 947 – дендродата

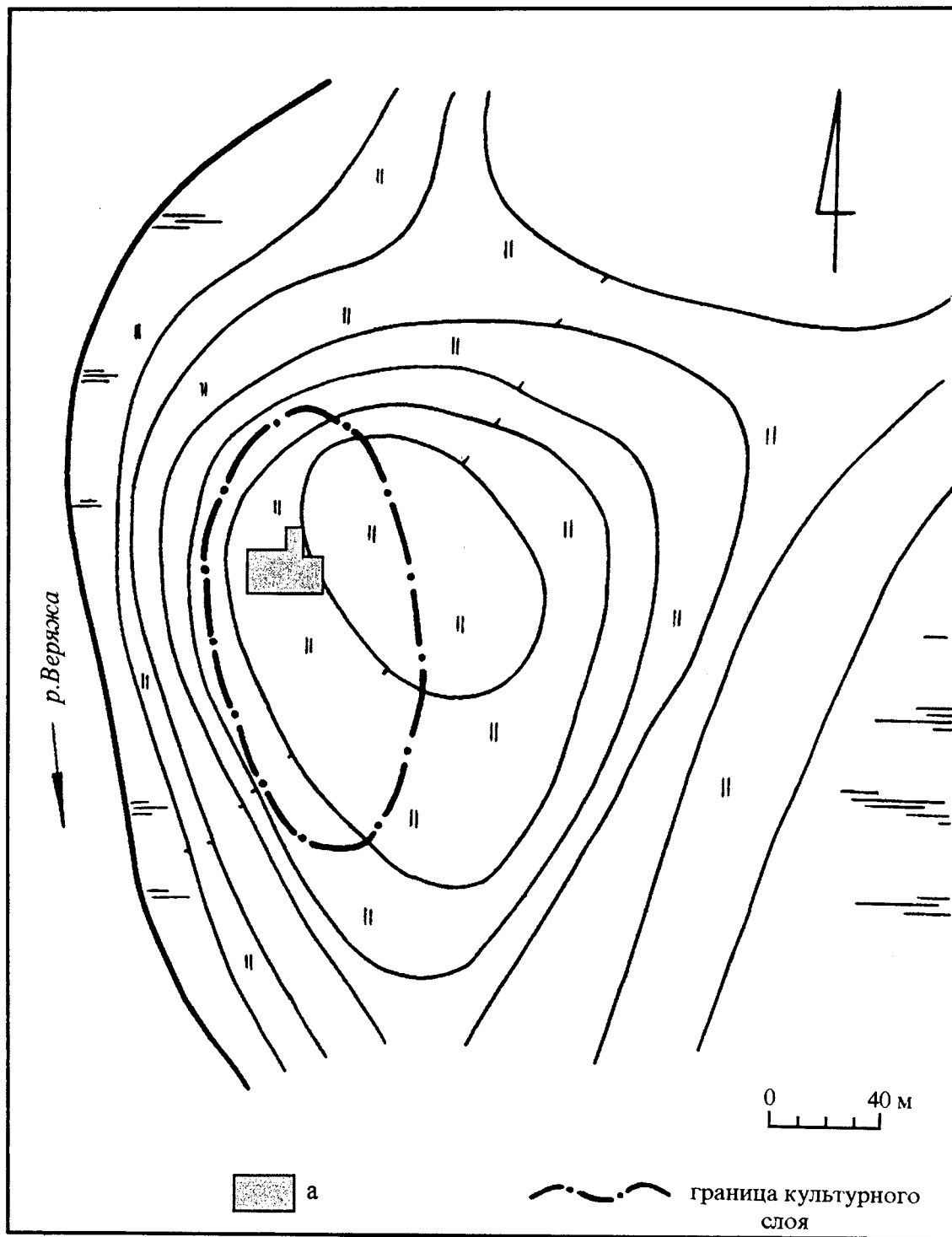

Табл. 145. Селище Васильевское 1. План. Сечение горизонталей через 1 м. а – раскоп 1977, 1985–1990 гг.

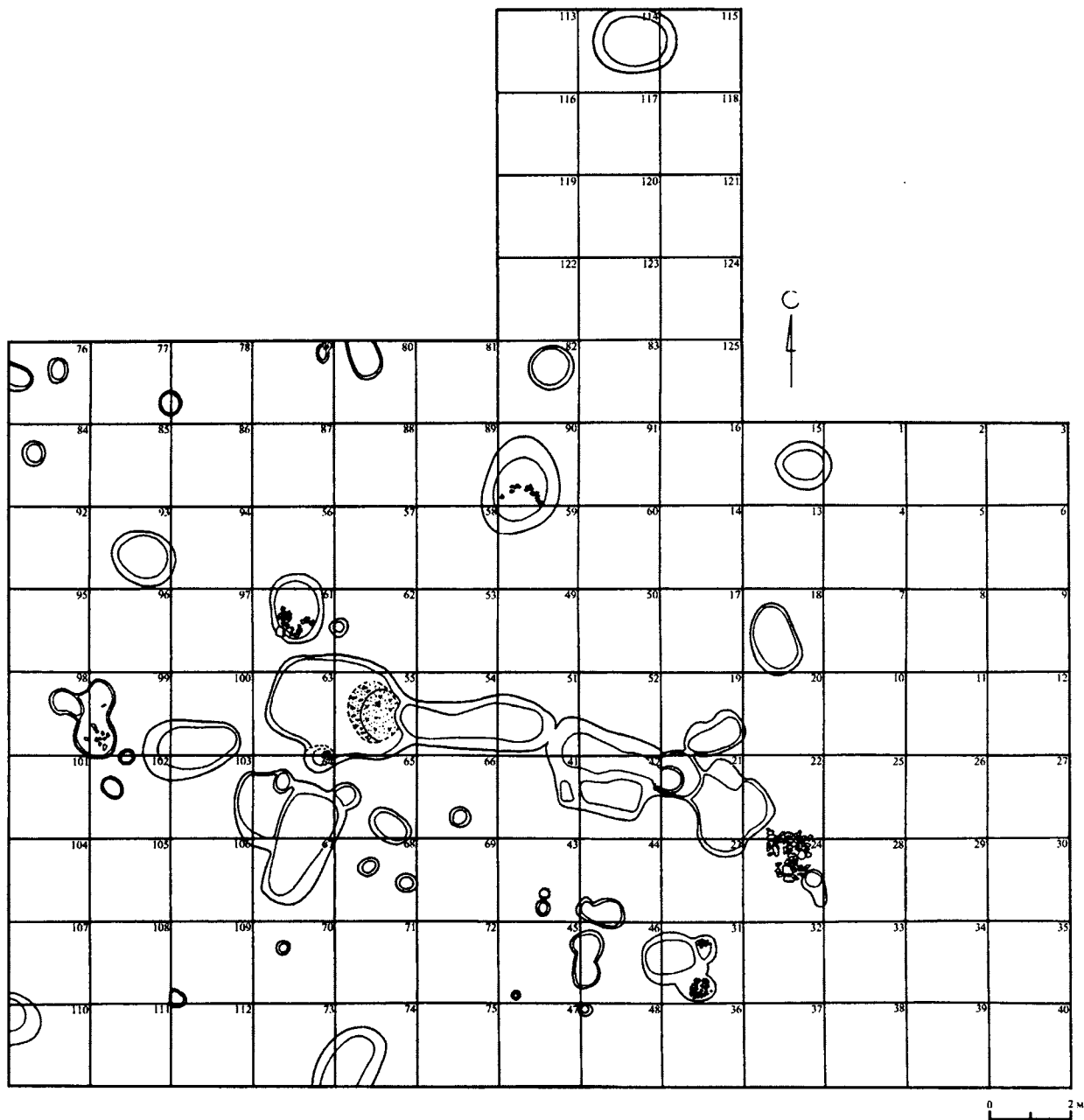

Табл. 146. Селище Васильевское I. План раскопа

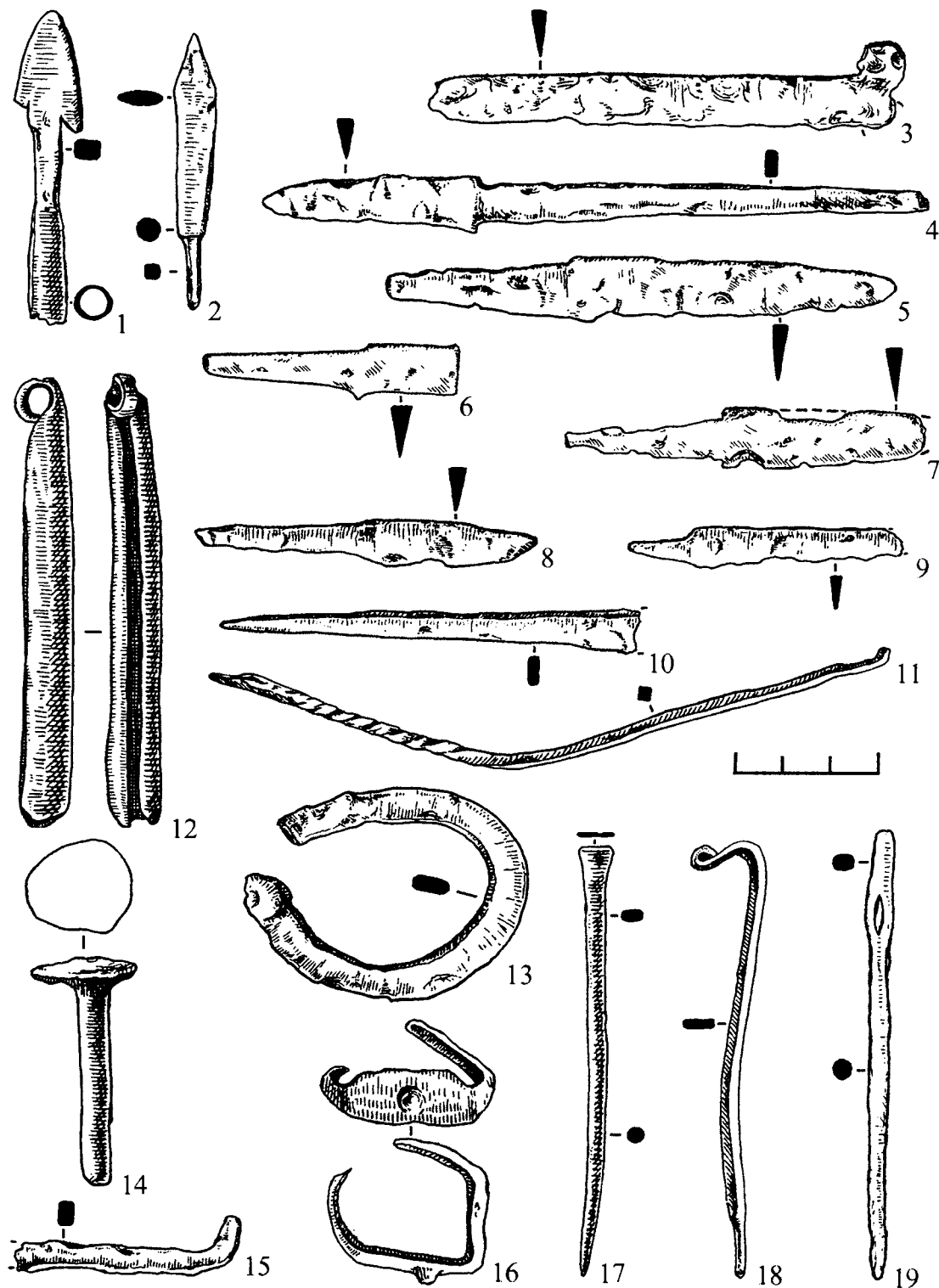

Табл. 147. Селище Васильевское 1. Находки из железа: 1 – случайная находка; пахотный слой: 3 – кв. 42; 5 – кв. 15; 6 – кв. 76; 7 – кв. 102; 8 – кв. 44; 9 – кв. 19; 12 и 16 – кв. 41; 17 – кв. 22; 18 – кв. 13; 19 – кв. 26; 4 – заполнение ямы в кв. 31, 46; 2, 11, 15 – заполнение комплекса в кв. 54 и 13 – кв. 55

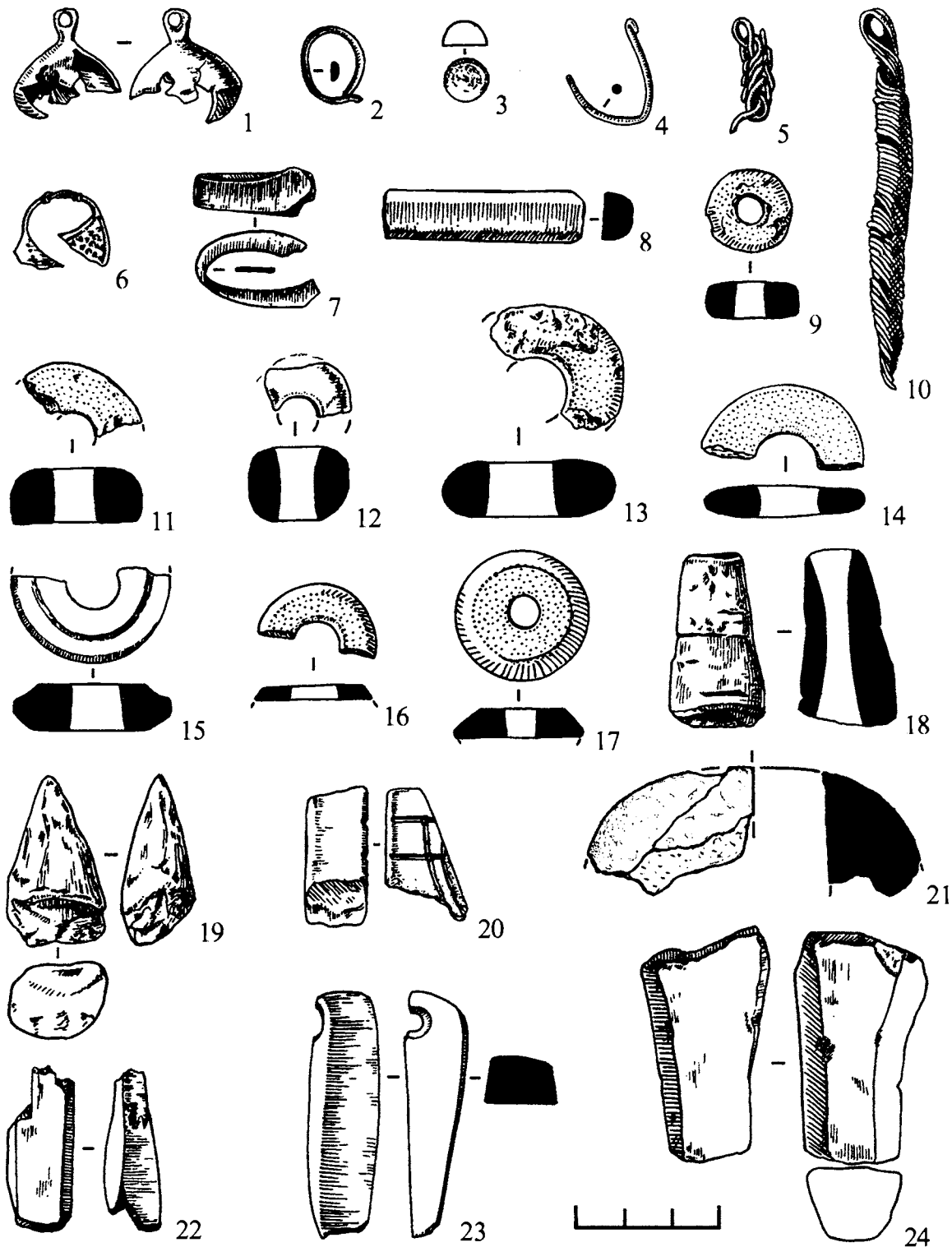

Табл. 148. Селище Васильевское 1. Находки: пахотный слой: 1 – кв. 76; 4 – кв. 53; 6 – кв. 63; 8 – кв. 120; 9 – кв. 114; 10 – кв. 14; 13 – кв. 22; 16 – кв. 70; 17 – кв. 108; 21 – кв. 27; 22 – кв. 38; 24 – кв. 21; 14 – черный слой, кв. 20; 12 – заполнение ямы в кв. 21; 19, 23 – заполнение комплекса в кв. 42; 20 – заполнение комплекса в кв. 54 и 15, 18 – кв. 55; 2, 7 – заполнение ямы в кв. 92; 3, 11 – заполнение ямы в кв. 99, 100, 102, 103; 5 – заполнение ямы в кв. 103

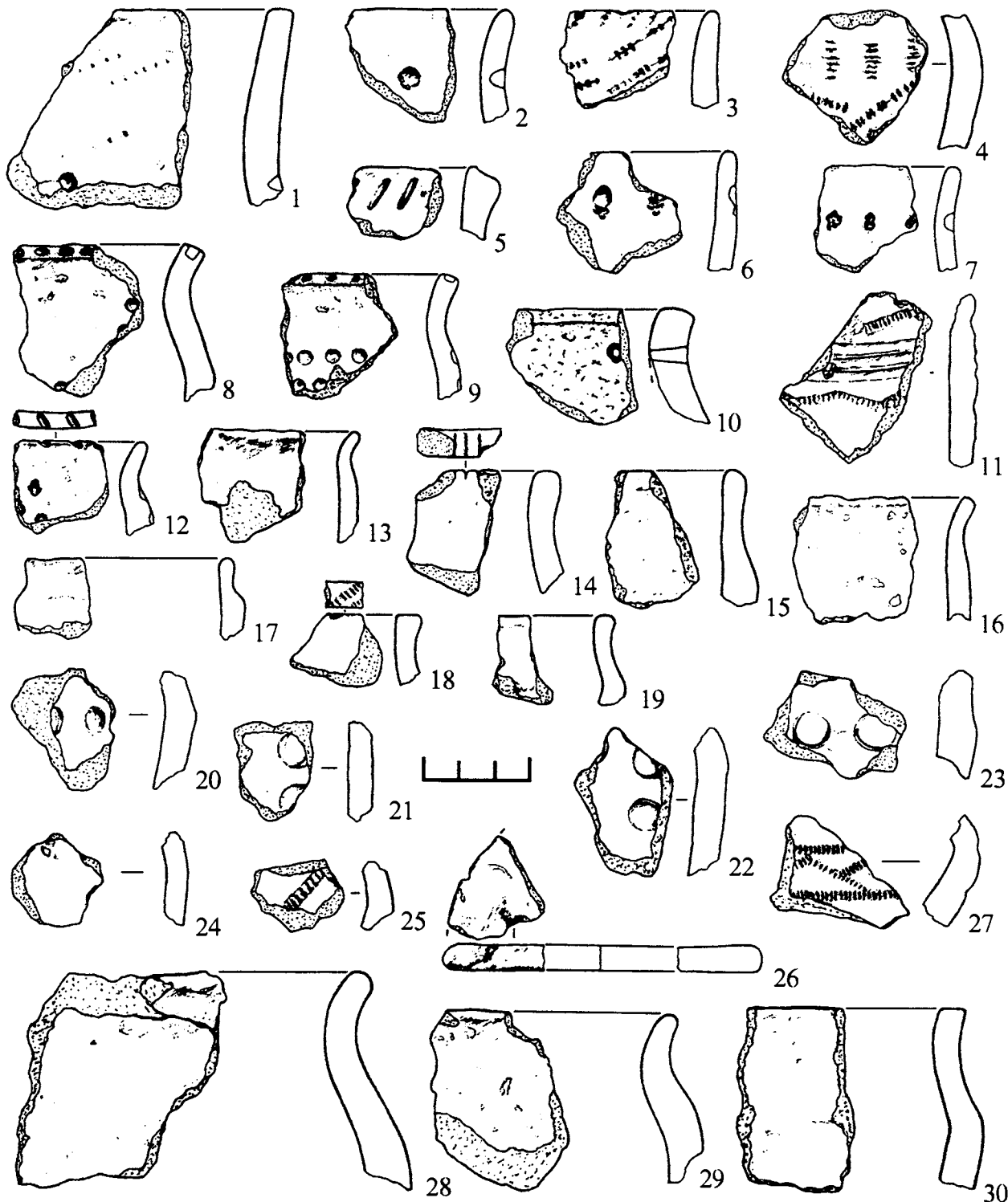

Табл. 149. Селище Васильевское I. Керамика из пахоты и черного слоя: 2-8, 10, 12-15, 17, 19-30 – пахотный слой; 1, 9, 11, 16, 18 – черный слой

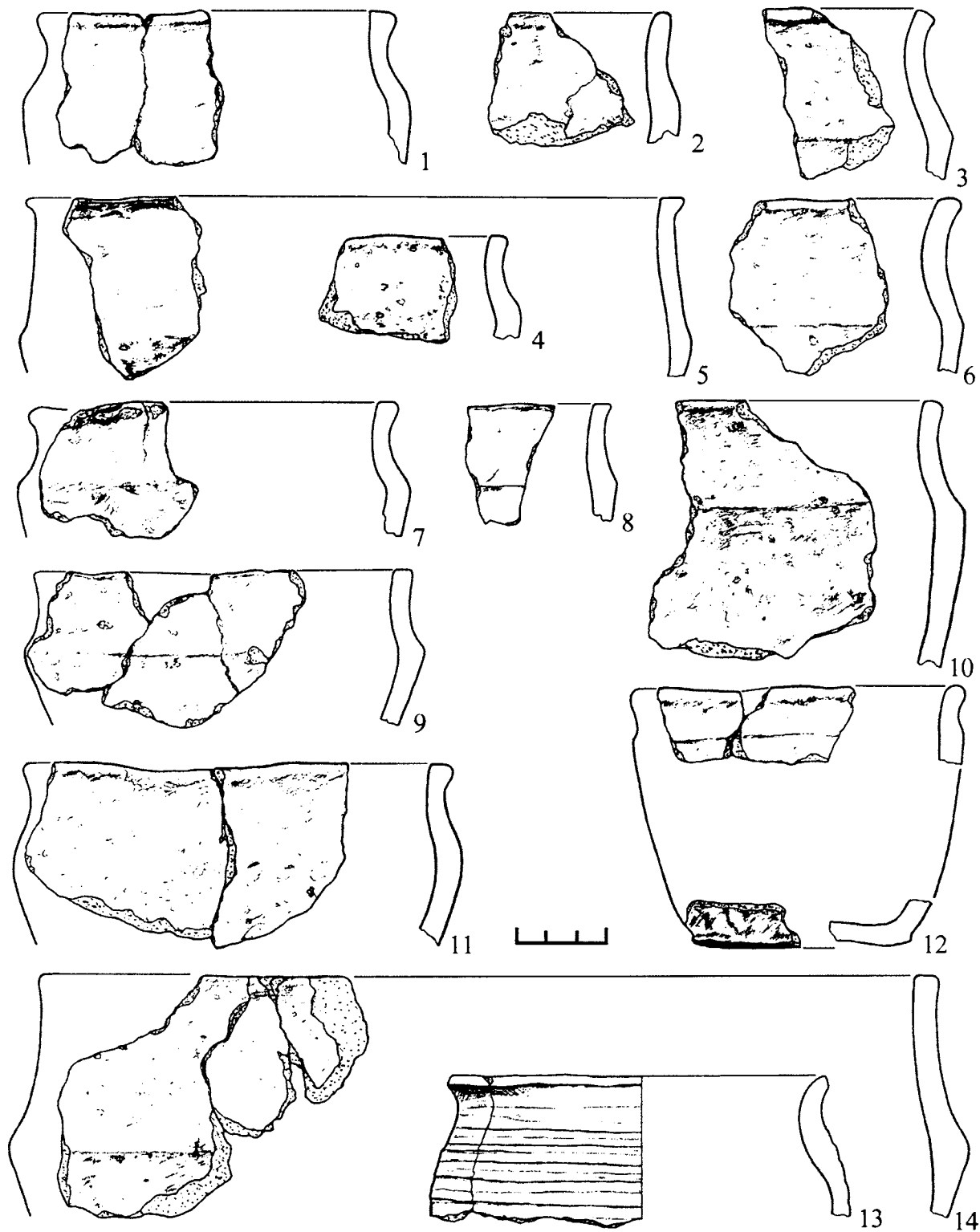

Табл. 150. Селище Васильевское 1. Керамика комплекса в кв. 51, 54, 55, 61–65

Табл. 151. Селище Васильевское I. Керамика из комплекса в кв. 51, 54, 55, 61-65

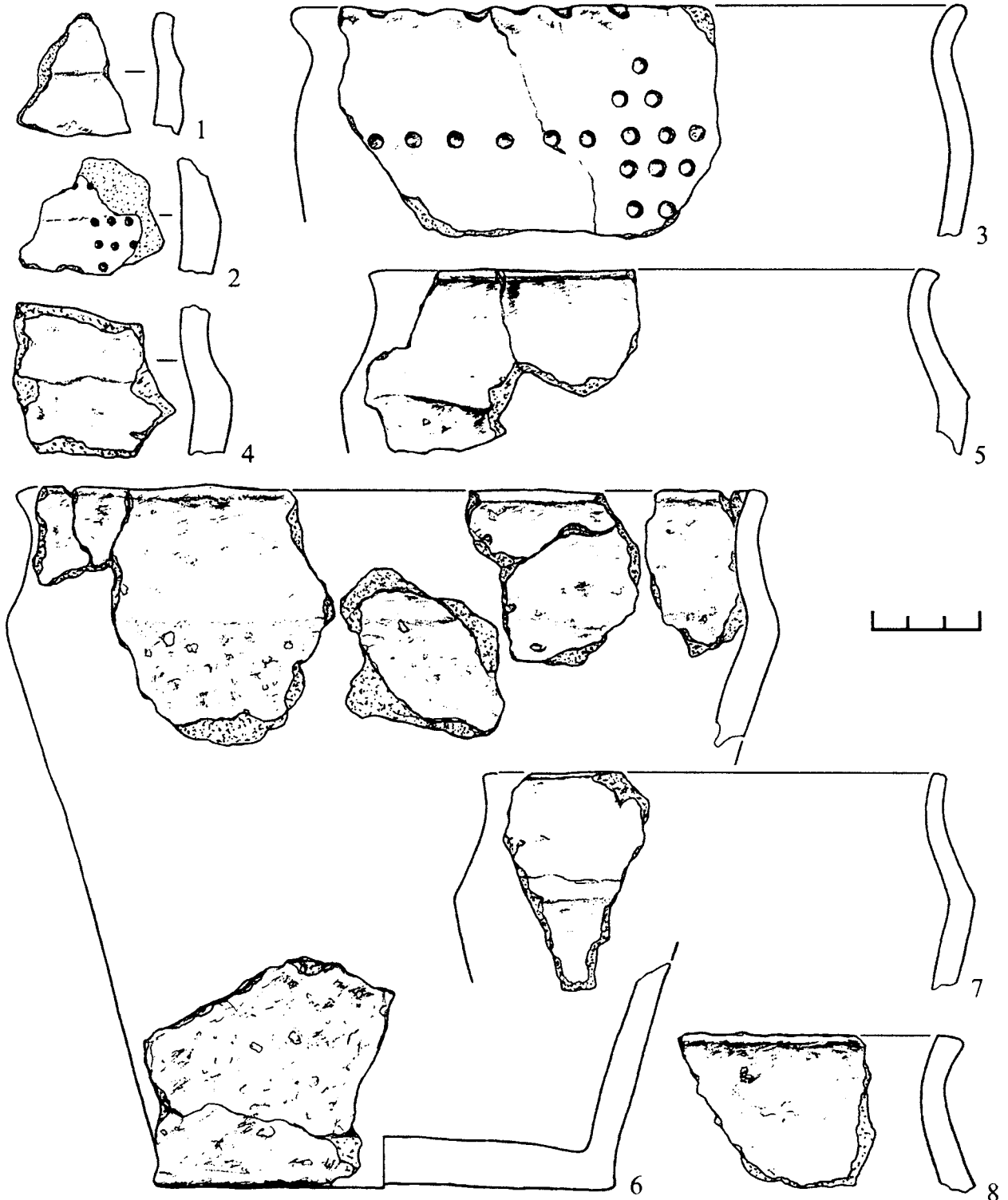

Табл. 152. Селище Васильевское I. Керамика из заполнений: 1 — очага в кв. 31, 46; 2, 3 — ямы в кв. 24; 4, 5 — ямы в кв. 18; 6 — ямы в кв. 18 и культурного слоя над ней; 7, 8 — ямы в кв. 19

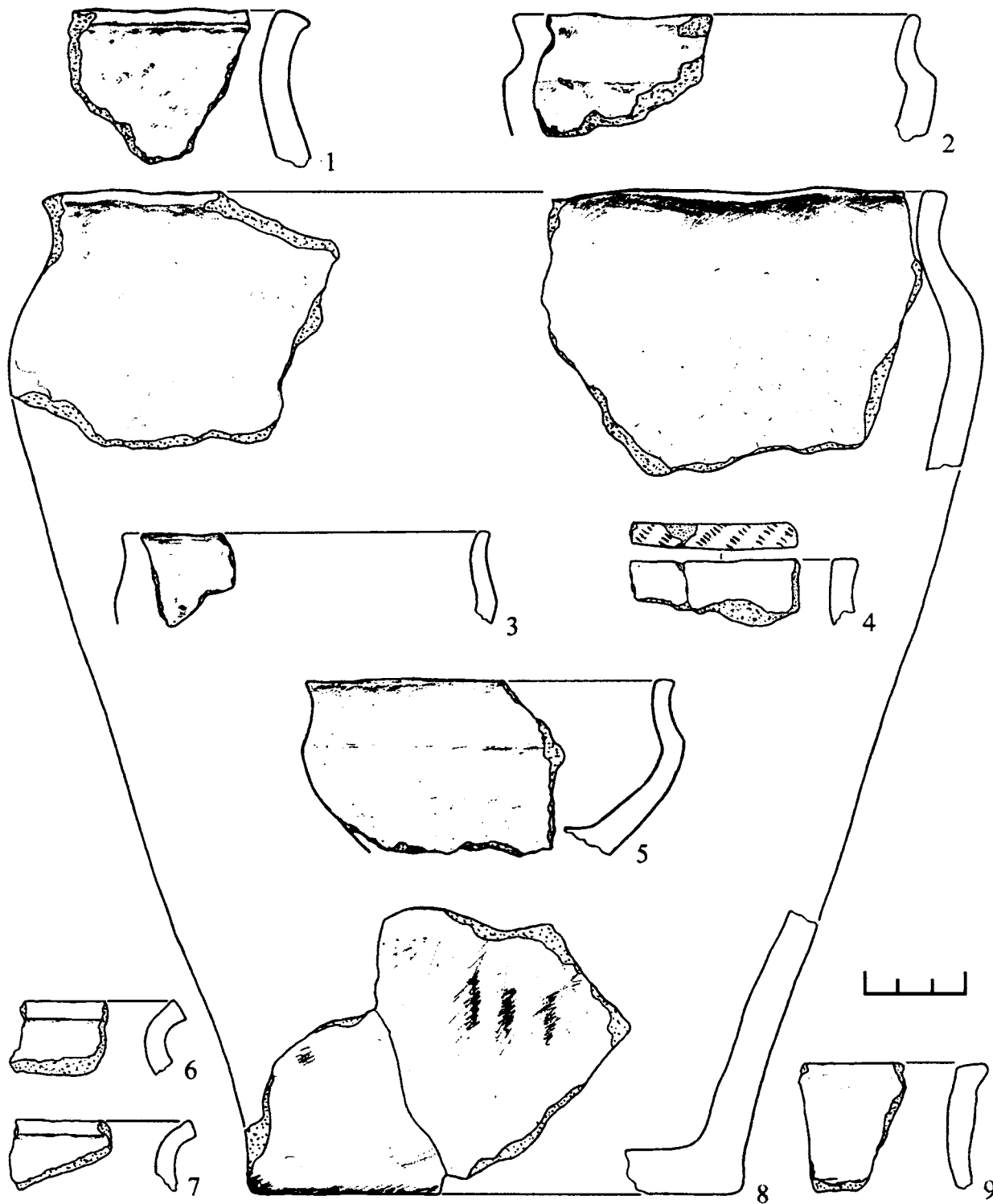

Табл. 153. Селище Васильевское 1. Керамика из заполнений: 1 – ямы в кв. 44, 46; 2, 3, 5–9 – ямы в кв. 58, 59, 89, 90; 4 – пахоты в кв. 91 и ямы в кв. 58, 59, 89, 90

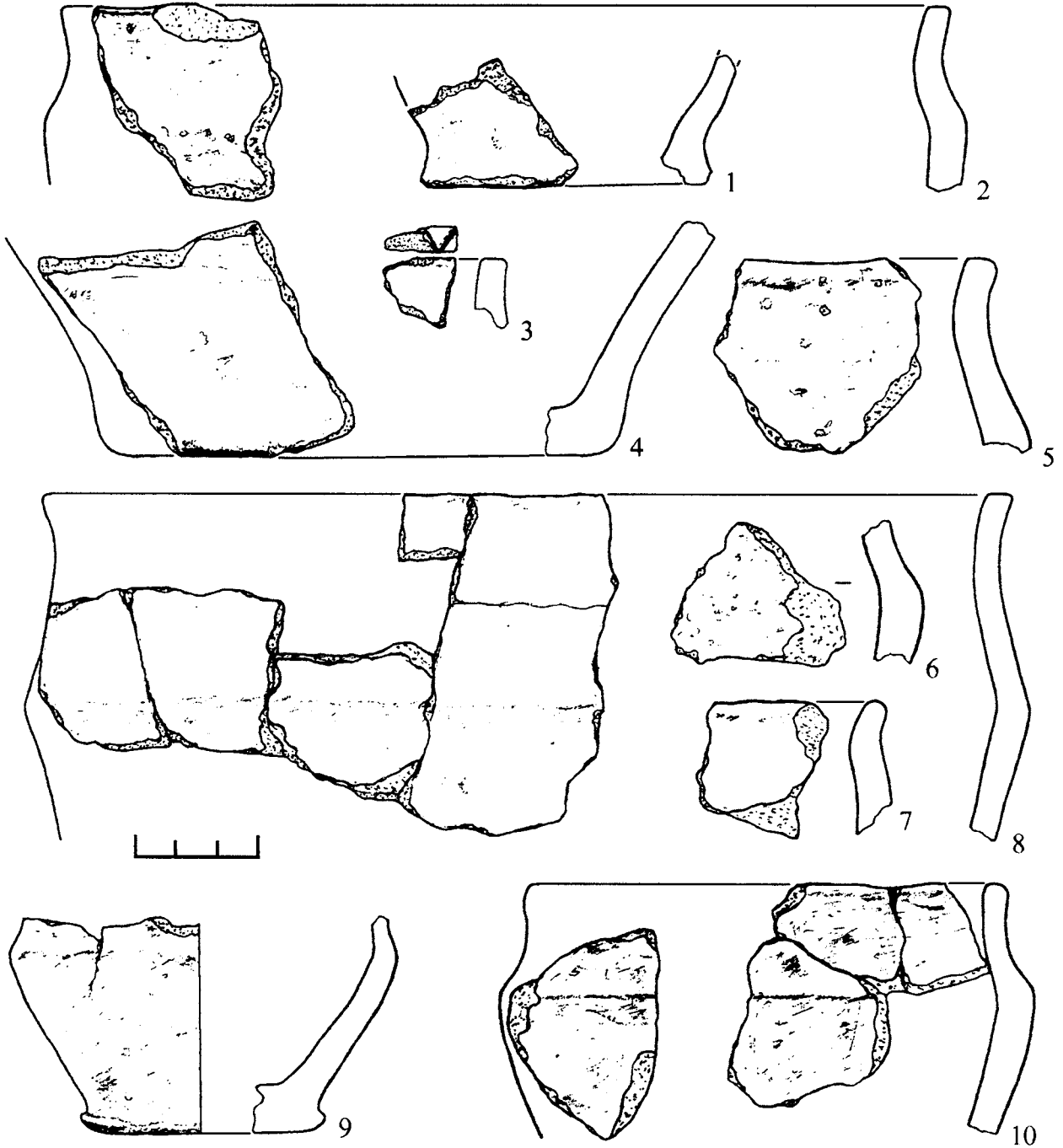

Табл. 154. Селище Васильевское I. Керамика из заполнений: 1, 3, 5, 8 — ямы в кв. 99, 100, 102, 103; 2 — ямы в кв. 73,74; 4 — ямы в кв. 80; 6, 9 — ямы в кв. 114, 115; 7, 10 — ямы в кв. 93

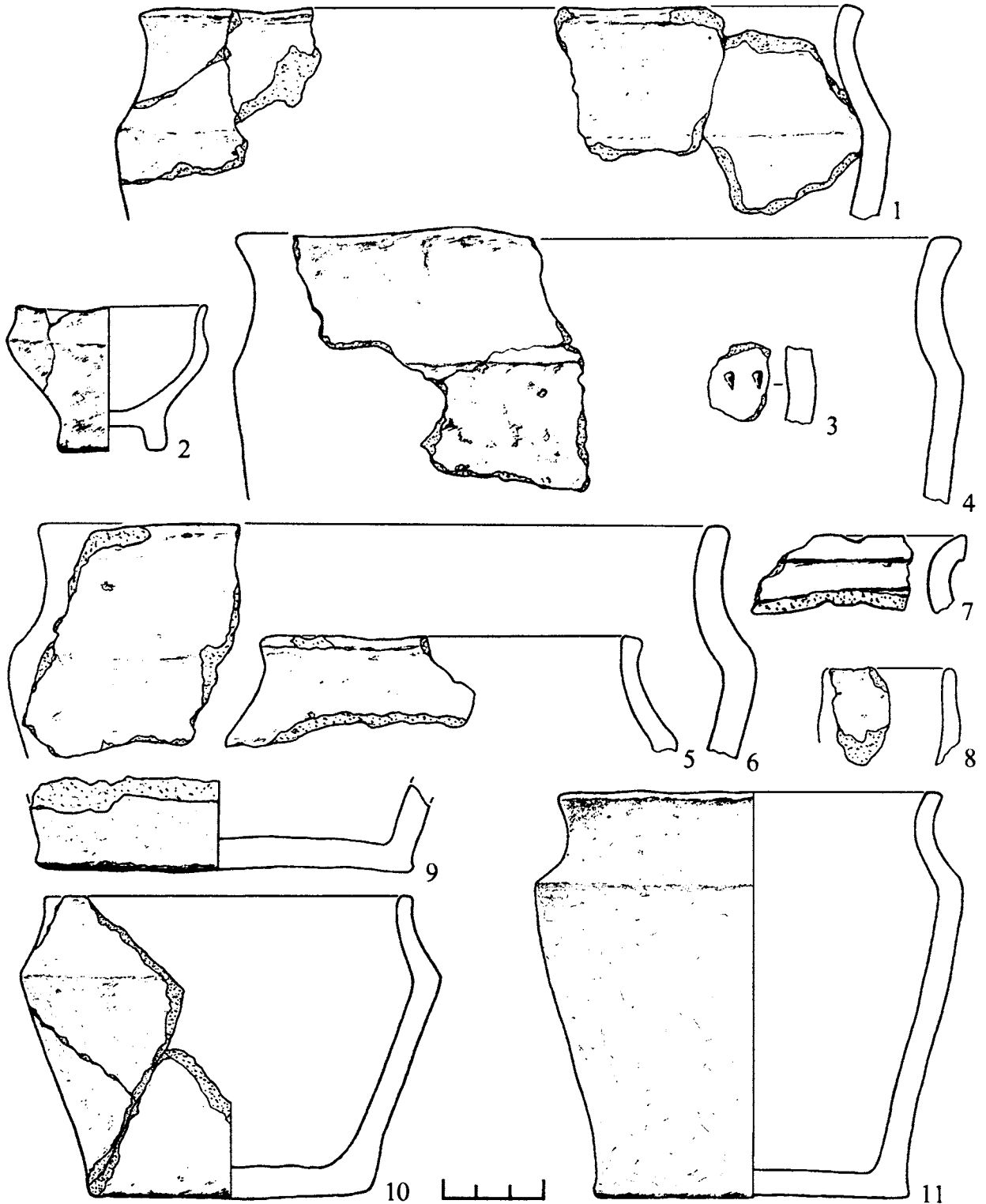

Табл. 155. Селище Васильевское 1. Керамика из заполнения сооружения в кв. 21, 41, 42, 51, 52

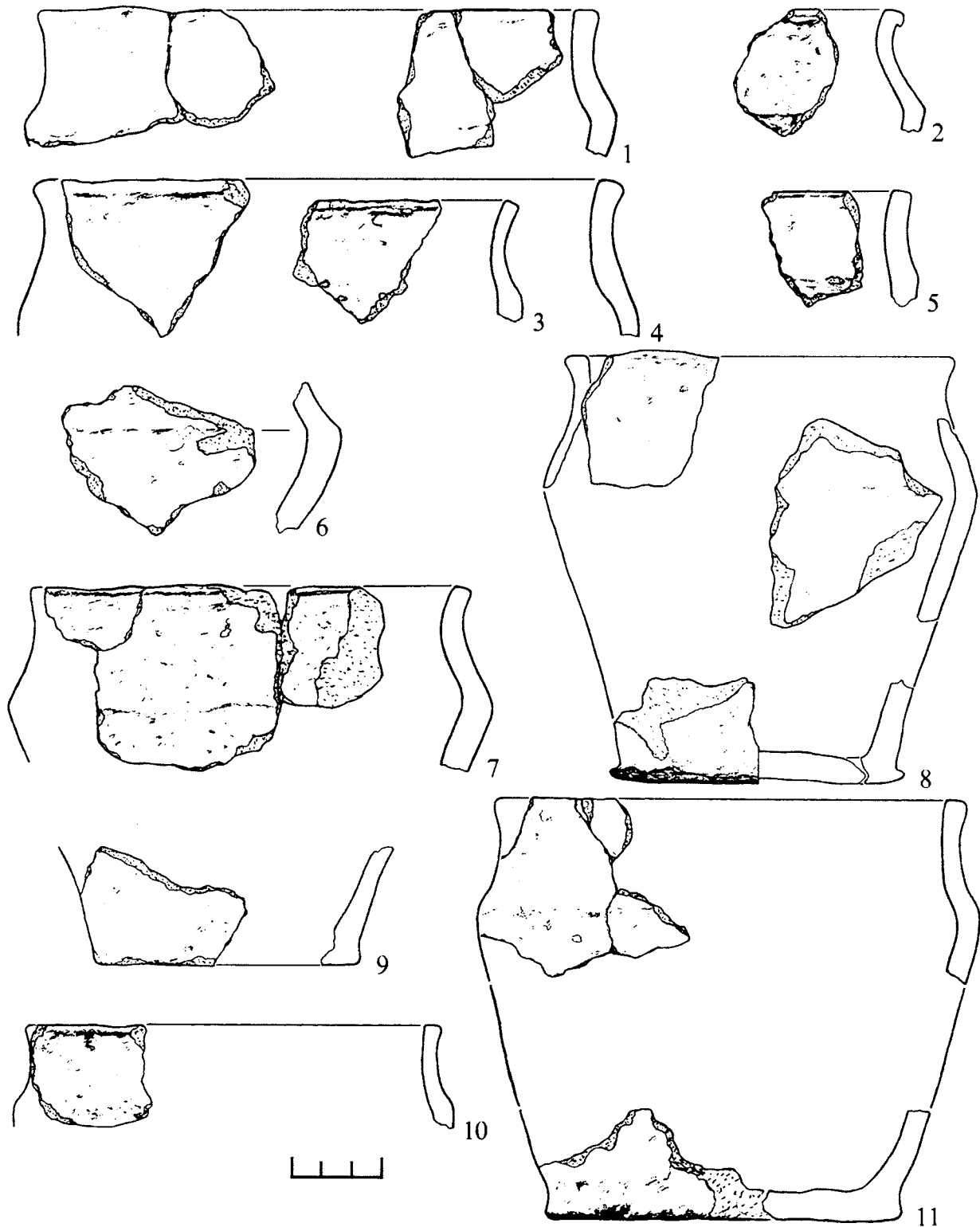

Табл. 156. Селище Васильевское 1. Керамика из заполнений: 1–10 – сооружения в кв. 21, 41, 42, 51, 52; 11 – ямы в кв. 77, 78

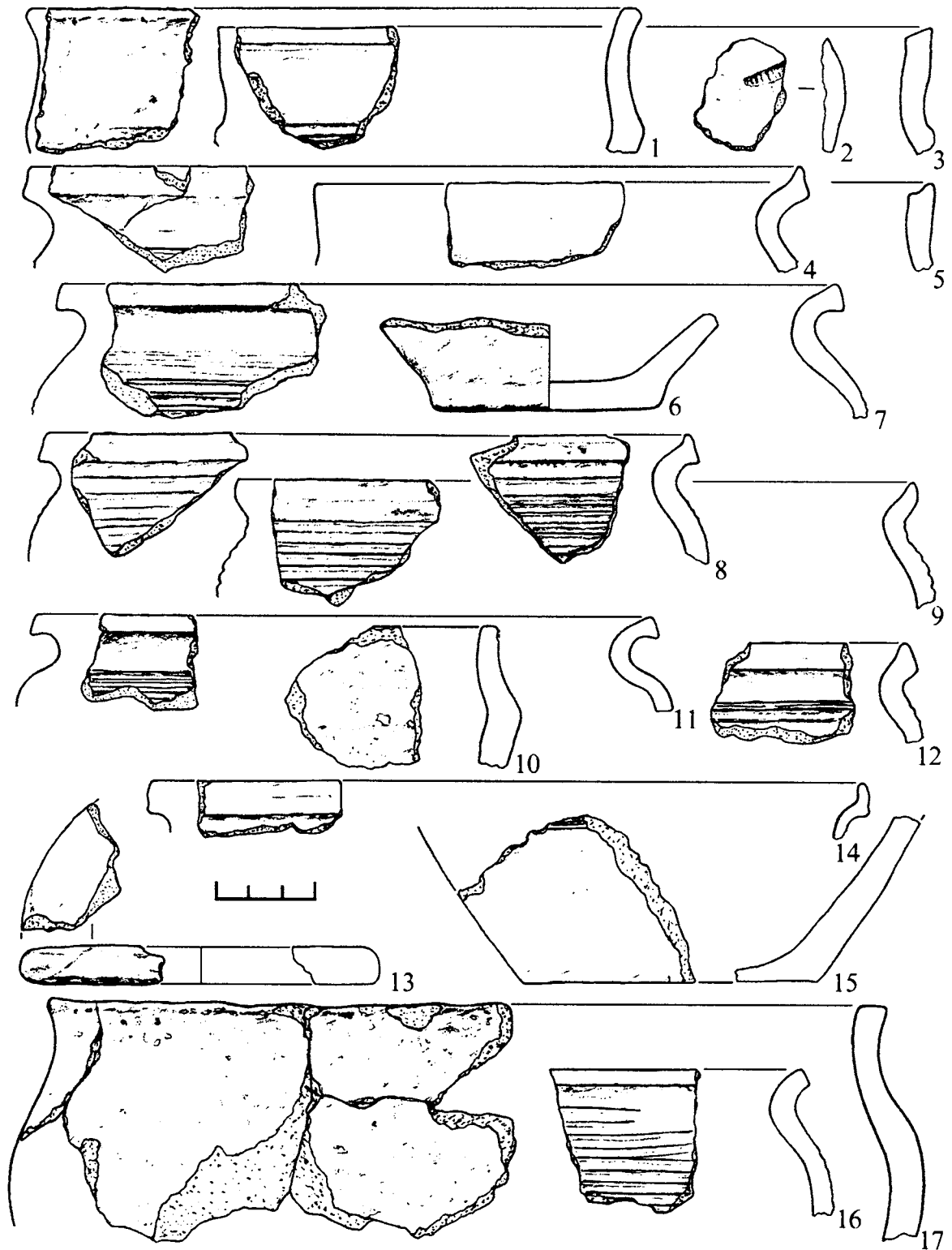

Табл. 157. Селище Васильевское 1. 1–16 – керамика из заполнения сооружения в кв. 64, 65, 67, 103; 17 – подъемный материал у юго-восточного склона всхолмления

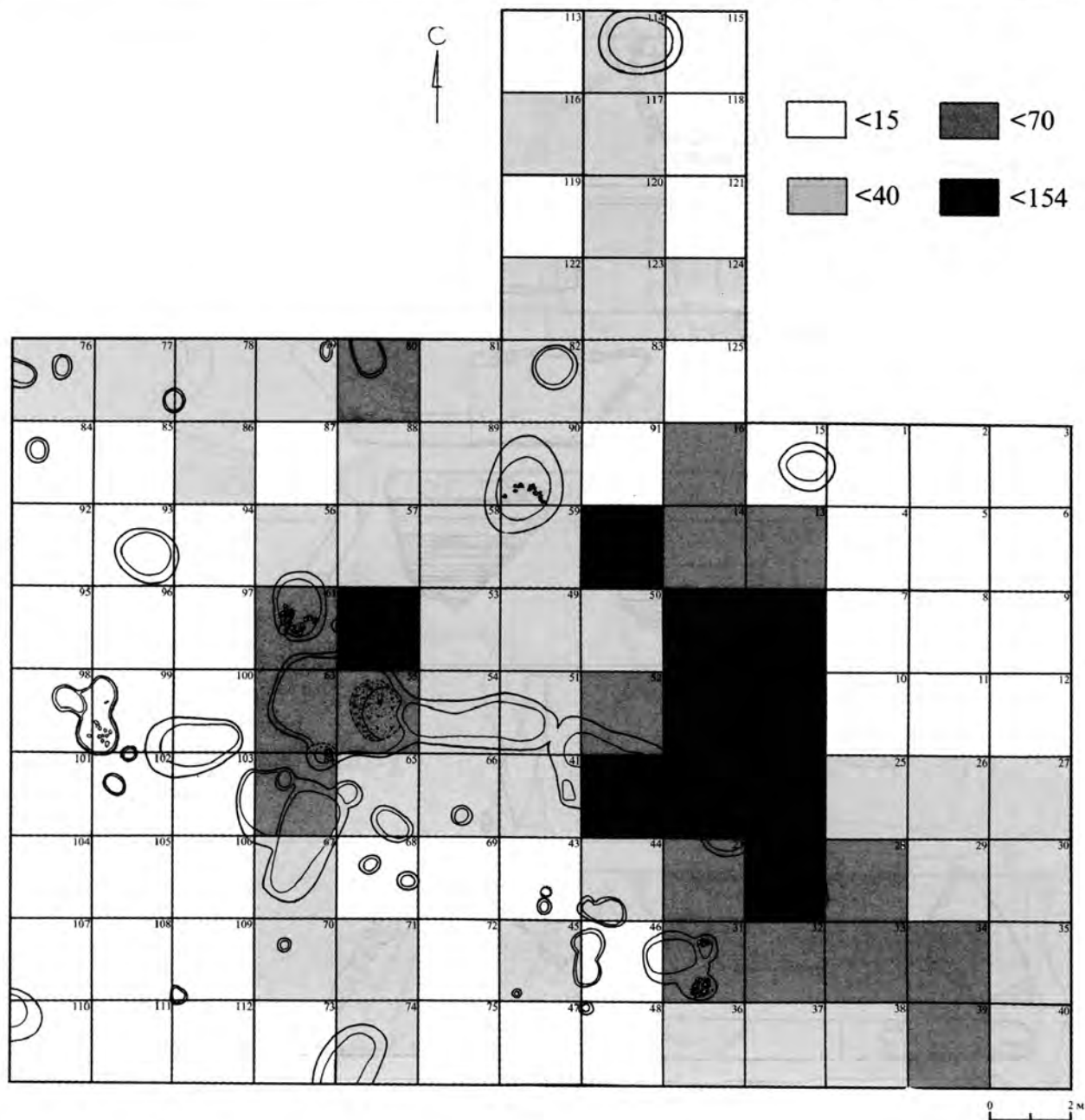

Табл. 158. Селище Васильевское 1. Концентрация обломков лепной неорнаментированной посуды в культурном слое (по кв. 1–12 нет данных)

Табл. 159. Раннесредневековые поселения между деревнями Васильевское и Георгии. 1 – селище Георгии 2; 2 – селище Георгии 1; 3 – городище Георгии; 4 – селище Васильевское 1; 5 – селище Васильевское 2

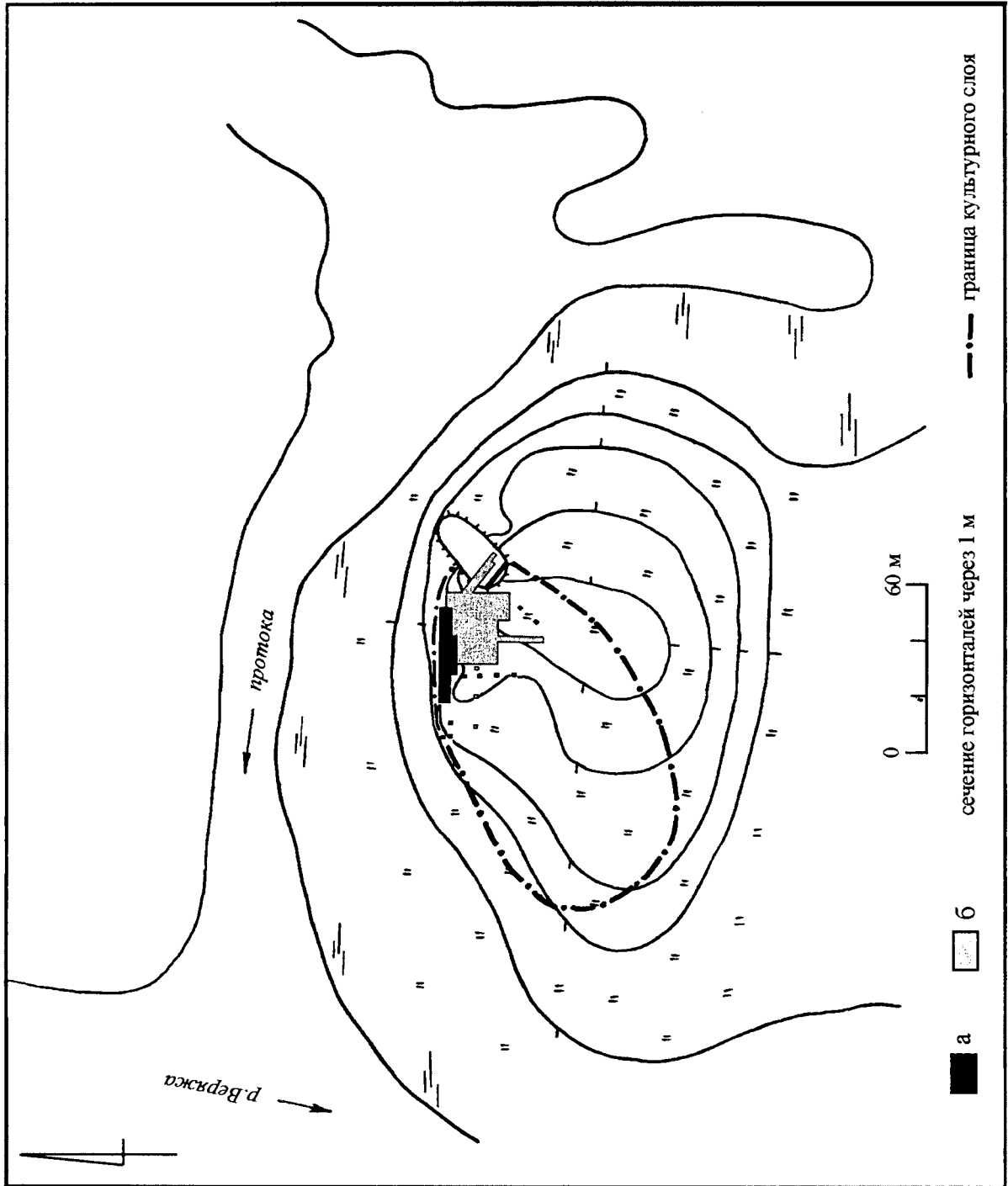

Табл. 160. Городище Георгий. План. Условные обозначения: а — раскопы и шурфы С. Н. Орлова; б — раскопы и шурфы Е. Н. Носова, А. В. Плехова

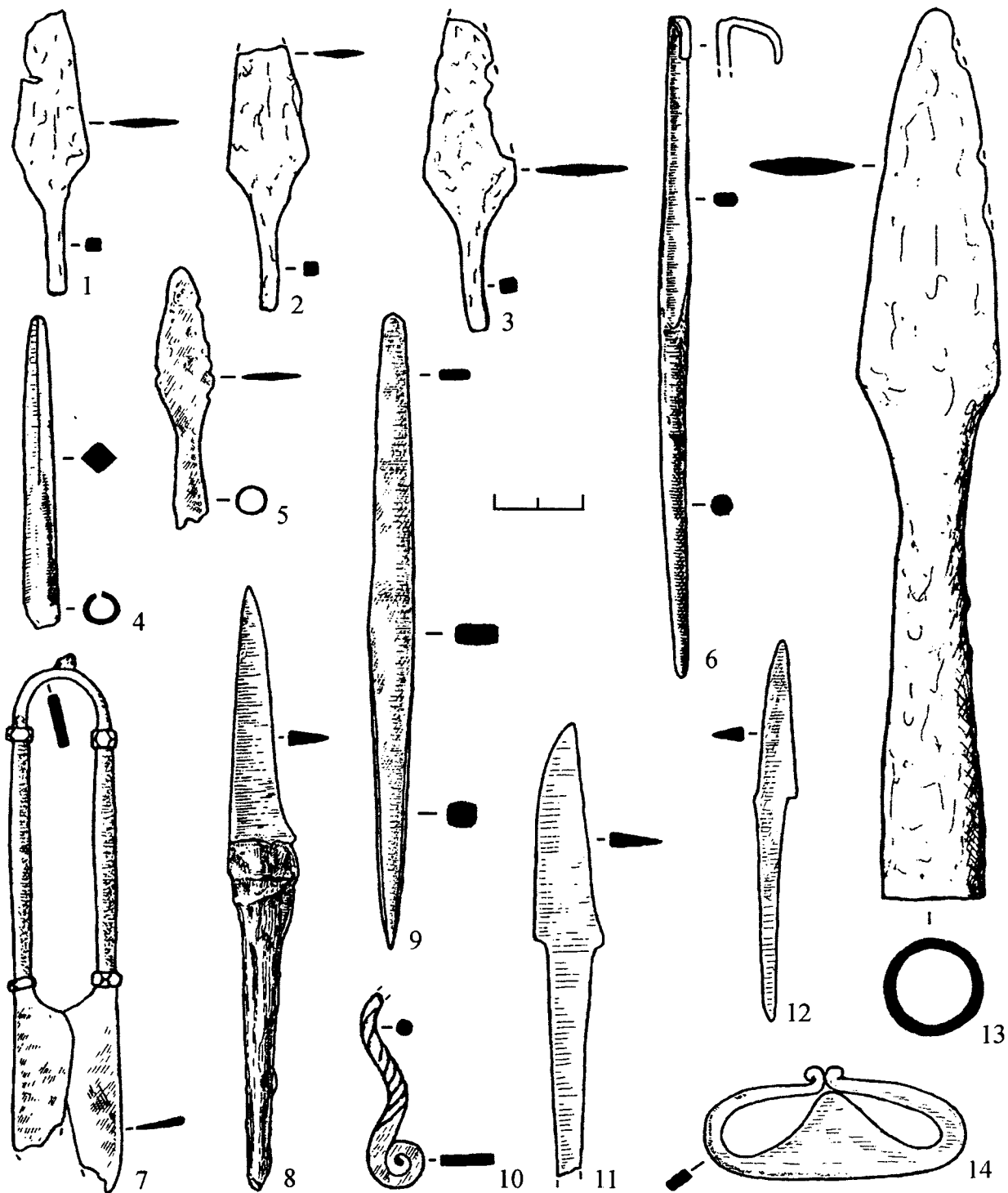

Табл. 161. Городище Георгий. Изделия из железа

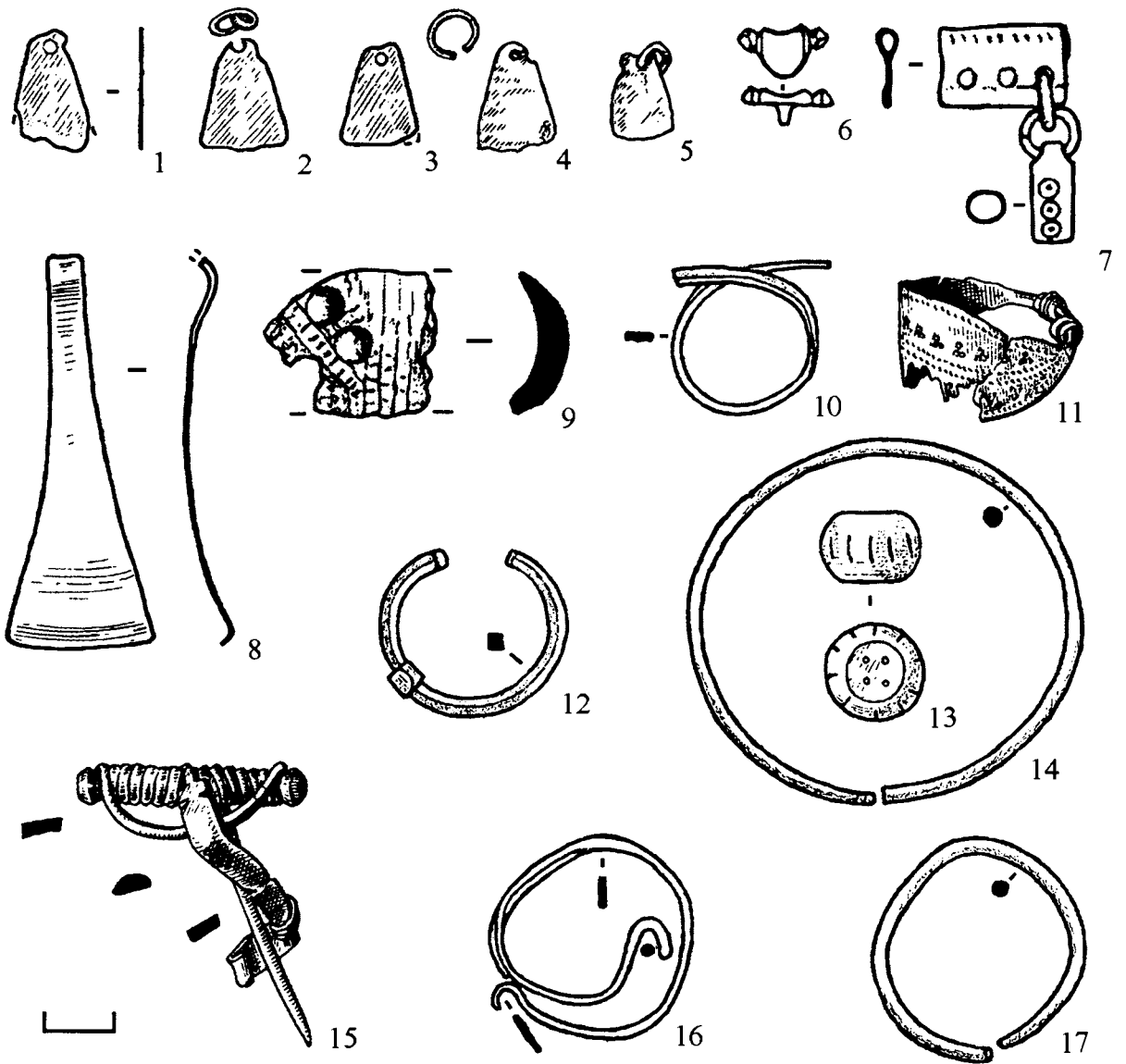

Табл. 162. Городище Георгий. Изделия из цветных металлов

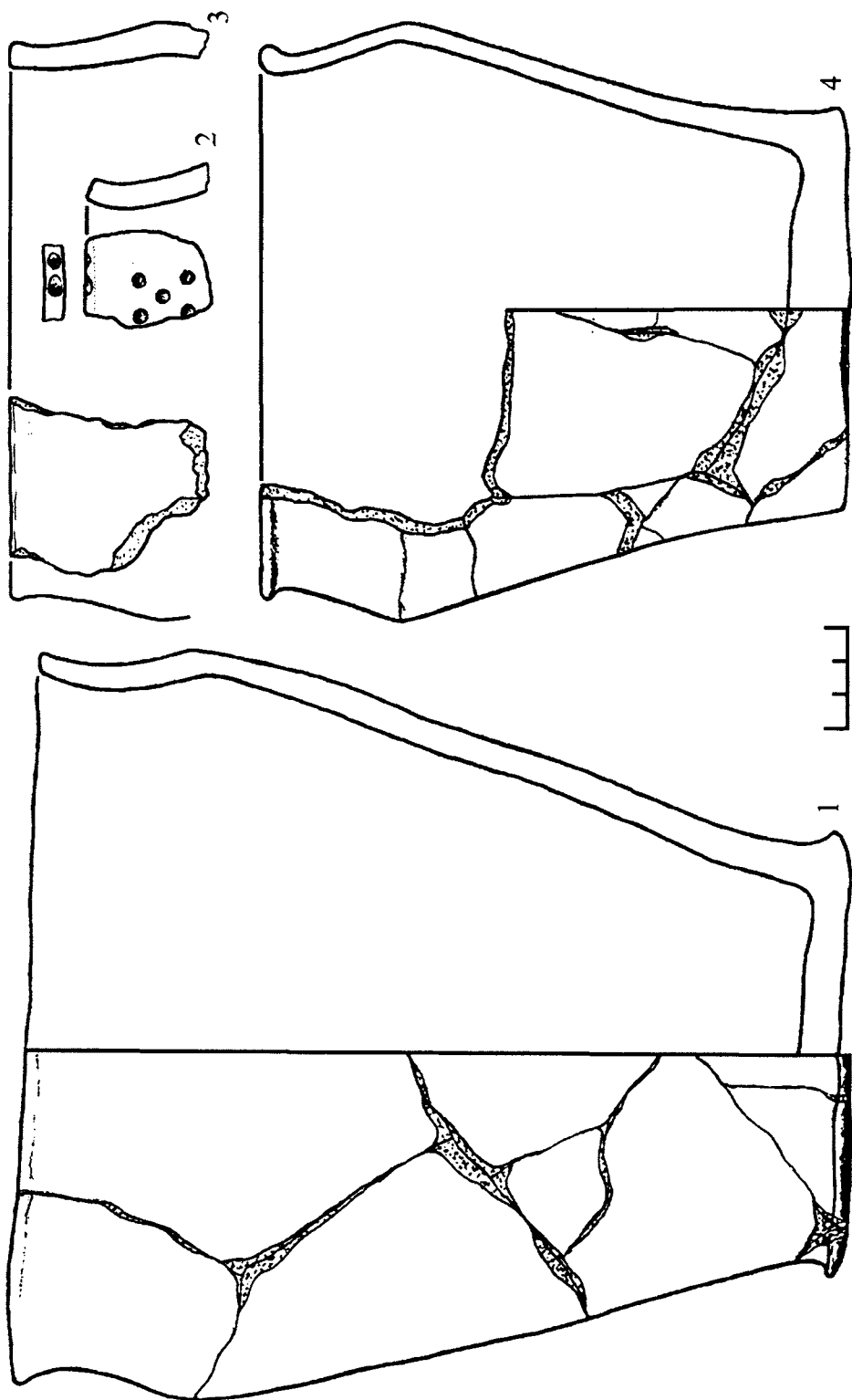

Табл. 163. Лепная посуда. 1, 4 – городище Георгий; 2, 3 – селище Горошково

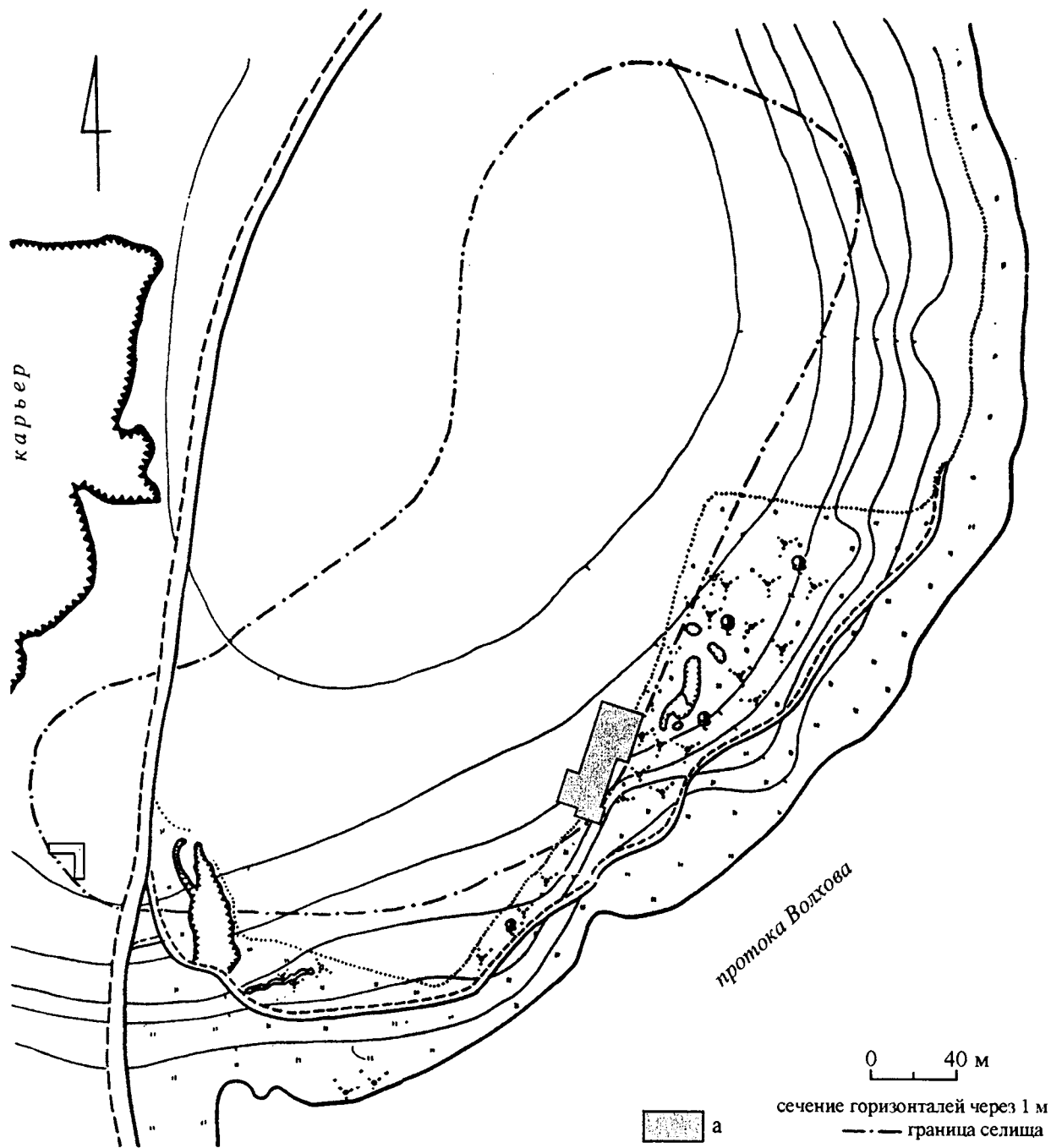

Табл. 164. Поселение Прость. План. а – раскоп 1997–1999 гг.

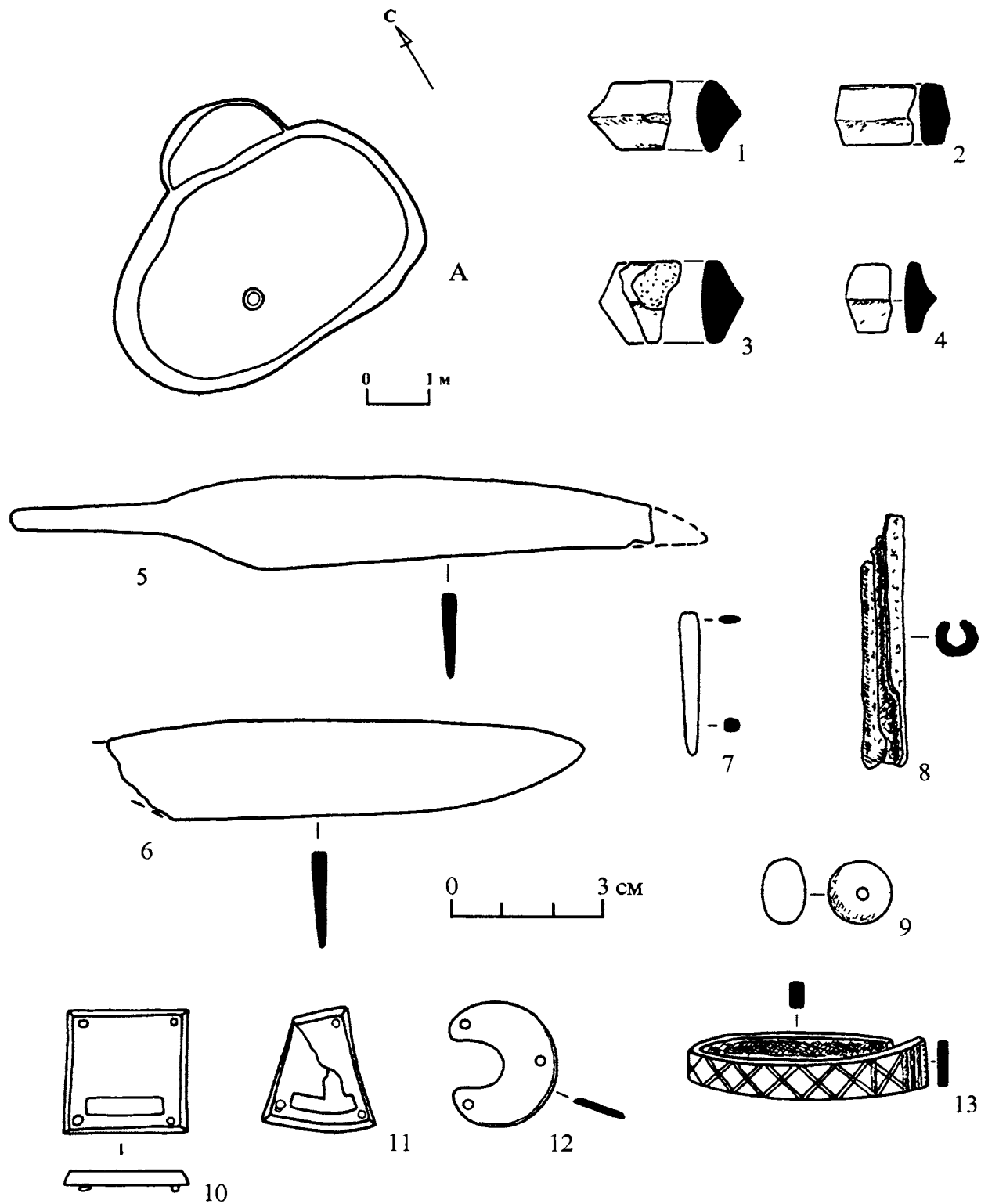

Табл. 165. Поселение Прость. План и находки из сооружения VIII в.

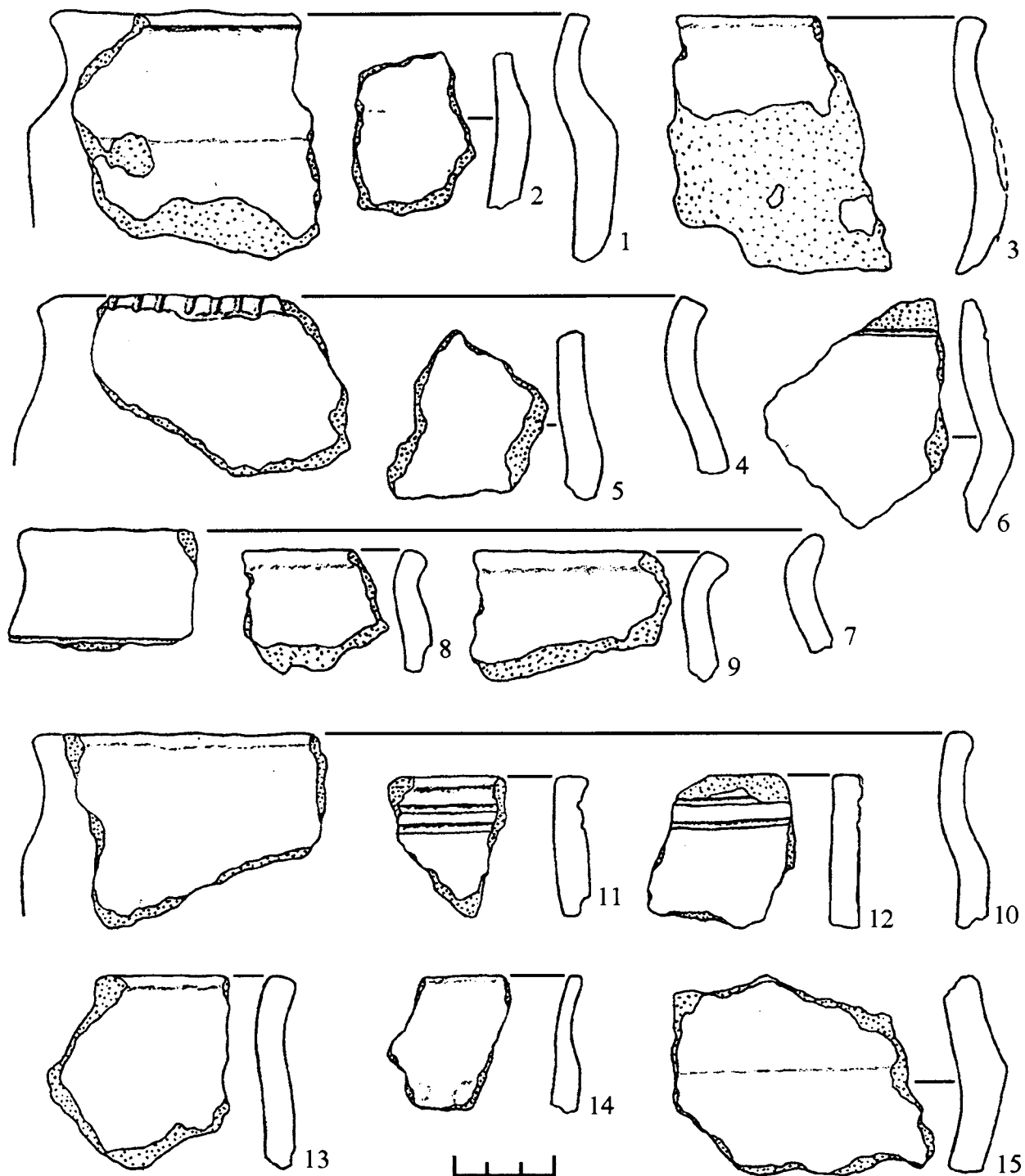

Табл. 166. Поселение Прость. Керамика из сооружения VIII в.

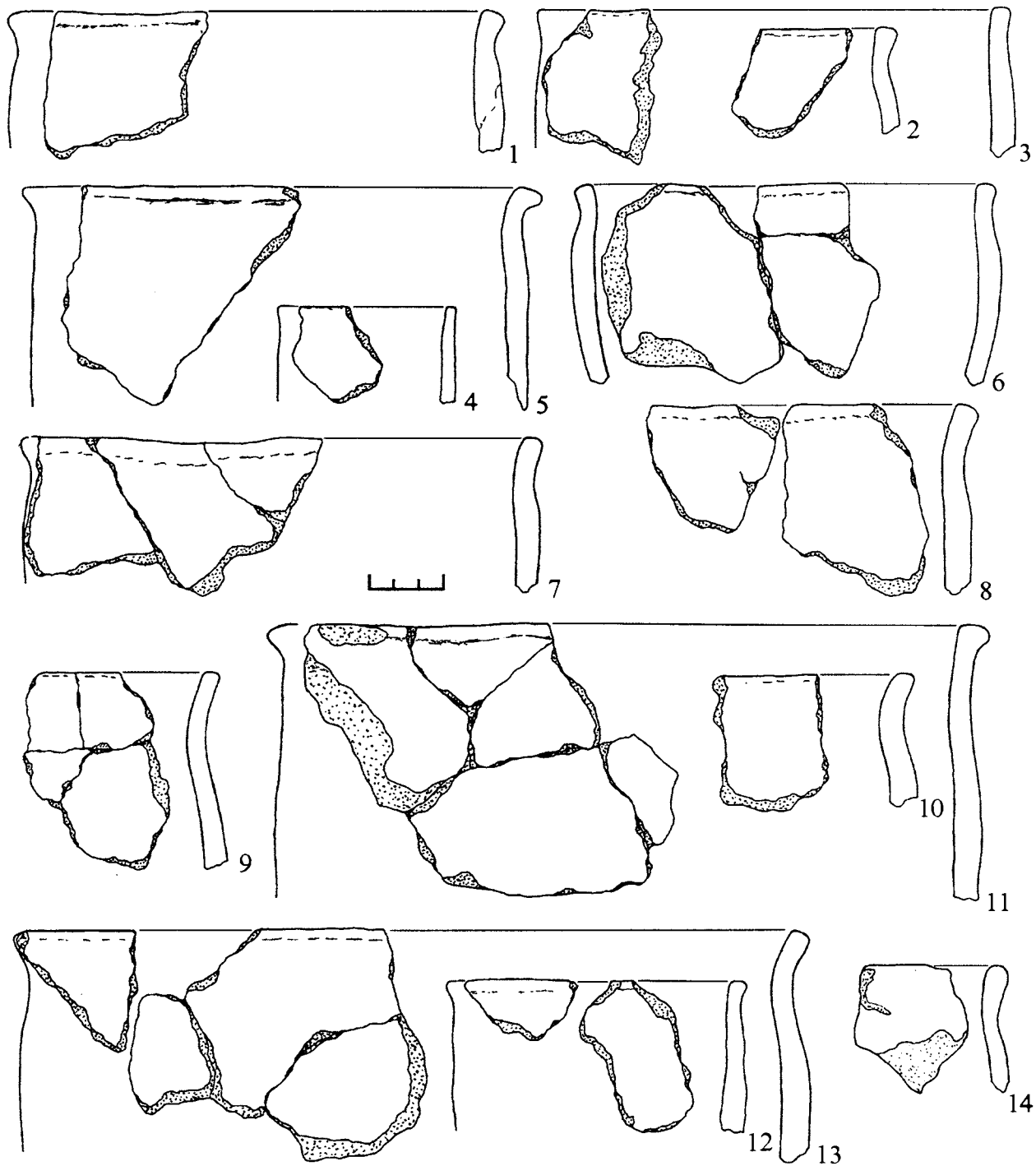

Табл. 167. Поселение Прость. Слабопрофилированная и баночная керамика

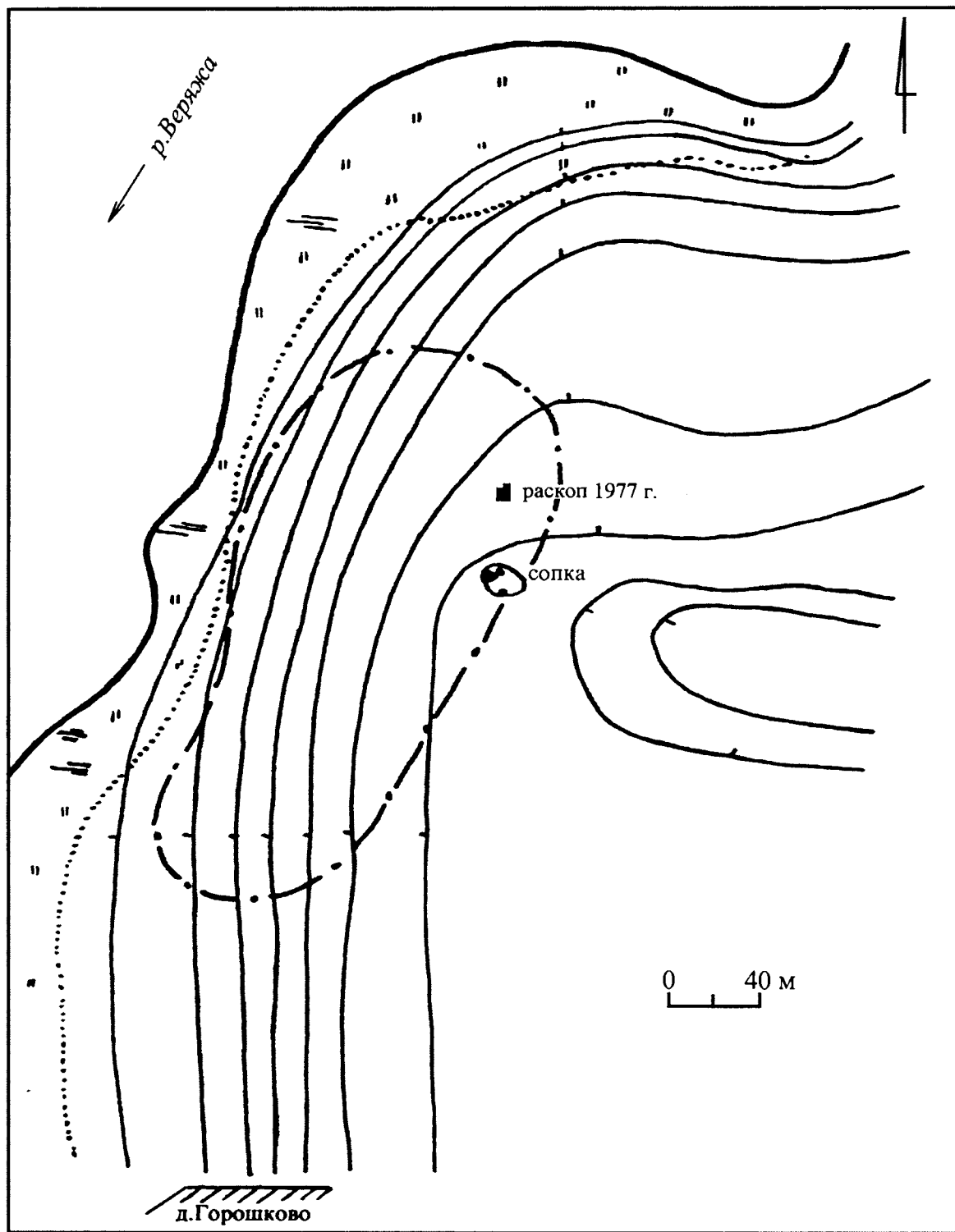

Табл. 168. Селище Горошково. План

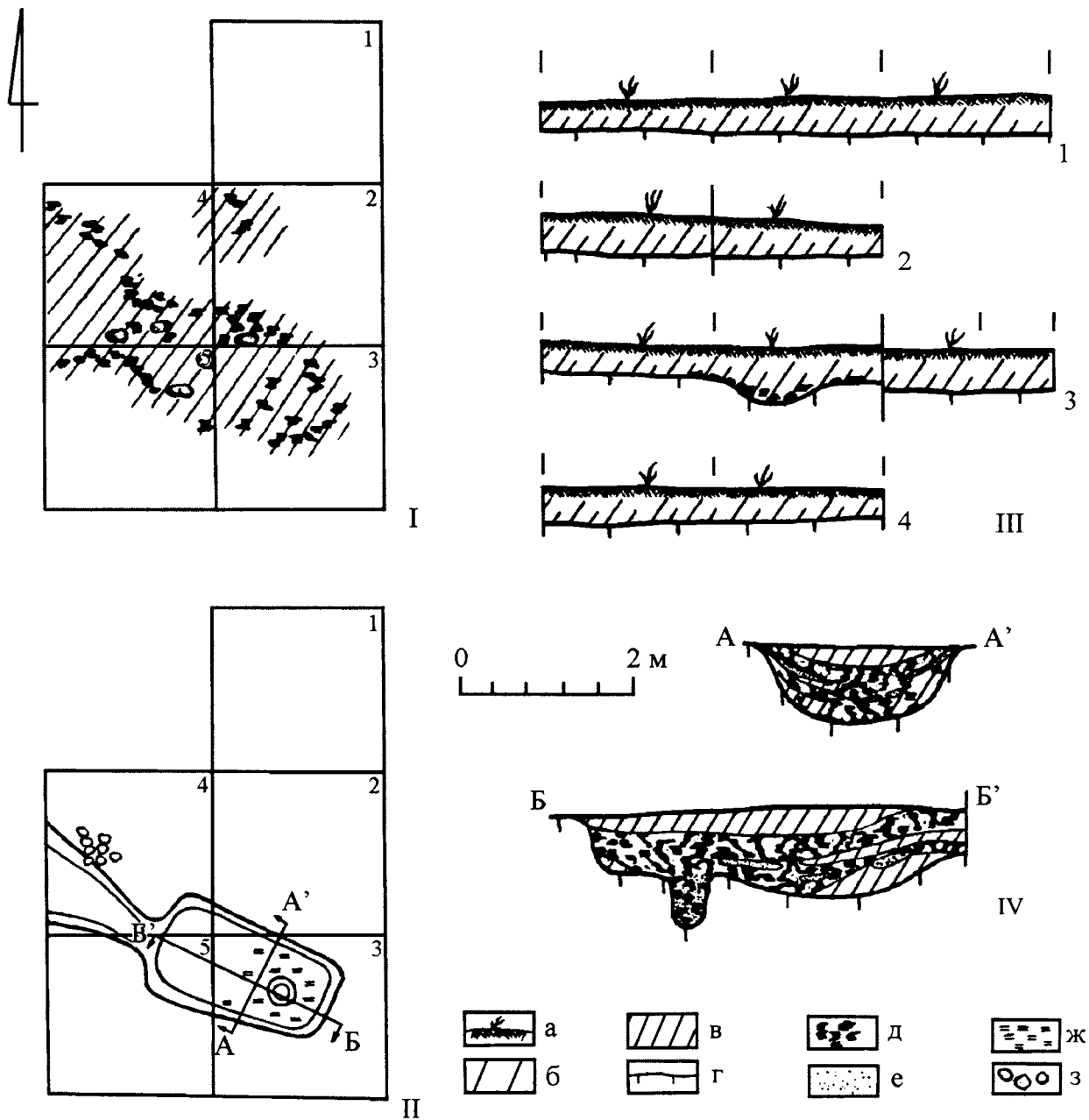

Табл. 169. Селище Горощково. I – план гумусированных пятен на уровне материка; II – план раскопа после разборки углубленного в материк сооружения; III – профили стенок (1 – восточная; 2 – северная; 3 – западная; 4 – южная); IV – разрезы сооружения. Условные обозначения: а – дерн; б – пахотный слой; в – черный гумус; г – материк; д – уголь; е – песок; ж – обожженная глина; з – камни

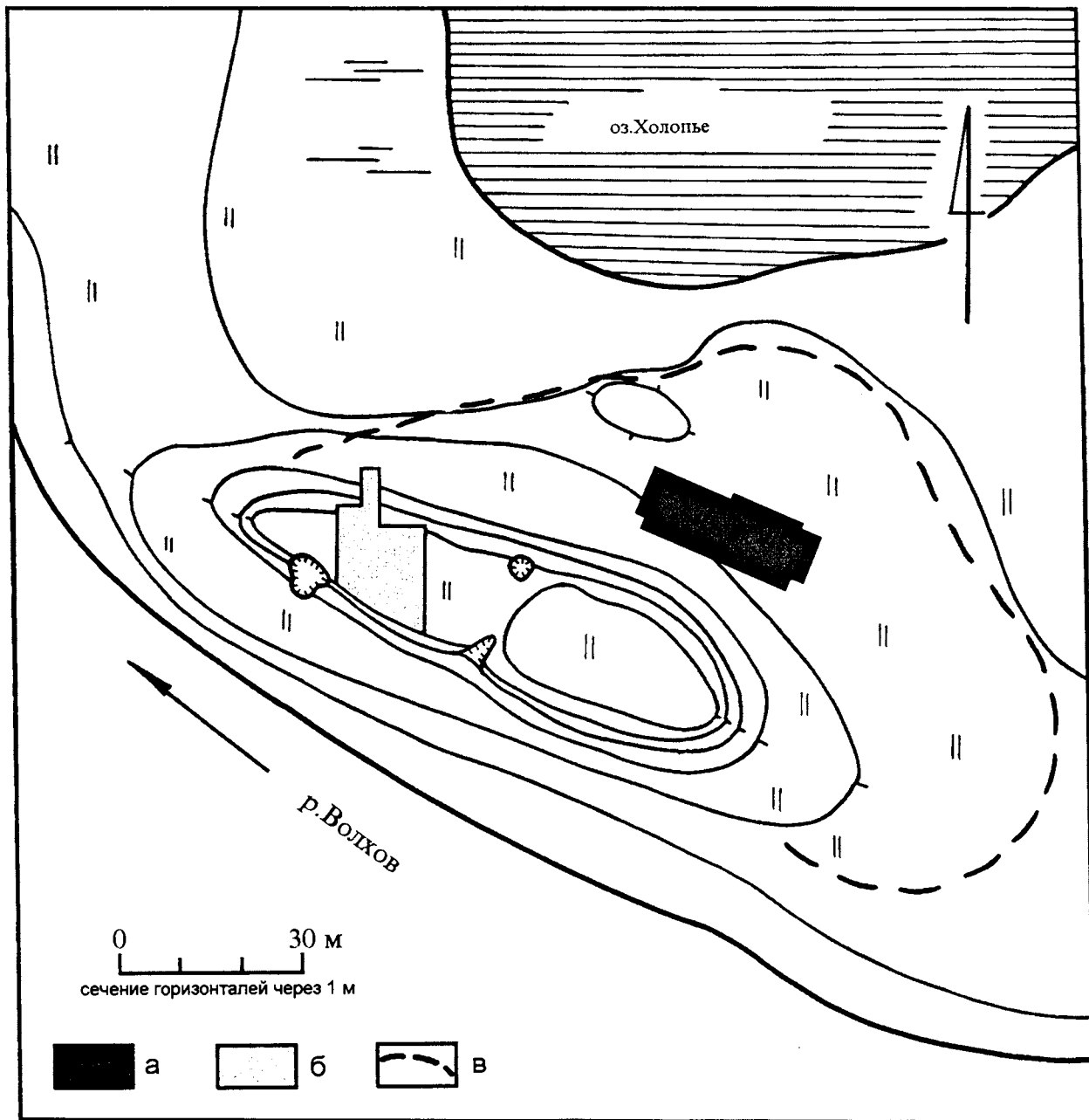

Табл. 170. План поселения Холопий городок. Условные обозначения: а – раскоп С. Н. Орлова; б – раскоп Е. Н. Носова; в – граница селища

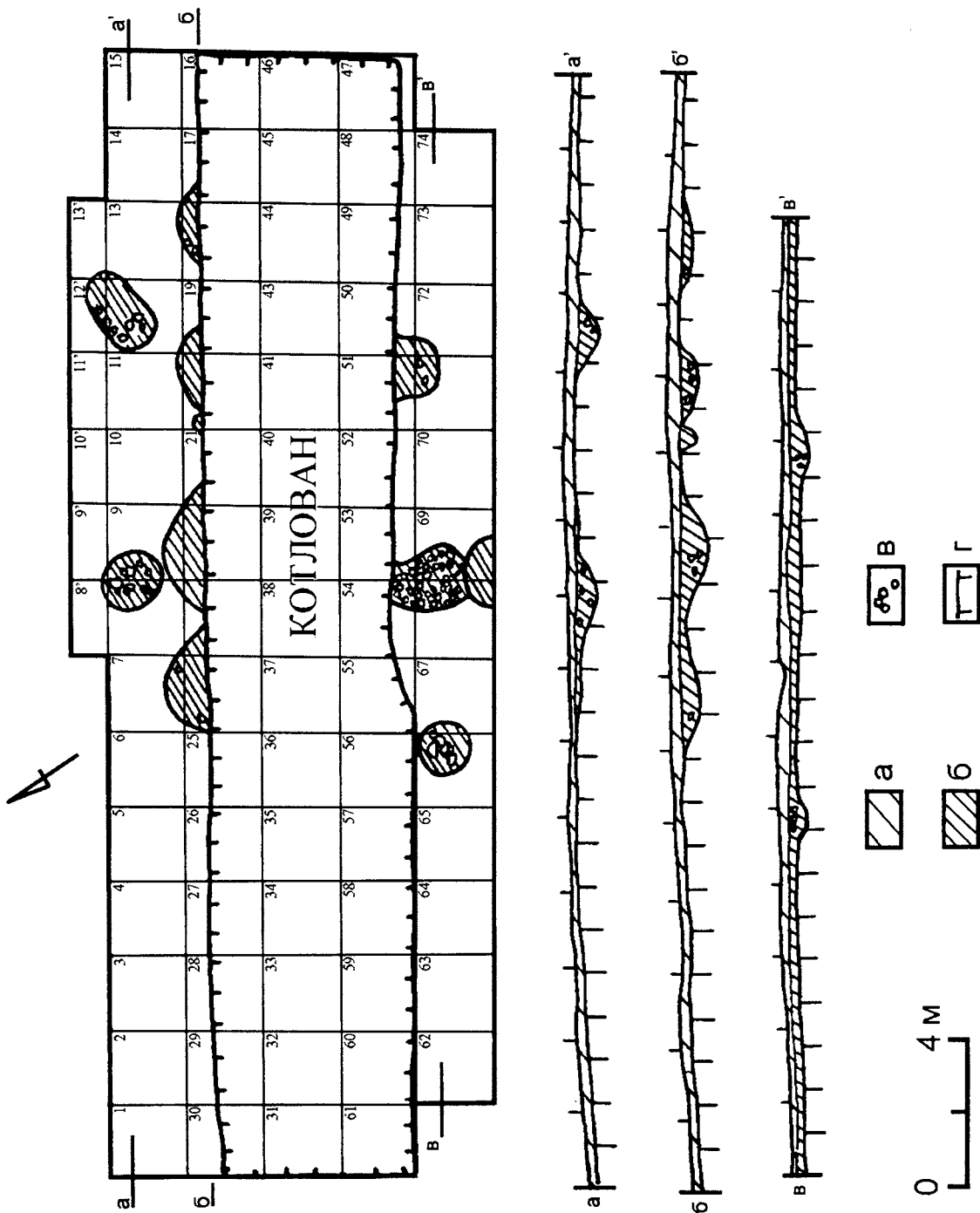

Табл. 171. Селище Холопий городок. План и разрезы раскопа С. Н. Орлова. Условные обозначения: а – пахотный слой; б – темный плотный перегной; в – камни; г – материк

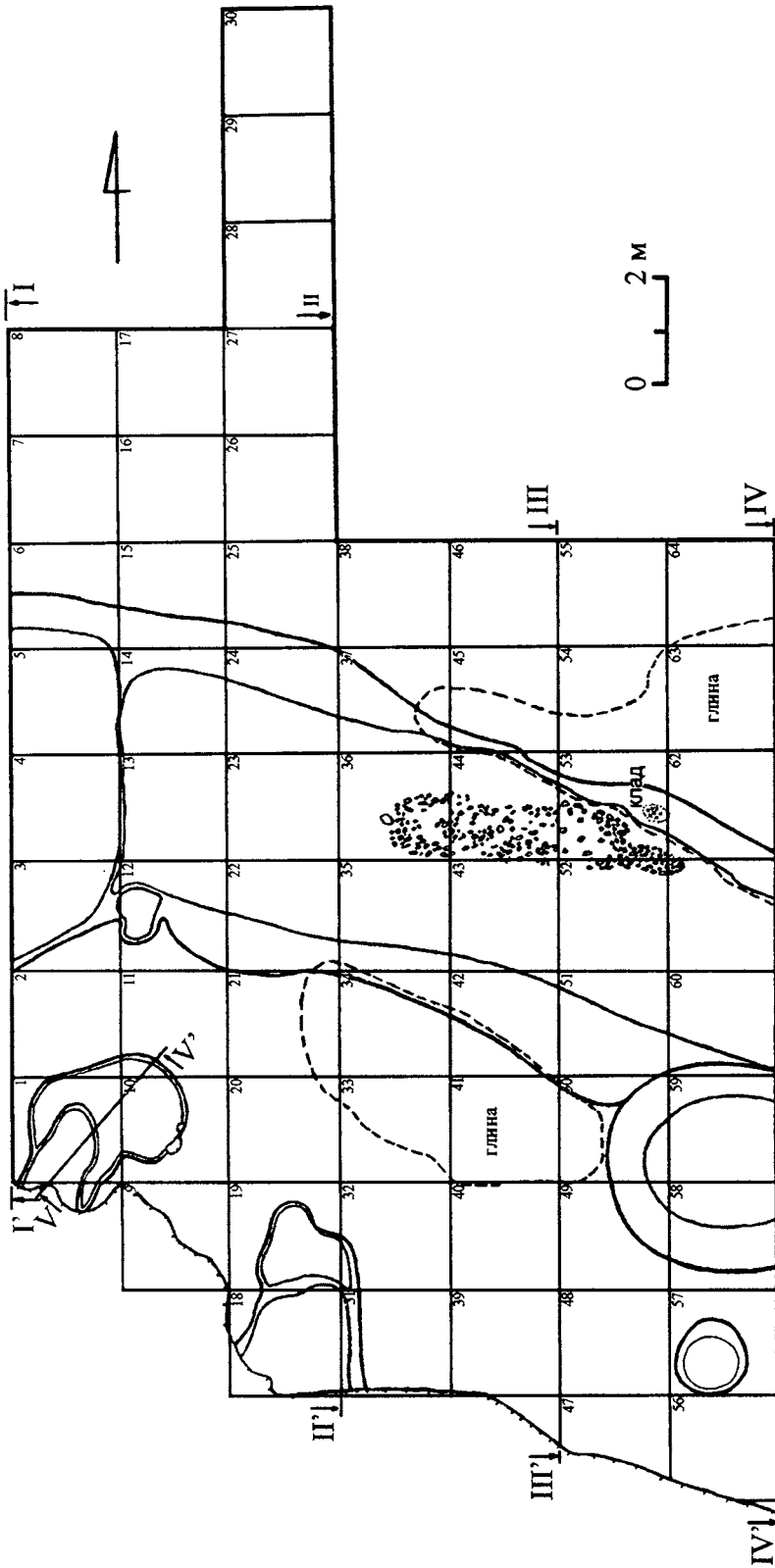

Табл. 172. Городище Холопий городок. План раскопа

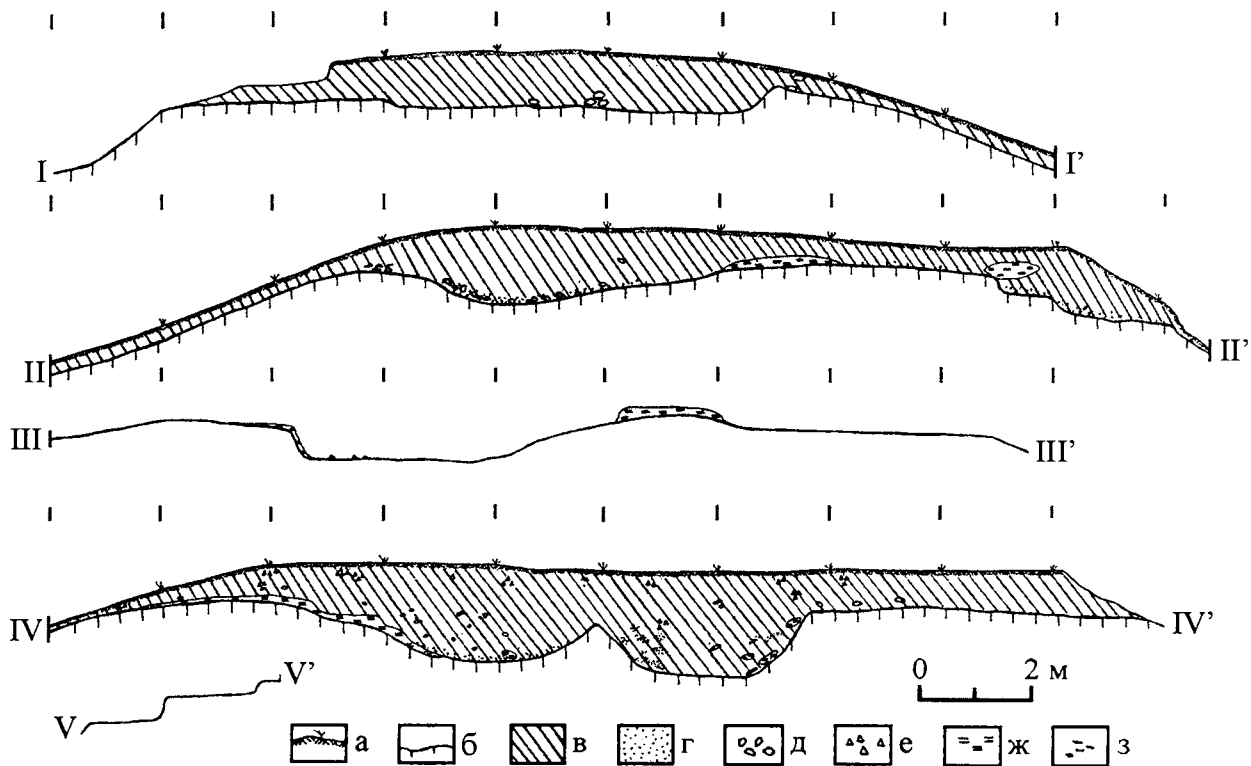

Табл. 173. Городище Холопий городок. Разрезы и профили раскопа. Условные обозначения: а – дерн; б – материк; в – черный гумус; г – песок; д – камни; е – битый кирпич; ж – коричневая глина; з – уголь

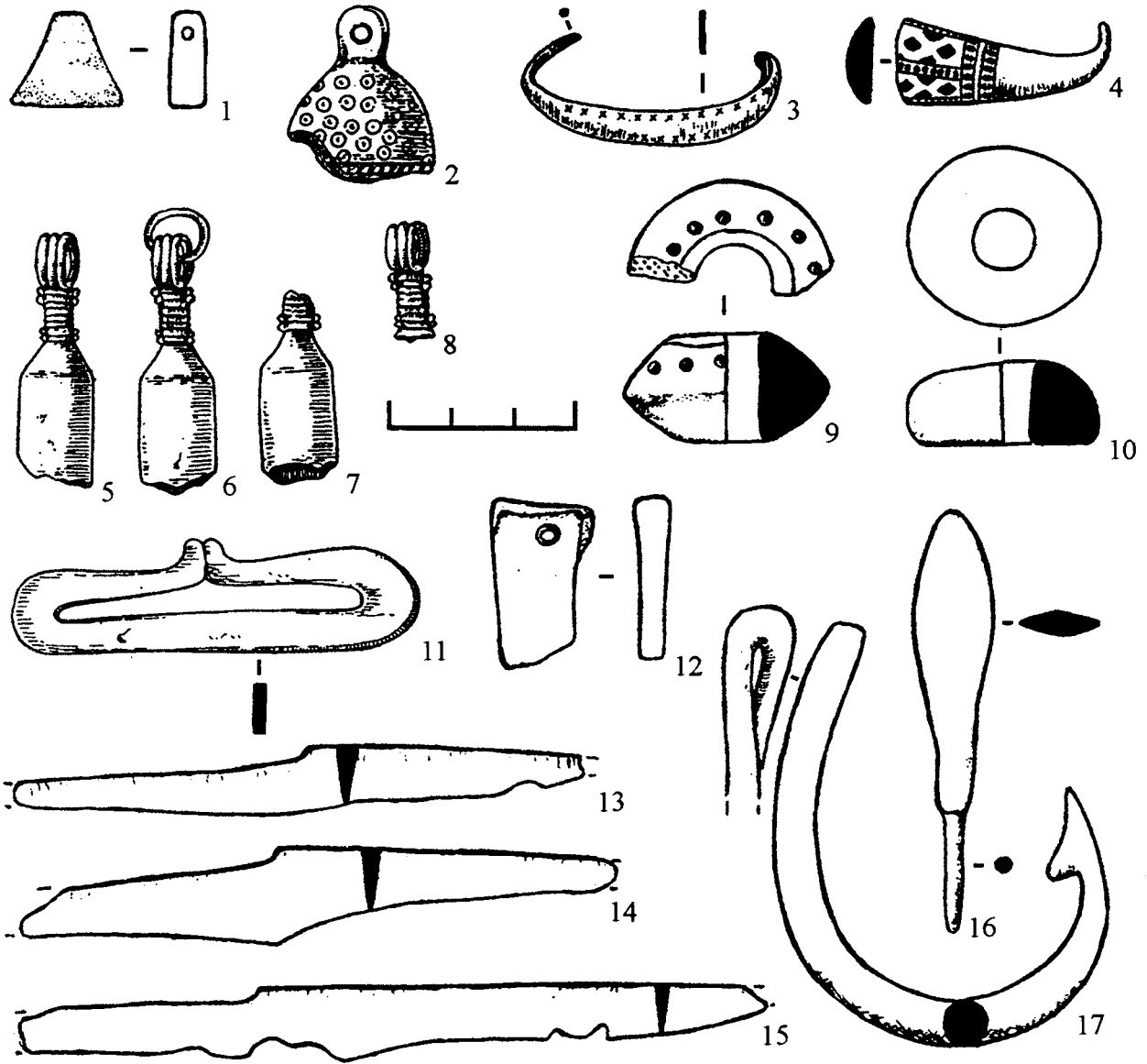

Табл. 174. Городище Холопий городок. Находки из раскопа

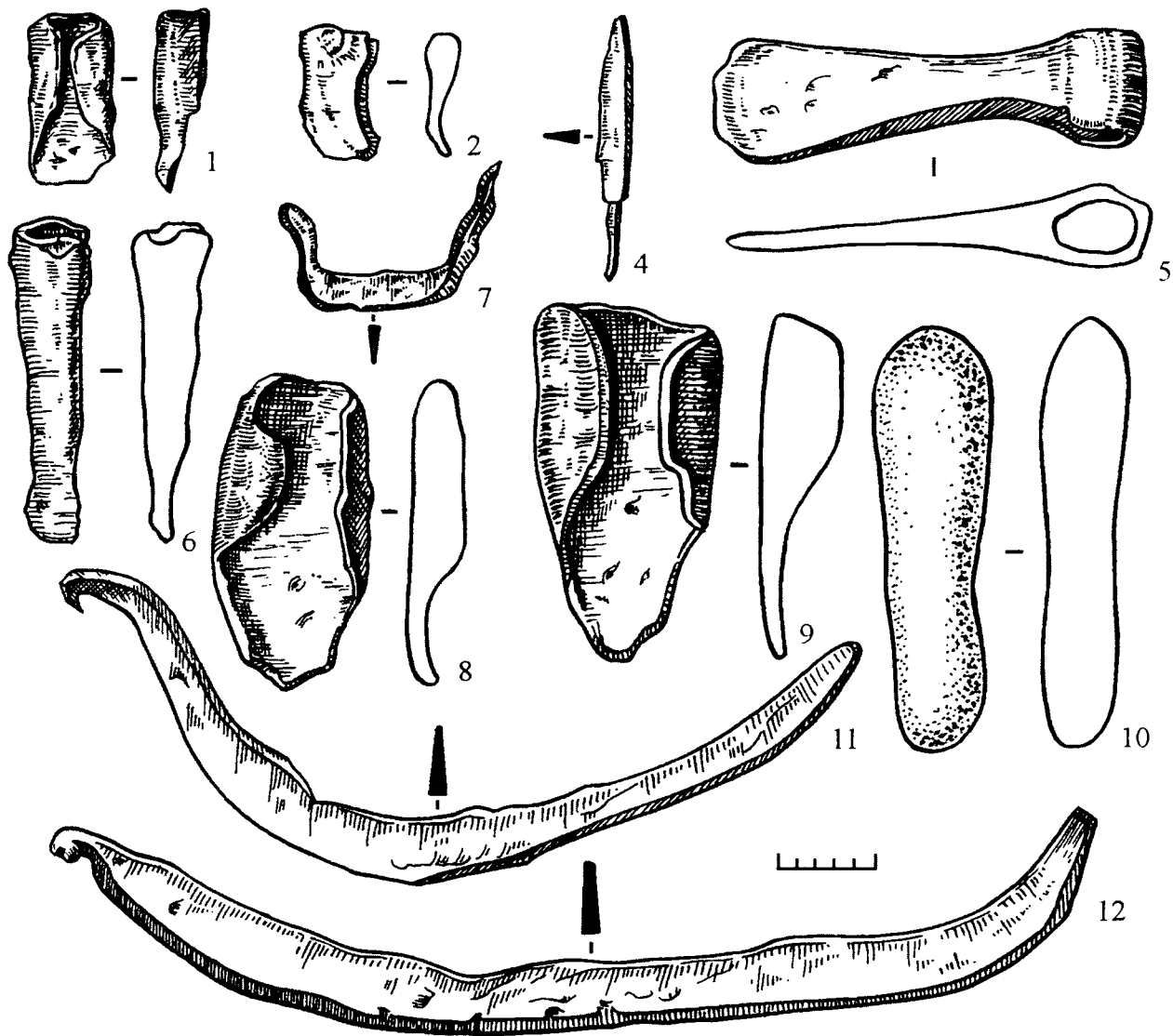

Табл. 175. Городище Холопий городок. Клад хозяйственного инвентаря

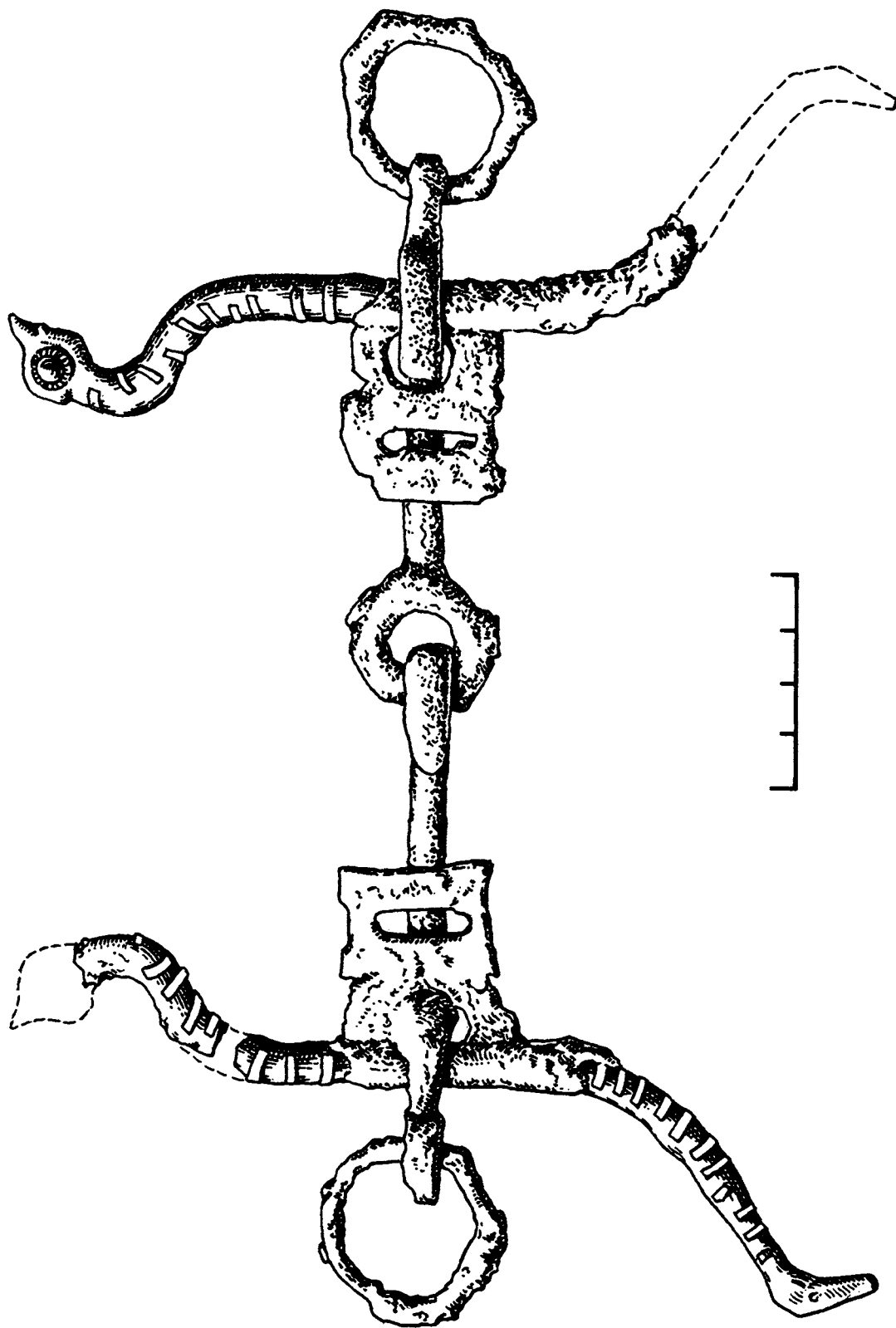

Табл. 176. Городище Холопий городок. Удила из клада хозяйственного инвентаря

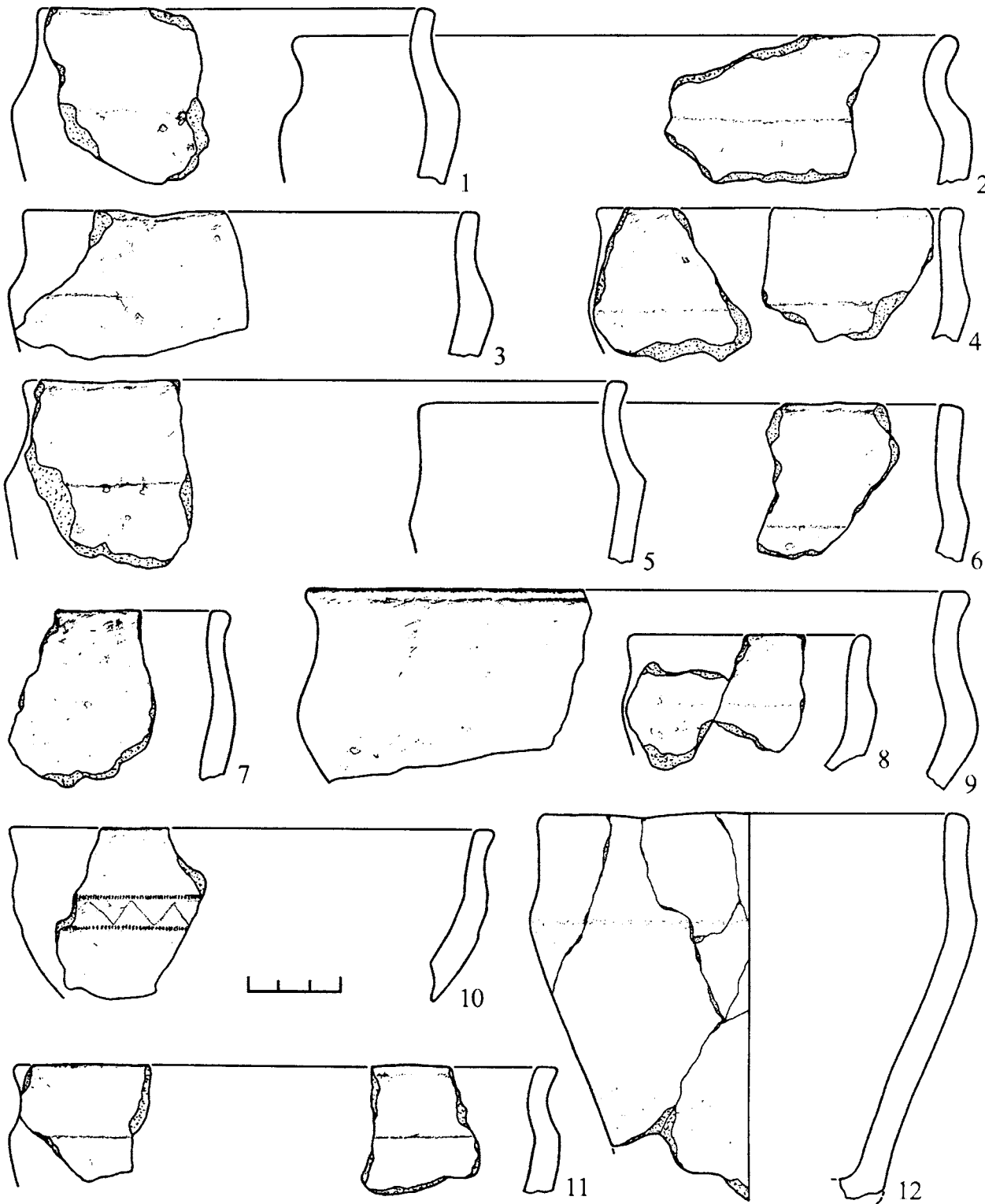

Табл. 177. Поселение Холопий городок. Лепная посуда: 1, 2 – сборы М. М. Аксенова и С. Н. Орлова; 3–12 – раскопки С. Н. Орлова

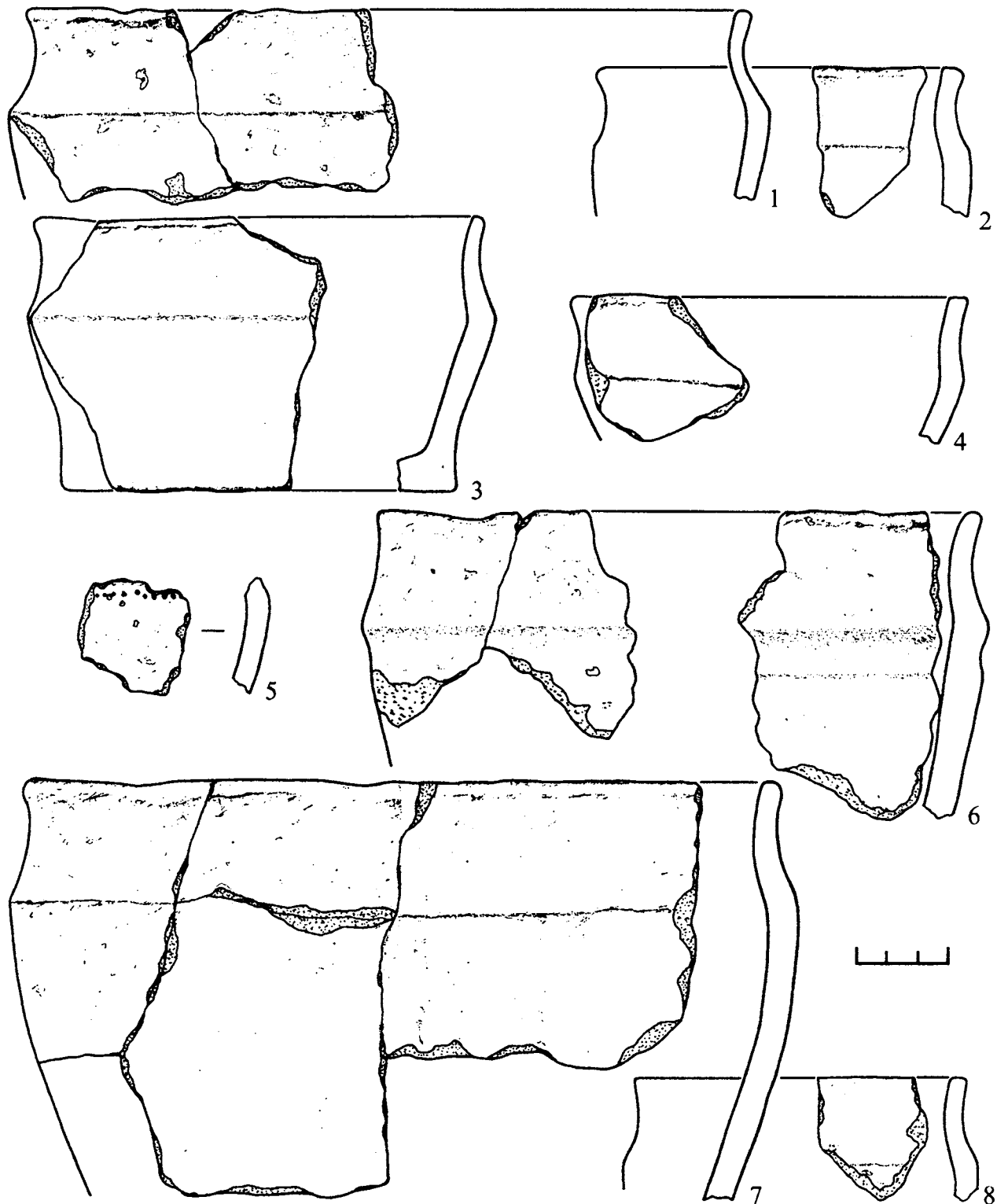

Табл. 178. Селище Холупий городок. Лепная посуда из раскопок С. Н. Орлова

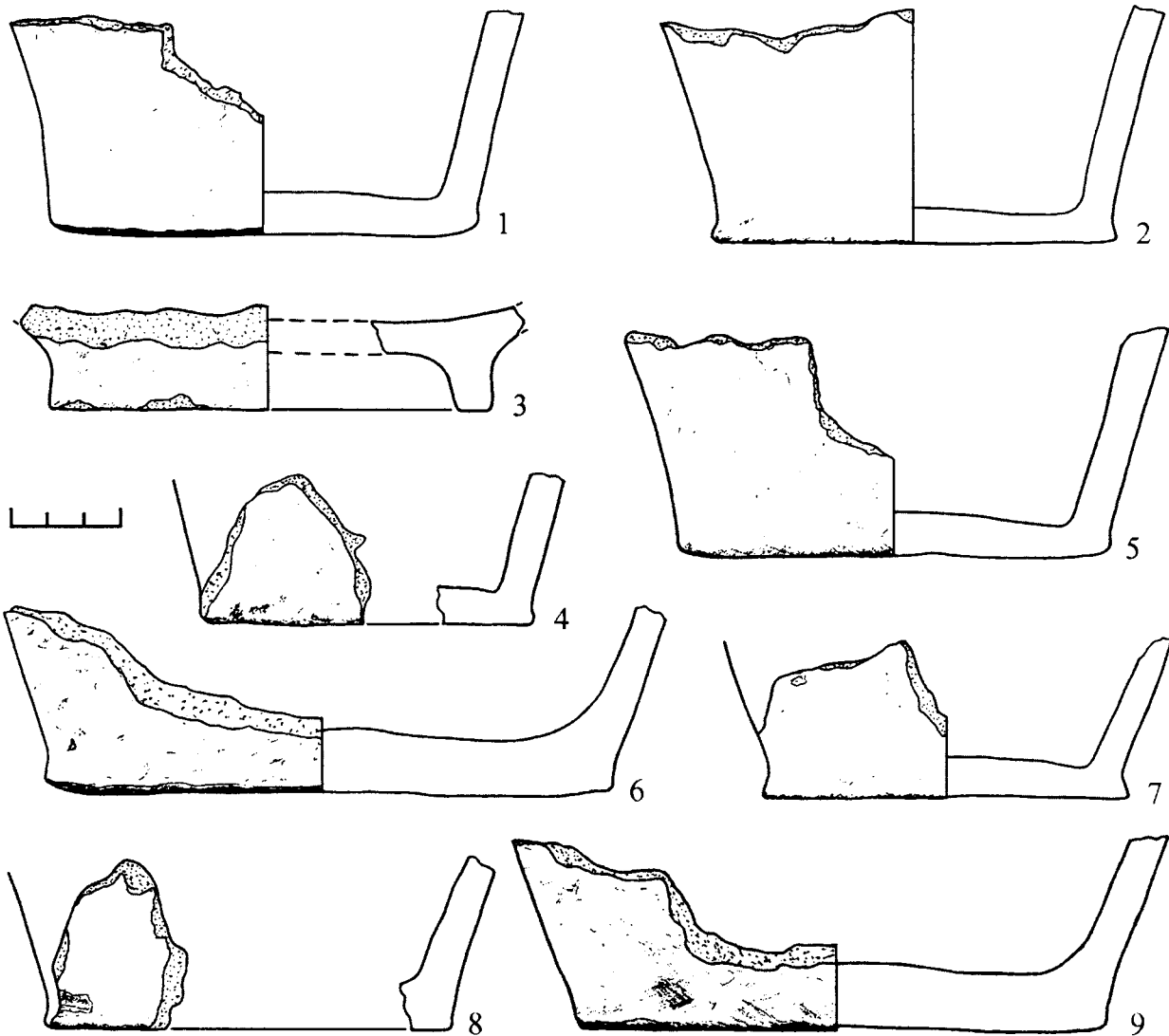

Табл. 179. Селище Холопий городок. Лепная посуда из раскопок С. Н. Орлова

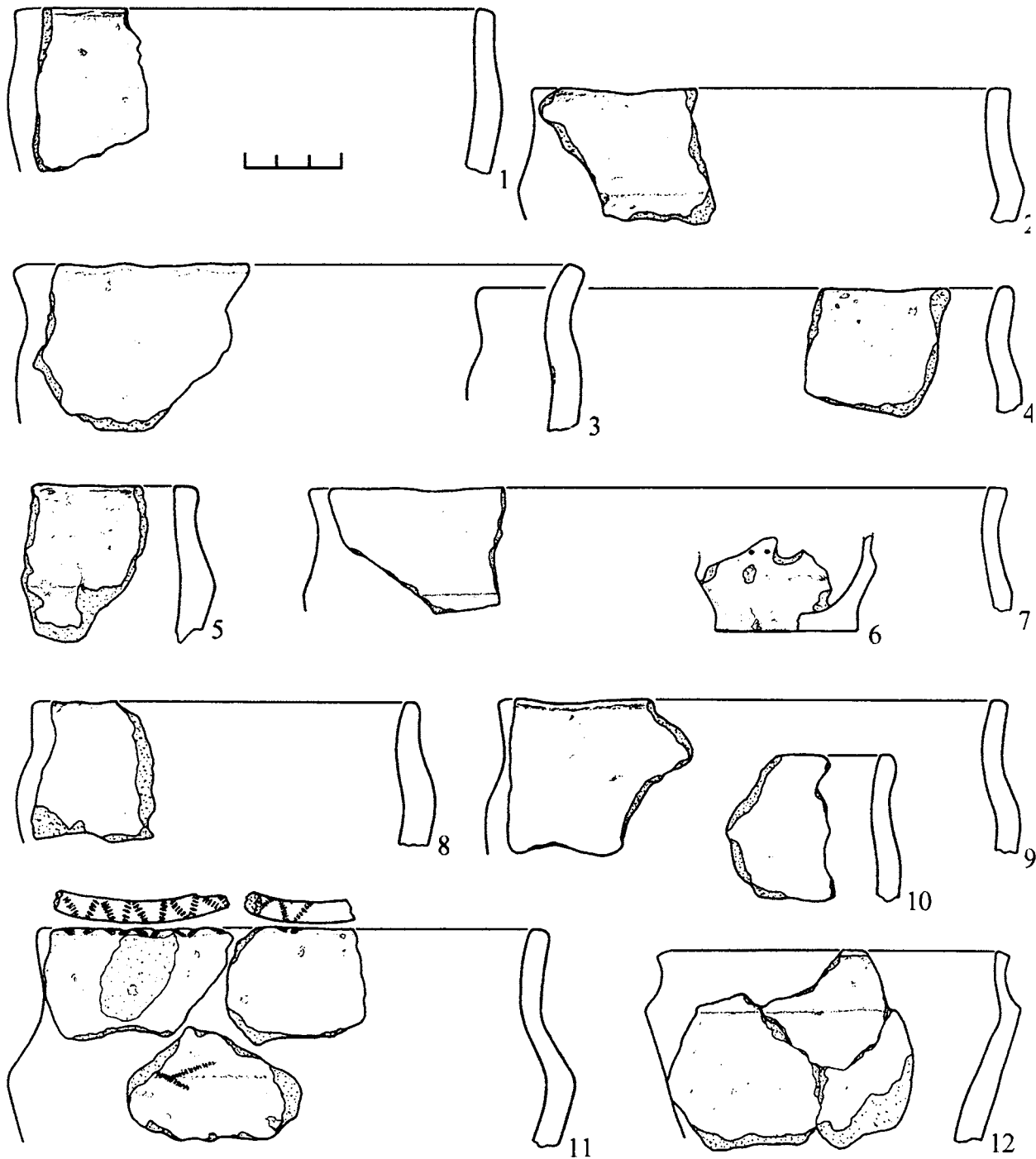

Табл. 180. Поселение Холопий городок. Лепная посуда из раскопов 1980–1981 гг., культурный слой

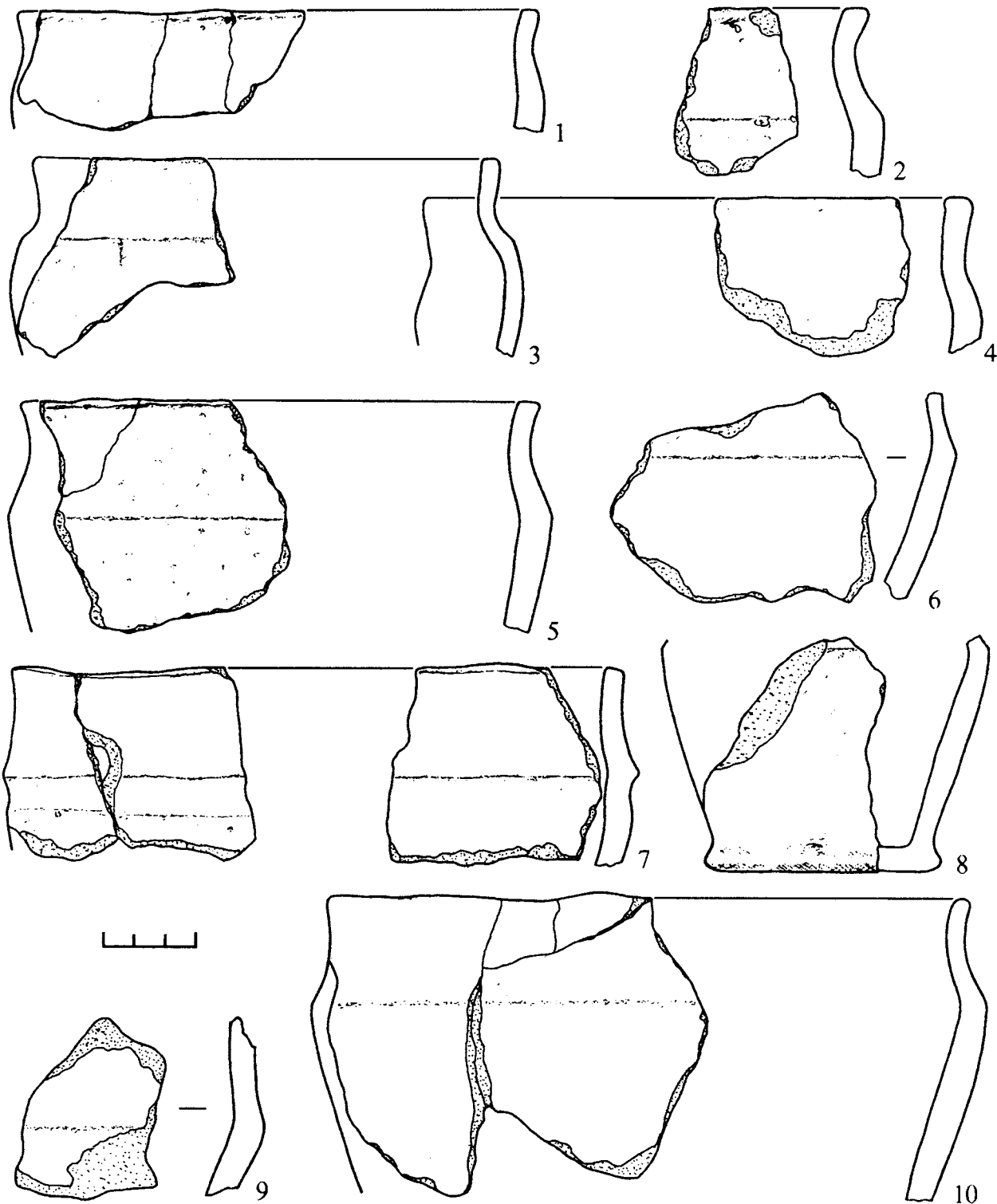

Табл. 181. Поселение Холопий городок. Раскоп 1980 г. Лепная посуда из заполнения сооружения в кв. 3, 4, 12, 13, 23

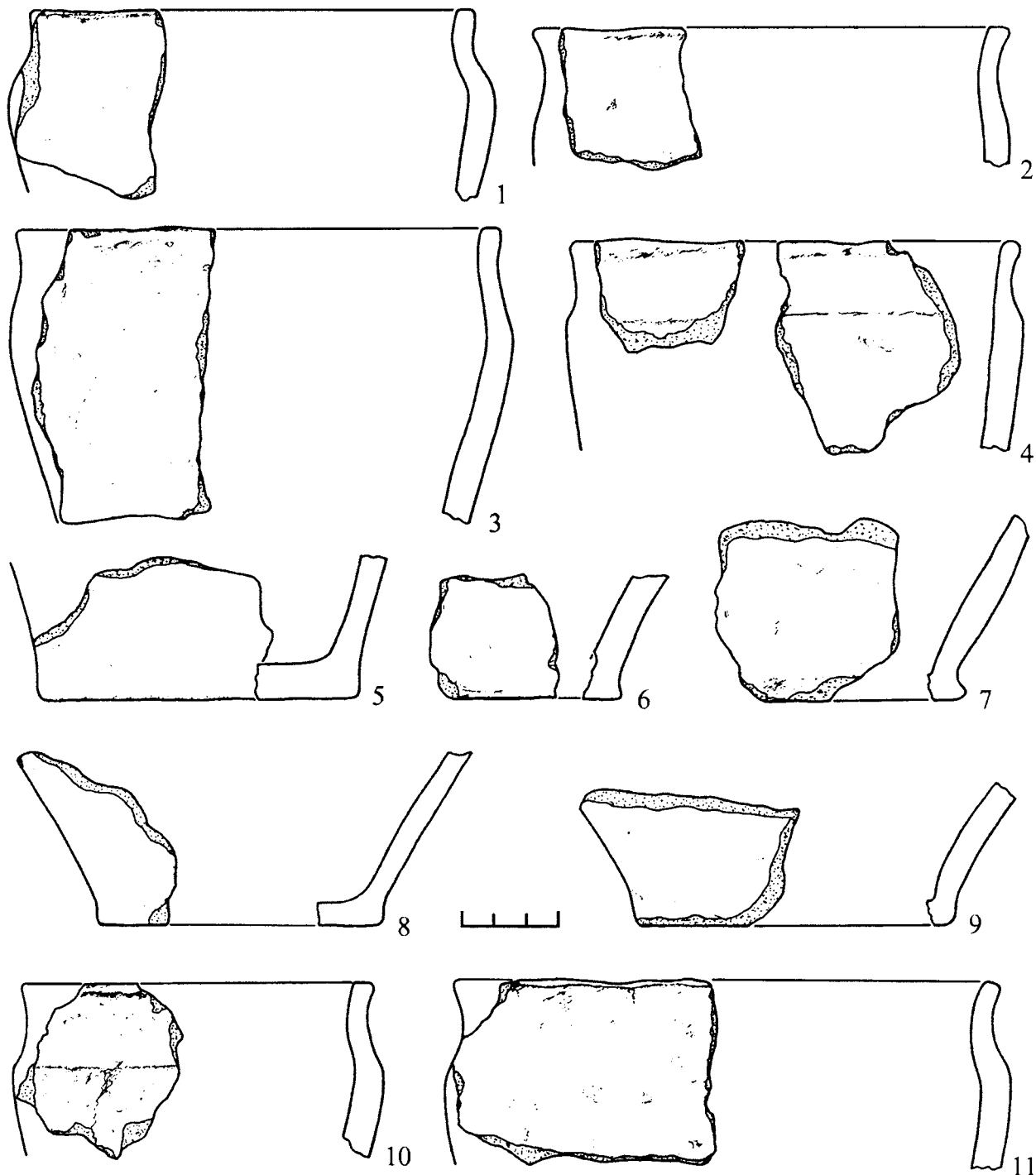

Табл. 182. Поселение Холопий городок. Лепная посуда из раскопа 1980 г.: 1–9 заполнение сооружения в кв. 3–5, 12, 13, 23. Раскоп 1981 г.: 10, 11 – лепная посуда из заполнения сооружения ниже уровня камней в кв. 36, 53

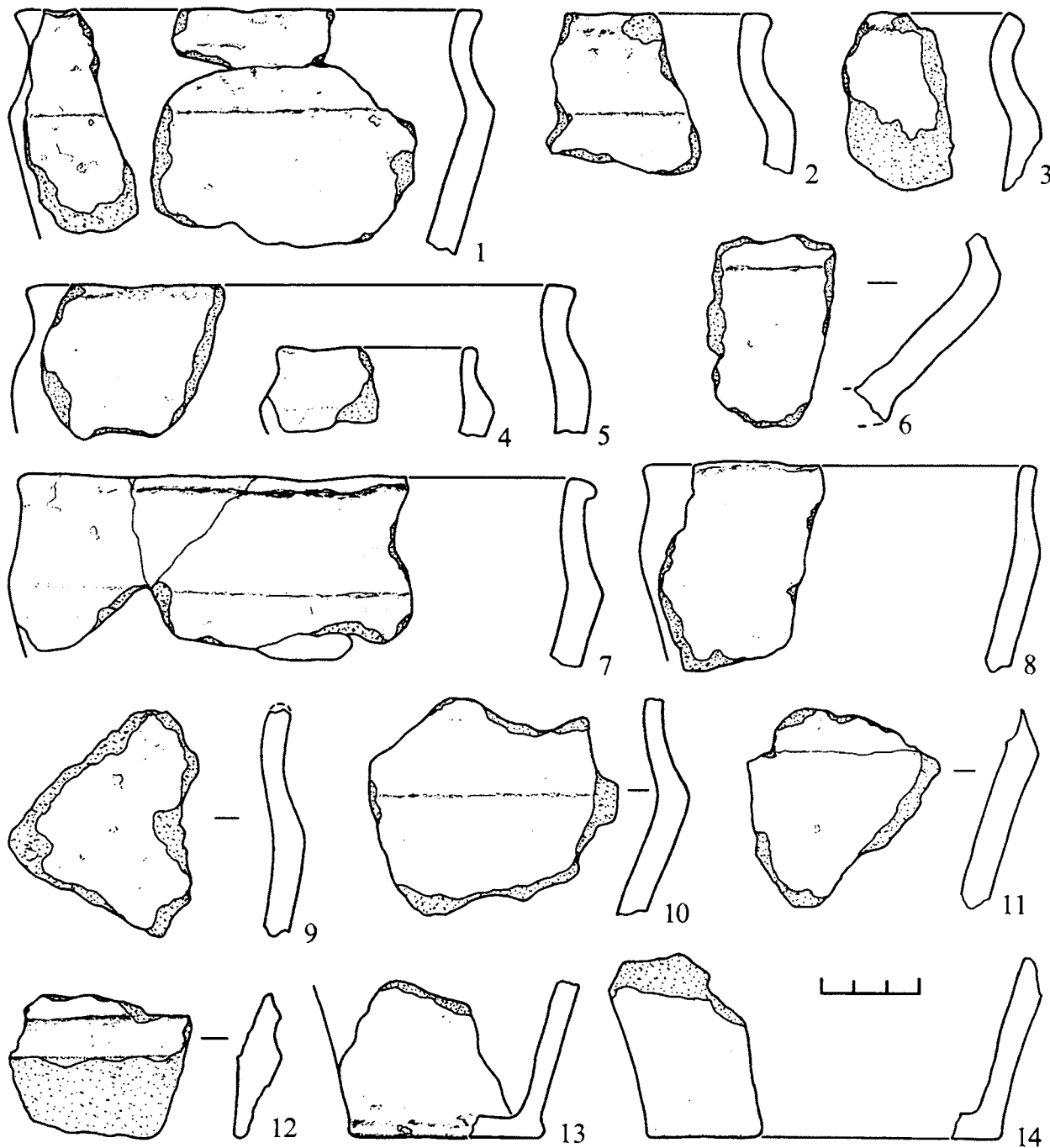

Табл. 183. Поселение Холопий городок. Лепная посуда из раскопа 1981 г.: заполнение сооружения ниже уровня камней в кв. 36, 43, 44, 52, 53, 61

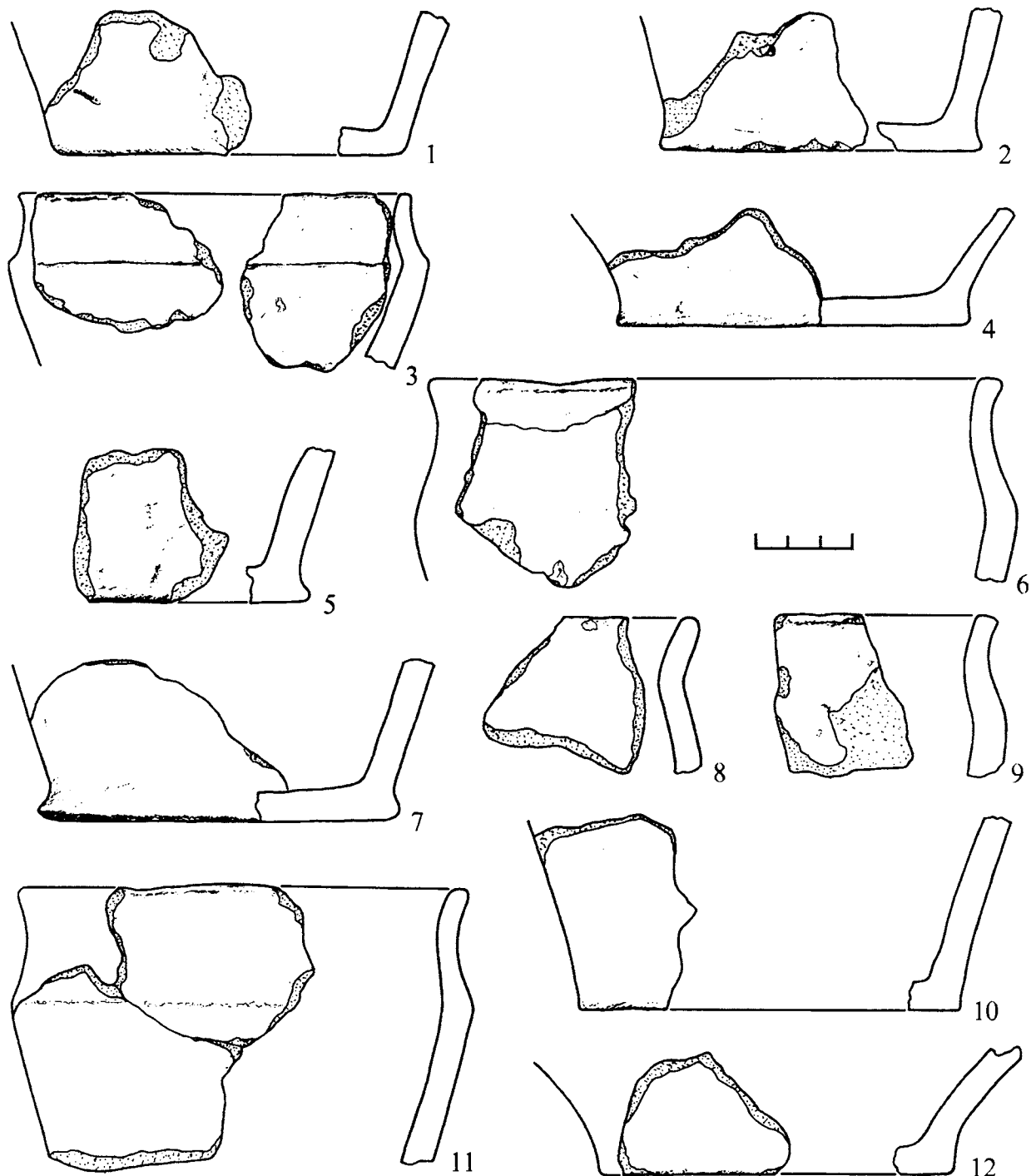

Табл. 184. Поселение Холопий городок. Лепная посуда из раскопа 1981 г.: 1–4, 5, 7 – заполнение сооружения ниже уровня камней в кв. 44, 53; 6–10 – разборка камней на дне сооружения; 3 – разборка осыпи в кв. 39, 48; 11, 12 – разборка бровки

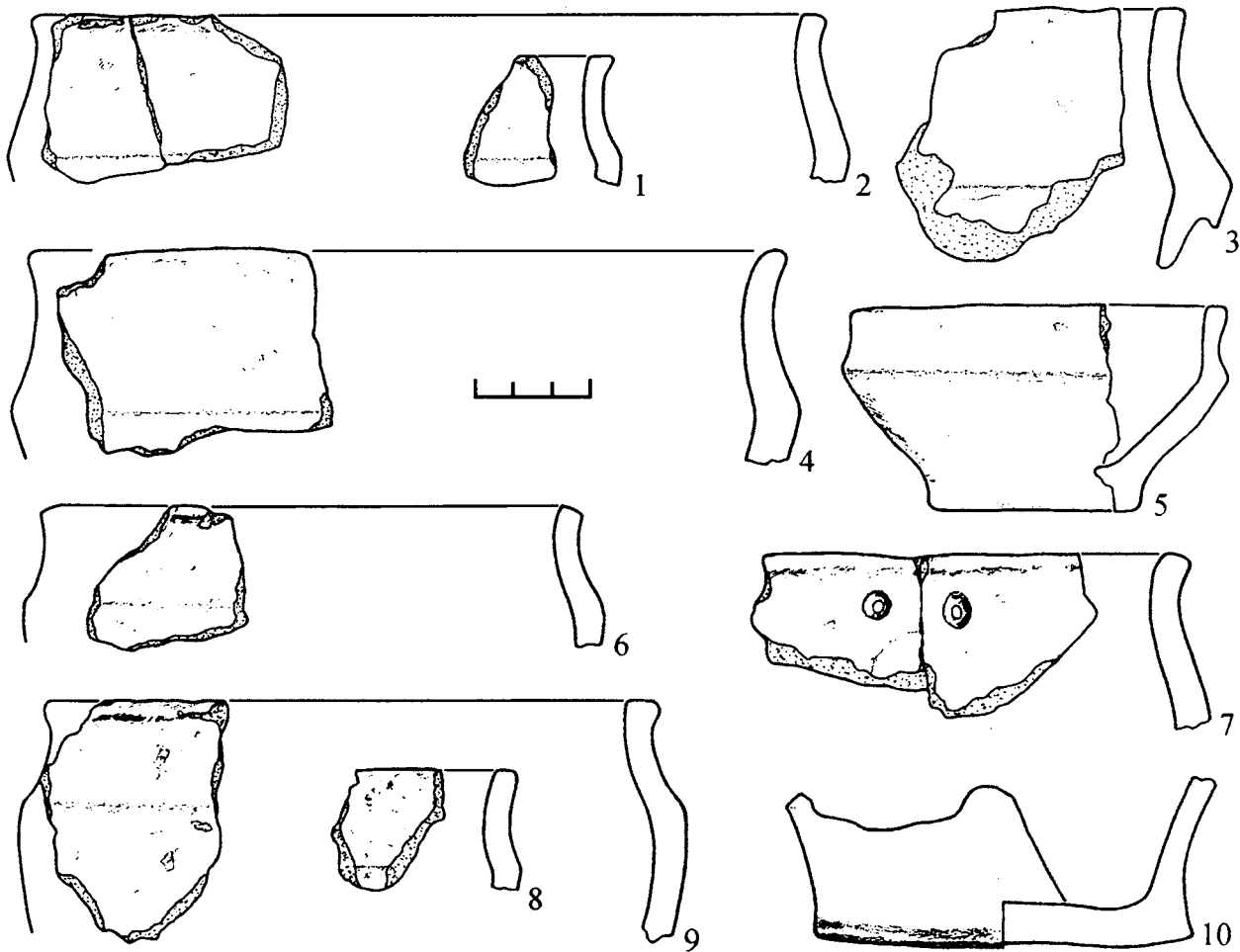

Табл. 185. Поселение Холопий городок. Лепная посуда из раскопов 1980–1981 гг. 1 – заполнение постройки в кв. 1, 2, 10, 11; 2 – культурный слой и верхняя часть заполнения постройки в кв. 18, 19, расчистка камней; 3 – разборка осыпи в кв. 31; 4 – разборка заполнения ямы в кв. 57; 5–10 – подъемный материал с селища

ПЕЧЬ ИЗ РАСКОПОК 1988 ГОДА НА ГОРОДИЩЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВОДСТВА ИЗВЕСТИ В ВИЗАНТИИ, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И ДРЕВНЕЙ РУСИ

Липатов А. А.

(А) ПЕЧЬ ИЗ РАСКОПОК 1988 г. НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ

Рассматриваемая в данной работе печь была найдена в ходе исследований Рюрикова городища, проводившихся НОЭ ЛОИА (ныне – ИИМК РАН) под руководством Е. Н. Носова в 1988 г. на участке к юго-востоку от церкви Благовещения (Носов 1988 // РА ИИМК РАН, Ф. 35, оп. 1, 1988 год, дела № 63–65; Носов 1989: 8–11).

Полное описание печи дается во второй главе (см. с. 50–52; рис. 9, 10; табл. 20, 21).

Более подробно коснемся характеристики плинфы. Кладка стен велась на глиняном связующем, причем для строительства были взяты преимущественно целые кирпичи, а не используемые вторично. В кладке стен использовалась плинфа, имевшая в основном размеры $34\text{--}35 \times 19\text{--}21 \times 4\text{--}4,5$ см, поверхности которых сохранили различные следы и полосы, а также отпечатки травы. Кирпичи в кладке стен печи в основном растрескались, многие со стороны пола выкрошились. Торцы плинф, выходящих в топочную камеру, обожжены на глубину до 15 см, особенно сильно – у плинф свода печи. Заполнение печи представляло собой сплошную крошку плинфы, куски плинфы и известняка. Часть упавшего свода сохранилась целиком.

Из 16 образцов плинфы, сведения о которых помещены в отчете, 4 представлены фрагментами, поэтому для составления таблицы форматов могли быть использованы только 12 шт. Промеры оставшихся экземпляров показывают, что, во-первых, при возведении печи использовали несколько форматов: $25 \times 18,5 \times 4,5$ см (1 экз.); $34\text{--}35 \times 19\text{--}21 \times 4\text{--}4,5$ см (10 экз.), $37 \times 21,5 \times 4$ см (1 экз.); во-вторых, среди них преобладают среднеформатные $34\text{--}35 \times 19\text{--}21 \times 4\text{--}4,5$ см – 10 экз. Вероятно, этот размер был одним из основных форматов.

А. В. Жервэ была просмотрена коллекция, собранная Новгородской областной экспедицией и хранящаяся в ИИМК РАН (подробнее см.: Жервэ, Липатов 2003: 50–59; Жервэ, Липатов 2003а: 344–350). Коллекция насчитывает 9 образцов плинф, из них 4 целые, 5 фрагментированы. Целые плинфы представ-

лены основным форматом: $34,5\text{--}35 \times 17\text{--}21 \times 3,5\text{--}4,5$ см. Результаты этих исследований следующие.

У двух образцов плинфы поверхность имела розовый цвет, ровный обжиг и тесто без видимых крупных включений. На их фоне выделяется фрагмент № 9 (толщина 5,5 см) темно-красного цвета: в нем отмечены частицы угля, кирпичной крошки и кусочки извести. Другой фрагмент также выделяется по цвету – он оранжевый. Остальные экземпляры обладали светло-розовым цветом и являлись кирпичами-сырцами. Это подтверждает одинаковая прокаленность первого внутреннего ряда кирпичей – около половины длины, т. е. около 15 см. Плинфа из конструкции печи имеет несколько характерных черт: низ – небрежно отделанная бугристая слегка вогнутая поверхность, без следов заглаживания. Следы прилипшей глины свидетельствуют о скреплении плинф глиняным «раствором»; верх – почти на всех фрагментах оставлены закраины, иногда до 15–20 мм. Встречаются следы правила в виде продольных или поперечных полос, расположенных в 1–2 мм друг от друга, отпечатки дождевых капель. На всей поверхности заметны вздутия различных размеров, достигающие 30–35 мм. Характерная общая изогнутость плинф может говорить об использовании неразъемной формовочной рамки.

При сопоставлении этой коллекции с материалами из ц. Благовещения на Городище, хранящимися в архитектурно-археологических фондах Новгородского областного музея, отмечены, во-первых, совпадение форматов (выделяются две группы – малоформатная $27\text{--}28 \times 18\text{--}19 \times 3\text{--}5$ см (9 шт.) и среднеформатная – $35\text{--}38 \times 21\text{--}22 \times 4\text{--}5$ см (5 шт.), являющаяся основным форматом кирпичей печи), и, во-вторых, сходство приемов обработки.

На основании совпадения форматов и технологии обработки можно говорить об одновременности существования на Рюриковом городище печи и храма 1103 г. О такой же датировке свидетельствуют данные стратиграфии и находки гончарной керамики конца XI–XII вв. с внешней стороны стен печи.

(Б) ВИЗАНТИЙСКИЙ И ДРЕВНЕРУССКИЙ КОНТЕКСТ

Как ни странно, но для территории Византийской метрополии археологические остатки печей для обжига известняка практически неизвестны: на отсутствие археологической литературы по этой проблеме сетовали еще в середине 70-х гг. немецкие археологи (Müller 1976: 69). Для ранневизантийского времени (IV–V вв.) мы располагаем сведениями письменных источников об использовании печей для обжига известняка в Константинополе. Сведения эти сохранились в Кодексе Феодосия (Cod. Theod. XIV, 6,5, датируется 419 г.), где сообщается, что печи располагались в самом центре города и настолько загрязняли воздух, что императоры Гонорий и Феодосий были вынуждены издавать специальные указы об их уничтожении (Łukaszewicz 1979: 115–118). В известном трактате византийского архитектора Юлиана из Аскалона, относящегося к VI в. (Сюзюмов 1960: 3), мы обнаруживем рекомендации по устройству гипсария (печи для изготовления гипса) и о правильном (с точки зрения организации городского пространства и характера прилегающих территорий) размещении обжигательной печи¹. Следует отметить, что в ранневизантийских документах печи для обжига известняка фигурируют, вероятно, лишь в контексте указаний об их размещении и функционировании в городских районах – об этом говорят и трактат Юлиана, и законы кодекса Феодосия. Тот факт, что никакие из дошедших собственно архитектурных трактатов не дают рекомендаций об устройстве и строительстве таких обжигательных печей, может говорить лишь об универсальности их конструкций во-первых, и, во-вторых, о ставшем уже традиционным знании архитектором технологии приготовления извести. Археологические остатки таких печей в византийской метрополии остаются пока неизвестными, и представления о византийской практике обжига известняка мы можем составить всего лишь на двух примерах, относящихся к провинциальным местностям ранневизантийского времени.

В *Херсонесе* ранневизантийская печь для обжига известняка была обнаружена в ходе раскопок так называемого четырехapsedного храма (квадрифолия), расположенного в юго-западной части Херсонесского городища (Кутайсов 1982: 155–169; Кадеев 1970: 78 (ошибочно считал ее гончарной печью); Кутайсов, Юрочкин 1997: 53–55; Лепер 1911: 92–107; Золотарев, Коробков 1997: 111–115 (о чудесах св. Капитона, связанных, по мнению авторов, с этой печью); Романчук 2000: 228). Раскопки на этом объек-

те производились К. К. Косцюшко-Валюжиничем (в 1906 г.), в 1908 году здание было пересечено рвом во время земляных работ, в 1909 г. здесь были произведены раскопки Р. Х. Лепером (он-то и обнаружил в центре здания печь), в 1930-е гг. К. Э. Гриневич произвел зачистки и датировал здание VII–VIII вв., связав его с расположенной в центре здания печью, в 1959 г. зачистки мозаичного пола О. И. Домбровским показали существование двух разновременных мозаичных полов, и, наконец, в 1977–1979 гг. квадрифолий стал объектом изучения Херсонесского отряда Южно-Крымской экспедиции ИА АН УССР (рук. О. И. Домбровский и В. А. Кутайсов).

Так как печь вскрывалась в ходе исследований постройки дважды, то логично будет рассмотреть сперва первое ее описание, содержащееся в публикации Р. Х. Лепера (1911: 98–100). Лепер, в поисках предполагаемой крещальной купели в центре квадрифолия, произвел исследования центральной части здания, где и обнаружил остатки небольшой обжигательной печи, представлявшей собой яму в форме неправильного круга глубиной около 0,75 м у краев и около 0,82 м в центральной части. Ширина ямы по дну составляла 2,26 м, длина – 2,6 м. Устье печи было обращено к востоку и имело ширину 0,83 м в самом узком месте (рис. 1). Печь располагалась не точно по центру квадрифолия, а со смещением к западу, расстояние от северо-западного угла здания до стены ямы составляло 3,3 м. Стенки ее (высотой около 0,75 м, что соответствует глубине залегания скалы от уровня пола), как и стенки жерла, сложены из необработанных круглых камней, уложенных на скалу. От этой кладки сохранились 4 ряда, нижние два выступают на 0,22 м внутрь печи (при исследованиях 1977–1979 гг. стенки печи были наполовину разрушены). Лепер предположил, что передний (т. е. внутренний) ряд камней перегорел и разрушился, так как при раскопках здесь были обнаружены пережженные камни. Жерло печи отделялось невысоким порошком из полностью перегоревших камней. Правая (северная) стена устья отклонялась от внутренней окружности печки на расстояние около 1,4 м к С-В и продолжалась в этом направлении печки, образуя таким образом изогнутую линию, идущую параллельно нынешнему краю рва и отделяющую площадку перед печью. Другой край ее из-за разлома южной стенки жерла определить нельзя. В ходе исследований Лепер приходит к выводу, что печь была сооружена позже самого здания.

¹ Трактат «О законе и обычаях Палестины» дошел в женевской рукописи Книги префекта (см.: Saliou 1996: 32–42, 58–60), русский перевод отдельных частей произведения см. в: Сюзюмов 1960.

Исследования Кутайсова и Домбровского дают несколько иные данные относительно и постройки, и печи под ее полом (Кутайсов 1982). Для выяснения даты сооружения печи важным оказывается выяснение особенностей участка, на котором был построен кварифолий и сама печь. Эта площадка представляла собой колодор, понижавшийся в направлении с запада на восток, и наиболее древнее сооружение на этой площади – бассейн I–II вв. н. э., функционировавший до сер. III в., когда был заброшен и стал заполняться мусором. Во второй половине IV в. он был сnivelирован путем заполнения грунтом, взятым из культурных слоев IV в. Однако к моменту сооружения храма о бассейне забыли и при строительстве печи скала была очищена от грунта, и ее естественный склон стал поверхностью, с которой был впущен котлован печи. Датироваться это событие может временем не ранее второй половины IV в. (Кутайсов, Юрочкин 1997: 53–55)². Печь была обращена устьем в сторону понижения холма. Первоначальный уровень мозаичного пола перекрывает остатки печи, так что устье ее расположено на 0,92 м ниже уровня мозаик пола. Бутовая обкладка печи и скала, в которой она вырублена, сильно обожжены, а основание мозаики, прилегающей к ней, – нет, следовательно строительство и функционирование печи предшествовало строительству храма. К моменту строительства храма печь была полуразрушена, но бережно заполнена чистой землей с незначительными включениями ранневизантийской керамики и несколькими фрагментами керамики VI–VII вв. По данным раскопок Кутайсова, с центром симметрии храма совпадает устье печи (этого Лепер не обнаружил), на основании чего автор раскопок делает вывод о том, что здание было размещено над печью не случайным образом.

Тель Хефер (Tel Ḥefer, Палестина). Печь для обжига известняка, датируемая византийским временем, была обнаружена при спасательных раскопках в декабре 1991 г. на юго-восточном склоне холма Хефер и исследована археологически (Pogath 1993: 123). Печь представляла собой круглое сооружение диаметром около 2 м, сохранившееся на высоту 1,9 м. Конструкция печи опиралась на скальную породу (kurkar). Нижняя часть сложена из отесанных блоков материковой породы и имеет отверстие на восточной стороне шириной 0,45 м. Верхняя часть печи была сложена, по всей вероятности, из кирпича, и была разобрана вскоре после прекращения ее функционирования. Заполнение печи состояло из пепла и обожженного известняка, фрагментов византийской керамики,

по которым печь и была датирована VI в. Материал для обжига поставлялся из сооружений теля (холма) более раннего времени, разрушенных во время самаритянского восстания 529 г. Печь, судя по всему, функционировала недолго.

Сведения о известеобжигательном производстве средневизантийского времени мы получаем из источника 70-х гг. X в. – так называемого «Завещания» Никона, составленного для основанного им монастыря Спасителя, Богоматери и Св. Кириака в Спарте (Nikon Metanoieite 1999: 318; см. также: Kazhdan, Risse, Ševšenko 1991: 1483–84):

Lime ran short and a man from Sthlavochorion came and promised me four bushels. That night the Savior came down to him who had the lime and said to him, «This night I am taking your soul». The man who had the lime said to the Savior, «Sir, who are you?» He answered and said to him, «I am the Savior, whose divine structure [Nikon, surnamed] ‘Repent’ is building in the marketplace of Lakedaimon. You promised him only four bushels of lime, but you promised a small amount since you have a house full. If, however, you do what is good for you, bring as much lime as you have and fire up still two more [lime] kilns». That man, just as soon as he woke up, said, «Pity me, Master, and I shall give as much lime as I have and fire up two more kilns». The Savior again came to me and says to me, «Arise, start building because I have taken care of your concern for lime and do not grieve. Arise then and see at daybreak how much lime is coming and clear out a house so that you may put it [there]». I put it in the house and I built. I fired up fifty more kilns.

Believe me that God did not let me procure wood in order to fire up the [lime] kiln, for a man was found and he gave me wood. Then I got workmen and began building with what God had sent and what was given to the church, which I was eager to turn over to the Savior so that I might not have him as an opponent on the Day of Judgment.

Приведенный фрагмент завещания Никона, датированного издателем временем после 977 г., интересен по нескольким причинам: во-первых, мы получаем информацию об организации строительства небольшой церкви во второй половине X в.; во-вторых, оказывается, что Никон не обходится при ее строительстве одними только монахами, а прибегает к помощи местного населения, и известь для возведения стен поставляется именно таким поселянином, а не производится непосредственно на строительной площадке. Из этого обстоятельства также становится

² Совершенно иную интерпретацию данных раскопок Лепера / Кутайсова приводит в своей последней обобщающей монографии по византийскому Херсонсу А. И. Романчук (2000: 228): она считает, что бассейн был засыпан в первой половине V в., тетраконх был сооружен в VII в., а разрушен в X, после чего и была построена известеобжигательная печь, т.е. данные авторов, на которых она ссылается, коренным образом искажаются!

ясно, что раствор приготавливался прямо на строительной площадке. Далее, поставщик возит известь в Спарту из другого селения, кроме того, из текста можно заключить, что между ним и строителем (Никоном) заключено устное соглашение о таких поставках. И, наконец, из текста мы узнаем, что человек этот, услышав Спасителя, зажег «еще 50 печей», но такое число кажется слишком значительным для количества печей у одного обжигателя (см. комментарий в: Nikon Metanoieite 1999: 314). Однако, если принять, что он владел как минимум тремя печами (это следует из текста), то логично было бы предположить, что число 50 показывает количество производственных (обжигательных) циклов. Тогда несложный расчет показывает, что на завершение этих циклов ушло бы от полутора до двух месяцев, что вполне соотносимо с длительностью строительного сезона и процессом ведения кладки стен здания.

Что же касается древнерусской территории, то печи для обжига известняка в древнерусской археологии – объект довольно редкий. На древнерусской территории известные печи не образуют однородную группу и локализованы в трех крупных строительных центрах (Киев, Суздаль и Новгород).

Суздаль (Варганов 1956: 51–53; Раппопорт 1994: 42). В ходе разведок 1950 г. на территории Суздальского кремля в 20 м от северо-западного угла Рождественского собора, на глубине около 4 м была открыта часть обжигательной печи, представлявшая собой полукруг, вторая же половина печи была разрушена хозяйственной постройкой в конце XVII в. Стены печи были сложены из плинфы (основной размер 37 × 20 × 4–3,5 см). Внутренняя поверхность стены была ошлакована и представляла собой сплошную спекшуюся массу. Стена печи утолщается книзу на 0,4 м. Мощность основания стены печи около 0,75 м, это расширение было осуществлено за счет устройства на внутренней поверхности стены на высоте около 0,5 м уступа шириной 0,4 м. Стены были выложены из сырца. Подом печи служила выровненная в горизонтальную площадку материковая глина.

С юго-восточной стороны круг пода разрушен, но удалось проследить приемник, уходящий отвесно вниз в материковую глину на глубину 1,2 м. На дне приемника были обнаружены остатки лежащих горизонтально бревен, служивших либо настилом пола, либо креплением стенок. На уровне пода в материковой глине обнаружены следы трех деревянных столбов диаметром около 0,3 м, служивших опорами навеса над печью. Вблизи печи было найдено большое скопление угля, крупных кусков горелого дерева, осколки белого камня, в том числе и обломок белой каменной болванки – полуколонки крупного размера. Все это было перемешано с мусором (зола, куски

красной обожженной глины, кости животных, обгоревшая керамика и пр.). На основании изученных археологических остатков А. Д. Варганов пытается проследить процесс сооружения печи и реконструировать ее облик следующим образом (Варганов 1956: 51–53).

В материковой глине выкапывался круглый котлован глубиной около 2 м, по его внутреннему периметру выкладывалась стенка из сырцового кирпича толщиной в основании около 0,75 м, с одной стороны устраивалось отверстие с кирпичной аркой для топки. На высоте около 0,6 м от глиняного пода по внутренней поверхности стены выкладывался уступ, выше которого стена утончалась. Часть ее, возвышавшаяся над поверхностью пода, подсыпалась снаружи землей. Со стороны топки выкапывали яму-приемник, к которой вела, по всей вероятности, траншея с понижающимся к топке дном. Дно приемника было на 1,2 м ниже пода и топки. Пол приемника и стены укреплялись бревнами и плахами. На площадке вокруг печи устанавливали толстые бревна-опоры (сохранились следы трех), которые поддерживали кровлю. Лаз в приемник кровлей не защищался.

Печь датируется автором раскопок временем сооружения Рождественского собора Владимиром Мономахом, т. е. 1101–1102 гг., или до 1105 г. П. А. Раппопорт высказывает сомнение по поводу такой даты, основываясь на том обстоятельстве, что среди известнякового материала, шедшего в печь, была найдена белоканменная заготовка, а мономахов собор был, по-видимому, целиком кирпичным (Раппопорт 1994: 59, сн. 84). Отсутствие более поздних находок в заполнении печи может говорить о том, что она была засыпана сразу по завершении строительства. А. Д. Варганов считает такую засыпку способом консервации печей.

Киев. На Ирининской улице на самом краю плато над Крещатицким оврагом (территория города Ярослава), в ходе земляных работ, связанных со строительством высотного дома и прокладкой подземных коммуникаций, в 1970 г. были обнаружены круги обожженной докрасна материковой глины, расположенные на расстоянии 5–6 м друг от друга (Толочко, Гупало 1975: 5–27; Толочко 1978: 91; Новое в археологии Киева 1981: 343–348; Раппопорт 1994: 42). Два круга находились возле дома № 6, остальные – возле домов № 2 и 5. Диаметр обнаруженных кругов приблизительно равнялся 2,5 м, глубина прокаления материка – 0,3–0,4 м. Всего было отмечено 6 таких кругов (Толочко 1978: 91). В результате археологических раскопок на этом участке был выявлен производственный комплекс печей для обжига извести XI в. (Толочко, Гупало 1975: 20–27).

Остатки кладки стен из плинфы, повторявшие очертания пятен обожженной глины, были обнару-

жены возле дома № 6. Из-за высокой температуры плинфа и глиняные швы между ними превратились в ошлакованную массу. Внутренний диаметр печи равнялся приблизительно 2,5–2,6 м. Устье находилось в 4–4,5 м от стены дома. Незначительная глубина залегания (под асфальтом проезжей части улицы) может свидетельствовать о больших планировочных работах в этом районе города Ярославля, из-за чего был срезан культурный слой, а также верхние части исследуемых сооружений. Остатки других печей оказались еще худшей сохранности: ни в одной из них не сохранились кирпичные стены, круги обожженной глины были настолько изрезаны траншеями, что не удалось даже определить их размеры. Единственным элементом, который свидетельствовал о производственном характере печей, была находимая в заполнении печи известь.

Еще одна печь, попавшая в поперечную траншею, перерезавшую ул. Ирнинскую и подходившую к дому № 3, сохранилась намного лучше. Был обнаружен большой участок круглой стены мощностью около 60 см, сложенный из плинфы (34–35 × 25 × 3,5–4 см) на глиняном растворе. Внутренняя ее поверхность была сильно ошлакована, плинфа прокалена на половину одного ряда. За пределами стены глина обожжена на расстоянии до 0,4 м. В плане печь имела форму почти правильного круга с выступающими на южной стороне стенками устья шириной 0,8 м и длиной 1 м, высота стенок составила 0,3–0,4 м. Камера печи впущена в материк и снаружи она смыкается с материковой глиной. Внутренняя же сторона стены аккуратно сложена плинфой. Высота сохранившихся стен от уровня пода камеры – 0,65–0,7 м (сохранились 12–14 рядов кирпича, уложенных на толстых прослойках глины). Внутренний диаметр печи – 2,6–2,7 м. Под камеры был образован выровненным глиняным материком, прокаленным на глубину до 5 см. Печь оказалась неразгруженной, в северном секторе сохранился толстый слой извести и куски известняка, что и помогло атрибутировать конструкцию.

На основании материалов раскопок П. П. Толочко (Толочко, Гупало 1975: 20–27) предпринял попытку реконструировать устройство последней печи. Она представляла собой цилиндрическую шахту из обожженной плинфы, скрепленной глиной, сложенную в глубоком котловане. На высоте 0,7–0,8 м от пода внутренняя часть стены имела уступ, выше которого начиналась обжигательная камера³. Топочная часть шахты загружалась через устье дровами или древесным углем. Прямо на топливо, но уже через верхнее отверстие, помещался измельченный известняк, кото-

рый, очевидно, пересыпался несколькими слоями угля. Цикл всех работ, связанных с выжиганием извести, продолжался четыре–пять дней. По поводу данной реконструкции также следует сказать несколько слов. Она более правдоподобна, нежели реконструкция, предпринятая А. Д. Варгановым для печи, найденной в Суздалье, хотя и не лишена некоторых натяжек. Здесь конструкция топочной камеры более прочна: погрузка известняка производится на уложенные в нижней части дрова, что не вызывает возражений, высказанных в предыдущем случае. Предложенный П. П. Толочко способ обжига с прослойками горючего материала является достаточно прогрессивным для своего времени, однако подтверждений его существования в это время мы не имеем (см., например: Adam 1994: 71) и оснований для реконструкции его в данном случае нет. Остается, однако, непонятным назначение уступов на внутренней стене печи: либо мы имеем дело с конструкцией, в чем-то аналогичной суздальской (тогда реконструкция Толочко требует коррекции), либо назначение этих уступов является загадкой. Кроме того, не вполне корректным представляется использование для реконструкции производительности древнерусских печей сведений, относящихся к XVII в., которые были впервые использованы А. Д. Варгановым (1956: 52–53) и вновь встречаются у П. П. Толочко (см. также: Раппопорт 1994: 44). Еще одна неточность реконструкций Варганова и Толочко заключается в отсутствии отверстий в перекрытии топки (или в известняковом ее заполнении), т. е. отверстий-продухов, способствовавших циркуляции воздуха и удалению углекислого газа из камеры обжига.

Как считают авторы раскопок (Толочко, Гупало 1975: 24–25; Новое в археологии 1981: 348), о времени функционирования киевского производства по приготовлению извести может свидетельствовать его местоположение: он расположен вблизи группы построек города Ярославля (в 50–60 м от церкви Св. Ирины и в 150–200 м от Софийского собора). Предположение, что его продукция удовлетворяла потребности строительства этого ансамбля, очень логично. Подтверждается оно и другими данными: плинфа, из которой сложена печь, датируется временем не позже XI в., археомагнитный же метод датирования показывает, что печи прекратили свое функционирование в 40-х гг. XI в.

Как мы видим, конструктивно все рассмотренные выше печи отличаются от городищенской по ряду признаков. Во-первых, формой конструкции: городищенская печь прямоугольная, суздальская и киевские – круглые, во-вторых, все печи, кроме го-

³ Ни в реконструкции авторов раскопок (Толочко, Гупало 1975: рис. 14), ни в повторенном в книге П. А. Раппопорта (Раппопорт 1994: рис. 35) плане печи эти плечики не показаны.

родищенской, имеют уступчатую конструкцию камеры для обжига, в-третьих, только новгородская печь имела кирпичный цилиндрический свод, перекрывавший топочную камеру и камеру обжига. Такие существенные различия заставляют нас усомниться в первоначальном назначении городищенской печи и рассмотреть возможность ее функционирования в ином качестве – как печи для обжига глины.

Киевская и новгородская печи являются довольно сложной кирпичной конструкцией, в отличие от более простой кирпично-земляной конструкции печи в Суздале. Такое разнообразие объяснить региональными особенностями едва ли возможно. По времени суздальская и новгородская печи синхронны (начало XII в.), но конструктивно абсолютно различны. Киевская печь датируется несколько более ранним временем (20–40 гг. XI в.). Конструкция новгородской печи стоит особняком в этом ряду: она имеет явное сходство с двумя печами для обжига кирпича, найденными в Киеве в 1974 г. к юго-западу от Десятинной церкви и датирующимися, вероятно, концом X в. (Новое в археологии Киева 1981: 335–36. Рис. 152). Одна из них, лучшей сохранности, имела в плане

форму прямоугольника и была ориентирована устьем на юго-запад. Сохранилась только нижняя ее часть – топочный ярус. Топочная часть состояла из двух продольных камер, разделенных стеной. От второй сохранились только две стены, северо-западная часть фасада имела устье шириной около 0,9 м. Наружные размеры печи 4,8 × 4,9 м, толщина стен 1 м. Обе печи сложены из кирпича-сырца на глине (Килиевич 1975: 284–85; Кілієвич 1979: 11–18).

Конструктивная близость (даже несмотря на очень вероятную однокамерность городищенской печи) киевских печей и новгородской заставляет усомниться в первоначальном назначении городищенской печи. Характер ее конструкции может говорить либо о том, что новгородская печь изначально была предназначена для обжига кирпича, но можно предположить, что свое существование она закончила, обжигая известняк. Во-вторых, связь между киевской печью и новгородской заслуживает внимания и дальнейшего изучения. Обнаруженная на Рюриковом городище печь своими конструктивными особенностями указывает на киево-черниговский, а по мнению И. М. Игнатенко, на киево-перемышльский след мастеров.

(Г) БОЛЕЕ ШИРОКИЙ КРУГ АНАЛОГИЙ

Прежде чем обратиться к более многочисленному материалу Западной и Юго-Восточной Европы, следует остановиться подробнее на критериях, по которым мы можем интерпретировать археологические объекты как сооружения для обжига и для обжига известняка в том числе. Эти критерии должны быть разделены на две группы: первую, характеризующую печь для обжига известняка как архитектурное сооружение, конструкцию, предназначенную для выполнения определенного производственного цикла, и вторую группу критериев, относящихся к печи как к объекту археологическому. Мы не будем касаться вопроса типологии известково-обжигательных печей вообще (по этой теме см.: Müller 1976: 69–82; Müller 1981: 55–65; Reusche 1977: 78–86), так как в данном случае нас интересует морфологические признаки, отличающие печи для обжига известняка от других обжигательных конструкций.

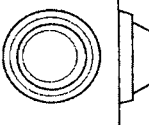
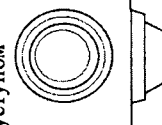
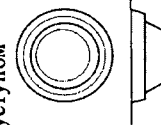
Во-первых, к важнейшим признакам первой группы следует отнести отсутствие конструкции перекрытия камеры обжига, что содействовало бы удалению из обжигательной камеры углекислого газа, выделяющегося при обжиге. Факт же его наличия может говорить только о непригодности такого сооружения для обжига известняка, хотя есть случаи, когда над печью создается перекрытие, пре-

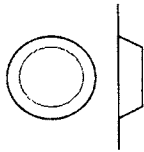
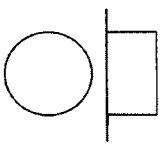
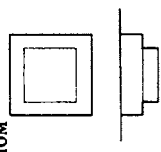
пятствующее проникновению в камеру влаги, например, дождя (см. печи в Вроцлаве), однако даже в этом случае в перекрытиях всегда предусматривалось значительное по площади отверстие для удаления газа из камеры обжига. Во-вторых, печи, предназначенные для получения извести, как правило не столь монументальные сооружения: для функционирования такой печи достаточно создания топочной и обжигательной камеры в грунте или материковой породе. Кирпичные «обрамления» (Киев, Херсонес) конструкции, как показывает западноевропейский материал, не столь необходимы для успешного функционирования печей. К типологическим признакам печей для обжига известняка можно отнести такие, как круглая или овальная форма (см. статистику из табл. 1).

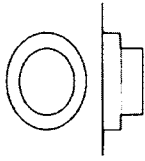
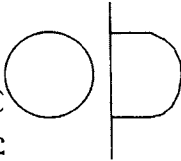
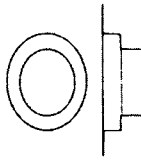
Во второй группе критериев, по которым печи для обжига известняка выявляются археологами, без сомнения, относится факт обнаружения в печах слоя извести и/или обожженных кусков известняка. По этому признаку атрибутированы многие печи Восточной Европы (табл. 1). Именно этот признак и сыграл решающую роль при определении назначения городищенской печи.

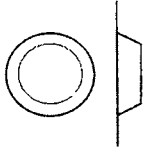
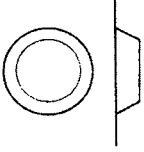
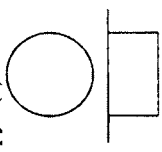
Городище *Старый Орхей* (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 37–37). Центральная Молдавия, 18 км

Таблица 1

Место-положение	Размеры	Приблизительная геометрическая форма	Мощность стен	Число и ориентация устья / -ев	Перекрытие топочного объема	Расстояние до строительного объекта	Дата	Иллюстрации
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Тель Хефер, Израиль	Диаметр 2 м (сохр.), глубина 1,9 м. Материковая порода -- низ, кирпич -- верх.	Круг	Ок. 0,2 м	Одно, на В	?	?	Не ранее второй половины IV в.	—
Херсонес	2,26 × 2,6 м, глубина 0,75–0,82 м, из круглого вала	Круг	?	Одно, на В	?	В самом здании	VI в.	Рис. 1–2
Новгород	3,2 × 3,2–3,6 м (по линии СЮ–ЗВ) глубина 1,2 м кирпич-сырец на глине	Квадрат (ромб в действительности)	0,8, 0,45 м	2 устья Ю	Свод	25 м	Нач. XII в., до 1103 г.	См. текст основной
Суздаль	Высота – 2 м. Кирпич-сырец	Круг, конус с уступом 	0,75 (основание) – 0,4 м	Одно, ЮВ	Нет	20 м	1102–1105 гг.	Рис. 3А
Киев (всего 6 печей) № 1	Диаметр – 2,5–2,6 м	Круг, форма неизвестна	?	?	?	50–60 м	20–40-е гг. XI в.	—
№ 2	Диаметр внутр. – 2,6–2,7 м. Высота – 0,3–0,4 м Кирпич-сырец на глине	Круг, конус с уступом 	Ок. 0,6 м Впущена в материк	?	Нет	50–60 м	20–40-е XI в.	Рис. 3Б
Старый Орхей	Диаметр – 5 м (верх), 2,3 м (дно)	Круг, конус с уступом 	Впущена в материк	Одно, Ю	Нет	Несколько метров	Сер. XIV в.	Рис. 4А

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Бравичены № 1	Диаметр – 2 (верх), 1,4 м (дно) Высота – 1,25 м	Конус 	Впущена в материк	Одно, ЮЗ	Нет	6,4 м	XIV в	Рис. 4Б
№ 2	Диаметр – 0,9 м Высота – 0,65 м	Круг, цилиндр 	Впущена в материк	Одно, СЗ	Нет	?	XIV в.	–
Сочи	?	Круг (?)	(?) Впущена в материк	В (?)	Нет	Возле крепости	X–XI вв.	–
Вроцлав № 1	Диаметр – 3,2 м Высота – 0,68 м Стенки ямы под углом 45°	Круг, конус	Впущена в материк	В	Купол (кирпичный / бревенчатый)	?	Первая половина XII в.	Рис. 7
№ 2	Диаметр – 3,2 м Высота – 0,94–1 м	Круг	Впущена в материк	В	Купол (кирпичный / бревенчатый)	?	Первая половина XII в.	–
№ 3	8 × 6,8 м	Овал	Впущена в материк	СЗ-ЮВ	Нет	?	Первая половина XII в.	–
Обриштли (окр. Mělník)	Поперечник 2 м, Высота – до 1,75 м	?	Яма в материке	?	?	?	Позднеримское время	Рис. 8
Бажуровец-Черголье, Hubina (окр. Třnava)	4,5 × 4,5 м	Квадрат	Впущена в материк	?	?	?	IX–X вв.	Рис. 9
Тофей (Tófej) № 1	2,9 × 2,4 м внутри 4,2 × 3 м внешние, высота – 2,1 м	Квадрат с уступом пом 	Яма с насыпными стенками	Ю	Нет	20 м от церкви	XI–XII вв.	Рис. 10А-Б

1	2	3	4	5	6	7	8	9
№ 2	?	?	?	?	?	?	?	—
Мохач-Кзеле (Mohács-Csele)	Воронка с выложенным булыжником дном	Овал, конус с уступом 	—	Ю (?)	Нет	5 м от церкви	XIII–XIV вв.	Рис. 11А
Сарошпатак (Sárospatak) № 1	Диаметр — 4,6 м Высота > 2 м	Круг (?)	Впущена в материк	—	—	?	XIII–XIV вв.	Рис. 11Б
№ 2	Диаметр — 5,6 м Высота — 3,8 м	Круг (?)	Впущена в материк	—	—	?	XIII–XIV вв.	—
Прага, район Бубенец	Яма, диаметр 0,8 м Глубина 1,45 м	Круг (?) 	Впущена в материк (суллинок)	?	Купол с вен- тляционным отверстием (дерево, обмазка глиной)	?	Латен	—
Аквинкум (Gross- Krotzenburg) № 1	Диаметр — 3,6 м (мах)	Овал с уступом 	Ряд кирпичей	В	Нет	?	Римское время	Рис. 12
№ 2	Диаметр — 3,8 м (мах)	Овал с уступом	?	В	Нет	?	Римское время	—
Капошвар (Kaposvár) (всего 3 печи)	?	?	?	?	?	?	XIV в.	Рис. 13А
Покаше- петек (Pókasz- petek)	4,4 x 3,5 м (двухчастная, впущена в грунт)	Прямо- угольник	—	2 устья, на 3	Нет	Рядом	XIII в.	Рис. 13Б
Потсдам- Крамниц	—	—	—	—	—	?	—	Рис. 14А, Б

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Хофгейм	Диаметр – 3 м (верхний) Высота – 3,1 м	Круг, конус 	?	?	?	?	Римское время	Рис. 16А
Костржинь-Клошница (три печи)	Диаметры 2–3–3,5 м	Круг, конус 	Впущена в материк. Стенки и дно выложены валуном на глине.	?	Купол с вентиляционным отверстием (дерево, обмазка глиной)	На поселении	Раннеримское время	–
Кипр, местность у ворот Амагту	Диаметр (мах) – 1,2 м	Круг (?) 	Подтесанная скала и валун	?	–	?	Конец IV в.	Рис. 6
Магдебург (3 печи)	4,2–4,4 × 4,6–4,9 м	Прямоугольник	–	Ю	Нет	Во дворе церкви	XII в.	Рис. 14В
Хильдагсбург	4 × 2,75 м, Н = 0,4 м	Прямоугольник	?	?	Нет	Внутри бурга	XI–XII вв.	–
Трир (3 печи)	Диаметр ок. 3 м	Круг	?	1 устье, В–СВ	?	?	Сер. IX в.	Рис. 15
Хаммерсхус	Квадрат со стороной ок. 4,7 м	Квадрат	Ок. 1 м	2 устья, на СВ	Цилиндрический свод	?	?	Рис. 16Б

к юго-востоку от г. Ореева, между селами Требужны и Бутучены. Печь для обжига известняка была обнаружена работами археологической экспедиции «Старый Орхей» в 1968–1974 гг. на пространстве между «караван-сараями» I и II, на глубине 0,6 м от уровня современной дневной поверхности в виде кольцеобразного прожога. Котлован печи был врыт в материковый грунт на глубину 2,20 м и имел форму перевернутого усеченного конуса со ступенчатым выступом на глубине 1,15 м от верхнего края. Большой диаметр котлована печи составлял 5 м. Стенки до выступа слегка сужались до диаметра 4,2 м, ширина выступа составляла 0,45–0,5 м, диаметр в этом месте выступа – 3,3 м. Выступ прерывался в южной части, где находилась топка. От выступа и далее котлован сужался, и диаметр дна составлял 2,3 м. Дно его ровное, в восточной части чуть опущенное. Толщина прожога стен – 0,1 м, толщина пода – 0,20 м. В южной части печи на высоте 0,35 м от пода было сделано круглое отверстие устья топки диаметром 0,5 м. С юга к печи примыкала предтопочная яма овальной формы, обнаруженная на глубине 0,7 м от уровня современной дневной поверхности, длина ее составляла 4,1 м, ширина – до 1,8 м. Дно ямы ступенчатое, глубина ее увеличивается от юга к северу – 0,7–1–1,9 м. Яма отделена от печи в ее верхней части перемычкой толщиной 0,3–0,4 м, в нижней части они соединены устьем.

Заполнение печи состояло из суглинка, обильно насыщенного обгоревшими известняковыми камнями и крошкой, фрагментами древесного угля, известью. В заполнении печи, а также на дне предтопочной ямы найдены несколько фрагментов красножелтой керамики, что датирует весь этот комплекс серединой XIV в.

Эта печь для обжига извести, как считал П. П. Бырня, практически не отличается по форме и конструкции и, следовательно, по процессу получения извести от подобных печей в этом районе, функционировавших в 30–40-е гг. XX столетия. Горизонтальная площадка служила основанием загрузочной камеры, которая заполнялась известняком. Суженная нижняя часть являлась топочной камерой, в которую первоначально закладывались дрова, а затем она постоянно заполнялась топливом из предтопочной ямы через устье. Печи для обжига известняка староорхейского типа в это время были широко распространены, о чем свидетельствует аналогичная печь из Бравичанского ремесленного комплекса.

Село *Бравичены* Ореевского района Молдавии, левый берег Реута (Чеботаренко, Бырня, 1960: 47–50). Печь для обжига извести № I была обнаружена в 6,4 м к северо-западу от наземного сооружения мазара, на глубине 2,4 м от современной дневной поверхности. Печь в плане круглая, верхний диаметр

ее 2 м, котлован имеет форму перевернутого усеченного конуса. Дно печи почти плоское, диаметром 1,4–1,5 м. Поверхности стен ровные, сужающиеся и закругляющиеся к поду. Высота корпуса печи составляла 1,25 м. Вокруг верхнего края конуса была вырезана горизонтальная площадка шириной 0,25–0,4 м, образующая основание загрузочной камеры диаметром 2,65 м. Стены ее прослеживались в материке на высоту 0,4 м. С юго-западной стороны на уровне основания загрузочной камеры к печи примыкает устье в виде арочного тоннеля длиной 0,4 м и шириной у основания около 0,5 м. Перед устьем имелась предпечная яма, но следы ее прослеживаются слабо. Заполнение печи в верхней части состояло из слоя суглинка, смешанного с битым кирпичом, а ниже залегает слой мощностью до 0,25–0,3 м из обожженных и полуобгорелых камней, затем до самого дна печи – слой гашеной извести мощностью 0,8–0,85 м.

В юго-западной части печи под устьем у стенки, начиная от верхнего уровня гашеной извести до дна, тянется на расстояние до 1,15 м прослойка обожженной земли и древесного угля толщиной от 10 до 35 см. В результате действия высокой температуры стенки печи были сильно обожжены на глубину до 20 см и в некоторых местах представляли собой шлакоподобную массу. На основании керамического и нумизматического материалов конструкция датируется XIV в.

Печь для обжига извести № II была расположена в 12 м к востоку от печи № I, и ее контуры выступали на уровне древней дневной поверхности. Печь была ориентирована топкой по линии юго-восток – северо-запад, была круглой в плане и диаметр – около 0,9 м. Котлован печи цилиндрический, чуть сужающийся ко дну. Стены были хорошо обожжены на глубину до 0,15 м, высота их составила 0,65 м. С северо-запада к печи примыкало устье длиной 0,45 м и шириной у основания 0,5 м, высотой 0,35 м, сужающееся кверху. Заполнение печи состояло из суглинка до глубины 0,3 м. Ниже было найдено несколько обожженных известняковых камней, под которыми до самого дна печь была заполнена крупными кусками древесного угля. С северо-западной стороны к устью примыкала большая, почти прямоугольной формы, яма размерами 1,8 × 1,6 м и глубиной около 0,3 м, на дне которой прослежен слой гашеной извести мощностью до 5 см. Конструктивно две описанные печи различаются только устройством загрузочной камеры: у печи № I загрузочная камера частично заглублена в землю, а печь № II загружалась с поверхности земли.

Костешты, золотоордынский город (Тельнов, Рябой 2000: 108–118). Южная Молдавия, 35 км к югу от г. Кишинева, в долине р. Ботны, возле юго-вос-

точной окраины села Костешты. Печь № 1 была выявлена на глубине 20 см от современной дневной поверхности, имела круглую в плане форму диаметром 2,15 м (диаметр верха). В сечении печь имеет форму перевернутого конуса (диаметр дна составлял 1,95 м). Ориентация устья – юго-запад. Котлован печи врыт в материк на глубину 1,20 м. Дно печи ровное. Высота сохранившихся стен печи составляет 1,2 м, глубина прокала стенок печи составляет 50 см в верхней части и 15 см в нижней части в уровне пода. Дно печи прокалено на глубину 15 см. С юго-западной стороны печи располагалась предтопочная камера овальной в плане формы. Длина ее – 1,7 м, ширина в сохранившейся части – 25 см. Ориентирована предтопочная камера по линии юго-запад – северо-восток, плавно переходя в углубление овальной формы размерами 50 × 70 см, расположенное в пределах пода печи. Стенки и дно углубления прожжены на глубину 15 см. В заполнении печи, на ее поде были обнаружены костные останки человека, погибшего, как считают авторы, сразу после разгрузки печи.

Печь № 2 располагалась на расстоянии 1,15 м к северо-востоку от первой печи. Печь имела круглую в плане форму, верхний диаметр составлял 1,5 м, диаметр дна – 160 см. Котлован печи был врыт в материк на глубину 55–70 см. Печь также имеет форму перевернутого усеченного конуса, стенки ее плавно закруглялись и переходили в дно. Дно печи имело незначительный уклон в направлении юго-востока. Стенки печи были обожжены лишь возле пода, дно печи прокалено на глубину 20 см. Внутренний объем печи был заполнен известняковыми камнями средних размеров, между камнями были прослежены следы древесного угля. Исходя из этих признаков, авторы считают, что процесс обжига в этой печи завершен не был.

Печь № 3 располагалась на расстоянии 4,25 м к юго-западу от второй печи и вплотную примыкала к предтопочной яме первой. Печь располагалась на пологом склоне и поэтому была выявлена на различной глубине от уровня дневной поверхности. Печь имеет круглую в плане форму, диаметр верхний 1,7 м, диаметр дна составлял 1,9 м. Котлован врыт в материк на глубину 1,1–1,4 м. Печь имеет форму перевернутого усеченного конуса, стенки которого плавно закруглялись, переходя в вогнутое дно. Стенки печи обожжены только в нижней, придонной, части, глубина прожога пода составила 8 см. Данная печь, как и предыдущая, была загружена плотно уложенными известняковыми камнями. Все три печи могут быть датированы, исходя из вещевого комплекса XIV в.

Окрестности Сочи. В районе Сочи известно несколько печей для приготовления извести, одна из ко-

торых была найдена возле Аибгинской крепости (Красная поляна), материалы по которой опубликованы Ю. Н. Вороновым (1979: 99–100. Рис. 99). Печь представляла собой две смежные ямы-камеры округлой формы, врытые в крутой склон. Между камерами из ломаного камня была сооружена специальная перегородка. Во внутренней яме обнаружена усохшая известь. Печь, как считает Ю. Н. Воронов, функционировала недолго. Конструкция ее, несмотря на довольно плохую сохранность и схематичность публикации, дает нам некоторое представление о снабжении производственного комплекса материалами и организации оттока готового продукта: выше и ниже по склону от печи проходили дороги, одна из которых (верхняя) вела к крепости. Скорее всего, по нижней к печи подвозили известняк, а по верхней транспортировали готовую известь. Автор не выдвигает предположений относительно даты, но, исходя из общего контекста (связь с близлежащими крепостями), можно считать датировку X–XI вв. наиболее вероятной. Автор связывает функционирование печи с Аибгинской крепостью, однако в ее описании (Воронов 1979: 87–88) мы не находим указаний на использование известкового раствора в конструкциях. В другой публикации (Федяков 1997: 80) мы находим указание на технику возведения стен крепостей в районе Красной поляны (всего их насчитывается около 6) – двухпанцирная с забутовкой на известковом растворе, что косвенно позволяет связать функционирование печи со строительством этих крепостей.

КИПР

Территория, прилегающая к воротам *Аматху*. При исследовании в 1999 г. кладбища возле ворот были обнаружены остатки конструкции печи для обжига известняка (Parks, Mavromatis, Kayne Harper 2000: 309. Fig. 4; 6:3). Была прослежена часть диска из затвердевшей извести диаметром около 1,20 м (мах диаметр). Плоские камни различного размера образовывали сегмент бортика вокруг дна печи, другую часть бортика образовывала специально подтесанная скала. Поверхность камней и скалы несут следы высокотемпературного воздействия. По поверхности пола печи и вокруг были найдены россыпи древесного угля, что указывает на особенности функционирования печи, а также осколки известнякового камня и мрамора, служивших исходным сырьем для производства извести. По данным стратиграфии и сопровождающему материалу, авторы раскопок датируют конструкцию концом IV в.

ПОЛЬША

Вроцлав. При раскопках возникшего в 20–30-е гг. XII в. бенедиктинского монастыря были обнаружены слои строительного мусора, заготовки для камне-

обрабатывающего производства и три печи для обжига известняка (Lasota, Piekalski 1988: 30–38). Печи 1 и 2 располагались друг возле друга, а печь 3 – на расстоянии около 30 м от первых двух. Печи 1 и 2 лежали на слое известнякового камня и известны, что не дает оснований сомневаться в их предназначении. Печь № 1 имела форму, приближенную к кругу диаметром около 3,2 м, ее стенки имели уклон в 45° к центру обжигательной ямы и опускались на глубину около 68 см. В центре ямы было раскрыто скопленные бревен, перекрытых и подстланных слоем древесного угля. Бревна имеют длину до 1,4 метра и могут иметь отношение к конструкции перекрытия камеры. На линии диаметра «восток-запад» печи, на западной стороне находился сложенный из кирпича (формат 26–28 × 18–20 × 4–5 см) вентиляционный канал шириной около 20 см и протяженностью в 80 см. Устье печи находилось на восточной стороне этого диаметра, напротив дымохода. Он сохранился на длину около 80 см и имел такую же ширину в камере, его входное отверстие было оформлено кирпичной кладкой, сохранившейся на высоту в 2–4 кирпича. Ширина входного отверстия 70 см. Прослойка извести в печи достигала длины 50 см и мощности около 10 см. Печь № 2 была расположена почти вплотную к первой с южной стороны. Она имеет сходную с первой конструкцию, диаметр ее был приблизительно тот же, стенки под уклоном 45 градусов к центру котлована. Глубина котлована 94–99 см. Как предполагают авторы раскопок, печи № 1–2 перекрывались неким подобием купола, сложенным из кирпича, с отверстием по центру. В качестве аналогии авторы приводят печь для обжига известняка в Киеве.

Печь № 3 сохранилась намного хуже, ее размеры восстанавливаются как 8 × 6,8 м, ориентирована она иначе, чем две первые печи, – по линии северо-запад – юго-восток. Глубина котлована печи неодинакова: в юго-восточной части она составляет 20 см, а в северо-западной – 42 см. Обжиг в этой печи происходил, по всей видимости, при помощи просыпания сырья горючим материалом (древесным углем, например). Аналогии этой печи неизвестны. Датируются печи первой половиной XII в.

Мест. Костржинь-Клошница на восточной границе Костржиня (бывш. Кюстрин), бывш. земля Бранденбург. При раскопках 1913–1914 гг. поселения раннеримского времени были найдены три печи (Kiekebusch 1914: 309–30), идентифицированные автором раскопок как хлебные, долгое время таковыми считавшиеся, одна из них даже была экспонирована в Берлине, где и погибла под бомбежками Второй мировой войны. Сейчас, когда появились основания для реинтерпретации хлебных печей (Uschmann 1998; Schuster 2000), печи, найденные в 1914 г. можно с

уверенностью отнести к известеобжигательным. Печь 1 имела диаметр ок. 2 м и была круглой в плане. Стенки и дно печи были выложены валуном среднего размера с заполнением пустот глиной. В разрезе печь имела конусообразную форму. Заполнение печи – глина с фрагментами угля и 2 обугленных бревна диаметром около 25 см, лежавших параллельно друг другу. По всей видимости, обожженная глина и бревна относятся к конструкции купольного перекрытия печи. В нижних слоях заполнения печи были прослежены слои угля, обожженные камни. Печь 2, наиболее крупная из трех, имела диаметр верхней части около 3,5 м и аналогичную заглубленную конструкцию с выложенными камнем на глине стенками и дном. Глубина печи неизвестна, но, скорее всего, аналогична глубине предыдущей печи. Заполнение печи – обожженная глина и обугленные бревна. Третья печь имела, в отличие от предыдущих, овальную в плане форму, с большим диаметром 3 м. Конструкция стенок печи не отличается от печей 1 и 2.

По конструкции данные печи, а также печь в Потсдаме-Крампиц (Hoffmann 1941: 568), печь на раннеримском поселении Вюсте Кюннерсдорф (Wüste Kunersdorf, Ldkr. Märkisch-Oderland) (Laser 1971: 38ff), или в Берлинском Тиргартене (Müller, Zimmermann 1961: 134) образуют единую группу с купольным перекрытием верха печи, образованным из бревен, обмазанных глиной. Купол этот имеет вентиляционное отверстие в центре.

ЧЕХИЯ

Обриштов (Obříství, округ Mělník, возле Праги). Печь была обнаружена в 1959 г. при изучении слоя поселения гальштаттского и, вероятно, римского времени (Zápotocký 1962, 630–635). Под насыпью улицы на глубине около 0,6 м были обнаружены остатки ямы, интерпретированной исследователями как печь. Дно ямы залегало на глубине до 1,75 м. В поперечнике печь имеет размер около 2 м. Среди заполнения ямы находились как заготовленные к обжигу каменные блоки (ближе к поверхности), так и куски обожженной извести. Дно ямы было заполнено прослойками прожженного песка и красной обожженной глины. На самом дне была найдена прослойка угля мощностью 5–7 см. Датируется печь позднеримским временем.

Прага, район Бубенец. При спасательных раскопках 1949 г. был обнаружена печь для обжига известняка (Novotný 1952: 275–78), погребенная под гумусным слоем мощностью около 35 см. Конструкция печи представляла собой круглую яму диаметром около 80 см, глубиной 145 см, имевшую закругленное дно. Печь была врыта в суглинистый грунт, и ее стенки были прокалены на глубину от 5 до 8 см. Котлообразная донная часть печи была заполнена слоем мощностью 25–30 см, состоящим из пепла и фраг-

ментами угля. Выше пепельной прослойки залегал слой известняковых камней и фрагментов обожженной глины. Мощность этой прослойки составляет 20–25 см. Остальной объем печи был засыпан глиной. По всей видимости, верхняя часть печи пострадала и была уничтожена, поэтому судить о конструкции печи на уровне древней дневной поверхности мы не можем. Факт наличия в известняковом заполнении кусков обожженной глины может говорить в пользу существования над печью деревянного куполообразного перекрытия (естественно, с отверстием для вентиляции), обмазанного глиной, – конструкции, известной по ряду западно-европейских печей. Авторы раскопок затрудняются датировать известеобжигательную печь точнее, чем латенским временем.

СЛОВАКИЯ

Хубина (Húbina, округ Tрнава). Печь найдена в 1972 г. в ходе ремонтных работ на дороге из с. Дучове (Dúcove) в Моровани. Печь была почти полностью разрушена строительными работами (Ruttakay 1984: 236–256), поэтому удалось проследить лишь ее очертания и один продольный разрез: по всей видимости, печь в плане была квадратной формы с закругленными углами размерами 4,5 × 4,5 м и плоским дном. Располагалась она на склоне возвышенности, в котором имелись выходы доломитизированного известняка. Стенки ямы были прожжены на глубину до 0,25 м, что говорит о весьма интенсивном ее использовании. Заполнение ямы представляло собой смесь обожженных деревянных балок, фрагментов обожженной глины, обломков известняка со следами обжига. В околodonных прослойках были найдены фрагменты раннесредневековой керамики, а в заполнении – железные вилы длиной около 18 см. Химический анализ материалов из заполнения показал, что в печи обжигался доломитизированный известняк. Автор раскопок считает, что раскопанная печь могла производить от 5 до 6 тысяч литров извести за один цикл. Исходя из археологических данных и исторического контекста, печь может быть датирована IX–X вв.

В непосредственной близости от города Нитра (мест. Нитра-Лупка), в 1959 г. был обнаружен комплекс, состоящий из 11 печей (Chropovský 1959: 818–825), расположенных в два параллельных ряда. 10 печей служили для обжига керамики, одна – для обжига известняка. Датированы по археологическому материалу концом IX – началом X вв.

ВЕНГРИЯ

Село Тофей (Tófei, община Zala)⁴. В 1969 г. при раскопках на кладбище в 20–22 м к западу от руин средневековой церкви были обнаружены остатки за-

глубленной в землю печи для обжига известняка (Müller 1976: 70–72; Idem 1981: 61–62). На глубине 15–20 см от уровня современной дневной поверхности было прослежено пятно размером 2,9 × 2,4 м, при углублении которого на 0,4 м было отмечено уплотнение грунта, за которым последовала четырехугольная топка печи. Стены были сделаны из глины и сохранились на высоту от 25 до 38 см. Верхняя часть печи (свод над топкой) насыпалась, по всей видимости, землей без каких-либо скрепляющих добавок. Так как печь была заглублена в землю, почва вокруг нее была сильно прокалена и имела темно-красный цвет. Сама печь имела форму, приближенную к овалу. Размеры внешние 4,2 × 3 м, топочной камеры 1,5 × 1,75 м, высота печи 2,1 м. На середине высоты был расположен уступ шириной 20 см. С южной стороны камеры располагались два отверстия: одно – внизу для поддержания огня, другое – для загрузки в камеру известняка.

В печи были найдены куски древесного угля и прослойка извести мощностью около 8–12 см. На основании сопровождающих находок можно установить, что печь функционировала в XI–XII вв. Возможно, что существует связь с перестройками близлежащей церкви в позднероманское время, что подтверждается находкой в печи кирпича, идентичного кирпичу данной постройки. Еще одно интересное наблюдение состоит в том, что выходов известняка поблизости от печи нет, и сырье для обжига привозилось за 50 км из села, где велась добыча известняка. Другая печь была открыта несколько позже и, похоже, не была опубликована полностью, мы располагаем только ее чертежом (Müller 1981: 61–62. Arb. 5).

Мохач-Кзеле (Mohács-Csele, коммуна Baranya). В 1949 году были уничтожены остатки средневековой деревни, первые упоминания о которой датируются 1248 г. Спасательными раскопками вблизи церкви были обнаружены остатки печи для обжига известняка (Fehér 1955: 212, 214, 227. Abb. 3; Müller 1976: 79). К сожалению, никакого датирующего материала в печи и около нее найдено не было. Единственное, что проливает свет на время ее происхождения – это то, что она моложе кладбища, на котором расположена. Расположение ее в 5 м от церкви указывает, как считает автор раскопок, на то, что сооружена она была в момент строительства церкви. Известно, что уже в первой половине XIV в. церковь существовала, поэтому печь можно датировать временем от XIII до XIV в. Печь имела форму воронки, поверхность которой выложена камнями. На высоте около 1 м от дна воронки находился небольшой уступ (ширина 27–28 см), протянувшийся по всему

⁴ В другой публикации автор иначе локализует эту печь – на пути из Bakonybél в Elődöd (Müller 1981: 62).

периметру ямы. Устье печи найдено не было, т. к. вся южная сторона ее разрушена.

Сарошпатак (Sárospatak) (Müller 1976: 79). Печь № 1 по сопутствующим археологическим материалам может быть датирована XIII–XIV вв. Она имела размер в поперечнике 4,6 м, топочное отверстие было расположено на высоте 2 м над подом печи. Вторая печь отличается еще большими размерами: глубина ямы – 3,8 м, поперечный размер – 5,6 м.

Аквикум (Aquincum, Gross-Krotzenburg), производственный керамический комплекс на территории укрепления римского времени. Среди печей для обжига керамики и кирпича были найдены три печи для обжига известняка (Wolff 1914: 15, III-5; Kuzsinszky 1932: 5–71; Müller 1981: 57–58). Еще три небольшие печи располагались за пределами гончарного квартала. Квартал был найден еще до Первой мировой войны и раскопан в 1912 г. Печи а, б и с расположены в центре производственного комплекса. Две (а и б) печи были расположены рядом (расстояние между их осями 4,4 м), имели форму овала (большой диаметр 3,6 и 3,8 м у печи а и б соответственно). Устья печей обращены в одну сторону, печь б имеет стену с северной стороны, образующую площадку перед комплексом. Внутри печи имеют плечико-уступ.

Капошвар (Kaposvár). Несколько печей для обжига известняка были найдены во время строительства дороги у с. Капошвар, общ. Соможи при раскопках кладбища возле небольшой церкви (Albeker 1981: 67–72). Место находки может с большой долей уверенности быть идентифицировано со средневековой деревней Keszű. Спасательными раскопками были вскрыты три печи, а остатки еще двух прослежены. От печи № 1 сохранилась только обжигательная камера, и по своей конструкции она являлась устьевой печью. Близка ей по конструкции и печь № 3, обжигательная камера которой сохранилась значительно лучше. Совершенно иной тип конструкции оказался у печи № 2, в которой сохранились выделенная шахта для загрузки камня, вентиляционное отверстие и топочное отверстие. Печь была перекрыта сводчатой конструкцией, имевшей одно отверстие для шахты, другое отверстие для доступа воздуха. Топочная камера располагалась сбоку от загрузочной шахты и также была перекрыта сводом. По археологическим материалам (во всех печах были найдены уголь, обломки известняка, фрагменты кирпичей и керамики) и данным стратиграфии, печь № 2 может датироваться самое раннее XIV в., остальные печи датированы еще более ранним временем. Автор раскопок отмечает, что ранее XIV в. шахтный тип печей для обжига известня на территории Венгрии и Паннонии неизвестен, поэтому датировка этим временем более вероятна.

Покацзепетек (Pókaszepetek). В 1974 г. на части кладбища Szepetek указанной деревни была найдена печь для обжига известняка. Печь имела прямоугольную форму и размеры 4,4 × 3,55 м. На западной стороне располагались два устья шириной около 1 м, ведущие в топочную камеру, разделенную на две части опорой загрузочной площадки. Печь была наполовину вкопана в грунт. Датировать печь, вероятно, следует XIII в., так как расположенная вблизи церковь упоминается в письменных источниках уже в 1334 г. Автор отмечает (Vándor 1981: 73–76), что печь, вероятно, использовалась как для обжига известняка, так и кирпичей.

ГЕРМАНИЯ

Потсдам-Крамниц. Как минимум три печи, две из которых простейшей конструкции (вкопанные в землю), третья также вкопанная в землю, но двухъярусная (Hoffmann 1941: 561–73; Müller 1981: 55–56. Arb. 1–2).

Хофхейм. Печь имеет форму усеченного перевернутого конуса (Müller 1981: 56. Arb. 3; Wolff 1915: 15, V-9), с прямоугольной камерой перед устьем. Глубина котлована 3,1 м, диаметр печи (верхний) 3 м.

Магдебург. При раскопках в западной части двора церкви Св. Иоанна, под фундаментами домов, относящихся ко времени Тридцатилетней войны, были обнаружены пятна характерного белого и красно-коричневого цветов (Nickel 1957: 250–253). Такие же пятна обнаруживались при шурфовках и ранее, например, в 1953 г. на Центральной площади. Эти пятна старше стен и фундаментов, так как подстилают их конструкции. Раскопом были затронуты три пятна размерами примерно 4,4 × 4,6 м, 4,2 × 4,9 м. Стенки второй ямы были повреждены. Заполнение ям одинаковое – толстый слой обожженного известняка, под ним – мощный слой, состоящий из древесного угля. Немногочисленные находки датировались приблизительно 1200 г. При продолжении раскопок к югу от последней ямы, на расстоянии 1 м, была обнаружена еще одна ямка, значительно меньших размеров, служившая топочной камерой печи. К востоку от этих двух сооружений было вскрыто еще одно, ориентированное по оси запад-восток длиной 3,7 м. Северная сторона сооружения была разрушена фундаментом более позднего времени, сохранность стен ямы местами – до 1,3 м. Вентиляционный канал располагался на южной стене ямы. Сопровождающий материал относится к 1200-м гг. В Магдебурге печи такой конфигурации до сих пор известны не были. Никель считает, что они были построены в XII в. и служили очень долгое время (в том числе при строительстве церкви Св. Иоанна, Ратуши и т. д.), вероятно, печи функ-

ционировали и при восстановлении города после пожаров 1188 и 1207 гг.

Хильдагсбург (Kreis Wolmirstedt). Раскопками Дункера 1926–27 гг. было исследовано славянское, потом германское городище, на котором в квадратах 55–60/076–080 была открыта прямоугольная яма размером 4 × 2,75 м и глубиной 40 см. Песок стенок ямы превратился в камнеподобную массу красного цвета. Автор раскопок (Dunker 1953: 203, 228–29) предполагает, что яма предназначалась для обжига известняка. В яме были обнаружены куски пережженного и обожженного известняка, известняковый камень и древесный уголь. Автор раскопок полагает, что печь начала функционировать с возникновением германского бурга, и считает датировку XI–XII вв. наиболее вероятной.

Трир. Комплекс из трех печей круглой формы диаметром ок. 3 м, ориентированных устьем на север – северо-восток. Расположены печи в непосредственной близости от римских городских стен, в квартале, ограниченном улицей Гончаров (Кирпичной ул., согласно другим источникам) (Clemens 2001: 59. Abb. 20; Lehner 1896: 252). Кроме известеобжигательных печей в квартале были раскопаны более двух десятков керамических горнов, что подтверждает наименование квартала. Этот случай важен, поскольку дает представление о намеренном размещении обжигательных производств на одном участке, на периферии города *intra muros*. Есть основания полагать, что найденные печи фигурируют в дарственной императора Лотаря на участок земли с этими печами графу Аделарду, датирующейся 853 г. (3 июля) (MGH DD Karol. III, Nr. 127, S. 288f).

ФРАНЦИЯ

Комм. Трето, кантон Жалиньи-сюр-Бесбр (округ Виши). Конструкция печи, найденной при раскопках 1987 г., очень необычна (Cotgocher 1987: 8): в представленном в публикации стратиграфическом разрезе видна конструкция свода, опирающегося на две параллельные стенки высотой 50–65 см. Свод и стены сложены из известняковых колотых плит толщиной до 10 см, скрепленных, по всей видимости, известковым раствором. Ширина перекрытого свода пространства составляет около 60 см. Одна из пят свода опирается на остеклованный фрагмент кладки. Стены печи впущены в слой известкового раствора на глубину около 20–25 см. Столь необычное основание для конструкции печи не встречается ни в одном из известных нам случаев. Вся конструкция печи погребена под красноватой глиной, повторяющей очертания свода печи (мощность его над сводом составляет около 20 см).

ДАНИЯ

Хаммерсхус (Hammershus). Комплекс, предназначенный для производства и хранения извести (Kapel 1977: 213. Fig. 2–3). Центральное сооружение в группе – печь с камерой подквадратной формы размером около 4,7 м, с двумя устьями шириной 0,75 м и длиной 2,8 м, обращенными к северо-востоку. При устье были найдены камни, поставленные под углом к поверхности пола, что может говорить о цилиндрическом своде, перекрывававшем объем печи. В таком случае высота внутреннего объема печи составляет около 1,4 м. Пол печи известковый. Конструкции печи залегают на глубине около 3 м от современной поверхности. Стены печи сложены из необработанных гранитных камней, скрепленных глиной, и сохранились на высоту около 1,5 м над дном печи. Задняя стенка печи с внутренней стороны выложена кирпичем в половину толщины камня, толщина сохранившихся стенок составляет приблизительно 1 м. Стена над устьем реконструируется очень приблизительно. Следы воздействия температуры и их характер указывают на длительное использование печи при высоких температурных режимах. Печь датируется только по перекрывающему ее культурному слою XVII в. Датировка: *terminus ante quem* XVII в.

* * *

Археологические остатки печей для обжига известняка известны также в других районах Западной Европы:

- ♦ Германии (Vonderau 1933: 15–16; Hundt 1933: 298–303; Hoffman 1941: 572–573; Uschmann 1992: 317–326; Hollangel 1962: 180–183; Leube 1967: 246–266; Müller, Zimmermann 1960: 106–140; Sölter 1970)

- ♦ Швейцарии (печь рубежа II / III вв. в Аттисвиле: Suter, Gutscher 1999: 63–64)

- ♦ Франции (Coudray 1951: 196–198; Mangin, Bruand, Hedley 1988: 273–284; Flach 1982; Châtelet 1998)

- ♦ странах Средиземноморья (Adam, Varène 1982)

- ♦ Малой Азии в Сардах (Foss, Scott 2002: 611, 610, п. 20)

- ♦ Венгрии (Bako 1954: 339–418; Müller 1974: 17–41; Reusche 1977)

- ♦ на территории бывшей Чехословакии: печь второй половины XIII в. в Теплани (Unger, Michna 1981: 18–29), в Оломоуце XI–XIII вв. (Bláha 1982; Michna 1981: 365), *Старе место* первой половины XIII в. (Snášil 1980: 1–17), печь второй половины XIII – начала XIV вв. в Канице (Merta 1977: 239–246; Merta 1978: 30–35; Merta 1980: 96–115).

(Д) НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Возвращаясь на Северо-Запад Руси, на Рюриково городище, можно сделать следующие заключения. Судя по конструктивным особенностям (прямоугольный план, наличие двух устьев и сводчатого перекрытия), можно высказать предположение о том, что печь 1988 г. служила для обжига и плинфы, и извести. Плинфообжигательная она была построена изначально, по всей видимости, незадолго или одновременно с церковью Благовещения на Городище, о чем свидетельствует совпадение форматов групп плинф из печи и церкви. В этой своей функции она существовала некоторое время до обрушения свода (точнее мы сказать сейчас не можем), о чем также свидетельствует изучение коллекции строительных материалов ц. Благовещения на Городище: в печи обжигался кирпич для строителя церкви. Одно можно сказать с уверенностью – для смены функции печи на известеобжигательную необходимо было разобрать существовавший свод перекрытия кирпичной печи. Толчком к смене функции могло послужить катастрофическое разрушение свода. Однако, судить, какой характер носило разрушение свода печи – случайный или имела место преднамеренная разборка свода, – мы не можем.

Когда же ее конструкция была нарушена, строители решили не восстанавливать печь в ее первоначальном качестве, а использовать ее для обжига извести, не требующего сводчатого плинфяного перекрытия. По крайней мере, мы можем сказать, что окончательное разрушение свода произошло, когда в печи обжигался известняк (об этом свидетельствует найденный в заполнении печи фрагмент кладки свода). Следует полагать, что время существования печи связано со строительством храма, а время ее

возведения можно отнести ко времени незадолго до начала строительства: как мы теперь знаем, форматы плинфы, из которой сложена церковь, и печи совпадают, но при строительстве печи использован кирпич-сырец, и это обстоятельство позволяет отнести печь к строительному комплексу, связанному с возведением ц. Благовещения на Городище.

При рассмотрении городищенской печи на фоне европейского производства извести очень рельефно проступают ее особенности. Мы знаем, что в европейской практике обжига извести известны случаи, когда в печи мог обжигаться как известняк, так и кирпич. Такие случаи редки. Однако мы не имеем информации о европейских печах, последовательно менявших свою функцию – от кирпичеобжигательной к известеобжигательной. Эта особенность городищенской печи связана, по всей видимости, с ограниченностью строительной площадки ц. Благовещения по площади, так как церковь возводилась в стесненных условиях застройки Городища. Возможности строить отдельные печи и для производства кирпича, и для обжига известняка, скорее всего, не было, поэтому строители пошли на нетрадиционный шаг, изменив конструкцию и функцию печи.

На фоне западноевропейских аналогов городищенская печь выглядит монументальным сооружением, предназначенным для длительного функционирования. Европейские аналоги выглядят менее основательно и предназначаются для краткого периода работы только на время строительства. Городищенскую печь следует также рассматривать в контексте печей для обжига кирпича, что является отдельным самостоятельным сюжетом.

Абызова, Бырня, Нудельман 1981 – *Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А.* Древности Старого Ореха: Золотоордынский период. Кишинев, 1981.

Варганов 1965 – *Варганов А. Д.* Обжигательные печи XI–XII веков в Суздале // КСИИМК. Вып. 65. 1965. С. 49–54.

Воронов 1979 – *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

Жервз, Липатов 2003 – *Жервз А. В., Липатов, А. А.* Известково-обжигательная печь XII века у церкви Благовещения на Городище // Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. Архитектурно-археологический семинар: Материалы научного заседания 14–15 мая 2002 г. СПб. С. 50–59.

Жервз, Липатов 2003а – *Жервз А. В., Липатов А. А.* Проблемы интерпретации печи у ц. Благовещения на Городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 344–350.

Золотарев, Коробков 1998 – *Золотарев М. И., Коробков Д. Ю.* Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. по Р. Х. // Церковная археология, Вып. 4: Ма-

териалы 2-й Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского СПб., 1–3 ноября 1998. С. 111–115.

Кадеев 1970 – *Кадеев В. В.* Очерки по истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н. э. Харьков.

Кравченко 1976 – *Кравченко А. А.* Производственные комплексы Белгорода XIII–XIV вв. // Античная Тира и средневековый Белгород: Сборник научных трудов. Киев, 1976.

Кутайсов 1997 – *Кутайсов В., Юрочкин В.* Бассейн римского времени в юго-западном районе Херсонеса // Византия и Крым: Тезисы докладов международной конференции, Севастополь 6–11 июня 1997. Симферополь. С. 53–55.

Кутайсов 1982 – *Кутайсов В. А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. № 1. 1982. С. 155–169.

Лепер 1911 – *Лепер Р. Х.* 1911. Из раскопок в Херсонесе в 1906–1909 гг. // ИАК. Вып. 42. 1911. С. 92–107.

Новое в археологии 1981 – *Новое в археологии Киева.* Киев, 1981.

Носов 1989 – *Носов Е. Н.* Исследования Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. //

- Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 8–11.
- Раппопорт 1994 – *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994.
- Романчук 2000 – *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Сюзюмов 1960 – *Сюзюмов М. Я.* О трактате Юлиана Аскалонита: Вводная статья и переводы // *Античная древность и средние века.* Вып. 38, часть 1. Свердловск, 1960. С. 3–34.
- Тельнов, Рябой 2000 – *Тельнов Н. П., Рябой Т. Ф.* Золотоордынский город у с. Костешты в Молдавии // *Stratum plus.* Культурная антропология, археология. Вып. 5. 2000. С. 108–118.
- Толочко 1978 – *Толочко П. П.* Нове у вивченні Київ // *Археологія.* Вып. 26. 1978. С. 91–98.
- Толочко, Гупало 1975 – *Толочко П. П., Гупало К. М.* Розкопки Києва у 1969–1970 рр. // *Стародавній Київ.* Київ, 1975. С. 5–27.
- Федяков 1997 – *Федяков С. В.* Материалы археологической разведки на территории современного Большого Сочи // *Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа (материалы конференции, посвященной итогам исследований Лоской экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи (1987–1997), февраль 1997 г., Екатеринбург).* Екатеринбург, 1997. С. 80–85.
- Чеботаренко, Бирня 1960 – *Чеботаренко Г. Ф., Бирня П. П.* Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 году // *Известия Молдавского филиала АН СССР № 4 (70).* Кишинев, 1960. С. 45–53.
- Adam 1994 – *Adam J.-P.* Roman building: Materials and methods / Translated by Anthony Mathews. London, 1994.
- Adam, Varène 1982 – *Adam J.-P., Varène, P.* 1982. Fours chaux artisanaux dans la bassin méditerranéen // *Histoire des techniques et sources documentaires.* Aix-en-Provence, 1982.
- Albeker 1981 – *Albeker M.* Középkori mészégető kemencék a Kaposvár 61. ut mellett (= Medieval lime-kiln at the road No 61 in Kaposvár) // *Iparrégézi kutatások magyarországon.* Veszprém / Veszprum, 1981. S. 67–72.
- Bako 1954 – *Bako F.* Bäuerliches Kalkbrennen in Ungarn // *Acta Ethnographica 3.* Budapest, 1954. S. 339–418.
- Bláha 1982 – *Bláha, J.* Několik archeologických zjištění a hypotéz k počátkům raněstředověké Olomouce // *Vlastivědný věstník moravský № 34.* S. 194–197.
- Chatelet 1998 – *Chatelet M.* L'Habitat du Haut Moyen âge de Roeschwoog «Schwarzacker» (Bas-Rhin): Découverte d'un four à chaux et d'un nouveau site de référence pour la céramique // *Revue Archéologique de l'Est du Paléolithique au Moyen Age 49:* 249–293.
- Chohovsky 1959 – *Chropovský B.* 1959. Slovanské hrčiarске pece v Nitre // *Archeologicke rozhledy №11.* S. 18–25.
- Clemens 2001 – *Clemens L.* Archäologische Beobachtungen zu frühmittelalterlichen Siedlungsstrukturen in Trier // *Zwischen Römersiedlung und mittelalterlicher Stadt: Archäologische Aspekte zur Kontinuitätsfrage / Österreichische Gesellschaft für Mittelalterarchäologie.* Wien. S. 43–66.
- Corrocher 1987 – *Corrocher J.* Vichy: Découverte d'un four à chaux Gallo-Romain // *Archéologia 220:* 8 1987
- Coudray 1951 – *Coudray J.* 1951. Fours a chaux gallo-romains de Saint Martin du Tertre // *Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est II.* S. 196–198.
- Dunker 1953 – *Dunker H.* Die Hildagsburg, der Burgwall von Elbeu, Kreis Wolmirstedt // *Abhandlungen und Berichte für Naturkunde und Vorgeschichte Magdeburg 8, H. 4.* S. 191–233.
- Fehér 1955 – *Fehér G.* Az 1949 évi Mohács-Csele pataki mentőátadás (=Die Rettungsgrabungen im Jahre 1949 neben dem Csele Bach bei Mohács) // *Archeológiai Értesítő 82.* 1955. S. 212, 214, 227.
- Flach 1982 – *Flach G.-L.* Les fours à chaux a l'époque gallo-romaine // *Revue archéologique Sites 12.* 1982. S. 18–21.
- Foss, Scott 2002 – *Foss Cl., Scott, J. A.* Sardis // *The economic history of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth century.* Washington, S. 607–614.
- Gessner 1907 – *Gessner A.* Römischer Kalkbrennofen bei Brugg // *Anzeiger für schweizerische Altertumskunde 1907.*
- Hoffman 1941 – *Hoffman, R.* Vorgeschichtliche Kalköfen, Eisen-schmelzen, Holzköhlengruben // *Mannus № 33.* 1941. S. 572–573.
- Hollnagel 1962 – *Hollnagel A.* Ein frühkaiserzeitlicher (Räucherofen?) von Jesendorf, Kr. Sternberg // *Ausgrabungen und Funde 7.* Berlin, 1962. S. 180–183.
- Hundt 1933 – *Hundt R.* Mittelalterliche Kalkbrennereien in Ost-türingen // *Germanien: Monatshefte für Vorgeschichte zur Erkenntnis deutsches Wesens 5.* S. 198–303.
- Kapel 1977 – *Kapel, H.* Kalk til slottets mure // *Antikvariske studier tilegnet Knud Thorvildsen på 70-årsdagen.* København, 1977. S. 211–230.
- Kazhdan, Rice, Ševčenko 1991 – *Kazhdan A., Rice A.-M., Ševčenko N.* Nikon «Ho Metanoieite» // *Oxford dictionary of Byzantium.* Oxford, 1991. S. 83–84.
- Kiekebusch 1914 – *Kiekebusch A.* Die altgermanische Siedlung von Lagardesmühlen bei Cüstrin. Zugleich ein Beitrag zur Geschichte des germanischen Backofens // *Prähistorische Zeitschrift 6.* S. 303–330.
- Kuzsinszky 1932 – *Kuzsinszky B.* A gázgyári római fazekastelep Aquincumban (=Das grosse römische Töpferviertel in Aquincum bei Budapest) // *Budapest Régiségei 11.* S. 5–71.
- Lasota, Piekalski 1988 – *Lasota Cz., Piekalski J.* Produkcja wapna na placu budowy romanskiego opactwa benedyktynów na Olbinie we Wrocławiu (=Produktion von Kalk auf dem Bauplatz der romanischen Benediktinerabtei auf Olbin in Wrocław) // *Kwartalnik Historii kultury materialnej 36/1.* 1988. S. 27–41.
- Lehner 1869 – *Lehner H.* Die römische Stadtbefestigung von Trier // *Westdeutsche Zeitschrift 15.* 1869. S. 211–266.
- Leube 1967 – *Leube A.* Kaiserzeitliche Kalkbrennöfen von Klein Kedingshagen, Kr. Stralsund // *Jahrbuch für Bodendenkmalpflege in Mecklenburg.* Rostock, 1967. S. 245–266.
- Łukaszewicz 1981 – *Lukaszewicz A.* Some remarks on P. Lond. III 755 and the problem of building materials in the IVth century A. D. // *Archeologia 30.* 1981. S. 115–118.
- Müller, Zimmermann 1960 – *Müller A. von, Zimmermann M.* 1960. Ein kaiserzeitlicher Kalkbrennofen aus Berlin-Tiergarten // *Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte 9.* Berlin, 1960. S. 109–140.
- Müller 1974 – *Müller R.* A tófeji kemence: A magyar mészégető kemencék típusaj // *Zalai gyűjtemény 2.* 1974. S. 17–41.
- Müller 1976 – *Müller R.* Die ungarischen Kalkbrennöfen // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters 4.* 1976. S. 69–82.
- Müller 1981 – *Müller R.* Mészégető kemencék magyarországon (=On lime kilns found in Hungary) // *Iparrégézi kutatások magyarországon (Research in industrial archaeology in Hungary: Archaeological and interdisciplinary researches on kilns and furnaces).* Veszprém / Veszprum, 1981. S. 55–65.
- Mangin, Bruand, Hedley 1988 – *Mangin M., Bruand A., Hedley I.* Un four à chaux du Haut Moyen Age à Goux-les-Dole (Jura) // *Archéologie Médiévale 18.* 1988. S. 273–284.
- Merta 1977 – *Merta J.* Středověké vápenické pece při Obránském Hradě // *Archaeologica historica 2.* 1977. S. 239–46.
- Merta 1980 – *Merta J.* Středověká vápenka severně od kóty Šumbera, katastr Kanice, okres Brno-venkov // *Sbornik Technického muzea 3.* Brno, 1980. S. 96–115.
- Merta 1980a – *Merta J.* Výkumu vápenických pecí // *Zkoumání výrobních objektů a technologií archeologických metodami: Sborník ze semináře 1978.* Brno, 1980. S. 30–35.
- Michna 1981 – *Michna P.* Přehled archeologických výzkumů na Moravě a ve Slezsku za rok 1980 // *Vlastivědný věstník moravský 33.* 1981. S. 361–68.
- Nikel 1957 – *Nikel E.* Mittelalterliche Kalkbrenngruben in Magdeburg // *Ausgrabungen und Funde 2.* 1957. S. 250–253.

- Nikon Metanoete – *Testament of Nikon the Metanoete for the church and monastery of the Savior, Mother of God, and St. Kyriake in Lakedaimon / Transl. and comment. by A. Bandy // Byzantine monastic foundation documents: 313–322. Washington: DO. Доступен также в сети Интернет: <http://www.doaks.org/> / typ, 025. pdf*
- Novotný 1952 – *Novotný B. Laténská pec z Prahy-Bubenče // Archeologické rozhledy 4. 1952. S. 275–78.*
- Parks, Mavromatis, Kayne Harper 2000 – *Parks D. A., Mavromatis Chr. M., Kayne Harper N. Preliminary report of the 1999 excavations at Kourion's Amathous gate cemetery // Report of the Department of Antiquities, Cyprus 2000. Leikosia, 2000. S. 305–316.*
- Porath 1993 – *Porath J. Tel Hefer, lime kiln // Excavations and surveys in Israel 13 (Jerusalem, 1993) (English edition of archaeological newsletter of the Israel antiquarian authority № 100) 1993. S. 123.*
- Reusche 1977 – *Reusche E. 1977. Kalköfen in Südosteuropa: Restbestände einer alten Baustoffproduktion. Veröffentlichungen der Abteilung der Archäologie des Kunsthistorischen Instituts der Universität zu Köln. Bd. 12. Köln, 1977.*
- Reusche 1983 – *Reusche E. Geschichte der Bautechnik: Dörfliche Kalköfen in Südosteuropa – Restbestände einer von der Römern eingeführten Technik // Schweizer Baublatt 92. 1983. S. 45–52.*
- Ruttkay 1984 – *Ruttkay A. O počiatkoch pálenia vápna v Považskom Inovci: Nové poznatky archeologického bádania // Zborník prác L'udmile Krasovskej (k životnému jubileu). Bratislava, 1984. S. 236–256.*
- Sölter 1970 – *Sölter W. Römische Kalkbrenner im Rheinland // Kunst und Altertum am Rhein: Führer des Rheinischen Landesmuseums Bonn 31. Düsseldorf.*
- Saliou 1996 – *Saliou C. Le traité d'urbanisme de Julien d'Ascalou, VI siècle. Paris, 1970. (Travaux et memoires, Monographies 8).*
- Snášil 1980 – *Snášil R. Vybora vápna v trhové vsi Veligradu (k. o. Uherské Hradiště - Staré Místo) // Zkoumání výroních objektů a technologií archeologickými metodami: Sborník ze semináře 1978. Brno, 1980. S. 1–17.*
- Suter, Gutscher 1999 – *Suter P. J., Gutscher D. 1999. Attiswil, Wybrunne / Jurastrasse Rettungsgrabungen 1996: Römischer Kalkbrennofen // Archäologie im Kanton Bern: Fundberichte und Aufsätze 4A. Bern, 1999. S. 63–64.*
- Unger, Michna 1980 – *Unger J., Michna, P. Pece na pálení vápna ze zaniklé osady Teplany u Vranovoc (okres Břeclav) // Zkoumání výroních objektů a technologií archeologickými metodami: Sborník ze semináře 1978. Brno, 1980. S. 18–29.*
- Uschmann 1992 – *Uschmann, K.-U. Die trichterförmig eingetieften Brenngruben im Paum zwischen Weser und Oder in der Zeit vom 3. Jh. v. Chr. bis zum 4. Jh. n. Chr. // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 33/3. 1992. S. 317–326.*
- Uschmann 1998 – *Uschmann R.-U. Technische Anlagen in germanischen Siedlung (Kalkbrennöfen) // Haus und Hof im östlichen Germanien. (Universitätsforschungen zur Prähistorische Archäologie; 50). 1998. S. 124–141.*
- Vándor 1981 – *Vándor L. A pókaszeptki kemence (=The kiln in Pókaszeptk) // Iparrégészki kutatások magyarországon (=Research in industrial archaeology in Hungary: Archaeological and interdisciplinary researches on kilns and furnaces). Veszprém / Veszprum, 1981. S. 73–76.*
- Vonderau 1933 – *Vonderau J. Kalköfen und Mörtelbereitung im frühen Mittelalter // Fuldaer Geschichtsblätter 26. 1933. S. 15–16.*
- Williams 1971 – *Williams J. H. Roman building materials in South East England // Britannia 2. 1971. P. 108–112.*
- Wolff 1914 – *Wolff G. Das Kastell Gross-Krotzenburg // Der Obergermanisch-raetische Limes des Römerreiches. Heidelberg, 1914. S. 23: 15.*
- Wolff 1915 – *Wolff G. Das Kastell Hofheim // Der Obergermanisch-raetische Limes des Römerreiches 29. Heidelberg, 1915. S. 15.*
- Zápotocky 1962 – *Zápotocky M. Pec na pálení vápna na starorimském sídlíšti u Obristvi (=Kalkofen in einer altrömischen Siedlung bei Obristvi) // Archeologické rozhledy 14/5. 1962. S. 630–635.*

Архивные материалы

- Носов А.-1988 – *Носов Е. Н. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА РАН в 1988 г. // РА ИИМК РАН, Ф. 35, оп. 1, 1988 год, дела № 63–65.*
- Фотоархив ИИМК РАН, О3649:101–150, ос. 110–111 (виды), 134–135 (план).

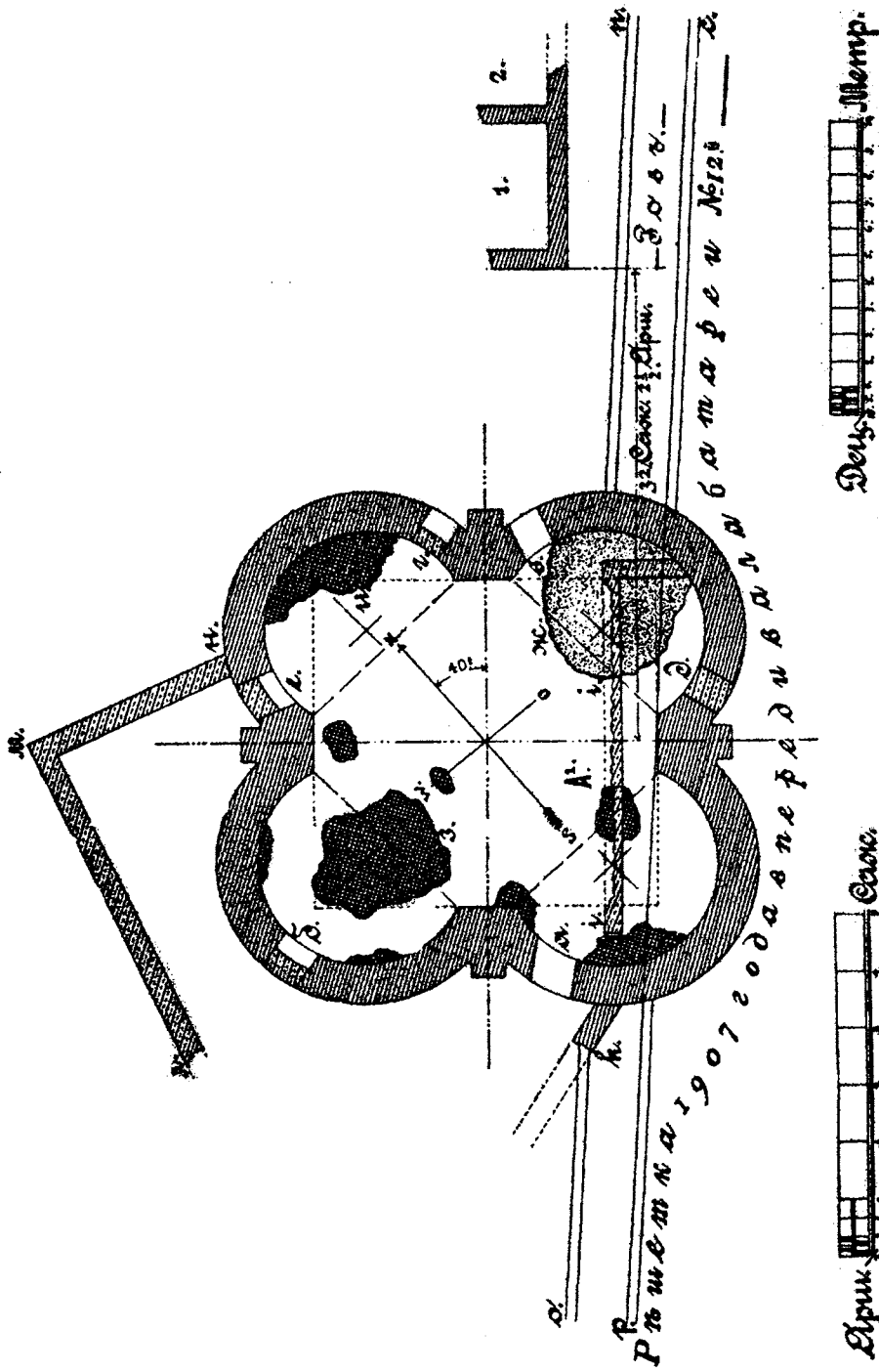

Рис. 1. Херсонес. Печь для обжига известняка второй половины IV в. в quadrifolии. План Р. Х. Лелера 1911 г.

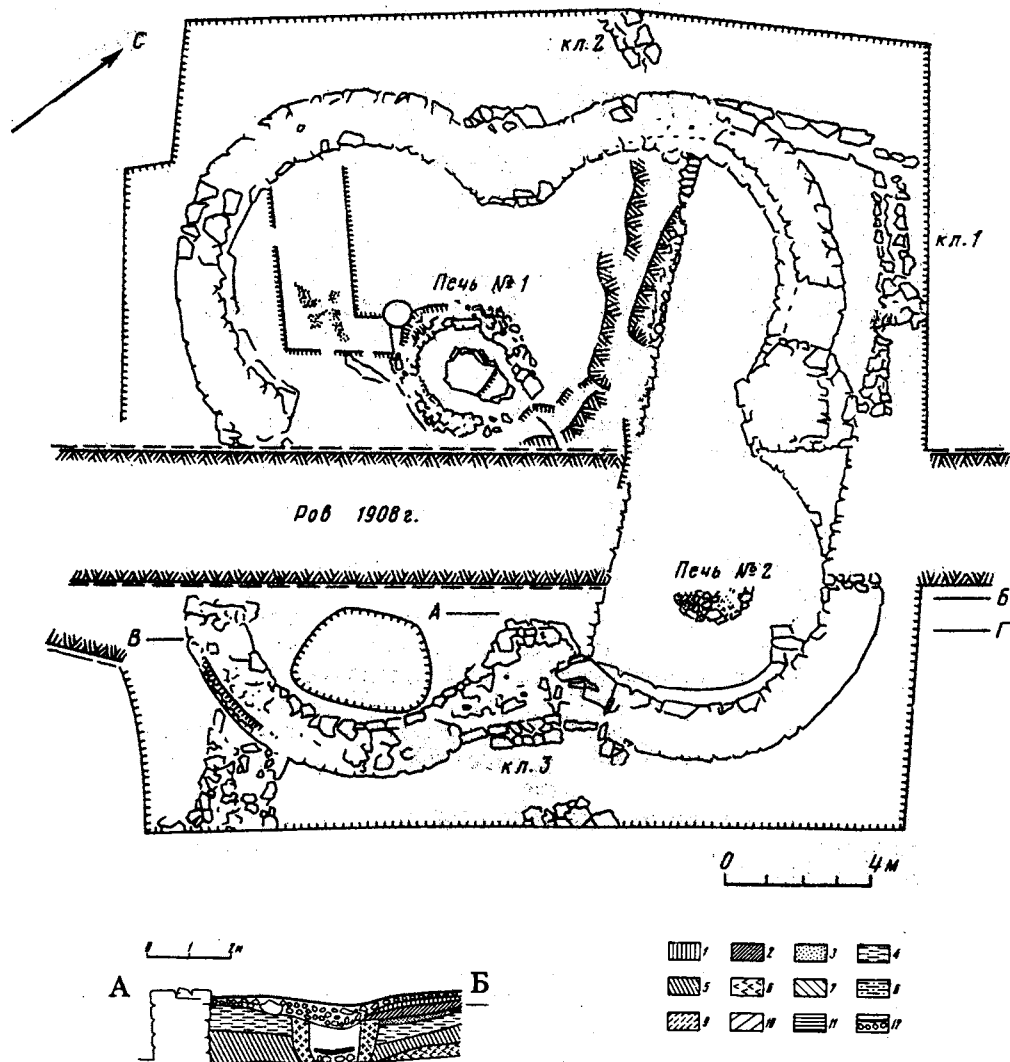

Рис. 2. Херсонес. Печь для обжига известняка второй половины IV в. в квадрифолии. План раскопок Кутайсова, 1982 г. Разрез А-Б.

Условные обозначения: 1 – слой разрушения храма; 2 – зольный слой; 3 – слой строительного отеса времени сооружения храма; 4 – желто-серый суглинок; 5 – серый суглинок; 6 – слой из мелкого камня, раковин устриц и керамики; 7 – суглинок; 8 – слой мелкого песка с землей; 9 – суглинок; 10 – слой камня с землей; 11 – слой переженной земли; 12 – бетонная площадка (1893 г.)

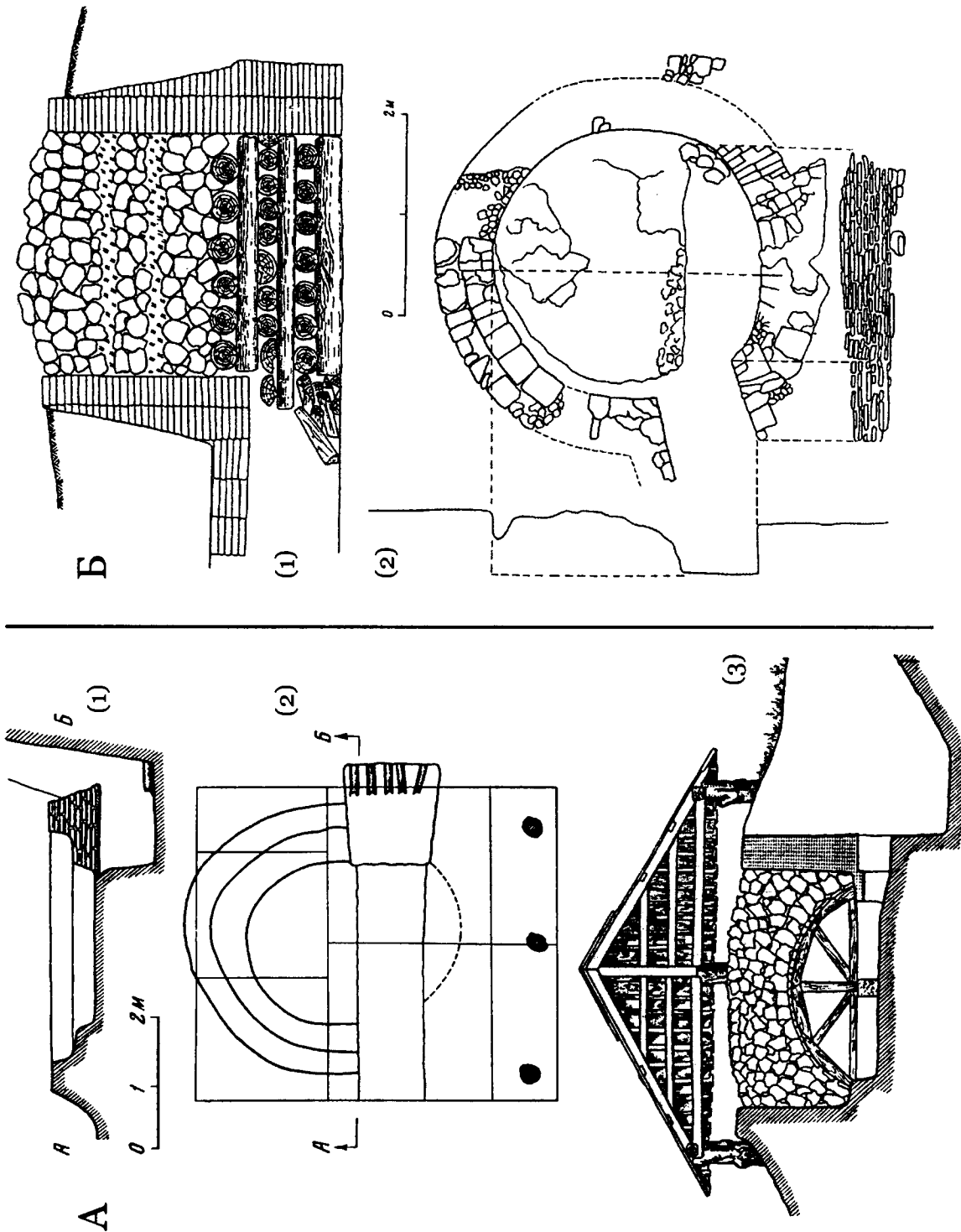

Рис. 3. А. Суздаль. Печь для обжига известняка (1101—1102 гг.). План (1). Разрез А-Б (2). Реконструкция А. Д. Варганова (3).
 Б. Киев. Печь для обжига известняка (не позже XI в.). Реконструкция П. П. Толочко (1). План (2)

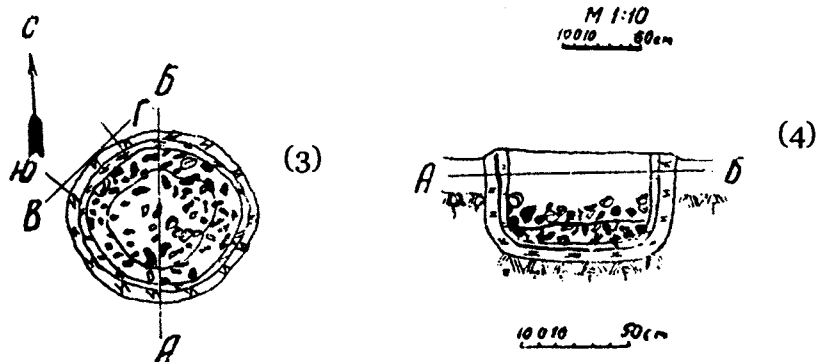
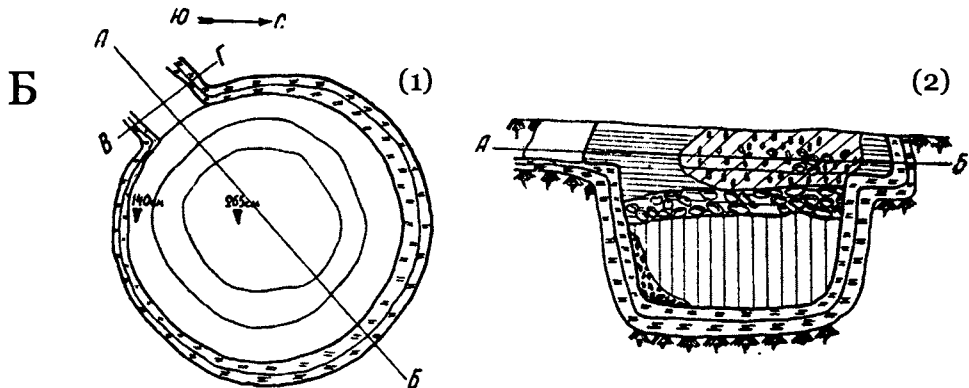
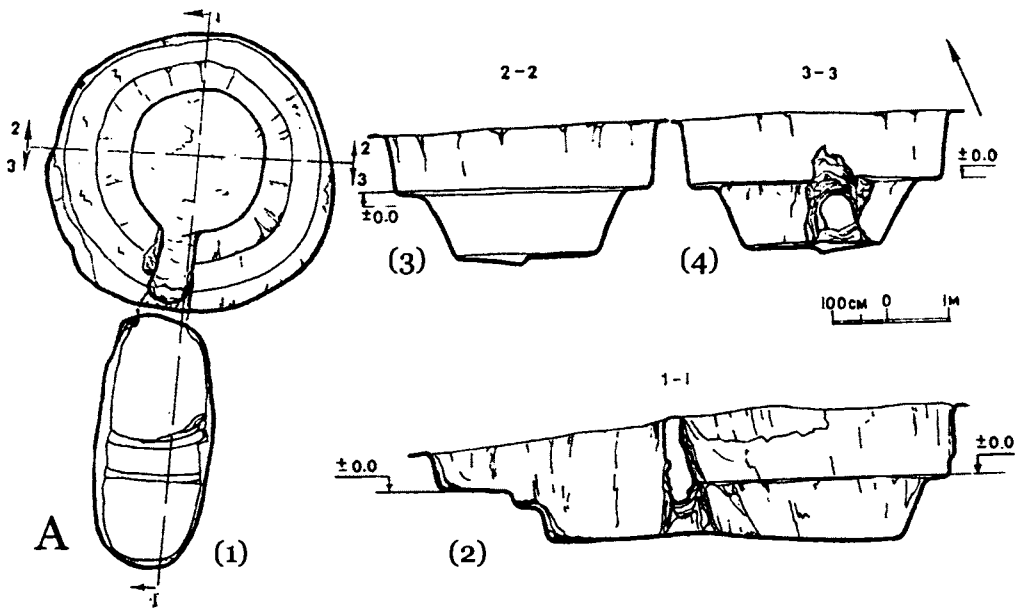

Рис. 4. А. Старый Орхей. Печь для обжига известняка (сер. XIV в.). План (1). Разрезы 1-1 (2), 2-2 (3), 3-3 (4).

Б. Молдавия. С. Бравичены Оргеевского р-на. Печи для обжига известняка № 1 (XIV в.). Печь № 2. План (3). Разрез А-Б (4)

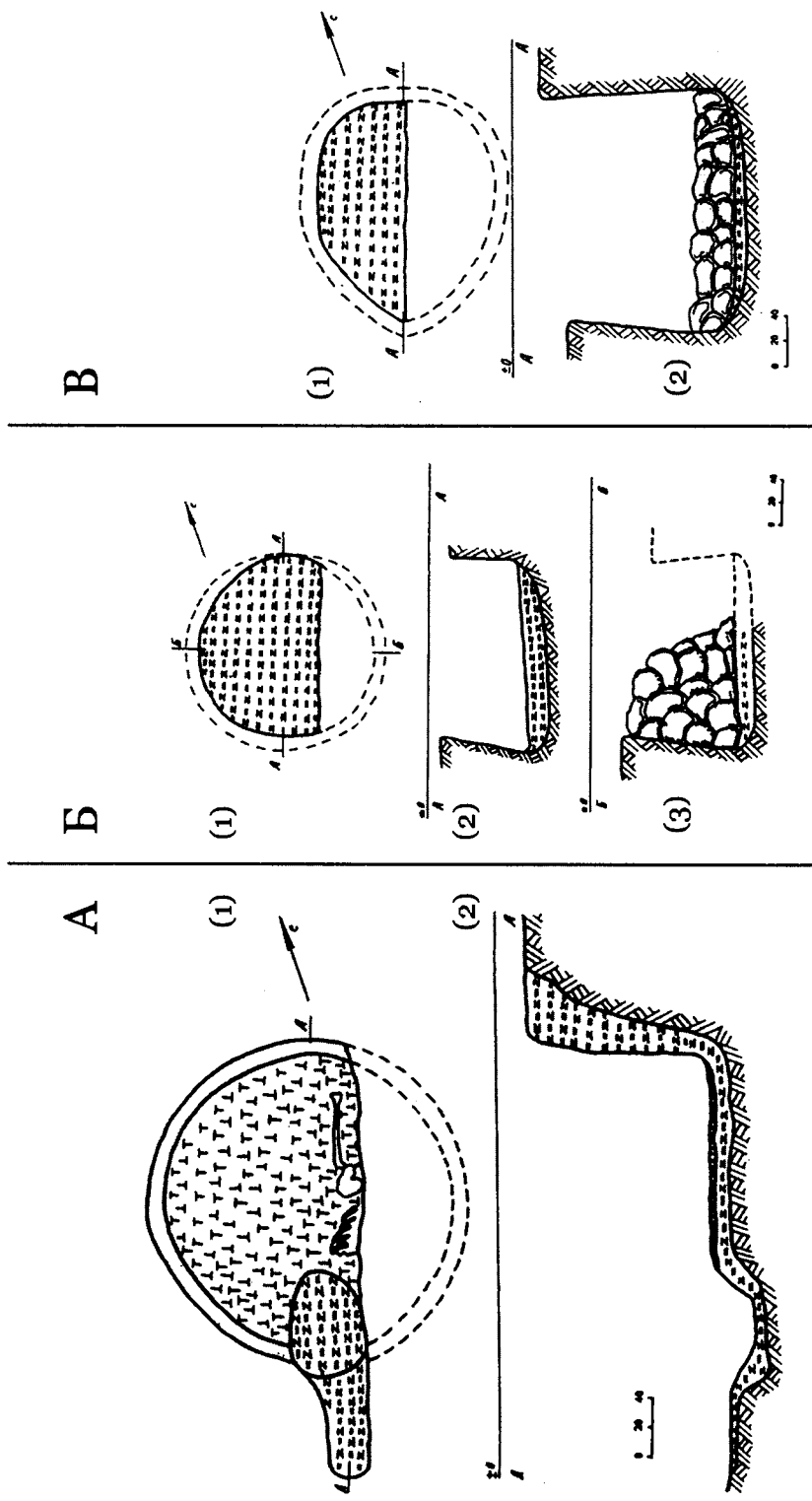

Рис. 5. Костешты, золоторудный город. Печи для обжига известняка.

А. Печь № 1. План (1) и разрез А-А (2).

Б. Печь № 2. План (1) и разрезы А-А (2) и Б-Б (3).

В. Костешты, золоторудный город. Печь для обжига известняка № 3. План (1) и разрез А-А (2).

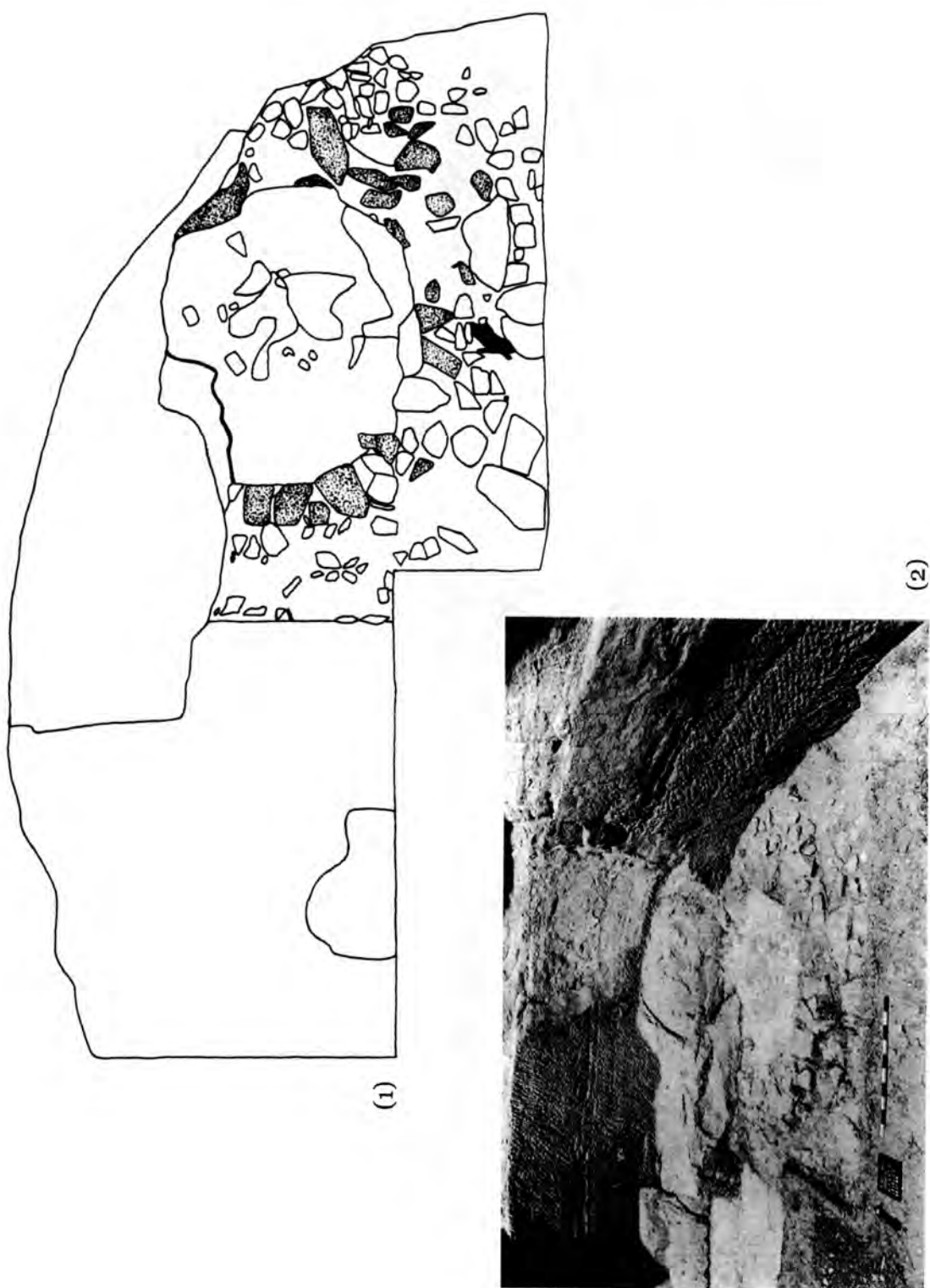

Рис. 6. Кипр; прилегающая к воротам Амагху территория. Печь для обжига известняка. План (1). Общий вид с юга (2)

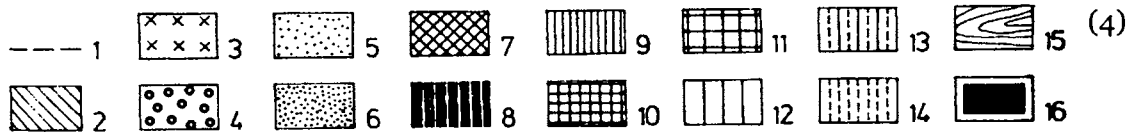
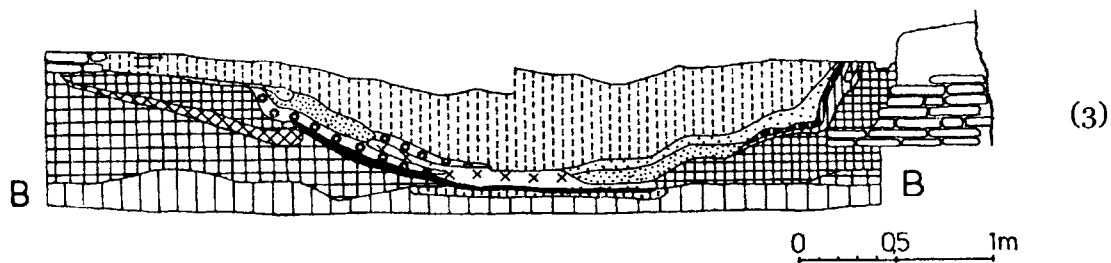
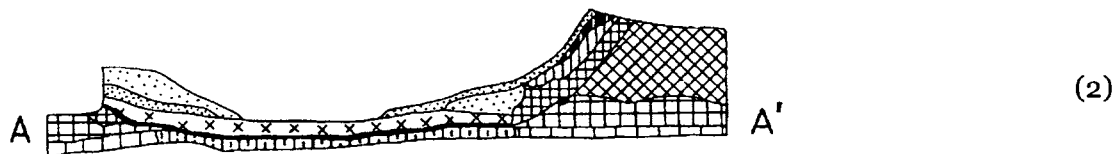
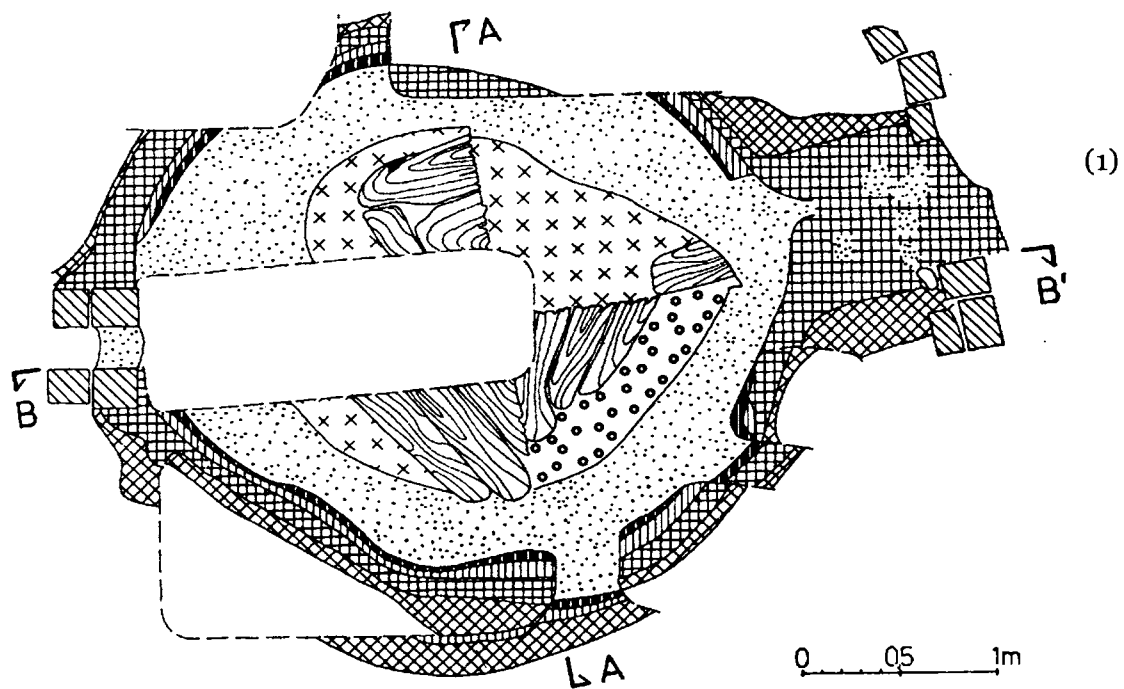

Рис. 7. Польша. Вроцлав. Печь для обжига известняка первой половины XII в. План печи (1). Разрез по линии А – А' (2). Разрез по линии В – В' (3).

Условные обозначения (4): 1 – контур прорезающей ямы; 2 – кирпичи; 3 – древесный уголь; 4 – зола; 5 – белая известь; 6 – серая известь; 7 – черная болотистая почва; 8 – фиолетовая глинистая почва; 9 – глинистая почва кирпичного цвета; 10 – глинистая почва оранжевого цвета; 11 – перемешанная желто-коричневая глинистая почва; 12 – желтый песок; 13 – красный песок; 14 – переженный кирпичный и известняковый бой; 15 – обугленные деревянные балки; 16 – черная глинистая почва

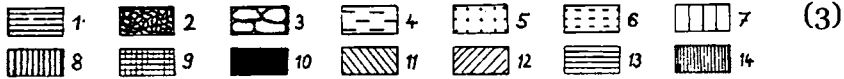
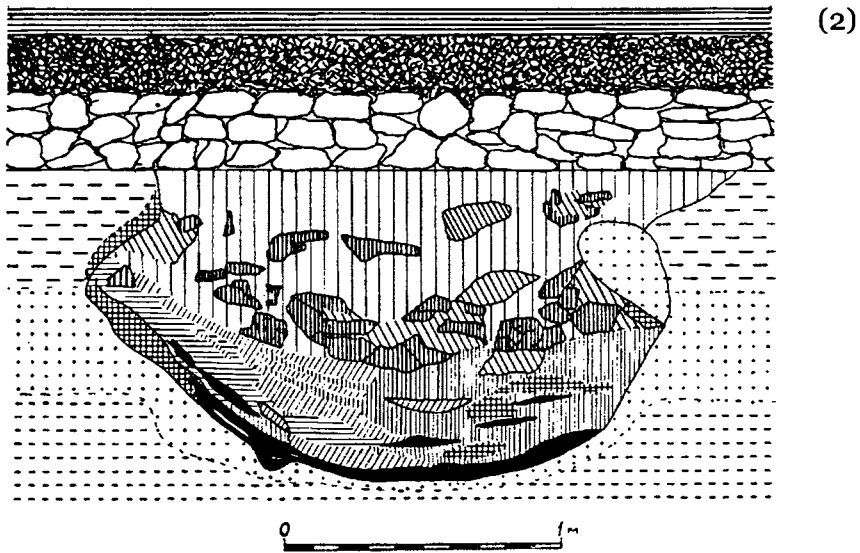
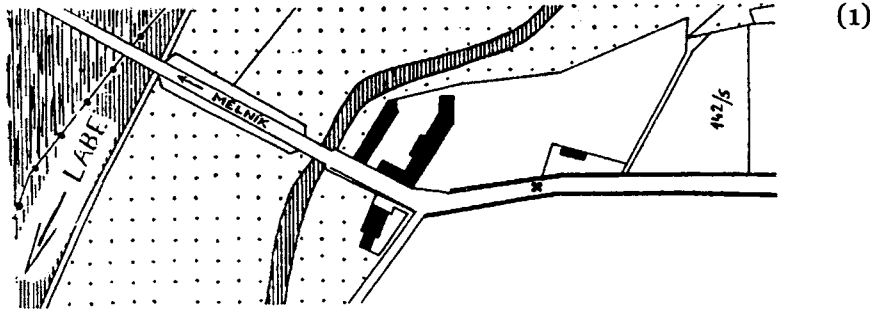

Рис. 8. Обриштли (Obřiství). Печь для обжига известняка (позднеримское время). Расположение (1). Продольный разрез (2).

Условные обозначения (3): 1–3 – конструкция дорожного покрытия; 4 – земля с примесью глины; 5 – сероватый мелкий песок; 6 – охристо-желтый мелкий песок; 7 – темнокоричневая глина; 8 – куски обожженной грязи; 9 – обожженный дочерна песок; 10 – черная углистая прослойка; 12 – сероватая и белая известковая прослойка; 13 – желтовато-серая прослойка извести

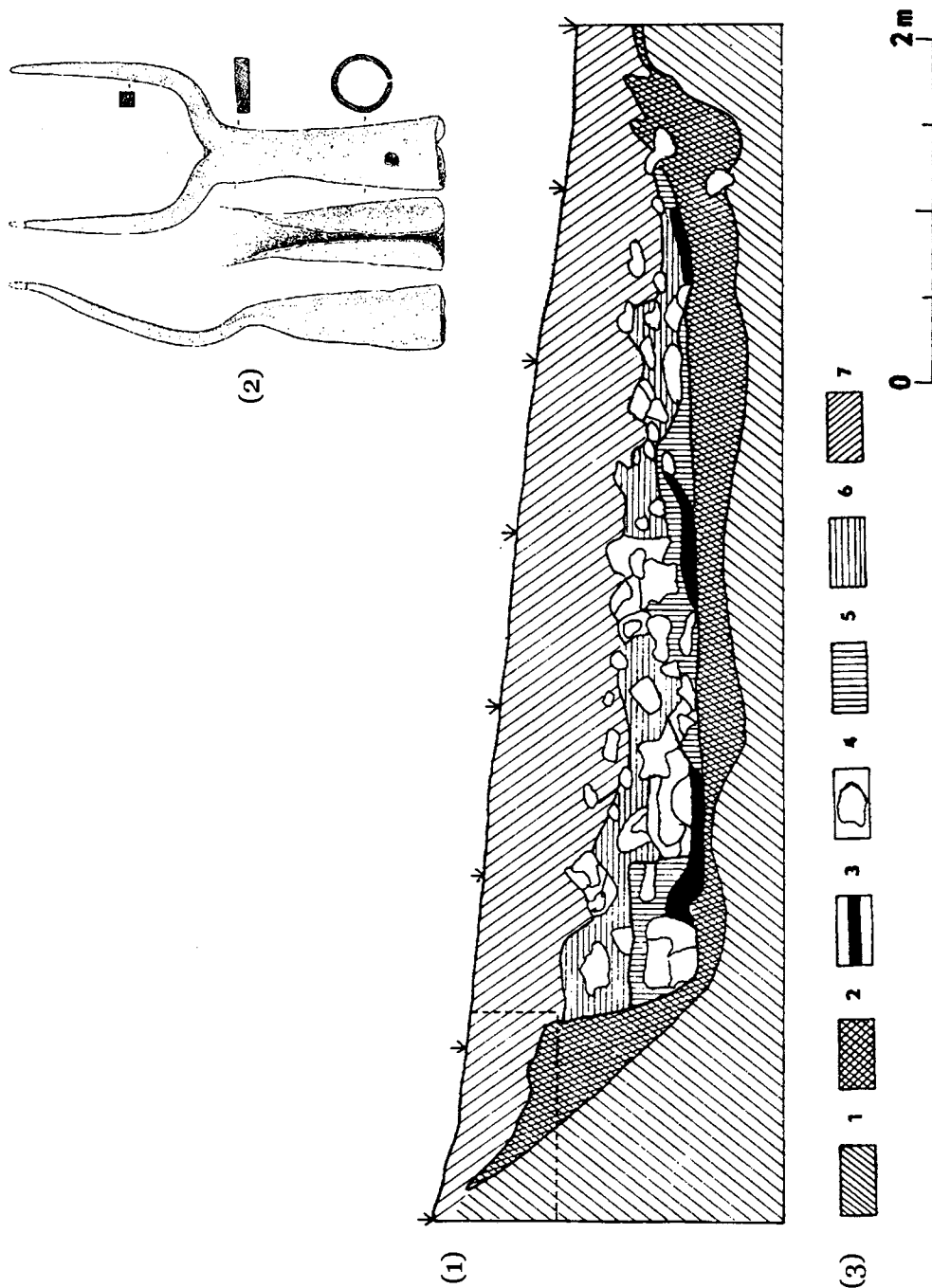

Рис. 9. Бажуровец-Чертолье (Нивина, округ Тпава). Печь для обжига известняка IX-X вв. Разрез продольный (1). Вилы, найденные в заполнении печи (2). Длина 18,5 см. Условный обозначения (3): 1 – материк лессовый; 2 – обожженный слой материка (дно печи); 3 – обожженные фрагменты деревянной конструкции; 4 – куски известняка со следами обжига; 5 – белая прослойка извести с включениями средних и мелких кусочков докрасна обожженной глины; 6 – зола; 7 – сильно перемешанная коричневая земля

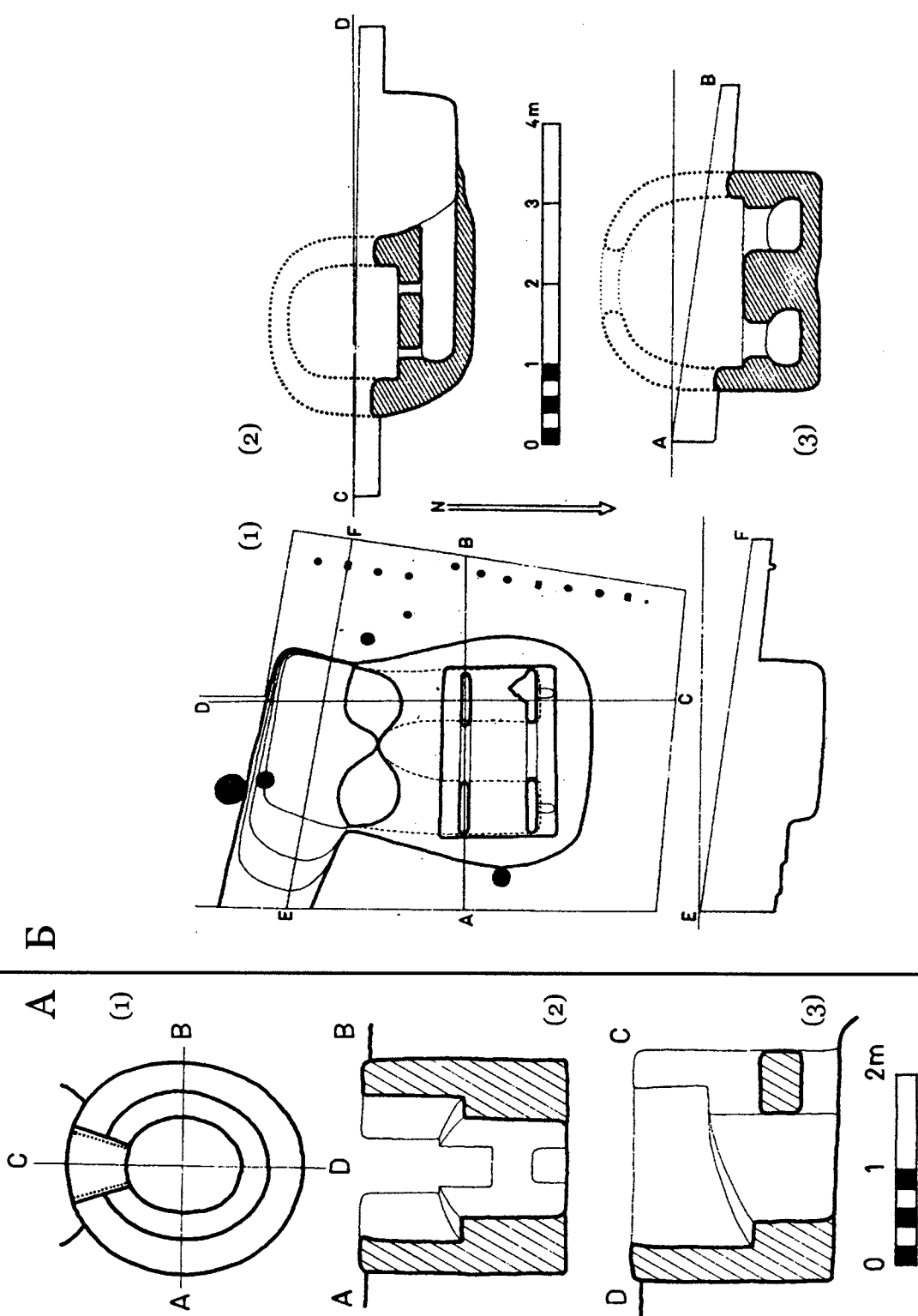
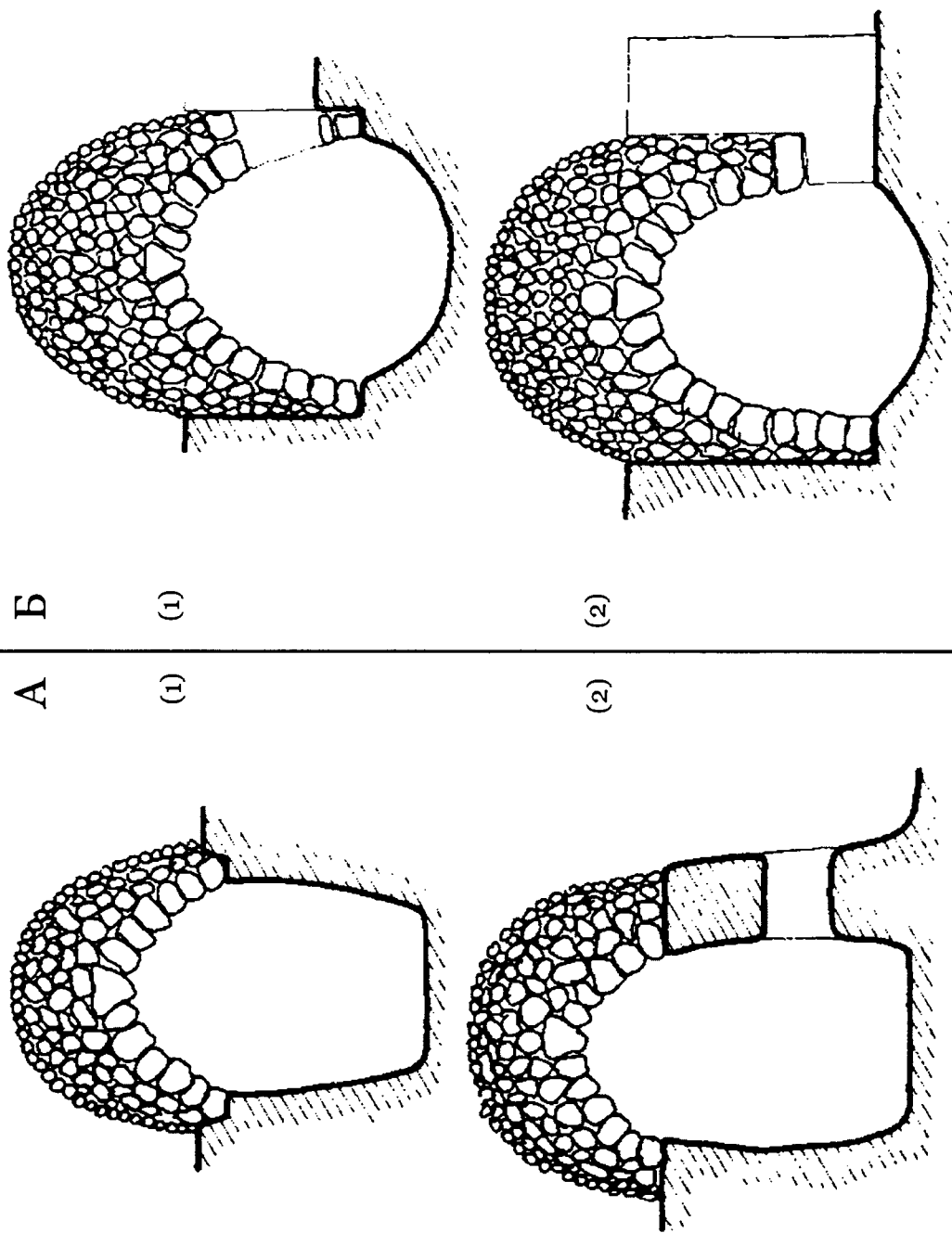

Рис. 10. А. Тофей (Тофей, общ. Zala) на пути из Вакопубел в Еіоердö. Печь для обжига известняка № 1 (XI-XII вв.). План (1). Разрез поперечный А-В (2). Разрез продольный D-С (3).

Б. Тофей (Тофей, общ. Zala). Печь для обжига известняка № 2. План (1). Разрез поперечный А-В (2). Разрез продольный D-С (3)

А (1)

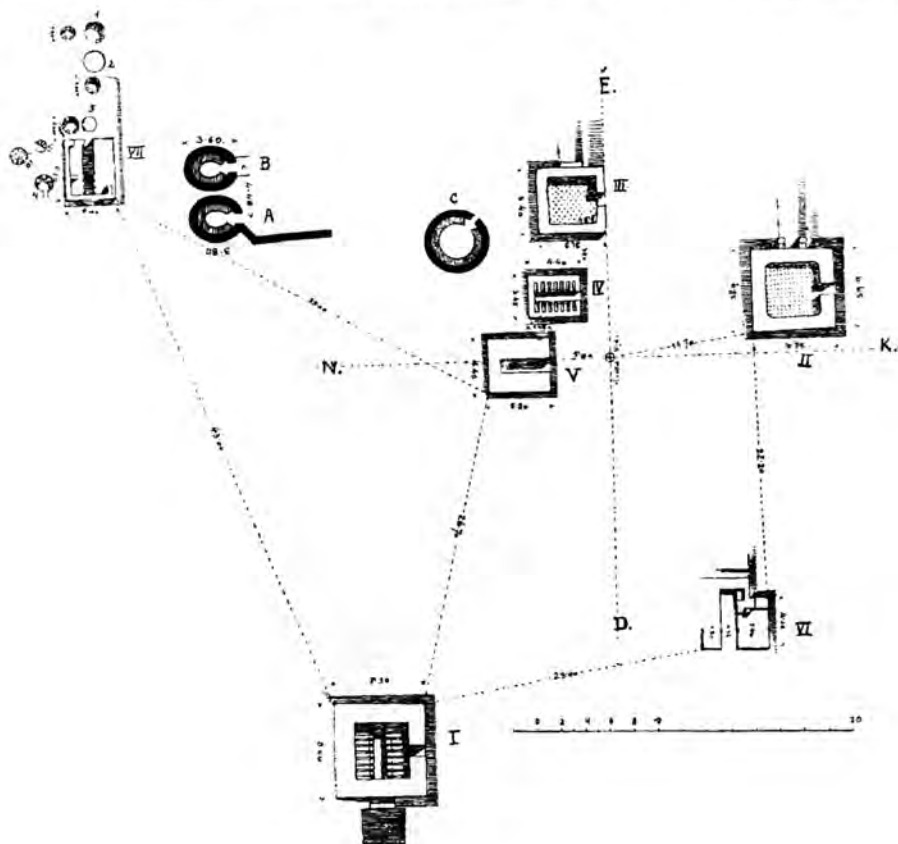
(2)

Б (1)

(2)

Рис. 11. А. Мохач-Кзеле (Mohács-Csele, ком. Ваганау). Печь для обжига известняка XIII–XIV вв. (реконструкция Müller 1976). Поперечный разрез (1). Продольный разрез (2).
 Б. Сарошпатак (Sárospatak). Печь для обжига известняка № 1 (XIII–XIV вв.) (реконструкция Müller 1976). Поперечный разрез (1). Продольный разрез (2)

(1)

(2)

Рис. 12. Аквинкум (Gross-Krotzenburg). Печи А, В и С поздне римского времени. Топография комплекса (1). Вид печей А и В с востока (2)

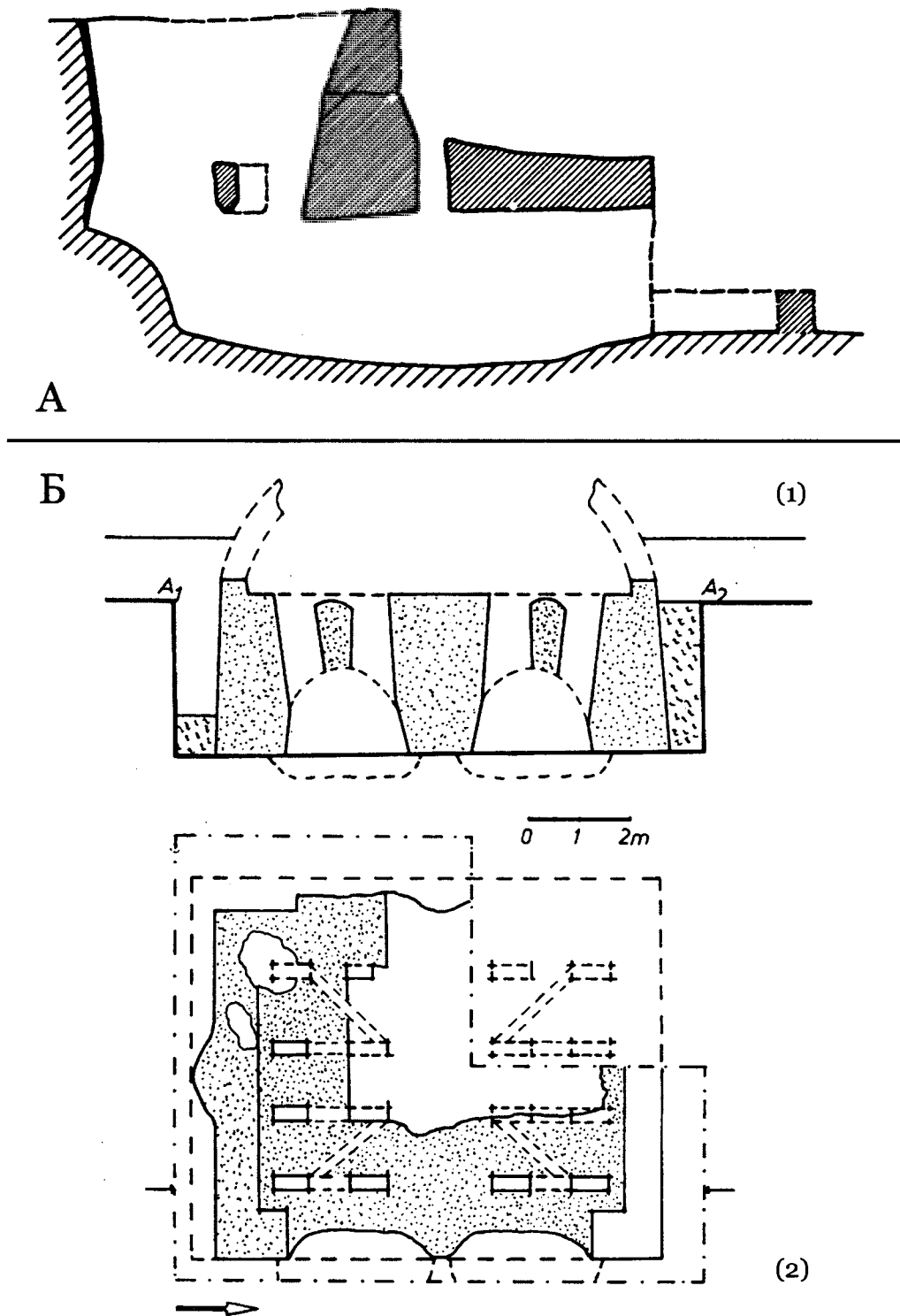

Рис. 13. А. Капошвар (Kaposvár). Печь для обжига известняка № 2 (terminus ante quem XIV в.) (реконструкция Albeker 1981). Продольный разрез.

Б. Покащепетек (Rókaszeretek). Печь для обжига известняка, XIII в. (реконструкция Vándor 1981). Поперечный разрез (1). Схематический план (2)

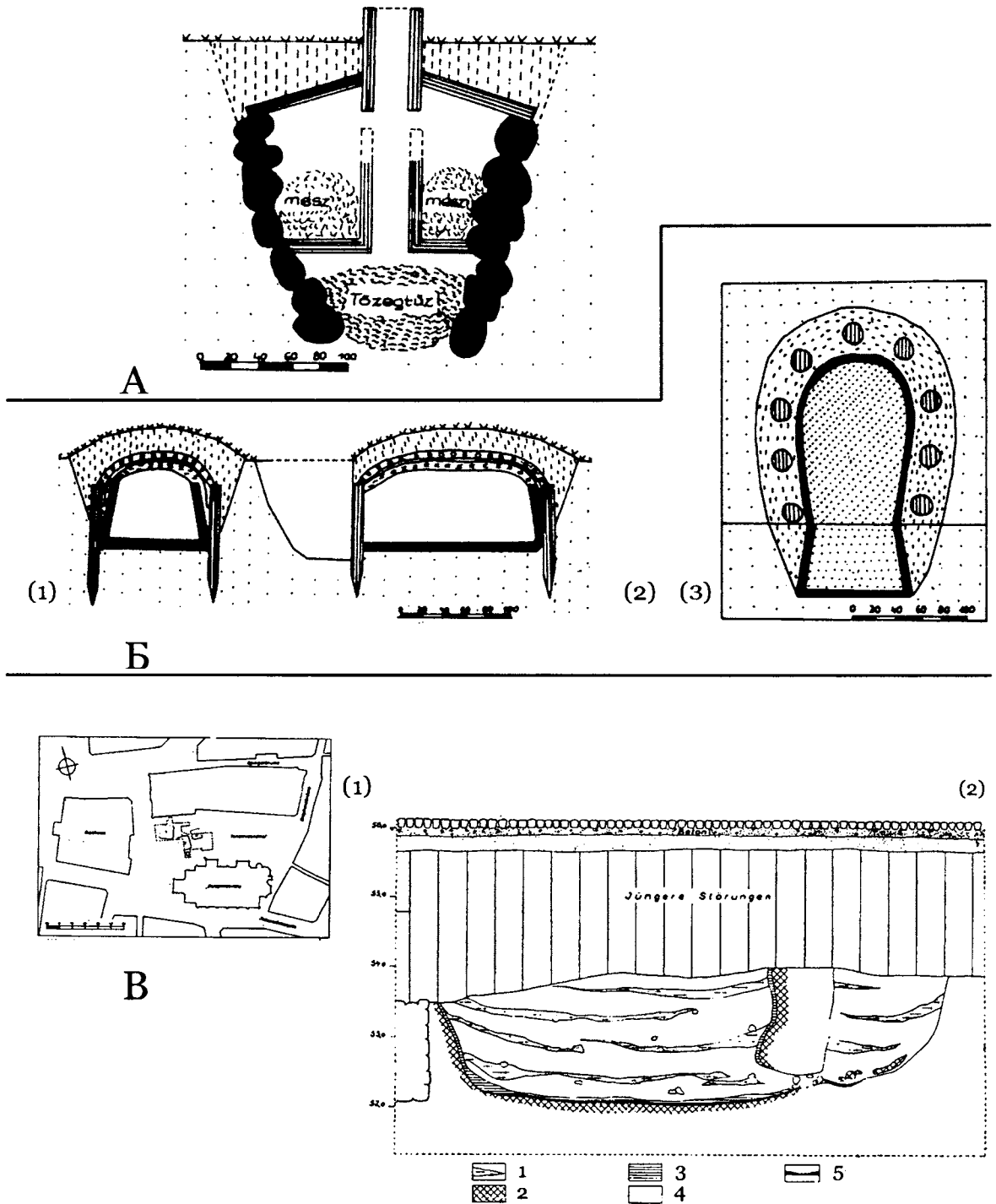

Рис. 14. А. Постдам-Крамниц. Печь для обжига известняка двухъярусная. Разрез.

Б. Постдам-Крамниц. Печь для обжига известняка. Поперечный (1) и продольный (2) разрезы. План (3).

В. Магдебург. Печь для обжига известняка XII–XIII вв. Топография (1). Продольный разрез (2).

Условные обозначения (3): 1 – перемешанный лесс; 2 – обожженный докрасна лесс; 3 – известь; 4 – материк; 5 – прослойка угля

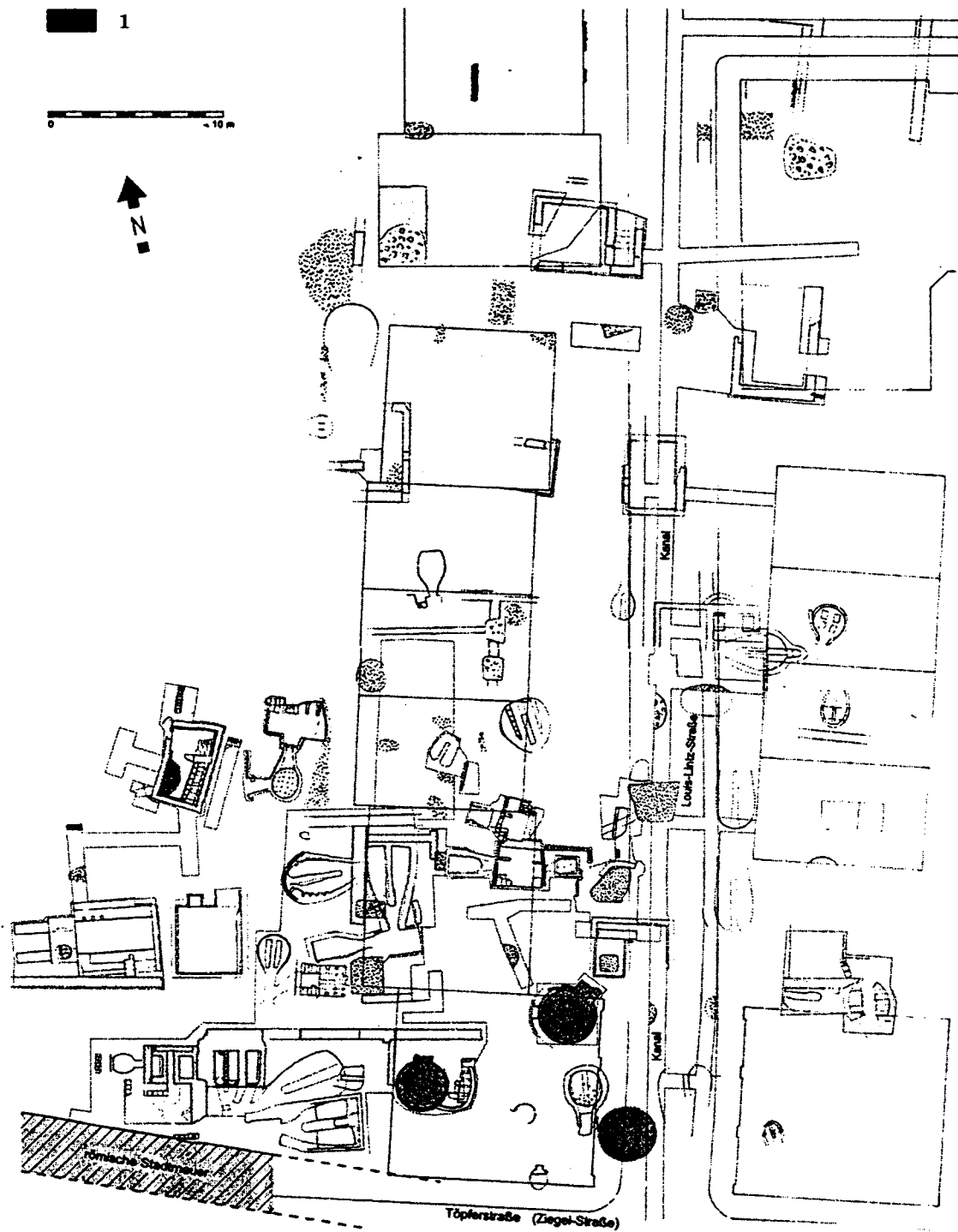
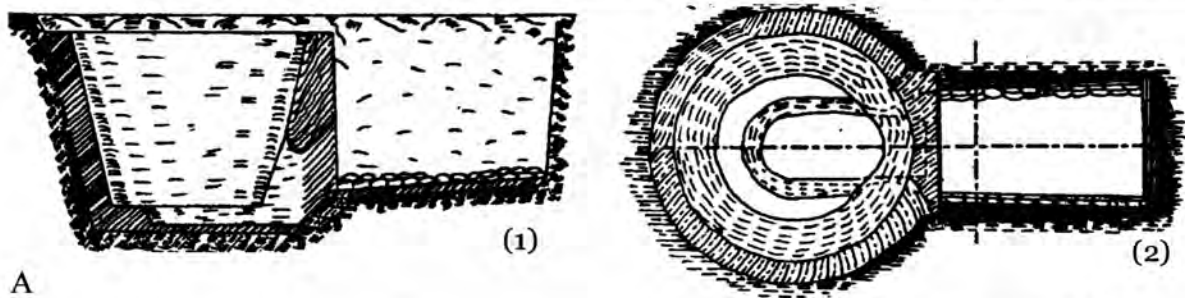

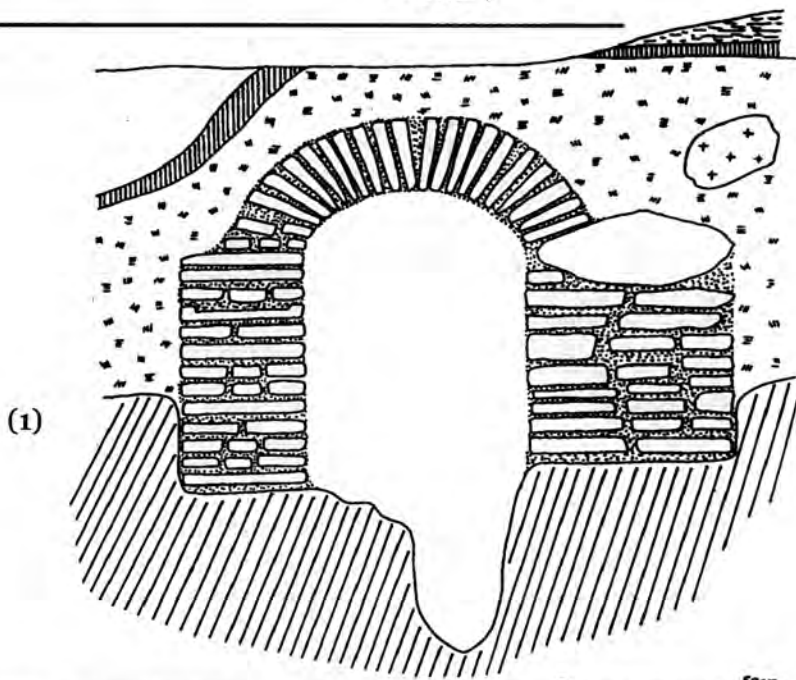
Рис. 15. Трир. Комплекс из трех печей круглой формы в квартале, ограниченном улицей Гончаров. План. 1 – печи для обжига известняка

А

Б

(2)

Рис. 16. А. Хофхейм. Печь для обжига известняка римского времени. Продольный разрез (1). План (2).

Б. Комм. Трето, кантон Жалиньи-сюр-Бесбр (округ Виши). Печь для обжига известняка римского времени. Поперечный разрез (1). Общий вид с севера (2)

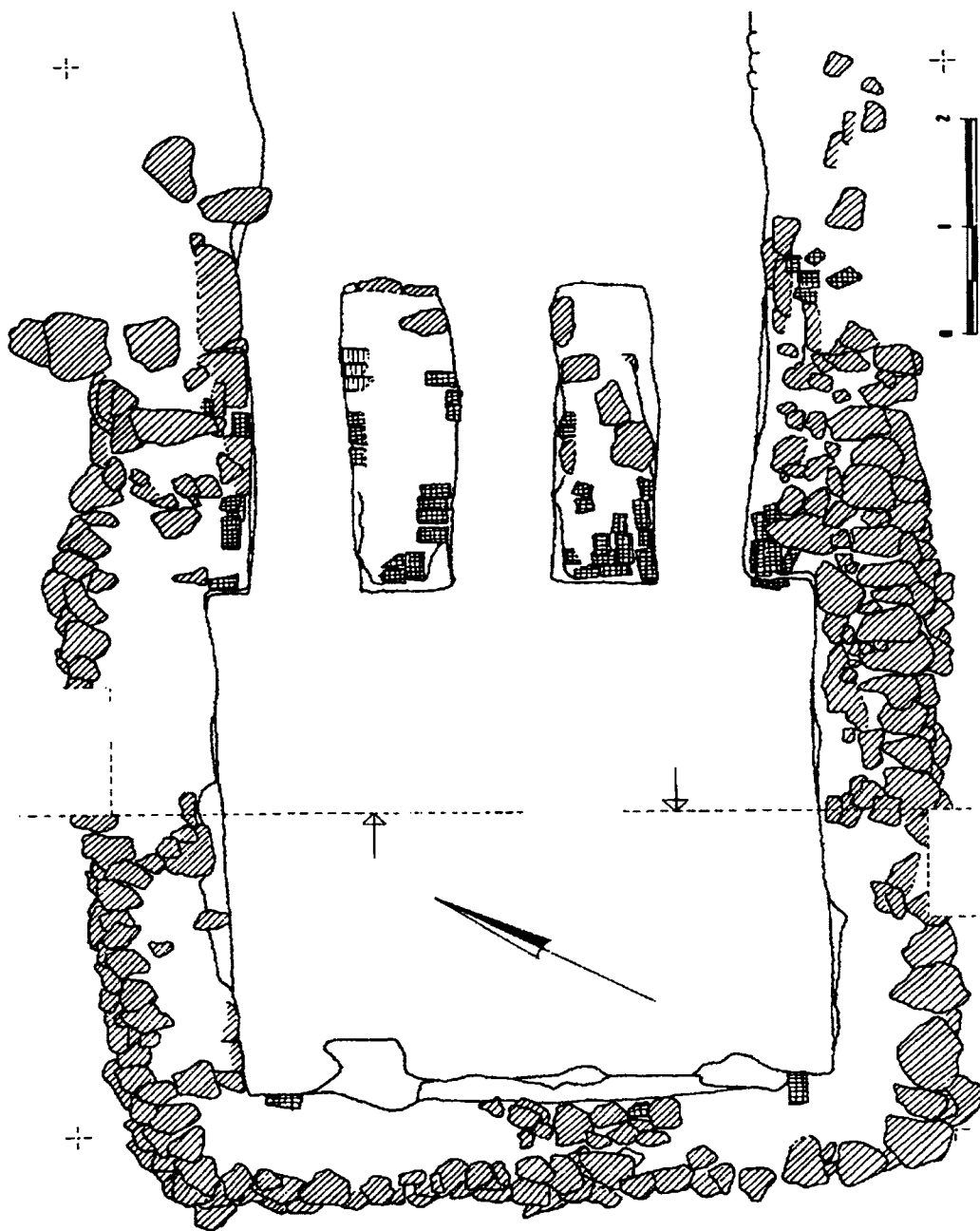

Рис. 17. Дания, Хаммерсхус (Hammerhus). Печь для обжига известняка, terminus ante quem XVII в. План

ПЛАСТИНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТЫХ ВОИНОВ ИЗ РАСКОПОК НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ

А. А. Пескова

При исследовании остатков трех построек в центральной части Городища была сделана уникальная находка – бронзовая позолоченная пластина с изображением двух святых¹ (Рис. 1: 1. Табл. III: 3).

Пластина состоит из двух фрагментов, которые удалось уверенно совместить благодаря тому, что линия разлома прошла по контуру фигуры одного из святых, глубоко наведенному резцом по очень тонкой (меньше 1 мм) пластине, изготовленной из медного сплава. Ширина пластины 4 см, высота фрагмента 3,9 см (Рис. 1: 1). Все поле пластины занимает парное изображение двух святых, размещенных строго фронтально по обе стороны 6- или 8-конечного креста. Именуемые надписи, если они были, не сохранились, поскольку части, где обычно расположены надписи (около нимбов святых), утрачены. Святые облачены в плащи (корзна), скрепленные на груди круглой фибулой. Откинута за правый локоть пола плаща позволяет видеть перехваченную поясом рубаху (кафтан?). В правой руке перед грудью каждой святой держит 4-конечный крест, левой придерживает висящий на поясе и слегка наклоненный меч. Из-под плаща видна только кисть левой руки, лежащая как будто поверх перекрестья. Плащи святых украшены каймой по краю, одинаково переданной двумя параллельными линиями. Обычно у парных святых однотипные одеяния отличаются: в живописных произведениях – цветом и орнаментальными особенностями, в каменной и металлопластике – только орнаментально. В данном же случае отличаются только лики святых. Один из них безбородый, безусый, с длинными волосами, другой – с раздвоенной бородкой, длинными усами и короткими волосами. На головах у святых низкие плотно облегающие шапочки с каймой или обручем по краю.

Изображения были наведены резцом и затем полностью вызолочены. К настоящему времени золочение сохранилось в основном только в углубленных линиях рисунка и лишь отчасти на поверхности. Но эти фрагменты сплошного золочения позволяют утверждать, что изображение святых, а возможно, и креста между ними, были вызолочены полностью.

Иконография парного полнофигурного изображения святых с идентичными позами, одеяниями, атрибутами мучеников (крест) и воинов (меч), с ярко выраженными возрастными особенностями, позволяет, несмотря на отсутствие именующих надписей и необычность головных уборов, с большой долей вероятности предполагать, что на пластине изображены святые князья Борис и Глеб. Устойчивая иконография первых на Руси святых князей мучеников-воинов складывается, судя по сфрагистическим материалам, не позже середины – второй половины XII в. (печати Давида Ростиславича 1154–1155 гг., Романа Ростиславича 1179 г., Святослава Мстиславича 1218–1219 гг.) (Янин 1970: кат. № 156, 182, 207), а может быть, и раньше, если учитывать две печати, найденные в Новгороде и на городище Демян и соотносимые предположительно с Глебом Святославичем (в Новгороде около 1069 г.) (Янин, Гайдуков 1998: 60, № 333а-2). Иконография Бориса и Глеба на этих двух ранних печатях чрезвычайно близка их изображению на печати Святослава Мстиславича 1218–1219 гг. (Янин 1970: № 207), и вместе они представляют самые близкие иконографические аналогии изображению на городищенской пластине среди памятников сфрагистики (Рис. 1: 2–3).

Необходимо также отметить, что в одном квадрате с пластиной, но несколько ниже, была обнаружена печать смоленского князя Мстислава Давидовича 1228–1230 гг. (Янин, Гайдуков 1998: № 217а), на которой также изображены в рост Борис и Глеб, по-видимому, с мученическими крестами, но без мечей. Иконографический тип князей-мучеников зафиксирован уже на печатях Романа Мстиславича, княжившего в Новгороде около 2,5 лет (1168–1170 гг.) (Янин 1970: № 167). Исследователи изобразительных памятников борисоглебского цикла неоднократно отмечали параллельное существование в разных областях древнерусского искусства этих двух иконографических типов Бориса и Глеба (как мучеников и как мучеников-воинов). В данном случае привлекает внимание уникальность обнаружения в одном квадрате и почти на одной глубине двух предметов, отражающих почи-

¹ Пластина обнаружена в кв. 180 между постройками II и III на глубине 1,0–1,2 м от репера. Хранится в Новгородском государственном музее-заповеднике, № КП 40234/А 165–67.

Рис. 1: 1. Бронзовая позолоченная пластина с изображением двух святых; 2. Печать Глеба Святославича (около 1069 г.); 3. Печать Святослава Мстиславича (1218–1219 гг.); 4. Шиферная икона из рязанского Солотчинского монастыря; 5. Бронзовая подвеска из Копыси.

тание святых князей Бориса и Глеба. При этом пластина с изображением святых князей могла быть изготовлена на месте, а печать поступила на Городище скорее всего из Смоленска, будучи приложенной к посланию Мстислава Давидовича.

Самые близкие и полные аналогии изображению на городищенской пластине (исключая крест – центральный элемент композиции, не встреченный более ни разу в парных изображениях Бориса и Глеба) выявляются среди памятников художественной пластики – на шиферной иконе из рязанского Солотчинского монастыря (Николаева 1968: 451–458; 1983: № 30, табл. 5: 1; Рындина 1975: 106 – 118) и бронзовой подвеске из Копыси, Беларусь² (Загоруйский 1973: 359; Пуцко 1994: 69 – 73; 1998: 318. Табл. VIII: 2) (Рис. 1:

4, 5). Их объединяют общие сходные постановка фигур и позы святых, тип одеяний и атрибуты (крест – символ мученика и меч – символ воина, изображаемый во всех четырех случаях в наклонном положении), а также отчетливо переданные возрастные признаки. Рязанскую икону отличает ракурсность ликов при фронтальной постановке фигур, тогда как на городищенской пластине и на подвеске из Копыси святые изображены прямолично. Различаются эти памятники и по характеру головных уборов святых. На рязанской иконе и подвеске из Копыси изображены традиционные для иконографии Бориса и Глеба княжеские шапки с оторочкой и высокой тульей, переданные в разной манере, но по сути одинаковые; на пластине с Рюрикова городища – круглые низкие шапочки (типа ску-

² Копысь – летописный город Полоцкой земли, возникший в XI в. у брода, переправы на левом берегу Днепра, и отошедший к Смоленску в 1116 г. (Алексеев 1980: 164–165).

фы) с узкой полосой орнамента по нижнему краю, имитирующего либо венец (металлический обруч), либо опушку (последнее маловероятно из-за формы и малых размеров шапочек). Форма головных уборов имеет большое значение в вопросе атрибуции святых, но требует специального рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи. Здесь лишь отметим, что необычная форма шапок у святых, изображенных на пластине, не противоречит предлагаемой атрибуции³.

Бронзовая подвеска, обнаруженная при раскопках Э. М. Загорюльского в 1972 г. на городище в Копыси в напластованиях XII–XIII вв., была опубликована В. Г. Пуцко, который определил ее как привеску к хоросу, изготовленную в начале XIII столетия киевским «мастером архаизирующего стиля» (Пуцко 1994: 69–73).

Шиферную икону из Солотчи Т. В. Николаева датировала первой третью XIII в., предполагая, что она могла быть изготовлена в Рязани мастером южнорусского происхождения, возможно, киевского, выходцем из художественной мастерской, изделиям которой, по ее наблюдениям, присущи общие стилистические признаки (Николаева 1968: 451–458; 1983: 55–54, №30)⁴. Развивающий эту тему В. Г. Пуцко условно называет выделенную Т. В. Николаевой группу памятников мелкой пластики «группой мастера Распятия» (Пуцко 1998: 313–315 и многие другие статьи того же автора). Выводы Т. В. Николаевой получили подтверждение в исследованиях А. А. Медынцевой, проанализировавшей надписи на пяти иконах «группы мастера Распятия», включая и солотчинскую, и установившей, что они сделаны одним мастером в первой трети XIII в. (Медынцева 1991: 111–123).

А. В. Рындина, признавая южнорусские истоки иконографии солотчинской иконы, относит ее изготовление к рубежу XIII–XIV вв., считая произведением среднерусских мастеров (Рындина: 1975: 106–118). В качестве одного из веских аргументов приводится иконографическая и стилистическая близость шиферного рельефа к двум живописным иконам: «Борис и Глеб» из новгородского Савво-Вишерского монастыря (Киевский музей русского искусства) (табл. III: 4) и средник житийной иконы из Борисоглебского монастыря в Коломне (Государственная Третьяковская галерея). А. В. Рындина исходит из датировки и атри-

буции иконы из Савво-Вишерского монастыря, предлагаемой Г. В. Поповым, который определяет ее как памятник тверского искусства рубежа XIII–XIV вв. (Попов 1979: 32–41, 252–259, № 1, илл. с. 33, 253, 371–375). Коломенская икона «Борис и Глеб в житии» датируется XIV в. и относится к раннемосковскому искусству (Лазарев 1955: 74, 76. Рис. с. 79; Смирнова 1958: 313. Рис. 1). В то же время икона Савво-Вишерского монастыря датируется разными исследователями в диапазоне от XII до XIV вв. (Попов 1979: № 1). Высказывались гипотезы и о ее новгородском происхождении (Черногубов 1963: 287, 290). Чрезвычайно близкая ей икона первой половины XIV в., исполненная, как предполагают, для Борисоглебской церкви в Новгородском детинце, происходит из часовни Зверина монастыря в Новгороде (ГИМ) (Смирнова: 1976: 70, 72, 178–180, № 7). Исходя из архаичности иконографии, исследователи соглашались в том, что обе эти иконы, хотя и в разной степени, копируют древнейший образец – икону домонгольского периода, привезенную из Вышгорода или Киева.

Изображения святых на городищенской пластине в основных чертах и, особенно, в передаче возрастных признаков следуют иконографии икон Савво-Вишерского и Зверина монастырей. Не совпадают лишь положение мечей (на иконе – вертикальное) и форма головных уборов. Если головные уборы святых, изображенных на пластине, не имеют прямых аналогий в древнерусском искусстве, то наклонное положение мечей (при той же иконографической основе) фиксируется на уже упоминавшихся памятниках сфрагистики и художественной пластики. Таким образом, ближайшие аналогии изображениям святых на нашей пластине выявляются в круге памятников XIII в. (с гипотетическим выходом в начало XIV в., принимая во внимание мнение сторонников поздней датировки), имеющих южнорусское происхождение или ориентированных на домонгольские киевские образцы. О том, что такие образцы были хорошо известны в Новгороде, свидетельствует икона Зверина монастыря, а может быть, и спорная по происхождению икона из Савво-Вишерского монастыря.

К особенностям пластины, обнаруженной на Рюриковом городище, относится нетрадиционное композиционное решение, состоящее в размещении фигур

³ В иконографии святых Бориса и Глеба шапки являются обязательным, а зачастую и определяющим признаком, в то же время довольно неустойчивым по форме. Достаточно вспомнить изображения Бориса и Глеба, выполненные в технике перегородчатой эмали, на щитках рязанских «колтов» и в медальонах Камснобродской цаты (Макарова 1975: № 97–99. Табл. 16: 1–2, 17 и 18: 3–4), где головные уборы святых князей представляют собой некое подобие византийских церемониальных уборов высшего сана империи-деспота, к которому чаще других причислялись сыновья и зятья императора. В основе этих уборов лежит венец (металлический обруч) с матерчатой шапочкой, первоначально низкой (типа скуфы) и бесконечно видоизменявшейся по форме, размеру, цвету, материалу и способам украшения (Кондаков 1906: 84–85 и др.). Головные уборы святых на городищенском пластине представляют собой как раз такую основу (только без конкретных отличий сана – подвесок, комар, крестов в очелье и пр.), на которой строились и стемма императора, и венец (или скиадей) деспота.

⁴ В этой связи необходимо напомнить о замечательной *шиферной* иконе «Симеон Столпник и Ставрокий» из раскопок 1972 г. на Торговой стороне в Новгороде, также отнесенной Т. Н. Николаевой к данной группе памятников (Николаева 1983: № 32).

святых князей по сторонам креста – первой и главной христианской святыни. В качестве единственной аналогии такой композиции можно было бы привести очень редкие изображения на змеевиках, которые приняты датировать XIII–XIV вв. (Николаева, Чернецов 1991: 31, 80, 81. Табл. XVII: 3). Однако композиция на змеевиках в целом очень напоминает изображение святых равноапостольных Константина и Елены у Креста, что уже отмечалось А. В. Чернецовым (1991: 31). Появление, а затем и популярность этой композиции отмечаются в произведениях древнерусской каменной пластики и серебрелия в основном с XIII в. (Николаева 1983: № 348, 289, 271; Медынцева, Стерлигова 1996: № 24, 31, 32). Очень близки к композиции на змеевиках изображения свв. Константина и Елены на створке меднолитой иконки-складня из собрания А. С. Уварова (Уваров 1908: 96. Рис. 73). Не исключено даже, что они восходят к одному прототипу, а врезанные на змеевиках надписи, именующие святых как Бориса и Глеба, появились взамен утраченных первоначальных имен Константина и Елены.

В византийской по своим истокам композиции «Святые равноапостольные Константин и Елена у Креста» подчеркивается роль первого христианского императора и его матери в обретении и воздвижении Честного Креста. Поэтому чаще всего эта композиция встречается в оформлении реликвариев, предназначенных для хранения частиц Истинного Древа Креста, таких как византийская ставроотека начала XII в. из Государственного Эрмитажа (Искусство Византии 1977: 84, № 548) или древнерусская так называемая Архангельская ставроотека XIII в. (Стерлигова 1996: 181, № 24). В то же время крест освещает божественную природу императорской власти и становится неотъемлемым элементом не только в составе императорских инсигний, но иногда и как центральный элемент композиции, включающей двух императоров (Гурулева 1996: табл. II: 8; Степанова 2004: табл. I: 3).

Изображения креста в парных композициях с другими святыми довольно редки как в византийском, так и в древнерусском искусстве. Иногда на ставроотеках место святых равноапостольных Константина и Елены у Креста (крестовидного углубления для частиц Животворящего древа) занимают фигуры святых целителей бессребреников Космы и Дамиана, как на так называемой Филофеевской ставроотеке XII в. (Искусство Византии 1977: 86–87, № 549). По той же схеме построено фрагментарно сохранившееся изображение святых Космы (полностью) и Дамиана (частично) на бронзовой пластине XI в. из епархиального музея в Падерборне, изготовленной предположительно в Константинополе и, по-видимому, украшавшей некогда крышку реликвария (Vyazniz 2001: 129–130, № I: 34). В Древней Руси эта редкая

иконографическая композиция получила некоторое отражение на змеевиках XIII–XIV вв. с рельефными изображениями свв. Козьмы и Дамиана в рост, между которыми внизу можно увидеть крест, нанесенный углубленными линиями (Николаева, Чернецов 1991: 77–79. Табл. XVI). В целом же иконография змеевиков со святыми Козьмой и Дамианом, по-видимому, восходит к изображениям этих святых на византийских печатях X–XI вв., подобных печати из собрания Государственного Эрмитажа (Шандровская 2001: 75–76. Табл. II: 11), отличаясь от них главным образом фронтальной постановкой фигур. Правда, на византийской печати со святыми анаргирами не видно креста, но при этом отчетливо видно композиционное сходство с памятниками VI–VIII вв., на которых изображены первоапостолы Петр и Павел (погрудно и в рост) по сторонам креста. Это гемма из оникса начала VI в. из Художественного музея Вены (Age of Spirituality... 1979: 586, № 525) и печати VII–VIII вв. (Степанова 1996: 46, 48. Табл. II: 2; Zakos, Veglery 1972: № 1268a, 1271).

Представленный беглый обзор ближайших композиционных параллелей рассматриваемому изображению подтверждает его уникальность среди борисоглебских композиций и в то же время ставит первых русских святых Бориса и Глеба в один ряд с первоапостолами Петром и Павлом, со святыми равноапостольными Константином и Еленой и, наконец, со святыми целителями бессребрениками Космой и Дамианом. Упомянувшиеся изображения святых Космы и Дамиана у Креста на византийских реликвариях, по-видимому, обусловлены составом реликвий и соименностью заказчику реликвария. Такое объяснение может относиться и к изображению на городищенской пластине, если она служила накладкой на реликварий, в котором хранились реликвии, связанные с культом свв. Бориса и Глеба, и частицы Истинного Древа Креста.

Впервые в третьей четверти XI в. почитание Бориса и Глеба как святых засвидетельствовано именно в Новгороде текстом берестяной грамоты № 906 (Янин, Зализняк 2000). На новгородском детинце уже в середине XII в. действовала церковь Бориса и Глеба (1146 г. – деревянная, 1167–1173 гг. – каменная) (НПЛ 1950: 27, 32, 34, 214, 219, 223). В княжеской нередицкой церкви Спаса (1199 г.) святые князья Борис и Глеб были изображены в конхе центральной апсиды в предстоянии Богородицы (Мясоедов 1925: 14), что породило гипотезу о связи этой росписи со смертью в 1198 г. малолетних детей строителя церкви князя Ярослава Владимировича (Мурьянов 1968: 121; Пивоварова 2002: 460–476). Исключительность такого почетного размещения изображений святых Бориса и Глеба в программе храмовой росписи, безусловно, указывает на особое к ним отношение в княжеской семье,

что позволяет предполагать присутствие на Городище каких-то реликвий, связанных к тому же и с родовым культом святых князей⁵. Небесное покровительство святых Бориса и Глеба новгородцам в военных операциях, по наблюдениям В. Л. Янина, начинает отмечаться Новгородской первой летописью с 1242 г. (Янин 1974: 91). Еще раньше в подобных ситуациях летопись упоминает силу Честного Креста (там же). Об обретении Честного Креста «у святей Софии Новгороде, при епископе Федоре» летопись сообщает под 1069 г. (НПЛ 1950: 17). Сведения о реликвиях Честного креста в Новгороде конца XI – середины XII вв. содержатся также в берестяной грамоте, сообщающей о Честном Древе стоимостью «ПОЛОУ-ПЯТЫ ГРИВНЫ» (Арциховский 1963: 68).

Однако, если городищенская пластина предназначалась не для реликвария⁶, то ее композиция должна быть обусловлена иным идейным замыслом, раскрытию которого отчасти могут помочь приводившиеся выше композиционно-иконографические параллели со святыми первоапостолами Петром и Павлом у Креста и святыми равноапостольными Константином и Еленой у Креста. Уподобление первых на Руси святых первоапостолам как провозвестникам христианства как будто лежит на поверхности, но в древнерусском изобразительном искусстве композиция с Петром и Павлом у Креста не утвердилась. В то же время в агиографических и гимнографических памятниках, посвященных Борису и Глебу, такое уподобление прослеживается вполне отчетливо. В сказании о Борисе и Глебе они прямо называются «начальници святому крещению, яко апостоли» (Абрамович 1916: 89). Б. А. Успенский, детально анализируя небиблейские паремейные чтения о Борисе и Глебе, обнаруживает, что история Руси в них «мыслится как история христианской страны, и Борис и Глеб как первые русские святые знаменуют начало этой истории... и воспринимаются как апостолы» (Успенский 2000: 42).

Композиция со святыми Константином и Еленой у Креста в Древней Руси была хорошо известна (отметим лишь как одну из самых ранних живописную

композицию в Мартирьевской паперти новгородского Софийского собора). Конечно, размещая святых Бориса и Глеба по сторонам Креста подобно Константину и Елене, мастер апеллировал не к историческому кресту, обретенному и воздвигнутому Константином и его матерью, а к кресту как главному и всеобъемлющему христианскому символу. В гимнографии Борису и Глебу настойчиво проступает идея их избранности, ибо «има же Христось просвети всю страну Русьскую» (Абрамович 1916: 169), предопределенности их мученической смерти как искупительной жертвы во имя спасения нового народа христианского. Тем самым искупительная жертва Бориса и Глеба, которая освещает христианским светом «всю страну Русьскую», сопоставляется с искупительной жертвой самого Христа, пострадавшего во имя спасения всего человечества. В этом свете изображение Бориса и Глеба у Креста может рассматриваться как аллюзия на Крестную жертву, поскольку крест в христианском сознании и без изображения Распятия, символизирует искупительную мученическую смерть Спасителя. В нашем случае важно, что до Бориса и Глеба такой композиции удаивались те, с кого начиналась христианская вера (Петр и Павел), и первые христианские императоры.

Сходство с иконографией композиции «свв. Константин и Елена у Креста» может быть обусловлено отчасти и династическим характером культа Бориса и Глеба, учитывая, с одной стороны, что в гимнографических песнопениях Бориса и Глеба восхваляют как «царского корене святыю отрасль» (Абрамович 1916: 150), с другой, – принимая во внимание символизм креста, освещающего божественную природу царской власти. Такое сходство могло напоминать об их правах на престолонаследие, пресеченных убийством, правах, «от которых они добровольно отказывались, безоговорочно признавая власть старейшего брата» (Поппэ 1995: 67). «Это убийство, – по словам А. Поппэ, – открыло путь истолкованию их поведения в категориях христианства, в смысле осуществления ими христианской духовности, веры и морали не только в словах, но и на деле» (Поппэ 1995: 67).

⁵ На связь обитателей Городища с нередицким храмом указывает и летописное сообщение 1199 г., в котором подчеркивается расположение этого храма «на Городищи» (НПЛ 1950: 44).

⁶ Пластина могла служить, к примеру, украшением книжного оклада. Однако известные бронзовые украшения книжных окладов выполнены в другой технике (они, как правило, литые), к тому же не сравнимы с нашей пластиной по размерам. Зато с ней сопоставимы дробницы с эмалевыми изображениями святых, в том числе и святых князей Бориса и Глеба (кон. XII–XIII вв.) на окладе Мстиславова Евангелия, созданного в начале XII в., как предполагают, для церкви Благовещения на Городище (Стерлигова 1996: № 13). Размеры дробниц: от 2,7–2,9 × 2,8 см до 5,7–6,1 × 3,1–3,2 см. Размеры пластины: ширина – 4 см, высота сохранившейся части – 3,9 см.

- Абрамович 1916 – *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. СПб., 1916.
- Алексеев 1980 – *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и восточной Белоруссии. М., 1980.
- Арциховский 1963 – *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.
- Гурулева 1996 – *Гурулева В. В.* Византийские традиции в монетной чеканке Сербии в первой половине XIII века // Византия и византийские традиции. СПб., 1996. С. 62–75.
- Загорюльский 1973 – *Загорюльский Э. М.* Раскопки в Копыси // АО 1972 г. М., 1973. С. 358–360.
- Искусство Византии... 1977 – Искусство Византии в собраниях СССР. Т. 2. М., 1977.
- Кондаков 1906 – *Кондаков Н. П.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.
- Лазарев 1955 – *Лазарев В. Н.* Живопись и скульптура великокняжеской Москвы // История русского искусства. Т. III. М., 1955. С. 71–187.
- Лихачев 1928 – *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928.
- Макарова 1975 – *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.
- Медынцева 1991 – *Медынцева А. А.* Подписные шедевры древнерусского ремесла: Очерки эпиграфики. XI–XIII вв. М., 1991.
- Мурьянов 1968 – *Мурьянов М. Ф.* Алексей Человек Божий в славянской рецепции византийской культуры // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (РАН). Т. 23. Л., 1968. С. 109–126.
- Мясоедов 1925 – *Мясоедов В. К.* Фрески Спаса – Нередицы. Л., 1925.
- Николаева 1968 – *Николаева Т. В.* Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба // Славяне и Русь. М., 1968. С. 451–458.
- Николаева 1983 – *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. Свод археологических источников Е1–60. М., 1983.
- Николаева, Чернецов 1991 – *Николаева Т. В., Чернецов А. В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.
- НПЛ 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
- Пнвоварова 2002 – *Пнвоварова Н. В.* К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде (1199 г.) // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 460–476.
- Попов 1979 – *Попов Г. В.* Иконопись // Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М., 1979. С. 7–363, 369–476.
- Поппэ 1995 – *Поппэ А.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Medievalis*. Т. VIII. München, 1995. С. 21–68.
- Пуцко 1994 – *Пуцко В. Г.* Падвесны бронзавы абразок з Копысі // Мастацтва. № 2. Минск, 1994. С. 69–73.
- Рындина 1975 – *Рындина А. В.* Шиферная икона Бориса и Глеба из Солотчи (о роли византийской и южнорусской домонгольской традиции в формировании среднерусской пластики XIII–XIV вв.) // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 106–118.
- Смирнова 1958 – *Смирнова Э. С.* Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (РАН). Т. 15. Л., 1958. С. 312–320.
- Смирнова 1976 – *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. М., 1976.
- Степанова 1996 – *Степанова Е. В.* Изображения на печатях с латинскими надписями из собрания Эрмитажа // Византия и византийские традиции. СПб., 1996. С. 41–53.
- Степанова 2004 – *Степанова Е. В.* Византийские печати с изображением святых на троне из собрания Эрмитажа // Сфрагистика и история культуры. СПб., 2004. С. 102–114.
- Стерлигова 1996 – *Стерлигова И. А.* Кат. № 13, 24, 31 // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. М., 1996. С. 150–154, 181–184, 193–194.
- Уваров 1908 – *Уваров А. С.* Каталог собрания древностей графа Александра Сергеевича Уварова. Отд. VIII–XI. М., 1908.
- Успенский 2000 – *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.
- Чернецов 1991 – *Чернецов А. В.* Происхождение, назначение, иконография и основные типы амулетов-змеевиков // Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. С. 29–48.
- Черногузов 1963 – *Черногузов Н. Н.* Икона Борис и Глеб в Киевском музее русского искусства // Древнерусское искусство XV – начала XVI вв. М., 1963. С. 285–290.
- Шандровская 2001 – *Шандровская В. С.* Печати с изображениями анаргиров // Пилигримы. СПб., 2001. С. 69–78.
- Янин 1970 – *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970.
- Янин 1974 – *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 88–93.
- Янин, Гайдуков 1998 – *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998.
- Янин, Зализняк 2000 – *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // Вопросы языкознания. № 2. М., 2000.
- Age of Spirituality... 1979 – *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art. Third to Seventh Century.* Ed. by K. Weitzmann. New York, 1979.
- Byzanz... 2001 – *Byzanz. Das Licht aus dem Osten Kult und Alltag im Byzantinischen Reich von 4 bis 15 Jahrhundert.* Mainz, 2001.
- Zacos, Veglery 1972 – *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972.

ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ И ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИАБМНЯ

Лабор. шифр	Год	№ по описи	Цвет стекла	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	TiO ₂	MnO	PbO	CuO	SnO ₂	Sb ₂ O ₃	Ag ₂ O	CoO	NiO	Химический тип стекла	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
230-31	1980	134	белый	2,6	11	2,5	19	5	0,55	0,15	1,3	1,1	0,025	2,2	—	0,014	—	—	Si-Na(k)-Ca(Mg)	золото
451-54	1986	75	б/дв.	0,9	8	3,4	10	2	0,5	0,06	1,6	0,05	0,001	—	—	—	—	—	—	с фигурой
601-13	1984	11	синий	1,2	12	2,5	9	2,6	1,5	0,04	1,2	0,01	0,003	0,006	—	0,001	0,09	—	—	—
601-14	—	41	—	1,6	12	2,9	10	3,6	2,2	0,05	1,4	0,02	0,003	0,008	—	0,002	0,12	—	—	—
601-15	—	70	б/дв.	0,13	0,4	18	0,6	0,06	0,7	0,02	0,015	45	0,006	1	—	—	—	—	Si-Pb-K	оконное
601-16	1986	115	—	1,3	15	2,8	10	4,5	1,1	0,06	6	0,011	0,002	0,006	—	—	—	—	Si-Na(k)-Ca(Mg)	—
601-17	1985	44	синий	0,9	20	3	10	3	1,5	0,07	2	0,04	0,01	0,025	—	0,004	0,4	—	—	точка
601-19	—	126	белый	1,7	13	2,9	11	4,5	1,5	0,09	1,7	5,5	0,01	4	—	—	—	0,005	—	золото
601-20	—	54	б/дв.	1,5	17	2,5	10	5,5	1,7	0,06	8	0,07	0,002	0,006	—	—	—	0,006	Si-Na(K)-Ca, Mg	—
601-21	—	84	—	0,32	0,2	18	1	0,1	0,25	0,07	0,015	16	0,001	—	—	0,003	—	—	Si-Pb-K	—
601-22	—	85	белый	1,3	12	2,4	8,5	3,1	0,8	0,05	0,7	1,4	0,004	2,5	—	0,01	—	—	Si-Na(k)-Ca(Mg)	золото
601-23	—	131	—	1,3	17	4	11	3	1	0,09	0,8	2	0,006	2,6	—	0,004	—	—	—	—
601-24	—	94	—	1,9	17	3,3	10	4,5	1,5	0,04	1,8	1,5	0,007	5,5	—	0,003	—	0,007	—	—
601-25	—	110	—	2	14	2,8	12	3	1,4	0,08	1,6	4,5	0,006	5	—	0,004	—	0,006	—	—
601-26	—	111	—	1,3	14	2,8	8,5	2	1,1	0,11	1	6	0,008	5	—	—	—	0,005	—	—
601-27	—	117	б/дв.	0,17	0,3	18	0,05	0,07	0,35	0,06	—	18	0,001	—	—	—	—	—	Si-Pb-K	—
601-28	—	123	—	0,5	0,2	18	1,1	0,11	0,5	0,07	0,017	22	0,002	—	—	—	—	—	—	—
601-29	—	128	—	0,28	0,16	12	1,1	0,1	0,25	0,03	0,015	20	0,02	0,4	—	0,004	—	—	—	—
601-30	—	129	белый	1,1	15	2,6	8	1,8	0,8	0,05	0,9	4,5	0,01	4,6	—	0,004	—	—	Si-Na(k)-Ca(Mg)	—
601-31	—	131	—	1,3	12	2,2	7,5	4,5	0,9	0,06	0,85	1,8	0,005	2,5	—	0,003	—	—	Si-Na(K)-Ca, Mg	—
601-32	—	134	б/дв.	0,9	20	2,2	7,5	3,5	0,8	0,04	3	0,011	0,003	—	—	—	—	—	Si-Na(k)-Ca(Mg)	—
601-33	—	—	белый	—	20	2,5	10	2	0,4	0,04	0,6	1,7	0,01	6,5	—	0,005	—	—	—	точка
601-34	—	93	—	1,6	13	2,5	6,5	2,6	1,3	0,05	1,3	9	0,005	5,5	—	0,003	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
601-36	--	86	--	2,2	20	2,8	12	3,5	1,6	0,05	2	12	0,008	6	--	0,005	--	--	--	--
601-37	--	155	б/лв.	0,24	0,4	14	0,6	0,07	0,18	0,03	--	10	0,001	--	--	--	--	--	Si-Pb-K	--
601-39	--	161	--	0,16	0,25	14	0,55	0,07	0,14	0,02	0,017	19	0,002	0,5	--	--	--	--	--	оконное
601-40	--	165	--	0,5	11	2,6	7	2	1,6	0,03	2,2	0,015	0,002	--	--	--	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
601-41	--	166	--	0,5	0,18	19	2	0,16	0,25	0,03	--	18	0,002	--	--	--	--	--	Si-Pb-K	--
601-48	1986	27	--	0,19	0,6	14	0,7	0,09	1,2	0,02	0,018	25	0,1	0,14	--	0,002	0,011	--	--	--
601-49	--	35	синий	1,8	15	3	9	0,6	3	0,06	0,8	0,16	0,4	0,02	0,4	--	0,15	--	Si-Na(K)-Ca	--
601-50	--	40	б/лв.	1,4	15	2,3	8	4	1,4	0,05	7,5	0,08	0,001	0,011	--	0,003	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
601-51	1986	123	б/лв.	1,1	13	2	8,5	3	1,5	0,04	2,8	0,009	0,001	--	--	--	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
601-52	--	60	зеленый	0,3	0,14	14	2	0,14	3,5	0,05	--	22	1,1	0,007	0,05	0,002	--	--	Si-Pb-K	рисунок
601-54	--	98	б/лв.	0,35	0,13	14	0,5	0,07	0,8	0,07	--	20	3,2	0,007	--	0,005	--	--	--	--
602-11	--	110	--	0,85	11	3	9	1,8	0,3	0,05	1,6	0,006	0,003	--	--	--	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
602-13	--	116	--	0,85	17	2,2	10	2,6	0,5	0,06	2,4	0,014	0,005	0,005	--	--	--	--	--	--
602-14	--	119	--	0,4	0,02	17	0,9	0,1	0,1	0,03	0,02	13	0,002	--	--	--	--	--	Si-Pb-K	--
602-15	--	120	--	1,4	17	2,4	16	4	0,5	0,06	4	0,013	0,002	0,005	--	--	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
602-17	--	127	--	0,22	0,09	15	1,3	0,09	0,1	0,04	--	15	0,002	--	--	--	--	--	Si-Pb-K	--
602-20	--	132	бирюзов.	0,45	0,23	13	2	0,18	0,28	0,04	0,9	15	1,4	0,06	0,04	0,003	0,25	--	Si-Na(K)-Ca,Mg	внутренний слой
602-21	--	133	синий	2,5	11	2	8	5	2,5	0,15	0,04	0,3	0,015	0,1	--	0,007	0,007	0,007	--	--
602-22	--	--	белый	2,2	6,5	2	9	3,4	1,2	0,15	0,04	14	0,35	8	--	0,1	--	0,007	--	внешний слой
602-23	--	134	б/лв.	1,3	17	2,3	12	4,5	0,55	0,06	4	0,035	0,001	--	--	--	--	0,006	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
602-24	--	139	--	0,55	8	1,8	8	2,3	0,35	0,03	1,8	0,075	0,001	0,5	--	--	--	--	--	--
602-25	--	145	желтов.	0,35	0,11	10	1,4	0,11	0,15	0,2	0,02	10	0,001	0,005	--	--	--	--	Si-Pb-K	--
602-27	--	164	б/лв.	0,26	0,13	15	1,6	0,1	0,22	0,16	0,017	17	0,001	--	0,04	--	--	--	--	--
602-28	--	172	желтов.	0,4	0,13	18	0,9	0,13	0,1	0,06	0,017	20	0,001	--	--	--	--	--	--	--
602-29	--	176	б/лв.	0,2	0,07	9	0,8	0,09	0,1	0,04	--	12	0,001	--	--	--	--	--	--	--
602-30	--	185	--	0,55	0,13	16	2,4	0,12	0,2	0,07	0,017	16	0,002	--	--	--	--	--	--	--
602-33	--	188	б/лв.	0,3	0,12	20	1,8	0,14	0,18	0,03	0,017	18	0,001	--	--	--	--	--	--	--
602-34	--	189	--	0,14	0,05	7	--	--	0,07	0,02	--	10	0,001	--	--	--	--	--	--	--
602-35	--	191	--	0,22	0,11	14	0,8	0,1	0,14	0,06	0,015	18	0,002	--	--	--	--	--	--	--
602-36	--	192	--	0,45	0,15	16	0,55	0,08	0,15	0,03	--	14	0,001	--	--	--	--	--	--	--
602-37	--	193	--	0,22	0,09	17	0,9	0,1	0,13	0,03	--	14	0,002	--	--	--	--	--	--	--

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
602-38	--	197	--	0,45	0,04	5	0,6	0,06	0,1	0,05	--	16	0,004	--	--	--	--	--	--	--
602-39	1987	21	белый	0,45	10	1,8	5	1,6	0,3	0,02	0,75	0,14	0,002	0,6	--	--	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	эмаль (рисунок)
602-40	--	57	б/цв.	0,2	0,11	12	0,5	0,06	0,2	0,09	--	13	0,002	--	--	--	--	--	Si-Pb-K	--
602-41	--	62	--	1,3	1	9	17	6	0,35	0,07	2,8	--	0,002	--	--	--	--	--	Si-K-Ca(Mg)	--
602-42	--	--	синий	1,4	0,3	8	17	5	2	0,1	2,4	0,015	0,25	0,008	--	--	0,14	0,008	--	нить
602-43	--	72	виново-кр.	1,9	10	--	10	3,4	0,6	0,08	2,2	0,08	0,01	0,2	--	--	0,003	--	Si-Na-Ca(Mg)	--
602-44	--	74	б/цв.	0,8	12	--	6,5	1,3	0,4	0,03	1	--	0,001	--	--	--	0,007	--	--	--
602-46	--	89	--	0,6	9	--	7	0,35	0,45	0,04	1,5	1	0,01	1	--	0,003	--	--	Si-Na-Ca	--
602-47	--	95	--	1,1	17	2,2	9	2,1	0,6	0,04	3	0,008	0,001	--	--	0,002	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	с арабской надписью
602-48	--	98	желт.	0,75	0,1	--	1,1	4	0,17	0,02	0,02	60	0,1	0,008	--	--	--	--	Si-Pb	--
602-49	--	105	б/цв.	1,8	19	2,4	14	0,65	0,7	0,05	2,4	--	0,001	--	--	--	--	--	Si-Na(K)-Ca	--
602-50	1986	131	б/цв.	0,9	10	2,1	9	6,5	0,5	0,05	2,1	0,006	0,001	--	--	--	--	--	Si-Na(K)-Ca, Mg	--
602-51	1987	124	--	1,1	22	--	9	3,5	0,6	0,05	3,2	0,018	0,001	--	--	--	--	--	Si-Na-Ca(Mg)	--
602-52	--	125	--	1,4	10	--	19	4,5	0,55	0,07	4	0,05	0,001	0,008	--	--	--	--	--	--
603-53	--	126	--	0,55	0,12	17	2,2	0,17	0,25	0,08	0,017	24	0,001	0,007	0,04	--	--	--	Si-Pb-K	--
602-54	--	129	--	0,9	13	2,1	10	4	0,28	0,03	3	0,018	0,001	--	--	--	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
603-12	--	130	--	0,3	0,06	16	1,6	0,13	0,3	0,04	--	22	0,001	0,045	--	--	--	--	Si-Pb-K	--
603-13	--	133	--	0,7	0,25	13	1,5	0,2	0,55	0,05	0,025	10	0,001	--	--	--	--	--	--	--
603-14	--	134	--	0,14	0,25	16	0,6	0,09	0,4	0,01	--	18	0,002	0,3	--	0,001	--	--	--	оконное
603-15	--	135	--	1,3	13	2	9	2,2	0,8	0,05	3	0,015	0,001	0,005	--	--	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
603-16	--	138	--	1,6	11	2,5	12	2,6	0,8	0,07	2,1	0,005	0,001	--	--	0,003	0,006	--	--	--
603-17	--	142	белый	2	9	2,5	5	1	1,4	0,17	0,04	15	0,2	7,5	--	0,01	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	внешний слой
603-18	--	151	б/цв.	0,2	0,15	18	0,9	0,09	0,17	0,03	--	14	0,001	--	--	0,001	--	--	Si-Pb-K	--
603-19	--	--	фиолет.	0,75	0,18	12	2,5	0,25	0,4	0,05	1,4	15	0,01	0,005	--	--	--	--	--	поддон
603-21	--	160	белый	1,4	12	2,6	9	1,6	0,5	0,05	0,9	8	0,006	4	--	--	--	--	Si-Na(k)-Ca(Mg)	--
603-22	--	161	б/цв.	0,8	11	2,2	8	0,9	0,55	0,05	1,5	0,01	0,004	0,03	--	--	0,003	--	--	--
603-23	--	162	--	0,4	0,3	17	1,2	0,14	0,4	0,05	0,022	16	0,001	--	--	--	--	--	Si-Pb-K	--
603-24	--	56	--	0,6	13	2	7	0,7	0,3	0,03	1,3	0,005	0,001	--	--	--	--	--	Si-Na(K)-Ca	--

КОММЕНТАРИЙ А. Н. ЕГОРЬКОВА К РЕЗУЛЬТАТАМ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАГМЕНТОВ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ И КЕРАМИЧЕСКОЙ ГЛАЗУРИ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА

Подавляющее большинство стекол без разделения на подтипы можно отнести к двум типам: поташно-свинцово-кремнеземному и зольному-кремнеземному.

Поташно-свинцовое стекло считается типичным для древнерусского стеклоделия (Безбородов 1969: 52 сл.); для определения его состава к настоящему времени выполнено большое число анализов (Галибин 2001: 81–83 сл.). Из двух видов производимого изготовления на Руси свинцового стекла свинцово-кремнеземного и поташно-свинцово-кремнеземного именно второе годилось для выработки посуды, в то время как первое в основном использовалось для производства более массивных вещей, главным образом браслетов и перстней. Способы окрашивания русского свинцового стекла традиционны: в качестве красителей использовалось железо, медь, марганец или же их сочетание. При этом только поташное стекло можно было получить синего цвета при совместном окрашивании соединениями меди и марганца. Железо и медь в зависимости от валентности их соединений в стекле окрашивали его в зеленый и коричневый цвет, марганец – в фиолетовый. Примером зеленого окрашивания медью служит образец стекла 601–52, фиолетового марганцем – 230–33, цвет, близкий к синему, при их совместном действии получен в образцах 230–29 и 602–20. Из общего ряда свинцовых стекол выделяется единственный образец 602–48, это редкий случай использования непоташ-

ного свинцово-кремнеземного стекла для изготовления посуды.

Принадлежность второй основной группы к стеклу, сваренному на золе солончаковых растений, т. н. галофитов, легко устанавливается по соотношению содержания натрия к калию и кальция к магнию. Сосуды из такого стекла вырабатывались в мастерских восточного средиземноморья, что подтверждает, в частности, арабская надпись на образце 602–47, и имели широкое хождение на Руси (Гуревич и др., 1968). Стекло чаще всего бесцветное, все образцы синего стекла окрашены кобальтом, а все образцы белого глушеного стекла получены при совместном введении оксидов свинца и олова.

В группе несвинцовых стекол встречены два образца 602–41 и 602–42 от одного сосуда, в которых калий значительно преобладает над натрием, первое бесцветное, второе синее, окрашено кобальтом. Сосуд из этого стекла представляет собой импорт из Западной Европы, стекло сварено на золе континентальных растений. Интересно, что образцы такого же стекла встречены и при изучении состава тверского посудного стекла монгольского времени, которое в подавляющем большинстве также слагалось из двух представленных здесь основных видов (Егорьков 2001).

Представленные поливы, как и стекла второй группы, сварены на золе солончаковых растений, о чем также можно судить по соотношению щелочных и щелочно-земельных элементов.

Безбородов 1969 – *Безбородов М. А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.

Галибин 2001 – *Галибин В. А.* Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.

Гуревич, Жанполадян, Малевская 1968 – *Гуревич Ф. Д., Жанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

Егорьков 2001 – *Егорьков А. Н.* Химический состав тверского посудного стекла монгольского времени // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб., 2001. С. 138–148.

Е. Н. Носов, В. М. Горюнова, А. В. Плохов
ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ
И ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИИЛЬМЕНЬЯ

Новые материалы и исследования

Труды. Том XVIII

Редактор *Н. А. Габузов*
Корректор *М. Г. Крашенникова*
Компьютерная верстка *Р. Р. Аминовой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 – книги,
95 3150 – литература по истории и историческим наукам.

Подписано к печати 28.09.05. Формат 84 × 108 ¹/₁₆.
Гарнитуры Times New Roman, Mysl Nagow. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 35.
Тираж 800 экз. Заказ 1849.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Береста»
196096, С.-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

Заказы присылать по адресу
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

Носов Евгений Николаевич, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института истории материальной культуры РАН, заведующий кафедрой археологии С.-Петербургского университета, специалист в области славяно-русской археологии и древней истории Руси, автор более 300 опубликованных научных работ. С 1975 г. является руководителем экспедиции ИИМК РАН, ведущей систематические исследования Рюрикова городища и поселений Ильменского Поозерья.

Горюнова Валентина Михайловна, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук, является специалистом в области славяно-русской археологии. Значительную часть ее научных трудов составили работы, посвященные вопросам ремесленного производства раннегородских центров Северной Руси. Приоритетными в ее исследованиях всегда были вопросы, связанные с изучением процесса становления гончарного производства на территории Новгородской земли.

Плохов Алексей Вячеславович, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, специалист в области археологии Северо-Запада России от эпохи раннего металла до средневековья, славянского расселения и русско-скандинавских связей. Особое место в его исследованиях занимает тема керамического производства.

ISBN 5-86007-485-9

9 785860 074859